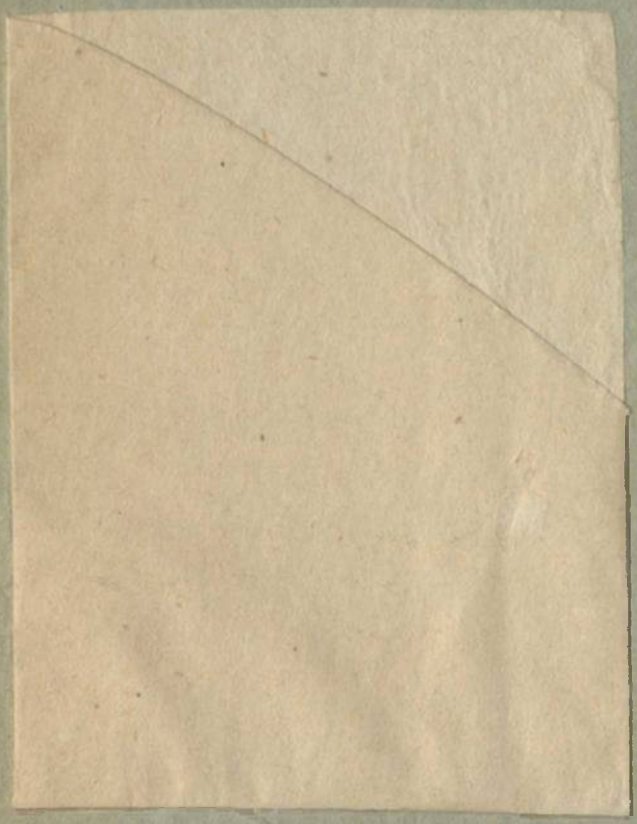
U 161/292



161
292

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ

СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Пособіе при изученіи теоріи прозы и поэзіи.

СОСТАВИЛЪ

Аркадій Сосницкій,

Преподаватель Николаевскаго Института и Коммерческаго Училища.

ПОГАШЕНО

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва, Покровка, д. Егорова.
1885.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ

А. А. КАРЦЕВА

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія.

Москва. Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной.

Богдановъ. Медицинская зоологія. 1883. Ц. 6 руб.

Бензенгръ. Объ оздоровленіи городовъ. 1884 г. Ц. 60 коп.

Блазіусъ.—Холера. М. 1885. Ц. 15 к.

Боголѣповъ. Сборникъ устныхъ ариѳметическихъ задачъ на числа первой сотни. 1884. Ц. 25 коп.

Бѣляевъ. Кириллъ и Меѳодій. 4 изданіе. Ц. 10 коп.

— Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго. М. 1885. Ц. 10 к.

Вилль. Таблицы качественнаго химическаго анализа. 1882. Ц. 40 коп.

Волконскій. Повторительный курсъ неорганической химіи. 1881. Ц. 75 коп.

Волконскій. Краткій учебникъ неорганической химіи, съ 110 рис. въ текстѣ. 1881. Ц. 2 руб.

Гердъ, И. Я. Сборникъ работъ и ремеслъ, полезныхъ для дѣтей различныхъ возрастовъ. Съ 210 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. 1884. Ц. 2 руб.

Гердъ, И. Я. Работы и ремесла для дѣтей различныхъ возрастовъ:

Книжка 1-я. 1. Декалькомани. 2. Приготовленіе искусственныхъ цвѣтовъ. 3. Украшенія изъ цвѣтовъ. 4. Работы изъ перьевъ. 5. Выпиловка. 6. Работы изъ деревянныхъ палочекъ, камыша и вѣтвей. 7. Гипсовая формовка. 8. Гальванопластика. Съ 65 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. 1884. Ц. 50 к.

Книжка 2-я. Переплетное и футлярное ремесла. Ц. 50 коп.

Книжка 3-я. Столярное и токарное ремесла. Съ 86 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. 1884. Ц. 50 к.

Книжка 4-я. Простѣйшіе опыты, физическіе приборы и модели. Съ 66 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. 1884. Ц. 40 к.

Книжка 5-я. Фотографія. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. 1884. Ц. 30 коп.

Гердъ, И. Я. Атлетическія игры для войскъ, военныхъ и юнкерскихъ училищъ и старшихъ классовъ корпусовъ. Съ 4-мя таблицами рис. 1884. Ц. 40 коп.

Гердъ. И. Я. Собраніе ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ съ краткими методическими замѣчаніями. Составлено для повторительнаго курса въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. Ц. 25 к.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

И 161/292

ДЛЯ

СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

Пособіе при изученіи теоріи прозы и поэзіи.

СОСТАВИЛЪ

Аркадій Сосницкій,

Преподаватель Николаевскаго Института и Коммерческаго Училища.

ДОПУЩЕНО

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Москва, Покровка, д. Егорова.

1885.

(32)

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

ТОГО-ЖЕ СОСТАВИТЕЛЯ:

Русская Хрестоматія для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. *А. Сосницкаго.* Цѣна 1 р. 75 к.

Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. *А. Сосницкаго.* Цѣна 75 коп. (Допущена Ученымъ Ком. М. Н. Просвѣщенія, какъ „учебное пособіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ").

Русская Хрестоматія для третьяго и четвертаго классовъ. *А. Сосницкаго.* (Одобрена Учен. К. М. Н. П., какъ учебное пособіе). Цѣна 1 р.

Горе отъ Ума—комед. Грибоѣдова (съ портретомъ автора). Біографію, примѣчанія и вопросы при изученіи комедіи составилъ *А. Сосницкій.* Цѣна 10 коп.

Критическія замѣтки и рецензіи на болѣе употребительные учебники и сборники. I и II т. Учебно-воспитательной библіотеки.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
Стр.	
10 минутъ	минутъ,
10 другого	другаго
11 антимисъ	антиминсъ
14 избушки,	избушки
14 крашенной	крашеной
15 немногимъ	немногихъ
19 дѣтей,	дѣтей
21 безвѣтренная	безвѣтреная
29 домами	домами,
41 мелкающія	мелькающія
46 не узнать	не узнать,
67 даромъ	даромъ
72 Catkagina	Catharina
81 калачами	колачами
85 воскахъ	доскахъ
90 разрослось	разрослось,
96 святого	святаго
109 Медъ	Межъ
111 одинадцать	одиннадцать
112 лягушки	лягушки,
112 какъ-то	какой-то
116 знать какъ	знать, какъ
117 Евгеній	Евгеній,
119 Домаскина	Дамаскина
128 И такъ	И такъ,
144 князя	князя
148 Карамзинъ	подъ статьей фамиліи автора ошибочно набрана.
168 еге	его
168 непрятеля	непріятеля
173 нимъ	нимъ
175 опущенными	опущенными
176 въ землю	въ землю,
181 непривычки	непривычки
183 внучяться	выучиться
187 Рассійскаго	Россійскаго
194 Григорьеевичъ	Григорьевичъ
209 чистейшихъ	чистѣйшихъ
213 Лѣбовь	Любовь
215 пристрастенъ чтобы	пристрастенъ, чтобы
216 ѣсть	ѣстъ
217 въ насложеніяхъ	въ наслажденіяхъ
256 Іоаопна III	Іоанна
33 слезные капли	слезны капли

Предлагаемая Хрестоматія представляетъ обильный матеріалъ при изученіи Теоріи словесности, при чемъ почти каждая статья его приспособлена къ тѣмъ разнообразнымъ занятіямъ, которыя неразрывно связаны съ преподаваніемъ этого предмета.

Расположеніе матеріала находилось, *до извѣстной степени*, въ зависимости отъ общихъ *методико-дидактическихъ положеній*, требующихъ, между прочимъ, доступности содержанія статей какъ по мысли, такъ и по выраженію, а также и постепенности въ переходѣ отъ простаго къ сложному, отъ реальнаго къ абстрактному, отъ легкаго къ болѣе трудному. Это послѣднее нагляднѣй всего можно видѣть изъ сопоставленія первыхъ и послѣднихъ статей каждаго отдѣла первой части. Отъ *описанія* простыхъ предметовъ, рѣзкіе признаки которыхъ какъ-бы сами-собой бросаются въ глаза наблюдателя, учащійся мало-по-малу переходитъ къ характеристикамъ, требующимъ и большаго развитія, и большаго наблюденія, и большей способности къ обобщеніямъ.

Точно также и въ *повѣствованіи*: отъ элементарныхъ повѣствованій учащійся постепенно доходитъ до сложныхъ характеристикъ.

То же можно сказать и о *разсужденіяхъ*: въ первыхъ статьяхъ находятся элементы разсужденій—опредѣленіе, раздѣленіе, доказательства, и затѣмъ слѣдуютъ разсужденія, въ которыхъ встрѣчаются самыя разнообразные пріемы и изгибы логическаго мышленія.

Какъ въ первой, такъ и во второй части (поэзіи) мною помѣщены нѣкоторыя довольно легкія статьи и уже извѣстныя ученикамъ изъ предъидущихъ классовъ стихотворенія, но это вносилось по слѣдующимъ соображеніямъ: изъ нихъ весьма удобно извлечь извѣстные выводы для Теоріи словесности; такъ, *Три пальмы* Лермонтова могутъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для выясненія отношенія и связи между описаніемъ и повѣствованіемъ; *Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ*, сопоставленная съ лѣтописнымъ разсказомъ, даетъ благодарный матеріалъ къ выводу понятія о поэзіи вообще и поэтическомъ повѣствованіи въ частности; *Утопленникъ*, какъ типическое произведеніе извѣстнаго вида эпической поэзіи и т. д.

Нельзя обойти молчаніемъ отсутствіе въ моей хрестоматіи не рѣдко примѣчаній, которыми не рѣдко такъ обильно снабжаются нѣкоторыя изъ пособій этого же рода. Я не нашелъ нужнымъ обре-

менять книгу всевозможными примѣчаніями, подробнымъ пересказомъ содержанія произведеній (въ отдѣлѣ поэзіи), ибо убѣжденъ въ сомнительной пользѣ ихъ, какъ для ученика, такъ и для учителя. Въ живомъ преподаваніи все сказанное или прочитанное учителемъ глубже западаетъ въ душу ученика и, само-собою, лучше усвоивается и запоминается. Учитель же, въ свою очередь, часто не можетъ воспользоваться этими примѣчаніями по весьма простой причинѣ: сказанное въ нихъ составителемъ весьма часто идетъ въ разрѣзъ со статьей и самостоятельною работою надъ ней преподавателя, а слѣдовательно, является для него безполезнымъ баластомъ.

Вотъ почему я ограничился въ своей Хрестоматіи *только* подборомъ цѣлесообразнаго матеріала, который, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ и нуженъ въ пособіяхъ подобнаго рода.

Еще одно замѣчаніе. Для изученія слога въ предлагаемой книгѣ нѣтъ особаго отдѣла, но зато во всѣхъ ея отдѣлахъ преподаватель найдетъ обильный матеріалъ для занятій стилистикой. (Поэтическія произв. Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, графа А. Толстаго и др. Слогъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Тургенева и др.).

Составитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Описанія.

		Стр.
1	Классная комната—*Гр. Л. Толстаго*	1
2	Изба—*Потѣхина*	2
3	Келлія—*Гр. Л. Толстаго*	2
4	Комната Обломова—*Гончарова*	3
5	Домикъ Петра въ Сарданѣ—*Устрялова*	3
6	Сарданскій домикъ—*Н. Полеваго*	4
7	Домикъ царя Петра—*М. Верна*	4
8	Устройство домовъ въ Нью-Іоркѣ—*Циммермана*	5
9	Картинная лавочка—*Гоголя*	5
10	Древняя обитель—*Граф. А. Толстаго*	7
11	Монастырь—*Лермонтова*	8
12	Обитель первыхъ отшельниковъ—*Гр. А. Толстаго*	8
13	Монастырь на Кавказѣ—*Лермонтова*	9
14	Сельская церковь—*кн. Вяземскаго*	10
15	Часовня Св. гроба—*Муравьева*	10
16	Дорога къ усадьбѣ—*Тургенева*	12
17	Деревня—*Тургенева*	12
18	Усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ—*Гоголя*	13
19	Усадьба въ великорусской Украйнѣ—*Тургенева*	14
20	Деревня Маниловка—*Гоголя*	15
21	Деревня Васильевка—*Данилевскаго*	15
22	Званка (прежде и теперь).—*Я. Грота*	16
23	Барскій домъ въ деревнѣ—*Григоровича*	17
24	Жилище царя Алкиноя (изъ Одиссеи)—*Жуковскаго*	18
25	Развалины замка Гудала—*Лермонтова*	19
26	Новомлинская станица (I-II-III).—*Графа Л. Толстаго*	20
27	Щитъ Ахиллеса—(изъ Иліады)—*Гнѣдича*	22
28	Соловецкій монастырь—*С. Максимова*	24
29	Соборъ въ Севильѣ—*Григоровича*	26
30	Мечеть Амру въ Каирѣ—*Андреевскаго*	28
31	Мечеть султана Гассана въ Каирѣ—*Андреевскаго*	32
32	Театръ у древнихъ Грековъ	33
33	Пятигорскъ—*Лермонтова*	35
34	Крымскіе очерки—*стих. Л. Толстаго*	35
35	Картина Кавказа *Лермонтова*	35
36	Крымскіе виды—*Евген. Маркова*	37
37	Видъ съ пирамиды Хеопса—*Андреевскаго*	39
38	Кавказъ—*Пушкина*	40
39	Кавказъ—*Лермонтова*	41
40	Степь—*Гоголя*	41
41	Новороссійскія степи—*Пассека*	42
42	Въ лѣсу—*Тургенева*	43
43	Березовая роща осенью—*Тургенева*	43
44	Полдень въ рощѣ—*Тургенева*	44
45	Садъ—*Гоголя*	45
46	Поле и лѣсъ—*Гр. Сальіаса*	46
47	Лѣсъ—*Аксакова*	46
48	Первобытный лѣсъ Индіи—*Жуковскаго*	49
49	Рейнскій водопадъ—*Карамзина*	49
50	Рейнскій водопадъ—*Жуковскаго*	50
51	Нарвскій и Иматрскій водопады. *Муравьева*	50
52	Водопадъ Кивачъ—*Дмитріева*	51
53	Ніагарскій водопадъ—*Циммермана*	52
54	Днѣпръ—*Гоголя*	54
55	Вода—*Аксакова*	54
56	Лѣтній день въ Малороссіи—*Гоголя*	57
57	Утро—*Никитина*	57
58	Утро—*Лермонтова*	58
59	Украинская ночь—*Гоголя*	58
60	Наступленіе весны—*гр. Толстаго*	58
61	Вскрытіе рѣки—*Григоровича*	59
62	Гроза, стихотв.—*Тургенева*	60
63	Гроза—*Тургенева*	61
64	Лѣтній дождь—*Тургенева*	61
65	Буря на морѣ—*Боткина*	61
66	Смерчъ—*Гончарова*	63
67	Пожаръ Зимняго дворца—*Жуковскаго*	64
68	Петербургъ—(изъ Сѣвер. Сіянія)	66
69	Городъ Тарантъ—*Жуковскаго*	67
70	Лондонъ—*Карамзина*	68
71	Адмиралтейская площадь (Сѣв. С)	69
72	Памятникъ Крылова. (Сѣв. С)	75
73	Картина Иванова—*Гоголя*	75
74	Въ Дрезденской галлереѣ—*Жуковскаго*	76
75	Рафаэлева мадонна—*Жуковскаго*	77
76	Кремль—*Муравьева*	79
77	Кремль при лунномъ свѣтѣ—*Загоскина*	80
78	Русь—*Гоголя*	81
79	Ярмарка—*Никитина*	82
80	Луговой берегъ Оки въ покосъ—*Григоровича*	83

		Стр.
81	Троицкая Лавра — *Карамзина.*	83
82	Изъ путешествія въ Арзерумъ — *Пушкина*	87
83	На мысѣ Доброй Надежды — *Гончарова.*	90
84	На берегу Краснаго моря — *Елисѣева*	91
85	Южныя горы — *Бонкина*	97
86	Калужская и Орловская губерніи. *Тургенева*	98
87	Галилея — *Мея*	99
88	Египетъ — *Андреевскаго*	99
89	Небесныя свѣтила — *Митчелл.*	100
90	Американскій воронъ — *Одюбона*	102
91	Утка — *Аксакова*	104
92	Верблюдъ — корабль пустыни. Хрест. Баснетова	104
93	Заяцъ — *Аксакова.*	105
94	Бобръ — *Я. Грота*	106
95	Боабабъ — *Ковалевскаго*	107
96	Мальчики въ ночномъ — *Тургенева.*	107
97	Черкесы. Отечествовѣдѣніе	108
98	Горцы — *Пушкина*	109
99	Характеръ французовъ — *Карамзина*	110
100	Военныя сцены — *гр. Л. Толстаго*	111
101	Обломовъ — *Гончарова.*	112
102	Плюшкинъ — *Гоголя.*	113
103	Тарасъ Бульба — *Гоголя.*	115
104	Татьяна — *Пушкина.*	116
105	Кочубей и Марія *Пушкина*	117
106	Онѣгинъ и Ленскій — *Пушкина*	117
107	Рѣчь Іоанна Дамаскина — *Гр. А. Толстаго*	119
108	Баронъ Дельвигъ *Пушкина*	120

Повѣствованія.

1	Воспоминанія дѣтства — *С. Аксакова*	121
2	Впечатлѣнія дѣтства — *гр. Л. Толстаго*	123
3	Разставанье — *гр. Л. Толстаго*	125
4	Изъ дѣтскихъ воспоминаній (странникъ) — *гр. Л. Толстаго*	127
5	Поступленіе въ гимназію — *С. Аксакова*	128
6	Каникулы *С. Аксакова.*	130
7	Осенняя переправа черезъ Волгу — *С. Аксакова*	130
8	Бедунъ — *Бекитикаго*	132
9	Послѣдняя ночь въ родномъ домѣ и отъѣздъ — *Гоголя* (386—78)	134
10	Въ богатой усадьбѣ — *С. Аксакова*	136
11	Три пальмы — *Лермонтова*	138
12	Смерть Олега (по лѣтописи)	139
13	Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ — *Пушкина*	139
14	Первые Христіанскіе мученики на Руси (изъ лѣтописи Нестора)	141
15	Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ *Карамзина*	141
16	Житіе преподобнаго Феодосія Печерскаго — Изъ рус. лит. гр. *А. Попова*	142
18	Куликовская битва *Карамзина*	148
19	Покореніе Казани — *Карамзина*	150
20	Избраніе Годунова на царство — *Карамзина*	154
21	Москва во время междуцарствія — *Карамзина*	157
22	Петръ I въ Голландіи — *Устрялова.*	160
23	Воспитаніе и первые годы дѣятельности Петра — *Соловьева.*	163
24	Полтавскій бой — *П. Полеваго.*	167
25	Полтавскій бой — *Пушкина*	170
26	Кочубей наканунѣ казни — *Пушкина*	171
27	Мазепа наканунѣ казни Кочубея — *Пушкина.*	173
28	Военный совѣтъ у Филей — *гр. Л. Толстаго*	173
29	Молебствіе на Бородинскомъ полѣ — *гр. Л. Толстаго*	175
30	Пребываніе въ Москвѣ цесаревича. Письмо къ Государынѣ А. Ѳ. — *Жуковскаго*	176
31	Воспитаніе Штольца — *Гончарова.*	178
32	Воспитаніе Обломова — *Гончарова.*	179
33	Воспитаніе Онѣгина — *Пушкина*	182
34	Біографія Крылова — *Плетнева*	182
35	Изъ чистосердечнаго признанія въ дѣлахъ моихъ и помышленій (автобіографія) — *Фонъ-Визина*	190
36	Князь въ древней Руси — *Бестужева-Рюмина.*	194
37	Іоаннъ III — *Карамзина*	198
38	Діонисій, архимандритъ — *Костомарова*	199
39	Суворовъ — *Милютина.*	201
41	Людовикъ IX — *Грановскаго.*	205
42	Вильгельмъ Оранскій — *Маколея*	209

Разсужденія.

1	О любви къ отечеству — *Карамзина*	213
2	Значеніе науки — *Жуковскаго.*	214
3	Поэзія — *Гуде*	214
4	Твердость и упрямство — *Жуковскаго*	215
5	Юность и старость — *Карамзина.*	215
6	Скупой и расточительный — *Гебеля*	216
7	Два рода читателей — *Жуковскаго.*	216
8	Два рода писателей — *Гоголя.*	216
9	Роскошь и комфортъ — *И. Гончарова.*	217
10	Великіе люди — *А. Градовскаго.*	218
11	Великіе люди — *Грановскаго.*	219
12	Отношеніе искусства къ промышленности — *Шевырева*	220
13	О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ — *Ломоносова*	221
14	Искусства и науки не уничтожаются на землѣ — *Карамзина*	224
15	Значеніе вѣры — *Сергіевскаго.*	225
16	Что нужно автору? — *Карамзина*	226
17	Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ — *Жуковскаго.*	227
18	О счастливѣйшемъ времени жизни — *Карамзина*	230
19	Польза естествознанія — *Ломоносова.*	231
20	Польза науки — *Ломоносова.*	232
21	Польза стекла — *Ломоносова*	233
22	Вліяніе человѣка на природу — *Марша.*	235
23	Историко-географическое значеніе Волги — *Бабста.*	240
24	Практическое значеніе искусства — *М. Каткова.*	242
25	Различіе между изящными искусствами и науками — *М. Павлова*	246

Стр.

26 О нравственной цѣли литературныхъ произведеній — *Е. Баратынскаго*. 249
27 Взглядъ Карамзина на свои «Письма Русскаго путешественника» . . 251
28 Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго—*Карамзина* . . . 251
29 Сужденіе о Петрѣ Великомъ—*Н. Полеваго*. 256
30 Лефортъ—*Соловьева*. 262
31 Мысли о Пушкинѣ, какъ художникѣ—*В. Бѣлинскаго*. 263
32 Разборъ „Недоросля“ *С. Дудышкина*. 266
33 Разборъ „Ревизора“—*С. Дудышкина*. 268
34 „Горе отъ Ума“—*Гончарова*. . . . 270
35 О воспитаніи—*Бѣлинскаго*. 278
36 Трудъ—*Ушинскаго*. 285

Ораторская рѣчь.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

37 Слово при отпѣваніи историка С.М. Соловьева—митрополита *Макарія*. 294
38 Рѣчь при погребеніи Генералъ-адъютанта М.Д. Скобелева—*Амвросія*. 295
39 Слово по случаю празднованія двухсотлѣтія со времени основанія храма при Измайловской военной богодѣльнѣ — *Амвросія*. 297
40 Поученіе передъ Св. Причастіемъ *Родіона Путятина*. 300
41 Слово во Вдовьемъ домѣ—*Филарета*. 300
42 Слово по освященіи храма надъ мощами преподобнаго Михея, въ Троиц. Лаврѣ—*Филарета*. 302
43 Слово въ Великій пятокъ. *Филарета* 306

СВѢТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

44 Историческое похвальное слово Екатеринѣ II—*Карамзина*. 311
45 Карамзинъ—*Я. Грота* 313
46 О баснях Крылова въ художественномъ отношеніи—*А. Никитенко*. . 317
47 А. С. Пушкинъ—*И. Тургенева*. . . 326

ПОЭЗІЯ.

ЭПОСЪ.

НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Сказка.

1 Живая и мертвая вода. 3
2 Морозко. 4
3 Середа 5
4 Убогій. 6
5 Лиса. 7
6 Котъ, козелъ и баранъ 7

Былина.

7 Святогоръ. 9
8 Волга и Микула Селяниновичъ. . 9
9 Илья Муромецъ 11
10 Садко купецъ, богатый гость . . . 13
11 Иліада (Гомера). Появленіе Ахиллеса на полѣ битвы 17
12 — Единоборство Ахиллеса и Гектора—*Н. Гнѣдича*. 20
13 Одиссея (Гомера). Царевна Навзикая—*Жуковскаго*. 25
14 Пиръ у Царя Алкиноя—*Жуковскаго*. 27

Историческая пѣсня.

15 Оговоръ царевича передъ Грознымъ. 30
16 Убіеніе царевича Димитрія. . . 33
17 Французъ съ арміей валитъ 33

Духовные стихи.

18 Съ какихъ поръ проявились калѣки перехожіе. 34
19 Стихъ о двухъ Лазаряхъ 34

ИСКУССТВЕННЫЙ ЭПОСЪ.

Поэма.

20 Энеида (Виргилія). Смерть Дидоны. —*Шевченевича* 36
21 Освобожденный Іерусалимъ (Торквато-Тасса). I Сборъ въ походъ —*Батюшкова*. 39
22 — II. Очарованный лѣсъ—*С. Раича*. 41
23 Россіада Лѣсъ.—*Хераскова*. . . . 46
24 Потерянный рай (Мильтона). Изъ третьей пѣсни—*Н. Гнѣдича*. . . . 47
25 — Изъ четвертой пѣсни—*А. Мея*. 48
26 Чайльдъ Гарольдъ поэма (Байрона) —*Д. Минаева*. 51
27 Полтава—*Пушкина* 60

Романъ. Повѣсть.

28 Евгеній Онѣгинъ.—*Пушкина* . . . 63
29 Изъ повѣсти „Шинель“—*Гоголя*. . 71
30 Капитанская дочка—*Пушкина* . . 73

Идиллія.

31 Рыбаки (Ѳеокрита)—*Мея*. 79
32 Мать и сынъ (изъ Германа и Доротеи —Гете).—*А. Фета*. 81
33 Дурочка.—*Майкова* 85

Баллада.

34 Гаральдъ (изъ Уланда) —*Жуковскаго*. 87
35 Лерона (Бюргера).—*Жуковскаго*. . 87
36 Графъ Габсбургскій (Шиллера). *Жуковскаго*. 90
37 Свѣтлана—*Жуковскаго*. 92
38 Утопленникъ.—*А. Пушкина* 94
39 Князь Михайло Рѣпнинъ—*Гр. А. Толстаго*. 95

Басня.

40 Лебедь, Щука и Ракъ.—*Крылова*. 96
41 Дубъ и Тростьникъ—*Крылова* 96
42 Дубъ и Тростьникъ.—*Дмитріева*. . . . 96

Стр.

43 Le Chêne et le Roseau. *La Fontaine*. 97
44 Воронъ и Лисица—*И. Мартынова* 97
45 Le Corbeau et le Renard *La Fontaine*. 97
46 Ворона и Лисица—*И. Крылова*. . . 98
47 Оселъ и Соловей—*И. Крылова* . . . 98

ЛИРИКА.

НАРОДНАЯ ЛИРИКА.

пѣсня.

1 (Колядская) 99
2 (Овсеневая) 99
3 Семейныя 99
4 Разбойничья 101
5 Похоронный плачъ (*заплачка*) . . 102
6 Солдатская пѣсня 102

ИСКУССТВЕННАЯ ЛИРИКА.

Искусственная пѣсня.

1 Ахъ, ты ночь-ли—*Дельвига* 103
2 Пѣла, пѣла птичечка—*Дельвига* . . 103
3 Сладко пѣлъ душа—соловушко—*Лажечникова* 103
4 Раздумье селянина—*Кольцова* . . . 104
5 Что ты спишь, мужичекъ? *Кольцова*. 104
6 Пѣсня—*Кольцова*. 105

Ода.

1 Богъ—*Державина*. 105
2 По прочтеніи псалма—*Хомякова*. . 106
3 Молитва—*Пушкина*. 106
4 Подражаніе псалму XIV. — *Н. Языкова*. 107
5 Молитва. *И. Козлова* 107
6 Передъ гробницею святой—*Пушкина* 107
7 Клеветникамъ Россіи—*Пушкина*. 107
8 Стансы—*Пушкина* 108
9 Наполеонъ—*Пушкина* 108
10 Сумракъ вечерній тихо взошелъ—*Хомякова* 109
11 Когда закатъ прощальными лучами—*И. Никитина*. 109
12 Пророкъ—*Пушкина*. 110
13 Пророкъ—*Лермонтова* 110
14 Поэтъ—*Пушкина*. 110
15 Поэтъ—*Лермонтова*. 110
16 Въ часы забавъ иль праздной скуки—*Пушкина* 111
17 Къ Мельпоменѣ—*А. Фета* 111
18 Памятникъ—*Державина*. 112
19 Памятникъ—*Пушкина* 112
20 Ода Анакреона—*Пушкина* 112

Стр.

21 На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. (1747 года)—*Ломоносова* . . . 113

Элегія.

1 Вечерній звонъ.—*И. Козлова*. . . 115
2 Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. —*Пушкина* 115
3 Выхожу одинъ я на дорогу—*Лермонтова*. 115
4 Вырыта заступомъ яма глубокая. —*И. Никитина*. 115
5 На смерть Гете—*Е. Баратынскаго* . 116
6 Море —*Жуковскаго* 116
7 Къ морю—*Пушкина* 116
8 Опять ты здѣсь, мой благодатный геній—*Жуковскаго* 117

Сатира.

1 Первое января—*Лермонтова*. . . . 117
2 Современная пѣсня — *Дениса Давыдова* 118

Антологическія стихотворенія. Эпиграмма. Надписи.

1 Муза. *Пушкина* 119
2 Эллада. *Н. Щербина*. 119
3 Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты. *А. Майкова*. 119
4 На мысѣ семь дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой. *А. Майкова*. . 119
5 Исторія стихотворца—*Пушкина*. . 120
6 Пятнадцатилѣтній стихотворецъ —*Василія Пушкина* 120
7 Ex ungue leonem—*А. Пушкина* . . 120
8 Трудъ—*Пушкина* 120
9 Отрокъ—*Пушкина* 120
10 Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба—*Гр. А. Толстаго* 120
11 Къ портрету Жуковскаго—*Пушкина*. 120
12 На переводъ Иліады—*Пушкина*. . 120

ДРАМА.

1 Скупой рыцарь—*Пушкина* 121
2 Антигона—*С. Шестакова*. 127
3 Борисъ Годуновъ—*Пушкина* . . . 142
4 Орлеанская Дѣва—*Жуковскаго* . . 148

КОМЕДІЯ.

1 Ревизоръ—*Гоголя*. 153

Классная комната.

Карлъ Ивановичъ (гувернеръ) сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша, дѣтская, другая Карла Ивановича — *собственная*. На ней были всѣхъ сортовъ книги—учебныя и не учебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des Voyages (Исторія путешествій), въ красивыхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ и пошли длинныя, толстыя, большія и маленькія книги,—корочки безъ книгъ, и книги безъ корочекъ.

Коллекція книгъ на *собственной*, если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Карлъ Ивановичъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе. На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича. На третьей стѣнѣ, въ срединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша, другая, новенькая, собственная, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки, и крестиками—маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ которомъ насъ ставили на колѣна.

Какъ мнѣ памятенъ тотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Ивановичъ; ему должно быть покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою книгу, — а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку, или ковырять штукатурку со стѣны: но если упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Ивановича, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрасивыхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ—лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа.

Гр. Л. Толстой.

Изба.

Видали ли вы избу небогатой приволжской деревни Костромской губерніи? Вглядитесь въ нее. Не хитра и не богата ея наружность; сложенная изъ толстыхъ бревенъ, покрытая соломой, иногда съ черной *) печью, она только тремя маленькими окошечками, въ которыя съ трудомъ пролѣзетъ курица, смотритъ на міръ Божій. Съ одной стороны, обыкновенно лѣвой, примыкаетъ къ ней крытый соломою дворъ, съ другой—незатѣйливое, почти совсѣмъ открытое крылечко, которое зимой заносится снѣгомъ. По шаткой лѣстницѣ крылечка вы входите въ сѣни; оттуда налѣво низкая дверь въ избу, а если хозяинъ зажиточенъ, то направо должна быть такая же дверь въ чуланъ или комнату, гдѣ стоятъ *кросна* **) и другія хозяйственныя принадлежности: эта комната называется *сѣникомъ*. Вы должны какъ можно ниже наклоняться, чтобы пройти въ дверь избы и потомъ еще нѣсколько шаговъ идти, не разгибая спины, потому что иначе ударитесь головой въ полати, которыя находятся на аршинъ или на три четверти отъ потолка, и тянутся надъ самымъ входомъ, отъ печи до противоположной стѣны.

Не хитро и внутреннее убранство и устройство крестьянской избы.

По всѣмъ четыремъ стѣнамъ ея тянутся широкія лавки. Параллельно имъ, на одной высотѣ съ полатями, расположены также широкія полки. На этихъ полкахъ помѣщается весь почти домашній скарбъ крестьянина. Направо отъ входа помѣщается печка и занимаетъ болѣе трехъ четвертей избы. Съ наружной стороны печи, рядомъ съ лѣсенкой на нее, прислонена маленькая деревянная пристройка съ дверцами, *голбецъ*, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ подвала или погреба. Недалеко отъ печки, подъ рукой стряпающей хозяйки, маленькій шкафчикъ, гдѣ и хранится вся несложная и немногочисленная кухонная посуда: двѣ деревянныхъ чашки, десятокъ ложекъ и два или три ножа. Противъ печи, направо же, въ уровень съ полками, дѣлаютъ еще однѣ маленькія полочки, на которыхъ помѣщаются остальныя принадлежности деревенскаго хозяйства: горшки, чугуны, плошки, въ которыхъ пекутъ хлѣбы и т. п. Въ лѣвомъ главномъ углу, какъ водится, прибито *тябло* съ тремя образами, безъ кіотовъ и окладовъ; передъ ними, во время грозы, теплится маленькая желтаго воску свѣча, и каждый день, можетъ быть, льется самая горячая молитва.

Потѣхинъ.

*) *Въ черной избѣ* (или *куркой*), — избѣ, печь которой безъ трубы, дымъ изъ печи идетъ черезъ избу въ *волоховое окно*, устраиваемое надъ печью.

**) *Кросна*—ставъ съ основой полотна или рѣдины.

Келлія.

Комнатка, въ которой я находился, была очень невелика и чрезвычайно опрятно убрана. Все убранство составляли: покрытый клеенкой столикъ съ книгами между двумя маленькими створчатыми окнами, на которыхъ стояли два горшка герани, стоечка съ образами и лампадка, висѣвшая передъ ними, одно кресло и два стула.

Въ углу висѣли стѣнные часы съ разрисованнымъ циферблатомъ и поднятыми на цѣпочкахъ мѣдными гирями; на перегородкѣ, соединявшейся съ потолкомъ деревянными, выкрашенными известкой палочками (за которой вѣрно стояла кровать), висѣла на гвоздикѣ ряса.

Окна выходили на какую-то бѣлую стѣну, видиѣвшуюся въ двухъ аршинахъ отъ нихъ. Между ними и стѣной былъ маленькій кустъ сирени. Никакой звукъ снаружи не заходилъ въ комнату, такъ что въ этой тишинѣ равномѣрное пріятное постукиваніе маятника казалось сильнымъ звукомъ. Эта нанковая, пожелтѣвшая ряса, съ про-

тертой подкладкой, эти истертые кожаные черные переплеты книгъ съ мѣдными застежками, эти мутно-зеленые цвѣты съ тщательно политою землей и обмытыми листьями, а особенно этотъ однообразный, прерывистый звукъ маятника говорили мнѣ внятно про какую-то новую, доселѣ мнѣ неизвѣстную жизнь, про жизнь уединенія, молитвы, тихаго, спокойнаго счастія.

Гр. Л. Толстой.

Комната Обломова.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно-убранною. Тамъ стояло бюро краснаго дерева, два дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы, съ вышитыми, небывалыми въ природѣ птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество мелочей. Но опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ, однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти decorum неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграціозными стульями краснаго дерева, шаткими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало. Точно тотъ же характеръ носили на себѣ картины, вазы, мелочи.

Самъ хозяинъ, однако, смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ будто спрашивалъ глазами: „кто сюда натащилъ и наставилъ все это?“ Отъ такого холоднаго воззрѣнія Обломова на свою собственность, а, можетъ-быть, и еще отъ болѣе холоднаго воззрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все внимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностью и небрежностью. По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями, для записыванія на нихъ по пыли какихъ нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.

Еслибъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ — такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ—три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли; видно, что ихъ бросили давно; нумеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, выпрыгала бы развѣ только, съ жужжаньемъ, испуганная муха.

Гончаровъ.

Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ наиболѣе уединенной части Сардама: вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Н. Устряловъ.

Сардамскій домикъ.

Пребываніе Петра Великаго въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ сохраняютъ какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Его посѣщали Императоръ Іосифъ, король шведскій Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ, и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: Petro Magno Alexander (Петру Великому Александръ). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: „Ничто не мало великому человѣку“. Домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и благополучно царствовавшій монархъ Россіи *), посѣщавшій его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его, нынѣшній царь русскій, **) былъ угощаемъ своею августѣйшею теткою въ 1838 г. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Н. Полевой.

*) Императоръ Николай I.
**) Покойный Императоръ Александръ II.

Домикъ царя Петра (Czar Peter Hous'a).

Домъ, въ которомъ жилъ великій преобразователь Россіи, существующій уже больше столѣтія, прикрытъ другимъ зданіемъ, скрывающимъ его отъ непогодъ; оно выстроено по приказанію великой княгини Анны Павловны, королевы Нидерландской. Такъ какъ домикъ царя построенъ на болотѣ, какъ и весь Саардамъ, и сваи глубоко ушли въ тонкую почву, то онъ весь перекосился къ сторонѣ рѣки.

Внутри домикъ имѣетъ всего двѣ крошечныя комнаты. Мягкая мебель, трехногія кресла, кровать, письменный столъ, откуда давались приказы, руководившіе турецкой войной, — все это до того просто, что если бы не мраморныя доски съ золочеными надписями нашихъ царей, если-бы не стихи Жуковскаго, можно было-бы подумать, что это хижина бѣднѣйшаго изъ рабочихъ, которая была заколочена на многіе годы, а теперь случайно отыскана.

Въ одной комнатѣ, бывшей спальнѣй Петра, пола уже нѣтъ, въ другой онъ едва держится. Надъ полуразрушеннымъ каминомъ прибита мѣдная доска съ латинскою надписью: „Petro Magno — Alexander“. Въ другомъ углу комнаты красуется доска съ голландскимъ эпиграфомъ: „Nit is te groote man te klein“, которую какой-то грэмотей, вѣроятно побывавшій въ Россіи, перевелъ: „ничего главному человѣку мало“. Голландцы съ радостью прибили это изреченіе.

Стѣны домика Петра Великаго всѣ испещрены подписями. Здѣсь есть имена Наполеона I, Вольтера, Нельсона, Виктора Гюго, Бисмарка, а тридцать двѣ толстыя тетради, исписанныя подписями простыхъ смертныхъ!...

М. Вернъ.

Устройство домовъ въ Нью-Іоркѣ.

Все здѣсь поражаетъ чистотой и порядкомъ: нигдѣ ни одной вывѣски, ни одного объявленія на стѣнахъ.... Но болѣе всего привлекаютъ взоры пріѣзжаго самыя зданія, подобныя которымъ,—по крайней мѣрѣ въ такомъ обиліи—мы не встрѣчали ни въ одномъ изъ городовъ Европы. Представьте себѣ два длинныхъ ряда дворцовъ изъ дикаго камня, то коричневаго съ розовымъ оттѣнкомъ, то зелено-сѣраго, а мѣстами даже и просто изъ бѣлаго мрамора. И изъ этого дикаго камня или мрамора выведены не только фасады, но и карнизы, лѣстницы, перила. При всей простотѣ внѣшней архитектуры, рядъ такихъ домовъ производитъ на непривычнаго наблюдателя поразительное впечатлѣніе.

Наружному великолѣпію построекъ вполнѣ соотвѣтствуетъ внутреннее расположеніе жилищъ. Американецъ, подобно англичанину, любитъ жить особнякомъ, любитъ заводить домашній очагъ про одну свою семью; онъ, по мѣрѣ возможности, не терпитъ въ своемъ домѣ чужихъ жильцовъ. Вотъ почему американецъ, имѣя собственный домъ или нанимая чужой, всегда со своей семьей занимаетъ цѣлый домъ, со всѣми къ нему принадлежностями. Сообразно этому, зданія строятся не очень высоко — этажа въ четыре — и до того узки, что на улицу выходятъ только по одному окну въ каждомъ ярусѣ. Нижній этажъ обыкновенно занятъ столовой и кухней съ кладовыми. Во второмъ этажѣ, куда ведетъ лѣстница прямо съ подъѣзда на улицѣ, расположены пріемная, гостиная и кабинетъ хозяина или хозяйки. Изъ пріемной лѣстница ведетъ въ третій этажъ, гдѣ находятся спальни и гардеробная, а четвертый назначенъ для прислуги. Казалось, что такое размѣщеніе по разнымъ этажамъ неудобно; но здѣсь все такъ приспособлено, что трудно придумать жилище болѣе комфортабельное. Всѣ комнаты освѣщаются, конечно, газомъ: здѣсь масляныя лампы и стеариновыя свѣчи составляютъ большую рѣдкость. Вода, холодная и горячая, проведена во всѣ этажи. Отопляется домъ, по новой системѣ, паровыми печами. Во всякомъ домѣ есть ванны и жильцы пользуются ими ежедневно. Изъ верхнихъ этажей, вдоль по стѣнамъ въ нижніе этажи проведены слуховыя трубы, такъ что если хозяйка, находясь на верху, имѣетъ что-либо приказать слугамъ, ей нѣтъ надобности призывать ихъ на верхъ:— ей стоитъ только посредствомъ трубы передать то, что требуется. Въ кухнѣ и примыкающемъ обыкновенно къ дому садикѣ чистота безукоризненная.

Циммерманъ.

Картинная лавочка.

Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла точно самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частію были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ обыкновенные ихъ сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками тѣхъ картинъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка. На одной изъ нихъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другой — городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ.

Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но за то зрителей — куча: какой нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними, вѣрно, уже стоитъ солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка изъ Охты, съ коробкою, наполненною бабмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными каррикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ нибудь позѣвать, а торговки, молодыя русскія бабы, смѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чертковъ. Старая шинель и не щегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами; наконецъ невольно овладѣло имъ размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслановъ Лазаревичей*, на *объѣдалъ и опивалъ*, на *Ѳому и Ерему* — это ему не казалось удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу, но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которыхъ выразилось все глубокое его униженіе? Если бъ это были труды ребенка, покорнѣющагося одному невольному желанію, если бъ они совсѣмъ не имѣли никакой правильности, не сохранили даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ каррикатурномъ видѣ, — но въ этомъ каррикатурномъ видѣ просвѣчивалось бы хотя какое нибудь стараніе, какой нибудь порывъ произвести подобное природѣ, — но ничего этого нельзя было отыскать въ нихъ. Какое-то тупоуміе старости, какая-то безсмысленная охота, или, лучше сказать, неволя водила рукою ихъ творцовъ. Кто трудился, надъ ними? И трудился, безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же, потому что тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубосдѣланному автомату, нежели человѣку.

Онъ все также стоялъ передъ этими грязными картинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между тѣмъ какъ содержатель этого живописнаго магазина, сѣренькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, во фризовой шинели, съ давно небритымъ подбородкомъ, разсказывалъ ему, что „картины *самый первый сортъ* и только что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ и въ рамки не вставлены. Смотрите сами, честью увѣрю, что останетесь довольны". Всѣ эти заманчивыя рѣчи летѣли мимо ушей Черткова. Наконецъ, чтобы немного ободрить хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся картинъ. Это были старые фамильные портреты, которыхъ потомки врядъ ли бы отыскались. Почти машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, — краска, которая означаетъ тайное удовольствіе при чемъ нибудь неожиданномъ. Онъ сталъ нетерпѣливо тереть рукой и скоро увидѣлъ портретъ, на которомъ ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались нѣсколько мутными и почернѣвшими.

Это былъ старикъ съ какимъ-то безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ устахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная, и вмѣстѣ какой-то страхъ. румянецъ болѣзни былъ тонко разлитъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы, но вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ была замѣтна какая-то странная живость. Казалось, этотъ портретъ изображалъ какого-нибудь

скряг, проведшаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ всю жизнь мучитъ счастіе другихъ. Лицо вообще сохраняло яркій отпечатокъ южной физіогноміи. Смуглота, черные, какъ смоль, волосы, съ пробившеюся просѣдью — все это не попадается у жителей сѣверныхъ губерній. Во всемъ портретѣ была видна какая-то неоконченательность; но если бъ онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, то знатокъ потерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло на Щукинъ дворъ.

Гоголь.

Древняя обитель.

Вскорѣ забѣлѣли передъ Максимомъ*) стѣны монастыря. Обитель была расположена по скату горы, поросшей дубами. Золотыя главы и узорные кресты вырѣзывались на зелени дубовъ и на синевѣ неба.

На встрѣчу Максиму попался отрядъ монастырскихъ служекъ въ шишакахъ и кольчугахъ. Они ѣхали шагомъ и пѣли псаломъ: „Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя“. Услыша священныя слова, Максимъ остановилъ коня, снялъ шапку и перекрестился.

Небольшая рѣчка протекала подъ горою. Нѣсколько мельницъ вертѣли на ней свои колеса. На берегу паслись коровы пестрыми кучами.

Все вокругъ монастыря дышало такою тишиною... Даже птицы на дубахъ щебетали какъ-будто въ полголоса; вѣтеръ не шелестилъ въ листьяхъ и только кузнечики, притаясь въ травѣ, трещали безъ умолку. Трудно было подумать, чтобы недобрые люди могли возмутить это спокойствіе.

„Вотъ гдѣ отдохну я!“ подумалъ Максимъ. Максимъ не ошибся. Престарѣлый игуменъ, съ длинною сѣдою бородой, съ кроткимъ взглядомъ, въ которомъ видно было совершенное невѣдѣніе дѣлъ мірскихъ, принялъ его ласково. Двое служекъ взяли подъ-уздцы усталаго коня; всѣ радушно хлопотали около Максима. Игуменъ повелъ его черезъ обширный дворъ къ низкой, одноглавой церкви. Они шли мимо могильныхъ крестовъ и длиннаго ряда келлій, обсаженныхъ цвѣтами. Попадавшаяся имъ на встрѣчу братія кланялась молча. Надгробныя плиты звенѣли отъ шаговъ Максима; высокая трава пробивалась между плитами и закрывала вполовину надписи, полныя смиренія; все напоминало о бренности жизни, все вызывало на молитву и созерцаніе. Церковь, въ которую игуменъ ввелъ Максима, стояла среди древнихъ дубовъ, и столѣтнія вѣтви ихъ почти совсѣмъ закрывали узкія, продольныя окна, пропускавшія свѣтъ сквозь пыльную слюду, вставленную въ мелкія свинцовыя оконницы. Когда они вошли, ихъ обдало прохладой и темнотою. Лишь сквозь одно окно, менѣе другихъ заслоненное, косые столбы свѣта падали на стѣнное изображеніе Страшнаго суда. Остальныя части церкви казались отъ этого еще мрачнѣе; но кое гдѣ отсвѣчивали яркимъ блескомъ серебряныя яблоки паникадилъ, вѣнцы на образахъ, да шитые серебромъ кресты, тропари и кондаки на черномъ бархатѣ, покрывающемъ гробницы князей Воротынскихъ, основателей монастыря. Позолота на прорѣзныхъ травахъ иконостаса походила мѣстами на уголья, тлѣющіе подъ золою и готовые вспыхнуть. Пахло сыростью и ладаномъ. Мало-по-малу глазъ Максима сталъ привыкать къ этому мраку и различать другія подробности храма: надъ царскими дверьми виденъ былъ Спаситель въ силахъ, съ херувимами и серафимами, а надъ нимъ шестнадцать владычныхъ праздниковъ.

Большой мѣстный образъ Іоанна Предтечи представлялъ его крылатымъ и держащимъ на блюдѣ отсѣченную главу свою. На боковыхъ дверяхъ были написаны грубо и неискусно: притча о блудномъ сынѣ, преніе смерти и живота, да исходъ души праведнаго и грѣшнаго. Мрачныя эти картины глубоко подѣйствовали на Максима; всѣ понятія о смерти духа, о безусловной покорности родительской власти, всѣ мысли, въ

*) Максимъ, молодой опричникъ, удалившійся изъ отцовскаго дома и скитающійся по Россіи.

которыхъ онъ былъ воспитанъ, оживились въ немъ снова. Картина Страшнаго суда потрясала его воображеніе. Когда тѣнь дубовыхъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ снаружи окна, трепетала на стѣнѣ подвижною сѣткой, ему казалось, что грѣшники и діаволы, писанные въ человѣческій ростъ, дышатъ и движутся...

Благоговѣйный ужасъ проникъ его сердце.

Гр. А. Толстой.

Монастырь.

Вадимъ подъѣхалъ къ монастырю.

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій гулъ колокола раздавался въ окрестности;солнце было низко и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ.

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуша радужный хвостъ, не подвиженъ, какъ новый памятникъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе... Вадимъ почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному — они благодарили на распѣвъ давно затвержденными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобы разсмотрѣть подателя милостины.....

Вадимъ поспѣшно вошелъ въ церковь, продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь.

Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ и огромныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь дымъ ладона таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады. Задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни. Устѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если бъ голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Направо, между царскими и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка, и надъ ней, внизу образа, было написано крупными буквами: *пріидите ко мнѣ вси трудящіеся и азъ упокою вы.*

Лермонтовъ.

Обитель первыхъ отшельниковъ.

И передъ странникомъ вдали
И волновались, и росли
Разнообразныя картины:
Бѣлѣли снѣжныя вершины
Надъ лѣсомъ кедровымъ густымъ;
Іорданъ сверкалъ въ степномъ просторѣ,
И Мертвое чернѣло море,
Сливаясь съ небомъ голубымъ.
И вотъ, вьясь въ степи широкой,
Чертой изогнутой легло
Предъ нимъ Кедронскаго потока
Давно безводное русло.
Смеркалось. Паръ струился синій;
Кругомъ царила тишина;
Мерцали звѣзды; надъ пустыней
Всходила медленно луна.

—

Береговъ сожженныя стремнины
На дно сбѣгаютъ крутизной,
Спирая узкую долину
Двойной отвѣсною стѣной.

Внизу кресты, символы вѣры,
Стоятъ въ обрывахъ здѣсь и тамъ,
И видны странника очамъ
Въ утесахъ рытыя пещеры.
Сюда, со всѣхъ концовъ земли,
Бѣжавъ мірскаго треволненья,
Отцы святые притекли
Искать покоя и спасенья.
Съ краевъ до высохшаго дна,
Гдѣ спускъ крутой ведетъ въ долину,
Руками ихъ возведена
Изъ камней крѣпкая стѣна,
Отпоръ степному сарацину.
Въ стѣнѣ ворота; тѣсный входъ
Надъ ними башня стережетъ,
Тропинка вьется надъ оврагомъ;
И вотъ, спускаясь по скаламъ,
При свѣтѣ звѣздъ, усталымъ шагомъ
Подходитъ странникъ къ воротамъ.

—

Въ глубокомъ ущельѣ,
Какъ гнѣзда стрижей,
По желтымъ обрывамъ темнѣютъ пустынныя кельи,
Но рѣчи не слышно ни чьей;
Все тихо, пока не сберется къ служенью
Отшельниковъ рой,
И вторитъ тогда ихъ обрядному пѣнью
Одинъ отголосокъ глухой.
А тамъ, надъ краями долины,
Безлюдной пустыни царитъ торжество,
И пальмы не видно нигдѣ ни единой,
Все пусто кругомъ и мертво.
Какъ жгучее бремя,
Такъ небо усталую землю гнететъ,
И кажется, будто-бы время
Свой медленный звучно свершаетъ надъ нею полетъ.
Порой отдаленное слышно рычанье
Голоднаго льва;
И снова наступитъ молчанье,
И снова шумитъ лишь сухая трава,
Когда изъ-подъ камней змѣя, выползая,
Блеснетъ чешуей;
Крылами треща, саранча полевая
Взлетитъ иногда. Иль случится порой,
Пустыни проснется отъ дикаго клика,
Посыпятся камни, и тамъ, въ вышинѣ,
Дрожа и колеблясь, мохнатая пика
Покажется въ небѣ; на легкомъ конѣ
Появится всадникъ; надъ самымъ оврагомъ
Сдержавъ скакуна запѣненнаго летъ,
Проѣдетъ онъ мимо обители шагомъ,
Да ипокамъ сверху проклятье пошлетъ.
И снова все стихнетъ. Лишь въ полночь орлицы
На крыльяхъ недвижныхъ парятъ,
Да вечеромъ звѣзды горятъ,
И скучно тянутся длинные дни вереницей.

Гр. А. Толстой.

Монастырь на Кавказѣ.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь тихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.
На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней Авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая;
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой,—
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло—лиловою стѣной,
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

Лермонтовъ.

Государственная Библиотека по народному просвѣщенію Р. С. Ф. С. Р.

Сельская церковь.

Люблю проселочной дорогой,
Въ день лѣтній, въ праздникъ храмовой,
Попасть на службу въ храмъ убогій,
Почтенный сельской простотой.

Сей храмъ, построенный изъ бревенъ,
Когда то былъ села красой.
Теперь онъ ветхъ, хотя не древенъ
И не отмѣченъ былъ молвой.

И колоколъ его не звучно
Разноситъ благовѣстный гласъ,
И самоучка своеручно
Писалъ его иконостасъ.

Евангеліе позолотой
Не блещетъ въ простотѣ своей,
И только днями и заботой
Богатъ смиренный іерей.

Но храмъ, и паперть, и ограду
Народъ усердно обступилъ,
И пастырь набожному стаду
Миръ благодати возвѣстилъ.

Но простодушнѣй, но покорнѣй
Молитвы не услышать вамъ.
Здѣсь ей свободнѣй, здѣсь просторнѣй
Ей подниматься къ небесамъ.

И старъ и младъ, творя поклоны,
Спѣшатъ свѣчу свою зажечь,
И блещутъ мѣстныя иконы,
Облитыя сіяньемъ свѣчъ.

Открыты окна,—въ окна дышетъ
Пахучей свѣжестью деревъ.
И пѣшеходъ съ дороги слышитъ,
Крестясь, молитвенный напѣвъ.

Въ согласьи съ бѣдностью прихода
Ничто не развлекаетъ взглядъ:
Кругомъ и бѣдная природа
И бѣдныхъ избъ стѣсненный рядъ;

Но все святыней и смиреньемъ
Здѣсь успокоиваетъ умъ,
И сердце полно умиленьемъ
И свѣтлыхъ чувствъ и чистыхъ думъ.

Поѣдешь дальше,—годы минутъ.
А съ ними многое пройдетъ.
Слѣды минувшаго остынутъ,
И мало что изъ нихъ всплыветъ,—

Но церковь съ низкой колокольней,
Смиренный, набожный народъ,
Одинъ другого богомольнѣй,
Въ глуши затерянный приходъ:

Двѣ-три березы у кладбища,
Позеленѣвшій тиной прудъ,
Селенье, мирныя жилища,
Гдѣ бодрствуютъ нужда и трудъ,—

Во мнѣ не преданы забвенью,
Ихъ вижу, какъ въ былые дни,
И освѣжительною тѣнью
Ложатся на душу они.

Кн. Вяземскій.

Часовня св. гроба.

Самая часовня гроба, украшенная легкимъ куполомъ, стоитъ въ видѣ малой церкви внутри храма. Во время послѣдняго пожара, когда пылалъ его кедровый куполъ и всѣ деревянныя галлереи, когда палали вокругъ раскаленные столбы, пострадала и священная часовня, потрескались изваянные на ней лики Апостоловъ и чрезъ столько вѣковъ показались вновь изъ подъ роскошнаго мрамора первобытная скала гробницы. Нынѣ не замѣтно болѣе слѣдовъ разрушенія; новый желтый мраморъ замѣнилъ древній; внутренность гроба и его преддверіе возникли въ прежнемъ великолѣпіи. Четыре мраморные витые столба поддерживаютъ со входа украшенную херувимами архитраву и межъ ними изсѣчены письмена псалмовъ; надъ дверьми изъ цвѣтнаго мрамора изваяна картина Воскресенія: Христосъ съ хоругвію возстаетъ изъ гроба посреди солнца и луны; влѣво бѣжитъ стража, съ правой стороны Ангелъ и Мироносицы. Еще выше есть двѣ фигуры Ангеловъ съ вѣнками. Двѣ писанныя иконы воскресенія, армянъ и католиковъ, привѣшены также къ священному преддверію. Часовня гроба внутри раздѣлена на двѣ части и каждая изъ нихъ

со сводомъ. Двѣнадцать малыхъ пилястровъ приставлены къ стѣнамъ перваго придѣла и межъ ними изваяны вѣтви и херувимы. Посреди онаго вдѣланъ въ большую гранитную вазу кусокъ отъ камня, отваленнаго Ангеломъ; ибо онъ былъ разбитъ на многія части усердіемъ христіанъ. Надъ нимъ всегда горятъ 15 лампадъ, и ваза сія, покрываемая серебряною доскою, служитъ престоломъ для греческой литургіи, когда совершаютъ проскомидію на самомъ гробѣ. Казалось-бы приличнѣе было избрать оный престоломъ, нежели жертвенникомъ, но такое расположеніе удобнѣе для выходовъ обѣдни нашей, ибо въ продолженіе службы единственныя двери утеса служатъ царскими вратами. Придѣлъ сей пристроенъ въ память Ангела, чтобъ служить предверіемъ самородному утесу, внутри коего изсѣченъ былъ покой, завалennый въ дверяхъ камнемъ. Низкими дверями, пробитыми въ скалѣ, входятъ во вторую часть часовни—погребальный чертогъ Спасителя. Греки, одни возобновившіе послѣ пожара цѣлый храмъ, желая облегчить входъ гробницы облаченнымъ архіереямъ и освѣжить въ ней душный воздухъ, коснулись ея внутренности, и нарушили св. древность временъ Христовыхъ, который не смѣла измѣнять сама Елена. Они подняли выше низкія двери, расширили нѣсколько объемъ покоя и обсѣкли глубже прежній сводъ утеса, оставивъ въ немъ малое для воздуха отверстіе.

Невѣжество было виною святотатства. Внутреннее пространство пещеры св. гроба составляетъ менѣе квадратной сажени; съ правой стороны во всю длину ея лежитъ мраморная плита, на каменномъ уступѣ, занимающемъ полшироты покоя. Іудеи не ввѣряли землѣ своихъ мертвыхъ, но, пользуясь утесистою природою страны, высѣкали въ скалахъ тѣсные покои и внутри ихъ клали на плитахъ открытыя тѣла. Подъ именемъ гроба разумѣлась вся пещера, а тяжелый камень вдигался въ ея двери. И понынѣ о томъ свидѣтельствуютъ древнія гробницы царей и пророковъ, по примѣру коихъ погребенъ былъ послѣдній изъ рода Давида, терніемъ вѣнчанный на царство.

Елена положила мраморную плиту на тридневное ложе Христово, какъ антимисъ для совершенія литургіи, дабы не касались священнаго одра Господня, и плита сія распилена была почти на двое христіанами, когда Арабы пожелали имѣть столь богатый мраморъ въ своей мечети. Доселѣ престолъ сей принадлежалъ Грекамъ и Католикамъ; но между нихъ втѣснились нынѣ Армяне, и тройная литургія служится ежедневно, одна послѣ другой, на дивномъ камнѣ. Изъ цвѣтнаго мрамора изваянъ на стѣнѣ воскрешающій въ лучахъ славы Искупитель съ побѣдною хоругвію; но онъ полузакрытъ тремя живописными иконами. Надъ нимъ парятъ два ангела съ вѣнкомъ, а еще выше изваяны три подобныя же фигуры между легкихъ арокъ. 36 общихъ лампадъ, изъ коихъ 13 греческихъ и столько же католическихъ, горятъ днемъ и ночью въ куполѣ надъ св. гробомъ, но всѣ онѣ изъ жести, по страху Арабовъ; богатыя же приношенія царей таятся въ сокровищницѣ и уже многихъ нѣтъ. Нѣсколько разнородныхъ подсвѣчниковъ поставлены по краямъ гробовой плиты и ихъ расположеніе означаетъ, какая часть оной принадлежитъ исключительно каждому народу: правая треть Грекамъ, средняя Армянамъ, лѣвая Католикамъ, но во время служенія не существуетъ сего раздѣленія. Свѣжіе цвѣты разсыпаны по священному мрамору, безпрестанно омываемому розовою водою и благовоніями. Таковъ дивный гробъ сей, побѣдная колесница Бога, съ которой сокрушилъ онъ смерть и разбилъ верей ада, и вмѣстѣ —мирное ложе, на коемъ опочилъ отъ искупительнаго страданія вовторую изъ субботъ своихъ, какъ нѣкогда почилъ Онъ въ первую отъ дивныхъ трудовъ творенія. Но силы небесныя, огласившія гимнами сію первую субботу вселенной и еще гремѣвшія въ Виѳлеемѣ надъ колыбелію Воплощеннаго, замолкли отъ ужаса въ грозный день втораго отдыха Творца ихъ. Онѣ оставили въ достояніе смертнымъ отрекшагося отъ ихъ горнихъ хоровъ, и краснорѣчивыя слезы матери потекли надгробною пѣснію на божественное тѣло, доколѣ въ одинъ торжественный мигъ стоны и плачъ, камень и стража, ночь

и смерть, все исчезло въ неприступномъ свѣтѣ царя жизни, встающаго въ ужасѣ своей славы! Воскресъ! и миновался блескъ, и утихло землетрясеніе; обычная деннница озарила въ пустынномъ саду Іосифа одинокій утесъ, и внутри его гробъ, но упраздненный; окрестъ него какія лица въ священномъ восторгѣ смѣняютъ другъ друга!

— Рано приходятъ къ нему съ муромъ и слезами три жены, но камень отваленъ. Ангелъ на камнѣ: „Что ищете живаго съ мертвыми?“ и въ ужасѣ онѣ бѣгутъ. Два Апостола стремятся внутрь утеса. — Тамъ одна лишь плащаница, пелены воскреснаго. При дверяхъ рыдаетъ горько Магдалина объ усопшемъ, — два свѣтозарные юноши передъ нею, за безутѣшною самъ вертоградарь новаго Эдема; — она у ногъ его: „отдай мнѣ тѣло!“ — но уста его произнесли: „Марія!“ и въ одномъ отрадномъ звукѣ сколько тайнъ открыто! какое торжественное смятеніе царствуетъ въ сіе столь радостное утро! Жены въ плачевныхъ одеждахъ; Ангелъ въ ризахъ свѣта. Однѣ изумлены возстаніемъ человѣка, — Ангелы смертію Бога! Тѣ въ страхѣ и бѣгствѣ, другіе въ трепетѣ и восторгѣ. Саванъ въ опустѣвшемъ гробѣ, въ одеждѣ вертоградаря воскресшій!... Все дышетъ неизглаголаннымъ чудомъ, котораго еще не могутъ вмѣстить земля и небо.

Муравьевъ.

Дорога къ усадьбѣ.

Дайте мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная, кротко синѣетъ майское небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь: жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки, торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и, подпрыгнувъ раза два, тяжко отлетаютъ въ сторону; на горѣ за оврагомъ мужикъ пашетъ; нѣгій жеребенокъ, съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью: слышится его тонкое ржанье. Мы въѣзжаемъ въ березовую рощу; крѣпкій, свѣжій запахъ пріятно стѣсняетъ дыханіе. Вотъ околица. Кучеръ слѣзаетъ, лошади фыркаютъ, пристяжныя оглядываются, коренная помахиваетъ хвостомъ и прислоняетъ голову къ дугѣ.... со скрипомъ отворяется воротище. Кучеръ садится.... Трогай! передъ нами деревня. Миновавъ дворовъ пять, мы сворачиваемъ вправо, спускаемся въ лощинку, въѣзжаемъ на плотину. За небольшимъ прудомъ, изъ за круглыхъ вершинъ яблонь и сиреней, виднѣется тесовая крыша, нѣкогда красная, съ двумя трубами, кучеръ беретъ вдоль забора налѣво и, при визгливомъ и сипломъ лаѣ трехъ престарѣлыхъ шавокъ, въѣзжаетъ въ настежь раскрытыя ворота, лихо мчится кругомъ по широкому двору мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухѣ ключницѣ, шагнувшей бокомъ черезъ высокій порогъ въ раскрытую дверь кладовой, и останавливается наконецъ передъ крылечкомъ темнаго домика съ свѣтлыми окнами....

Тургеневъ.

Деревня.

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать.
Надъ старой церковью глазами провожать
Воронъ играющую стаю;
Среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
На тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ
Люблю прислушиваться къ лаю

Собакъ недремлющихъ, мычанью тяжкихъ стадъ;
Люблю заброшенный и запустѣлый садъ
И липъ незыблемыя тѣни;—
Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь—и грудь упоена
Блаженствомъ безмятежной лѣни...

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ—
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту...
Идетъ къ колодезю старуха за водой;
Высокій шестъ скрипитъ и гнется; чередой
Подходятъ лошади къ корыту...

Вотъ пѣсню затянулъ проѣзжій... Грустный звукъ!
Но лихо вскрикнулъ онъ—и только слышенъ стукъ
Колесъ его телѣги тряской;
Выходитъ дѣвушка на низкое крыльцо—
И на зарю глядитъ... и круглое лицо
Зардѣлось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, съ пригорка, за селомъ,
Огромные возы спускаются гуськомъ
Съ пахучей данью пышной нивы;
За конопляникомъ зеленымъ и густымъ
Бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
Степей широкіе разливы.

Та степь—конца ей нѣтъ... раскинулась, лежитъ...
Струистый вѣтерокъ бѣжитъ—не пробѣжитъ...
Земля томится, небо млѣетъ...
И лѣса длиннаго подернутся бока
Багрянцемъ золотымъ, и роптетъ онъ слегка,
И утихаетъ, и синѣетъ...

И. Тургеневъ.

Усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новенькимъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почерпѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными какъ пухъ гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него,—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, отъ того, что я уже не вижу ихъ, и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ.

Какъ бы то ни было, но даже когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыль-

цо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.

Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички и старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На липахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Гоголь.

Усадьба въ великорусской Украйнѣ.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно.—Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ уточекъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный „чирокъ“; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами „шпанской“ земляники, съ сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, кверху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода, потомъ клумбы съ цвѣтами, макомъ, піонами, анютиными глазками, крыжантами, „дѣвицей въ зелени“, кусты татарской жимолости, дикаго жасмина, сирени и акаціи съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ; службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ; погребокъ съ заржавленнымъ флюгеромъ, двѣ три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ, а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ, и поле, и длинные плетни коноплянниковъ, и сѣренькія избушки, деревни и брики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ..... Знакомо ли тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на-бокъ, немножко разшаталось, а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью „Strike-silent“; въ гостиной портреты хозяевъ, писанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго ислуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ, а иногда старая, покоробленная картинка, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ квасомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы.... Ничего! жить можно и даже очень недурно можно жить.

И. Тургеневъ.

Деревня Маниловка.

Деревня Маниловка немногимъ могла занимать своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была отдѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ—три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій, пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью *храмъ уединеннаго размышленія*; пониже — прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ *англійскихъ* садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы. Нигдѣ между ними растущаго деревца, или какой-нибудь зелени: вездѣ глядѣло только одно бревно. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ.

Гоголь.

Деревня Васильевка *).

(Полтавской губерніи).

Вотъ мѣста, въ которыхъ протекло веселое дѣтство Гоголя.

— Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькія, окрашенныя бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хутору, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей: кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, налѣво людскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды, за прудами неоглядныя равнины украинскихъ степей.

„Прежде всего остановимся на *флигелѣ*, который помѣщается во дворѣ, направо отъ дома, такъ какъ въ этомъ флигелѣ, въ свои неоднократные пріѣзды на хуторъ, обыкновенно жилъ Гоголь. Флигель—низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящею въ дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, отсюда въ гостиную. Въ гостиной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣетъ особый выходъ. Эта комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькія окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальцо; окна завѣшаны бѣлыми кисейными зазавѣсками. Влѣво отъ двери—печь; вправо—дубовый шкафъ для книгъ. Шкафъ этотъ заказанъ Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи простенькая кровать, покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу кстати, что Гоголь, въ послѣднее время, много занимался улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ рисовалъ по цѣлымъ днямъ узоры для нихъ, и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его отдыха... Надъ кроватью въ углу образъ Св. Угодника Митрофана. Наконецъ, спинкой къ забитой двери, между печью и кроватью,

*) Вскорѣ послѣ смерти Гоголя (1852) авторъ посѣтилъ описываемое мѣсто.

помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это на высокихъ ножкахъ конторка съ косою доскою изъ грушеваго дерева, покрытою кожею; на верхней платформѣ ея, съ двухъ сторонъ, вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкою работалъ стоя. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писаный масляными красками.

О домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль...

Перейдемъ въ садъ. Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь въ прошломъ 1851 году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Далѣе за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько желудей. Изъ желудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы. Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія, ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириною, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ ходить Гоголь. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отъѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же не далеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа.

На прудѣ за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней ѣздятъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. За прудомъ разстилается широкая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей. Покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.

Данилевскій.

Званка *),

(Прежде и теперь).

Плывя по Волхову, вы тщетно стали бы искать на возвышенномъ его берегу жилище поэта, двухъ-этажный домъ съ мезониномъ. Берега Волхова отъ самаго Новгорода вообще низки и ровны; но здѣсь земля подымается довольно длиннымъ овальнымъ холмомъ. Посрединѣ его возвышалась усадьба: передъ фасадомъ ея, обращеннымъ къ рѣкѣ, находился балконъ на столбахъ, съ каменной лѣстницей, передъ которою билъ фонтанъ; снизу по уступамъ холма былъ устроенъ покойный всходъ. Теперь ничего этого уже нѣтъ; видны только остатки крыльца, на мѣстѣ же самаго дома лежатъ разбросанные кирпичи и сложена груда камней. Рано исполнилось предвѣщаніе поэта:

„Разрушится сей домъ, заглохнетъ
боръ и садъ".

Зато не оправдался слѣдующій за этимъ стихъ:

„Не воспомянится нигдѣ и имя Званки".

Оно извѣстно всякому образованному Русскому.

Влѣво отъ дома (если стоять передъ нимъ лицомъ къ рѣкѣ) былъ садъ, теперь совершенно заросшій: только на стоящемъ отдѣльно крутомъ холмѣ видны деревянные столбы находившейся тутъ бесѣдки, около которой еще и теперь особенно густо ростетъ зелень съ одичалыми цвѣтами. Здѣсь поэтъ любилъ сидѣть и обдумывать новыя стихотворенія; здѣсь, любу-

*) Усадьба Державина, въ которой поэтъ долгое время проживалъ, и умеръ въ 1816 г. Въ 1863 г. академикъ Я. Гротъ посѣтилъ ее.

ясь Волховымъ, онъ заставлялъ его говорить:

„Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;
Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я русскихъ пѣсенъ голосами
Увеселяю слухъ лишь свой".

Уцѣлѣли только немногія строенія: баня, гдѣ отводилось иногда помѣщеніе нѣкоторымъ изъ гостей, съѣзжавшихся на Званку, каретный сарай и часовня. Стоявшая внизу, вправо отъ усадьбы, ткацкая, гдѣ приготовлялись сукна и полотна, совершенно исчезла. Но сзади мѣста, гдѣ былъ господскій домъ, виденъ теперь навѣсъ, подъ которымъ сложены разобранныя бревна и доски его; тамъ же стоятъ два каменные небѣленые флигеля, построенные, по смерти Державина, его вдовою для келлій предполагавшагося монастыря.

Все здѣсь тихо, пустынно, мрачно; а было время, когда въ этихъ мѣстахъ кипѣла жизнь привольная и шумная.

Я. Гротъ.

Барскій домъ въ деревнѣ.

Старинный барскій садъ не примыкалъ къ деревнѣ, какъ это казалось издали; между нимъ и послѣдними избами лѣвой стороны находилось порядочное пространство, но его скрадывала перспектива. Мѣсто было такъ велико, что даже вмѣщало въ себѣ многочисленныя постройки. Сначала тянулся валъ, обсаженный крестъ-на-крестъ ветлами; потомъ шло длинное зданіе скотнаго двора, которое можно было принять за худо оштукатуренную и еще хуже выбѣленную стѣну, еслибъ не попадались мѣстами узенькія полукруглыя окна, съ выбитыми, впрочемъ, стеклами. Потомъ должно было пройдти мимо небольшаго участка земли, отданнаго дворовымъ людямъ. Тутъ, на пространствѣ десяти саженъ, возникала маленькая, но чудовищно-безобразная колонія, состоящая изъ кривыхъ, слѣпыхъ и косыхъ клѣтушекъ, сдѣланныхъ изъ теса, драни, плетня, рогожи, которыя лѣзли другъ на дружку, цѣплялись крышками и углами... Въ общей сложности, все это представлялось фантастическимъ лабиринтомъ, въ которомъ ноги вязли въ грязи, голова стукалась о выступающіе углы или путалась въ развѣшанномъ на шестахъ тряпьѣ; дыханіе стѣснялось отъ духоты, носъ чихалъ, а слухъ наполнялся клокотаньемъ куръ, блеяніемъ овецъ и телокъ. Клѣтушки прерывались кирпичнымъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась контора и гдѣ жилъ управитель; здѣсь уже начиналась ограда изъ каменныхъ столбовъ; приближаясь къ саду, она превращалась постепенно въ частоколъ, потомъ въ плетень, который огибалъ всю часть сада, виднѣвшуюся изъ деревни.

Попасть на барскій, или красный дворъ, какъ преимущественно называли его крестьяне, можно было не иначе, какъ черезъ большія ворота, расположенныя посреди̇нѣ ограды, между флигелемъ и садомъ. Два каменные столба съ карнизами и выступами, частью обвалившимися, обозначали въѣздъ; на верхушкѣ одного изъ нихъ виднѣлся еще остовъ исполинскаго желѣзнаго фонаря, макушка другаго украшалась только желѣзнымъ шпилемъ и пучками бѣлесоватой травы, изъ которой дѣлаютъ метелки для чищенья платья. Зданія, окружающія дворъ, носили также признаки запустѣнія; нѣкоторыя были каменныя и даже съ колоннами, но крыши были, большею частью, соломенныя. Это послѣднее обстоятельство всегда сильно сокрушало управителя, добродушнѣйшаго и добрѣйшаго старика.

Самая тѣнистая часть сада занимала, вмѣстѣ съ барскимъ домомъ, всю правую сторону двора. Домъ поражалъ своею огромностью; онъ былъ деревянный, въ три этажа, съ длинными флигелями по бокамъ, соединявшимися съ главнымъ корпусомъ крытыми галлереями, которыя подпирались колоннами. Внутренній видъ комнатъ невольно заставлялъ думать, какъ, откуда, какимъ способомъ дѣды и прадѣды хорошихъ фамилій доставали столько денегъ, и

какъ все, что ни строили они, превосходитъ размѣрами, прочностью и даже изяществомъ все, что теперь строится въ томъ же родѣ... Марьинскій домъ построенъ былъ дѣдомъ настоящаго владѣльца, и построенъ съ тѣмъ только, чтобы проживать въ немъ два—три лѣтніе мѣсяца; а между тѣмъ вы бы нашли тутъ массивную дубовую лѣстницу съ вычурными точеными балясами, которая одна могла стоить иного современнаго помѣщичьяго дома; нашли бы дорогія обои, съ изображеніемъ миѳологическихъ богинь, гирляндъ и храмовъ; огромныя изразцовыя печи, покрытыя голубыми разводами и украшенныя колонками, галлереями, впадинами и переходами. Комнаты оставались почти тѣми же, какими были въ то время, когда ихъ отдѣлали; вдоль стѣнъ возвышались полновѣсные золоченые стулья съ овальными спинками, обтянутыми штофомъ; въ углахъ стояли брюхастые комоды, выложенные бронзой, костью и цвѣтнымъ деревомъ; рѣзное дерево почти всюду замѣняло дешевую лѣпную работу; въ гостиной, устроенной въ родѣ ротонды, окруженной низкими диванами и украшенной высокимъ каминомъ, до сихъ поръ еще висѣла люстра съ плоскими граненными стеклышками, съ большимъ хрустальнымъ шаромъ внизу и голубымъ фарфоровымъ столбикомъ посрединѣ. Зала, оштукатуренная подъ розовый мраморъ, съ голубыми колоннами и хорами, проходила черезъ весь домъ и занимала его средину; одна дверь отворялась на парадную лѣстницу, другая въ садъ. Съ этой стороны шли вправо и влѣво маленькія комнаты; тутъ находились: диванная, образная, боскетная. Густая зелень липъ и акацій, заслонившая теперь окна сверху донизу, сообщала всей этой половинѣ мрачный полусвѣтъ; иконы, которыми увѣшаны стѣны образной, едва-едва выступали изъ мрака; кой-гдѣ развѣ, случайно продравшись между листьями, тонкій лучъ свѣта задѣвалъ ризу, или дробился въ серебряныхъ желобкахъ богато-чеканеннаго оклада. Сквозь маленькія четыреугольныя стекла дубоваго шкафа съ трудомъ можно было различать остатки богатаго сервиза, чашки съ медальонами, блюда, исполинскіе кубки богемскаго стекла съ вензелями и крышками. Кое гдѣ на стѣнахъ попадались картины, писанныя красками и пастелью; послѣднія имѣли большею частью овальную форму, но всѣ безъ исключенія изображали прадѣдовъ въ бородахъ и безъ бородъ, въ панцыряхъ и шитыхъ кафтанахъ, или бабушекъ въ шубейкахъ и бисерныхъ глазетовыхъ кокошникахъ, въ фижмахъ, или опутанныхъ кисеею, съ полумѣсяцемъ надъ головою и колчаномъ за плечами.

Григоровичъ.

Жилище царя Алкиноя.

Одиссей же тою порою подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ.
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садилися нимъ на этихъ
Лавкахъ, питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.

Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя: ткани жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой: росло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно-цвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды: постоянно тамъ вѣялъ
Темный зефиръ, зараждая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ, смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь: иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарно-густымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.

Жуковскій.

Развалины замка Гудала.

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны....
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека.
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчной молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.
Но грустенъ замокъ, отслужившйй
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣлый старецъ, пережившйй
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода,
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы:

Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То лижетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою! ..
Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!

Лермонтовъ.

Новомлинская станица.

I.

Новомлинская станица стоитъ въ трехъ верстахъ отъ Терека, отдѣляясь отъ него густымъ лѣсомъ. Съ одной стороны дороги, проходящей чрезъ станицу—рѣка; съ другой—зеленѣютъ виноградные, фруктовые сады и виднѣются песчаные буруны (наносные пески) Ногайской степи. Станица обнесена земляннымъ валомъ и колючимъ терновникомъ. Выѣзжаютъ изъ станицы и въѣзжаютъ въ нее высокими на столбахъ воротами, съ небольшою, крытою камышомъ, крышкой, около которыхъ стоитъ на деревянномъ лафетѣ пушка, уродливая, сто лѣтъ не стрѣлявшая, когда-то отбитая казаками. Казакъ въ формѣ, въ шапкѣ и ружьѣ иногда стоитъ, иногда не стоитъ на часахъ у воротъ; иногда дѣлаетъ, иногда не дѣлаетъ фронтъ проходящему офицеру. Подъ крышкой воротъ, на бѣлой дощечкѣ, черною краской написано: домовъ 266, мужскаго пола душъ 897, женскаго пола 1012. Дома казаковъ всѣ подняты на столбахъ отъ земли на аршинъ и болѣе, опрятно покрыты камышомъ, съ высокими князьками. Всѣ ежели не новы, то прямы, чисты, съ разнообразными высокими крылечками, и не прилѣплены другъ къ другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками. Передъ свѣтлыми, большими окнами многихъ домовъ, за огородками, поднимаются выше хатъ темнозеленыя раины, нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, и тутъ же нагло блестящіе желтые подсолнухи и вьющіяся лозы травяновъ и винограда. На широкой площади виднѣются три лавочки съ краснымъ товаромъ, сѣмячкомъ, стручками и пряниками; а за высокою оградой, изъ-за ряда старыхъ раинъ, виднѣется, длиннѣе и выше всѣхъ другихъ, домъ полковаго командира со створчатыми окнами. Народа, особенно лѣтомъ, всегда мало виднѣется въ будни по улицамъ станицы. Казаки на службѣ: на кордонахъ и въ походѣ; старики на охотѣ, рыбной ловлѣ или съ бабами на работѣ въ садахъ и огородахъ. Только совсѣмъ старые, малые и больные остаются дома.

II.

СТАНИЦА ВЕЧЕРОМЪ.

Былъ тотъ особенный вечеръ, какой бываетъ только на Кавказѣ. Солнце зашло за горы, но было еще свѣтло. Заря охватила треть неба, и на свѣтѣ зари рѣзко отдѣлялись бѣловатыя громады горъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, неподвиженъ и звученъ. Длинная, въ нѣсколько верстъ, тѣнь ложилась отъ горъ на степи. Въ степи, за рѣкой, по дорогамъ, вездѣ было пусто. Ежели рѣдко-рѣдко гдѣ покажутся верховые, то уже казаки съ кордона и Чеченцы изъ аула, съ удивленіемъ и любопытствомъ, смотрятъ на верховыхъ и стараются догадаться, кто могутъ быть эти недобрые люди. Какъ вечеръ, такъ люди, изъ страха другъ передъ другомъ, жмутся къ жильямъ, и только звѣрь и птица, не боясь человѣка, свободно рыщутъ по этой пустынѣ. Изъ садовъ спѣшатъ съ веселымъ говоромъ, до захожденія солнца, казачки, привязывавшія плетни. И въ садахъ становится пусто, какъ и во всей окрестности; но станица въ эту пору вечера особенно оживляется. Со всѣхъ сторонъ подвигается пѣшкомъ, верхомъ

и на скрипучихъ арбахъ, народъ къ станицѣ. Дѣвки съ хворостинами, весело болтая, бѣгутъ къ воротамъ на встрѣчу скотинѣ, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, приведенныхъ ею изъ степи. Сытыя коровы и буйволицы разбредаются по улицамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними. Слышенъ ихъ рѣзкій говоръ, веселый смѣхъ и визги, перебиваемые ревомъ скотины. Тамъ казакъ въ оружіи верхомъ, выпросившійся съ кордона, подъѣзжаетъ къ хатѣ, и перегибаясь къ окну, постукиваетъ въ него, и вслѣдъ за стукомъ показывается красивая молодая головка казачки, и слышатся улыбающіяся ласковыя рѣчи. Тамъ скуластый, оборванный работникъ ногаецъ, пріѣхавъ съ камышомъ изъ степи, поворачиваетъ скрипящую арбу на чистомъ широкомъ дворѣ эсаула, и скидаетъ ярмо съ мотающихъ головами быковъ, и перекликается по-татарски съ хозяиномъ. Около лужи, занимающей почти всю улицу и мимо которой столько лѣтъ проходятъ люди, съ трудомъ лѣпясь по заборамъ, пробирается босая казачка съ вязанкой дровъ за спиной. Старикъ казакъ, возвращаясь съ рыбной ловли, несетъ черезъ плечо въ *саметкѣ* *) еще бьющихся серебристыхъ шамаекъ, и чтобы ближе пройдти, лѣзетъ черезъ проломанный заборъ сосѣда, и отдираетъ отъ забора зацѣпившійся зипунъ. Тамъ баба тащитъ сухой сукъ, и слышатся удары топора за угломъ. Визжатъ казачата, гоняющіе кубари на улицахъ вездѣ, гдѣ вышло ровное мѣсто. Черезъ заборы, чтобы не обходить, перелѣзаютъ бабы. Изо всѣхъ трубъ поднимается душистый дымъ кизяка. На каждомъ дворѣ слышится усиленная хлопотня, предшествующая тишинѣ ночи.

III.

СТАНИЦА НОЧЬЮ.

Ночь была темная, теплая и безвѣтренная. Только съ одной стороны небосклона свѣтились звѣзды; другая и большая часть неба, отъ горъ, была заволочена одною большою тучей. Черная туча, сливаясь съ горами, безъ вѣтра, медленно подвигалась дальше и дальше, рѣзко отдѣляясь своими изогнутыми краями отъ глубокаго звѣзднаго неба. Только впереди казаку видѣлся Терекъ и даль; сзади и съ боковъ его окружала стѣна камышей. Камыши изрѣдка, какъ будто безъ причины, начинали колебаться и шуршать другъ о друга. Снизу колеблющіяся махалки казались пушистыми вѣтвями деревъ на свѣтломъ краю неба. У самыхъ ногъ спереди былъ берегъ, подъ которымъ бурлилъ потокъ. Дальше глянцовитая движущаяся масса коричневой воды однообразно рябила около отмелей и берега. Еще дальше, — и вода, и берегъ, и туча, все сливалось въ непроницаемый мракъ. По поверхности воды тянулись черныя тѣни, которыя привычный глазъ казака признавалъ за проносимыя сверху коряги. Только изрѣдка зарница, отражаясь въ водѣ, какъ въ черномъ зеркалѣ, обозначала черту противоположнаго отлогаго берега. Равномѣрные ночные звуки, шуршанье камышинъ, храпѣнье казаковъ, жужжанье комаровъ и теченье воды прерывались изрѣдка то дальнимъ выстрѣломъ, то бульканьемъ отваливающагося берега, то всплескомъ большой рыбы, то трескомъ звѣря по дикому заросшему лѣсу.

Разъ сова пролетѣла вдоль по Тереку, задѣвая ровно черезъ два взмаха крыломъ о крыло. Надъ самою головой казаковъ она поворотила къ лѣсу, и подлетая къ дереву, не черезъ разъ, а ужъ съ каждымъ взмахомъ задѣвала крыломъ о крыло, и потомъ долго копошилась, усаживаясь на старой чинарѣ. При всякомъ такомъ неожиданномъ звукѣ, слухъ неспавшаго казака усиленно напрягался, глаза щурились, и онъ неторопливо ощупывалъ винтовку.

Прошла большая часть ночи. Черная туча, протянувшись на западъ изъ-за своихъ разорванныхъ краевъ, открыла чистое звѣздное небо и перевернутый золотистый рогъ мѣсяца красно засвѣтился надъ горами. Стало прохватывать холодомъ.

Гр. Л. Толстой.

*) Наметка.

Щитъ Ахиллеса.

Ахиллесъ, обиженный Агамемнономъ,
рѣшился не участвовать въ битвахъ
Грековъ съ Троянами. Это рѣшеніе
дало перевѣсъ Троянцамъ. Потерпѣвъ
нѣсколько пораженій, Греки обратились къ Ахиллесу съ просьбою, чтобы онъ хоть другу своему, Патроклу, позволилъ выйдти на сраженіе. Это желаніе своихъ соотечественниковъ Ахиллесъ исполнилъ и отпустилъ Патрокла, вооруживъ его въ свои доспѣхи.

Патроклъ убитъ Гекторомъ. Услышавъ объ этомъ, Ахиллесъ такъ зарыдалъ, что воплі его были слышны
въ самой глубинѣ моря. Дочь морскаго царя, Ѳетида, мать Ахиллеса, вышла изъ своего подводнаго дворца, чтобы утѣшить своего милаго сына. Излившъ предъ матерью свое горе, Ахиллесъ поклялся отомстить жестоко Троянамъ за убійство Патрокла. Мать напоминаетъ ему, что его доспѣхи, бывшіе на Патроклѣ, теперь въ рукахъ враговъ, и проситъ его подождать, пока она сходитъ къ Гефесту, богу огня, и попроситъ сдѣлать для него новые доспѣхи. Она идетъ на Олимпъ, въ домъ Гефеста, который, выслушавъ ея просьбу, тотчасъ же раздуваетъ въ своей кузницѣ огонь, кидаетъ въ него мѣдь, олово, серебро, золото, насаживаетъ на столбъ тяжелую наковальню, беретъ въ руки огромнѣйшій молотъ и клещи, и начинаетъ работать

Въ началѣ работалъ онъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ
Бѣлый, блестящій, тройной, и придѣлалъ ремень серебристый.
Щитъ изъ пяти составилъ листовъ, и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ по замысламъ творческимъ сдѣлалъ.
Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
Видны въ ихъ сонмѣ Плеяды, Гіады и мощь Оріона,
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона,
И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана.
Тамъ же два града представилъ онъ яснорѣчивыхъ народовъ:
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись.
Тамъ невѣстъ изъ чертоговъ свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ градскимъ, провожаютъ.
Юноши хорами въ плескахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.
Далѣе много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,
Мздѣ за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесаныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга:
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произноситъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.
Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшно сверкая оружіемъ. Рати двоякo грозили:
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться
Всѣми богатствами, сколько цвѣтущій ихъ градъ заключаетъ.

Тѣ не склонялись еще, и готовились
къ тайной засадѣ.
Стѣну стеречь по забраламъ супругъ
поставилъ любезныхъ
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ по-
стигнула старость,
Сами выходятъ: вождями ихъ идутъ
Арей и Паллада,
Оба златые, одѣтые оба златою одеж-
дой;
Видъ ихъ прекраснъ, въ доспѣхахъ
величественъ, сущіе боги!
Всѣмъ отличны они; человѣки далеко
ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедше, гдѣ имъ казало-
сь удобной засада,
Къ брегу рѣчному, гдѣ былъ водо-
ной табунокъ разнородныхъ,
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь
блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отдѣлясь, впере-
ди засѣдаютъ.
Смотрятъ кругомъ, не узрятъ ли овецъ
и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показались; два пастуха
за стадами,
Тѣшась цѣвницею звонкой, идутъ, не
предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ за-
сѣвшіе мужи;
Грабятъ и гонятъ рогатыхъ воловъ и
овецъ среброрунныхъ.
Цѣлое стадо угнали и пастырей стада
убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ
и тревогу при стадѣ,
Вои, на площади стражей стоящіе,
быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поска-
кали и въ мигъ принеслися.
Строемъ становятся, битвою бьются
по брегу рѣчному;
Колютъ другъ друга, метая стреми-
тельно мѣдныя копья,
Рыщутъ и Злоба и Смута и страшная
Смерть между ними:
Держитъ она то пронзеннаго, то не
пронзеннаго ловитъ.
Или убитаго за ногу тѣло волочитъ
по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью
людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они на-
падаютъ и бьются,
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ
кровавые трупы.

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле,
тучную, пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ;
на немъ землепашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и
впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу при-
ближаются нивы,
Каждому въ руки ихъ кубокъ вина,
веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ по-
лосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца
глубобразнаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади
орющихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь: такое онъ
диво представилъ.
Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими ни-
вами, жатву
Жали наемники, острыми въ дланяхъ
серпами сверкая.
Здѣсь полосой безпрерывною падаютъ
горстни густые;
Тамъ перевязчики ихъ въ снопы пе-
ревязлами вяжутъ.
Три перевязчика ходятъ за жнущими,
сзади ихъ дѣти,
Горстая быстро колосья, одни за дру-
гими въ охапахъ
Вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ
между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длани, стоитъ на бра-
здѣ, и душой веселится.
Вѣстники одаль, подъ тѣнію дуба,
трапезу готовятъ,
Съ жертву заклавши вола, вкругъ него
суетятся; а жены
Бѣлую сѣютъ муку для сладостной ве-
чери жнущимъ.
Сдѣлалъ на немъ отягченный гроздіе-
мъ садъ виноградный,
Весь золотой, лишь одни виноградныя
кисти чернѣлись;
И стоялъ онъ на сребряныхъ, рядомъ
вонзенныхъ, подпорахъ.
Около сада и ровъ темносиній и бѣ-
лую стѣну
Вывелъ изъ олова; къ саду одна про-
легала тропина,
Коей носильщики ходятъ, когда ви-
нограда собираютъ.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской
веселостью сердца,
Сладостный плодъ несли въ прекрас-
но-плетеныхъ корзинахъ.

Вкругъ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко бряцалъ, припѣвая прекрасно подъ льняныя струны
Голосомъ нѣжнымъ; они же вокругъ его—пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводомъ несутся.
Тамъ же и стадо представилъ воловъ, воздымающихъ роги:
Ихъ онъ изъ злата однихъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы, изъ оградъ вырываясь, мчатся на пастбу,
Къ шумной рѣкѣ, къ камышу густому по влажному брегу.
Слѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовъ быстроногихъ.
Два густогривые льва на переднихъ воловъ нападаютъ;
Тяжко мычащаго ловятъ быка, и ужасно реветъ онъ,
Львами влекомый, и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и сорвали огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ псовъ подстрекая.
Псы ихъ не слушаютъ; львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами:
Близко подступятъ, залаютъ на нихъ и назадъ убѣгаютъ.
Далѣе—сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый,
Въ тихой долинѣ, прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ
Стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырей кущи.
Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разновидный,
Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедалъ, Аріаднѣ прекрасноволосой.
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотой какъ елеемъ сіяютъ.
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ, прелестные, всѣхъ украшаютъ,
Сихъ золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится;
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.
Куча селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.
Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ окружилъ велелѣпный.

Сдѣлавъ такъ искусно огромный и крѣпкій щитъ, Гефестъ сдѣлалъ для Ахиллеса также латы, шлемъ, поножи, и положилъ всѣ эти доспѣхи предъ Ахиллесовой матерью. И, какъ ястребъ, она съ осребреннаго снѣгомъ Олимпа бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

Гнѣдичъ.

Соловецкій монастырь.

Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольня отъ церквей, выдѣлились башни отъ стѣны: видно еще что-то многое. Заяцкіе острова, направо, яснѣются также замѣчательно подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло забѣлѣлъ между группою деревьевъ и представилъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и не налюбоваться. Видъ его хорошъ, на сколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, безплодные гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ монастырь очень былъ похожъ на всѣ другіе монастыри рус-

скіе: разница была только въ томъ, что стѣна его пестрѣла огромными камнями, неотесанными, безпорядочно вбитыми въ стѣну, словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и, если такъ можно выразиться, дикостью своей увлекла меня. Прихвалили монастырскую ограду и гребцы мои. Въ половинѣ десятаго часа монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полъ-часа. ходу Ровно въ десять часовъ мы уже идемъ Соловецкой губой, между рядами гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернувшіеся по сторонамъ. Въ глубинѣ стоятъ ладьи и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда (до того глубока губа), но что англійская эскадра не подходила. У пристани толпится кучка народу, изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказывается гостинщикомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенной чистотою, ни особеннымъ порядкомъ помѣщенія. Крѣпко заснулъ я на новомъ мѣстѣ; но рано проснулся: монастырскіе часы монотонно отбивали минуты; чайки разнокалиберно, разноголосно кричатъ во всѣхъ углахъ ограды, на нашей гостиницѣ, на берегу, на водѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ мимо оконъ: и длинноносыя, и съ утиными носами, и сѣрыя, и бѣлыя—бездна! Крикомъ своимъ надоѣдаютъ невыносимо!.. Прямо передъ моими окнами хмуро глядитъ своими выломанными окнами, съ выбитыми стеклами, другая гостиница архангельская, такая же деревянная, обшитая тесомъ, покрашенная желтой краской.

По прибрежью бродятъ лошади съ колокольчиками на шеѣ; ходятъ инвалидные солдаты; на причалившей ладьѣ шевелится людъ православный: изъ за ограды бѣлѣются монастырскія церкви и несется звонкій благовѣстъ, отдающійся долгимъ эхомъ. Правѣе архангельской гостиницы зеленѣетъ осиновый лѣсъ, лѣвѣе—березки, и видятся низенькіе бѣлые столбики второй ограды; дальше сверкаетъ неоглядною, безконечною гладью море. Чайки продолжаютъ кричать попрежнему невыносимо тоскливо; у пристани бѣлѣетъ парусокъ—монахи ловятъ сельдей на сегодняшнюю трапезу. Солнышко весело свѣтитъ и разливаетъ пріятную, увлекающую теплоту. Я вышелъ изъ номера и пошелъ бродить подлѣ ограды.

Огромная трапеза была полна народу: монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ; всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Трапезующіе должны были отвѣчать „аминь“; всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки, у всѣхъ были деревянныя ложки съ вырѣзною благословляющею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписью:

На трапезѣ благословенной
Кушать братіи почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто: „во здравіе братіи“. Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное—соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей и каша гречневая съ коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, освященной въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанной при томъ же пѣніи и тогда же. Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпускъ, и затѣмъ расходились. Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись онѣ со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ, многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья: крикъ былъ невыносимый, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и свое-

образную картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе—смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать то же, что и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухѣ держится недолго; собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунается, хлопая по водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки—работники, безбрадые трудники, по словамъ моего гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣты въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалятъ; взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ; кто-то запѣлъ: „Воскресеніе Христово видѣвше“..

С. Максимовъ.

Соборъ въ Севильѣ.

Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, которое оставляетъ Севилья, справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка: „кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда“, справедлива ровно на столько, на сколько относится къ собору. Это зданіе не только чудо Испаніи, но чудо Европы.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженныя каменными балясинами и идущія одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежитъ одному строенію.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго, обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще Арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла: она выходитъ на дворъ, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями: они, говорятъ, посажены еще Арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи въ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было *по обѣщанію*. Основаніемъ плану служила такая мысль: „построимъ храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился»! Надо сказать, — цѣль была вполнѣ достигнута. Для выполненія ея, конечно, много способствовали громадныя средства, но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало: къ такому результату могло только привести религіозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и наконецъ вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожаный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ, его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; сред-

ній сводъ высоты необъятной: подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многія изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія.

Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ подъ руки испанскимъ художникамъ, презошелъ богатствомъ орнаментація и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ, колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины, мозаики и рѣдкія картины, — украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены кромѣ того распятіями, маленькими статуйками, драгоцѣнными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первоклассныхъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи.

Но желаніе дать обо всемъ хотя приблизительное понятіе было бы безумiемъ. Бывая здѣсь каждый день впродолженіе круглаго года, все таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ, при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростью, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восемьюдесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ Священнаго писанія. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны — солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, опускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія.

Намои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ и хоръ — мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ средину главнаго свода.

Иконостасъ отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой; за нею во всю ширину свода, отъ колонны до колонны, идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой: тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже по тому, что на иконостасѣ изображенъ Ветхій и Новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймой, покрытой херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми: все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху, оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбою.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянной

рѣзьбою. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ то же время перелистываньемъ пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ налояхъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленіи; прислушиваешься,—точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хоромъ и иконостасомъ возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилою какого-нибудь важнаго прелата: онъ служитъ поддержкою восковой свѣчки, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу; это цѣлая мачта. Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восемнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пяти сотъ службъ. По этому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ Севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одна изъ нихъ помѣщается на особыхъ народныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Рѣзные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ.

Словомъ, описать соборъ и все, что въ немъ заключается, невозможно; при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ и мысли путаются.

Д. Григоровичъ.

Мечеть Амру въ Каирѣ.

Когда интересуешься какимъ-нибудь народомъ, то первое, на что надо смотрѣть послѣ его костюма и общей внѣшней физіономіи—это архитектура. Въ ней выражаются наиболѣе установившіяся вѣрованія народа, его постоянныя задушевныя мысли и все, что есть устойчиваго въ его характерѣ и обычаяхъ.

Подъ четырьмя династіями, которыя послѣдовательно царствовали въ Каирѣ, со временъ основанія этого города и до завоеванія его турками, замѣчательныя мечети воздвигались въ различныя эпохи; но въ ихъ числѣ есть двѣ, которыя построены еще до основанія новаго Каира,—это мечети Амру и Тулума.

Мечеть Амру, начатая въ 21 году эгиры, относится ко времени арабскихъ завоеваній и представляетъ въ Египтѣ самый древній памятникъ ислама. Про основаніе этой мечети преданіе разсказываетъ слѣдующее: когда полководецъ Омара выбралъ для нея мѣсто и уже приступилъ къ постройкѣ, къ нему явилась какая-то вдова, объявившая, что она собственница этой земли и уступать ее подъ мечеть не намѣрена. Завоеватель конечно не остановился передъ такимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ и вслѣдъ силой отобрать у упрямой вдовы ея помѣстье.

Однако находя свое рѣшеніе какъ будто не совсѣмъ правильнымъ и прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на что-нибудь, онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ своимъ повелителемъ Омаромъ, находившимся въ то время въ арабскомъ портѣ Ямбо, для чего и отправилъ къ нему гонца. Когда гонецъ пріѣхалъ къ Калифу, то засталъ его прогуливающимся въ окрестностяхъ города. Внимательно выслушавъ то, о чемъ спрашивалъ его полководецъ, Калифъ, наклонившись, поднялъ валявшуюся на дорогѣ баранью голову, отъ которой остался лишь побѣлѣвшій черепъ; потомъ окунувши свой палецъ въ чернильницу, висѣвшую у него на поясѣ, нарисовалъ на лбу этого черепа двѣ черты, одну прямую, дру-

гую кривую и, обратившись къ посланному, сказалъ: «отвези это Амръ-бенъ-эль-асу, служителю Бога единаго.»

Получивши голову, Амру долго глядѣлъ на эти двѣ загадочныя линіи, значеніе которыхъ онъ не могъ угадать; но вдругъ, осѣненный внезапнымъ откровеніемъ, воскликнулъ „О, калифъ, ты правъ, надо слѣдовать прямому пути, угодному Богу, и избѣгать криваго, куда толкалъ меня шитанъ, побитый камнями!“ Наведенный на путь истины своимъ повелителемъ, Амру отказался отъ намѣренія силой отнять землю у вдовы, а предложилъ ей продать лишь такое количество земли, сколько можетъ быть охвачено воловьей кожей. Вдова согласилась на эту сдѣлку, не подозрѣвая, что Амру, какъ истинный восточный человѣкъ, обманетъ ее самымъ непозволительнымъ образомъ. Въ подражаніе Дидонѣ, Амру велѣлъ разрѣзать воловью кожу на тонкіе ремни, которыми и охватилъ все пространство, гдѣ стоитъ теперь мечеть его имени.

Когда подходишь къ ея сѣрымъ полуразвалившимся стѣнамъ, застроеннымъ кругомъ грязными коптскими домами и въ голову не можетъ придти мысль, что за этими стѣнами находится одно изъ величайшихъ и наилучше задуманныхъ произведеній арабскаго искусства.

Народъ въ Каирѣ называетъ эту мечеть „вѣнцомъ мечетей“. Въ извѣстномъ смыслѣ она заслуживаетъ это названіе, не только ради ея древности, грандіозныхъ формъ и размѣровъ, но и потому, что въ ней и въ ней лишь одной вѣрующіе всѣхъ вѣроисповѣданій, признающіе единаго Бога, не разъ собирались для молитвы въ годину общаго несчастія. Какой видъ она должна была представлять, когда въ послѣдній разъ, при Мехметѣ-Али, магометане съ своими улемами во главѣ, христіане различныхъ исповѣданій, предшествуемые своими епископами и священниками, евреи своими раввинами,— всѣ вмѣстѣ вошля въ ея широкій дворъ и въ горячей молитвѣ преклонились передъ Всевышнимъ! Былъ голодъ и неразлившійся Нилъ угрожалъ на слѣдующій годъ тѣмъ-же.

Мечеть Амру представляетъ типъ арабскихъ построекъ этого рода въ ихъ первоначальномъ видѣ; по ней можно изучать этотъ типъ, воспроизведенный въ другихъ мечетяхъ Каира и нѣсколько видоизмѣненный въ Испаніи и Сициліи. Въ своемъ началѣ мечеть не была „домомъ молитвы“, но открытымъ дворомъ, окруженнымъ портиками и колоннами, изъ коихъ самыя украшенныя всегда обращены въ сторону Мекки. По обѣимъ сторонамъ двора, простирающагося передъ мѣстомъ, назначеннымъ для омовенія и молитвы, находятся или, скорѣе, находились бани, конюшни и помѣщенія для пріѣзжающихъ, однимъ словомъ, то, что все, вмѣстѣ взятое, называется по арабски *окаль*, т. е. каравансарай или постоялый дворъ. Такимъ образомъ мечеть съ самаго начала получила характерный видъ храма кочующаго народа, храма дѣтей Измаила, сына Авраама и Агари. И, прежде чѣмъ сдѣлаться домомъ молитвы, мечеть была странноприимнымъ убѣжищемъ; да и чѣмъ могъ быть инымъ домъ Бога у народа, не имѣвшаго осѣдлаго мѣста жительства, у народа, который до сихъ поръ, разсѣявшись уже по городамъ, все еще хранитъ въ своей душѣ любовь къ пустынѣ, къ свободной жизни кочевника и все еще помнитъ про ту палатку, которую его отцы ставили въ открытомъ полѣ среди зеленѣющаго оазиса, вблизи колодца.

Необходимый аттрибутъ мечети, минаретъ—башня, возвышающаяся надъ остальными постройками, куда влѣзаетъ муэдзинъ, чтобы призывать къ молитвѣ, явился позже, въ періодъ полнаго разцвѣта арабскаго зодчества, и въ настоящее время составляетъ особенную и главную прелесть восточныхъ городовъ. Въ минаретахъ выразилась со всею ясностью отличительная черта арабской архитектуры, заключающаяся въ сочетаніи выступовъ (encorbellement) и впадинъ. Эти выступы, выдаваясь впередъ и образуя карнизы, консоли, висячіе въ воздухѣ балконы и галлереи, позволяютъ расширять верхніе этажи зданій сравнительно съ нижними и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ то, отъ чего зависитъ вся грація и легкость

каирскихъ минаретовъ. Представьте себѣ, какой некрасивый видъ имѣла-бы совершенно круглая башня одинаковаго діаметра снизу до верху. Но если вы ее раздѣлите на этажи и каждый изъ нихъ украсите выступомъ, то гладкимъ, то многограннымъ, то получите разнообразный, пріятный для глаза рядъ выпуклостей и уступовъ, нарушающихъ монотонность прямой линіи. Если, кромѣ того, вы представите себѣ всю поверхность минарета, изукрашенную узорами, вырѣзанными въ камнѣ, или вытѣсненными въ штукатуркѣ, одинъ этажъ —оплетеннымъ сѣтью геометрическихъ фигуръ, другой—окруженнымъ ажурной колоннадой, а третій—съ стрѣльчатыми окнами и дверью, выходящей на балконъ, если всѣ выступы будутъ имѣть неодинаковые профили, а рисунки перилъ и орнамента каждаго этажа будутъ различные... то вы получите идеальный типъ минарета.

Вкусъ къ выступамъ и навѣсамъ въ арабской архитектурѣ вполнѣ понятенъ у народа, живущаго въ жаркой странѣ. Онъ объясняется необходимостью укрываться въ тѣни отъ вертикальныхъ лучей солнца, не сходящаго съ небосклона впродолженіе двѣнадцати мѣсяцевъ въ году. Но выступъ долженъ былъ развиться въ мусульманской архитектурѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной—этого требовали обычаи народа, вся его жизнь. Такимъ образомъ, ставя архитектуру въ тѣсную зависимость отъ нравовъ и обычаевъ даннаго народа, мы видимъ, какъ всѣ требованія жизни отражаются въ ней въ отвѣтъ на запросы вкуса или на предписанія законовъ вѣры. Напримѣръ, обычай и коранъ требуютъ, чтобы женщины были заперты въ гаремахъ и были недоступны для нескромныхъ взоровъ прохожихъ, —архитектура, удовлетворяя этимъ требованіямъ, строитъ окна съ частыми рѣшетками *мухарабіэ*, выдающіяся надъ нижнимъ этажемъ и позволяющія женщинѣ, не подвергаясь опасности быть увидѣнной, глядѣть на улицу. Нужно, чтобы всякій мусульманинъ могъ въ установленные кораномъ часы совершать свою молитву, —строятся высокіе балконы, откуда былъ-бы слышенъ призывъ муэдзина. Наконецъ, надо было, чтобы пріѣзжій купецъ изъ Бассоры или Медины могъ, не нарушая своихъ привычекъ къ кейфу и кальяну, слѣдить за нагрузкой или разгрузкой своихъ верблюдовъ,—строятся обширные каравансараи съ навѣсами, сидя въ тѣни которыхъ, мусульманинъ можетъ видѣть, что дѣлается на дворѣ, какъ работаютъ его хаммалы, въ порядкѣ ли его товаръ. Все это отразилось въ архитектурѣ, которая выработала соотвѣтствующія формы и образовала всѣ эти легкіе навѣсы, своды и многочисленные, одинъ выдающійся надъ другимъ, карнизы, которыми изобилуетъ каждая арабская постройка.

Въ общемъ, планъ мечети Амру имѣетъ видъ двухъ смежныхъ четырехугольныхъ дворовъ. Первый изъ нихъ застроенъ жилыми помѣщеніями, а второй, составляющій собственно мечеть, окруженъ со всѣхъ сторонъ нѣсколькими рядами колоннъ, поддерживающихъ на сводахъ крышу. Все зданіе обнесено глухой стѣной, въ восточной части которой, обращенной въ сторону Мекки, находится святилище (ліуанъ).

Въ настоящее время мечеть эта находится въ страшномъ упадкѣ; всюду виднѣются обвалившіяся стѣны, груды камней, на которыхъ грѣются на солнцѣ ящерицы, проворно исчезающія при малѣйшемъ шорохѣ; подъ остатками крыши ласточки прилѣпили свои гнѣзда; полъ, изъ каменныхъ плитъ, весь провалился и заросъ травой и мхомъ. Фонтанъ для омовеній не журчитъ, да въ немъ и воды нѣтъ. Много колоннъ упало, а нѣкоторыя стоятъ одиноко, ничего не поддерживая и несвязанныя съ остальными.

Восточная сторона мечети сохранилась лучше остальныхъ. Здѣсь почти нѣтъ ни одной упавшей колонны и ни одного обрушившагося свода. Расположенныя въ шесть рядовъ и на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой, колонны эти съ ихъ легкими стрѣльчатыми сводами образуютъ замѣчательно эффектную въ перспективномъ отношеніи залу, погруженную въ полумракъ, куда лишь изрѣдка попадаетъ лучъ солнца, пробираясь между колоннами, какъ въ лѣсной чащѣ, и обливая полосой яркаго свѣта узоры изорванныхъ, ветхихъ ковровъ и цыновокъ, покрывающихъ полъ мечети. Кордовская мечеть, которая,

какъ кажется, послужила моделью для всѣхъ испанскихъ мечетей, выстроена по совершенно такому-же плану. Только въ Кордовѣ крытая часть мечети занимаетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ открытая. Колоннада, составляющая восточную часть строенія, вмѣсто шести рядовъ, какъ въ мечети Амру, имѣетъ ихъ девятнадцать, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ Кордовѣ въ три раза больше выпадаетъ дождя, чѣмъ въ Каирѣ. Мечети Танжера и Феца въ Марокко, равно какъ и мечети въ Дамаскѣ, Алеппо, Мединѣ и Меккѣ, построены и расположены совершенно такъ-же, какъ мечеть Амру въ Каирѣ. Отсюда видно, какую важность представляетъ она для исторіи мусульманскаго искусства.

Большая часть ея колоннъ сдѣлана изъ мрамора, а капители принадлежатъ ко всевозможнымъ стилямъ и орденамъ древняго искусства: здѣсь вы встрѣтите и коринѳскіе акантовые листья, и іоническій завитокъ; рядомъ съ византійской кубической капителью стоитъ капитель временъ Птоломеевъ, украшенная цвѣтами греческой работы. Одного лишь египетскаго искусства здѣсь нѣтъ, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ арабскихъ постройкахъ. Если-бы всѣ эти колонны могли разсказать намъ свою исторію, изъ какихъ храмовъ и дворцовъ онѣ взяты, то сколько передали-бы онѣ свѣдѣній о Мемфисѣ, Геліополисѣ и другихъ городахъ, которые стояли когда-то не далеко отъ мѣста теперешняго Каира и исчезли, какъ умѣютъ исчезать только одни города. Во время основанія Фостата ихъ развалины представляли еще неисчерпаемый источникъ матеріала для арабскихъ построекъ, притомъ матеріала совершенно готоваго, который цѣликомъ, не переработывая, брали мусульманскіе завоеватели и ставили въ свои мечети и дворцы, ни мало не смущаясь ихъ разнородностью и не подозрѣвая, что какая-нибудь колонна изъ храма Аѳродиты поддерживаетъ у нихъ плечо свода, другая сторона котораго покоится на колоннѣ, стоявшей у алтаря церкви, построенной въ честь Пр. Богородицы.

Въ глубинѣ колонной залы открывается небольшая ниша, *михрабъ* или *кибла*, обозначающая направленіе, по которому правовѣрные должны искать мысленно Мекку. Она служитъ также для чтенія Корана въ праздничные дни и обыкновенно бываетъ роскошно украшена мозаикой и рѣзьбою. Налѣво отъ киблы стоитъ *мимбаръ* или каѳедра, деревянное возвышеніе, откуда проповѣдуетъ каждую пятницу имамъ и куда ведетъ узенькая прямая лѣстница, вся, такъ-же какъ и ниша, украшенная рѣзьбой и инкрустированными узорами.

Абдалла, сынъ основателя Фостата и самаго храма, почитается здѣсь за святаго; его гробница стоитъ здѣсь же, на дворѣ мечети. Но не такъ привлекаетъ она толпы мусульманъ, какъ три колонны, ничѣмъ съ виду не отличающіяся отъ остальныхъ. Двѣ изъ нихъ, отстоящія одна отъ другой не болѣе какъ на полъ аршина, составляютъ предметъ особаго уваженія правовѣрныхъ. Это—колонны „испытанія“, встрѣчающіяся, кромѣ мечети Амру, еще въ нѣкоторыхъ другихъ мечетяхъ, напримѣръ, въ гама-эль Акса въ Іерусалимѣ. Существуетъ повѣріе, что только одни праведники могутъ пролѣзть между ними. Богатому, сытому мусульманину, конечно, труднѣе пройти въ это „ушко иголки“, чѣмъ худому, голодному мытарю. Около этой пары колоннъ можно всегда видѣть толпу любопытныхъ, наблюдающихъ за конвульсіями какого нибудь толстяка, пытающагося во чтобы то ни стало наглядно убѣдить присутствующихъ въ своей праведности.

Въ нашей компаніи была одна претолстая англичанка, которой, должно быть, очень хотѣлось доказать, что она достойна рая Магомета. Но, какъ она ни прилагала всѣхъ своихъ стараній, чтобы протолкаться между безжалостными колоннами, какъ ни билась,—ничего не могла сдѣлать. Кончилось тѣмъ, что она застряла, и ее съ большимъ трудомъ высвободилъ нашъ драгоманъ Мухаммедъ, съ укоризной покачивавшій головой, глядя на не благочестивыя попытки англичанки. Третья колонна, которую чтятъ магометане, стоитъ недалеко отъ мимбара. Она носитъ на себѣ слѣдъ хлыста Пророка или, по другому сказанію,

2018313817

болѣе сообразному съ хронологіей, слѣдъ кнута Омара, такъ какъ мечеть эта основана послѣ смерти Магомета. Когда Амру началъ постройку двора мечети, то онъ попросилъ перваго или втораго—скажемъ втораго, т. е. калифа, чтобы не выходить изъ границъ историческаго правдоподобія—прислать ему одну колонну изъ Мекки. Повелитель правовѣрныхъ приказалъ избранной имъ колоннѣ летѣть къ его полководцу въ Фостатъ; но она не послушалась его и не тронулась съ мѣста, не смотря на дважды повторенное приказаніе. Такъ какъ при третьемъ повелѣніи она тоже не оказывала никакого расположенія пуститься въ путь, то взбѣшенный калифъ ударилъ ее курбашемъ (хлыстомъ), воззвавъ къ Богу единому и Магомету, его пророку. Колонна тотчасъ же взвилась и, опустившись къ ногамъ Амру, стала на то мѣсто, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ*).

Андреевскій.

*) Г. Лютке предполагаетъ, что бѣлая полоса, слѣдъ хлыста, имя Магомета, запечатлѣвшееся бѣлыми буквами на темномъ фонѣ колонны, сдѣланы съ помощью какого нибудь тупаго инструмента, ударами котораго произведены мелкія ложины подъ поверхностью камня. Наощупь же нельзя замѣтить ни малѣйшаго углубленія или шероховатости.

Мечеть султана Гассана въ Каирѣ.

Насколько интересна мечеть эль-Азхаръ по своему нравственному значенію для магометанъ, настоль интересна мечеть Гассана, какъ типъ вполнѣ развившагося арабскаго стиля.

Не надо смѣшивать архитектуру египетскихъ арабовъ съ архитектурой испанскихъ мавровъ. Несомнѣнно, и та и другая имѣютъ много общаго, но мавританское искусство болѣе поверхностно, нѣмъ каирское. Въ началѣ зодчіе калифовъ, избѣгая массивныхъ построекъ, какъ-бы въ насмѣшку надъ древними египетскими произведеніями, въ которыхъ все дышетъ такою незыблемою прочностью, строили на берегахъ Нила такія смѣлыя арки и на такихъ тонкихъ колоннахъ, что „страшно глядѣть и непонятно было, чѣмъ и какъ все это держится“, какъ пишетъ Абульфеда про какую-то мечеть. Но скоро, именно во время полнаго развитія арабскаго искусства, которое совпало съ царствованіемъ династіи Мамелюковъ, они отказались отъ своего прежняго направленія и въ нѣкоторыхъ постройкахъ обнаружили необыкновенную силу и умѣніе обращаться съ массивнымъ матеріаломъ. Свидѣтельницею этого перехода служитъ мечеть султана Гассана. По грандіозности, величію и мужественной граціи ея формъ, ее можно было бы приписать какому-нибудь сарацинскому Микель—Анжело XIV-го вѣка, вдохновленному вѣрою въ ророка страшнымъ величіемъ султановъ Бахаритовъ. Она стоитъ въ концѣ бульвара Мехмета-Али, между площадями Гассана и Румейлэ, прежде бывшей подъ садами калифа эбнъ-Тулума.

Эта знаменитая мечеть имѣетъ въ длину сто сорокъ метровъ и семьдесятъ пять въ ширину. Куполъ, возвышающійся надъ гробницею султана, достигаетъ пятидесяти пяти метровъ, а одинъ изъ минаретовъ—восьмидесяти шести метровъ. Стѣны, сложенныя изъ тесаннаго камня и раскрашенныя первоначально горизонтальными красными полосами, наверху оканчиваются широкимъ, сильно выдающимся карнизомъ, образованнымъ изъ нависшихъ сталактитовъ, въ граняхъ которыхъ такъ красиво играетъ южное солнце. Главная дверь, поразительныхъ размѣровъ, отдѣлана съ большою роскошью. Порогъ—изъ порфира, а двѣ боковыя колонны, поддерживающія сводъ надъ дверью, изъ лазуревато камня.

Внутренность мечети производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ ея внѣшній видъ. Съ первыхъ шаговъ подъ ея высокимъ сводомъ вы поражены величіемъ архитектоническихъ линій этого храма. По срединѣ ея двора находится фонтанъ для омовеній, имѣющій форму грамаднаго шара, покоющагося на восьми колоннахъ и украшеннаго великолѣпною золотою надписью. Надъ каждой изъ четырехъ стѣнъ виситъ глубокій стрѣльчатый сводъ въ двадцать восемь метровъ вышины; наи-

болѣе глубокій изъ нихъ занятъ святилищемъ, поражающимъ роскошью украшенія стѣнъ сравнительно съ крайней простотой убранства залъ, назначенныхъ для молящихся. Глядя на удивительныя средства, которыя арабы умѣли найти въ геометріи для украшенія плоскихъ поверхностей, начинаешь менѣе сожалѣть, что законы ислама запретили, какъ идолопоклонничество, вводить въ орнаментъ изображенія одушевленныхъ предметовъ. Эти законы, которые въ сущности менѣе абсолютны, чѣмъ привыкли это думать, однако отклонили арабскихъ художниковъ отъ скульптуры и удержали ихъ на пути развитія этой спеціальной, прирожденной семитской расѣ способности ко всякимъ тонкимъ соображеніямъ и, въ частности, къ математикѣ и начертательной геометріи. Все, что персы и испанскіе арабы, болѣе свободные въ этомъ отношеніи, чѣмъ сирійскіе и египетскіе, пытались сдѣлать въ области скульптуры или рисунка изъ міра одушевленнаго, все было ниже посредственности: что же касается орнамента, то въ этой отрасли искусства, наоборотъ, всѣ народы семитской расы, съ ихъ различными стилями, не имѣютъ соперниковъ. Орнаментація плоскостей посредствомъ арабесокъ составляетъ ихъ личную, ни откуда ими не заимствованную собственность, начало которой лежитъ въ ихъ прирожденномъ искусствѣ сочетать цвѣта и затѣйливые узоры въ коврахъ и тканяхъ, въ чемъ они достигли совершенства еще въ глубокой древности.

Внутри мечети прохладно и тихо; сквозь ея толстыя стѣны не проникаетъ ни единаго звука съ шумной площади; слышно лишь тихое журчаніе фонтана и по временамъ вздохъ молящагося. Изъ полумрака стѣнъ видны громадныя золотыя буквы, гласящія основныя истины ученія Магомета, тѣ истины, которыя, въ видѣ смѣлыхъ и образныхъ мыслей, составляютъ суть религіознаго фанатизма мусульманъ. Вся исторія могущества и славы ислама становится понятною въ виду этихъ короткихъ и энергическихъ изреченій Корана, а еще болѣе въ виду молящихся, подобныхъ восторженнымъ маніакамъ. Какъ красивы эти неподвижныя фигуры съ задумчивыми, спокойными лицами, съ глазами, устремленными куда-то вдаль, за предѣлы человѣческой жизни! Смотря на нихъ, является желаніе самому надѣть шелковый кафтанъ, освѣжиться омовеніемъ у фонтана и пойти сѣсть на коверъ, покрывающій каменныя плиты мечети, какъ цвѣтущее поле цвѣтовъ, среди которыхъ утопаетъ молящійся, плавая въ экстазѣ. Какая граціозная медленность, какая торжественность въ движеніяхъ молящагося мусульманина! Какою вѣрою, твердой и ясной, дышетъ его лицо, озаренное свѣтомъ вдохновенія, подобно здѣшнему небу, всегда озаренному радостными лучами восточнаго солнца! Мистицизмъ Востока полонъ солнца, какъ полна имъ здѣсь вся природа; завѣщанный же намъ средними вѣками мистицизмъ насмуренъ и грустенъ, какъ и нашъ климатъ: молящійся у насъ свѣшиваетъ голову на грудь, его вѣра требуетъ смиренія, скорби и любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и глубокое утѣшеніе, котораго не имѣютъ магометане, въ словахъ: „блаженны плачущіе“.

Андреевскій.

Театръ у древнихъ Грековъ.

Театры у Грековъ были очень обширны. Крыши на нихъ не дѣлалось, такъ какъ представленія давались только днемъ. Ихъ размѣры разсчитывались такъ, чтобы вмѣщать все мужское населеніе города и его окрестностей. Театръ въ Аѳинахъ вмѣщалъ 30,000 человѣкъ, въ Мегалополисѣ — даже 40 тысячъ. Но театральныя представленія служили не для одного увеселенія и развлеченія народа, а также и для религіозныхъ цѣлей: они сопровождали и украшали собою празднества въ честь боговъ. Далѣе, они дѣйствовали на народное образованіе, пробуждали сознаніе національности, развивали вкусъ и художественное чувство. Вслѣдствіе всего этого государство не щадило никакихъ издержекъ для представленій. Раннимъ утромъ театры освящались богатыми жертвоприношеніями, торжественными процессіями и молит-

вами. Представленія начинались съ восходомъ солнца, среди благоуханнаго дыма жертвенныхъ куреній. Зрители сидѣли въ благоговѣйномъ молчаніи, съ вѣнками на головахъ и въ праздничныхъ платьяхъ. Зданіе театра считалось священнымъ, подобно храму.

Его составляли три главныя части: мѣста для зрителей, сцена, естественно находившаяся насупротивъ этихъ мѣстъ, и орхестра, помѣщавшаяся въ срединѣ между обѣими этими частями. Мѣста для зрителей образовали полукруги, возвышавшіеся одинъ надъ другимъ и увеличивавшіеся по мѣрѣ удаленія отъ средины. Концами они упирались въ сцену и вмѣстѣ съ нею замыкали въ себѣ орхестру. Большею частію театры строились на склонахъ холмовъ; ступени выдѣлывали прямо изъ земли, выкладывали ихъ мраморомъ или другимъ камнемъ; если же холмъ составляла скала, то ихъ вырубали въ ней.

Расположеніе мѣстъ для зрителей концентрическими полукругами, возвышающимися одинъ надъ другимъ, было необходимо для того, чтобы зрители могли хорошо видѣть и слышать все, что происходило на сценѣ. Въ большихъ театрахъ эти мѣста раздѣлялись на два или на три отдѣленія, посредствомъ широкихъ проходовъ, тянувшихся отъ одного конца полукруга до другаго. Каждое отдѣленіе снова дробилось на нѣсколько меньшихъ, клинообразныхъ отдѣленій, посредствомъ лѣстницъ, которыя шли, въ видѣ лучей, отъ нижняго до верхняго ряда мѣстъ. Ступени были такъ широки, что сидѣвшіе на нихъ могли свободно ставить свои ноги за спинами зрителей, занимавшихъ низшія ступени.

На мѣста зрители проходили или сверху, черезъ двери наружной стѣны, окружавшей театръ, или же черезъ орхестру, откуда поднимались по маленькимъ лѣстницамъ на нижнюю площадку, а съ нея потомъ взбирались выше и выше по всходамъ, которые прорѣзывали лучами весь амфитеатръ. Сцена образовала прямоугольникъ, тянувшійся въ длину всей орхестры; но глубина его была менѣе ширины. Бока сцены упирались въ два боковыя зданія, между которыми и мѣстами для зрителей находились, съ каждой стороны, ворота, для входа въ орхестру. Наконецъ, пространство за задней стѣною сцены служило отчасти для переодѣванья актеровъ и хора, отчасти для помѣщенія машинъ, костюмовъ и т. п. Впрочемъ собственно машинная часть древнихъ театровъ была очень бѣдна сравнительно съ ея нынѣшнимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Задняя стѣна сцены обыкновенно представляла собою дворецъ, съ тремя дверями, изъ среднихъ дверей выходитъ царь, владѣтель дворца; всѣ другія боковыя двери означали входъ въ женскіе покои, въ комнаты для гостей и другія второстепенныя зданія. Нерѣдко также на этой стѣнѣ изображали храмъ съ его принадлежностями. Перемѣны сценъ бывали рѣдки; хотя боковыя декораціи и могли мѣняться посредствомъ извѣстнаго механизма, но этого нельзя и сравнивать съ нынѣшними быстрыми и частыми перемѣнами сценъ и декорацій.

Самое главное отличіе древнихъ театровъ отъ нашихъ состояло въ размѣрахъ и значеніи орхестры. Она была нѣсколько ниже сцены и соединялась съ нею лѣстницами, по которымъ хоръ могъ всходить изъ орхестры на сцену и сходить со сцены въ орхестру. Такъ какъ зданія театровъ употреблялись и для религіозныхъ процессій, то для этого по срединѣ орхестры находился четырехъ-угольный жертвенникъ, окруженный ступенями.

Хоръ—какъ показываетъ уже самое положеніе орхестры, собственно для хора назначенной—занималъ средину между представлявшимся на сценѣ дѣйствіемъ и зрителемъ. Онъ не принималъ участія въ дѣйствіи, но былъ къ нему близокъ, потому что представлялъ лица, болѣе или менѣе въ немъ заинтересованныя: жителей страны или города, свиту и т. п.; онъ сопровождалъ то, что представлялось на сценѣ, лирическимъ выраженіемъ чувствованій зрителя, слѣдящаго за представленіемъ съ глубокимъ сердечнымъ участіемъ: онъ хвалилъ добрыхъ и разумныхъ, призывалъ къ умѣренности увлекавшихся какою-нибудь страстью, утѣшалъ страждущаго, жалѣлъ невиннаго, напоминалъ о божественной карѣ, приводилъ примѣры изъ области миѳовъ, произносилъ

золотыя изреченія мудрости и благочестія.

На высокихъ котурнахъ, въ пышныхъ праздничныхъ одеждахъ, съ золотыми вѣнками на головѣ, вступали участники хора въ оркестру и обходили жертвенникъ торжественнымъ, мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейтъ и священныхъ пѣсенъ. Разучиванье хоровыхъ пѣсенъ составляло главный предметъ заботливости поэтовъ; они трудились надъ нимъ задолго до представленія, придумывали мелодіи и соотвѣтствующія пляски, и не щадили ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы дать вполнѣ достойное выраженіе своимъ мыслямъ. Обязанность ставить хоры была возложена правительствомъ на богачей, по очереди, и они старались перещеголять другъ друга пышностію и роскошью постановки. Кромѣ хора, объ устройствѣ котораго заботилось государство, поэтъ получалъ также необходимыхъ актеровъ, въ случаѣ если у него не было своихъ актеровъ, которые уже исключительно посвящали себя представленію его пьесъ. Наконецъ, государство же заботилось и о публикѣ: по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ со временъ Перикла, бѣднѣйшіе граждане получали изъ государственной казны по два обола для платы за входъ арендаторамъ театра, которые за это обязаны были содержать зданіе въ надлежащемъ порядкѣ.

Пятигорскъ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынѣче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона: на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего-бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество...

Лермонтовъ.

Крымскіе очерки.

Надъ неприступной кругизною
Повисъ туманный небосклонъ;
Тамъ горъ зубчатою стѣною
Отъ юга сѣверъ отдѣленъ.
Тамъ ночь и снѣгъ; тамъ, врагъ веселья,
Сѣдой зимы сердитый богъ
Играетъ вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнулъ къ ущелью
И воетъ въ ихъ гранитный рогъ.

Но здѣсь благоухаютъ розы,
Безсильно вихремъ снѣговымъ
Сюда онъ шлетъ свои угрозы,
Цвѣтущій берегъ невредимъ.
Надъ нимъ весна младая вѣетъ,
И лавръ, Діаною хранимъ,
Въ лучахъ полудня зеленѣетъ
Надъ моремъ вѣчно голубымъ.

Гр. А. Толстой.

Картина Кавказа.

Между тѣмъ, чай былъ выпитъ: давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои

тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разорваннаго занавѣса. Мы *) вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя вѣчственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо все было на небѣ и землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-Гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-Горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, поймете мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-Гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое яблоко, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то-есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли. Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все-жъ потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: — что за край!

И точно, такую панораму врядъ-ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ-же горы; но хоть-бы двѣ скалы, похожія одна на другую, — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить на вѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ-бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ“, воскликнулъ онъ, „что нынѣче будетъ погода: надо торопиться, а то пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Лермонтовъ.

*) Разсказчикъ и его спутникъ, штабсъ-капитанъ, Максимъ Максимовичъ.

Крымскіе виды.

(Георгіевскій монастырь).

До Георгіевскаго монастыря отъ Севастополя 12 верстъ.

Ѣдешь по самой постылой дорогѣ. Пустырь и разоренье. Разрушенные хутора, осыпавшіяся траншеи, холмы батарей, и во всемъ и на всемъ камни. Откуда только берутся они?

Когда ѣдешь, съ одной стороны видишь Камышевую бухту, гдѣ жили наши враги, съ другой стороны — церковь и ограду кладбища, гдѣ они похоронены. Ихъ кладбище похоже на маленькую опрятную деревеньку; особый смотритель—французъ и сторожъ живутъ при немъ, оберегая прахъ, священный для отечества даже на далекой чужбинѣ.

Ѣхалось долго и хотя извощикъ разсказывалъ мнѣ въ это время много интереснаго объ осадѣ Севастополя, все-таки соскучилось. Вижу вдругъ на пустынномъ полѣ какая-то неуклюжая колокольня, около нея длинныя казармы. Это что? Георгіевскій монастырь...

Признаюсь, стоило трястись 12 верстъ по кампямъ, чтобы увидѣть эти казармы. Вокругъ ни клочка моря, ни клочка горы. Пустыня сама поднимается горою къ горизонту, и на краю ея самый прозаическій монастырь. Недовольный, подъѣзжаю къ оградѣ... Куда идти? Проходитъ монахъ по двору.

— Батюшка, я желалъ бы осмотрѣть монастырь!

— А идите-себѣ съ Богомъ, вонъ внизъ подъ колокольню, тамъ все увидите.

Пошелъ въ подъѣздъ подъ колокольню; тамъ ступени внизъ. Спускаюсь, вышелъ—Господи! да гдѣ я?

Одинъ шагъ изъ мертвой, безобразной пустыни, и меня вдругъ охватило могущественное и грозное великолѣпіе... Передо мною, на страшной глуби и на страшное пространство, колыхалось синее волнующееся море, переливавшее зеленью, багрянцемъ, серебромъ и чернью.

Громадные утесы, обглоданные, оборванные, шагнули съ обѣихъ сторонъ въ это ревущее море.

Въ это мгновенье я понялъ всю глубину смысла истертаго книжнаго выраженья: *онѣмѣть отъ удивленья*; я стоялъ и „не вѣрилъ своимъ глазамъ,“ въ буквальномъ значеніи словъ, безъ стилистическаго преувеличиванія. Островерхіе великаны сурово стояли среди колыханія и ропота, ступивъ неподвижною пятою... одинъ старый, сизозеленый, обросшій мохомъ; другой — бурый, желтый, малиновый, лоснящійся своими каменными ребрами... Много ихъ тутъ, этихъ угрюмыхъ отшельниковъ. На нихъ нѣтъ возможности забраться ни съ какой стороны. Только вотъ кипарисы вползли на одну изъ верхушекъ, острыхъ какъ сахарныя головы, одинъ впереди другаго, словно на перегонку — кто кого перещеголяетъ безумною отвагою. Передній уже вбѣжалъ туда, гдѣ выше его только облака да птицы. Тотъ послѣдній высокій утесъ, за которымъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу и у ногъ котораго съ особенною злобой грызутся и плещутъ волны, это — знаменитый *мысъ Фіолентъ*.

Его еще называютъ *Партеніумъ*... На немъ возвышалось, три тысячи лѣтъ тому назадъ, капище кровавой богини-дѣвственницы; если это правда, то мысль, воздвигнувшая его здѣсь, была мысль художника и поэта.

Если бы Гете посѣтилъ этотъ мысъ, на которомъ стояла его Іфигенія: «Das Land der Grichen mit der Seele suchend», можетъ быть, въ его удивительной трагедіи прибавились бы страницы, которыхъ онъ самъ не чуялъ...

Нескоро я оторвалъ глаза отъ чудной панорамы; я подошелъ къ рѣшеткѣ монастырскаго двора, и глянулъ внизъ... Подо мною была бездна... Монастырь виситъ на карнизѣ этой бездны; голова нѣсколько кружится отъ непривычки, когда смотришь внизъ.

Страшно глядѣть отсюда на море. Еще страшнѣе лѣзть къ нему въ пасть. А лѣзть надобно; къ нему зоветъ неотразимо; говорятъ, кролика такъ зоветъ въ пасть боа...

Обрывъ къ морю крутъ и спадаетъ многими этажами...

Кипарисы странной формы, расплостанные, встрепанные, низенькіе, нисколько не напоминающіе столь знакомыхъ крымчакамъ пирамидальныхъ кипарисовъ, сбѣгаютъ отъ монастыря къ морю, по камнямъ и скаламъ.

Они всѣ, конечно, зелены. По этимъ же обрывамъ тѣснятся съ ними персики и миндальныя деревья. Бѣлый и розовый снѣгъ ихъ пахучихъ цвѣтовъ круглыми шапками вырѣзывается среди темной зелени... Но эти цвѣты и запахъ не въ состояніи маскировать безплодныхъ обваловъ берега. Глубоко внизу торчатъ среди моря обломки утесовъ, когда-то возвышавшихся наравнѣ съ обстоящими меня великанами.

Безсмысленною и безустанною чередою бьютъ волны въ эти утесистые островки, колонны и камни, разсыпаясь вкругъ нихъ и раздаваясь въ обѣ стороны.

Густая, яркая синь окрашиваетъ темныя воды въ тѣни каменныхъ утесовъ... А въ то же время береговая зыбь, лижущая бѣлые голыши, играетъ прозрачною свѣтло-зеленою ярью, опушенною бѣлою пѣною.

Айвазовскій невольно вспоминается при созерцаніи этого моря и скалъ. Ясно, что это море и скалы воспитали его художественную кисть. Тутъ обнаружена тайна его воздушности, его безтѣлесныхъ перспективъ, его колорита.

Красота родитъ живописца, какъ земля - травы. На этомъ берегу и подъ этимъ небомъ нужно бы устроить академію пейзажистовъ.

Спускаться гораздо страшнѣе, чѣмъ даже казалось. Тропинка вилась съ камня на камень и между грудъ камней, описывая Богъ знаетъ какіе изгороты, чтобы сколько-нибудь ослабить крутизну обрыва.

Когда я былъ на половинѣ пути, вдругъ надъ моремъ пронеслись словно двѣ бабочки. Онѣ летѣли робко и низко, словно не имѣли надежды долетѣть до берега. . Это были утки. Тогда же мнѣ стало замѣтно, что и на скалахъ есть птицы.

Я вздохнулъ глубоко и свободно, когда очутился внизу.

Отсюда видъ совершенно другой, еще болѣе грозный: утесы кажутся надвинувшимися надъ твоей ничтожной фигурой, и новые ряды ихъ далекою перспективою открываются слѣва...

Все голубѣе, все туманнѣе становятся эти береговыя твердыни, по мѣрѣ ухода вдаль. Это горы Балаклавы и настоящаго южнаго берега. Что сверху казалось камешкомъ, упавшимъ въ воду, то превращается вблизи въ тяжелую и угрюмую скалу. Что казалось оттуда чуть слышнымъ шорохомъ, то здѣсь превращается въ оглушительный рокотъ. Всѣ точки зрѣнія разомъ перемѣняются.

Первый разъ въ моей жизни я знакомился здѣсь съ настоящимъ южнымъ моремъ и съ его берегами. Меня поразили изумленіемъ эти неисчерпаемыя груды прекрасныхъ разноцвѣтныхъ голышей, засыпавшихъ берегъ: синіе, лиловые, зеленые, бурые, красные, черные и полосатые, нѣжно-розовые и ослѣпительно-бѣлые, всѣхъ тоновъ и всѣхъ узоровъ, лежали эти камни, отточенные и выполированные, какъ прелестныя кабинетныя бездѣлушки, лучше всѣхъ яшмъ и мраморовъ; тутъ все: прессъ-папье и каменныя яйца, ядра и пули, и малыя блюдца, разноцвѣтныя облатки и микроскопическія пуговки. Облизанныя волною, они сверкали, какъ подъ лакомъ. Посмотрѣвъ на нихъ, поймешь, почему наши сказки строятъ морскимъ царицамъ подводные чертоги изъ каменій самоцвѣтныхъ.

Ближе къ водѣ и въ водѣ лежали камни немножко большаго размѣра: обмылочки по нѣсколько сотъ пудовъ каждый. Они были раскинуты по берегу, какъ мраморная мебель на мозаиковомъ полу: нерукотворенные диваны и кресла, столы и скамейки. Волна выточила въ нихъ такія покойныя выбоины, что я прекомфортабельно могъ разлечься и отдохнуть на одномъ изъ такихъ диванчиковъ.

Можетъ быть, 3000 лѣтъ назадъ, эта кушетка покоила другихъ хозяевъ, не совсѣмъ похожихъ на меня...

А утесы, на которые глядѣли они, были все тѣ же и море, разбивавшееся у ихъ ногъ, было все то же. Отсюда взглянулъ я на монастырь: онъ висѣлъ надо мною своими живописными

колокольнями и рѣшеточками, будто занесенный въ облака...

Вотъ истинное мѣсто для молитвы, для созерцанія Бога; тутъ, дѣйствительно, поклонишься ему со страхомъ и трепетомъ; тутъ невольно сознаешь, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ, *правъ еси и во правъ отыдеши.*

Я не могъ долго оставаться на берегу. Страшно непривычному человѣку наединѣ съ моремъ и утесами.

Я полѣзъ назадъ тѣмъ же тернистымъ и долгимъ путемъ, какимъ спустился. Стихъ Полежаева инстинктивно звучалъ у меня въ ушахъ:

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его,
И силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ...

Провѣрилъ ли я свою силу духа передъ лицомъ этого моря? Не знаю, насколько былъ поэтъ искрененъ. Море сразу меня поразило, подавило, притянуло къ себѣ, и возможность борьбы не чудилась мнѣ... **Евгеній Марковъ.**

Видъ съ пирамиды Хеопса.

Вдругъ деревья кончились, мы остановились—ѣхать дальше было некуда. Хеопсова твердыня висѣла надъ нами. Мы выскочили изъ коляски и бѣгомъ пустились къ пирамидѣ, но щиколку увязая въ пескѣ. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, мы остановились въ изнеможеніи, а до пирамиды все еще было далеко. Еще шаговъ двѣсти—и мы стояли передъ сфинксомъ.

Засыпанный по грудь пескомъ, изъѣденный, курносый, искрошенный вѣками, обратившись лицомъ къ рѣкѣ и спиной къ пустынѣ, похожій сзади на баснословный грибъ, а спереди на какого-нибудь титана, низверженнаго съ высотъ горняго неба, онъ сохранилъ еще, не смотря на всѣ свои раны, выраженіе могучаго спокойствія, поражающаго васъ до глубины души. Я понимаю, почему арабы прозвали его — „отцомъ трепета". Этотъ стражъ пустыни и пирамидъ, современникъ Менеса, стоитъ здѣсь шестьдесятъ вѣковъ и смѣется надъ временемъ! Столѣтія, народы, религіи, нравы, законы проходили мимо него, и всякое слово исторіи ударяло въ его широкое ухо, окруженное священной повязкой. О, если бы ты могъ говорить, безмолвный сфинксъ, безмятежный свидѣтель человѣчества! Ты разсказалъ бы намъ, какъ строились эти каменныя горы руками и жизнью людей! Ты объяснилъ бы намъ, чего ты символъ! Ты назвалъ бы имя царя, вырубавшаго тебя изъ скалы въ надеждѣ обезсмертить свое имя и забытаго на вѣки!

Кругомъ него все дико и пусто: скала, на которой онъ стоитъ, давно погребена подъ пескомъ, постоянно заметающимъ и туловище сфинка, несмотря на многократныя раскопки. Лишь бедуинъ иногда отдыхаетъ въ его тѣни, да коршунъ, „степной нелюдимъ", садится на его голову.

Однако надо торопиться на вершину пирамиды, иначе мы пропустимъ восходъ солнца. Мы подошли вплоть къ Хеопсу; я взглянулъ наверхъ, запрокинувъ голову: эхе-хе-хе-хе, однако! Высоко страшно, а передъ собой первая ступень мнѣ выше пояса... какъ туда лѣзть? Пока я размышлялъ, два дюжихъ малыхъ схватили меня за руки и вздернули на первую ступень, затѣмъ на вторую, на третью и такъ далѣе. Тамъ, гдѣ обыкновенно взбираются на пирамиду, проложена тропинка, бѣловатой дорожкой бѣгущая со ступени на ступень, отыскивая, гдѣ камни не такъ высоки. Тутъ ясно видны слѣды ногъ: поверхность плитъ и ребра ихъ потерты, уступы вылощены босыми ногами, сапогами, цѣплявшимися за камни руками. Есть мѣста—на особенно большихъ и высокихъ плитахъ—гдѣ видно, какъ сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны босыхъ и обутыхъ ногъ пробили въ камнѣ глубокія, гладко отполированныя углубленія. Добравшись приблизительно на одну треть высоты, мы остановились немножко перевести духъ. Тутъ явился, Богъ знаетъ откуда, еще арабъ, предлагавшій свои услуги, показывая мимикой, какъ ловко будетъ онъ насъ подсаживать сзади. А немного ниже карабкалась съ визгомъ и смѣхомъ цѣлая стая ребятишекъ мала—мала—меньше, кто съ кувшинами съ

водой, а кто такъ, изъ любви къ искусству. Для нихъ, казалось, было вовсе неутомительно вспрыгивать со ступени на ступень и втаскивать насъ туда съ собой. Въ этотъ моментъ изъза Мокаттама брызнули лучи солнца, пирамида вспыхнула, какъ огнемъ пожара, а степь какъ бы потонула въ его красныхъ лучахъ. Мы вскочили, какъ ужаленные, и бросились подыматься выше.

Черезъ четверть часа мы были на платформѣ, которой оканчивается Хеопсъ. Эта платформа имѣетъ тридцать девять метровъ въ окружности, а между тѣмъ снизу верхушка пирамиды кажется острою. Только-что мы достигли верха, какъ арабы да и мы огласили воздухъ громогласнымъ ура.

Изъ-за Мокаттама медленно выкатывалось солнце. Каиръ разстилался въ какой-то сизой мглѣ, только минареты мечети Мехмета Али виднѣлись, какъ двѣ розовыя иглы. Далеко среди равнины блестѣли воды Нила, извивавшагося, какъ алмазная нить на зеленомъ коврѣ полей и пастбищъ. Арабскія деревушки, рощи пальмъ и озера еще не совсѣмъ сошедшей нильской воды кажутся пятнышками.

Какая страшная даль! Даль и вправо, и влѣво, и передо мной! — Воздухъ здѣсь такъ чистъ и сухъ, что видно на громадное разстояніе. На югъ — маленькія саккарскія пирамиды на песчаныхъ возвышенностяхъ, круто спускающихся къ долинѣ, гдѣ стоялъ древній Мемфисъ. На сѣверъ—дельта съ ея плодородными полями, изрѣзанными рукавами и каналами Нила. На западъ — безпредѣльное пространство Ливійской пустыни, гдѣ на просторѣ гуляющій вѣтеръ мететъ песокъ. Рядомъ съ нами стоитъ пирамида Хефрена съ верхушкой, покрытой еще облицовкой, немного дальше — Микерина, а кругомъ—Гизехскій Некрополь съ его маленькими пирамидами, на половину разсыпавшимися и разбросанными тамъ-сямъ громадными каменьями отъ стоявшаго здѣсь когда-то храма.

Много видовъ на землѣ поразительной красоты и величія, но вида, такъ подавляющаго воображеніе человѣка, какъ съ пирамиды — нѣтъ.

Я видѣлъ съ Капо ди Монте, какъ просыпается Неаполь, какъ освѣщается Капри первыми лучами солнца, подымающагося изъ-за Кампаньи, и какъ старикъ Везувій окутывается покровомъ утренняго тумана въ то время, какъ розовое море залива ласково плещетъ о крутой берегъ Сорренто, покрытый черной листвой лимоновъ и лавровъ... Хорошо! Удивительно! Я сидѣлъ на ступеняхъ Пропилей. Передо мной блестѣлъ Саламинскій заливъ, а дальше виднѣлись темные берега Морей и вершины Киѳерона; обратившись къ Парѳенону, я видѣлъ сквозь его благородную колоннаду вершины Пинда и Парнаса, Геліона, Оссы и Олимпа, а за ними всю страну, гдѣ совершилось одно изъ величайшихъ событій міра, рѣшившихъ участь нашей культуры. Это, можетъ быть, по своему значенію и гармоніи линій —единственная картина въ мірѣ.

Но на пирамидѣ другія чувства волновали мою грудь: древность памятника, его историческое значеніе, величіе и ничтожество человѣка, неизмѣнная красота и юность окрестной природы—все слилось въ одно чувство нѣмаго поклоненія передъ этой вѣчной загадкой, которая называется пирамидой.

В. Андреевскій.

Кавказъ.

Онъ видитъ—Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ бѣжитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.

Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды:
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.
Уже пустыня сторожъ вѣчный,

Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный.
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ—податель струй цѣлебныхъ:
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснятся блѣдный рой.

Пушкинъ.

Кавказъ.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ гранъ алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ.
И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ....

Лермонтовъ.

Степь.

Степь чѣмъ дальше, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только копи, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зеленозолотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки *), желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка **) зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ толкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вотъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкой. Вонъ она перевернулась крыльями и блеснула предъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнилась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ и они становились темно-зелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголубатемному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота, изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихла и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ

*) Волошка—василекъ.
**) Кашка—тысячелистникъ.

Всесоюзная библиотека

воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, карканье —все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто нибудь изъ нихъ полымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ цвѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Гоголь.

Новороссійскія степи.

Много приволья и простора жизни среди степей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестію. Бѣлыя облака какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга до вершины деревъ, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ лугамъ и оврагамъ. Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы. Кажется, небо, упиваясь наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе, и нѣлый океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится благоуханіемъ. Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ подъ цѣповъ и копытъ *) лошадей. Увядающія травы желтѣютъ: однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія.

Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ, день коротокъ; зори почти нѣтъ; близка южная осень. По ноябрьскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена, и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовію: едва проглянетъ, и скроется на нѣлый день. Туманъ потокомъ разлился по окрестности. Тра-

*) *Изъ подъ копыта*—молотьба производится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошадьми, которыхъ гоняютъ кругомъ по току, устланному развязанными снопами.

вы увяли; новая зелень хлѣбовъ средь угасающей жизни наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты сбираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ: по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Январь. Рѣки скованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги: метель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто проситъ пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, со свистомъ взметаетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей, онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и казаковъ; онъ хочетъ простора, а передъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на пихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собой, и утомленный бѣжитъ далѣе... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ. Буря утихла; небо безоблачно и холодно: солнце свѣтитъ сквозь миріады сверкающихъ былинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

Пассекъ.

Въ лѣсу.

Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью.

Вонъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя, висячія вѣтви березъ едва шевелятся!.. Могучій дубъ стоитъ, какъ боецъ, подлѣ красивой липы. Вы идете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ... Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью... Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ. Неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-гдѣ ростутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими широкими шляпами. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ. Собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ...

И. Тургеневъ.

Березовая роща осенью.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь ясная и ласковая, какъ прекрасный глазъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣса, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дож-

дя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило-ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка; лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папортниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя безъ блеску, бѣлыя какъ только что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца; — и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла; лишь кое-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосъ синицы. Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ чрезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево — осину, съ ея блѣднолиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди нищаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ; — или, когда въ ясный вѣтряный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска, угнѣздился подъ однимъ деревцомъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защищать меня отъ дождя, и полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ и кроткимъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Не могу сказать, сколько я времени проспалъ, но когда я открылъ глаза, вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода расчистилась, и въ воздухѣ чувствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеніемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня.

Тургеневъ.

Полдень въ рощѣ.

Жара заставила насъ наконецъ войти въ рощу; я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Я легъ на спину и сталъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ!

Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корня огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя

волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ-нибудь, далеко-далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самостоятельное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака.... и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтви и листья, обагренные солнцемъ, все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ и поднимается свѣжее трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь – вы глядите, и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите—та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницею, проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія; и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины.

И. Тургеневъ.

С а д ъ.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, казалось, одинъ освѣжалъ обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленный бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взобѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, попатнувшаяся бесѣдка, дуплистый, дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ, забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя воронья гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и неполныя отдѣленныя вѣтви висѣли вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Гоголь.

Поле и лѣсъ.

Середь голаго поля въ лѣтній день такъ и пышетъ пламенемъ, траву жжетъ; желтая да сухая, хруститъ она подъ ногами. Тишь стоитъ душная, всякому малому вѣтерку радуется душа... Небо изъ конца въ конецъ чистое, голое, синее, развѣ гдѣ одиноко ползетъ облачко бѣлое,—заплуталось бѣдное, потерялось въ синемъ морѣ небесномъ, плыветъ тихо, будто умаялося въ пути безъ конца, безъ начала, будто и ему, страннику тверди небесной, жарко отъ солнца.

Средь поля мошка мелкая заливаетъ все, вздохнуть не дастъ, въ ротъ, уши, въ глаза лѣзетъ.

Не то въ лѣсу старомъ да густомъ, въ темной чащѣ. Маковки сосновыя да дубовыя стоятъ горячія, а внизу сумракъ, холодокъ, благодать. На верху жарко да красно, а внизу-то синевой все затянуло. Сюда и птица на день запряталась да порхаетъ по холодку съ вѣтки на вѣтку, ждетъ сумерекъ, когда можно ей будетъ по верхушкамъ запрыгать, а то и въ поднебесье махнуть, утонуть въ той выси лазоревой, гдѣ человѣкъ только глазомъ да сердцемъ бываетъ.

И что за чудная да премудрая синева въ густомъ старомъ лѣсу, нѣмая, неразгаданная!.. Все видишь: сучья, вѣтки, мохъ, хворостъ, звѣря, птицу, мошку, букашку; все глазъ перебралъ и счелъ, а будто и не все... Будто есть тутъ еще что то, чего не уловишь, не назовешь по имени словомъ человѣчьимъ. Это знать тоже душа, да тоже безсмертная, вѣчная. Душа темная самого батюшки-лѣса!

Тишь невозмутимая, никого нѣтъ кругомъ, ни единаго живаго человѣка! А жизнь ключомъ бьетъ, кипитъ, клокочетъ. Во все проникла и во всемъ дышетъ. Сильная, молодая, стоглазая, стоустая...

И все это круговоротомъ жгучимъ идетъ; шевелится, стучитъ, поетъ, жужжитъ, летитъ, скачетъ. Заяцъ прыгнулъ, птицу спугнулъ, птица спорхнула, вѣтка встряхнулась, листъ развернулся, съ листа букашка въ траву упала и муравьи отъ нея разбѣжались со страху.

И все свою работу работаетъ, свое дѣло дѣлаетъ и, знать, свою тайную думу думаетъ, свою невнятную или неслышную рѣчь ведетъ. И издавна идетъ тутъ война, вѣчная, неустанная, мудрая... Воюютъ жизнь со смертью. Сильна смерть, но жизнь еще сильнѣе. Тутъ, гляди, смерть поборола, травку засушила, птицу убила, букашку, козявку придавила.

Однимъ взмахомъ въ прахъ сто жизней превратила. А тамъ, гляди, рядомъ же... двѣсти другихъ жизней на свѣтъ выползли, шевелятся, дышатъ... И какъ ни сильна смерть, но много ей работы; безъ отдыха, безъ устали, упрямо и смѣло воюетъ она и все-жъ побороть по сю пору не можетъ.

Не узнать когда сошлись враги эти и схватились, не узнать, когда покончатъ и кто кого одолѣетъ. Чудное это дѣло! Вѣчное это дѣло! Кто думаетъ да гадаетъ про это дѣло, ничего не разпознаетъ. Только одна душа человѣчья чуетъ это дѣло и чуетъ эту душу окрестную, какъ чуетъ и душу міровую. И чуетъ, что всѣ тутъ сродни, всѣ дѣти одной матери, чада одной силы, великой, вѣчной, сокровенной, святой... Гр. Салiасъ.

Лѣсъ.

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы;“ почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединеніи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенія рѣдки. Въ соединеніи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ

цѣлой Россіи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнію, отъ истребленія лѣсовъ.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются „краснымъ лѣсомъ“ или „краснолѣсьемъ“. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что, вмѣсто листьевъ, онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется „боромъ“. Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свои листья осенью и возобновляющія ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія называются «чернымъ лѣсомъ», или «чернолѣсьемъ». Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которые также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчной однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы, можетъ быть оттого, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка,—сосна рѣдкость. И такъ, я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ. По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или «колками», гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достигающія объема строеваго лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладкодушистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами—листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотныя и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревъ. Незамѣчаемая нигдѣмъ, трепетно-листная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея раноувядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

„Зарость“ или „порость“, то-есть молодой лѣсъ, пріятенъ на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ, свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни, онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревъ посохнетъ отъ тѣсноты и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые «темные лѣса»; но подъ словомъ старый не должно разумѣть со-

старѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ: видъ такихъ деревъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревъ разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ, незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы сначала высокихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею дубовъ, липъ, березъ и осинъ. При своемъ паденіи они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, не смотря на свое уродство, продолжаютъ расти и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою. Мнѣ нерѣдко случалось въ торопяхъ вскочить на такой древесный трупъ и — провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухаго дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ...

Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣснаго царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полденъ, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: „лѣшими“ и лѣсными дѣвками, такъ же какъ рѣчные и озерные омута—водяными „чертовками“; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо: деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по-своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоносы—и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той-же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый напортникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣснаго левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по-моему, очень пріятный запахъ груздей, потому-что они родятся семьями, „гнѣздами“, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называемыя почему-то „горлянками“, и „бѣлки летяги“: послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ „звѣря въ летѣ“. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ, у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, кобчики и другія. Въ густой

тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики „ауканьемъ“ и „хохотомъ“ лѣшаго?

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду; но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большаго подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; но мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ-будто задумается куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону сначала медленно, тихо, и потомъ съ возрастающей быстротою и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!... Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты—и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

С. Аксаковъ.

Первобытный лѣсъ Индіи.

Снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла,
тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплетались вѣтвями,
мошки, густою
Тучей клубясь, жужжали; рыкали львы
и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было;
всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами
ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ, шипя, ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ, раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали
крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору,
гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы,
которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево
хранилищамъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на
скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ
ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли
межъ скалъ; неподвижно
Черпая тѣнь лежала въ долинахъ и
ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы.

Жуковскій.

Рейнскій водопадъ.

Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною ско-

ростью летящихъ одна за другою, мріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ, дѣйствительно, величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался... Долѣе часа стояли мы въ сей галереѣ, но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вершиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ серединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока), а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Карамзинъ.

Рейнскій водопадъ.

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою въ пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа. И это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ: мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятые призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, вьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги—словомъ, картина неописанная!

Жуковскій.

Иматрскій и Нарвскій водопады.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега ея покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала виденъ вдали лѣсистый островъ, внизу же, противъ поворота рѣки, лежитъ на горѣ селеніе: такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе

волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ! съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны! и какъ, наконецъ, его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса,— она достигла цѣли и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склонясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатью своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей сѣверной столицы. Но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату.

Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, но скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ; но въ Нарвѣ—это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны, въ Иматрѣ — это вопль казни и мученій: все пусто и уныло окрестъ нея, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того, въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги: рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на островѣ, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ виденъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Иванъ-городъ, поставленный граніею грознаго царя на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

А. Муравьевъ.

Водопадъ Кивачъ.

Отсюда *) до мѣста назначенія добираются водою вверхъ по рѣкѣ Сунѣ. Въ Вороновѣ ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Суна шириною отъ 20 до 60 саженъ; каменные берега ея, покрытые большею частію почвой, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припомню, болѣе гористъ. На серединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ; но прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка перебѣжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бичевою; напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія, плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что, по видимому, къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая, вѣтеръ не шелохнется, шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно, а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается, хотя водопада все еще не видно. Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти передъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки — и передъ вами Кивачъ! Сначала, въ недоумѣніи, вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи саженъ водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окру-

*) Отъ села Воронова.

жающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются саженъ на восемь надъ поверхностью воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головой слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по чрезвычайно-удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухъ-этажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Государемъ Императоромъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсыпается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ.

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами, пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тьмою ночи, мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Не смотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ, мы легли спать съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды, скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непомѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха или отъ большаго или меньшаго напора воды, нѣсколько измѣнялся; наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны не давали покоя. Проворочившись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца.

Я немедленно вышелъ на балконъ. День былъ чудный, свѣжій, послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, крадось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже; наконецъ освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которые извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, то-есть на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами ревѣтъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада и сбрасывали туда огромныя деревья.

У Державина прекрасно и чрезвычайно вѣрно описанъ внѣшній видъ водопада.

И. Дмитріевъ.

Ніагарскій водопадъ.

Для того, кто желаетъ имѣть болѣе полное понятіе объ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ явленіи, необходимо осмотрѣть его со многихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что нельзя найдти такую точку, съ которой можно-бы было обозрѣть водопадъ сразу во всемъ многообразіи ихъ обстановки. Въ настоящее время лучшее мѣсто въ этомъ отношеніи представляетъ новый висячій на проволокахъ мостъ, саженяхъ во ста отъ паденія воды, перекинутый съ одного, такъ называемаго американскаго, берега на другой, канадскій.

Стоя на мосту, вы видите вдали передъ собою широкую, текущую въ плоскихъ берегахъ рѣку. Передъ вами нѣтъ ни горъ, ни скалъ, и только лѣсистый островъ посреди рѣки какъ будто раздѣляетъ несущіяся по направленію къ вамъ воды на два потока. Теперь представьте себѣ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ островъ, поперекъ всей рѣки образовался обрывъ руслового дна саженей на двадцать глубины. Воды, дойдя до этого обрыва свѣтлозелеными струями, въ громадныхъ массахъ обрушаются внизъ пѣнистыми потоками. Отразившись съ гуломъ и раскатами отъ клокочущей внизу влаги, онѣ образуютъ передъ вами высоко подымающееся облако брызгъ, застилая собою дальніе лѣса, растущіе по ровнымъ берегамъ. Вмѣстѣ съ погруженіемъ дна рѣки внизъ, образовавшимъ обрывъ, измѣняется и видъ, бывшихъ доселѣ низменными, береговъ; послѣдніе представляютъ теперь взорамъ вашимъ высокіе отвѣсные бока, стѣсняющіе между собою зелено-пѣнистый потокъ, текущій глубоко подъ нашимъ мостомъ. Если вы, стоя все на томъ-же мосту, обратитесь спиной къ водопадамъ, то увидите передъ собою, на разстояніи двухъ верстъ внизъ по рѣкѣ, смѣло перекинутый черезъ рѣку двухъ-ярусный висячій мостъ — это, своего рода, чудо инженернаго искусства. Проволочные канаты, на которыхъ виситъ мостъ, издали кажутся чѣмъ-то въ родѣ огромныхъ размѣровъ паутины, и несмотря на свою громадность, мостъ представляется вамъ въ видѣ какой-то легкой игрушки. Вотъ по верхнему ярусу медленно, крадучись, подвигается локомотивъ, увлекая за собою съ полдюжины вагоновъ. По нижнему ярусу переходятъ пѣшіе и проѣзжаютъ экипажи самымъ медленнымъ конскимъ шагомъ. Изъ всѣхъ прогулокъ въ окрестностяхъ Ніагары самая занимательная, безъ спору, прогулка по тому острову, что раздѣляетъ водопадъ на двѣ большія половины и носитъ названіе Козьяго острова. Здѣсь въ послѣднее время американцы провели новыя дорожки, устроили красивые мостики для удобства гуляющихъ. Чтобы попасть на Козій островъ, надо отъ висячаго моста слѣдовать американскимъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ. Пройдя, такимъ образомъ, мимо водопадовъ, мы нѣсколько повыше ихъ попадаемъ на другой мостъ, по которому съ материка и переходятъ на Козій островъ. Этотъ мостъ перекинутъ надъ тѣми быстринами, которыя образуются рѣкой прежде, чѣмъ воды ея достигаютъ обрыва и обрушаются водопадами. Американцы воспользовались чрезвычайною силою быстраго теченія въ этомъ мѣстѣ для приведенія въ движеніе подливныхъ колесъ бумажной фабрики. Пройдя по мосту, мимо фабрики, взойдемъ, наконецъ, на самый Козій островъ. Гуляя по его дорожкамъ подъ густою сѣнью каштановъ, кедровъ и орѣшниковъ, мы можемъ приблизиться къ водѣ у самаго края обрыва и отсюда смотрѣть на низвергающійся потокъ сверху, такъ сказать — съ точки зрѣнія птичьяго полета. Тутъ же спускаются внизъ по лѣстницѣ, къ подножію острова, омываемаго бурливыми волнами, и здѣсь не только подходятъ къ обрушающимся съ ужаснымъ грохотомъ могучимъ струямъ, но входятъ даже въ пещеру подъ самыя эти струи, такъ что съ одной стороны передъ вами стѣна пещеры, а съ другой — надъ вашей головой громаднымъ пологомъ стелется водяная масса. Брызги отъ нея обдаютъ васъ съ головы до ногъ влажною пылью и оглушаютъ пуще всякой пушечной пальбы. Эти сильно хлещущіе во всѣ стороны брызги и образовали самую пещеру, размывая мягкій сланецъ, на которомъ толстыми плитами лежитъ толстый известнякъ. Перейдемъ теперь на другую, противоположную сторону острова. Тамъ, омываемые разъяренными быстринами, расположены три островка, называемые Сестрами. Съ недавняго времени, благодаря наведеннымъ красивымъ мостикамъ, эти маленькіе островки также стали доступны для гуляющихъ. Съ нихъ открываются мѣстами чудные виды на расходившіяся воды широкой здѣсь рѣки. Съ ужасающею стремительностью несутся онѣ мимо becтровъ къ обрыву, вздымаясь и плеща по усыпанному каменьями рѣчному дну....

Циммерманъ.

Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляныхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отсвѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются къ нему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него. Рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица; а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды. Звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ. Ни одна не убѣжитъ отъ него; развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею. — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что-бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня; виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь бліже къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю; и она вспыхиваетъ будто полоса дамаской сабли; а онъ синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку, а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горючими слезами

Гоголь

Вода.

Все хорошо въ природѣ, но вода красота всей природы. Вода жива: она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему, ее окружающему. Разнообразныя явленія водъ и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выростъ себѣ постоянное небольшое русло — и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но, видно, вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы—колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается желобомъ или колодою, то есть выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя попадаетъ прямо на водяное колесо—и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза .. а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ помаленьку и день и ночь. Нѣтъ мелева—отодвигается колода въ сторону, и потокъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ, неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть липнетъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ, дополняетъ ее... Но какія же паровыя машины втягиваютъ водяныя жилы на горныя высоты, тогда какъ вода, по свойству своему, занимаетъ самое низкое мѣсто на земной поверхности? Удовлетворительно не объясняетъ этого явленія и современная наука. Иногда такой ключъ бьетъ изъ средины горы, а всего чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другаго рода, которые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ «ручьи». Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы: прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камешками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ, какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь бывало журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или павѣсъ густой травы — пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжей сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту: по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ: вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ: солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей «поникаетъ», то есть уходитъ въ землю и, пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются «рѣчки.» Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурею и подмытыя весеннею водою, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накоплявшуюся воду, легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ такое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зорямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ, наверху, еще жарко, лѣтнее солнце

клонится къ западу; ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья: вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь, внизу, густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина. Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извилистые берега ея обростаютъ мѣстами лозникомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокою и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, нерѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышемъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это — рѣки «степныя». Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (по московски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собой „перекатами“, то есть мелкою рѣчкою, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породой мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно владаютъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною „рѣкою“. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разростается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ необозримые, безконечные камыши, поросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицы и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный, уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не изняты ни чѣмъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ поднимаетъ смятые травы и цвѣты. Свободно и могуче обрастаютъ берега ея широколистною и узкою осокою, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ необыкновенной величины темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стеблѣхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтки наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), нырнетъ выхухоль —и только; но и тотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолві-

емъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки

Изъ слiянiя многихъ такихъ полноводныхъ рѣкъ составляются большiя рѣки «средней величины», какъ напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губернiи и множество другихъ; изъ нихъ-то, наконецъ, образуются рѣки «первой величины», какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Несмотря на огромное различiе въ обилiи и силѣ водъ, и тѣ и другiя рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки: слѣдовательно, настоящiе берега ихъ голы, безплодны и, по-моему, не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченiю, сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ утесистыхъ ихъ береговъ, и песчаныхъ, печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, черезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури —ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ Желтые, бурые водяные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти.

С Аксаковъ.

Лѣтнiй день въ Малороссiи.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтнiй день въ Малороссiи! Какъ томительно—жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, куполомъ нагнувшiйся надъ землею, кажется заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ. На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкiй голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющiе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другiя темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрые скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшiяся отъ тяжести плодовъ широкiя вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... Какъ полно нѣги малороссiйское лѣто!...

Гоголь.

У т р о.

Звѣзды гаснутъ. Поля и дороги молчатъ,
Полоса ранней зорьки алѣется.
Надъ заливами ивы въ дремотѣ стоятъ;
За рѣкою лѣсъ темный чернѣется.
Что дитя въ пеленахъ, спитъ спокойно рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Иль порою защепчутъ листы лозняка,
Или крикъ дикой цапли послышится.
Воздухъ влаженъ; отъ сочныхъ, зеленыхъ луговъ,
Окропленныхъ росой серебристою
И задернутыхъ бѣлою тканью паровъ,
Тихо вѣетъ прохладой душистою.
Тронешь вѣтки куста, — словно крупный жемчугъ,

Капли съ сонныхъ листовъ осыпаются...
И куда не посмотришь—безлюдье вокругъ.
Но луга и поля просыпаются:
Гдѣ-то свиснулъ куликъ; пронеслись надъ рѣкой
Утки съ шумомъ и Богъ вѣсть гдѣ скрылися...
Въ полѣ перепелъ крикнулъ, за нимъ и другой...
Вотъ стада чибисовъ закружилися...
Ужъ заря поблѣднѣла. Окрѣпъ вѣтерокъ,
И, рѣдѣя, туманъ подымается.
Показалася даль; загорѣлся востокъ,
Яркимъ пурпуромъ лѣсъ покрывается...
Дождалася румянаго утра земля,
Птицы теплыя гнѣзда покинули
И запѣли; и солнца лучи на поля
Золотыми потоками хлынули.
Вонъ вдали тамъ, какъ стекла, озера блестятъ.
Весь, какъ шелковый, лугъ зеленѣется,
И привѣтливо какъ-то деревья глядятъ,
И, что холстъ, въ полѣ греча бѣлѣется;
Чуть примѣтно волнуется желтый ячмень,
Рожь высокая медленно движется.
Всюду свѣтъ... Лишь отъ тучекъ подвижная тѣнь
Тамъ и самъ полосами раскинется.
Пѣсня птицъ все звучитъ... вонъ мелькаетъ челнокъ
И рыбакъ ловить рыбу собирается;
Тамъ, надъ большимъ селомъ, заклубился дымокъ,
Тутъ на тройкѣ ямщикъ заливается,
Подъ дугой колокольчикъ звенитъ и гудитъ...
Прочь заботы и горе тяжелое!
Въ этотъ мигъ и во мнѣ сила жизни кипитъ,
Здравствуй, солнце и утро веселое!

Никитинъ.

У т р о.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина.
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ—рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря:
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.
Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...

Лермонтовъ.

Украинская ночь.

Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ: земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды: холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ

очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака ихъ низкія стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогомъ иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Гоголь.

Наступленіе весны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; постъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу.

Вдругъ на второй день Святой повесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершившихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснило, и открылась настоящая весна.

На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній отжившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ наливающимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзлая, только мѣстами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны.

Пришла настоящая весна.

Гр Л. Толстой.

Вскрытіе рѣки.

I.

Въ самую полночь послышался неожиданно страшный трескъ, сопровождаемый ударами, какъ будто тысяча исполинскихъ молотовъ заколотили разомъ въ берега и ледяную поверхность рѣки; трескъ этотъ, весьма похожій на то, какъ будто разрушилось вдругъ нѣсколько сотенъ избъ, мгновенно смѣнился глухимъ, постепенно возвышающимся гуломъ, который заходилъ посреди ночи, подобно освирѣпѣлому вѣтру, ломающему на пути своемъ столѣтніе дубы, срывающему кровли. Казалось, буря ударила на окрестность.... Старый Глѣбъ встрепенулся.—Слухъ его былъ давно на сторожѣ; онъ выскочилъ изъ саней, сотворилъ крестное знаменіе и торопливо вышелъ за ворота. Сквозь густую темноту ночи, которую усиливали черныя, быстро бѣгущія тучи, зоркій взглядъ рыбака различилъ въ отдаленіи мутно бѣловатую полосу То сверкала рѣка, которая пѣнилась и ревѣла, какъ дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Дулъ сильный западный вѣтеръ; могучіе порывы его усиливали быстрину теченія. Плескъ воды смѣшивался съ трескомъ льдинъ, которыя поминутно отрывались отъ береговъ: грохотъ, стукотня, звонкіе удары ледяныхъ глыбъ, налетавшихъ другъ на дружку, раздавались въ почномъ воздухѣ, который холодѣлъ съ каждою минутой. Наступило наконецъ такъ

давно, такъ нетерпѣливо ожидаемое половодье, наступила наконецъ минута, столько же радостная для рыбака, какъ первый теплый весенній день для пахаря; спѣшитъ онъ на поле и, приложивъ грубую, но честную руку свою къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ золотыхъ лучей восходящаго солнца, осматриваетъ, съ веселымъ выраженіемъ на добродушномъ лицѣ своемъ, тучные, изумрудно-зеленые стебельки озимаго хлѣба, покрывающіе его потомъ облитую землю.

II.

Къ утру рѣка успѣла уже затопить дальній берегъ. Она видимо почти разливалась все дальше и дальше по лугамъ, которые, казалось, убѣгали къ горизонту. Вода и льдины ходили уже поверхъ кустовъ ивняка, покрывающихъ дальній плоскій берегъ; тамъ кое-гдѣ показывались еще ветлы; верхняя часть дуплистыхъ стволовъ и приподнятые къ верху голые сучья принимали издали видъ черныхъ безобразныхъ головъ, у которыхъ отъ страха стали дыбомъ волосы; огромныя глыбы льда, уносившія иногда на поверхности своей цѣлый участокъ зимней дороги, стремились съ быстротою щепки, брошенной въ потокъ; доски, стоги сѣна, зимовавшіе на рѣкѣ и которыхъ не успѣли перевезти на берегъ бревна, столѣтнія деревья, оторванныя отъ почвы и приподнятыя льдинами такъ, что наружу выглядывали только косматые корни, появлялись безпрестанно между икрами*). Все давало знать, что рѣка достигала уже возвышенныхъ точекъ обоихъ береговъ. Иногда льдины замыкали рѣку, спирались, громоздились другъ на дружку; трескъ, грохотъ наполняли окрестность, и вдругъ все снова приходило въ движеніе: рѣка вдругъ очищалась на цѣлую версту; въ этихъ свѣтлыхъ промежуткахъ показывались шалашъ или распяв, подхваченные съ боковъ икрами: страшно перекосившись на сторону, они грозили спихнуть въ воду увлеченную вмѣстѣ съ ними собаку, которая то металась какъ угорѣлая, то садилась на окраину льдины и, поджавъ хвостъ, опрокинувъ назадъ голову, заливалась отчаянно протяжнымъ воемъ. Часто слѣдомъ за ними стремился одинокій шестъ, торчавшій перпендикулярно изъ воды; на верхнемъ концѣ его сидѣла ворона и, покачиваясь изъ стороны на сторону вмѣстѣ съ шестомъ, поглядывая съ любопытствомъ на всѣ стороны, преспокойно совершала свою водяную прогулку. Внезапно картина перемѣнялась: огромное пространство рѣки покрывалось милліонами бѣлыхъ сверкающихъ обломковъ; какъ несмѣтныя стада испуганныхъ барановъ, они летѣли въ-разсыпную, забиваясь иной разъ, словно въ замѣшательствѣ, въ кусты высокаго ивняка, верхушки которыхъ, отягченныя ломъ, трепетно пригибались къ мутнымъ, шумно-говорливымъ струямъ. Окрестность превращалась въ море...

Григоровичъ.

*) Льдинами.

Гроза.

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелыя—росли, темнѣли грозно...
Вотъ сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плыветъ и солнце закрываетъ
Передовое облако; внезапный
Туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся
Сухіе листья... птицы притаились...
Изъ-подъ воротъ выглядываютъ люди,
Спускаютъ окна; запираютъ двери...
Большія капли падаютъ... и вдругъ
Помчалась пыль столбами по дорогамъ;
Поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ
Ударилъ злобно; хлынули потоки
Дождя... запрыгалъ угловатый градъ...
Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смѣшались тучи... молнья!... ждемъ удара...
Загрохоталъ и прокатился громомъ.
Сильнѣе дождь... Широкими струями,
Волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ—и вѣтеръ
Съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ!
Черезъ село растрепанный, безъ шапки,
Мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ,
А вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ...

Смятенье!.. Но за то, когда прошла
Гроза, какъ улыбается природа!
Какъ ласково свѣтлѣютъ небеса!
Пушистыя, разсѣянныя тучки
Летятъ; жужжатъ ручьи; болтаютъ
листья...
Убита пыль; обмылася трава;
Скрипятъ ворота; слышны восклицанья
Веселыя; лумя, слетаетъ голубь
На влажную, блестящую дорогу...
Въ ракитахъ раскричались воробьи;
Смѣются босоногіе мальчишки;
Запахли хлѣбомъ желтые скирды...
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
По молодымъ осинамъ и березамъ.

И. Тургеневъ.

Гроза.

Вмѣстѣ съ вечеромъ надвигалась гроза. Уже съ полудня парило и въ отдаленіи все погрохатывало; но вотъ широкая туча, давно лежавшая свинцовой пеленой на самой чертѣ небосклона, стала расти и показываться изъ-за вершинъ деревьевъ, явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ; вѣтеръ поднялся, прошумѣлъ порывисто въ листьяхъ, замолкъ, опять зашумѣлъ продолжительно загудѣлъ; угрюмый сумракъ побѣжалъ надъ землею, быстро сгонявъ послѣдній отблескъ зари; сплошныя облака, какъ бы сорвавшись, поплыли вдругъ, понеслись по небу; дождикъ закапалъ: молнія вспыхнула краснымъ огнемъ,и громъ грянулъ тяжко и сердито.

Тургеневъ.

Лѣтній дождь.

День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и по-временамъ роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня.

Крупныя сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь ихъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ или ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ... Сильный запахъ поднялся отовсюду.

Тургеневъ.

Буря на морѣ.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ идти изъ Кадикса въ пять часовъ вечера; но море такъ разволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ, а на пароходѣ и отня не думали разводить. Всѣ пассажиры были уже на бортѣ; но капитанъ говорилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такою силою, что мой плащъ нисколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ было за фортепьяно, но качка заставляла его вдругъ нападать на такіе неожиданно-дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть. Я взялъ было книгу, но движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другаго не оставалась, какъ лечь спать. У иныхъ начиналась уже морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться въ койкѣ, я снова одѣлся и пошелъ на верхъ.

На палубѣ была мертвая тишина: одинъ только вахтенный ходилъ взадъ и впередъ; огня въ машинѣ еще не разводили. Небо было совершенно ясно, вѣтеръ стихъ; но волненіе нисколько не уменьшалось: волны сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь въ стѣны Кадикса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную, фосфорически сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ черную даль; вдали кое-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь.

Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ; нигдѣ ничтожность человѣческаго существованія передъ этой всеобъемлющей, неодолимой жизнью природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ... Вѣтеръ сталъ подыматься сырой и студеный; я опять сошелъ въ залу и на этотъ разъ заснулъ. Меня разбудили стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося пара: было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи; скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ въ наши паруса; море сильно волновалось, и не прошло получаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морской болѣзнью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ (а особенно разъ у береговъ Голландіи бурю, продолжавшуюся двое сутокъ), я привыкъ къ качкѣ корабля и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды по немногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе, бѣлая пѣна волнъ покрылась нѣжнымъ розовымъ отливомъ; онъ постепенно становился гуще и гуще и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся блескъ... Солнце показалось. Хорошъ былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верхи волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ, между волнами, сверкало голубое, пурпуровое, желтое пламя; въ эту минуту океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто; только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Вдругъ эта масса начала расти съ необычайною быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны, стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, сшибаться одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся, не прошло десяти минутъ, какъ подулъ по-минутно усиливающійся со стороны Африки, съ нимъ съ ужасающею быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучею. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода не замѣтенъ былъ на ней: вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ сбирать паруса, другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль, къ нему на помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усиливавшееся шипѣніе; я взглянулъ направо: съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе; потомъ валъ вогнулся внутрь дугою и упалъ на пароходъ съ страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и также опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами, и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ въ глубь... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываемая вѣтромъ съ вершинъ валовъ, разлеталась и падала бѣлымъ, шипучимъ дождемъ.

Я уже былъ давно промоченъ насквозь и сошелъ внизъ; стулья и сто-

лы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать; кромѣ того удары волнъ о борты парохода отдавались внизу, какъ удары таранов; пароходъ весь трещалъ и скрипѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ; здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясавшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрипомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался. Въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобъ не быть выброшену взмахами качки. Буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо; я опять кое-какъ вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, охватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревокъ снастей и предоставилъ волнамъ обливать меня сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; по-прежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ вьющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ небо было чисто, ясно, спокойно, и Испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ какъ мячикъ прыгалъ между волнами, то сбрасываемый въ разверзающуюся глубину, то взлетая на вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. То опрокидывало его на сторону, такъ-что одна половина его окунывалась въ воду, и поднявшееся колесо на другой сторонѣ попусту вертѣлось въ воздухѣ. Узкость пролива удесятеряла силу и напоръ валовъ; вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ между снастями; валы одинъ за другимъ съ оглушающимъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безъ умолку. Во всемъ этомъ было дикое, уничтожающее величіе. Нѣсколько парусныхъ судовъ, шедшихъ по одному направленію съ нами, старались съ самаго начала бури выбраться въ открытое море, чтобъ не разбиться о берега; но одно судно находилось еще между нашимъ пароходомъ и берегомъ и тщетно старалось выбраться на широту пролива: волны и вѣтеръ все больше прибивали его къ берегу. Вотъ оно остановилось и нѣсколько минутъ качалось на одномъ и томъ же мѣстѣ—вѣрно, бросили якорь: но потомъ опять быстро понеслось къ берегу—вѣрно, якорный канатъ лопнулъ. Мы видѣли, какъ оно выставило флагъ, просящій о помощи; но пароходъ нашъ не могъ къ нему идти на помощь: подойдя ближе къ берегу, онъ самъ былъ бы въ опасности разбиться о береговыя отмели. Вдругъ судно исчезло подъ волнами и тотчасъ же снова показался его темный остовъ, но на немъ не видно было и признака мачтъ... судно разбилось... крикъ экипажа не донесся до насъ.

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у рулеваго колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи: но тутъ буря стала утихать; черный цвѣтъ тучи измѣнился на блѣдно-сѣрый, и берегъ Африки обозначился. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный, бѣлая пѣна взлетала въ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара.

Ботинкъ.

Смерчъ.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ верхней каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло. Спрашиваю, который часъ: шестой, говорятъ. „Зарядить пушку ядромъ!“ кричитъ вахтенный. Что это? кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что виденъ пароходъ не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ,

вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ, въ самомъ дѣлѣ, „Богъ знаетъ что:“ черный, крутящійся столбъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе. „Готова-ли пушка?“ закричалъ вахтенный. «Готова!» отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться и вскорѣ, саженяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи, или водяные столбы, разбиваются ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать рангоутъ, или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. Мы еще видѣли послѣ раза два такія явленія, но они близко не подходили къ намъ.

Гончаровъ.

Пожаръ зимняго дворца.

17-е декабря 1837 года ознаменовалось симъ бѣдственнымъ происшествіемъ.

Было восемь часовъ вечера. Государь Императоръ съ Ея Величествомъ Императрицею, съ ихъ Высочествами Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною находился въ театрѣ, когда ему донесено было, что въ Зимнемъ дворцѣ горитъ. Государь немедленно покинулъ театръ и вмѣстѣ съ Великими Князьями отправился на мѣсто пожара. Повидимому не представлялось большой трудности остановить его дѣйствіе, но опъ уже началъ распространяться; уже фельдмаршальская зала была вся въ огнѣ; зала Петра Великаго загоралась, пламя начинало показываться въ Бѣлой залѣ.

Первою заботою Государя Императоратора была безопасность его семейства. Великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и Великія Княжны Ольга и Александра Николаевны находились въ Зимнемъ дворцѣ: имъ было приказано немедленно переѣхать въ собственный Его Величества дворецъ. Въ это время Государыня Императрица уже возвратилась изъ театра. Она была встрѣчена въ Большой Морской Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, посланнымъ къ ней отъ Государя Императора съ извѣщеніемъ о случившемся. „Гдѣ дѣти?“ былъ первый вопросъ Ея Величества.—„Государь приказалъ перевезти ихъ въ собственный дворецъ; онъ желалъ, чтобы и Ваше Величество ѣхали туда-же.“—„Но перевезены ли дѣти?“—„Еще нѣтъ, но скоро.“—«Скажите Государю, что мое мѣсто тамъ, гдѣ моя дѣти, и что я до тѣхъ поръ не покину дворца, пока они не будутъ отправлены,» отвѣчала Государыня и поѣхала на пожаръ. На лѣстницѣ она была встрѣчена всѣми дѣтьми своими; младшихъ несли на рукахъ, полусонныхъ. Государыня отпустила ихъ, а сама прямо пошла къ одной изъ своихъ фрейлинъ, которая жила въ нижнемъ этажѣ и лежала въ постелѣ больная. Императрица при себѣ отправила ее изъ дворца и потомъ уже вышла (вмѣстѣ съ Великою Княжною Маріею Николаевною) въ свои комнаты, отъ коихъ пожаръ еще былъ далеко.

Долго изъ оконъ обращенныхъ на внутренній дворъ, смотрѣла она, какъ на противоположной сторонѣ свирѣпствовало пламя, какъ оно разрушало Бѣлую и фельдмаршальскую залы и какъ начало приближаться къ той сторонѣ, гдѣ жило Императорское семейство. Наконецъ явился Государь Императоръ и говорилъ Императрицѣ и Великой Княжнѣ: «уѣзжайте, черезъ минуту огонь будетъ здѣсь.» Они простились. Государь опять пошелъ на пожаръ. А Государыня рѣшилась переѣхать въ домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ оконъ коего можно было глазами слѣдовать за дѣйствіемъ пламени. Но прежде, нежели совсѣмъ оставить дворецъ, она захотѣла проститься съ своимъ погибающимъ жилищемъ: вошла въ свой кабинетъ и въ дѣтскія горницы, въ коихъ при свѣтѣ пожарнаго зарева все еще было такъ спокойно, и помолившись въ послѣдній разъ въ малой дворцовой церкви, въ коей столько

времени все семейство ея собиралось на молитву, съ благодарною горестію покинула тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагу являлись ей милыя воспоминанія; гдѣ она встрѣчена была невѣстою, гдѣ была привѣтствована Императрицею, гдѣ провела мирные, первые годы супружескаго материнскаго счастія, о коемъ молится вся Россія. Въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Государыня пробыла до той минуты, въ которую Наслѣдникъ извѣстилъ Ея Величество, что для спасенія дворца не осталось никакой надежды.

Вторымъ распоряженіемъ Государя Императора было послать за войсками; первый батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, какъ ближайшій, явился прежде другихъ, и въ одну минуту знамена гвардейскія и всѣ портреты, украшавшіе залу Фельдмаршальскую и галлерею 1812 года, сняты и вынесены. Въ то же время закладены были кирпичомъ двѣ двери, дабы отдѣлить пылающую часть дворца отъ той, куда еще пламя не успѣло проникнуть; а часть собравшагося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломавъ ее, успѣшнѣе противодѣйствовать распространенію пожара. Но здѣсь всѣ усилія остались тщетны. Густой дымъ, развиваясь по всему чердаку, препятствовалъ видѣть и дышать и не допустилъ никого приступить къ дѣлу. Тогда стало очевидно, что спасеніе дворца уже невозможно. Государь Императоръ, не желая подвергать опасности солдатъ, которые дѣйствовали съ неимовѣрною отважностію и съ удивительнымъ самоотверженіемъ, отдалъ повелѣніе, чтобы всѣ сошли съ кровли и спѣшили спасать изъ внутреннихъ комнатъ то, что спасти было возможно. Воля Его Величества была исполнена съ быстротою и точностію, достойными удивленія. Всѣ, отъ генерала до простаго солдата, принялись за дѣло; никто себя не жалѣлъ. Священныя утвари, образа и ризы обѣихъ церквей, Императорскіе брилліанты, картины, драгоцѣнныя убранства дворца и всѣ вещи, принадлежащія Царской фамиліи, были взяты и отнесены, частію къ Александровской колоннѣ, частію въ Адмиралтейство. Въ это время Государь Императоръ былъ увѣдомленъ, что въ Галерной галереи загорѣлось нѣсколько хижинъ. Онъ немедленно послалъ на спасеніе оныхъ Наслѣдника. А самъ, рѣшившись пожертвовать главнымъ зданіемъ Зимняго дворца, которымъ пламя совершенно овладѣло, приказалъ исключительно обратить всѣ усилія на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галлерей, соединяющихъ сіе отдѣленіе дворца съ главнымъ корпусомъ, были разрушены, всякое сообщеніе между ними прервано. Такимъ образомъ пожаръ не достигъ къ Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него, по направленію сильнаго вѣтра. Здѣсь особенно оказалось неустрашимая спокойность пожарныхъ и солдатъ; они, можно сказать, вступили въ рукопашный бой съ огнемъ и отважно закладывали окна и двери, не смотря на пламя и дымъ, которые съ ними боролись, но ихъ не отразили. Всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Между тѣмъ пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загорались и, падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса, которые въ свою очередь низвергались огромными огненными грудами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частію оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ волканъ. Сначала объята была пламенемъ та сторона дворца, которая обращена къ Невѣ; противоположная сторона представляла темную громаду, надъ коею пылало и дымилось ночное небо; отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространеніемъ пожара: можно было видѣть, какъ онъ, пробиваясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ, какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ) въ то время, какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось; какъ вдругъ загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ наконецъ потоки огня полилися отвсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна.

Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ, подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ море, коего волны вскакивали огромными зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ и въ самомъ разрушеніи своемъ какъ будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что то неестественное: какая-то адская сила тамъ господствовала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ ней разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали съ колонны на колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени.

И въ это время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противоположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торжественнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣпью полковъ, окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ мертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище Царя: общая всѣмъ святыня погибала; объятая благоговѣйною скорбію, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за Государя.

Пожаръ, начавшійся въ 8 часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца.

Жуковскій.

Петербургъ.

Съ чего начать описаніе Петербурга? Перенестись къ петровской эпохѣ, къ 1703 году, когда въ нѣдра пустыннаго островка, Енисари, занимаемаго нынѣ крѣпостью, былъ положенъ первый камень теперь многолюднаго города, то есть, начать прямо съ основанія Петербурга; но это уже старая канва, и притомъ она не даетъ общаго взгляда на столицу. Я, въ ознакомленіи читателей съ Петербургомъ, намѣренъ держаться той естественности, которой необходимо подчиняется каждый пріѣзжій, — и потому начинаю прямо со въѣзда въ Петербургъ.

Главныхъ въѣздовъ въ столицу, по сухопутью, считается *восемь*. Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: *Нарвскій*, на Петергофскомъ-проспектѣ, у Нарвскихъ-тріумфальныхъ воротъ; *Петергофскій*, при Петергофской желѣзной дорогѣ; *Варшавскій*, при варшавской дорогѣ; *Старый Московскій*, у Тріумфальныхъ воротъ, на московскомъ шоссейномъ трактѣ; *Новый Московскій*, при московской желѣзной дорогѣ, и другіе.

Водою въ Петербургъ два главныхъ въѣзда: *съ моря* и *съ Ладожскаго озера*.

По перечисленіи этихъ въѣздовъ, читатель, можетъ быть, ожидаетъ съ моей стороны витіеватаго описанія панорамы Петербурга, но—увы! откудабы вы не подъѣзжали къ этому городу, онъ не представится вамъ въ томъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ, можетъ быть, ожидали его видѣть. Правда, онъ иногда открывается взору за нѣсколько верстъ: впереди видна сплошная масса многочисленныхъ зданій, надъ которыми возвышаются верхи церквей и башенъ и особенно куполъ Исаакія, но только изъ этой картины нельзя составить себѣ ничего опредѣленнаго. Даже при самыхъ въѣздахъ, Петербургъ не поражаетъ ничѣмъ особеннымъ, какъ-бы нарочно стараясь до послѣдней минуты раздражить жадное любопытство. На что уже великолѣпнѣе въѣзда, лѣтомъ, со стороны Финскаго залива въ Неву; подобныхъ въѣздовъ немного въ цѣломъ мірѣ. Однако и тутъ столица сперва показывается, а потомъ опять скрывается, такъ что, при самомъ входѣ въ Неву, путешественникъ какъ-то странно смотритъ на старинную крѣпостцу у лачуги Гавани, на почернѣвшія и безпорядочныя зда-

нія Чекушъ и Гутуева острова, на заваленные всякимъ хламомъ и еще необдѣланные берега невскаго устья. Но еще нѣсколько секундъ — и, начиная съ поворота Нева и Горнаго института, обѣ набережныя вдругъ поражаютъ васъ самымъ роскошнымъ зрѣлищемъ. Отсюда Нева представляется дѣйствительно царственною рѣкою: надъ гранитными берегами ея возвышаются огромныя зданія, надъ которыми справа блестятъ: величественный куполъ Исаакія и адмиралтейская игла, слѣва — маяки биржи и, одинъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ — шпицъ Петропавловскаго собора, прямо — Николаевскій мостъ и голубая даль рѣки. Столичное многолюдье придаетъ оживленіе и эффектъ этой картинѣ: куда ни взглянуть, вездѣ жизнь, всюду дѣятельность и самая хлопотливая. На водѣ корабли, пароходы и лодки, снующіе по всѣмъ направленіямъ, по набережнымъ трескотня экипажей и пестрыя толпы пѣшеходовъ, на Николаевскомъ же мосту вѣчное движеніе, похожее на безпрерывную военную переправу или на переселеніе цѣлаго народа изъ одной стороны въ другую... „Такъ вотъ онъ, Петербургъ!“ думаетъ пріѣзжій: „не даромъ же восиѣваютъ его!“ но это только часть Петербурга, хотя, правда, одна изъ лучшихъ; дальше ожидаетъ еще многое. Совсѣмъ тѣмъ должно, однакожъ, сказать, что въѣздъ въ столицу съ залива самый роскошный, при которомъ она представляется въ самыхъ яркихъ краскахъ, а потому и производитъ выгоднѣйшее впечатлѣніе.

Новый московскій въѣздъ переноситъ васъ также въ многолюдную часть города и именно—на Невскій проспектъ; но здѣсь впечатлѣніе, при самомъ началѣ въѣзда, слабѣе, чѣмъ впослѣдствіи, потому что плоскость этой улицы представляетъ хотя богатую, но неопредѣленную перспективу.

Нарвскій путь хорошъ до въѣзда и то въ лѣтнюю пору, когда обѣ стороны дороги окаймлены роскошною зеленью дачъ. Тріумфальныя ворота дѣлаютъ этотъ въѣздъ торжественнымъ и сильно возбуждаютъ любопытство; но едва вы миновали этотъ художественный памятникъ побѣдъ нашей гвардіи, какъ однообразіе и малонаселенность предмѣстья разочаровываютъ васъ совершенно.

Прочіе въѣзды ведутъ также къ предмѣстьямъ, отчего приходится спачала видѣть городъ съ его окраинъ, еще не совсѣмъ обстроенныхъ и мало оживленныхъ.

Вотъ характеристика петербургскихъ въѣздовъ, изъ которой легко заключить, что общій видъ Петербурга невозможенъ ни съ одной изъ его сторонъ, — и главное препятствіе этому представляетъ низменное мѣстоположеніе столицы. Взглянувъ на карту петербургскаго прибрежья, легко замѣтить, что поверхность земли, постепенно понижаясь отъ Ладожскаго озера къ Финскому заливу, дѣлаетъ два замѣчательныхъ уступа. Между однимъ изъ нихъ и заливомъ находится совершенно плоская и низменная равнина, занимаемая Петербургомъ и его окрестностями. Нева проходитъ посрединѣ этой равнины и раздѣляетъ ее почти на равныя части. Такимъ образомъ Петербургъ лежитъ въ обширной ямѣ — и оттого даже высочайшія его зданія видны не отовсюду.

Городъ Тарантъ (въ Саксоніи).

Дорога идетъ берегомъ быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ: всѣ долины, которыя безпрестанно перемѣняютъ образъ, то расширяются, то вдругъ стѣсняются; одна и та же картина представляется въ тысячѣ прекрасныхъ оттѣнковъ. Но всего живописнѣе положеніе Таранта: небольшой, веселый городокъ, въ глубинѣ пышной долины. Заказавъ въ трактирѣ обѣдъ, пошли мы бродить; день былъ жаркій, обѣщалъ грозу (но онъ не сдержалъ обѣщанія), и солнце, щадя насъ, безпрестанно пряталось за облака и наводило свѣтъ и тѣнь на окружавшіе насъ утесы. Изъ трактира, который стоитъ въ самой глубинѣ долины, окруженный тополями, полѣзли мы на вершину горы, по тропинкѣ, весьма крутой, но хорошо отдѣланной

для гуляющихъ, къ такъ называемому Храму Солнца; этотъ храмъ достоинъ своего имени только по прелестному виду, которымъ наслаждаешься съ его порога, а не по своей архитектурѣ: онъ изъ коры, покрытъ соломою, и на скамейкѣ, которая внутри его манитъ къ себѣ усталаго, нельзя сѣсть: такъ она пыльна и нечиста. Съ этого мѣста самый обширный видъ на Тарантъ; но самый живописный изъ оконъ развалившагося замка: подъ стѣнами развалинъ большой прудъ; влѣво церковь; за прудомъ весь городокъ съ кудрявыми утесами, его окружающими, и все чрезвычайно оживлено; природа не хотѣла здѣсь быть ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она подъ веселою зеленью разнообразныхъ деревъ. Впечатлѣніе, которое здѣсь она производитъ, есть какое то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящею минутою, не мечтая о далекомъ.

Жуковскій.

Лондонъ.

Верстъ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполъ церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкій высокій столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. Надобно было спускаться съ горы; я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Есть-ли бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу я Лондонъ.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дома. Но длинныя, широкія, гладко вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія, какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ, красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ или статуи, или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекраснъ!*

Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ разодранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ здоровье и довольствіе, съ благороднымъ и съ покойнымъ видомъ — лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Карамзинъ.

Адмиралтейская площадь.

Адмиралтейская площадь обширна и великолѣпна по своей обстановкѣ. Соединяясь непосредственно съ Дворцовою, Исаакіевскою и Петровскою площадьми, она, по своей величинѣ, представляетъ рѣдкость; но пространство ея въ большую часть дня бываетъ весьма пусто, почему одинъ изъ современныхъ фельетонистовъ удачно назвалъ ее „*Адмиралтейскою степью*“. Прежде на этомъ мѣстѣ былъ расположенъ гласисъ нынѣ несуществующей адмиралтейской крѣпостцы. Адмиралтейская площадь, имѣя видъ незамкнутаго прямоугольника, ограничена со стороны, прилежащей къ Невѣ, главнымъ адмиралтействомъ, съ другой, противоположной, казенными и частными зданіями, вытянутыми въ одну стройную линію, параллельную главному фасаду адмиралтейства.

Главное адмиралтейство — первый предметъ, бросающійся въ глаза на Адмиралтейской площади. Оно получило свое начало 1-го октября 1704 года, съ заложеніемъ здѣсь первой петербургской корабельной верфи. Въ 1718 году адмиралтейство было обведено каналами и укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ шести бастіоновъ, съ прикрытымъ путемъ и гласисомъ. Это и была адмиралтейская крѣпостца. Первоначальныя строенія адмиралтейства были деревянныя и имѣли нынѣшнее расположеніе, съ высокою деревянною башнею посрединѣ главнаго фасада. Въ 1726 году деревянныя постройки адмиралтейства замѣнили каменными, за исключеніемъ, однакожъ, главной башни, выстроенной въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Окончательное устройство адмиралтейство получило постепенно въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Павлѣ I, Александрѣ I-мъ и Николаѣ I-мъ. Въ настоящемъ видѣ, главное адмиралтейство представляетъ обширное и красивое зданіе, имѣющее видъ открытаго со стороны Невы прямоугольника. Надъ срединою главнаго фасада, выходящаго на Адмиралтейскую площадь, возвышается громадная башня, четыреугольной формы, съ открытою галлереею и высокимъ, вызолоченнымъ шпицомъ. Во дворѣ зданія, параллельно внутреннимъ фасадамъ, проведенъ каналъ, соединяющійся съ Невою.

Нынѣ въ главномъ адмиралтействѣ помѣщаются различныя управленія морскаго вѣдомства, морское, инженерное и артиллерійское училище и, сверхъ того, хранятся нѣкоторыя замѣчательности, относящіяся къ царствованію Петра Великаго. Поднявшись *на башню адмиралтейства* (а это, замѣчу кстати, позволяется), я не упустилъ случая полюбоваться съ ея галлереи перспективами трехъ главныхъ петербургскихъ улицъ, Невскаго-проспекта, Гороховой улицы и Вознесенскаго-проспекта. Они видны отсюда изъ одной точки и на всемъ своемъ протяженіи, потому что галлерея находится на соединеніи ихъ и имѣетъ высоту въ сто сорокъ пять футъ надъ уровнемъ Невы. Особенно хорошъ съ этой галлереи Невскій-проспектъ; но онъ былъ бы несравненно лучше, если-бы, не дѣлая угла за Знаменскимъ мостомъ, шелъ въ одной непрерывной прямой линіи съ своимъ началомъ, до самой Невы. Нужды нѣтъ, что онъ тогда миновалъ-бы Александроневскій монастырь: обитель и должна быть въ сторонѣ отъ столичнаго шума, но за то какой-бы это былъ великолѣпный проспектъ! Тогда мы могли-бы назвать его лучшею улицею въ мірѣ.

Выше было сказано, что по другую сторону Адмиралтейской площади, насупротивъ главнаго адмиралтейства, находятся казенныя и частныя зданія. Начиная отъ угла Невскаго-проспекта, они переходятъ Гороховую, за которою идутъ вплоть до Вознесенскаго проспекта, гдѣ и замыкаются массивной архитектуры домомъ, бывшимъ княгини Лобановой, нынѣ военнаго министерства. Почти посрединѣ этой линіи зданій, на углу Гороховой улицы, помѣщаются губернскія присутственныя мѣста, въ особомъ обширномъ и изящномъ домѣ.

Наружные фасады всѣхъ этихъ зданій представляютъ образцы новѣйшей архитектуры и блестятъ разнообразными вывѣсками. Тутъ вы найдете все:

картинный магазинъ, оптическіе инструменты, гостиницу Лондонъ, депо резиновыхъ издѣлій, фотографическое и граверное заведенія, литографію, магазинъ готоваго платья, кафе-ресторанъ и проч. *На Адмиралтейской площади*, вокругъ зданія адмиралтейства расположенъ тѣнистый, въ три параллельныя къ нему *аллеи*, *бульваръ*, называемый адмиралтейскимъ. Онъ разведенъ въ первые годы царствованія Александра I и составляетъ любимое гульбище петербургской публики, особенно многолюдное въ послѣдніе дни масленицы и въ Свѣтлую недѣлю, когда, не смотря на обнаженныя деревья и иногда изрядный морозъ, толпы праздничнаго народа покрываютъ занесенные снѣгомъ аллеи. Причиною этого несвоевременнаго и даже необычайнаго гулянья служатъ балаганы, горы и качели, устраиваемыя на Адмиралтейской площади по случаю петербургскаго своебычнаго карнавала въ эти дни. Къ главному фасаду адмиралтейства примыкаютъ съ лѣвой стороны Адмиралтейской площади—Дворцовая, а съ правой—Петровская площади.

Дворцовая площадь ограничена Зимнимъ дворцомъ, экзерцигаузомъ, зданіемъ главнаго штаба и Адмиралтейскимъ бульваромъ. Часть ея, между дворцомъ и бульваромъ, занята плацомъ, доходящимъ почти до самой Невы, на которомъ производятся смотры, разводы и парады.

Посрединѣ Дворцовой площади возвышается монументъ *Александру I*, такъ называемая Александровская колонна. Она представляетъ величайшій въ мірѣ гранитный монолитъ, имѣющій до 14 саж. высоты. $4^1/_2$ саж. въ окружности у вершины и 5 саж. въ окружности при основаніи; вѣсу въ ней 44, 100 пудовъ. Мѣди на нижнюю и верхнюю части употреблено 8000 пудовъ. Колонна утверждена на огромномъ, гранитномъ пьедесталѣ, украшенномъ бронзовыми барельефами, изображающими трофеи войны и мира; со стороны, обращенной къ Зимнему дворцу, надпись:

Александру Первому
Благодарная Россія.

Колонна завершена бронзовымъ полушаріемъ, на которомъ поставленъ ангелъ, вылитый также изъ бронзы; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ крестъ, правую простираетъ къ небу, а ногою попираетъ змія.

Кругомъ памятника сдѣлана четыреугольная чугунная рѣшетка, составленная изъ связанныхъ пикъ; по сторонамъ ея красивые фонари, освѣщаемые газомъ. Къ памятнику ежедневно назначается часовой изъ нижнихъ чиновъ роты дворцовыхъ гренадеръ.

Александровская колонна поставлена на мѣсто 30 августа 1832 года, освящена же 30 августа 1834 года, въ день св. Александра Невскаго. Камень, темнокрасный гранитъ, извлеченъ изъ Пютерлакской каменоломни въ Финляндіи и привезенъ въ Петербургъ на особоустроенномъ суднѣ. Строителемъ памятника былъ архитекторъ Монферрансъ.

Еще при жизни императора Александра I, въ 1814 году, когда смолкла кровавая борьба и дарованъ былъ миръ Европѣ, члены синода, государственнаго совѣта и сената, предложили поднести ему титулъ Благословеннаго и поставить памятникъ съ надписью: „*Александру Благословенному, Императору Всероссійскому, Великодушному Державъ возстановителю, отъ признательной Россіи*“, но Александръ не согласился принять это предложеніе отъ посланной къ нему депутаціи и отвѣчалъ на него указомъ, въ которомъ, изъявляя свою признательность государственнымъ сословіямъ, просилъ ихъ оставить желаніе народа безъ всякаго исполненія. Указъ заключался слѣдующими словами: „Да сооружится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благодѣйствуетъ Россія, и да будетъ надъ нею благословеніе Божіе“.

Послѣ осмотра Александровской колонны обратимся къ Зимнему дворцу. *Зимній дворецъ* имѣетъ видъ прямоугольника, занимающаго въ длину 65, а въ ширину 50 саженъ. Онъ въ четыре этажа и составляетъ до 12 саженъ общей высоты. Стѣны дворца украшены колоннами іоническаго и ко-

ринѳскаго орденовъ, а на карнизѣ утверждены статуи, вазы и другія украшенія, придающія зданію отличительную наружность. Крыша дворца имѣетъ незначительный подъемъ и почти вся скрыта за этими статуями, только куполъ придворной церкви да императорскій флагъ, свидѣтельствующій о пребываніи въ столицѣ Государя, возвышаются надъ общею массою зданія. Въ фасадѣ дворца, обращенномъ къ Александровской колоннѣ, находятся ворота и по бокамъ ихъ два подъѣзда. Фасадъ противъ адмиралтейства имѣетъ по угламъ выступы, образующіе предъ срединою дворца значительную площадку; тутъ устроенъ главный подъѣздъ съ открытымъ балкономъ, на которомъ въ лѣтнее время располагается красивая палатка. Со стороны Невы только одинъ большой подъѣздъ. Всѣ эти подъѣзды носятъ особыя названія: находящіеся близъ воротъ—*Посольскій и Комендантскій*, главный подъѣздъ называется также *Салтыковскимъ*, а обращенный къ Невѣ – *Іорданскимъ*. Между большими подъѣздами находятся нѣсколько малыхъ, утроенныхъ въ видѣ деревянныхъ, окрашенныхъ бѣлою краскою, тамбуровъ. Окна дворца, особенно въ главномъ этажѣ, замѣчательны величиною и прозрачностью стеколъ, сквозь которыя видны нѣкоторые предметы богатаго убранства дворцовыхъ залъ.

Изъ историческихъ источниковъ видно, что на мѣстѣ нынѣшняго зимняго дворца былъ, въ царствованіе Петра Великаго, красивый и обширный домъ генералъ-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, и подлѣ него другой, называвшійся Кикиными палатами. Апраксинъ, умирая 26 октября 1728 года, завѣщалъ свой домъ, со всѣми его принадлежностями и службами, Петру II-му. Анна Іоанновна, пріѣхавъ, послѣ своей коронаціи, изъ Москвы въ Петербургъ, остановилась въ Апраксиномъ домѣ и дала названіе *Императорскаго дворца*. Въ то же время она велѣла Кикины палаты сломать, а 27 мая 1732 года совершила на мѣстѣ ихъ закладку новаго дворца, поручивъ постройку графу Растрелли, съ званіемъ оберъ архитектора. Работы шли, однакожъ, медленно, – и Аннѣ Іоанновнѣ не удалось увидѣть окончанія своего предпріятія: все это время проживая въ бывшемъ Апраксиномъ домѣ, она въ немъ и скончалась, 17 октября 1740 года, когда новый дворецъ, носившій уже въ народѣ названіе *Зимняго*, былъ только выведенъ вчернѣ, безъ наружной и внутренней отдѣлки.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Елизаветы, бывшій домъ Апраксина и начатый Анной Іоанновною зимній дворецъ были сломаны,—и на мѣстѣ ихъ обоихъ началось, съ 1754 года, возведеніе обширнѣйшаго дворца по новому проекту Растрелли: на время же работъ былъ выстроенъ для императрицы деревянный зимній дворецъ у Полицейскаго моста, между набережною р. Мойки и Большою Морскою, гдѣ теперь домъ Елисѣева. Но и Елизавета Петровна не была въ этомъ отношеніи счастливѣе своей предшественницы, потому что не дожила до отстройки зимняго дворца и умерла 25 декабря 1761 года, во временномъ дворцѣ. Зимній дворецъ, послѣ долгихъ трудовъ, былъ оконченъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, подъ надзоромъ главнаго директора строеній И. И. Бецкаго въ 1764 года. Съ этихъ поръ, въ теченіе слишкомъ семидесяти лѣтъ, Зимній дворецъ былъ мѣстомъ постояннаго пребыванія императорской фамиліи, пока наконецъ, не сдѣлался добычею пламени, въ 1837 году. Пожаръ начался 17-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ части дворца смежной съ Эрмитажемъ и, при сильномъ и порывистомъ вѣтрѣ, быстро распространился по всему зданію. Врядъ-ли гдѣ-либо приложены были такія усилія къ потушенію пламени, какъ при пожарѣ Зимняго дворца; но ни пожарная команда, ни старанія войскъ не могли спасти его. Возобновленъ дворецъ съ небольшимъ черезъ годъ послѣ пожара, съ сохраненіемъ прежняго его вида и расположенія.

Противъ Зимняго дворца, позади Александровской колонны, расположенъ огромный полукругъ главнаго штаба, съ смѣлою аркою, коринѳскими колоннами, трофеями, роскошнымъ фрисомъ, балюстрадой и тріумфальной колесницей. Главный штабъ въ своемъ ансам-

блѣ замѣчательное зданіе и красиво обрамливаетъ Дворцовую площадь. Арка его, соединяющая двѣ половины зданія, сдѣлана по проекту архитектора Росси.

Весьма замѣчательна тутъ главная зала, принадлежащая департаменту генеральнаго штаба, посрединѣ которой хранится подъ стекломъ планъ Бородинскаго сраженія. Зала эта украшена искусственными колоннами, картиною, изображающею во весь ростъ на конѣ Николая I-го, котораго сопровождаетъ также конная свита. Кромѣ того, здѣсь находятся бюсты императоровъ: Петра Великаго и Цавла I.

Въ остальной половинѣ зданія главнаго штаба помѣщаются департаменты министерства финансовъ и другія управленія.

Пространство между Зимнимъ дворцомъ и главнымъ штабомъ замыкаетъ экзерцигаузъ Зимняго дворца, обширное и красивое зданіе, составляющее восточный предѣлъ Дворцовой площади. Если отсюда взглянуть вдоль Дворцовой и Адмиралтейской площадей, громадность этого роскошно обставленнаго и полнаго историческихъ воспоминаній пространства изумительна: отъ экзерцигауза до конно-гвардейскаго бульвара тянется одна обширная площадь, въ 450 саженъ длины и слишкомъ 50 саженъ ширины; но взоръ, пробѣгая это пространство, тонетъ далѣе въ свѣтлой перспективѣ конногвардейскаго бульвара. И это еще не все: пройдя отъ Александровской колонны всю Адмиралтейскую площадь, вы видите опять другое обширное пространство, которое, разстилаясь вправо и влѣво, составляетъ какъ-бы продолженіе одной необъятной площади. Часть этого пространства, къ сторонѣ Невы, между боковымъ фасадомъ адмиралтейства и зданіями сената и синода, называется *Петровскою* площадью, а противоположная ей и прилежащая къ Исаакіевскому собору — *Исаакіевскою*. Обогнувъ Исакіевскій соборъ, вы встрѣчаете тамъ опять площадь передъ монументомъ Николая I-го и далѣе еще другую, предъ Маріинскимъ—дворцомъ, такъ что всѣ эти *шесть* площадей составляютъ неразрывное цѣлое, включающее въ себѣ до 53 тысячъ квад. саженъ, непринимая въ разсчетъ находящихся на нихъ зданій и монументовъ.

Что, если бы все это пространство было покрыто паркомъ? Тогда памятники вышеозначенныхъ площадей были бы связаны воедино,—и паркъ представлялъ бы одну сплошную рощу. Всякій могъ бы отдохнуть въ немъ подъ зеленою сѣнью: поэтъ пришелъ бы сюда искать вдохновенія, дѣти, гуляя, знакомились бы съ исторіею Россіи... Но перейдемъ къ Петровской площади.

Петровская—площадь, до 1782 года, называлась *Сенатскою*. Она въ разное время была свидѣтельницею важныхъ событій: при Екатеринѣ II на ней происходило торжественное открытіе памятника Петру Великому, а въ царствованіе Александра I-го праздновалось столѣтіе Петербурга. Въ части площади, ближайшей къ Невѣ, воздвигнутъ *монументъ Петру Великому*, знаменитый *Мѣдный Всадникъ*, краснорѣчиво воспѣтый Пушкинымъ. Петръ изображенъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и въ римской тогѣ, на конѣ, который быстро мчится на вершину гранитной скалы, служащей ему подножіемъ, и топчетъ змѣя.

На скалѣ надписи:

Съ одной стороны:	*Съ другой стороны:*
Петру Первому	Petro Primo
Екатерина Вторая	Catkarina Secunda
лѣта 1782.	MDCCLXXXII an.

Памятникъ огражденъ круглою желѣзною рѣшеткою, съ позолоченными верхушками; площадка этой ограды выложена дикимъ камнемъ. Высота всадника съ конемъ составляетъ 17 футъ, безъ коня — 11 футъ. Скала имѣетъ $7^1/_2$ саж. длины, 3 саж. ширины и $2^1/_2$ саж. вышины. Построеніе монумента обошлось въ 424,610 руб.

Мѣсто, занимаемое монументомъ, представляетъ удачный выборъ, какой только могъ быть придуманъ въ этомъ случаѣ: гдѣ же и быть Петру, какъ не передъ Невою и не посреди своихъ твореній! А творенія эти всѣ кругомъ и передъ его глазами: сенатъ, синодъ, адмиралтейство, крѣпость, биржа, бывшія двѣнадцать каллегій, академія наукъ, и проч.

Вотъ нѣкоторыя подробности, касающіяся монумента: конная статуя отлита изъ бронзы французскимъ художникомъ Фальконетомъ, собственно для этой цѣли приглашеннымъ Екатериною II изъ-заграницы. Проектъ Фальконета былъ утвержденъ въ 1766 г.; отливка статуи окончена въ 1775 г., на что употреблено 11,001 пудъ,1 фунтъ бронзы и, сверхъ того, для равновѣсія лошади, 250 пуд. желѣза. Лицо Петра отлито по особой модели, сдѣланной дѣвицею Коллотъ, оставившею послѣ себя много превосходныхъ скульптурныхъ произведеній.

Скала, для подножія монумента, была найдена близъ деревни Лахты, въ 12 верстахъ отъ Петербурга. По преданію, это та самая скала, на которую часто всходилъ Петръ Великій, для обозрѣнія пустынныхъ окрестностей своей новой столицы. Много труда стоило поднять ее, потому что она глубоко вросла въ землю, но несравненно труднѣе было доставить ее въ Петербургъ. Вопросъ этотъ, предложенный на конкурсѣ всѣхъ извѣстныхъ ученыхъ тогдашняго времени, разрѣшенъ былъ въ 1770 году графомъ Карбури, носившимъ частное названіе кавалера Ласкари. По проекту его, была устроена, отъ Лахты до морскаго берега, твердая дорога, по которой везли камень четыреста человѣкъ на мѣдныхъ саняхъ, катившихся посредствомъ мѣдныхъ пяти-дюймовыхъ шаровъ, по мѣднымъ желобчатымъ рельсамъ. Работа шла чрезвычайно медленно, такъ что при всѣхъ усиліяхъ, камень подвигался ежедневно только на 200 саженъ. Для перевозки по водѣ служилъ плотъ въ 25 саж. длины, $9^1/_2$ ширины и $2^1/_2$ вышины. Жаль, что художникъ, при обдѣлкѣ гранита, слишкомъ уменьшилъ его размѣры и даже откололъ впереди небольшую часть, которую должно было потомъ приставить. Однакожъ предпріятіе было совершено, и

„Нерукотворная здѣсь Росская гора,
„Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
„Прекла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
„И пала подъ стопы Великаго Петра!“

Въ память этого событія Екатерина повелѣла выбить медаль съ надписью: „*Дерзновенію подобно, Генваря* 20, 1770“.

Вскорѣ затѣмъ, а именно 7-го августа 1782 года, послѣдовало открытіе монумента, совершившееся въ присутствіи императрицы, находившейся на балконѣ сената, знатнѣйшихъ лицъ, гвардіи и многочисленнаго народа. По этому случаю была выбита также медаль, представляющая съ одной стороны памятникъ, съ другой — портретъ императрицы. Сверхъ того, желая еще сильнѣе запечатлѣть этотъ день въ народной памяти, Екатерина II издала манифестъ, которымъ даны были многія льготы.

Послѣ монумента Петру Великому, на *Петровской площади* вниманіе поглощается *Исаакіевскимъ соборомъ*. Если, отъ монумента Петра, обратиться къ Исаакіевской площади, соборъ Исаакія является во всей красотѣ. Громадные фронтоны и гигантскій куполъ, поддерживаемый колоннадою, приковываетъ любопытный взоръ,—и прошедшее за полтора вѣка назадъ открываетъ, свою пеструю лѣтопись. Мысль о построеніи Исаакіевскаго собора явилась впервые въ головѣ Петра Великаго. 30 мая, день св. Исаакія Далматскаго, былъ днемъ рожденія преобразователя Россіи, и оттого, тотчасъ по основаніи новой столицы, Петръ захотѣлъ освятить въ ней память чтимаго угодника построеніемъ храма. Съ этою цѣлью сначала устроена была временная церковь, во имя св. Исаакія, въ одномъ изъ деревянныхъ помѣщеній адмиралтейства, и 6-го августа 1717 года заложенъ отдѣльный каменный храмъ на мѣстѣ нынѣшняго сената. Этотъ храмъ, проектированный архитекторомъ Матернови и выстроенный каменныхъ дѣлъ мастеромъ Нарциновымъ, существовалъ недолго—вскорѣ послѣ освященія его въ 1727 году, въ стѣнахъ его оказались трещины, потребовавшія капитальныхъ исправленій, что хотя и было сдѣлано, но 26 іюня 1735 года молнія разрушила большую часть храма. Предпринятое послѣ этого возобновленіе зданія не состоялось. — и мысль о построеніи

храма Исаакія оставалась неосуществленною, до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II. Въ 1768 году, по проекту архитектора Ринальди, старый храмъ былъ разобранъ и, взамѣнъ его, заложенъ новый на мѣстѣ нынѣшняго собора. Громадность постройки не позволила Екатеринѣ II окончить этого храма: при жизни ея онъ доведенъ былъ только до высоты карниза.

Павелъ I, желая видѣть скорѣйшее окончаніе собора, повелѣлъ архитектору Бренна достроить его кирпичемъ, значительно уменьшивъ при этомъ размѣры зданія, въ особенности діаметръ и высоту главнаго купола. При такомъ измѣненіи первоначальнаго проекта зданіе дѣйствительно было вскорѣ окончено и освящено 30-го мая 1802 года, а впослѣдствіи украшено трофеями шведской войны 1808 и 1809 годовъ. Однакожъ несообразность постройки съ окружающими ее зданіями, доводившая храмъ до безобразія, побудили Александра I-го рѣшиться на новую капитальную перестройку Исаакіевскаго собора, но съ тѣмъ уже, чтобы это предпріятіе было окончательное и вполнѣ достойное памяти Петра Великаго.

Съ 1813 года, когда объявленъ былъ конкурсъ, протекло четыре года въ разсмотрѣніи различныхъ проектовъ, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ, составленный Монферраномъ, былъ признанъ совершеннѣйшимъ и утвержденъ въ 1817 году. 26 іюля 1819 года происходила закладка обновленія Исаакіевскаго собора, причемъ въ основаніе-его положенъ первый гранитный камень съ бронзовою доскою и слѣдующею надписью:

„Сей первый камень обновленія положенъ въ лѣто отъ Рождества Христова
1819
въ 26 день Іюля мѣсяца,
царствованія же Императора
Александра Перваго
въ 19 лѣто,
при обновленіи храма, начатаго
Великою Его Прародительницею
Екатериною Второю
во имя Святаго Исаакія Далматскаго
въ 1768 году.

Не смотря на то, что работы были уже начаты, новое зданіе подвигалось сперва весьма медленно, вслѣдствіи печатныхъ и письменныхъ сужденій, голословно отвергавшихъ возможность постройки въ предположенномъ видѣ. Въ царствованіе Николая I всѣ детальные чертежи собора подвергнуты были снова строжайшему разсмотрѣнію, послѣ чего наружный видъ храма получилъ измѣненіе чрезъ прибавленіе: двухъ портиковъ, восточнаго и западнаго, и четыреугольной платформы, вокругъ главнаго купола, съ 4-мя малыми колокольнями по ея угламъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ соборъ былъ оконченъ.

Что сказать объ Исаакіевскомъ соборѣ? Мнѣнія современниковъ о немъ весьма различны, и были особенно шумны въ эпоху его открытія. Относительно наружности собора, одни находили боковыя колокольни слишкомъ малыми и непропорціональными какъ главному куполу, такъ и вообще всей массѣ зданія; другіе желали видѣть соборъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, чтобы основаніе его отдѣлялось отъ общей плоскости окрестныхъ площадей и улицъ; нѣкоторые говорили, что Исаакіевскій соборъ громаденъ, но не величественъ,—и при этомъ ссылались на соборъ Петра въ Римѣ и проч. О внутренности собора спорили еще больше: приписывали ему недостатокъ въ освященіи, неудачное расположеніе боковыхъ придѣловъ, алтари которыхъ будто-бы слишкомъ удалены отъ главнаго; малое возвышеніе площадки предъ иконостасомъ, растянутость клиросовъ, и проч. Между тѣмъ, по общему мнѣнію, соборъ богатъ, роскошенъ и великолѣпенъ. Потомство, всегда болѣе безпристрастное, чѣмъ современники, и болѣе свободное въ своихъ мнѣніяхъ, произнесетъ надъ этимъ произведеніемъ искусства справедливый приговоръ; тоже можетъ сдѣлать каждый изъ читателей по собственному взгляду и впечатлѣнію.

Памятникъ Крылова.

Къ числу достопримѣчательностей Лѣтняго сада, въ Петербургѣ, принадлежитъ памятникъ Крылова. Знаменитый *дѣдушка* помѣщенъ на своемъ мѣстѣ, на такъ называемой дѣтской площадкѣ, находящейся возлѣ главной аллеи и закрытой отъ нея густыми шпалерами акацій. Баснописецъ изображенъ на высокомъ пьедесталѣ, украшенномъ олицетвореніями лучшихъ его басенъ, превосходно вылитыми изъ бронзы, какъ и самый бюстъ, барономъ Клодтомъ. Дѣти, рѣзвясь около памятника, съ восхищеніемъ разсматриваютъ дѣдушку, познакомившаго ихъ съ похожденіями животныхъ, натура которыхъ такъ подходитъ къ людямъ. Тутъ и лукавая лисица, и простодушный медвѣдь, и вертлявая мартышка, и глупый оселъ—всѣ они облѣпили пьедесталъ *дѣдушки*. Но и не одни дѣти толпятся вокругъ этого памятника... Не говоря уже о художественномъ изображеніи баснописца, его высокій и открытый лобъ, окаймленный густою прядью волосъ, его выразительное лицо и глубокомысленный взглядъ останавливаютъ и взрослыхъ. Невольно приходятъ на память извѣстные стихи Венедиктова:

И станутъ мелькать мимоходомъ,
Предъ ликомъ пѣвца своего,
Съ текущимъ въ аллеѣ народомъ,
Ходячія басни его...
Пройдутъ въ человѣческихъ лицахъ
Козлы, обезьяны въ очкахъ,
Примчатся и львы въ колесницахъ
На скачущихъ бурно коняхъ.
Пріѣдутъ въ каретахъ кукушки.
Рогатые звѣри придутъ,
На памятникъ дѣда лягушки,
Вздуваясь, лорнетъ наведутъ.

Въ стихахъ этихъ много правды, потому-что Лѣтній садъ, дѣйствительно, посѣщается всѣми петербургскими жителями. Густолиственная полуторавѣковая тѣнь его привлекаетъ ежедневно (конечно, лѣтомъ) многолюдныя толпы, обѣщая имъ просторъ, отдохновеніе и прохладу.

Картина Иванова.

Предметъ картины слишкомъ значителенъ. Изъ евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще небранное никѣмъ изъ художниковъ, даже прежнихъ богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно —первое появленіе Христа народу. Картина представляетъ пустыню на берегу Іордана. Всѣхъ виднѣе Іоаннъ Крститель, проповѣдующій и крестящій во имя Того, Котораго еще никто не видалъ изъ народа. Его обступаетъ толпа нагихъ и раздѣвающихся, одѣвающихся и одѣтыхъ, выходящихъ изъ водъ и готовыхъ погрузиться въ воды; въ толпѣ этой стоятъ и будущіе ученики самого Спасителя. Все, отправляя свои различныя тѣлесныя движенія, устремляется внутреннимъ ухомъ къ рѣчамъ пророка, какъ-бы схватывая изъ устъ его каждое слово и выражая на лицахъ различныя чувства: на однихъ уже полная вѣра; на другихъ еще сомнѣніе; третьи уже колеблются; четвертые понурили головы въ сокрушеніи и покаяніи; есть и такіе, на которыхъ видна еще кора и безчувственность сердечная. Въ это самое время, когда все движется такими различными движеніями, показывается вдали Тотъ самый, во имя Котораго уже совершилось крещеніе, и здѣсь настоящая минута картины. Предтеча взятъ именно въ тотъ мигъ, когда, указавши на Спасителя перстомъ, произноситъ: *Се Агнецъ, вземляй грѣхи міра!* И вся толпа, не оставляя выраженія лицъ своихъ, устремляется или глазомъ, или мыслію къ Тому, на Котораго указалъ пророкъ. Сверхъ прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лицъ, впечатлѣній пробѣгаютъ по всѣмъ лицамъ новыя впечатлѣнія. Чуднымъ свѣтомъ освѣтились лица передовыхъ избранныхъ, тогда какъ другіе стараются еще войти въ смыслъ непонятныхъ словъ, недоумѣвая, какъ можетъ одинъ взять на себя грѣхъ всего міра, а третьи сомнительно колеблютъ головой, говоря: «Отъ Назарета пророкъ не приходитъ.» А Онъ, въ не-

бесномъ спокойствіи и чудномъ отдаленіи, тихою и твердою стопою уже приближается къ людямъ.

Не легко изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ *обращенія человѣка ко Христу!*

Гоголь.

Въ Дрезденской галлереѣ.

Я подходилъ къ этой галлереѣ съ волненіемъ ожиданія; мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаэлева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли, и что я чрезъ минуту увижу то, объ чемъ такъ часто говорило одно воображеніе. Но при входѣ въ эту галлерею, первое чувство, какое замѣчаешь въ себѣ, есть неудовольствіе неисполненнаго ожиданія. Ожидаешь войти въ святилище искусства, въ которомъ его уважаютъ, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ худыхъ рамахъ. Прямо изъ сѣней очутишься въ галлереѣ; на окнахъ близъ картинъ лежитъ множество шляпъ; безпрестанно звонъ колокольчика, висящаго на двери, нарушаетъ твое вниманіе; множество станковъ для тѣхъ, которые копируютъ картины, стоитъ въ окнахъ, заслоняетъ свѣтъ и самыя картины, и число ихъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что вниманіе приходитъ невольно въ замѣшательство; однимъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвесть на душу свое дѣйствіе... Галлерея состоитъ изъ двухъ огромныхъ залъ: одна, внутренняя, въ которой итальянская школа; другая, гораздо пространнѣе первой, наружная: въ ней фламандская и нѣмецкая школы. Можно сказать, что половина картинъ не существуетъ для зрителя: онѣ или висятъ такъ высоко, что зрѣніе до нихъ достать не можетъ, или висятъ въ простѣнкахъ между оконъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видятъ одну только темную холстину, съ неясными фигурами, въ запачканныхъ золотыхъ рамахъ. Въ тѣ шесть разъ, которые былъ я въ галлереѣ, не могъ я порядочно познакомиться съ ея сокровищами, тѣмъ болѣе, что смотрѣлъ на картины не какъ знатокъ живописи, а на угадъ, повинуясь собственному своему чувству. Вотъ нѣкоторыя итальянской школы, на которыя смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ: освобожденіе св. Петра изъ темницы, Эспаньолета: величественныя фигуры и разительное дѣйствіе свѣта! Двѣ головы Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Гвидо Рени: онѣ почти одинакія, но выраженіе разное — на одной страданіе съ покорностью и смиреніемъ: на другой то же страданіе, но съ живостью любви, которая выражается въ глазахъ, поднятыхъ къ небу; и та и другая равно прекрасны! Иродіада съ головою св. Іоанна, Леонарда Винчи: прекрасное женское лицо, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но невольно смущенной образомъ мертвой головы Іоанна. Св. Цецилія, Карла Дольче: идеалъ женской, скромной, милой прелести. Скорбящая Богоматерь, Солимена: трогательная, глубокая горесть. Славная Тиціанова Венера: признаюсь въ своемъ приступленіи—эта Венера, при всемъ совершенствѣ живописи, показались мнѣ холодна какъ ледъ, и едва ли та, которая находится въ Потсдамской галлереѣ, не лучше ея. Спаситель съ чашею, Карла Дольче: эта картина почитается превосходною; она нѣсколько разъ была гравирована. Въ самомъ дѣлѣ, она производитъ разительное дѣйствіе, но это дѣйствіе болѣе отъ живости яркихъ красокъ: оно механическое, а не нравственное. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, я хотѣлъ себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть то, чему въ немъ быть должно въ эту минуту, но темное чувство мнѣ противорѣчило. Здѣсь одно искусство безъ души. Я замѣтилъ другую картину, въ которой нѣтъ ни рисунка, ни колорита, но которая полна выраженія; это Христосъ, несущій крестъ вмѣстѣ съ разбойниками, окруженный толпою зрителей и стражей, и въ толпѣ Богоматерь. Разбойниковъ гонятъ и одинъ отбивается съ отчаяніемъ; Спаситель утомленъ: Богоматерь обезсилена горестью, ее несутъ почти на рукахъ, и вотъ самая

трогательная черта: подлѣ Богоматери стоитъ женщина, съ младенцомъ на рукахъ, но эта женщина, будучи матерью, сама чувствуетъ страданіе другой матери и цѣлуетъ тайкомъ ея руку, чтобы облегчить для себя чувство состраданія. Это картина Гранди.

Жуковскій.

Рафаэлева Мадонна.

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ.

Наконецъ однажды только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла къ мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она предъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ Ангеловъ. Я рѣшился придти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря не нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ, она, не знаю, для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ, слѣдовательно, и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ, (что не менѣе досадно), она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на него со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой нибудь Ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: *она здѣсь*, закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него; онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ, вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самаго себя; потомъ ясно началъ чувствовать,

что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой.
А когда насъ покидаетъ—
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимая, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; передъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, не смотря на то, все необъятно, все неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго Ангела въ присутствіи этой небесной, мимолетной Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ Ангеловъ устремилъ задумчивыя глаза на высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ; не таковъ-ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь Ангеломъ на землѣ, чтобъ имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія: но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то-есть, на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя*; но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось): но въ нихъ есть какая то глубокая, чудесная —темнота: въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца: но руки ея смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ.

И въ его глазахъ есть тотъ-же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца, съ могуществомъ Вседержителя, оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*: она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ Ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля

картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда-бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни Ангелы и Святые: онъ или далъ-бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: оно на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго), или представилъ-бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителя и Мадонны): всѣ въ размышленіи, и Святые и Ангелы. Рафаэль какъ-будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта. Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ сумасшедшихъ. Удивительно-ли? Онъ сравнялъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его! И въ самомъ дѣлѣ, надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну; одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе: дважды случиться оно не можетъ.

Жуковскій.

Кремль.

Отрадно стоять на высотахъ Кремля въ часъ всенощной, когда на зовъ златоглаваго великана внезапно и со всѣхъ сторонъ откликаются его безчисленныя дѣти и ходитъ гулъ ихъ въ дрогнувшемъ эоирѣ, серебристый, многогласный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ, и мыслей, и словъ, которыя однако-же не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчищъ ангельскихъ, стражей русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отгнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ, подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко упокоивается земля, какъ бы на лонѣ у матери, и свѣтѣлъ вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы, и синихъ водъ ея, и зелепыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго дня, который какъ будто не хотя разстается съ нею, убирая какъ невѣсту своенравными цвѣтами, — гдѣ только можно медлятъ запоздалые лучи его, то догорая золотомъ на сонмѣ куполовъ и крестовъ, то дѣвственнымъ румянцемъ на стѣнахъ храмовъ, то воздвигая бѣлые призраки башенъ изъ массы зданій. Но эти призраки, подымаясь какъ-бы изъ тьмы временъ, гласятъ о славномъ минувшемъ: это—громадная лѣтопись нашего царства, каменныя грани, которыя ставили предки на рубежѣ вѣковъ, ознаменованныхъ великими дѣяніями, чтобы при видѣ ихъ потомки укрѣплялись молитвою на новые подвиги. Прямо противъ Кремля—церковь Черниговскихъ Чудотворцевъ, гдѣ долго покоились святыя мощи князя Михаила и боярина Ѳеодора, кровію запечатлѣвшихъ вѣру во Христа передъ дикимъ Батыемъ; далѣе, позади величественныхъ храмовъ Пятницы, Всѣхъ Скорбящихъ и Климента, папы Римскаго, главу коего принесъ св. Владиміръ изъ покоренной Корсуни, яснѣютъ вдали древнія башни Симонова, память первой побѣды надъ Татарами;— Сергій, молитвенно двинувшій рать Донскаго на Мамая, указалъ и мѣсто для обители благородному князю. Лѣвѣе одиноко возстаетъ величавая колокольня Новоспасская и съ нею воспоминаніе другаго конечнаго торжества надъ Монголами: это бѣгство послѣдняго хана Ахмата и паденіе Золотой Орды, два вѣка тяготѣвшей надъ Рос-

сію, и величіе Іоанна, собирателя Руси, сооружившаго обитель въ лѣто сверженія ига. И третья славная обитель виднѣется правѣе Симонова, изъ толпы церквей, Донская, именемъ и отголоскомъ первый побѣды. Сергій и витязь, сокрушитель Мамая, опять дѣйствуетъ чрезъ два столѣтія, уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя оградили здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова, и какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ Гирей Крымскій, оттолѣ пожиравшій взорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея! Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ осѣненныхъ мирною рощей, скромно течетъ Москва рѣка, какъ римскій Тибръ, свидѣтель столькихъ браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею; ихъ унесла съ собою мимо текущая волна; она же весело кропитъ зеленые берега свои, усѣянные нивами и садами; и синей лентой вьется между ними, доколѣ мало помалу не вытекаетъ въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда, ударяя звонкой струею въ каменныя арки моста, какъ-бы въ струны гуслей, плещетъ она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любитъ смотрѣться въ ея зеркалѣ со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славой, она опять ударяетъ волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь, и, какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы опять въ привольное лоно своихъ рощъ и полей, къ стадамъ, пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаетъ Кремль и Москва у ногъ его; вокругъ ходитъ по небу луна, какъ-бы на стражѣ его святыни, и бодрствуютъ при свѣтѣ лампадъ лики святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое сліяніе свѣта небеснаго съ земнымъ, — и тамъ, куда не досягаетъ широкій лучъ мѣсяца заслоненный громадой соборовъ или уступомъ высокаго терема, тамъ яркой звѣздою горитъ во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой и озаренное имъ лице Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается съ Божественнымъ Младенцемъ мимоходящему поклоннику. Все тихо и будто мертво, если только можетъ быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и самые усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ-бы на ложахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль: — лишь изрѣдка легкій вѣтеръ зашевелитъ звеньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ и Спасская башни, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ считать боемъ часовъ мимо текущее время, какъ считаетъ свои сокровища богатый, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, чтобы, отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ.

Муравьевъ.

Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣненъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ кроткимъ своимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого

не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извощики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитый свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя: какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ! О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы, — какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ, но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны,—они говорятъ вамъ о быломъ, они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ—и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое такъ быстро, такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древней русской святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій. Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непремѣнно это сдѣлать — хотя изъ любви къ прекрасному.

Загоскинъ.

Русь.

И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты; станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; нѣтеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы; чинимые мосты; поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны; солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артилерійской батареи; зеленыя, желтыя и свѣжо раскрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня; сосновыя верхушки въ туманѣ; пропадающій далече колокольный звонъ; вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами

искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы, не блеснутъ сквозь набросанныя одна на другую темныя арки, спутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто – пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ, невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

Н. Гоголь.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стекляными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шлянахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты,
Вся деревенская краса —
Изъ лавокъ (хитрая приманка!)
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ,
Тамъ—лыки, ведра и ушаты.
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... „Гдѣ? Какая дрянь?“
—„Ты, вотъ, на ступицу-то глянь!“
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ;
А парень крендель доѣдаетъ;
—„Сложи полтину.“ говоритъ:
Возьму и дегтю. — „Вотъ мазницы.“
—„Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гамонокъ-то свой не прячь!“
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись коверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Никитинъ.

Луговой берегъ Оки въ покосъ.

Есть время въ году, когда луговой берегъ Оки кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ намъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній,—однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь, и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ, за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которомъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться какъ въ лѣсу. Міріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень пестрое цвѣтное море какъ славно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ! Сюда-то въ Петровки стекается народъ изъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому жители Комарева, Горъ, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Еслибъ собрать весь кумачъ, всѣ платки, поневы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Подымитесь на нагорный берегъ — подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды; имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ.

Такъ подвигаются они однакожъ цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами,—полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣсня: точно весь русскій людъ собрался снова на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Уже заря брежжетъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня между тѣмъ все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣснѣ, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣсню эту затянули еще, быть можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она,— понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и, постепенно разливаясь мягкими волнами, все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!... И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать вашу душу: не каменная-ли она?

Григоровичъ.

Троицкая лавра.

Верстъ за семь до Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу. — Я взъѣхалъ на гору Волкушу... Русскіе патріоты! это мѣсто

должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ вождемъ Пожарскимъ и съ гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ!.. Я сталъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новгорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владиміра и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго, среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества!.. Русскіе были тогда сиротами: не имѣли государя и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутреннія раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцомъ природы; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь, гласилъ онъ съ пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію!...* Но *святый уподникъ*, какъ говоритъ почтенный историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего*. Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношей. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной впослѣдствіи!—то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой христіанской религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокій ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего государства. Въ XV и XVI вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты.— Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны, но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства, любовь къ отечеству и вѣра, вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ стихотворца, привѣтствуютъ васъ

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Василіи Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Итальянскій архитекторъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ счастливаго вѣка Медичисовъ, въ княженіе Іоанна Васильевича, и построилъ въ Москвѣ соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго собора Лавры, храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ.—Изъявивъ христіанское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницъ. Два образа, даръ царей Іоанна и Годунова Троицкому собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же русскіе патріоты съ особенной вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ Петромъ Великимъ и еще съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Иностранцы, которые

видали богатство итальянскихъ и испанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣнная гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости государей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его великолѣпію.

Между колокольнею и Троицкимъ соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

Когда Дмитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости славянскаго потомства, сразиться съ татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны: хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Москву: однако жъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Русскихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ татаръ бичомъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный князь Александръ, герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ—не стыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его не дерзали поднять руки на татарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и Великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался, свернулъ иго, и—Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ князей татарскихъ.

Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрію, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ: святые гимны христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Русскихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія и, наконецъ, отступила. Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

Когда недостойные бояре и гнусные измѣнники свели съ престола несчастнаго Шуйскаго и впустили поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда троицкіе патріоты, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, писали грамоты во всѣ города молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкой, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи.

Пожарскій остановился въ Ярославлѣ: келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Казаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли и клялись быть вѣрными.—Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но польскій королевичъ Владиславъ называлъ себя царемъ русскимъ и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ее, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ келаремъ Авраміемъ, такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ россійскій —заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

Наконецъ юный Петръ два раза на-

ходилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостію прекратилъ умыслы Софіина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая лавра съ самаго основанія своего была истинною русскою защитою, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость россійскому духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло геройскій патріотизмъ.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на троицкія пушки, бросавшія громъ на поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которыми ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями, но генералъ-фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елизаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ иностранныхъ и русскихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ и проч., а во второй однѣ церковныя книги и рукописи.

Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ троицкой библіотеки посланы къ Екатеринѣ Великой, которая столь ревностно занималась нашею исторіею.

Къ любопытнымъ вещамъ въ лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первый въ Россіи и цѣломъ свѣтѣ, такъ что и славный китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходитъ. Троицкіе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ и проч. Видъ колокольни (превышающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ царя Ивана Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности.

Странно, что въ архивѣ монастырскомъ не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ троицкимъ архимандритомъ около 1720 года; слѣдственно можно заключить, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ дѣдною работою при Елизаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды Петра Великаго съ девизами, не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ князей и государей, отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не очень удачно изобрѣтены художникомъ. Напримѣръ, Святославъ, чудесный герой своего времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ игумномъ: ни одной черты геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ: онъ есть также вымыселъ, какъ думаю; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи.

Троицкая Семинарія, заведенная при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ французскому и нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдовать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильона.

Въ лаврѣ погребены многіе знаменитые люди, и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ. — Мнѣ показали гробъ славнаго архимандрита Діонисія. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго келаря Авраамія, и къ сожалѣнію услышалъ, что преосвященный Платонъ,

любя великихъ мужей Россіи, напрасно искалъ его могилы, время сокрыло ее завѣсою тайны. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго князя Василія Ивановича съ княжною Глинской, находя его незаконнымъ, былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ царицею и сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кирилловскій монастырь, философъ Максимъ всячески уговаривалъ государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ ему кончину царевича.

Подлѣ Успенскаго собора врастаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Ѳеодоръ и несчастная Ксенія. На лѣвой сторонѣ отъ собора, съ краю, лежитъ царица; подлѣ нея Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Ѳеодоръ.

Всякій, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ, скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе».

Два дня прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ.

Карамзинъ.

Изъ путешествія въ Арзерумъ.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за десять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или днемъ разбитой бутылки. Нынѣче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро, въ 9 часовъ, мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ,

состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ Нагайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, невмѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бо мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба — вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, предверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ... положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чемъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ

ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *рѣкѣ, на Съверѣ гремящей*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: *не останавливайтесь В. Б.*, убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля. Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: „Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!“

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Дарьяльскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головой. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Дарьяла, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Дарьялъ на древнемъ Персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Діріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость, для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы).

Изъ Дарьяла отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы чрезъ *Бѣшеную Балку*,— оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы

и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, *подпирающую небосклонъ*.

Пушкинъ.

На мысѣ Доброй-Надежды

День былъ удивительно хорошъ: южное солнце, хотя и осеннее, не щадило красокъ и лучей; улицы тянулись лѣниво, домы стояли задумчиво въ полуденный часъ и казались вызолоченными отъ жаркаго блеска. Мы прошли мимо большой площади, называемой *Готтентотскою*, усаженной большими елями, наклоненными въ противоположную отъ Столовой горы сторону, по причинѣ знаменитыхъ вѣтровъ, падающихъ съ этой горы на городъ и заливъ. Мы видѣли много улицъ и площадей, осмотрѣли англійскую и католическую церкви, миновавъ мечеть, помѣщающуюся въ домѣ, который ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Но куда ни взглянешь, вездѣ взглядъ упирается то въ зеленѣющіе бока лежащаго Льва, то въ Столовую гору, то въ Чортовъ пикъ. Городъ какъ-будто сдавленъ ими, только къ юго западу раздвигается безграничный просторъ: тамъ море сливается съ небомъ.

Мы въ концѣ одной улицы замѣтили темную аллею и поворотили туда. Это была длинная, совсѣмъ закрытая вершинами елей дорога для пѣшеходовъ, убитая, впрочемъ, довольно острыми камешками. Пройдя нѣсколько саженъ, мы подошли ко входу въ ботаническій садъ, въ который входъ дозволенъ за деньги, по подпискѣ; но для путешественниковъ онъ открытъ во всякое время безденежно. Что за наслажденіе этотъ садъ! Онъ не великъ: едва ли составитъ половину петербургскаго Лѣтняго сада, но за то въ немъ собраны всѣ цвѣты и деревья, растущіе на Капѣ и въ колоніи. Все разсажено въ порядкѣ, посемейно. Мы обошли кругомъ сада, не пропуская ни одного растенія.

Съ одного мѣста изъ сада открывается глазамъ вся Столовая гора. Меня опять поразила эта громада, когда мы были у ея подошвы. Солнце обливало ее лучами, наверху прилипло въ одномъ мѣстѣ облако и лежало тамъ покойно, не шевелясь, какъ глыба снѣгу. Зеленѣющіе бока Льва казались еще зеленѣе. На крестцѣ его вертѣлся телеграфъ, разговаривая съ судами. Я вглядывался въ рытвины Столовой горы, промытыя потоками и образующія видомъ, такъ называемыя «ножки стола». На этомъ разстояніи то, что издали казалось мохомъ, травкой, являлось цѣлыми лѣсами кустовъ и деревьевъ. Вся гора, взятая нераздѣльно, кажется какой-то мрачной, мертвой, безмолвной массой, а между тѣмъ тамъ много жизни: на подошву ея лѣзутъ фермы и сады, въ лѣсахъ гнѣздятся павіаны, большія, черныя обезьяны, кишатъ змѣи, бѣгаютъ шакалы и дикія козы. Гора невысока, всего 3500 футовъ надъ моремъ, но громоздка и широка. Вообще всѣ три горы кажутся покинутыми матеріалами отъ какихъ-то громадныхъ замысловъ и недоконченныхъ нечеловѣческихъ работъ. Обошедши всѣ дорожки, осмотрѣвъ каждый кустикъ и цвѣтокъ, мы вышли опять въ аллею и потомъ въ улицу, которая вела въ поле и въ сады.

Дорогой навязавшійся намъ въ проводники малаецъ принесъ намъ винограду. Мы пошли назадъ все по садамъ, между огромными дубами, изъ рытвины въ рытвину, взобрались на пригорокъ и, спустившись съ него, очутились въ городѣ. Только что мы вышли на улицу, кто-то сказалъ: «посмотрите на Столовую гору!» — Всѣ оглянулись и остановились въ изумленіи: половины горы не было.

Облако, о которомъ я говорилъ, разрослось пока мы шли садами, и густымъ слоемъ, точно снѣгомъ, покрыло плотно и непроницаемо всю вершину и спускалось по бокамъ ровно; *столъ накрывался скатертью*. Мы шли улицей, идущей скатомъ, и безпрестанно оглядывались: скатерть продолжала накрываться съ неимовѣрной быстротой, такъ что мы не успѣли достигнуть сре-

дины города, какъ гора была уже закрыта до половины. Я ждалъ, не будетъ ли бури, тѣхъ стремительныхъ вѣтровъ, которые наводятъ ужасъ на стоящія на рейдѣ суда; но жители капштатскіе говорятъ, что это ничего не значитъ. Столовая гора можетъ хоть вся закутаться въ саванъ—они не боятся. Бѣда, когда *левъ надѣнетъ чепчикъ!* Я послѣ самъ имѣлъ случай повѣрить это собственнымъ наблюденіемъ.

Гончаровъ.

На берегу Краснаго моря.

Когда я открылъ глаза, солнце стояло уже довольно высоко; часы показывали шесть. Реомюръ+25, а успѣвшія уже нагрѣться скалы уади Цугерахъ отражали такую лучистую теплоту, что оставаться долѣе въ этой раскаленной каменной печи было невозможно, тѣмъ болѣе, что и плита, вокругъ которой мы расположились, была совершенно горяча. На-скоро мы закусили, напились бурды—„джая москова“, отъ которой меня на тощакъ едва не стошнило, и начали нагрузку верблюдовъ, чѣмъ занимался преимущественно Юза—хозяинъ животныхъ и проводникъ, а Ахмедъ и Рашидъ, собственно мои тѣлохранители, только помогали ему. Послушныя животныя по одному зову хозяина подошли и стали на колѣни; по другому, нагруженные кладью и нашими особами, поднялись, и небольшой караванъ нашъ тронулся далѣе на востокъ, по уади Цугерахъ. Вскорѣ передъ нами выросла цѣпь береговыхъ горъ въ двѣ или въ двѣ съ половиной тысячи футовъ высотою, за которыми скрывался Акабинскій заливъ. Не доходя до нея, по словамъ Ахмеда, находилась пещера Судебъ, наполненная костями, и источникъ сладкой воды. Туда мы и направлялись, потому что въ бурдюкахъ нашихъ воды оставалось немного, да и та была сомнительнаго достоинства. Скучна и утомительна ѣзда на верблюдѣ въ пустынѣ, сидишь, какъ привязанный, и покачиваешься; напрасно многіе хвалятъ ощущеніе, получаемое отъ легкой тряски, происходящей при каждомъ шагѣ огромнаго животнаго. Быть можетъ, оно и пріятно въ первое время ѣзды на верблюдѣ, но я не испыталъ его даже въ первые дни своего путешествія по пустынѣ; когда же приходится проводить на верблюдѣ по 12 и по 15 часовъ въ день, и такъ идти цѣлыми недѣлями, то эта ѣзда становится настоящею пыткою, особенно при тѣхъ условіяхъ, при какихъ обыкновенно европейскіе путешественники пользуются верблюдомъ, то-есть при переходѣ черезъ пустыню. Сидишь съ боку горба или на самомъ горбѣ, въ массѣ упряжи и багажа, всегда болѣе или менѣе прикрѣпленный, чтобы не упасть при тряской ѣздѣ, да считаешь шаги животнаго, потому что для глаза нѣтъ ничего утѣшительнаго, въ головѣ нѣтъ ни одной мысли, въ членахъ нѣтъ даже желанія двигаться... Такъ и кажется, что составляешь одно цѣлое съ кораблемъ пустыни, потому что слѣдуешь за каждымъ движеніемъ его огромнаго тѣла безъ сопротивленія, даже безъ желанія удержаться... А сверху и съ боковъ въ это время палитъ невыносимо; человѣкъ на верблюдѣ представляетъ высшую точку въ пустынѣ; кругомъ его, если только на горизонтѣ не вырисовываются безжизненныя каменныя громады, идетъ одна безконечная поверхность сыпучаго песку; глазъ тонетъ въ этомъ песчаномъ морѣ; бѣловатый и желтовато-красный цвѣтъ, отражаемый песками пустыни, производитъ до того утомляющее ощущеніе на сѣтчатую оболочку глаза, что онъ закрывается непроизвольно. Нѣтъ и для уха ни одного звука, кромѣ легкаго шлепанья мозолистыхъ ногъ верблюда о почву; кругомъ все безмолвно, мертво, все гармонируетъ съ пустынею — этою мертвою частью природы. Даже непріятно дѣйствуетъ въ пустынѣ среди мертвой тишины какой-нибудь посторонній звукъ; ухо привыкаетъ до того къ однообразной, мертвой тишинѣ, что даже звуки собственнаго голоса, а тѣмъ болѣе разговоръ спутниковъ начинаютъ казаться какой-то дисгармоніей, чѣмъ-то не свойственнымъ пустынѣ; мало-по-малу достигаешь совершенно самоощущенія

арабовъ, которые могутъ ѣхать цѣлыми сутками на верблюдахъ, храня гробовое молчаніе, погрузясь въ полное самоуглубленіе. Чувствуешь, что тѣло твое требуетъ абсолютнаго покоя, что ни одна мышечная фибра не способна двигаться, что ни одна мысль не способна зародиться въ головѣ, распаляемой жгучими лучами солнца. Такъ и кажется, что самый мозгъ принимаетъ болѣе жидкую консистенцію, размягчаясь отъ ужасающаго жара пустыни. Сверху и съ боковъ палитъ аравійское солнце, снизу обдаетъ жаромъ, отражающимся отъ горячаго песку, какъ изъ раскаленной печи; внутри палитъ внутренній жаръ, изсушающій все тѣло, томитъ смертельная жажда, а въ перспективѣ ни сегодня, ни завтра ни малѣйшей тѣни, ни глотка свѣжей воды. Въ этомъ ужасномъ положеніи ничего не чувствуешь, ничего не думаешь, ни къ чему не стремишься; это своего рода буддійская нирвана, пожалуй своего рода блаженство, но за которымъ слѣдуетъ смерть.

Въ такомъ почти состояніи пришелъ я, по крайней мѣрѣ, къ подножію приморскихъ альпъ Акабинскаго залива. Начали мы идти легкимъ склономъ, потомъ пробираться по крутизнамъ, едва доступнымъ для осла или мула, но никакъ не для верблюда, пробираться по узкимъ тропамъ надъ обрывами, гдѣ одинъ невѣрный шагъ можетъ стоить жизни; до всего этого мнѣ было мало дѣла, потому что я погрузился въ нирвану. Не выводили меня изъ этого полусоннаго состоянія ни крики моихъ спутниковъ, подбадривавшихъ верблюдовъ, ни фырканье животныхъ, неохотно ступавшихъ по непривычной горной дорогѣ, ни грохотъ катившихся подъ нашими ногами камней. Юза, обыкновенно ѣхавшій впереди, когда вступили на горную дорогу, отдалъ свое мѣсто Ахмеду, который шелъ пѣшкомъ, отыскивая дорогу между нагроможденными безпорядочно камнями. Рашидъ также скоро слѣзъ съ верблюда и шелъ, постоянно прислушиваясь; эта предосторожность сегодня не пугала меня, какъ въ ночь, а доставляла своего рода наслажденіе; было, по крайней мѣрѣ, на что смотрѣть... Такъ мы шли до полудня, когда жара достигла высшаго предѣла... Ѣхать между каменными стѣнами было совершенно невозможно, потому что ощущеніе, испытываемое нами, рѣшительно можно было сравнить съ ощущеніемъ отъ раскаленной печи. Да и видъ этихъ каменныхъ громадъ, потемнѣвшихъ и черныхъ мѣстами, такъ и напоминалъ закоптѣлыя и обожженныя стѣны печи. Вдругъ Рашидъ остановился и махнулъ рукою, давая знакъ Юзѣ остановиться. Передній верблюдъ остановился подъ могучею рукою Юзы; другіе послѣдовали примѣру передоваго. Внезапная остановка вывела и меня изъ полусоннаго состоянія. — Эффенди, — произнесъ Рашидъ таинственно, подходя ко мнѣ, — я слышу арабовъ пустыни; у нихъ много верблюдовъ; надо быть храбрымъ и приготовить наши ятаганы. Не хочетъ ли эффенди прислушаться? — Я сталъ напрягать свой уснувшій слухъ, и дѣйствительно, не вдалекѣ отъ насъ слышался топотъ идущаго каравана; я взглянулъ вопросительно на моихъ людей, какъ бы спрашивая у нихъ совѣта, что предпринять, потому что мой умъ не могъ работать вовсе. Рашидъ съ Ахмедомъ хладнокровно осматривали взводы ружей и револьверовъ, тогда какъ Юза, казалось, не обращалъ и вниманія на открытіе Рашида. Всѣ были безмолвны; кругомъ царило также мертвое безмолвіе, слышался только шумъ оправляемаго оружія, да порою доносившійся гулъ отъ приближающагося врага. Тутъ только мало-по-малу, подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ, я вышелъ изъ состоянія нирвана, и предъ моими умственными очами открылся весь ужасъ нашего положенія. По примѣру моихъ кавасовъ, я осмотрѣлъ курки своей берданки и двухъ Вессоновскихъ револьверовъ и клинокъ турецкаго ятагана, хотя все это сдѣлалъ машинально, безъ всякой къ тому нужды, просто потому, что ничего другаго придумать не могъ. Не зная врага, трудно было и взвѣшивать шансы предстоящей встрѣчи, а быть можетъ, и борьбы; но Рашидъ съ Ахмедомъ, и особенно Юза были такъ хладнокровны, что нельзя было и ду-

мать, что мы идемъ на врага, обыкновенно безпощаднаго. — Не страшись ничего, эффенди,—началъ наконецъ Рашидъ послѣ долгаго молчанія,— Рашидъ знаетъ арабовъ пустыни, они трусливѣе степного волка и прожорливой гіены. Рашидъ поручился головою москову консулу, что онъ доставитъ цѣлымъ въ Эль-Кудсъ (Іерусалимъ) благороднаго эффенди, и сдержитъ свое слово. Скорѣе умретъ Рашидъ, чѣмъ отдастъ арабамъ-разбойникамъ своего господина... Отдаленный выстрѣлъ прервалъ изліянія Рашида и заставилъ меня вздрогнуть. Дѣло скоро начнется, подумалъ я, и нельзя отстать и мнѣ отъ людей, которые рѣшаются умереть, защищая меня. Соннаго состоянія какъ не бывало; напротивъ, какая-то, мнѣ невѣдомая нервная сила проходила по моему тѣлу и заставляла его, не смотря на страшную жажду и физическое утомленіе подъ подавляющимъ вліяніемъ полдневнаго зноя пустыни, кипѣть избыткомъ нервной энергіи. Но замолкъ отдаленный выстрѣлъ, отозвалось нѣсколько разъ гулкое эхо въ каменныхъ ущельяхъ Акабинскихъ альпъ и все опять замерло какъ и прежде; даже Рашидъ не слышалъ шума отъ приближающагося каравана. По знаку Ахмеда мы осторожно двинулись снова; удалой Ахмедъ пѣшкомъ шелъ впереди каравана, мы ѣхали гуськомъ, отмѣривая узкую тропу полутора аршинными шагами верблюда. На одномъ поворотѣ нависшая скала образовывала небольшую тѣнь; мы расположились подъ нею обѣдать. Не весела была наша полуденная стоянка всегда, а сегодня подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ возможной встрѣчи съ врагами, которыхъ присутствіе мы уже чуяли невдалекѣ, она была просто невыносимой, и я торопилъ своихъ спутниковъ садиться на верблюдовъ. Наскоро мы поѣли синайскихъ хлѣбцовъ съ оливами и съ козьимъ сыромъ, ѣсть который заставлала только безъисходная нужда, закусили финиками и запили отвратительною теплою водою, и готовы были продолжать свой путь. Но не дологъ былъ нашъ послѣобѣденный путь; мы и не думали, что прямо отъ стоянки мы торопимся идти на новую стоянку. Но крайней мѣрѣ не успѣли мы еще сдѣлать часу пути, какъ вошли въ узкій дефилей, который выходилъ въ порядочную котловину, со всѣхъ сторонъ запертую горами. Едва мы вступили въ дефилей, какъ Ахмедъ, шедшій впереди всѣхъ, приложилъ руку ко лбу и, обращаясь ко мнѣ, хладнокровно заявилъ: — Эффенди можетъ увидѣть арабовъ пустыни; они отдыхаютъ тутъ недалеко; нашъ путь идетъ мимо нихъ. Эффенди не боится арабовъ, какъ левъ не боится волковъ. — Не смотря на такое утѣшеніе, дѣлавшее мнѣ большую честь, я невольно вздрогнулъ, когда бросилъ взглядъ на выходъ изъ дефилея. На противуположной сторонѣ его сидѣли вокругъ старшины, бѣлаго какъ снѣгъ араба, около шести или семи десятковъ полуобнаженныхъ сыновъ пустыни. — Не успѣлъ я еще осмотрѣться, какъ верблюды наши, завидя своихъ собратій и предчувствуя долгій отдыхъ, прибавили шагу, и черезъ нѣсколько минутъ мы были недалеко отъ каравана дикихъ арабовъ. Къ удивленію своему, при видѣ нѣсколькихъ десятковъ арабовъ, мирно сидѣвшихъ вокругъ своего шейха, сердце мое, сильно бившееся при первомъ взглядѣ на эту картину, начало успокоиваться и я скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, разсматривалъ эту живописную группу полуобнаженныхъ людей. Ахмедъ, по прежнему шедшій впереди нашего каравана, приложилъ руку ко лбу и къ груди и первымъ привѣтствовалъ старшинъ. Старый шейхъ отвѣчалъ тѣмъ же, не приподнимаясь съ мѣста. Нѣсколько молодыхъ арабовъ встали, взяли свои кремневыя ружья и пошли къ намъ, произнося привѣтствія. Мои люди усердно прикладывали руки ко лбу и груди и бормотали восточныя привѣтствія на своемъ тарабарскомъ языкѣ съ изысканною вѣжливостью. Старый шейхъ привсталъ, поддерживаемый двумя старшинами, и направился прямо ко мнѣ. Его сѣдая длинная борода, бѣлыя какъ снѣгъ брови, умное лицо съ выразительными глазами и яркобѣлые бурнусъ и чалма дѣлали его похожимъ на библейскихъ патріарховъ; почтеніе, окружавшее его, еще болѣе, увеличивало сходство.— Шейхъ арабовъ пустыни обращается къ тебѣ, госпо-

динъ инглезъ,—такъ началъ свою рѣчь старецъ (Юза быстро переводилъ ее на ломанный французскій или, вѣрнѣе сказать, на смѣсь французскаго съ итальянскимъ),—желаетъ чтобы милосердый Аллахъ хранилъ твои дни и направилъ счастливо твой путь по пустынѣ. Пусть и верблюды твои будутъ здравы и донесутъ тебя до Акаби, Эль-Халиля (Хевронъ) или Эль-Кудса (Іерусалимъ), куда ведетъ путь твой. Арабы пустыни просятъ тебя раздѣлить съ ними бѣдный ужинъ и провести ночь вокругъ братскаго костра.

Юза перевелъ ему мой отвѣтъ и согласіе остаться у братскаго костра на ночь, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, и караванъ нашъ остановился. Нѣсколько арабовъ помогали моимъ спутникамъ разгружать верблюдовъ, а меня шейхъ, движеніемъ руки, пригласилъ занять мѣсто около него. Юза въ качествѣ переводчика помѣстился около меня. Не смотря на то, что мнѣ очень не хотѣлось проводить ночь среди арабовъ, которыхъ намѣренія относительно насъ были неизвѣстны, тѣмъ не менѣе вѣжливость, арабскій обычай и, наконецъ, любопытство взяли верхъ, и я тотчасъ же согласился на предложеніе шейха, обмѣнявшись предварительно взглядами со своими спутниками, изъявлявшими также полное согласіе. Старый шейхъ предложилъ мнѣ наргиле и микроскопическую чашку кофе и началъ меня разспрашивать, кто я и куда, и зачѣмъ ѣду. Когда Юза сказалъ шейху, что я не инглезъ, а „паша московъ“, тогда арабы только переглянулись между собою въ недоумѣніи, а шейхъ, приложа снова руку ко лбу и груди, произнесъ съ знаками всевозможнаго почтенія:

— Сыны мои не знаютъ „москововъ“, они и не слыхали о нихъ, но старый Сулейманъ былъ въ Стамбулѣ, Искандеріи (Александрія) и видѣлъ москововъ; проклятый турокъ боится ихъ, потому что воины-московы были въ Стамбулѣ, а ихъ султанъ-падишахъ великій одною рукою своею разогналъ воиновъ турецкихъ какъ трусливыхъ шакаловъ. Много хаджи (поклонниковъ) москововъ идутъ черезъ пустыню къ Деиръ-эль-Муса (Синайскій монастырь), но ни одинъ москов не былъ въ уади-Цугерахъ; паша благородный съ сердцемъ львинымъ прошелъ первымъ пустыню Рамле и Джебель Этъ-Тихъ; мои сыны два дня видѣли уже караванъ эффенди, но Аллахъ привелъ его къ нашему гостепріиству только сегодня. Старый шейхъ съумѣетъ принять его, хотя арабы пустыни и бѣдны, какъ безплодныя скалы Джебель Этъ-Тиха.

Такъ говорилъ почтенный старецъ, а арабы слушали со вниманіемъ рѣчь своего шейха. Я поспѣшилъ чрезъ Юзу благодарить шейха и все племя его за то радушіе, съ которымъ онъ принимаетъ нашъ караванъ, измученный блужданіемъ по пустынѣ Рамле, и просить на эту ночь гостепріимства. Въ самыхъ изысканныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ старый шейхъ обѣщалъ намъ сдѣлать все, что въ его слабыхъ силахъ. По приглашенію шейха всѣ мои люди расположились около меня; всѣмъ имъ было предложено также по чашкѣ кофе и наргиле. Послѣ этого шейхъ и еще одинъ старшина успѣли у насъ выспросить все, что касается до нашего путешествія, намъ былъ предложенъ ужинъ не роскошный, но довольно обильный. Хлѣбъ, оливы, зелень, финики и кофе составляли его. Мы ѣли не съ большимъ аппетитомъ, не смотря на то, что обѣдали плохо. Съ нами ѣли только шейхъ и другой старшина; прочіе арабы ужинали въ нѣкоторомъ отдаленіи. Послѣ ужина намъ предложили въ глиняномъ кувшинѣ прекрасную свѣжую воду, и это послѣднее угощеніе было для насъ пріятнѣе всего, потому что мы уже болѣе трехъ сутокъ не видали хорошей воды. Замѣтивъ, что вода намъ понравилась, шейхъ приказалъ подать еще, прибавивъ, чтобы мы пили ее не жалѣя, потому что источникъ не далекъ. Ахмедъ, узнавши о существованіи источника, котораго онъ даже не зналъ, удивлялся и выспрашивалъ у шейха мѣсто его нахожденія, на что послѣдній отвѣчалъ только молчаніемъ. Не раздѣляя любопытства Ахмеда, я тѣмъ не менѣе просилъ доставить мнѣ лишній кувшинъ воды, намѣреваясь угостить себя и арабовъ русскимъ чаемъ. Не прошло и часу, какъ двое посланныхъ вернулись изъ горъ и принесли по кувшину прекрасной кристальной воды. Я про-

силъ развеети огонекъ, просьба моя была живо исполнена; черезъ полчаса у насъ бурился довольно порядочный костерокъ изъ навозу и сучьевъ. Богъ знаетъ откуда появившихся, и сухой травы. Юза, не впервые исполнявшій обязанность повара, быстро сварилъ на огонькѣ кипятокъ въ походномъ чайникѣ, заварилъ чай и розлялъ въ кофейныя чашки. Я же предложилъ ихъ двумъ старшинамъ и арабамъ, ходившимъ за водою. Послѣ обычныхъ благодареній сыны пустыни испробовали по глотку русскаго калашниковскаго чаю и въ одинъ голосъ отвѣтили, что „джай-москойъ“ очень хорошъ. Медленно, смакуя каждый глотокъ, такъ сказать выполаскивая ротъ, оба шейха съ превеликимъ достоинствомъ выпили по первой чашкѣ чаю. Когда я имъ предложилъ по второй, то они потеряли даже свое достоинство, обрадовавшись такому лестному предложенію со стороны «паши московъ“ (sic). Церемонія чаепитія сыновъ пустыни, причемъ успѣли сходить еще два раза за водою, въ дикомъ ущельѣ Акабинскихъ альпъ на берегу Краснаго моря, происходило, такимъ образомъ, гораздо долѣе, чѣмъ въ любомъ московскомъ трактирѣ. Было уже совершенно темно, когда поголовное чаепитіе арабовъ окончилось, — потому что я велѣлъ дать каждому арабу хотя по маленькой чашкѣ „московскаго джая“. По окончаніи всей церемоніи мы были уже друзьями; шейхи, забывъ о своемъ достоинствѣ, болтали съ нами, какъ бабы, особенно послѣ двухъ чашекъ вина, которыми я обязательно угостилъ обоихъ старшинъ; о другихъ арабахъ и говорить было нечего. Даже Рашидъ, доселѣ какъ-то подозрительно все время посматривавшій на арабовъ, какъ бы опасаясь какого-нибудь коварства съ ихъ стороны, теперь пересталъ смотрѣть хмурою ночью и разболтался съ молодымъ рослымъ арабомъ, дружески предлагая другъ другу наргилэ, обходившій всю компанію по распоряженію шейха.

— Теперь, эффенди,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — эти арабы намъ друзья, мы можемъ спокойно гостить у нихъ; пусть эффенди спитъ спокойно, Рашидъ все-таки будетъ не спать надъ эффенди. — Я давно уже потерялъ предубѣжденіе противъ арабовъ пустыни и смѣялся надъ тѣми предосторожностями, которыя мы предпринимали ранѣе, но спать не могъ, уже потому, что компанія сидящихъ около костра была черезъ-чуръ весела. Было уже около десяти часовъ вечера; голубое небо заблистало тысячью звѣздъ. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ замыкался темною зубчатою линіею горъ, ближайшія изъ которыхъ казались врѣзывающимися черною массою въ прозрачную синеву неба. Надъ нашими горами, какъ и на далекомъ сѣверѣ, стояла большая медвѣдица. Невольно я устремилъ глаза съ темной земли въ синеву блистающаго неба и впился взглядомъ въ его чарующую красоту. Старый шейхъ, какъ истый сынъ пустыни, любившій небо до обожанія, тотчасъ-же замѣтилъ это и началъ поучать арабской астрономіи, которую я слушалъ съ большимъ усердіемъ, стараясь узнать хотя арабскія названія большихъ созвѣздій.—Вотъ въ тѣхъ семи звѣздахъ,— говорилъ онъ, указывая на большую медвѣдицу, — живетъ геній неба; Аллахъ отвелъ ему тамъ жилище, чтобы онъ наблюдалъ за землею. Съ земли жилище генія похоже на фигуру корабля пустыни, и сыны ея называютъ тѣ семь звѣздъ верблюдомъ. Гляди, благородный эффенди, какъ вытянулъ впередъ свою шею небесный верблюдъ; не легко ему нести небеснаго генія... А вотъ тамъ горитъ яркою звѣздою глазъ небесной газели, — продолжалъ старикъ, направляя свой перстъ въ сторону Регула:—у той газели четыре дѣтеныша, смотри ихъ глазки глядятъ на мать. Рядомъ съ газелью свѣтится хищный глазъ шакала (Денебола); онъ стремится схватить своими зубами небеснаго козленка, но Аллахъ помѣстилъ на небо охотника-араба, который не даетъ шакалу похитить у матери дѣтеныша. (Небесный арабъ стараго шейха — наше созвѣздіе Дѣвы).—Вотъ тутъ, эффенди, —продолжалъ старикъ, указывая на Лиру, — блестятъ глаза небесной красавицы (Вега и Денебъ), волоса которой усыпаны перлами (Геркулесъ). Выше красавицы Аллахъ помѣстилъ могучаго льва (Кассіопея), а ближе къ концу неба (горизонту) другого небеснаго вер-

блюда, который служилъ пророку... Аллахъ да благословитъ его...—Подъ именемъ верблюда Магометова старый шейхъ подразумѣвалъ четыреугольникъ Пегаса и вмѣстѣ β и γ Андромеды α и Персея. — По всему небу раскинулъ Аллахъ поясъ пророка, украшенный жемчужинами,—добавилъ старикъ, проводя рукой по направленію млечнаго пути и блестящихъ звѣздъ, свѣтящихся на немъ и возлѣ него (Персей. Альдебаранъ, звѣзды Оріона и др.). — По обѣимъ сторонамъ святого пояса пророка Аллахъ поставилъ двухъ стражей, которые оберегаютъ его, — закончилъ шейхъ, указывая на блестящихъ, какъ алмазы, Прокіона и Сиріуса. Долго еще хотѣлъ трактовать старикъ о томъ, что видятъ арабы пустыни на небесномъ сводѣ, какъ поэтическое чувство ихъ помѣщаетъ на небо чадъ земли и тѣмъ примиряетъ область таинственную, полную чудесъ, съ областью міра земного, населяя ихъ одинаковыми существами; но другой шейхъ прервалъ его изліянія.—Сулейманіе,—говорилъ онъ,—эффенди мудръ, какъ старцы земли его; онъ знаетъ, къ чему Аллахъ устроилъ и міръ, и звѣзды, и какъ называютъ ихъ арабы пустыни... Пусть лучше молодежь увеселитъ сердце нашего гостя музыкой и пляскою .. Не правъ ли я, отецъ мой?—Сулейманіе только кивнулъ головою въ знакъ своего согласія и затянулся душистымъ наргилэ. Не успѣли еще лопнуть пузырки въ кальянѣ Сулейманіе, какъ нѣсколько молодыхъ арабовъ встало; въ рукахъ у нихъ виднѣлись какіе-то инструменты, нѣчто среднее между флейтою и рожкомъ. Они обошли вокругъ костра трижды и заиграли всѣ вмѣстѣ дикую мелодію. Оригинальные звуки съ какими-то невѣдомыми тонами, то страстно чарующіе, то заставляющіе вздрагивать, то нѣжно пѣвучіе, то поражающіе своей дикой гармоніей, быстро слѣдовали одни за другими, не давая опомниться, не давая времени для отчета ихъ невольному слушателю и цѣнителю. Съ четверть часа продолжалась эта музыка; краткое эхо отдавало по нѣсколько разъ звуки этой арабской мелодіи въ ущельяхъ Акабинскихъ альпъ и замирало по ту сторону ихъ отъ берега Краснаго моря. Окончилась музыка, и около двухъ десятковъ молодыхъ голосовъ затянуло арабскую пѣсню, аккомпанируя ее мѣрно съ мотивами оригинальныхъ инструментовъ. Трудно сказать, что производитъ большее впечатлѣніе — дикая ли мелодія этой музыки, или, поражающіе ухо европейца мотивы арабскихъ пѣсенъ, которыхъ гармоничность нерѣдко переходитъ въ дисгармонію. Оригинальные исполнители этого концерта въ пустынѣ, въ длинныхъ бурнусахъ съ навьюченными на головахъ шалями и тюрбанами; съ ятаганами за поясомъ и съ флейтами въ зубахъ, освѣщаемые слегка буроватымъ дымомъ скуднаго костерка, производили еще не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ самый концертъ, а если прибавить къ этому грозныя декораціи въ видѣ замыкающей горной цѣпи съ силуэтами нагроможденныхъ безъ порядка скалъ, сотню верблюдовъ, груду оружія, двухъ сѣдовласыхъ шейховъ, погрузившихся въ сладкій кейфъ надъ едва дымящимся наргилэ, то, надо сознаться, что одно вполнѣ гармонировало съ другимъ и мало того, взаимно дополняло другъ друга. Я сидѣлъ молча, любуясь веселыми сынами пустыни и наблюдая за всѣмъ, происходящимъ вокругъ меня. Еще съ полчаса продолжалось пѣніе, аккомпанируемое флейтами; мотивы его дѣлались все диче и диче; одно время казалось, что слышишь не звуки человѣческаго голоса, а вой бури, завывающей въ каменныхъ ущельяхъ; наконецъ пѣніе приняло бурный порывистый характеръ, пѣвцы схватили другъ друга за руки и быстро закружились вокругъ костра, не переставая испускать дикіе гортанные звуки плясовой пѣсни. Къ пляшущимъ скоро присоединились и другіе, до сихъ поръ не принимавшіе участія въ общемъ веселіи, которые образовали другой кругъ, также завертѣвшійся вокругъ костра. Нѣкоторые изъ пляшущихъ втораго круга завертѣли обнаженными ятаганами; еще шибче завертѣлись концентрическіе круги пляшущихъ, еще заунывнѣе полились мотивы, надрывающихъ уже душу, флейтъ, еще присоединились пляшущіе, и цѣлая буйная оргія началась... Я видалъ впервые такое нечеловѣческое бѣснованіе; пляска дервишей въ Каирѣ и въ Нижнемъ Егип-

тѣ казалась мнѣ дѣтскою въ сравненіи съ этими грандіозными танцами арабовъ Синайской пустыни, — такъ причудливы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ дики были ихъ тѣлодвиженія, такъ безумно ихъ веселье, такъ нечеловѣчески звучали ихъ пѣсни, повторяемыя въ утесахъ неприступныхъ горъ, поражающими душу мотивами. Передъ моими глазами сквозь буроватую дымку костра мелькали темныя фигуры плящущихъ арабовъ, которые напоминали рой призраковъ въ Иванову ночь у заколдованнаго мѣста, но никакъ не живыхъ веселящихся людей, и въ противуположность этимъ быстро мелькающимъ тѣнямъ рядомъ съ ними вырисовывались силуэты двухъ, неподвижно сидящихъ, шейховъ, которые со своими наргилэ, казалось, составляли одно неодушевленное цѣлое. Пораженный дикою картиною, я не отрывалъ глазъ отъ этого зрѣлища и не замѣчалъ, какъ проходило время. Оглядѣвшись вокругъ, я увидѣлъ, что всѣ мои спутники спали, даже Рашидъ, обѣщавшій бодрствовать надо мною. Я не захотѣлъ будить его, потому что онъ не спалъ всю прошлую ночь, еще со вчерашняго вечера почуявъ близость арабовъ пустыни. Далеко за полночь продолжалось это бѣснованіе; уже костеръ и наргилэ шейховъ потухли, а арабы вертѣлись, безпрестанно смѣнялись; временемъ, казалось, ослабѣвали ихъ нервы, затихало на время и дикое пѣніе, и дикій аккомпаниментъ, но это только для того, чтобы начаться черезъ нѣсколько минутъ съ удвоенною силою. Наконецъ видимо они начали уставать, и старшій шейхъ рукою подалъ сигналъ къ окончанію оргіи. Какъ быстро она началась, такъ быстро и прекратилась, какъ только раздалось слабое, но повелительное слово шейха. Еще незадолго передъ тѣмъ бѣсновавшіеся арабы начали завертываться въ свои бурнусы и укладываться на пескѣ, еще не успѣвшемъ охладиться послѣ зноя полуденнаго. Не смотря на сонъ, одолѣвшій меня, я не рѣшался засыпать, пока спали мои спутники, и, завернувшись въ пальто, боролся всѣми силами съ дремотою. Не прошло и получаса, какъ смолкло все и казалось, заснуло, какъ приподнялся мой Рашидъ и началъ бодрствованіе. Увидавъ его, я тотчасъ же закрылъ глаза и уснулъ богатырскимъ сномъ.

А. Елисѣевъ.

Южныя горы.

Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенныя тѣни колорита. Въ равнинахъ природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше — одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнины. Въ горахъ надо проститься съ этою туманною безпредѣльностію: глаза повсюду встрѣчаютъ не однородную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные и радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ затишьемъ вечера, ранниимъ утромъ, розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца; про-

бѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтло-голубой эфиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежащая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе лиловые тоны, и все сильнѣе и все гуще, и черезъ минуту горы облиты лиловымъ сіяніемъ: какъ нѣжатся, утомленные яркостью прежнихъ цвѣтовъ, глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ! Съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! Но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій розовый пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... Онъ слабѣетъ уже... Послѣдніе, кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія. **В. Боткинъ.**

Калужская и Орловская губерніи.

Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и Калужской породой. Орловскій мужикъ не великъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ подлобья, живетъ въ деревянныхъ, осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти; калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близъ оврага, кое-какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лѣсомъ: избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вываливается наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣдніе лѣса и площадя *) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять,

*) Площадями называются въ Орловской губерніи большія соломныя массы кустовъ; орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своеобытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

а болотъ и въ поминѣ нѣтъ; въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица—тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.

Тургеневъ.

Галилея.

Пустыня... Знойные пески,
На сѣверъ—голыхъ скалъ уступы;
На югъ—излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы:
На западъ—моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса—
Другой безбрежною пустыней...
Кой-гдѣ межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ, въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, нардовъ и маслинъ,
Евреевъ пастырскія веси
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гдѣзда пыльныя орловъ...
Истоменъ воздухъ воспаленной;
Земля безтѣнна, тишина
Пески сыпучіе объемлетъ;
Природа будто бы больна
И въ забытьи тяжеломъ дремлетъ;
И каждый образъ и предметъ
И каждый звукъ—какой-то бредъ.
Порой, далеко, точкой черной,
Газель, иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ—и пропадутъ;
Порой, волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клекотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины—
И снова все мертво и глухо...
Слабѣетъ взоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины...

Л. Мей.

Египетъ.

Мы въ Египтѣ. Все ново, все удивительно, все бросается въ глаза, начиная съ построекъ, причудливыхъ, живописныхъ, и кончая толпой, самой разношерстной, какую только можно себѣ представить. Я не зналъ, на что смотрѣть: на смуглыя ли лица арабовъ, или на дома не европейскаго вида, или на синее небо, или на ласково плещущее море. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ скучныя, непріятныя испытанія, крѣпкій, четыре дня безъ устали свирѣпствовавшій, сѣверный холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобы глубже тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ и всей этой прелестью волшебнаго юга. Давно-ли еще я съ томительнымъ чувствомъ морской болѣзни и нетерпѣнія глядѣлъ съ палубы или изъ окна каюты на величественныя, конечно, но однообразныя морскія волны и, отъ нечего дѣлать, ожидалъ по временамъ того періодическаго вала, который называютъ девятымъ, и сравнивалъ, какъ сильно накренитъ онъ судно противъ предъидущаго вала, какъ съ глухимъ шумомъ ударитъ въ корму, какъ корабль будетъ ложиться на одинъ бокъ, потомъ встанетъ, чтобы перелечь на другой—и одно и то же съ утра до вечера, да холодъ, иногда изморозь? А теперь шагаешь по улицамъ африканскаго города, торгуешься въ арабской лавочкѣ на невѣдомомъ языкѣ, скачешь вдоль пальмовыхъ аллей на проворномъ осликѣ, какъ будто вдругъ послѣ скучнаго чтенія развернулась самая живая страница книги. Съ этого утра я убѣдился, что не даромъ завидуютъ странническои жизни и стремятся пожить ею.

Одна толпа чего стоитъ! Это не наша сѣверная, спокойная, безстрастная толпа; это южная, кипучая толпа съ лицами, обожженными поцѣлуями полуденнаго солнца. Вся она куда-то торопится, бѣжитъ стремглавъ, кто пѣшкомъ, кто на ослѣ или на лошади, или на верблюдѣ; все это кричитъ, жестикулируетъ и блеститъ въ ослѣпительныхъ лучахъ горячей атмосферы самыми

разнообразными и разноцвѣтными одѣяніями.

Населеніе всѣхъ городовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Средиземнаго моря, можетъ разсматриваться, какъ весьма смѣшанное; но нигдѣ это смѣшеніе не достигаетъ такой степени, какъ въ Александріи. Вотъ египтянинъ старинной породы, съ головой сфинкса, съ отливами гранита на лицѣ; его длинный разрѣзъ глазъ, выдающіяся скулы, его толстыя губы съ грустной улыбкой, наконецъ вся его особа приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе: это воскресшая мумія стоитъ передъ вами. Дальше—нубійцы, черные, какъ сапогъ, въ развѣвающихся бѣлыхъ или синихъ бурнусахъ. Затѣмъ турки въ тяжелыхъ тюрбанахъ, съ правильными, безстрастными чертами лица, негры, греки, верткіе и проворные, бедуины съ благородной осанкой, коварные левантинцы и, наконецъ, европейцы и масса двусмысленныхъ, темныхъ личностей, всегда готовыхъ оказать вамъ услугу въ качествѣ переводчика или проводника и заранѣе уже протягивающихъ руку за полученіемъ бакшиша. Такихъ личностей всегда можно видѣть въ любомъ приморскомъ городѣ; это — поддонки общества, выбрасываемые моремъ на берегъ вмѣстѣ съ пѣной.

В. Андреевскій.

Небесныя свѣтила*).

(Отрывокъ изъ вступленія).

Предметъ, на который я обращаю ваше вниманіе, не имѣетъ никакой особенной связи съ обыденными заботами человѣческой жизни. Далеко за предѣлами земли, на которой мы живемъ, тамъ, въ голубомъ океанѣ пространства, тысячи яркихъ свѣтилъ, въ группахъ и созвѣздіяхъ необычайной красоты, влекутъ взоръ человѣка вверхъ и какъ бы призываютъ его къ созерцанію дивной сферы, его окружающей. Звѣздное небо не разоблачаетъ своихъ блестящихъ созвѣздій при свѣтѣ дня, когда суетность и трудъ житейскихъ заботъ дѣлаютъ человѣка неспособнымъ наслаждаться ихъ торжественнымъ величіемъ. Только въ тишинѣ полуночи, когда вся природа предается покою, когда умолкаетъ гулъ людскаго движенія, только тогда восходятъ и блестятъ планеты и яркія звѣзды, выступаютъ изъ глубины неба и призываютъ любознательный умъ изучать ихъ таинственное существованіе.

Часто переносился я мысленно за шесть тысячъ лѣтъ назадъ и останавливался возлѣ нашего великаго праотца въ ту самую минуту, когда онъ въ первый разъ созерцалъ закатъ солнца. Какія страшныя думы должны были пробѣгать въ его удивленномъ умѣ въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на послѣдній угасавшій лучъ заходящаго свѣтила, не зная, увидитъ ли онъ возвратъ его! Блуждая въ лабиринтѣ мыслей самыхъ необыкновенныхъ и тревожныхъ, онъ долго не сводилъ глазъ съ того мѣста, въ которомъ солнце медленно скрылось у него изъ виду. Таинственная, невѣдомая ему тьма распространяется по лицу всей природы. Прекрасныя картины земли въ теченіе быстролетныхъ часовъ перваго чуднаго дня существованія человѣка, столько очаровывавшія чувства, медленно исчезаютъ одна за другою изъ его затемненнаго зрѣнія. Мракъ, болѣе густой, чѣмъ тотъ, который покрываетъ землю, закрадывается въ душу одинокаго обитателя земли. Онъ поднимаетъ вопрошающій взоръ къ небу, и вдругъ удивленные глаза его встрѣчаютъ серебристо-свѣтлый серпъ луны, чистый и прекрасный, повисшій въ западной части небосклона. Юный мѣсяцъ чаруетъ его неопытные взоры и влечетъ ихъ вверхъ къ своей блестящей свитѣ, члены которой украдкой выступаютъ другъ за другомъ изъ темной синевы неба. Одинокій зритель склоняется на колѣна, удивленный и вмѣстѣ благоговѣющій. Часы идутъ, серебристый серпъ луны исчезъ, въ тишинѣ ночи восходятъ звѣзды, подни-

*) Небесныя свѣтила или планетные и звѣздные міры. Популярное изложеніе великихъ открытій и теорій новѣйшей астрономіи, соч. Митчелля, директора Цинциннатской обсерваторіи. Переведъ съ англійскаго Андрей Миѣ.

маются медленно въ небесную высь и величественно нисходятъ къ горизонту. Первый великій оборотъ сферы уже почти свершился для глазъ смертнаго. Тонкая полоса слабаго, розоваго свѣта показывается на востокѣ; она становится все ярче и ярче, звѣзды блекнутъ, планеты погасли; въ нѣмомъ изумленіи человѣкъ вперяетъ взоръ на возрастающій блескъ, пока первые лучи возвращающагося солнца не освѣтятъ юной земли и ея одинокаго обитателя. Такъ для него *бысть вечеръ и бысть утро—день первый*. Любопытство, возбужденное этою первою торжественною ночью, сознаніе, что на небѣ Творецъ запечатлѣлъ славу свою, пылкое желаніе постичь тайны, скрывающіяся въ этихъ блестящихъ свѣтилахъ,—все это въ теченіе долгаго шеститысячнаго періода передавалось изъ устъ въ уста потомками того, кто впервые слѣдилъ за ними и удивлялся имъ.

На этомъ безпредѣльномъ полѣ изслѣдованія человѣческій умъ одержалъ свои славнѣйшія побѣды. Поколѣніе проходило за поколѣніемъ, столѣтіе безмолвно протекало за столѣтіемъ, и каждое изъ нихъ изливало свою дань въ великій потокъ открытій. Преграда за преградою падала предъ силою разума, разъяснялись таинственныя движенія свѣтилъ, открывались ихъ великіе законы, взвѣшивались тяжелыя свѣтила, вычислялось ихъ взаимное вліяніе; уяснялись ихъ многосложные пути до тѣхъ поръ, пока умъ, величавый въ своей силѣ, не взошелъ шагъ за шагомъ на высоту твердой, имъ самимъ воздвигнутой пирамиды, съ вершины которой, звѣздами увѣнчанной, онъ смотритъ на величіе вселенной, облекшись въ предвѣдѣніе Бога. Оттуда съ непреодолимою силой онъ переносится за тысячу лѣтъ назадъ по потоку времени и созерцаетъ вращающіеся міры, или, что еще удивительнѣе, срываетъ темную завѣсу съ будущаго и со всею ясностью видитъ тѣ небесныя явленія, которыя будутъ привѣтствовать взоры нашихъ потомковъ, когда протекутъ тысячелѣтія, разбивая свои безмолвныя волны о туманные берега вѣчности.

Начертать усилія человѣческаго ума въ этой долгой и упорной борьбѣ, изобразить его надежды и опасенія, представить долгіе годы его терпѣливыхъ наблюденій, минуты его отчаянія и часы его торжества, раскрыть средства, съ помощью коихъ было положено глубокое основаніе прочно выстроенной пирамидѣ наукъ, и прослѣдить, какъ она медленно изъ вѣка въ вѣкъ достигла своей стройной формы и какъ вершиною коснулась неба — вотъ задачи, которыя предстоятъ мнѣ къ разрѣшенію, и на нихъ-то я обращаю теперь ваше неуклонное вниманіе. Задачи эти необычайно трудны. Тутъ ума нашего не очаровываетъ разумъ фантазіи при содѣйствіи музыки, стиховъ, краснорѣчія и пластическихъ искусствъ. Правда, тутъ есть музыка, но она слышится въ глубокой и торжественной гармоніи сферъ. Есть и поэзія, но она читается въ свѣтлыхъ письменахъ, начертанныхъ на темномъ покровѣ ночи. Есть и зодчество, но въ колоссальномъ зданіи солнцъ и свѣтилъ, звѣздныхъ группъ и вселенныхъ. Есть и краснорѣчіе, но оно безъ словъ, безъ рѣчи, и голосъ его не слышенъ; а между тѣмъ насъ увлекаетъ неотразимое теченіе мощныхъ періодовъ вращающихся міровъ.

Ужели мы не вслушаемся въ эту музыку потому только, что она глубока и торжественна? Ужели не прочтемъ этихъ поэтическихъ произведеній потому только, что буквы, которыми онѣ написаны, звѣзды небесныя? Ужели откажемся отъ созерцанія этихъ произведеній зодчества потому, что ихъ архитравы, ихъ своды, по безпредѣльности своей кажутся призраками? Ужели, наконецъ, отвратимся отъ этого высокаго краснорѣчія потому только, что оно выражается въ вращающихся мірахъ? Нѣтъ: умъ всегда пытливъ, всегда готовъ идти вверхъ на крутизну самую обрывистую. Пробудите въ немъ рвеніе, освѣтите ему путь лучемъ надежды, и тогда, какъ бы стезя ни была обрывиста, крута и камениста, возгласъ *впередъ!* удвоитъ всегда готовыя его силы.

Американскій воронъ.

Я приведу въ порядокъ свѣдѣнія, собранныя мною въ продолженіе трудныхъ, но пріятныхъ моихъ изслѣдованій, и не перестану слѣдить за исторіей и нравами пернатыхъ гражданъ нашихъ лѣсовъ и долинъ въ Америкѣ.

Въ настоящую минуту я буду бесѣдовать о воронѣ.

Можно сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ воронъ является въ нѣкоторой степени птицей пролетною, потому что въ сильные зимніе морозы они улетаютъ въ южныя провинціи, тогда какъ съ смягченіемъ температуры появляются они въ кантонахъ среднихъ и сѣверныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ вьютъ гнѣзда въ гористыхъ частяхъ Южной Каролины; но эти случаи рѣдки и объясняются только тою безопасностію, съ которою воронъ можетъ выводить и выкармливать птенцовъ своихъ среди неприступныхъ скалъ, утесовъ и пропастей. Обычными убѣжищами ихъ бываютъ горы, обрывистые берега рѣкъ и озеръ и утесистыя возвышенности необитаемыхъ острововъ. Здѣсь то слѣдуетъ наблюдать этихъ птицъ, чтобы изучить ихъ нравы и вполнѣ свободно выражающуюся природу вдали отъ опаснѣйшаго врага ихъ, какимъ является человѣкъ, царь творенія.

Чета воронов спиралью опускается на землю. Она садится на возвышенности какого-нибудь утеса и снизу едва можно разглядѣть ихъ.

А тамъ, далеко подъ ними, катятся къ утесу бурныя волны и разбиваются о твердый гранитъ его. Этотъ шумъ, эти удары по душѣ ворону, избравшему это пустынное мѣсто колыбелью для птенцовъ своихъ. На половинѣ пути отъ верхушки утеса къ волнѣ, какая нибудь выдавшаяся часть горы укрываетъ гнѣздо ихъ Туда-то спускаются они оба посмотрѣть, не повредили-ли зимнія бури ихъ лѣтняго убѣжища. Потомъ летятъ въ отдаленные лѣса и приносятъ оттуда все, что нужно для исправленія сдѣланныхъ поврежденій, прибавляя сюда шерсть четвероногихъ, которую находятъ на равнинахъ, и дикія травы, собираемыя ими на песчаныхъ заливахъ. Мало-по малу гнѣздо исправляется и улаживается и тогда уже самка кладетъ яйца и садится. Въ это время трудолюбивый и отважный самецъ бережетъ ее, кормитъ и по временамъ занимаетъ ея мѣсто. Вокругъ нихъ все тихо: слышны только порывистые удары морскихъ волнъ объ утесы и свистъ крыльевъ морскихъ птицъ, отлетающихъ къ сѣверу. Наконецъ молодые проламываютъ скорлупу и радостные родители суютъ имъ кормъ въ мягкіе ихъ носики. Подлетитъ ли къ нимъ какой-нибудь крылатый хищникъ, они бросаются на него съ отчаянною смѣлостію и непремѣнно прогоняютъ его. Пока ростутъ птицы, они знаютъ, что имъ надо сидѣть тихо и смирно: малѣйшее неосторожное движеніе можетъ низвергнуть ихъ въ бездну; малѣйшій крикъ въ отсутствіи родителей можетъ привлечь къ нимъ сокола или орла съ ихъ неумолимыми когтями. Сами старики стараются вести себя хитро и осторожно: они возвращаются къ гнѣзду разными дорогами и въ разное время.

Но вотъ уже молодые могутъ усидѣть на краю гнѣзда, они испытываютъ свои крылья и дѣлаютъ сначала небольшіе перелеты. Наконецъ рѣшаются они летѣть за стариками и вмѣстѣ съ ними отыскиваютъ себѣ добычу.

Не смотря на всѣ предосторожности ворона, гнѣздо его подвергается весьма частымъ нападеніямъ. Забываютъ, что разореніе гнѣзда не принесетъ никакой пользы, а помнятъ только зло, причиняемое ворономъ и преувеличенное воображеніемъ. Гдѣ бы ни увидали ворона, его убиваютъ, потому что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ обуревается невѣжествомъ, предразсудками и страстью къ уничтоженію. Чтобы добраться до гнѣзда ворона, люди рискуютъ жизнію, громоздятъ веревки и якоря; а могутъ обвинить его только въ похищеніи какого-нибудь барашка изъ многочисленнаго ихъ стада. Другіе уничтожаютъ вороновъ потому, что они черные, иные потому, что не любятъ ихъ карканья, считая его дурнымъ предзнаменованіемъ. Особенно жалки молодые, когда, выпутые изъ гнѣзда, они

становятся мучениками злыхъ ребятишекъ.

Что касается до меня, то я люблю ворона и вижу въ немъ многое, достойное удивленія. Согласенъ, что иногда онъ докончаетъ умирающую овечку или болѣзненнаго ягненка, съѣстъ яйца иной птицы или увезетъ ихъ у скупаго фермера, и не побрезгавъ даже цыплепкомъ, отнесетъ этотъ лакомый кусочекъ своимъ дѣтенышамъ. Но за то, сколько овецъ и ягнятъ, а также и домашней птицы обязаны ему своимъ спасеніемъ. Толковые фермеры наши знаютъ, что воронъ уничтожаетъ множество насѣкомыхъ и червей, убиваетъ мышей и крысъ, гдѣ бы они ему ни попались.

Онъ отыскиваетъ лисьи норы и похищаетъ изъ нихъ лисенятъ. Знаютъ также фермеры, что воронъ докладываетъ о близкомъ присутствіи волка, и никогда не портитъ, но улучшаетъ поля ихъ.

Полетъ ворона мощенъ и ровенъ. Когда небо ясно, онъ поднимается на страшную высоту и нѣсколько часовъ держится въ воздухѣ, и хотя говорятъ, что онъ не легокъ, однако способенъ бороться съ орломъ и соколомъ, если они на него нападаютъ. Полетъ свой направляетъ постоянно онъ къ туманнымъ странамъ сѣвера и можетъ перелетѣть огромныя земныя и водныя пространства безъ отдыха.

Воронъ всеядецъ; пища его состоитъ изъ всякаго рода мелкихъ животныхъ, яицъ, уснувшей рыбы, падали, ракообразныхъ, червей, орѣховъ и различныхъ плодовъ.

Никогда не видалъ я, чтобы онъ рѣшался нападать на живое крупное животное, какъ дѣлаетъ это черный коршунъ, но знаю, что онъ слѣдитъ за охотниками, неимѣющими при себѣ собакъ, и питается бросаемыми частями дичи, также воруетъ соленую рыбу, когда ее провѣпиваютъ. Иногда поднимаетъ онъ въ лапахъ большихъ раковъ на очень высокое пространство и потомъ роняетъ ихъ и разбиваетъ о какую нибудь скалу. Зрѣніе его необыкновенно сильно, но обоняніе, если только онъ имѣетъ это чувство, весьма слабо. Въ этомъ отношеніи онъ очень похожъ на нашихъ коршуновъ.

На гнѣзда садятся вороны различно, смотря по мѣстности и климату, отъ начала января до начала іюня. Время высиживанія длится до девятнадцати и до двадцати дней. Въ годъ садятся они одинъ разъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда похитятъ у нихъ яйца или дѣтенышей. Старики возвращаются каждый годъ въ старое гнѣздо.

Ворона можно смѣло считать птицею, любящей жить въ обществѣ, потому что послѣ вывода они собираются въ стаи изъ сорока и пятидесяти птицъ. Подобныя стаи видѣлъ я на берегахъ Лабрадора и Миссури.

Воронъ, прирученный и хорошо содержанный, привязывается къ своему хозяину и ходитъ за нимъ всюду какъ собака. Онъ можетъ подражать человѣческому голосу и нѣкоторые изъ нихъ выучиваются внятно произносить многія слова.

По землѣ идетъ воронъ мѣрною поступью; движенія его выражаютъ задумчивость и какую-то серьезную важность. На ходу шевелитъ онъ крыльями какъ будто съ цѣлію не отучить мускуловъ отъ движенія. Никогда не видалъ я, чтобы воронъ ночевалъ въ лѣсу, хотя онъ и садится на деревья и рветъ съ нихъ орѣхи и плоды. Любимый ночлегъ его — обрывистый утесъ гдѣ только укрывается онъ отъ холоднаго вѣтра. По всему вѣроятію, воронъ одаренъ способностью предчувствовать время года и поэтому съ приближеніемъ зимы отлетаетъ онъ съ высокихъ и уединенныхъ возвышенностей, гдѣ свито гнѣздо его, и перемѣщается въ низменныя равнины. Въ это время можно встрѣтить его на морскихъ берегахъ, гдѣ, въ минуты отлива, ловитъ онъ маленькихъ ракообразныхъ и моллюсковъ.

Воронъ дѣятеленъ и остороженъ; при опасности, угрожающей птенцамъ его, онъ не боится сразиться съ соколомъ и съ орломъ, но никогда не нападаетъ на человѣка. Къ нему даже трудно подойти на ружейный выстрѣлъ. Много разъ случилось мнѣ подкрадываться къ этимъ птицамъ, когда сидѣли они въ гнѣздѣ; но, увидѣвъ меня, они сейчасъ же въ испугѣ улетали. Они такъ осторожны, что почти никогда не попадаютъ въ силки; но за

то охотно сторожатъ лисьи капканы, даже волчьи и медвѣжьи, чтобы воспользоваться своею частію притравы, когда животныя эти попадутся въ капканъ.

Одюбонъ.

У т к а.

Утка самая горячая мать. Когда собака или человѣкъ спугнетъ ее съ гнѣзда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою-то хворою или неумѣющею летать: трясется на одномъ мѣстѣ, безпрестанно падаетъ, такъ что, кажется, стоитъ только погнаться, чтобы поймать ее. Рѣдкая собака не поддается обману и не погонится за ней; обыкновенно утка уводитъ собаку за версту и болѣе; но охотнику хорошо извѣстно, что значатъ такія продѣлки и, не смотря на то, онъ часто, по непростительной жадности, позабывъ о томъ, что утка такъ плохо летитъ отъ яицъ, то есть, отъ гнѣзда, что съ нею гибнетъ цѣлая выводка, сейчасъ ее убиваетъ, если не помѣшаетъ близкое преслѣдованіе собаки, у которой иногда она *виситъ надъ рыломъ*, какъ говорится. Впрочемъ утка, отведя собаку въ сторону, скоро воротится назадъ, налетитъ на охотника и все же будетъ убита. Еще большую горячность показываетъ утка къ своимъ утятамъ: если какъ нибудь застанетъ ее человѣкъ плавающую съ своею выводкой на открытой водѣ, то утята съ жалобнымъ пискомъ, какъ будто приподнявшись надъ водою — точно бѣгутъ по ней—бросаются стремглавъ къ ближайшему камышу и проворно прячутся въ немъ, даже ныряютъ, если пространство велико; а матка, шлепая по водѣ крыльями и оглашая воздухъ особеннымъ, тревожнымъ крикомъ, начнетъ кружиться передъ человѣкомъ, привлекая все его вниманіе на себя и отводя въ противоположную сторону отъ дѣтей. Если утка скрывается съ утятами въ отдѣльномъ камышѣ или береговой травѣ, и охотникъ съ собакой подойдетъ къ ней такъ близко, что уйти некуда и некогда, утка выскакиваетъ или вылетаетъ, смотря по разстоянію, также на открытую воду и производитъ тотъ же маневръ: ружейный выстрѣлъ прекращаетъ тревогу и убиваетъ матку на-повалъ. Это дѣлаетъ каждый охотникъ безъ всякаго сожалѣнія, потому что бойкіе утята, какъ-бы ни были малы, выкормятся и выростутъ кое-какъ безъ матери; иногда сироты пристаютъ къ другой выводкѣ, и мнѣ случалось видать матку, за которою плавали двадцать утятъ, и притомъ разныхъ возрастовъ.

С. Аксаковъ.

Верблюдъ — корабль пустыни.

Верблюдъ—драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту и другую, когда каравану приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и растетъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія, противныя для лошади, травы: откуда взять чистую воду, когда и горькая вода—рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ пойла, и также усердно несетъ свою ношу, какъ будто никогда не былъ знакомъ съ водою. Обыкновенно же поятъ верблюда водой, лѣтомъ, одинъ разъ въ сутки, а осенью и зимою одинъ разъ въ продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распречь или развьючить, потомъ ее

нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностью, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; на утро ее надо снова напоить и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, когда работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, подпимать тяжелые вьюки, чтобы взваливать ихъ ей на спину; потомъ должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюкомъ въ продолженіе цѣлой дороги. Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри— и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову „чокъ", опять падаетъ на колѣни; Киргизъ, безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ, наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся въ дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ горбатаго „корабля пустыни". Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ кептонь: это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно-сдѣланное для того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, напримѣръ: логъ или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Ежели по близости оттуда растетъ камышъ, то сгребаютъ снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышемъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Но если бы случилось, что на притонѣ не нашлось удобнаго мѣста для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружаютъ высокою стѣною или оградою, сложенною изъ товарныхъ тюковъ. На этомъ-то животномъ, прозванномъ *Кораблемъ пустыни*, и совершается въ степи караванная торговля.

Заяцъ.

Наружность зайца извѣстна всѣмъ, но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную особенность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими, крѣпкими сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спиннаго хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору и, наоборотъ, очень ловко — на гору, или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ; онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ; какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги — такъ онѣ длинны. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисицы, легавыя собаки, которыя сами собой ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, большіе ястреба, даже вороны готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь

онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище. Если же логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или кустарникомъ, то непремѣнно и тамъ увидитъ его, зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, увидитъ, и, зашумѣвъ, какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, спустись на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями.

Аксаковъ.

Бобръ.

Бобръ наружностью походитъ нѣсколько на крысу, но очень длинную, потому что имѣетъ почти три фута длины (немного болѣе аршина съ четвертью).

Все тѣло его покрыто шерстью темноорѣховаго цвѣта Эта шерсть бываетъ двухъ родовъ: одна длинная и грубая, другая короткая, тонкая и шелковистая. На заднихъ ногахъ у бобра есть перепонка между пальцами. Широкій и плоскій хвостъ его покрытъ чешуею и служитъ ему вмѣсто руля во время плаванія.

Бобры въ большомъ количествѣ водятся въ Сѣверной Америкѣ; встрѣчаются и на сѣверѣ Европы во многихъ странахъ*). Они особенно примѣчательны чуднымъ искусствомъ, съ какимъ строятъ свои жилища, имѣющія видъ укрѣпленнаго правильнаго города.

Въ іюнѣ и іюлѣ бобры собираются большими стадами; въ каждомъ ихъ бываетъ до двухъ сотъ, обыкновенно на берегахъ озеръ и рѣкъ, и прежде всего устраиваютъ плотину, т. е. набрасываютъ довольно высокій земляной валъ, который бы защищалъ дома ихъ отъ затопленія, въ случаѣ, если вода возвысится.

Такая плотина часто простирается на сто футовъ въ длину (14 съ небольшимъ саженъ), а въ основаніи имѣетъ отъ ½ почти до 2 саженъ ширины, и крѣпостью постройки не уступаетъ фундаменту большаго дома.

Внѣшняя стѣна этой плотины составляется изъ глины. Маленькіе бобры зубами перегрызаютъ одно или два дерева и водою сплавливаютъ ихъ на мѣсто. Потомъ они зубами же раздѣляютъ дерево на части, и передними ногами вдавливаютъ куски его, будто сваи, въ набросанную землю. Между большими кусками всовываютъ они еще маленькіе кусочки дерева и всю стѣну обмазываютъ глиною, чтобы сырость не могла вредить залу. Глину размазываютъ они широкимъ плоскимъ хвостомъ своимъ, какъ лопаткой.

Затѣмъ они начинаютъ строить свои дома, давая имъ овальную форму и раздѣляя ихъ на этажи. Нижняя комната или кухня обыкновенно бываетъ вырыта въ землѣ, подъ основаніемъ плотины.—соединена съ рѣкою или озеромъ, и потому наполнена водою, такъ что бобры могутъ плавать тамъ. Второй этажъ служитъ имъ столовою, пріемною и спальнею для сна и для воспитанія дѣтей своихъ. Верхнее жилье остается въ запасѣ на случай наводненія. Стѣны красиво выштукатурены и снаружи и внутри; бобры зубами рвутъ мелкую траву и смѣшиваютъ ее съ грязью, которая оттого связывается и не разсыпается. Такимъ образомъ они защищаютъ покои свои отъ вреднаго вліянія погоды.

Главная комната ихъ имѣетъ обыкновенно около двухъ сажинъ въ длину и полторы сажени въ ширину, и можетъ вмѣщать въ себѣ отъ шести до осьми бобровъ. Впрочемъ, иногда находили ихъ по триста и по четыреста въ одномъ большомъ домѣ, раздѣленномъ на множество покоевъ, между которыми было сообщеніе.

Въ августѣ или сентябрѣ, кончивъ свои постройки, бобры начинаютъ складывать запасы на зиму, именно вѣтви и прутья березы, явора и другихъ деревьевъ.

Иногда въ такихъ вѣтвяхъ, которыя они употребляютъ въ пищу, бываетъ до полторы сажени длины. Они ихъ

*) У насъ, въ Россіи, бобры водятся въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но лучшіе въ Камчаткѣ.

размачиваютъ въ водѣ, чтобы сдѣлать ихъ мягче и удобнѣе для ѣды.

Весь зимній свой запасъ они размѣщаютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть совсѣмъ приготовленный строевой лѣсъ, и откладываютъ ровно такое количество, какое можетъ понадобиться. Прутья лежатъ на-крестъ, одинъ на другомъ, такъ что можно всякій разъ брать, сколько нужно, не разстроивая остальнаго. Передъ окончательнымъ употребленіемъ, прутья раздѣляются на меньшія части и переносятся въ столовую; въ ней собирается все семейство бобровъ и каждый получаетъ свою долю.

Такъ живутъ бобры въ продолженіе всей зимы; такъ живутъ они изъ одного поколѣнія въ другое въ мирѣ и согласіи. Тревожитъ ихъ только человѣкъ, которому нуженъ ихъ мѣхъ на шляпы и на воротники. Лучшія шляпы покрываются бобровымъ пухомъ, который для этого бываетъ вычесанъ, вымытъ и выкрашенъ.

Я. Гротъ.

Баобабъ.

Баобабъ—древнѣйшій жилецъ міра. Баобабу, находящемуся на одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, Гумбольдтъ считаетъ гораздо за 5000 лѣтъ. Толщина его, около 30 фут. въ діаметрѣ, безобразна: онъ не имѣетъ соотвѣтствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвей, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей; это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями: это—слонъ, мамонтъ растительности. Цвѣтъ его коры красивый, металлическій, стальной. Особенно поражаетъ въ баобабѣ то, что въ одно время вы видите на немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные: средина цвѣтка махровая какъ у штокрозы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій миндальный; плодъ—кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая; подъ нею мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное, и множество косточекъ, которыя Арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

Баобабъ большею частію дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человѣкъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда приплетаются стволами и даже совсѣмъ въ него вростаютъ нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много ползучихъ растеній и паразитовъ, и увеличиваютъ его тѣнь. Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе Арабы высматриваютъ баобабы, гдѣ водятся пчелы, и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обработкѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время года. Такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду.

Е. Ковалевскій.

Мальчики въ ночномъ.

Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлушка, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изо всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, полу веселой, полуразсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ, и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтою каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно *его* сапоги, не отцовскіе.

У втораго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное

и рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее... Малый былъ неказистый, что и говорить! а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились — онъ слово все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали косицами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи, толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ; лицо его было не велико, худо, въ веснушкахъ, къ низу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, на его языкѣ по крайней мѣрѣ, не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сложенія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно. Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую головку. Этому мальчику было всего лѣтъ семь.

Тургеневъ.

Черкесы.

По наружности черкесы принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ не только Кавказа, но и всего свѣта. Они, большею частію, средняго роста, стройнаго тѣлосложенія, широкоплечи, съ тонкою таліею. Орлиный носъ, огненные глаза, роскошная черная борода составляютъ характеристическую особенность въ физіономіи каждаго черкеса благороднаго происхожденія. Правда, что подобная красота встрѣчается также и между простымъ народомъ, но это уже исключеніе. Есть, впрочемъ, двѣ черты, принадлежащія одинаково какъ высшему, такъ и низшему сословію, а именно: легкая, скорая походка и горделивая осанка. Наружность черкеса много выигрываетъ отъ его простаго, но, въ то же время, изящнаго костюма. Черкескій костюмъ состоитъ, во-первыхъ, изъ бешмета, то-есть, короткаго ваточнаго кафтана изъ шелковой или бумажной матеріи, застегнутаго на крючки, съ низкимъ стоячимъ воротникомъ, съ длинными, узкими рукавами, оканчивающимися манжетами. Сверхъ бешмета надѣвается черкеска. Это тоже кафтанъ, только не шелковой, а непремѣнно суконный, и отличается отъ бешмета тѣмъ, что застегивается только у таліи, не имѣетъ воротника и на груди украшенъ кожаными красными, или черными патронташами. Талія перетягивается кожанымъ чернымъ ремнемъ съ серебряными пуговками и пряжками. На ноги надѣвается суконные гамаши, перевитые узкими полосами изъ яркаго сукна. Они доходятъ только до колѣнъ, покрытыхъ наколѣнниками. Вмѣсто сапоговъ, черкесы употребляютъ башмаки безъ подошвъ изъ краснаго, или желтаго сафьяна, а сверху ихъ надѣваютъ еще родъ нашихъ галошъ изъ телячьей шкуры. Необходимую принадлежность черкесскаго костюма составляетъ также бурка, защищающая отъ дождя и холода. Это — большой мѣховой плащъ, набрасываемый на плечи, обыкновенно шерстью вверхъ. Голова черкеса покрыта низенькою, остроконечною суконною шапкою, опушенною густымъ бараньимъ мѣхомъ. Особенное вниманіе обращаютъ черкесы на оружіе, заботясь, чтобы оно было и хорошо и красиво. Оружіе черкеса состоитъ изъ кинжала и небольшаго ножа, обоюдуостраго, привѣшенныхъ къ кушаку. Кромѣ этого,

съ боку, на черномъ узкомъ ремнѣ, украшенномъ серебряными бляшками, виситъ кривая сабля, называемая шашкою, а изъ-за спины выглядываетъ винтовка, спрятанная въ мѣховой чехолъ. Ко всему этому надо еще прибавить длинные турецкіе пистолеты и джерридъ—небольшое копье, съ удивительною ловкостью бросаемое черкесами въ непріятеля. Все это оружіе украшено золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнными каменьями. Путешественники, знакомые съ черкесами, въ своихъ отзывахъ о характерѣ этого народа часто противорѣчатъ одинъ другому. Одни, напримѣръ, не хотятъ видѣть въ нихъ ничего хорошаго и клеймятъ именемъ разбойниковъ; другіе же, напротивъ, приходятъ въ восторгъ отъ ихъ рыцарской храбрости и удивляются ихъ горячей привязанности къ свободѣ и отечеству. Вся эта разноголосица, разумѣется, зависитъ отъ личнаго взгляда путешественниковъ, которые, впрочемъ, единогласно признаютъ черкесовъ народомъ гостепріимнымъ и почтительнымъ въ отношеніи къ старшимъ. Гостепріимство для черкеса составляетъ самую священную обязанность. Каждый странникъ, будь онъ бѣденъ или богатъ, знатенъ или нѣтъ, вездѣ принятъ съ искреннимъ радушіемъ. Вся семья выходитъ ему на встрѣчу, его сажаютъ на первое мѣсто, и хозяинъ дома головою отвѣчаетъ за безопасность гостя, до тѣхъ поръ, пока онъ находится подъ его кровлею.

Уваженіе къ старшимъ соблюдается черкесами также съ удивительной строгостію и у нѣкоторыхъ племенъ доведено до того, что младшій братъ встаетъ при входѣ старшаго, молчитъ, когда говоритъ кто-нибудь изъ старшихъ, и имѣетъ право высказывать свое мнѣніе только по требованію другихъ.

Итакъ, мстительность, гостепріимство, уваженіе къ старшимъ и любовь къ свободѣ составляютъ главныя характеристическія особенности черкесовъ.

Горцы.

Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Меджъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани.
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Въ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ-же онъ; все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.

Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелье горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его—стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,

Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана—
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ пугникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной.
Бывало въ свѣтлый баиранъ
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣнится игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ:
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ звукѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Пушкинъ.

Характеръ французовъ.

Кажется объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлами шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то-же самое можно сказать о французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ Аѳинскимъ народомъ. Я говорилъ объ этомъ съ госпожею Н*), и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

„Скажу: огонь, воздухъ—и характеръ французовъ описанъ. Я не знаю „народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдумано обращеніе*: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить „съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно англичанинъ или нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга... Ахъ! друзья вездѣ рѣдки, и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, подобно кометѣ, *являясь исчезаетъ*. Дружба есть потребность жизни; всякій хочетъ для нея пред-

*) Это писано для дамы и для француженки (Карамзинъ).

„мета надежнаго. Но все, чего по спра„ведливости могу требовать отъ чу„жихъ людей, французъ предлагаетъ „мнѣ съ ласкою, *съ букетомъ цвѣтовъ*. „Вѣтреность, непостоянство, которыя „составляютъ порокъ его характера, „соединяется въ немъ съ любезными „свойствами души, *происходящими* нѣ„которымъ образомъ отъ сего самаго „порока. Французъ непостоянъ — я „не злопамятенъ; удивленіе, похвала, „можетъ скоро ему наскучить, нена„висть также. По вѣтрености оставля„етъ онъ доброе, избираетъ вредное: „за то самъ первый смѣется надъ „своею ошибкою — и даже плачетъ, „если надобно. Веселая безразсудность „есть милая подруга жизни его. Какъ „англичанинъ радуется открытію но„ваго острова, такъ французъ радует„ся острому слову. Чувствителенъ до „крайности, страстно влюбляется въ „истину, въ славу, въ великія пред„пріятія. Минуты его жара, наступ„ленія, ненависти, могутъ имѣть страш„ныя слѣдствія“.

Карамзинъ.

Военныя сцены.

Въ десять часовъ вечера должны были выступить войска. Въ половинѣ девятаго я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ генералу: по, предполагая что онъ и адъютантъ его заняты, я остановился на улицѣ, привязалъ лошадь къ забору и сѣлъ на завалинку, съ тѣмъ чтобы, какъ только выѣдетъ генералъ, догнать его.

Солнечный жаръ и блескъ уже смѣнились прохладой ночи и неяркимъ свѣтомъ молодаго мѣсяца, который, образовывая около себя блѣдный свѣтящійся полукругъ на темной синевѣ звѣзднаго неба, начиналъ опускаться; въ окнахъ домовъ и щеляхъ ставень земляноkъ засвѣтились огни. Стройныя раины садовъ, виднѣвшіяся на горизонтѣ изъ-за выбѣленныхъ, освѣщаемыхъ луною земляноkъ съ камышевыми крышами, казались еще выше и чернѣе.

Длинныя тѣни домовъ, деревьевъ, заборовъ ложились красиво по свѣтлой пыльной дорогѣ. На рѣкѣ безъ умолку звенѣли лягушки *), на улицахъ слышны были то торопливые шаги и говоръ, то скокъ лошади; съ форштадта изрѣдка долетали звуки шарманки: то *вьютъ витры*, то какого-нибудь „Augora Walzer“.

Я не скажу, о чемъ я задумался; во первыхъ, потому, что мнѣ совѣстно было бы признаться въ мрачныхъ мысляхъ, которыя неотвязчивою чередой набѣгали мнѣ въ душу, тогда какъ кругомъ себя я замѣчалъ только веселость и радость, а вовторыхъ, потому что это нейдетъ къ моему разсказу. Я задумался такъ, что даже не замѣтилъ, какъ колоколъ пробилъ одинадцать часовъ и генералъ со свитою проѣхалъ мимо меня.

Арріергардъ еще былъ въ воротахъ крѣпости. Насилу пробрался я по мосту между столпившимися орудіями, ящиками, ротными повозками и шумно распоряжающимися офицерами. Выѣхавъ за ворота, я рысью объѣхалъ чуть не на версту растянувшіяся, молчаливо двигающіяся въ темнотѣ войска, и догналъ генерала. Проѣзжая мимо вытянувшейся въ одно орудіе артиллеріи и ѣхавшихъ верхомъ, между орудіями, офицеровъ, меня, какъ оскорбительный диссонансъ среди тихой и торжественной гармоніи, поразилъ нѣмецкій голосъ, кричавшій: „Агхтингхистъ, падай пазальникъ!“ И голосъ солдатика, торопливо кричавшій: „Щевченко! поручикъ огня спрашиваютъ“.

Большая часть неба покрылась длинными темносѣрыми тучами; только кое-гдѣ между ними блестѣли не яркія звѣзды. Мѣсяцъ скрылся уже за близкимъ горизонтомъ черныхъ горъ, которыя видѣлись направо, и бросалъ на верхушки ихъ слабый и дрожащій полусвѣтъ, рѣзко противоположный съ непроницаемымъ мракомъ, покрывавшимъ ихъ подошвы. Въ воздухѣ было тепло и такъ тихо, что, казалось, ни одна травка, ни одно облачко не шевелились. Было такъ темно, что на самомъ близкомъ разстояніи невозможно было

*) Лягушки на Кавказѣ производятъ звукъ, не имѣющій ничего общаго съ кваканьемъ русскихъ лягушекъ.

опредѣлять предметы; по сторонамъ дороги представлялись мнѣ то скалы, то животныя, то какіе-то странные люди, — и я узнавалъ, что это были кусты, только тогда, когда слышалъ ихъ шелесть и чувствовалъ свѣжесть росы, которою они были покрыты. Предъ собой я видѣлъ сплошную, колеблющуюся, черную стѣну, за которою слѣдовало нѣсколько движущихся пятенъ: это были авангардъ конницы и генералъ со свитой. Среди насъ подвигалась такая же мрачная масса; но она была ниже первой: это была пѣхота. Во всемъ отрядѣ царствовала такая тишина, что ясно слышались всѣ сливающіеся, исполненные таинственной прелести звуки ночи: далекій заунывный вой чакаловъ, похожій то на отчаянный плачъ, то на хохотъ, звонкія, однообразныя пѣсни сверчка, лягушки перепела, какъ-то приближающійся гулъ, причины котораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, и всѣ тѣ ночныя, чуть слышныя движенія природы, которыя невозможно ни понять, ни опредѣлить, сливались въ одинъ полный прекрасный звукъ, который мы называемъ тишиною ночи. Тишина эта нарушалась, или, скорѣе, сливалась съ глухимъ топотомъ копытъ и шелестомъ высокой травы, которые производилъ медленно двигающійся отрядъ.

Только изрѣдка слышался въ рядахъ звонъ тяжелаго орудія, звукъ столкнувшихся штыковъ, сдержанный говоръ и фырканье лошади.

Природа дышала примирительною красотой и силой.

Неужели тѣсно жить людямъ на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, подъ этимъ неизмѣримымъ звѣзднымъ небомъ? Неужели можетъ, среди этой обаятельной природы, удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенія или страсти истребленія себѣ подобныхъ? Все недоброе въ сердцѣ человѣка должны бы, кажется, исчезнуть въ прикосновеніи съ природой — этимъ непосредственнѣйшимъ выраженіемъ красоты и добра.

Гр. Л. Толстой.

Обломовъ.

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ-роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, гулявшими безпечно по стѣнамъ, по потолку, съ тою неопредѣленною задумчивостью, которая показываетъ, что его ничто не занимаетъ, ничто не тревожитъ. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки шлафрока. Иногда взглядъ его помрачался выраженіемъ будто усталости или скуки. Но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать съ лица мягкость, которая была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ, не лица только, а всей души. Душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, рукъ. И поверхностно-наблюдательный, холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на Обломова, сказалъ бы: „добрякъ долженъ быть, простота!“ Человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ, съ улыбкой.

Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ быть, потому, что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія, или воздуха, а можетъ-быть, того и другаго. Вообще же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ-бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ изнѣженнымъ для мужчины. Движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и не лишенной своего рода граціи лѣнью. Если на лицо набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ на-

мѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ.

Какъ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ таліи, весьма помѣстительный, такъ что Обломовъ могъ дважды завернуться въ него. Рукава, по неизмѣнной азіятской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире. Хотя халатъ этотъ и утратилъ свою первоначальную свѣжесть и мѣстами замѣнилъ свой первобытный, естественный лоскъ другимъ, благопріобрѣтеннымъ, но все еще сохранялъ яркость восточной краски и прочность ткани.

Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ; не чувствуешь его на себѣ; онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла.

Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстука и безъ жилета, потому что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія: когда онъ не глядя опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больнаго или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ.

Когда онъ былъ дома—а онъ почти былъ всегда дома—онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ, служившей ему спальней, кабинетомъ и пріемной. У него было еще три комнаты, но онъ рѣдко туда заглядывалъ, утромъ развѣ, и то не всякій день, когда человѣкъ мѣлъ кабинетъ его, чего всякій день не дѣлалось. Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, сторы спущены.

И. Гончаровъ.

Плюшкинъ.

Чичикову случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго; оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ: одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки еще не потухли и бѣгали, изъ подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка-ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь, у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ

всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рыльцъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробьи изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы казалось была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него,—но ему и этого казалось мало. Недовольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ въ бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему посѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни; работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, по расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія какъ розы, выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ открыты были всѣ окна, антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ: локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла: часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ

жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалось не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, храпителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: онѣ обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ замѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была натькать ткачиха—все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости.

Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

Гоголь.

Тарасъ Бульба.

Тарасъ Бульба былъ изъ числа первыхъ полковниковъ, когда въ Малороссіи устроены были военные полки польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: но при первомъ случаѣ онъ перессорился со всѣми другими за то,

что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну, и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ; и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать какъ утереть губы!» Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовался его желанію.

Вообще онъ былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ.

«Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?», обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ прежде всего онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или неуважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣивались надъ православною вѣрою; въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ басурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе во славу Божію, христіанства и казачества. Жизнь велъ онъ самую простую и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго казака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Гоголь.

Татьяна.

И такъ, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла-бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой;
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.
Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, къ закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.
Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала,
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ..
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.
Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ нечезаетъ хороводъ,
И тихо край земли снѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полмiромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ

При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.
Ей рано нравились романы;
Они ей замѣнили все;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.

Пушкинъ

Кочубей и Марія.

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами;
И много у него добра:
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскимъ высотъ,
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.

Пушкинъ.

Онѣгинъ и Ленскій.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право, почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.

Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшной вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
„Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*.“ Таковъ былъ общій
гласъ.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь-же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленской,
Съ душею прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья,
Что ихъ безстрастная семья
Неотразимыми лучами
Насъ новымъ счастьемъ озаритъ
И міръ блаженствомъ подаритъ.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ
Подъ небомъ Шиллера и Гете;
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лонѣ тишины
Лились его живыя слёзы.
Онъ пѣлъ поблеклой жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры:
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Еще былъ менѣе уменъ.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ;
Таковъ обычай деревенскій.
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полу-русскаго сосѣда.
Войдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,

А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: „Дуня, примѣчай!“
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):
Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой!..*)

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны,
Потомъ понравились, потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали не разлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Отъ *дѣлать-нечего* друзья.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами.
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора прійдетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду—
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между-тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній
Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

Пушкинъ.

*) Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

Рѣчь Іоанна Домаскина.

Не съ дикихъ падаетъ высотъ
Средь темныхъ скалъ потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми—
То Іоанна льется рѣчь,
И силъ исполненная новыхъ,
Она громитъ, какъ Божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христовыхъ.

Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи въ странѣ привольной
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ—
То слышенъ всюду плескъ народный,
То ликованье христіанъ—
То славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣснях Іоаннъ.
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

Гр. А. Толстой.

Баронъ Дельвигъ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 года...) Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 182... году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія. Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе Русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Милетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на раннія отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ.

Пушкинъ.

ПОВѢСТВОВАНІЯ.

Воспоминанія дѣтства.

Я начинаю помнить себя уже дитятей, не крѣпкимъ и рѣзвымъ, какимъ я сдѣлался впослѣдствіи, но тихимъ, кроткимъ, необыкновенно жалостливымъ, большимъ трусомъ и въ то же время безпрестанно, хотя медленно, уже читающимъ дѣтскую книжку съ картинками, подъ названіемъ «Зеркало добродѣтели.» Какъ и когда я выучился читать, кто меня училъ и по какой методѣ—рѣшительно не знаю; но писать я учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно и долго.—Мы жили тогда въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный Зубинскій деревянный домъ, купленный моимъ отцомъ, какъ я послѣ узналъ, съ аукціона за 300 р. асс. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; онъ потемнѣлъ отъ дождей, и вся эта громада имѣла очень печальный видъ. Домъ стоялъ на косогорѣ, такъ что окна въ садъ были очень низки отъ земли, а окна изъ столовой на улицу, на противоположной сторонѣ дома, возвышались аршина на три надъ землей. Парадное крыльцо имѣло болѣе 25 ступенекъ, и съ него была видна рѣка Бѣлая почти во всю свою ширину. Двѣ дѣтскія комнаты, въ которыхъ я жилъ вмѣстѣ съ сестрой, выкрашенныя по штукатуркѣ голубымъ цвѣтомъ, находившіяся возлѣ спальной, выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на цѣлую четверть заглядывала къ намъ въ окна, что очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу. Садъ впрочемъ былъ хотя довольно великъ, но не красивъ: кое-гдѣ ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два—три тощихъ яблонь, круглые цвѣтники съ ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большаго дерева, никакой тѣни; но и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей сестрицѣ, которая не знала ни горъ, ни полей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ, какъ говорили, болѣе пятисотъ верстъ: не смотря на мое болѣзненное состояніе, величіе красотъ божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ моего вѣдома въ моемъ воображеніи; я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ городскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрѣ, какъ человѣкъ бывалый, о разныхъ чудесахъ, мною видѣнныхъ; она слушала съ любопытствомъ, устремивъ на меня напряженнаго вниманія свои прекрасные глазки, въ которыхъ въ то же время ясно выражалось: «братецъ, я ничего не понимаю.» Да и что мудренаго: разскащику только пошелъ пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

Я сказалъ уже, что былъ робокъ и даже трусоватъ; вѣроятно, тяжкая и продолжительная болѣзнь ослабила, утончила, довела до крайней воспріимчивости мои нервы, а можетъ быть, и отъ природы я не имѣлъ храбрости. Первыя ощущенія страха поселили во мнѣ разсказы няньки. Хотя она собственно ходила за сестрой моей, а за мной только присматривала, и хотя мать строго запрещала ей даже разговаривать со мной, но она иногда успѣвала сообщить мнѣ кое-какія извѣстія о букѣ, о домовыхъ и мертвецахъ. Я сталъ бояться ночной темноты и даже днемъ боялся темныхъ комнатъ. У насъ въ домѣ была огромная зала, изъ которой двѣ двери вели въ двѣ небольшія горницы, довольно темныя, потому-что окна изъ нихъ выходили въ длинныя сѣни, служившія корридо-

ромъ; въ одной изъ нихъ помѣщался буфетъ, а другая была заперта; она нѣкогда служила рабочимъ кабинетомъ покойному отцу моей матери; тамъ были собраны всѣ его вещи: письменный столъ, кресло, шкафъ съ книгами и проч. Нянька сказала мнѣ, что тамъ видятъ иногда покойнаго моего дѣдушку, Зубина, сидящаго за столомъ и разбирающаго бумаги. Я такъ боялся этой комнаты, что, проходя мимо ея, всегда зажмуривалъ глаза. Одинъ разъ, идучи по длиннымъ сѣнямъ, забывшись, я взглянулъ въ окошко кабинета, вспомнилъ разсказъ няньки, и мнѣ почудилось, что какой-то старикъ въ бѣломъ шлафрокѣ сидитъ за столомъ.—Я закричалъ и упалъ въ обморокъ. Матери моей не было дома. Когда она воротилась, и я разсказалъ ей обо всемъ случившемся и обо всемъ слышанномъ мною отъ няни, она очень разсердилась: приказала отпереть дѣдушкинъ кабинетъ, ввела меня туда, дрожащаго отъ страха, насильно и показала, что тамъ никого нѣтъ и что на креслахъ висѣло какое-то бѣлье. Она употребила всѣ усилія растолковать мнѣ, что такіе разсказы вздоръ и выдумки глупаго невѣжества. Няньку мою она прогнала и нѣсколько дней не позволяла ей входить въ нашу дѣтскую. Но крайность заставила призвать эту женщину и опять приставить къ намъ; разумѣется, строго запретили ей разсказывать подобный вздоръ и взяли съ нея клятвенное обѣщаніе никогда не говорить о простонародныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ; но это не вылѣчило меня отъ страха. Нянька наша была странная старуха, она была очень къ намъ привязана, и мы съ сестрой ее очень любили. Когда ее сослали въ людскую и ей не позволено было даже входить въ домъ, она прокрадывалась къ намъ ночью, цѣловала насъ сонныхъ и плакала. Я это видѣлъ самъ, потому-что одинъ разъ ея ласки разбудили меня. Она ходила за нами очень усердно, но по закоренѣлому упрямству и невѣжеству не понимала требованій моей матери и потихоньку дѣлала ей все наперекоръ. Черезъ годъ ее совсѣмъ отослали въ деревню. Я долго тосковалъ: я не умѣлъ понять, за что маменька такъ часто гнѣвалась на добрую няню, и оставался въ томъ убѣжденіи, что мать просто ея не любила.

Я всякій день читалъ свою единственную книжку, „Зеркало добродѣтели“, моей маленькой сестрицѣ, ни какъ не догадывался, что она еще ничего не понимала, кромѣ удовольствія смотрѣть картинки. Эту дѣтскую книжку я зналъ тогда наизусть всю; но теперь только два разсказа и двѣ картинки изъ цѣлой сотни остались у меня въ памяти, хотя они, противъ другихъ, ничего особеннаго не имѣютъ. Это „Признательный левъ“ и „Самъ себя одѣвающій мальчикъ“. Я помню даже физіономію льва и мальчика! — Наконецъ „Зеркало добродѣтели“ перестало поглощать мое вниманіе и удовлетворять моему ребячьему любопытству, мнѣ захотѣлось почитать другихъ книжекъ, а взять ихъ рѣшительно было негдѣ; тѣхъ книгъ, которыя читывалъ иногда мой отецъ и мать, мнѣ читать не позволяли. Я принялся было за „Домашній лѣчебникъ Бухана“, но и это чтеніе мать сочла почему-то для моихъ лѣтъ неудобнымъ; впрочемъ она выбирала нѣкоторыя мѣста и, отмѣчая ихъ закладками, позволяла мнѣ ихъ читать; и это было въ самомъ дѣлѣ интересное чтеніе, потому-что тамъ описывались всѣ травы, соли, коренья и всѣ медицинскія снадобья, о которыхъ только упоминается въ лѣчебникѣ. Я перечитывалъ эти описанія уже гораздо въ позднѣйшемъ возрастѣ, и всегда съ удовольствіемъ, потому-что все это изложено и переведено на русскій языкъ очень толково и хорошо.

Благодѣтельная судьба скоро послала мнѣ неожиданное новое наслажденіе, которое произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе и много расширило тогдашній кругъ моихъ понятій. Противъ нашего дома жилъ въ собственномъ же домѣ С. И. Аничковъ, старый, богатый холостякъ, слывшій очень умнымъ и даже ученымъ человѣкомъ; это мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что онъ былъ когда-то посланъ депутатомъ отъ Оренбургскаго края въ извѣстную коммиссію, собранную Екатериною Второй для разсмотрѣнія существующихъ законовъ. Аничковъ очень гордился, какъ мнѣ разсказывали, своимъ депутатствомъ и смѣло поговаривалъ о

своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, не принесшихъ впрочемъ, по его собственному признанію, никакой пользы. Аничкова не любили, а только уважали, побаивались его рѣзкаго языка и негибкаго нрава. Къ моему отцу и матери онъ благоволилъ и даже давалъ взаймы денегъ, которыхъ просить у него никто не смѣлъ. Онъ услышалъ какъ-то отъ моихъ родителей, что я мальчикъ прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. Старый депутатъ, будучи просвѣщеннѣе другихъ, естественно, былъ покровителемъ всякой любознательности. На другой день вдругъ присылаетъ онъ человѣка за мною; меня повелъ самъ отецъ. Аничковъ, разспросивъ хорошенько, что я читалъ, какъ понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволенъ; велѣлъ подать связку книгъ и подарилъ мнѣ... о счастіе!... „Дѣтское Чтеніе для сердца и разума“, изданное безденежно при Московскихъ Вѣдомостяхъ Н. И. Новиковымъ. Я такъ обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику, и не помня себя, запрыгалъ и побѣжалъ домой, оставя своего отца бесѣдовать съ Аничковымъ. Помню однако благосклонный и одобрительный хохотъ хозяина, загремѣвшій въ моихъ ушахъ и постепенно умолкавшій по мѣрѣ моего удаленія. Боясь, чтобъ кто-нибудь не отнялъ моего сокровища, я пробѣжалъ прямо черезъ сѣни въ дѣтскую, легъ въ свою кроватку, закрылся пологомъ, развернулъ первую часть — и позабылъ все меня окружающее. Когда отецъ воротился и со смѣхомъ разсказалъ матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что не знала о моемъ возвращеніи. Меня отыскали лежащаго съ книжкой. Мать разсказала мнѣ потомъ, что я былъ точно какъ помѣшанный: ничего не говорилъ, не понималъ, что мнѣ говорятъ, и не хотѣлъ идти обѣдать. Должны были отнять книжку, не смотря на горькія мои слезы. Угроза, что книги отнимутъ совсѣмъ — заставила меня удержаться отъ слезъ, встать и даже обѣдать. Послѣ обѣда я опять схватилъ книжку и читалъ до вечера. Разумѣется, мать положила конецъ тяжкому изступленному чтенію; книги заперла въ свой комодъ и выдавала мнѣ по одной части, и то въ извѣстные, назначенные ею часы. Книжекъ всего было двѣнадцать, и тѣ не попорядку, а разрозненныя. Оказалось, что это не полное собраніе „Дѣтскаго Чтенія“, состоявшаго изъ 20-ти частей. Я читалъ свои книжки съ восторгомъ и, не смотря на разумную бережливость матери, прочелъ все съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Въ дѣтскомъ умѣ моемъ произошелъ совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ... Я узналъ въ „разсужденіи о громѣ“, что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы, и особенно бабочки съ своими превращеньями изъ яичекъ въ червяка, изъ червяка въ хризалиду, и наконецъ изъ хризалиды въ красивую бабочку — овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ; я получилъ непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительныя статьи производили менѣе впечатлѣнія, но какъ забавляли меня „смѣшной способъ ловить обезьянъ“ — и басня „о старомъ волкѣ“, которого всѣ пастухи отъ себя прогоняли! Какъ восхищался я „золотыми рыбками!“

С. Аксаковъ.

Впечатлѣнія дѣтства.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь бывало за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ. Уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Маша говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки,

такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ, она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все также ясно и видно; вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николинька, говоритъ мнѣ мамаша — ты бы лучше шелъ на верхъ.

Я не хочу спать, мамаша, отвѣтилъ ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь бывало въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ. Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; мамаша сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю; своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ!

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно, нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и задыхаясь сказать:

Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:— смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? не забудешь, Николинька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ—слезы и любви и восторга!

Послѣ этого, какъ бывало придешь на верхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку! Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься бывало въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія,— но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь бывало о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи—единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать. Потомъ любимую фарфоровую игрушку--зайчика или собачку— уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья; повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь

въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви, были единственными побужденіями въ жизни?

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ честныя слезы умиленія? Прилеталъ Ангелъ утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?. .

Графъ Л. Толстой.

Разставанье.

Въ двѣнадцатомъ часу утра коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по-дорожному. Дворовые мужчины, въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины въ затрапезныхъ полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ—сгорбленный старикъ, въ зимней шапкѣ и армякѣ — держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой—видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепенникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурыя кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо—положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же вожжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натуживши, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку,—даже чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовыя, разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, хмурили глаза и дремали; другія, отъ скуки, чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темнозеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ—однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла; горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ.

Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Иванычемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку? „Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣй это все кончилось: сѣсть бы и ѣхать".

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? сказала вошедшая, съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ, Наталья Савишна, обращаясь къ папа.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукою, вышла изъ комнаты.

У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидѣлъ это движеніе, но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой.

Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другаго: что нужно купить для дома?

что сказать княжнѣ Sophie и Madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ „кушать готово“, остановившись у притолки, сказалъ: „лошади готовы“. Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло, „какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь“.

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула; но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ, сказалъ папа, вѣдь не на вѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно! сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами. Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что—полагая, что она теперь обратится ко мнѣ — я совался впередъ; но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ „пожалуйте ручку-съ“, звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она вся въ слезахъ прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями, но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія: можетъ быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что если-бы я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

„Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?... Ну, въ послѣдній разъ!“ сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мною рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся поспокойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлась соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ, и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которою я разстался, можетъ быть, навсегда.

Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили—кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими—и ту жалко! Все, все жалко! А бѣдная maman? И слезы опять навертывались на глаза; но не надолго.

Гр. Л. Толстой.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Странникъ.

Не задолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше.

Я подмигнулъ брату Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ—Гриша спитъ во второй комнатѣ—въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились на верхъ. Не безъ спору рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой—сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханіе.

Господи, Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу... вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ, съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголъ, и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ, и какъ видно было, съ усиліемъ—потому что онъ поморщился—поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя на лѣсъ, уда-

ряла почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебристыми лучами мѣсяца, съ другой— черною тѣнью; вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ падала на полъ, стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Сначала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиліемъ стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ, молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, твердилъ:

„Боже, прости врагамъ моимъ!“ кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ ударяясь о землю.

Володя щипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ только рукой томѣсто и продолжалъ съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселія и смѣха, на которые я располагалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: „Господи, помилуй“, но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: „прости мя, Господи, научи мя творить... научи мя, что творить, Господи!“ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія...

Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія.

Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его криваго глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

Да будетъ воля Твоя! вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе; но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умретъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога, твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ—ты ихъ не повѣрилъ разсудкомъ...

И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!...

Графъ Л. Толстой.

Поступленіе въ гимназію.

Пришла зима, и въ декабрѣ мы отправились въ Казань; заранѣе знали, что есть казенная ваканція въ гимназіи, и заранѣе приготовили всѣ бумаги, нужныя для моего опредѣленія. И такъ недѣли черезъ двѣ, познакомясь предварительно чрезъ Княжевича со всѣми лицами, съ которыми надобно было имѣть дѣло, и помолясь усердно Богу, отецъ мой подалъ просьбу директору Пекену.

Совѣтъ гимназіи предложилъ главному надзирателю (онъ же былъ инспекторомъ) Николаю Ивановичу Камашеву проэкзаменовать меня, а доктору Бенису освидѣтельствовать въ медицинскомъ отношеніи. Камашевъ находился въ отпуску; должность главнаго надзирателя исправлялъ надзиратель „благонравной“ комнаты, Василій Петровичъ Упадышевскій, а должность инспектора классовъ—старшій учитель

россійской словесности, Левъ Семенычъ Левитскій. Оба были добрые и ласковые люди, а Упадышевскій впослѣдствіи сдѣлался истиннымъ ангеломъ хранителемъ моимъ и моей матери: я не знаю, что было бы съ нами безъ этого благодѣтельнаго старика. Поѣхавъ подавать просьбу директору, отецъ взялъ меня съ собою, и директоръ приласкалъ меня. Левитскій былъ нездоровъ и не могъ пріѣхать въ совѣтъ гимназіи, и потому отецъ повезъ меня къ нему на квартиру. Левъ Семенычъ очаровалъ своимъ пріемомъ обоихъ насъ: началъ съ того, что разласкалъ и расцѣловалъ меня, далъ мнѣ читать прозу Карамзина и стихи Дмитріева— и пришелъ въ восхищеніе, находя, что я читаю съ чувствомъ и пониманіемъ, заставилъ меня что-то написать — и опять пришелъ въ восхищеніе; въ четырехъ правилахъ ариѳметики я также отличился. По окончаніи экзамена, онъ принялся меня хвалить безпощадно; удивлялся, что мальчикъ моихъ лѣтъ, живя въ деревнѣ, могъ быть такъ хорошо приготовленъ. „Да кто же былъ его учителемъ въ каллиграфіи?“ Добродушно смѣясь, спросилъ Левъ Семенычъ у моего отца — „вашъ собственный почеркъ не очень красивъ?“ Отецъ мой, обрадованный и растроганный почти до слезъ похвалами своему сыну, простодушно отвѣчалъ, что я достигъ до всего своими трудами подъ руководствомъ матери, съ которою былъ почти неразлученъ, и что онъ только выучилъ меня ариѳметикѣ. Онъ прибавилъ къ этому, что моя мать жила всегда въ губернскомъ городѣ, что мы недавно переѣхали въ деревню, что она дочь бывшаго значительнаго чиновника и большая охотница до книгъ и стиховъ. Мы уѣхали очарованные имъ. Докторъ Бенисъ, который имѣлъ прекрасный домъ на Лядской улицѣ, принялъ насъ очень учтиво, и безъ всякаго затрудненія далъ свидѣтельство о моемъ здоровьѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи.

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и состоялось опредѣленіе совѣта: принять меня въ гимназію, на казенное содержаніе; даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье. Напряженное состояніе духа, въ которомъ находилась мать моя и я самъ, не ослабѣвало. Поѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману, Казанскимъ Чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому; дядька мой, Ефремъ Евсеичъ, также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями, но ничего особеннаго не случилось. Меня отвезли поутру въ 10 часовъ: классы только что перемѣнились, и всѣ ученики находились въ классныхъ комнатахъ на верху. Спальныя внизу были пусты, и мать моя могла осмотрѣть ихъ, даже видѣть ту кровать, на которой я буду спать; казалось, она всѣмъ осталась довольна. Какъ только уѣхали мои родители, Упадышевскій взялъ меня за руку, отвелъ въ классъ чистописанія, представилъ учителю, рекомендовалъ, какъ самаго благонравнаго мальчика, и просилъ особенно мной заняться. Меня посадили за отдѣльный столъ, вмѣстѣ съ новенькими, и заставили выписывать палочки. Я былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытьѣ: все казалось мнѣ сномъ, но страха и тоски я не чувствовалъ. Послѣ обѣда, котораго я не замѣтилъ, надѣли на меня форменную мундирную куртку, повязали суконный галстукъ, остригли волосы подъ гребенку, поставили во фронтъ по ранжиру, по два человѣка въ рядъ, подлѣ ученика Владиміра Граффа, и сейчасъ выучили ходить въ ногу. Я все исполнялъ, какъ говорится, машинально: точно дѣло шло не обо мнѣ. По окончаніи классовъ, Упадышевскій встрѣтилъ меня у дверей и, сказавъ: «матушка тебя дожидается», отвелъ меня въ пріемную залу. Отецъ съ матерью были тамъ: отецъ, увидя меня, разсмѣялся и сказалъ: «вотъ какъ перерядили Сережу». А мать, которая въ первую минуту меня не узнала, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Я закричалъ, какъ изступленный, и также упалъ у ея ногъ. Упадышевскій, смотрѣвшій въ непритворенную дверь, перепугался и прибѣжалъ на помощь. Обморокъ моей матери продолжался около получаса, напугалъ моего отца и такъ встрево-

жилъ бѣднаго Упадышевскаго, что онъ призвалъ изъ больницы жившаго тамъ подлѣкаря Риттера, который давалъ матери моей какое-то лѣкарство и даже мнѣ что то далъ выпить.

Когда мать опомнилась, то сдѣлалась очень слаба, и добрый Упадышевскій самъ предложилъ отпустить меня ночевать домой: «такъ и быть, говорилъ онъ, пусть прогнѣвается на меня Николай Ивановичъ (главный надзиратель), когда, воротясь, узнаетъ объ этомъ; правда, онъ ни за чтобы не позволилъ, но я ужъ беру все на свою отвѣтственность, только, пожалуйста, привезите его завтра къ семи часамъ, прямо къ завтраку». Мы не находили словъ благодарить добраго человѣка и отправились на квартиру. Дома мать одумалась, ободрилась и меня ободрила. Она заставила себя спокойно смотрѣть на мою, почти выбритую голову, гдѣ рука ея напрасно искала мягкихъ, бѣлокурыхъ кудрей моихъ, на суконный галстухъ, который уже успѣлъ натереть мою нѣжную шею, никогда еще не носившую и шелковаго платка. Во всемъ находила она разумную потребность, которой должно было покориться. Взаимная наша твердость духа и рѣшимость съ новою силою овладѣли нами. На другой день въ семь часовъ я былъ уже въ гимназіи.

С. Аксаковъ.

Каникулы.

Въ продолженіе іюня происходили экзамены, окончившіеся совершеннымъ торжествомъ для моего дѣтскаго самолюбія—я былъ переведенъ въ среднія классы. Въ первыхъ числахъ іюля, на актѣ, я получилъ книжку съ золотою надписью: „за прилежаніе и успѣхи“, и еще похвальный листъ.

За мной давно уже пріѣхала простая кибитка и тройка лошадей съ кучеромъ, и въ день гимназическаго акта, послѣ обѣда, мы съ Евсеичемъ отправились въ наше любимое и дорогое Аксаково. Мы ѣхали по той-же самой дорогѣ, по которой два года тому назадъ везла меня мать, и останавливались даже на тѣхъ-же кормежкахъ и ночевкахъ. Скоро дыханіе природы проникло въ мое существо и выгнало изъ головы моей гимназію, товарищей, учителей, книги и уроки. Послѣ временнаго какъ будто забвенія или охлажденія, еще горячѣе, уже сознательнѣе полюбилъ я красоты Божьяго міра...

Дома вся семья встрѣтила меня съ нѣжною любовью, а радости матери моей и описать нельзя! Какъ выросла и похорошѣла въ одинъ годъ моя любимая сестрица и какъ обрадовалась мнѣ! Сколько разспросовъ, сколько разсказовъ! Между прочимъ я узналъ отъ нея, что моя мать сначала такъ по мнѣ тосковала, что даже была больна, и мнѣ сдѣлалось какъ-то больно, что я грустилъ въ разлукѣ съ ней менѣе, чѣмъ прежде.

Всѣ дни вакаціи, которые провелъ я тогда въ Аксаковѣ, слились въ моей памяти въ одинъ прекрасный, радостный день! Я никакъ не могу разсказать, если-бы и хотѣлъ, что я дѣлалъ въ эти счастливые дни! Знаю только, что я наслаждался отъ утра до вечера. Всего чаще мелькаетъ въ этомъ роѣ удовольствій удочка, купанье и истребъ.

Мать заставила меня разсказать весь годъ моей гимназической жизни со всѣми мальчайшими подробностями.

Съ моей сестрицей я почти не разставался; дружба наша сдѣлалась еще тѣснѣе и нѣжнѣе.

Быстро пролетѣли блаженные дни, и 10-го августа, въ той-же кибиткѣ, съ тѣмъ-же кучеромъ и на тѣхъ-же лошадяхъ, мы съ Евсеичемъ отправились въ Казань.

С. Аксаковъ.

Осенняя переправа черезъ Волгу.

Погода стояла самая неблагопріятная: по временамъ шелъ мелкій осенній дождь и постоянно дулъ страшный вѣтеръ. Мы выкормили лошадей и сейчасъ поѣхали на перевозъ. Спускъ съ Симбирской горы представлялъ теперь несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ на нее: гора ослизла, тормо-

за не держали и карета катилась бокомъ по косогору. Оставаться въ экипажѣ было опасно и мы, не смотря на грязь и дождь, должны были идти пѣшкомъ.

Волга... страшно вообразить, что такое была Волга! Она вся превратилась въ водяные бугры, которые ходили взадъ и впередъ, желтые и бурые около песчаныхъ отмелей, и черные по серединѣ рѣки; она билась, кипѣла, металась во всѣ стороны, и точно стонала; волны безпрестанно хлестали въ берегъ, взбѣгая на него, болѣе чѣмъ на сажень. По всему водяному пространству, особено посреди Волги, играли *бѣляки*, такъ называются всплески воды, когда гребни валовъ, достигнувъ крайней высоты, вдругъ обрушиваются и разсыпаются въ брызги и бѣлую пѣну.

Невыразимый ужасъ обнялъ мою душу, и одна мысль—плыть по этому страшному пути—леденила мою кровь и почти лишала меня сознанія. На берегу сказали намъ, что теперь перевозу нѣтъ, и что всѣ перевозчики разошлись. Но отецъ мой немедленно хотѣлъ ѣхать и послалъ отыскать перевозчиковъ; сейчасъ явилось нѣсколько человѣкъ, и сказали, что надо часокъ погодить, что передъ солнечнымъ закатомъ вѣтеръ постихнетъ, и что тогда можно благополучно доставить насъ на ту сторону.

Между тѣмъ въ ожиданіи этого благополучнаго часа стали грузиться. Выбрали лучшую и новую завозню, поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ лошадей. Вѣтеръ въ самомъ дѣлѣ сталъ какъ будто утихать. Замѣтили, что съ той стороны отвалила завозня, и наша проворно отчалила отъ пристани и пошла на шестахъ вверхъ около берега, намѣреваясь взвестись, какъ можно выше.

Приготовили и для насъ большую лодку. Явился знакомый намъ хозяинъ или перевозчичій староста, какъ его иногда называли; онъ самъ хотѣлъ править кормовымъ весломъ и отобралъ отличныхъ шестерыхъ гребцовъ, но предложилъ подождать еще съ полчасика. Слава Богу, что онъ сдѣлалъ намъ это предложеніе, потому что вѣтеръ, утихнувъ на нѣсколько минутъ, разъигрался пуще прежняго и пуще прежняго закипѣла Волга, и сами перевозчики сказали, что „оно конечно доставить можно, да будетъ маленько страховито; лодка станетъ нырять и, пожалуй, господа напугаются“. Тутъ я точно очнулся отъ какого то оцѣпенѣнія, и со слезами принялся просить и молить, чтобы сегодня не ѣздить. Въ первый разъ я видѣлъ, что отецъ сердился на меня и говорилъ, что я „дрянь, трусишка“. Мать, видя, что я весь дрожу отъ страха, стала уговаривать отца остаться до утра. Отецъ все не соглашался. Перевозчики, молча, смотрѣли на насъ нѣсколько времени; наконецъ хозяинъ сказалъ: „али до утра, ваше благородіе? На зарѣ безпремѣнно вѣтеръ затихнетъ, и мы васъ мигомъ доставимъ. Погодка точно разъиграласъ, и нашу завозню больно далеко снесетъ. Вонъ она только что пошла на перебой, а ужъ теперь ниже пристани. Версты двѣ снесетъ. Придется имъ заночевать и завтра навряд ъ имъ добиться до пристани прежде васъ“. Эти слова порѣшили дѣло.

Но теперь возникъ вопросъ, гдѣ ночевать, на чемъ спать и что ѣсть? Платье, подушки, постели, съѣстные припасы, все было отправлено на ту сторону; а утренней зари надо дожидаться часовъ двѣнадцать. Хозяинъ вывелъ насъ изъ затрудненія: онъ предложилъ намъ свою квартиру, а что-нибудь поѣсть обѣщалъ намъ достать изъ харчевни...

Чуть брезжилось, когда насъ разбудили; даже одѣваться было темно. Боже мой, какъ намъ съ сестрицей не хотѣлось вставать.! Изъ теплаго гнѣздышка идти на сырой и холодный осенній воздухъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда особенно сладко спится, да еще прямо на лодку! Но отецъ безпрестанно торопилъ, и мы, одѣвшись, почти бѣгомъ побѣжали на пристань: красная заря горѣла сквозь сѣрое небо и предвѣщала сильный вѣтеръ. Дождя не было, но нельзя сказать, чтобъ было тихо: рѣзкій вѣтерокъ уже упорно тянулъ и крупной рябью подергивалъ водяную поверхность. Гребцы, держа въ рукахъ весла, сидѣли на своихъ мѣстахъ. Хозяинъ поспѣшно перевелъ насъ по доскамъ на лодку и усадилъ

въ ней по лавкамъ на самой серединѣ. Страхъ сжималъ мое сердце, и я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ.

Мы не долго взводились вверхъ и скоро пошли на перебой. Гребцы работали съ необыкновеннымъ усиліемъ, лодка летѣла; но едва мы, достигнувъ середины Волги, вышли изъ подъ защиты горы — подулъ сильный вѣтеръ, страшныя волны встрѣтили насъ, и лодка начала то подыматься носомъ кверху, то опускаться кормою книзу. Я вскрикнулъ и бросился къ матери, прижался къ ней и зажмурилъ глаза. Я открылъ ихъ тогда, когда услышалъ, что до берегу недалеко.

Точно, берегъ былъ уже близокъ; но въ лодкѣ происходила суматоха, которой я съ закрытыми глазами до тѣхъ поръ не замѣчалъ, и нашъ кормщикъ казался очень озабоченнымъ и даже испуганнымъ. Грести только четверо, а двое гребцовъ выливали воду, одинъ — какимъ-то длиннымъ ковшомъ, а другой — шляпой. Вода въ лодкѣ выступила ужъ сквозь полъ и подмочила намъ ноги, а въ кормѣ было ея очень много. Я не вполнѣ понялъ важность происшествія, и очень удивился, когда отецъ, высадивъ насъ всѣхъ на берегъ, накинулся съ бранью на хозяина гребцовъ... Бѣдный нашъ кормщикъ, стоя безъ шляпы и почтительно кланяясь, говорилъ: „помилуйте, ваше благородіе, развѣ я этому дѣлу радъ, развѣ мнѣ свой животъ надоѣлъ? Вѣдь и я потонулъ бы вмѣстѣ съ вами“... Отцу моему захотѣлось узнать, отчего потекла наша лодка; ее вытащили на берегъ, обернули вверхъ дномъ и нашли, что у самой кормы она проломлена чѣмъ-то острымъ, дыра была пальца въ два шириною. Какъ это случилось, никто объяснить не могъ. Долго толковали перевозчики и наконецъ порѣшили, что это кто нибудь со зла проломилъ желѣзнымъ ломомъ. Отверстіе было довольно высоко надъ водою, и въ тихую погоду можно было плавать на лодкѣ безопасно, но гребни высокихъ валовъ попадали въ дыру. Если бъ недоглядѣли и не принялись вовремя выливать воду, лодка наполнилась бы ею, сѣла глубже и тогда гибель была неизбѣжна. Тутъ только я понялъ, какой опасности мы подвергались, и боязнь, отвращеніе отъ переправъ черезъ большія рѣки прочно поселилась въ моей душѣ.

Завозни нашей съ каретой еще у пристани не было: предсказаніе нашего хозяина-кормщика сбылось изъ слова въ слово. Она медленно подвигалась на шестахъ съ низу и находилась еще отъ насъ не менѣе версты, какъ говорили перевозчики... Наконецъ приплыла наша завозня; она точно ночевала на мели, кое-какъ привязавшись къ воткнутымъ въ песокъ шестамъ. Люди наши разсказывали, что натерпѣлись такого страху, какого съ роду не видывали, что не спали всю ночь и пробились съ голодными лошадьми, которыя не стояли на мѣстѣ и нѣсколько разъ едва не опрокинули завозню.

С. Аксаковъ.

Бедуинъ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; имамы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія: ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія; буря не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды Аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ прибытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ современной міру. При пѣніи стиховъ изъ Алкорана, переправилась черезъ нее молельщики, и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану Бе-

дукнъ на прекрасной вороной лошади; онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета. Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно, хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ, и осуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана. Османъ съ жаромъ началъ выхвалять Оттомановъ.

«Турки,» говорилъ онъ Бедуину: «издавна славятся по всему востоку храбростію, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта: вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ, какъ Турокъ*! Купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ: *онъ справедливъ, какъ турокъ*! Чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатаясь по степямъ каменистой и пустой Аравіи? какая молва идетъ о васъ? То, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ султанъ ежегодно знатную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго мусульманина. Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ: признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ.»

Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ, сказалъ ему Бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго, — послѣ: напередъ пособимъ несчастному.

«Поди и пособляй ты!» отвѣчалъ Османъ; «я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что сей-же самый верблюдъ отмстилъ ему за себя. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, да проститъ мое согрѣшеніе Алла и его Великій пророкъ! то я зашилъ бы себѣ ротъ».

Между тѣмъ Бедуинъ высвободилъ изъ-подъ верблюда вожатаго и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъза куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана; онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю

Бедуинъ опрометью поскакалъ—и не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ, и въ ту же самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ; мертвый тигръ растянулся подлѣ полумертваго Османа Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъ-естественнымъ; онъ обнялъ Бедуина, и въ первомъ жару благодарности своей предлагалъ ему со слезами, какъ слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удивленію, Османа отказался. Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ: «Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ; утоли голодъ и жажду твоего иноземца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего; одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зноя, къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нея лишусь силъ, и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ.»

«Да поможетъ тебѣ Алла!» отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами; „у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи: я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека, и болѣе денегъ, чѣмъ сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ милліи роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.»

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою и подалъ убогому. „На! утоли свой голодъ и жажду, подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по

которой идетъ караванъ: я провожу тебя.“

«Но я иду медленно, часто отдыхаю,» говорилъ нищій.—«Такъ сядь на мою лошадь!» отвѣчалъ Бедуинъ, соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

«Брось его!» сказалъ Османъ Бедуину, „кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу . . .» „Разговоръ нашъ,“ отвѣчалъ Бедуинъ, „давно уже кончился; мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!“

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта и поклялся бородою своего праѣда отмстить Бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко; караванъ поднялся и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, укралъ у него прекрасную воронюю лошадь, все имущество Бедуина.

И судьба не наказала его? Нѣтъ, онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и, окруженъ радостями, умеръ. Діарбекирцы вспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ, отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдовать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели!

Бенитцкій.

Послѣдняя ночь въ родномъ домѣ и отъѣздъ.

„Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ“.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться.

Она возрастила, взлелѣяла ихъ и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! — „Сыны мои, сыны милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?“ говорила она, и слезы становились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости: она была какое-то странное существо въ томъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы ей не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть,

при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: «Авось либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепещущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась, и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше.

Со степи понеслось громкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. «Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара! готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату.

Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился въ конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились. На нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать,» произнесъ наконецъ Бульба. «Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.»

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба: «и моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духа ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ!»

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ... Божья матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...» далѣе она не могла говорить.

«Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она припала къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота,—со всею легкостію дикой козы, несообразною лѣтамъ, обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте, и дѣтство, и игры, и все, и все!

Гоголь.

Въ богатой старинной усадьбѣ.

На другой день, выѣхавъ не такъ рано, мы кормили на перевозѣ черезъ чудесную, хотя не слишкомъ широкую рѣку „Черемшанъ“, въ богатомъ селѣ Никольскомъ, принадлежавшемъ помѣщику Д. Не переѣзжая на другую сторону рѣки, едва мы успѣли расположиться на песчаномъ берегу, отвязали удочки, достали червей и, по разсказамъ мальчишекъ, удившихъ около парома, хотѣли было идти на какое-то диковинное мѣсто, „гдѣ рыба такъ и хватаетъ, даже берутъ стерляди“, какъ явился парадно одѣтый лакей отъ Д. съ покорнѣйшею просьбою *откушать* у него и съ извѣщеніемъ, что сейчасъ пріѣдетъ за нами коляска. Д. былъ извѣстный богачъ, славился хлѣбосольствомъ и жилъ великолѣпно; прошлаго года онъ познакомился съ нами въ Чурасовѣ. Отецъ и мать сочли неучтивостью отказаться, и обѣщали пріѣхать. Боже мой! Какой это былъ для меня ударъ, и вовсе неожиданный! Мелькнула было надежда, что насъ съ сестрицей не возьмутъ; но мать сказала, что боится близости глубокой рѣки, боится, чтобъ я не подбѣжалъ къ берегу и не упалъ въ воду, а какъ сестрица моя къ рѣкѣ не пойдетъ, то приказала ей остаться, а мнѣ переодѣться въ лучшее платье и отправляться въ гости. Скоро пріѣхала щегольская коляска, заложенная четверкой, съ форрейторомъ и съ двумя лакеями. Мы съ отцомъ довольно скоро переодѣлись; мать, устроивъ себѣ уборную въ лубочномъ балаганѣ, гдѣ жили перевозчики, одѣвалась долго и вышла такою нарядною, какою я очень давно ея не видѣлъ. Какъ она была хороша, какъ все ей шло къ лицу! Перебирая въ памяти всѣхъ мнѣ извѣстныхъ молодыхъ женщинъ, я опять рѣшилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ никого лучше моей матери.

Посерединѣ большой площади, съ двухъ боковъ застроенной порядками крестьянскихъ избъ, стояла каменная церковь, по тогдашнему новѣйшей архитектуры. Каменный двухъ-этажный домъ, соединяющійся сквозными колонадами съ флигелями, составлялъ одну сторону четырехъ-угольнаго двора съ круглыми башнями по угламъ. Всѣ надворныя строенія служили какъ-бы стѣнами этому двору; безконечный старый садъ, съ прудами и рѣчкою, примыкалъ къ нему съ одного бока; главный фасадъ дома выходилъ на рѣку Черемшанъ. Я ничего подобнаго не видывалъ, а потому былъ очень пораженъ и сейчасъ приложилъ къ дѣйствительности, жившія въ моей памяти, описанія рыцарскихъ замковъ или загородныхъ дворцовъ англійскихъ лордовъ, читанныя мною въ книгахъ. Любопытство мое возбудилось, воображеніе разыгралось, и я началъ уже на все смотрѣть съ ожиданіемъ чего-нибудь необыкновеннаго. Мы выѣхали на широкій четвероугольный дворъ, посреди котораго былъ устроенъ мраморный фонтанъ и солнечные часы; они были окружены широкими красивыми цвѣтниками съ песчаными дорожками. Великолѣпное крыльцо съ фонарями, вазами и статуями, и еще великолѣпнѣйшая лѣстница, посрединѣ устланная ковромъ, обставленная оранжерейными деревьями и цвѣтами, — превзошли мои ожиданія, и я изъ

дворца англійскаго лорда перелетѣлъ въ очарованный замокъ Шехерезады. Въ залѣ встрѣтилъ насъ хозяинъ самаго простаго вида, невысокій ростомъ и немолодой уже человѣкъ. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, онъ подалъ руку моей матери и повелъ ее въ гостиную. Обитая бархатомъ или штофомъ, мебель изъ краснаго дерева съ бронзою, разные диковинные столовые часы, то въ брюхѣ льва, то въ головѣ человѣка, картины въ раззолоченныхъ рамахъ — все было такъ богато, такъ роскошно, что Чурасовское великолѣпіе могло назваться бѣдностью въ сравненіи съ Никольскимъ дворцомъ. При первыхъ разспросахъ, узнавъ, что мать оставила мою сестрицу на мѣстѣ нашей кормежки, гостепріимный хозяинъ сталъ упрашивать мою мать послать за ней колясску; мать долго не соглашалась, но принуждена была уступить убѣдительнымъ и настоятельнымъ его просьбамъ. Между тѣмъ Д. предложилъ намъ посмотрѣть его садъ, оранжереи и теплицы. Не трудно было догадаться, что хозяинъ очень любилъ показывать и хвастаться своимъ домомъ, садомъ и всѣми заведеніями; онъ прямо говорилъ, что у него въ Никольскомъ все отличное, а у другихъ дрянь. „Да у меня и свиньи такія есть, какихъ здѣсь не видывали; я ихъ привезъ въ горницѣ на колесахъ изъ Англіи, у нихъ теперь особый домъ. Хотите посмотрѣть? Онѣ здѣсь не далеко. Я всякій день раза по два у нихъ бываю“. Отецъ съ матерью согласились, и мы пошли. Въ самомъ дѣлѣ, въ глухой сторонѣ сада стоялъ красивый домикъ. Въ передней комнатѣ жилъ скотникъ и скотница, а въ двухъ большихъ комнатахъ жили двѣ чудовищныя свиньи, каждая величиною съ небольшую корову. Хозяинъ ласкалъ ихъ и называлъ какими-то именами. Онъ особенно обращалъ наше вниманіе на ихъ уши, говоря: „посмотрите на уши, точно печные заслоны!“ Подивившись на свиней, которыя мнѣ не понравились, а показались страшными, пошли мы по теплицамъ и оранжереямъ: диковинныхъ цвѣтовъ, растеній, винограду и плодовъ было великое множество. Хозяинъ поспѣшилъ намъ сказать, что это фрукты поздней приставки, и что ранней — всѣ давно сошли. Туда Параша привела мою милую сестрицу, которая, издали увидѣвъ насъ, прибѣжала къ намъ, бѣгомъ, а Параша проворно воротилась. Д. рвалъ безъ разбора всякіе цвѣты и плоды и столько надавалъ намъ, что некуда было дѣвать ихъ. Только что воротились мы въ гостиную и сѣли отдохнуть, потому что много ходили, какъ вошелъ человѣкъ, богато одѣтый, точно нашъ уфимскій губернаторъ, и доложилъ, что кушанье поставлено. Я сейчасъ спросилъ тихонько мать: „кто это?“ и она успѣла шепнуть мнѣ, что это *главный оффиціантъ*. Я въ первый разъ услышалъ это слово, совершенно не понималъ его, и оно нисколько не рѣшало моего вопроса. Д. одну руку подалъ матери моей, а другою повелъ мою сестрицу. Пройдя нѣсколько комнатъ, одна другой богаче, мы вошли въ огромную, великолѣпную и очень высокую залу, такъ высокую, что вверху находился другой рядъ оконъ. Небольшой круглый столъ былъ убранъ роскошно: посрединѣ стояло прекрасное дерево съ цвѣтами и плодами; граненый хрусталь, серебро и золото ослѣпили мои глаза. Сестрицу мою хозяинъ посадилъ возлѣ себя и велѣлъ принесть для нея вышитую подушку. Только что подали стерляжью уху, которою заранѣе хвалился хозяинъ, говоря, что лучше Черемшанскихъ стерлядей нѣтъ во всей Россіи, какъ вдругъ задняя стѣна залы зашевелилась, поднялась вверхъ, и громъ музыки поразилъ мои уши! Передо мною открылось возвышеніе, на которомъ сидѣло множество людей, державшихъ въ рукахъ неизвѣстные мнѣ инструменты. Я не слыхивалъ ничего, кромѣ скрипки, на которой кое-какъ игрывалъ дядя, лакейской балалайки и мордовской волынки. Я былъ подавленъ изумленіемъ, уничтоженъ. Держа ложку въ рукѣ, я превратился самъ въ статую и смотрѣлъ, разинувъ ротъ и выпуча глаза, на эту кучу людей, то-есть, на оркестръ, гдѣ всѣ проворно двигали руками взадъ и впередъ, дули ртами, и откуда вылетали чудные, восхитительные волшебные звуки, то какъ будто замиравшіе, то превращавшіеся въ ревъ бури и даже въ громовые удары... Хозяинъ, замѣтя мое изумленіе, былъ очень доволенъ и громко хохоталъ,

напоминая мнѣ, что уха простынетъ. Но я и не думалъ объ ѣдѣ. Матери моей было непріятно мое смущеніе, или лучше сказать, мое изумленіе, и она шепнула мнѣ, чтобъ я пересталъ смотрѣть на музыкантовъ, а ѣлъ... Трудно было мнѣ вполнѣ повиноваться! Черпая ложкой уху, я безпрестанно заглядывался на оркестръ музыкантовъ и безпрестанно обливался. Д. еще громче хохоталъ, отецъ улыбался, а мать краснѣла и сердилась. Сестрица моя сначала такъ же была удивлена, но потомъ сейчасъ успокоилась, принялась кушать и смѣялась, глядя на меня. Не много съѣлъ я диковинной ухи и сдалъ почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Всѣ хвалили искусство музыкантовъ. Я принялся было усердно ѣсть какое-то блюдо, котораго я никогда прежде не ѣлъ, какъ вдругъ на возвышеніи показались двѣ дѣвицы, въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ, всѣ въ завитыхъ локонахъ; держа въ рукахъ какіе-то листы бумаги, онѣ подошли къ самому краю возвышенія, низко присѣли (я отвѣчалъ имъ поклономъ) и принялись пѣть. Мой поклонъ вызвалъ новый хохотъ у Д. и новую краску на лицо моей матери. Но пѣніе меня не увлекло: слова были мнѣ не понятны, а напѣвы еще менѣе. Я вспомнилъ пѣсни нашихъ горничныхъ дѣвушекъ и рѣшилъ, что Матрена поетъ гораздо лучше. Вслѣдствіе такого рѣшенія, я сталъ заниматься кушаньемъ и до конца обѣда уже не привлекъ на себя вниманія хозяина. Прежнимъ порядкомъ воротились мы въ гостиную. Послѣ кофе Д. предложилъ было намъ катанье на лодкѣ съ роговой музыкой по Черемшану, приговаривая, что „такихъ роговъ ни у кого нѣтъ“; но отецъ и мать не согласились, извинялись тѣмъ, что имъ необходимо завтра рано поутру переправиться черезъ Волгу. Д. не сталъ долѣе удерживать; очень ласково простился съ нами.

С. Аксаковъ.

Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ..
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!...

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя руки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;

И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, наполнялися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда-же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный,
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

Смерть Олега.

(По лѣтописи).

Однажды Олегъ вспомнилъ про коня, на котораго онъ уже давно не садился. А не садился онъ на него вотъ почему: какъ-то разъ спрашивалъ онъ волхвовъ и кудесниковъ: «отъ чего мнѣ назначено умереть?» а одинъ изъ кудесниковъ и сказалъ ему: «Князь! есть у тебя конь, на которомъ ты любишь ѣздить — такъ отъ него тебѣ смерть принять». Олегъ же взялъ это себѣ въ голову и сказалъ: «такъ не сяду же я на него никогда, и глядѣть на него больше не стану». И велѣлъ этого коня кормить, а къ себѣ не водить. Такъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, не видя его до тѣхъ поръ, пока пошелъ на Грековъ. А воротившись отъ Грековъ въ Кіевъ, прожилъ еще 4 года, и только на пятый вспомнилъ про коня своего, отъ котораго волхвы пророчили ему умереть. Призвалъ онъ самаго старшаго конюха и сказалъ: «гдѣ мой конь, котораго я поставилъ кормить и беречь, а къ себѣ не подводить?» Тотъ говоритъ: «умеръ». А Олегъ посмѣялся надъ кудесникомъ, говоря: «то-то не правду говорятъ волхвы, а все ложь». И велѣлъ осѣдлать себѣ коня: «поѣду, говоритъ, посмотрю на его кости».

Пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ были кости того коня и черепъ голый, слѣзъ съ коня и сказалъ съ усмѣшкой: «ужъ не отъ этого ли черепа смерть придетъ мнѣ?» И наступилъ на черепъ ногою. И выползла змѣя изъ черепа, и ужалила его въ ногу. Съ того онъ разболѣлся и умеръ. И понесли его съ плачемъ великимъ и похоронили его на горѣ Щековицѣ: и есть могила та и до сего дня—слыветъ Олеговой.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

(*1822 г.*).

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской броніѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,—

Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій
весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ
боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, парадость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни-же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И прящъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь
ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами
враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего“.

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный
слуга:
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.

„Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатымъ ков-
ромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите.“
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана,
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ
Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его
бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ бурный, иг-
ривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ
сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный ста-
рикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!“
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „сиръ, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обви-
лась:

И вскрикнулъ внезапно ужаленный
князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на ходмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

Первые христіанскіе мученики на Руси.

(Изъ лѣтописи Нестора).

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью. Въ семъ же лѣтѣ и Вятичи побѣди, и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отець его имаше.

Въ лѣто 6490. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимиръ, и побѣди е второе.

Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Явтяги, и побѣди Явтяги, и взя землю ихъ. И иде Кіеву, и твораше потребу *) кумиромъ съ людми своими, и рѣша старци и боляре: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идѣже есть церкви Святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ; бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребій по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и се бяшеть ему аки тернъ въ сердци, тыцающеся потребити окаяньный и наусти люди. Рѣша пришедше посланіи къ нему: «яко паде жребій на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ». И рече Варягъ: «не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгніѣеть; не ядять бо, ни пьютъ, ни молвять, но суть дѣлани руками въ деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жить на земли; а си бози что дѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружіе, поидоша на нь, и розъяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «вдай сына своего, да вдамы богомъ». Онъ же рече: «аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете»? И кликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никто же, гдѣ положиша я. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси *) и погани; дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестеяньскій, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и въ онѣхъ странахъ; сдѣ-же мняшеся оканьный: яко сдѣ ни есть жилище, сдѣ бо не суть Апостоли учили, ни Пророци пророкли. Невѣдый Пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя; о Апостолѣхъ бо рече: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и въ конець вселенныя глаголи ихъ. Аще и тѣломъ Апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй въ церквахъ. Имь же ученьемъ побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ ноги: якоже попраста и си пріемше вѣнець небесный съ святыми мученики и праведники.

*) *Потреба*—треба, жертва.

*) *Невѣголоси*—несвѣдующіе, невѣжи.

Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими геронми древнихъ и новыхъ временъ, любилъ войну. Польскіе Славяне Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Исторіи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ Польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ

завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ государству Польскому. Онъ взялъ города *Червень* (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались *Червенскими*. Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну Ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа Латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владиміру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровію человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ *бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ—и жребій палъ на юнаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею, коего отецъ былъ Христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли Христіанство; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ Варяжскаго Христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: „ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами изъ„влекутъ его изъ моихъ объятій". Народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына, которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками Христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ Святыми, подъ именемъ Ѳеодора и Іоанна.

Карамзинъ.

Житіе преподобнаго Ѳеодосія, игумена Кіево-Печерскаго.

(Нестора).

Предисловіе. Благодарю тебя, Господи, Владыко мой, Іисусе Христе, что удостоилъ меня повѣдать святыя Твои тайны объ угодникахъ. Ибо вотъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; теперь понудилъ я себя приступить и къ другому письменному повѣствованію. Оно превышаетъ мои силы, я недостоинъ того, будучи грубъ и неразуменъ, къ тому-же и необученный наукамъ; но я вспомнилъ слово твое: *аще имате вѣру, яко и зерно синапно, и рцете горѣ сеи, прейди и вверзися въ море, и абіе послушаетъ васъ* (Матѳ. 17, 20). Размысливъ объ этомъ, я, грѣшный Несторъ, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все возможно для Тебя, положилъ начало письменному повѣствованію о житіи Преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, бывшаго игумена сего Печерскаго монастыря... Братіе, когда я вспомнилъ, что жизнь Преподобнаго никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по порядку описать, что относится до жизни богоносца нашего Ѳеодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблесть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника его, и укрѣпились на подвигъ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій... О немъ теперь начну повѣствовать съ самаго перваго возраста Ѳеодосія. Послушайте, братіе, со всѣмъ прилежаніемъ, поелику это повѣствованіе весьма полезно для всѣхъ слушающихъ. Прошу-же васъ, возлюбленные, не осудите моего невѣжества; потому что я, проникнутый любовью къ Преподобному, рѣшился написать все то, что относится до Святаго.

Рожденіе и дѣтскій возрастъ. Есть городъ, отстоящій отъ столичнаго го-

рода Кіева въ 50 поприщахъ, по имени Василевъ. Въ немъ жили родители святаго, просвѣщенные христіанскою вѣрою и украшенные благочестіемъ. Здѣсь родили они блаженное дитя. Отрокъ росъ, воспитываемый родителями. Благодать Божія была съ нимъ и Духъ Святый измлада вселился въ немъ. Кто повѣдаетъ милосердіе Божіе! Ибо вотъ Богъ не избралъ пастыря и учителя иноковъ ни изъ премудрыхъ философовъ, ни изъ городскихъ властелиновъ; но да прославится имя Господне въ томъ, что, будучи грубымъ и необразованнымъ, явился мудрѣе философовъ. — Родители блаженнаго, по повелѣнію князя, или лучше, по волѣ Божіей, переселились въ другой городъ, именемъ Курскъ. Возрастая тѣломъ и душею, блаженный отрокъ каждый день ходилъ въ церковь, чуждался дѣтскихъ игръ, носилъ худую и закрытую заплатами одежду. Къ этому онъ просилъ родителей отдать его къ какому-либо учителю для обученія его чтенію божественныхъ книгъ, что и было исполнено: и весьма скоро выучилъ преподаваемую ему науку, такъ что всѣ дивились разуму дитяти и скорому его обученію.

Кончина отца. Намѣреніе поститъ Іерусалимъ. Печеніе просфоръ. Удаленіе въ другой городъ къ пресвитеру. Служеніе при храмѣ властелина. По четырнадцатому году лишился Ѳеодосій отца. Съ того времени онъ еще болѣе сталъ трудиться и ходилъ на село съ рабами и работалъ со всякимъ смиреніемъ. Мать противилась этому, требовала, чтобы сынъ оставался дома и носилъ приличную одежду, говоря, что своими поступками онъ подвергаетъ безчестію и себя и своихъ родственниковъ. Когда онъ не повиновался ей, она часто била его, ибо была здорова, сильна, какъ мужчина, такъ что если бъ кто, не видѣвъ ее, услышавъ бы разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину. Благоговѣйный же юноша размышлялъ, какъ и какимъ образомъ спастись ему? Узнавъ, что въ ихъ городѣ находятся странники отъ святыхъ мѣстъ, Святой тайно отъ матери ушелъ съ ними, упрося ихъ быть имъ спутникомъ. Но благій Богъ не допустилъ удалиться изъ страны сей тому, котораго отъ материнаго чрева назначилъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ. — Мать догнала его, въ сильномъ гнѣвѣ била его и воротила домой и привязаннаго заперла въ отдѣльной горницѣ. Черезъ два дня развязала его, но заковала ноги въ желѣза, боясь, чтобы онъ не ушелъ. Потомъ, смиловшись надъ сыномъ, стала ласково уговаривать его, чтобы онъ не уходилъ отъ нея, поелику она любила его болѣе всѣхъ и потому не могла быть безъ него. Давъ обѣщаніе не уходить, блаженный Ѳеодосій снова обратился къ прежнему подвигу, сталъ посѣщать ежедневно церковь Божію и рѣшился посвятить себя печенію просфоръ, въ коихъ онъ видѣлъ часто недостатокъ. Сверстники его смѣялись надъ такимъ занятіемъ, но блаженный все это переносилъ съ радостью и молчаніемъ. И мать, не терпя видѣть сына въ такомъ положеніи, начала уговаривать сына оставить такое занятіе, ибо оно наноситъ безчестіе всему роду ихъ. Божественный Ѳеодосій примѣромъ Спасителя убѣдилъ мать оставить свои внушенія. Но, спустя годъ, мать снова стала возбранять ему, иногда ласкою, иногда и побоями, чтобы онъ оставилъ такое занятіе. Тогда блаженный юноша тайно ушелъ изъ дому и въ ближайшемъ городѣ поселился у пресвитера, занимался, по обыкновенію, дѣломъ своимъ. Чрезъ нѣсколько дней мать узнала, гдѣ скрывается онъ, и воротила домой съ побоями. Приведя въ домъ, сказала: смотри, не уходи отъ меня; иначе куда бы ты ни ушелъ, я найду тебя, свяжу и съ побоями притащу въ свой городъ. Тогда блаженный Ѳеодосій сталъ молиться Богу и всякій день ходилъ въ церковь. Видя его смиреніе, властелинъ того города сильно полюбилъ его и повелѣлъ ему быть въ своей церкви; давалъ ему чистыя одежды, но блаженный Ѳеодосій препоясался желѣзными цѣпями, и желѣзо, будучи узко, въѣдалось въ тѣло его. Въ одинъ праздникъ, когда всѣ знатные города обѣдали у властелина и Ѳеодосію повелѣно было предстоять и служить, мать заставила его надѣть чистую одежду и тутъ то замѣтила на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза, съ запальчивостію разорвала

рубашку, била его и сорвала желѣзы. Блаженный Ѳеодосій, какъ будто ничего худаго съ нимъ не было, одѣлся и пошелъ скромно и служилъ гостямъ спокойно.

Удаленіе въ Кіевъ, поселеніе въ пещеры и постриженіе матери. Спустя нѣсколько времени блаженный, воспользовавшись уходомъ матери, тайно вышелъ изъ дому и устремился къ городу Кіеву, по слуху слышалъ о находящихся тамъ монастыряхъ. Съ обозами купцевъ прибылъ онъ въ Кіевъ и обходилъ всѣ монастыри, прося иноковъ принять его. Они же, видѣвъ простаго отрока, одѣтаго въ худыя одежды, не хотѣли принять его. Услышавъ о блаженномъ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ, Ѳеодосій поспѣшилъ къ нему и просилъ у него остаться съ нимъ. Великій Антоній, прозрѣвъ въ Ѳеодосіи будущаго подвижника, принимаетъ его и повелѣлъ Никону пресвитеру постричь его. Мать долго искала сына и плакала по немъ, какъ по мертвомъ. По всей странѣ было заповѣдано, что если кто гдѣ увидитъ отрока, пришелъ бы и сказалъ матери, а за извѣстіе получитъ награду. Узнавъ, наконецъ, что сына видѣли въ Кіевѣ, отправляется туда. Обошла всѣ монастыри и наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ туда, вызываетъ старца Антонія и проситъ, чтобы онъ показалъ ей ея сына. Преподобный Антоній не могъ уговорить Ѳеодосія выйти повидаться съ матерью. Тогда она не съ смиреніемъ стала говорить старцу, но бричала съ гнѣвомъ: обидѣлъ меня, старецъ, взялъ сына моего, скрылъ въ пещерѣ и не хочетъ мнѣ показать его; выведи мнѣ, старецъ, сына, я не могу быть жива, если не увижу сына; покажи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби; сама себя погублю предъ дверьми сей пещеры. Тогда Антоній, въ сильной скорби, вошелъ въ пещеру и просилъ блаженнаго выйти къ ней. Онъ, не желая ослушаться его, вышелъ къ ней. Увидѣвъ изнеможеннаго трудами сына, мать обняла его и горько плакала, и уговаривала воротиться домой и пробыть съ нею до ея смерти только. Блаженный же говорилъ ей, если хочешь видѣть меня каждый день, иди и постригися въ какомъ либо женскомъ монастырѣ. Если сего не сдѣлаешь, не увидишь лица моего. Спустя нѣкоторое время мать преподобнаго принимаетъ постриженіе въ женскомъ монастырѣ св. Николая. Вотъ житіе блаженнаго отца нашего Ѳеодосія отъ младенческаго возраста до прибытія въ пещеры, мать его повѣдала о всемъ этомъ одному изъ братій, именемъ Ѳеодору, который былъ келаремъ при отцѣ нашемъ Ѳеодосіи, а я слышалъ все это отъ него и, когда разсказывалъ онъ, я записалъ на память всѣмъ почитающимъ его.

Обстоятельства до избранія Ѳеодосія въ игумены. Святой отецъ нашъ Ѳеодосій явился въ пещерѣ побѣдоносцемъ надъ злыми духами. Послѣ постриженія матери, онъ началъ еще болѣе подвизаться въ трудахъ. Тогда можно было видѣть три великія свѣтила въ пещерѣ: преподобнаго Антонія, блаженнаго Ѳеодосія и великаго Никона. Въ то время былъ у князя Изяслава первымъ изъ бояръ именемъ Іоаннъ. Сынъ его часто приходилъ къ преподобнымъ наслаждаться ихъ бесѣдою и восхотѣлъ остаться жить съ ними. Антоній предостерегалъ его; но, видя непреклонное желаніе отрока, повелѣлъ Никону постричь его. Сей постригъ его и наименовалъ Варлаамомъ. Въ то же время слуга изъ княжескаго дома, любимецъ князя, принялъ постриженіе и нареченъ Ефремомъ. Не прилично скрывать, какія непріятности навлекъ врагъ на преподобныхъ чрезъ этихъ двухъ людей. Князь Изяславъ, узнавъ случившееся съ бояриномъ и слугою, сильно раздосадовался и повелѣлъ привести того, кто осмѣлился сдѣлать это. Присланные привели Никона. Князь съ гнѣвомъ объявилъ Никону: или иди уговори ихъ возвратиться въ домъ, или я тебя пошлю въ заточеніе и велю раскопать вашу пещеру. На это Никонъ отвѣтствовалъ: что угодно будетъ тебѣ государь, то и твори, а отклонять воиновъ отъ Царя небеснаго не мое дѣло. Узнавъ объ этомъ, Антоній и другіе съ нимъ собрались уйти въ другую обитель. Жена князя уговорила его отложить свой гнѣвъ: въ нашей сторонѣ, говорила она, когда ушли чер-

нецы отъ нѣкоторой бѣды, много отъ этого послѣдовало несчастій. Князь убоялся гнѣва Божьяго и оставилъ иноковъ въ покоѣ. Но боярин Іоаннъ, увидѣвъ, что князь Изяславъ не причинилъ никакого вреда инокамъ, самъ съ своими отроками силою вошелъ въ пещеру вывелъ изъ нея сына своего Варлаама. Три дня продержалъ отецъ сына дома, тотъ сидѣлъ молча и не вкушалъ пищи,—и рѣшился отпустить его назадъ, опасаясь чтобы онъ не умеръ отъ голода. Въ то время великій Никонъ и другой инокъ монастыря св. Мины, бояринъ, удалились изъ Кіева: бояринъ на пути къ Константинополю нашелъ островъ среди моря и поселился на немъ, а великій Никонъ отошелъ на островъ Тмуторакань и основалъ здѣсь монастырь. *Но множествомъ повѣствованій мы отдалились отъ своего предмета; теперь возвратимся къ нему, не уклоняясь болѣе къ постороннему.* По удаленіи отцевъ этихъ, блаж. Ѳеодосій поставленъ былъ пресвитеромъ. Преп. Антоній, поелику привыкъ жить одинъ, затворился въ одной кельѣ въ пещерѣ и на свое мѣсто поставилъ начальникомъ братіи Варлаама, сына боярина Іоанна. Оттуда пр. Антоній удалился на другой холмъ, выкопалъ себѣ пещеру и жилъ въ ней безвыходно, гдѣ и нынѣ почиваетъ его честное тѣло. Въ то время блаж. Варлаамъ устроилъ надъ пещерою небольшую церковь во имя св. Богородицы. Съ того времени сіе мѣсто стало на виду для всѣхъ, а прежде оно многимъ было неизвѣстно.

Ѳеодосій—игуменъ. Построеніе деревяннаго храма и монастыря. Студійскій уставъ. Возвращеніе Никона. По прошествіи нѣкотораго времени, блаж. Варлаамъ, по повелѣнію князя, былъ переведенъ въ монастырь св. Димитрія. Тогда братія возвѣстила Антонію, что они избираютъ себѣ игуменомъ Ѳеодосія. Отецъ нашъ Ѳеодосій хотя и принялъ начальство, но не перемѣнилъ своего смиренія, имѣя всегда въ памяти сказанное Господомъ: *иже хощетъ въ васъ быти старѣе, буди всѣхъ мній, и всѣмъ слуга* (Мат. 29. 26). Когда увеличилось число братіи, тогда блаж. Ѳеодосій нашелъ близъ пещеры чистое мѣсто и здѣсь соорудилъ монастырь, и переселился въ него съ братіею въ 1062 году. Съ сего времени то мѣсто возросло и сталъ знаменитый монастырь, до сего времени называемый Печерскимъ. Послѣ сего онъ послалъ одного изъ братій въ Константинополь къ Ефрему скопцу, чтобы сей, списавъ весь Студійскій уставъ, прислалъ его къ нему. Ефремъ исполнилъ повелѣніе преподобнаго. Преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій каждый годъ въ мясопустную недѣлю отходилъ въ пещеру и затворялся въ ней до вербной недѣли. Въ этой пещерѣ злые духи причиняли ему много печали, но благодатію Христовою онъ побѣдилъ ихъ и пріобрѣлъ надъ ними власть. Каждую ночь великій Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе посѣщать всѣ келліи монаховъ и предлагалъ имъ поученія. Между прочимъ преп. Ѳеодосій запретилъ привратнику, чтобы послѣ обѣдни и до вечерни ни для кого ни отворять воротъ. Въ одинъ день въ полдень пріѣхалъ съ немногими отроками князь Изяславъ. Привратникъ, не узнавъ князя, не пустилъ его; когда князь объявилъ, кто онъ, и тутъ привратникъ предварительно побѣжалъ сказать о семъ блаженному. Князь, стоя за воротами, ожидалъ. Блаженный Ѳеодосій вышелъ и поклонился князю. Князь сказалъ ему: отче, что это у тебя за запрещеніе, о которомъ говорятъ сей черноризецъ: если и князь придетъ, то не впускать его? Блаженный отвѣтствовалъ: для того такое повелѣніе, добрый государь, чтобы братія не выходила изъ монастыря въ полуденное время, ради ночнаго славословія. Съ того дня князь еще болѣе началъ любить Ѳеодосія и почиталъ его за одного изъ первыхъ святыхъ отцовъ и исполнялъ съ точностью все, что ни повелѣвалъ ему великій отецъ нашъ Ѳеодосій. Въ то время скончался блаженный Варлаамъ и заповѣдалъ проводить тѣло его въ монастырь св. Ѳеодосія. Въ это время по смерти Ростислава, князя острова Тмутороканя, жители тѣ упросили Никона сходить къ князю Святославу просить его отпустить къ нимъ сына на княженіе. Преп. Никонъ, придя въ Кіевъ, видѣлся съ Ѳеодосіемъ и далъ обѣтъ не разлучаться съ нимъ болѣе:

дойду, говорилъ онъ, до монастыря своего, все устрою въ немъ и тотчасъ возвращуся назадъ. Исполнивъ свое обѣщаніе, Никонъ отдалъ все свое блаженному, а самъ со всею радостію повиновался ему. Блаженный Ѳеодосій любилъ его и почиталъ, какъ отца. Иногда самъ онъ поучалъ братію, а иногда приказывалъ великому Никону, а иногда Стефану, бывшему, по смерти Ѳеодосія, игуменомъ сего монастыря. Сказавъ это о нихъ, я буду говорить объ одномъ блаженномъ Ѳеодосіи, какъ отецъ нашъ Ѳеодосій явилъ въ себѣ достойнаго начальника, по благодати Божіей.

Примѣры смиренія. Чудеса. Въ одинъ день, предъ наступленіемъ праздника Св. Богородицы, когда не было воды, прежде помянутый Ѳеодоръ, бывшій тогда келаремъ, *который много сообщилъ мнѣ* о прославномъ семъ мужѣ, пошелъ и сказалъ блаженному Ѳеодосію, что некому принесть воды. Блаженный тотчасъ всталъ и началъ носить воду изъ колодца. Братія, увидѣвъ это, поспѣшно прибѣжали и съ избыткомъ наносили воды. Въ другой разъ преп. Ѳеодосій, вмѣсто того чтобы приказать кому-либо изъ братій, самъ отправился рубить дрова. Таково было усердіе къ Богу блаженнаго духовнаго отца нашего Ѳеодосія. Онъ творилъ себя послѣднимъ изъ всѣхъ, и всѣмъ трудящимся подавалъ примѣръ. Много разъ, когда великій Никонъ сидѣлъ и *переплеталъ книги*, блаженный сидѣлъ при немъ и прялъ нитки, необходимыя для сего дѣла. Въ одинъ день великій Ѳеодосій по нѣкоторому дѣлу былъ у князя Изяслава, который далеко жилъ отъ города. Тамъ пробылъ онъ до вечера. Князь повелѣлъ отвезть его въ возкѣ до монастыря. Во время пути везшій его, видя его въ плохой одеждѣ, счелъ его за одного изъ бѣдняковъ и сказалъ ему: черноризецъ! ты всякій день свободенъ, а я живу въ трудахъ и вотъ не могу ѣхать на конѣ; пусть я лягу въ возкѣ, а ты можешь ѣхать на конѣ. Блаженный смиренно сѣлъ на коня, а тотъ легъ въ возкѣ. Когда начиналъ онъ дремать, то слѣзалъ съ коня, шелъ пѣшкомъ; когда же утомлялся, опять садился на коня. Когда взошла заря и вельможи ѣхали къ князю, то, издали узнавая блаженнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Преподобный сказалъ тогда отроку: уже разсвѣло, сядь на коня своего. Тотъ, видя, что всѣ кланяются иноку, смутился и сѣлъ на коня. Когда же пріѣхали они въ монастырь и вся братія, вышедъ поклонилась Ѳеодосію до земли, то отрокъ еще болѣе ужаснулся. Кто это такой, думалъ онъ, что ему всѣ кланяются? Преподобный же взялъ его за руку, повелъ въ трапезу и послѣ того наградилъ его кунами. Преподобный не сказалъ о случившемся въ дорогѣ братіи, но возница самъ разсказалъ объ этомъ братіи. Повседневно отецъ Ѳеодосій поучалъ братію не превозноситься ничѣмъ и укрѣплялъ тѣхъ, кого смущали бѣсовскія мечтанія. Вотъ что *сообщилъ мнѣ* инокъ Иларіонъ. Онъ хорошо умѣлъ писать книги и ночь и день писалъ ихъ въ кельѣ блаженнаго Ѳеодосія, а сей тихо читалъ псалтирь, а руками прялъ волну. Такъ въ одинъ вечеръ, когда каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ, входитъ экономъ и говоритъ: завтра не имѣю на что купить пищи. По молитвѣ блаженнаго, свѣтлый отрокъ, въ одеждѣ воина, вошелъ въ келью, положилъ, молча, на столъ золотую гривну и вышелъ. *Много и другихъ* чудесъ совершено было по молитвѣ преподобнаго Ѳеодосія.

Отношеніе къ князю Святославу. Основаніе каменной церкви. Забота о несчастныхъ, кончина. Въ то время произошло по навѣтамъ вселукаваго врага смятеніе между тремя князьями, братьями по плоти; возстали они на одного старшаго, христолюбиваго Изяслава, который и выгнанъ былъ изъ столичнаго города *). Когда они взошли въ городъ, то послали за блаженнымъ Ѳеодосіемъ, прося его придти на обѣдъ и быть участникомъ въ неправедномъ совѣтѣ. Преподобный отказался и писаніями обличалъ Святослава. Святославъ сильно разгнѣвался на Ѳеодосія и всѣ ждали, что блаженный будетъ осужденъ на заточеніе. Слышавъ объ этомъ, блаженный радовался духомъ.

*) Это было въ 1073 году.

Но князь ничего не дерзнулъ сдѣлать противъ Ѳеодосія, и по прошествіи нѣкотораго времени самъ поѣхалъ въ монастырь и кротко бесѣдовалъ съ Ѳеодосіемъ. Съ того времени пр. Ѳеодосій и самъ посѣщалъ Святослава и князь отказывался для него отъ своихъ обычныхъ потѣхъ. Святославъ всегда съ радостію принималъ блаженнаго. При всемъ томъ преподобный Ѳеодосій напоминалъ ему о Изяславѣ и въ своемъ монастырѣ повелѣлъ поминать Изяслава какъ старшаго князя, а сего Святослава не велѣлъ вспоминать; только послѣ, едва бывъ упрошенъ братіею, повелѣлъ и его вспоминать съ нимъ; однако же прежде Изяслава, и потомъ и сего князя. Великій Никонъ, видя такое смятеніе между князьями, съ двумя иноками отошелъ на вышесказанный островъ, гдѣ основалъ монастырь. Въ то время отецъ нашъ Ѳеодосій, исполнившись Духа Святаго, началъ при благодати Божіей подвизаться, чтобы переселиться ему въ другое мѣсто и основать большую каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы. Для сооруженія церкви одни показывали одно мѣсто, а другіе другое; но изъ всѣхъ мѣстъ ни одно не было подобно княжескому полю, вблизи находящемуся. По устроенію Божію, князь Святославъ отдалъ это поле монастырю и самъ положилъ начало основанію церкви. Блаженный Ѳеодосій самъ каждый день подвизался и трудился вмѣстѣ съ братіею при сооруженія сего храма, хотя и не окончилъ его при своей жизни; послѣ его смерти, по принятіи игуменства Стефаномъ, при помощи Божіей и молитвами преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, окончена работа и сооруженъ храмъ. Многіе изъ простыхъ укоряли пр. Ѳеодосія и все это переносилъ онъ съ радостью, многократно терпѣлъ и отъ учениковъ своихъ укоризны и досады, не смотря на это, онъ молилъ Бога за всѣхъ. Многіе издѣвались надъ нимъ и укоряли за худую одежду. Многіе, видя его въ такой одеждѣ, не узнавали. Однажды, когда онъ шелъ въ работающимъ въ церковь, встрѣтила его убогая вдова, обиженная судьею, и сказала самому блаженному: черноризче! скажи мнѣ, дома ли вашъ игуменъ? Блаженный сказалъ ей: чего ты просишь отъ него? онъ человѣкъ грѣшный. Жена же сказала ему: грѣшенъ ли онъ, я не знаю; но только знаю то, что онъ многихъ избавляетъ отъ печали и напасти; для этого я и пришла, чтобъ онъ помогъ ей. Блаженный, узнавъ ея дѣло, сжалился надъ нею и сказалъ: жена, иди въ домъ свой, и когда придетъ игуменъ нашъ, я скажу ему о тебѣ, и онъ избавитъ тебя отъ напасти. Слыша сіе, жена возвратилась въ домъ свой, а блаженный пошелъ къ судьѣ, говорилъ въ защиту ея и избавилъ ея отъ насилія. Судья тогда же послалъ удовлетворить ее, въ чемъ ей была обида. Такимъ заступникомъ блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій былъ для многихъ предъ судьями и князьями, и избавлялъ ихъ, поелику ни въ чемъ не хотѣли ослушаться его, зная, что онъ праведенъ и святъ. — Когда достигъ онъ конца жизни, то напередъ узналъ о своемъ отшествіи къ Богу и днѣ покоя своего, ибо для праведныхъ смерть есть покой. Тогда повелѣлъ собрать всю братію, находящуюся въ селахъ, или ушедшихъ за другимъ какимъ дѣломъ. Созвавъ всѣхъ, поучалъ тіуновъ, приставниковъ и слугъ, чтобы каждый изъ нихъ выполнялъ свою службу и училъ всѣхъ со слезами тому, что относится до спасенія. Еще при жизни Ѳеодосія братія избрала ему преемника Стефана. Блаженный благословилъ этотъ выборъ, поучалъ Стефана и всю братію, и затѣмъ скончался мая 7 дня 1074 года. По смерти блаженнаго Ѳеодосія принялъ игуменство Стефанъ. По навѣтамъ ненавистника добра произошло въ монастырѣ смятеніе, братія удалили отъ себя Стефана и изгнали изъ монастыря ни съ чѣмъ. Многіе изъ бояръ, дѣти его по таинству покаянія, весьма сожалѣли, что духовный отецъ ихъ, поставленный блаженнымъ Ѳеодосіемъ, такъ посрамленъ и изгнанъ изъ монастыря, подавали ему отъ имѣній своихъ и Стефанъ основалъ для себя монастырь на Кловѣ, построилъ церковь во имя св Богородицы и наименовалъ то мѣсто Влахерною, по подобію находящагося въ Константинополѣ. А въ монастырѣ блаженнаго Ѳеодосія съ совѣта всѣхъ,

поставили себѣ игуменомъ великаго Никона, ибо онъ по успеніи блаженнаго, изъ Тмутораканскаго пришелъ въ свой монастырь; и это, какъ думали, случилось по Божію изволенію, поелику онъ былъ старше всѣхъ, и блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій отъ его руки сподобился принять ангельскій образъ. Много разъ покушался врагъ воздвигнуть смятеніе и вражду противъ него, но не успѣлъ.

Заключеніе. Здѣсь оканчиваемъ мы повѣствованіе свое. О томъ, что относилось до блаженнаго Ѳеодосія, я, испытывая, слышалъ отъ старшихъ меня отцевъ, бывшихъ въ то время, и такимъ образомъ, я, грѣшный Несторъ, написалъ, будучи меньшимъ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца Ѳеодосія. Я принятъ былъ въ оный преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, имъ былъ постриженъ, удостоенъ монашеской одежды, и имъ возведенъ въ дьяконскій санъ, котораго я не былъ достоинъ, будучи грубъ, и необразованъ, особенно же исполненъ множества грѣховъ отъ юности. Составилъ я это жизнеописаніе по волѣ Божіей и изъ любви; ибо когда я много разъ слышалъ отъ братій о добромъ и чистомъ житіи преп. и богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, то радовался, что такъ потрудился онъ и пожилъ въ послѣднемъ вѣкѣ. Опять же когда слышалъ, что никѣмъ не описано о томъ, что печаль и скорбь поражали душу мою; а потому я, будучи объятъ любовью къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, рѣшился отъ грубости сердца своего слышанное о немъ изъ многаго написать не многое во славу и честь великому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

Карамзинъ.

Куликовская битва.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!“ 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димит-

рій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“, говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу-ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила“, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: видѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, видѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня; сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время!“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана, смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою воскликнулъ: „великій Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взяли станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ разными драгоцѣнностями. Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, совершивъ побѣду, сталъ „на костяхъ“, или на полѣ битвы, подъ черными знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ вашей славы?“ Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли Великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Дмитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ и знамена христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, торусскій Ѳеодоръ и Мстиславъ, доро-

тобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысяцкаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михайлъ, Андрей Серкизъ, Волуй Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева священновитязя, Ослябя, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

Карамзинъ.

Покореніе Казани.

Приступая къ описанію достопамятной осады казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста—и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры. Но народъ въ пылу геройства не чувствовалъ своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то онъ исчислялъ безуспѣшные приступы наши къ его столицѣ и говорилъ: „не въ первый разъ увидимъ москвитянъ подъ стѣнами, не въ первый разъ побѣгутъ восвояси, и будемъ смѣяться надъ ними!“ Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

10-го августа, государь съ 150,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги. Строго запрещено было чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 13-го августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Всѣ наблюдали устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ — и полки стали, ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ, славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ.

Россіяне обступили Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана. Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрипѣли, отворились ворота и 15,000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подосшло нѣсколько дѣтей болрскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя копницы, стояли грудью: побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ: что мы, не имѣя хлѣба,

должны удалиться со стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью.

Весь городъ былъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ: не было пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Болярин Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста пятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдохнуть и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удалиться отъ стана: князь Япанча, опасный татарскій наѣздникъ, стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, кн. Александръ расположился за горами, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали въ поле. Тогда кн. Шемякинъ съ полкомъ своимъ изъ засады устремился на татаръ; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ: однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію, хвалилъ ихъ умъ, доблесть, съ живѣйшимъ восторгомъ, изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ.

Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ предъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умоляли казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: „Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему“. Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ на своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!». Сіе остервенѣніе удивило россіянъ и государя. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, Іоаннъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, т. е. инженеру, дѣлать подкопъ. Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа, близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его.

Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней, услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою, вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ и трескомъ разорвало землю: тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлѣтѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ, ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6-го сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому-Шуйскому взять

острогъ, сдѣланный казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и, въ слѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дербь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе къ Арскому городу мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи, брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенья, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ — куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожали станъ. Полкъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ съ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками: сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ привезти изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне построили тайно, въ верстахъ двухъ за станомъ, башню вышиною въ шесть саженъ: ночью подвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ царскимъ воротамъ, поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ, копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно: уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, пищалей затинныхъ, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

Ни россіяне, ни казанцы не думали объ успокоеніи. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеры кончили дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ построенномъ вновь подкопѣ. Казанцы стояли на стѣнахъ, россіяне передъ ними. Звучали только бубны и трубы непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: „Да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, грянулъ пальный

громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и падали на городъ; священное служеніе прервалось въ церкви.

Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго, и тогда, воскликнувъ: «съ нами Богъ!» полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопияли: «Алла, Алла!», призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось: многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: они кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ, несли другъ друга на головахъ, на плечахъ, бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ свою литургію, причастясь святыхъ тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на брапномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но сія побѣда не была еще рѣшена совершенно. Отчаянные татары, сломленные, низверженные сверху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ христіанами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили татаръ. Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки; и самые чиновники, коимъ приказалъ государь идти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть.

Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые, и изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ. Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну, и вопили: «сѣкутъ! сѣкутъ!» Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе. «Съ нимъ были», пишетъ Курбскій, «великіе синклиты, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ».

Государь взялъ святую хоругвь и сталъ предъ царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, какъ буря, грянуло на татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступили до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные, и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили россіянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

Едигеръ съ остальными казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворцѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота... тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья еще бились усильно; наконецъ вышли, числомъ 10.000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своимъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Дмитрій

Палецкій, остановилъ сѣчу. „Слушайте“, сказали казанцы: „доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ и царя, живаго, не уязвленнаго: ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“.

Вмѣстѣ съ Едигиромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго вельможу, или карача, именемъ Заніеша и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ, и начали снова стрѣлять. Татаръ было еще 5,000 и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти; спѣшили къ густому, темному лѣсу; остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для россіянъ. Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ татаръ отъ лѣса: воины настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненые.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча перестала, но кровь лилась; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворъ царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми отъ крѣпости до Казанки; далѣе, на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

Карамзинъ.

Избраніе Годунова на царство.

(1598 г.).

Въ девятый день по кончинѣ царя*) объявили торжественно, что Ирина**) отказывается отъ царства.

Въ тотъ же день она выѣхала изъ дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ инокинь. Россія осталась безъ главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи.

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной кельѣ монастырской твердою рукою держалъ царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, духовенство, чиновники и граждане собрались въ Кремлѣ, гдѣ государственный дьякъ и печатникъ, Василій Щелкаловъ, вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами царства, и что народъ долженъ присягнуть боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: „и такъ да царствуетъ братъ ея!“ Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолствовать: всѣ восклицали: „да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!“ Немедленно, *всѣмъ соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ монахиню Александру благословить ея брата на царство.

Такъ совершилось желаніе властолюбца!.. Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много князей и бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и

*) Ѳеодора Іоанновича.
**) Вдова Царя Ѳеодора Іоанновича.

въ личныхъ достоинствахъ; но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о государствѣ еще ревностнѣе прежняго. На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою; убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе—ни предъ лицомъ народа, ни безъ свидѣтелей, ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но патріархъ и бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Ѳеодора, то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ. Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду послалъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ: сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ—для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія?

Въ пятницу, 17 февраля, открылась въ Кремлѣ Дума земская или государственный соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго духовенства, синклита, двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ.

Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: „Россія, тоскуя безъ царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости собора. Вы, святители, архимандриты, игумены, вы, бояре, дворяне, люди приказные, дѣти боярскіе и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всей земли русской! объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, кому быть у насъ государемъ. Мы же, свидѣтели преставленія царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича не должно искать другаго самодержца“. Тогда все духовенство, *бояре*, *воинство и народъ* единогласно отвѣтствовали: „нашъ совѣтъ и желаніе то же: немедленно бить челомъ государю Борису Ѳеодоровичу, и мимо его не искать другаго властителя для Россіи“. Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ.

Въ слѣдующій день, февраля 18, въ 1-й часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, духовенство, синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы Правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дня, и февраля 20, Іовъ, святители, вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Ѳеодорова трона ужасаютъ его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли—и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ боярами уставили пѣть, 21 февраля, во всѣхъ церквахъ *праздничный молебенъ*, и съ обрядами торжественными, съ святынею вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденія и плача надъ сердцемъ Борисовымъ.

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію—и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля, народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и владыка несли иконы, знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ и воинство, приказы, *выборы* городовъ; за ними устремились и всѣ жители московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю. Соборомъ отпѣвъ литургію, патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи царицы: тамъ со

всѣми святителями и вельможами преклонилъ главу до земли... и въ то самое мгновенье, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ*: всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ, рыдая, заклиналъ царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли,—именемъ Христа Спасителя, церкви, Россіи, дать милліонамъ православныхъ *государя благонадежнаго*, ея великаго брата... Наконецъ услышали слово милости; глаза царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами; печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, она дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лице ангельское. Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ, какъ бы въ сокрушеніи духа, воскликнулъ: „Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюся Тебѣ, исполняя желаніе народа“. Святители, вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и царицу, патріархъ спѣшилъ возвѣстить дворянамъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога; плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава!... слава!*... Окруженный вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на государство московское и всея Россіи; нарекъ царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

26 февраля, Борисъ въѣхалъ въ столицу: былъ встрѣченъ торжественно, отстоялъ молебенъ въ храмѣ Успенія (гдѣ патріархъ вторично благословилъ его на царство) и возвратился снова въ Новодѣвичій монастырь, сказавъ Іову и епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирину въ ея скорби.

Святители, вельможи тщетно убѣждали царя оставить печальную для него обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ; Борисъ отвѣтствовалъ: „не могу разлучиться съ великою государынею, моею сестрою злосчастною“ — и даже снова, неутомимый въ лицемѣріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть царемъ. Но Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе государю! Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея исторіи. Въ часъ утра духовенство съ крестами и съ иконами, синклитъ, дворъ, приказы, воинство, всѣ граждане ждали царя у каменнаго моста, близъ церкви св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, ангеловъ красотою. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ патріархъ возложилъ ему на грудь животворящій крестъ св. Петра митро-

полита (что было уже началомъ царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на великое государство Московское. Отслушавъ литургію, новый самодержецъ, провождаемый боярами, обходилъ всѣ главныя церкви кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію, вступилъ съ супругою въ палаты царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ патріарха до нищаго.

Карамзинъ

Москва во время междуцарствія.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была странною смѣсью людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже близъ Пскова кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ, вдругъ явился въ Суздалѣ, какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячъ шесть казаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли князи Дмитрія Трубецкаго, атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую: ибо сіи долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ московскихъ бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности Владиславу, и выгнали изъ Калуги посла ихъ, князя Никиту Трубецкаго. Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю, писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не королю, не королевичу, а вольности,— не слушаетъ бояръ, убѣждающихъ его идти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи. Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое, кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, князь Козловскій изъ Романова, съ дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и казаками, были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо — и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, бояре, исполняя волю Гонсѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ*. — „Все смирится“ — отвѣтствовалъ патріархъ — „когда ты, измѣнникъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ, видя выше злое господство, въ святыхъ храмахъ кремлевскихъ оглашаясь латинскимъ пѣніемъ“, (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) «благословляю достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и церкви». Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ

непреклоному іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ недѣлю Ваій нелѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго. Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. По улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его ослята держалъ вмѣсто царя князь Гундуровъ, за коимъ шло нѣсколько бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ внезапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго. День прошелъ мирно, также и слѣдующій. Гонсѣвскій, имѣя только 7000 воиновъ противъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ жителей, не хотѣлъ кровопролитія, ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ идти къ нимъ на встрѣчу и разбить ихъ отдѣльно; а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей. Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Гонсѣвскому выступить изъ Москвы, ни воеводамъ россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно; но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-остримыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ,—наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и совершилось ея бѣдствіе ужасное.

19 марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки; вломились въ домъ къ боярину вѣрному, князю Андрею Голицину, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою; конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ; устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ. Гонсѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дреколіемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами; прегражадали улицы столами, лавками, дровами; стрѣляли изъ за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда прискѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами капитанъ Маржеретъ, вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однакожъ преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „огня! огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина; гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ

мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лицо Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго бои. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ: что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію Москвитинъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные; прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонсѣвскій принялъ совѣтъ, и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ конным вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города отъ Ляпунова воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска королевскій полковникъ Струсь, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ—и вождь первыхъ, кликнувъ: „за мною, храбрые!“ сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище; бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго холоднаго вѣтра; смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезнетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской обители ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ: бился съ Ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца немногіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру .. До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, *обѣщало* имъ *безопасность*, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая месть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстьяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что Ляхи въ Китаѣ и въ Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ—пиликовали; грабили всю казну царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ

вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго—хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга!... А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники молодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресенье и молились за царя Владислава, съ іерархомъ, достойнымъ такой паствы, Игнатіемъ, угодникомъ разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ. Сей мужъ безсмертный, среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ—между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Дмитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго—въ темной келліи сіялъ добродѣтелію, какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Карамзинъ.

Петръ I въ Голландіи.

Къ сѣверозападу отъ Амстердама, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ, въ Сардамѣ и другихъ, въ концѣ XVII столѣтія процвѣтало обширное кораблестроеніе, съ дѣятельною торговлей. Тамъ было не менѣе 50 частныхъ верфей, на которыхъ работы производились днемъ и ночью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Многочисленные фабрики и заводы, въ видѣ несмѣтнаго множества вѣтряныхъ мельницъ, изготовляли все необходимое для сооруженія и оснастки судовъ. Деревни кишѣли народомъ, и когда мастеровые возвращались съ работъ, матери уводили дѣтей съ улицъ изъ опасенія, чтобы не задавили ихъ шумныя толпы рабочихъ.

Въ этихъ деревняхъ впрочемъ строились только суда купеческія и китоловныя: корабли военные, также купеческіе большаго размѣра, ходившіе въ Остъ-Индію и Вестъ-Индію, сооружались въ самомъ Амстердамѣ, на двухъ большихъ верфяхъ.

Но сардамскіе плотники, работавшіе въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ, такъ много наговорили Петру о своей отчизнѣ, что только тамъ онъ надѣялся найти все, чего желала его душа, и не останавливаясь въ Амстердамѣ, продолжалъ путь къ Сардаму.

Подъѣзжая къ Форзану, царь замѣтилъ стараго знакомаго, кузнеца Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловившаго угрей, и кликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ россійскаго монарха въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой куртке, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда великій царь московскій изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его смиренной хижинѣ съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тщетно отговаривался кузнецъ бѣдностію и тѣснотою своего жилища: онъ долженъ былъ уступить непреклонной волѣ царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова какого-то поденщика. Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ за 7 гульденовъ. Царь между тѣмъ зашелъ въ гербергъ, подъ вывѣскою *Выдры*.

День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русская одежда царскихъ спутниковъ возбудила общее вниманіе, и праздная толпа обступила гостиницу съ разспросами. «Мы простые плотники, ищемъ работы», велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ и отправился къ Кисту.

ЦАРЬ—ПЛОТНИКЪ.

Нетерпѣливо ждалъ Петръ рабочей поры, и въ понедѣльникъ рано утромъ, накупивъ плотничьихъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы, или посѣщалъ семейства сардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву.

Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ царь московскій. У матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину, у жены Яна Рейсена обѣдалъ; Аннѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: «онъ добрый мастеръ; и хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль". — Развѣ и ты плотникъ? возразила недовѣрчивая голландка. „Да, я плотникъ", отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ навѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Не задолго передъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени россійскаго государя, въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила его сказать, при случаѣ, его царскому величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю Московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Сардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ — иногда болѣе, чѣмъ могли они или хотѣли объяснить ему—нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ, на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *Повара*, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку.

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Сардамъ, онъ купилъ у одного корабельнаго мастера за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую распилъ съ продавцомъ въ гербергѣ, небольшой яликъ и весело катался на немъ по рѣкѣ, по каналамъ и по заливу.

ОТКРЫТІЕ ТАЙНЫ.

Уже съ перваго дня появленія Петра на верфяхъ въ Сардамѣ заговорили о московскомъ плотникѣ: величественный видъ, замѣтная привычка къ господству, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, все измѣнило тайнѣ. Голландцы, тѣмъ болѣе Голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый Московитъ, съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ; они считали его знатнымъ господиномъ; не знали только, кто онъ, развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ, и нерѣдко около него собиралась толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

Одинъ сардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ, безъ сомнѣнія, посѣтитъ Сардамъ и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того зашли въ цирюльню московскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Спачала не вѣрили ему; многіе обратились съ разспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ тайну и

утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но жена Киста въ присутствіи многихъ вскричала на мужа: „Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду“.

Въ то же время случилось происшествіе, которое дало новую пищу молвѣ. Потрудившись на верфи, Петръ купилъ себѣ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и кушалъ дорогою. На плотинѣ пристала къ нему толпа мальчишекъ: однимъ изъ нихъ далъ онъ по нѣсколько сливъ; другимъ не далъ и, забавляясь радостью первыхъ, неудовольствіемъ вторыхъ, продолжалъ путь. Не получившіе сливъ въ досадѣ начали бросать въ него грязью, потомъ пустили и каменья,—такъ что царь принужденъ былъ укрыться отъ своевольной толпы въ гербергѣ и, разгнѣванный безпорядкомъ, велѣлъ позвать бургомистра.

Между тѣмъ многіе изъ гражданъ, видѣвшіе это непріятное происшествіе, съ своей стороны поспѣшили дать знать мѣстному начальству и ждали на плотинѣ прибытія бургомистра, за которымъ послали сторожевое судно. Они были въ большомъ страхѣ: не царя ли московскаго въ самомъ дѣлѣ оскорбили дерзкіе мальчишки? Недоразумѣніе ихъ скоро разрѣшилъ одинъ шкиперъ, видѣвшій Петра въ Архангельскѣ: онъ вошелъ въ гербергъ, гдѣ государь пилъ чай, безъ труда узналъ его и, возвратившись къ толпѣ, объявилъ: „Точно, это самъ царь: я хорошо знаю его.“

Бургомистръ не замедлилъ пріѣхать, разспросилъ обстоятельно о случившемся и, по совѣщанію съ членами мѣстной управы, приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: „Бургомистры, съ прискорбіемъ узнавъ, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и каменьями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ быть здѣсь *неизвѣстными*, строжайше воспрещаютъ подобное своевольство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ослушники будутъ отсылаемы къ благородному господину бальи. О чемъ объявляется всѣмъ и каждому, въ предостереженіе отъ наказанія и стыда.“

Въ тотъ же день вслѣдствіе изъявленнаго царемъ неудовольствія на стеченіе народа, толпившагося передъ домомъ Киста, бургомистръ велѣлъ поставить на мосту, ведущемъ къ этой части города, стражу. Разумѣется, все это удостовѣряло Сардамцевъ, что среди ихъ находился царь, и онъ уже не могъ оставаться неизвѣстнымъ.

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ одного купца и, увидѣвъ у него бургомистра, въ знакъ почтенія снялъ передъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: «не угодно ли будетъ господину его отвушать завтра рыбы по-сардамски?“ Царь велѣлъ сказать, что господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ приглашенія. Пріятель купца, у котораго онъ былъ въ гостяхъ, тоже богатый купецъ, съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части Сардама, и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не знатные господа, а простые люди, для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.»

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Сардамъ главнаго прикащика своего, удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Прикащикъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину блѣдный какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Сардамѣ. Гоутманъ немедленно отправился туда съ однимъ пріятелемъ; они встрѣтили Петра въ матросской куртке и съ изумленіемъ воскликнули: „Вы ли это, Ваше Величество?“—«Вы сами видите», ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

ЛЮБОПЫТСТВО САРДАМЦЕВЪ.

Въ тотъ же день Петръ купилъ себѣ за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новую мачту.

Весь слѣдующій день онъ провелъ на водѣ, съ 4-хъ часовъ утра. Къ нему пристали яхты и буеры, наполненные

любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ путь къ плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ моря. Безотвязные Голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, царь проворно выскочилъ на берегъ: толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился, и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. «Браво, Марсенъ!» закричали въ толпѣ; «ты пожалованъ въ рыцари!» Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже поднимъ вечеромъ, когда разсѣился народъ, онъ возвратился въ Сардамъ.

На слѣдующій день назначено было спустить въ море большой корабль, построенный купцомъ Кальфомъ. Это дѣлалось такъ: корабль поднимали на плотину, перетаскивая черезъ нее на пространствѣ 20 саженъ по устроенной для того нарочно деревянной настилкѣ, и потомъ снова спускали въ воду.

Мѣстное начальство пригласило Петра взглянуть на изумительное дѣйствіе механическаго искусства, предупредивъ, что для него и для свиты приготовлено удобное мѣсто, окруженное палисадомъ и охраняемое отъ народа городовою стражею; хозяинъ корабля присовокупилъ къ тому просьбу удостоить присутствіемъ обѣденный столъ. На первое приглашеніе царь охотно изъявилъ согласіе; отъ втораго отказался.

Въ назначенный день, рано утромъ, собралось около дома Киста такъ много народу, что всѣ предосторожности оказались тщетными: палисады были опрокинуты, стражи разогнаны. Видя несмѣтныя толпы, покрывавшія не только улицу, но и кровли домовъ, царь рѣшился остаться дома

Явились бургомистръ, члены совѣта, съ просьбою не отказать въ своемъ присутствіи, предлагая пройти въ отведенное ему мѣсто заднимъ воротами; сначала онъ было согласился и сталъ одѣваться: но выглянувъ на улицу и увидѣвъ вездѣ густыя толпы любопытныхъ, нетерпѣливо его ожидавшихъ, съ досадою сказалъ: «Слишкомъ много народу», захлопнулъ дверью и цѣлый день никуда не выходилъ. Это было въ субботу.

Еще болѣе собралось народу изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, также изъ Амстердама, въ воскресенье. Стража, стоявшая на мосту, не въ силахъ была удержать любопытныхъ, отвсюду стекавшихся посмотрѣть плотника — царя. Домъ Киста былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ досаднѣе было Петру стеченіе народа, загородившаго дорогу, что онъ намѣревался ѣхать въ Амстердамъ, куда на другой день должно было торжественно вступить его посольство; внѣ себя отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ дому, долго не могъ пробиться сквозь густыя массы и съ великимъ трудомъ достигъ до своего буера. Между тѣмъ разыгралась сильная погода. Опытные ловцы уговаривали царя не пускаться въ заливъ въ столь опасное время. Онъ ничего не слушалъ, поднялъ парусъ и часа черезъ три благополучно прибылъ въ Амстердамъ.

Н. Устряловъ.

Воспитаніе и первые годы дѣятельности Петра.

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуетъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева: ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другіе дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности; онъ уже герой драмы, дѣйствующее лице, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистію, и сочувствіе

сго къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои онъ самъ, его мать, дядья. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впослѣдствіи Пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка которому уже „начинаетъ быть грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“. Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе — „ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться“, какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы.

Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодаго царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей связь съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство,—и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные Русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностію Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслію, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда

Русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Таково значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною — таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что «Руси есть веселіе пити». Слѣдовательно, нечему удивляться, если и новая дружина Петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ, дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины — охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была Русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся.

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа.

Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнилъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софьею и послѣ съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: «Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не помалу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога всегда такое одоленіе и славу, чтобъ всегда одержать». Но этого самаго князя Бориса иностранцы и Русскіе не иначе называютъ, какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, Датскаго коммисара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты.

Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они еще не далеко ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужаго обѣда! Вотъ еще любопытный разсказъ о томъ же князѣ Борисѣ. Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ гру-

бымъ обращеніемъ съ музыкантами—поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также полька. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру: онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: «Бориско, хотя быть пьянъ».

Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ разсказахъ иностранецъ, —молодой человѣкъ, также очень близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по латыни, любилъ читать и съ жадностью слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная Русская женщина, которая не румянилась.

Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сторавшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Петра не учили какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, предъ отъѣздомъ своимъ во Францію въ посольствѣ, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль, украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: «купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ, астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу, не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго человѣка, и дѣйствительно, приводитъ Голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ «гораздо пристался съ охотою учиться геометріи и фортификаціи».

„И тако, говоритъ Петръ, сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами".

Нашелся знающій человѣкъ и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета разспросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное, запросъ Тиммерману: что это за судно? — Ботъ Англійскій. — Гдѣ его употребляютъ? — При корабляхъ для ѣзды и возки. — Чѣмъ лучше нашихъ? — Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру. — Противъ вѣтру! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ? — Есть. Сейчасъ отыскали голландца Карштейнъ — Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и ѣло любо стало", говоритъ Петръ. „Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе".

Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: „Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался, (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва

слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его". Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи; царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того, предлагалъ герцогу Курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностію, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы ово пошло, нельзя было сидѣть въ кремлевскомъ дворцѣ и слать указы; надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

„Охота стала отъ часу болѣе". Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера, какъ Переяславское, въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить— не отпустятъ, надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется, еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ, царица согласилась и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери — поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы — удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Иларіона на новое Ѳедора.

Русская пословица: „женится — перемѣнится", не исполнилась на Петрѣ: онъ по прежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ.

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняли все вниманіе Петра, ему былъ не досугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяславля въ Москву на панихиды по братѣ Ѳеодорѣ; онъ отвѣчаетъ: „быть готовъ, только гей, гей, дѣло есть", голова занята однимъ, объ одномъ твердитъ онъ матери: „о судахъ пока подтверждаю, что зѣло хороши всѣ".

С. Соловьевъ.

Полтавскій бой.

Въ два часа по полуночи, съ приближеніемъ шведовъ, загудѣли русскія пушки въ редутахъ. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили ихъ. Поражая штыками, бросились они на пушки, и два редута были уже въ ихъ рукахъ, когда конница шведская успѣла прорваться въ промежутки редутовъ и сразилась съ русскою конницею. Пѣхота шла близко за нею и подкрѣпляла ее. Самъ Карлъ XII безстрашно ѣхалъ между рядами

солдатъ своихъ. Лошади подъ его качалкою были убиты. Подъ свистомъ пуль и жужжаніемъ ядеръ впрягли другихъ. Меньшиковъ, предводя русскою конницею, не щадилъ себя; двѣ лошади были убиты подъ нимъ; генералъ Ренъ былъ жестоко раненъ и еле унесли съ поля сраженія. Видя неукротимое стремленіе шведовъ, въ 4 часа утра Царь велѣлъ Бауру отступать, наводя непріятеля на пушки ретраншемента. Радостно рванулись шведы за Бауромъ, и Левенгауптъ, видя ихъ, въ пылу боя, не замѣтилъ, что генералъ Россъ бился еще у редутовъ, когда остальныя пѣхота и конница шведская были уже далеко за редутами, слѣдуя за отступавшею русскою конницею. Пушки ретраншемента грянули во флангъ наступавшихъ шведовъ, и въ безпорядкѣ спѣшили они отходить къ дальнему лѣсу, на противоположный ретраншементу край поля. Левенгауптъ и Рейншильдъ поспѣшно приводили здѣсь въ порядокъ шведскіе ряды, заградившись пушками. Началась жаркая канонада съ обѣихъ сторонъ. Царь увидѣлъ, что Россъ совершенно отдѣлился въ то время отъ главной шведской арміи, находясь у редутовъ, и онъ воспользовался его замедленіемъ. Меньшиковъ помчался на Росса съ пятью конными полками, принудилъ его отступать въ лѣсъ къ верховью Полтавки, захватилъ въ плѣнъ генерала Шлиппенбаха, и самого Росса заставилъ въ безпорядкѣ бѣжать въ шведскія укрѣпленія подъ Полтавою, гдѣ, не видя средствъ защищаться, Россъ сдался посланному за нимъ генералу Ранцелю, пока Меньшиковъ поспѣшалъ присоединяться къ главному войску, стройно выступавшему изъ ретраншемента на долину, когда шведы сражались у редутовъ. Хладнокровно, но быстро, распоряжался устройствомъ ихъ Царь, ободренный первыми успѣхами битвы. Онъ отрядилъ полковника Головина открыть сообщеніе съ Полтавою и оставилъ генерала Гинтера охранять редуты. Солдаты, отряженные въ ретраншементы, умоляли Царя позволить имъ идти въ битву. «Чѣмъ провинились мы предъ тобою»? говорили они со слезами. «Дѣти! здѣсь также надобна защита. Молитесь Богу, а я не забуду васъ»! отвѣчалъ имъ Царь. Священники кропили полки св. водою, при пѣніи: „Спаси, Господи, люди твоя!“ Князь Волконскій по прежнему оставался на сообщеніи съ казаками. Шереметьевъ замѣтилъ, что отдѣленіе сильныхъ отрядовъ въ разныя мѣста ослабляетъ войско. „Неужели мы не побѣдимъ“, отвѣчалъ Царь, „если бы насъ было и равное съ непріятелемъ число“?—„Но превосходство въ числѣ надежнѣе“, замѣтилъ Рѣпнинъ. - „Нѣтъ“, возразилъ Царь, „надобно надѣяться не на число, но на разумъ и мужество“.

Поставленная въ боевой порядокъ, главная русская армія составляла плотную громаду изъ 42 баталіоновъ пѣхоты и 17 полковъ и одного лейбъ эскадрона конницы, съ 72 пушками. Войско русское устроилось въ два ряда. Шереметьевъ, Рѣпнинъ, Верденъ, князья Долгорукій, Голицынъ, Куракинъ были въ центрѣ; Бауръ, Бемъ, Вейсбахъ, Шамбургъ на правомъ; Меньшиковъ, Аллартъ, Беллинъ на лѣвомъ крылѣ; Царь—всюду. Въ день Полтавской битвы, онъ ѣздилъ на любимой своей турецкой лошади, Лизетѣ. Донынѣ хранятся чучела сей лошади и оружіе, бывшее тогда на немъ (чучело лошади находится въ петербургской кунсткамерѣ). Мундиръ, камзолъ и исподнее платье на Царѣ были темнозеленаго цвѣта, съ красными у мундира обшлагами. Маленькая трехъ угольная шляпа, безъ всякихъ украшеній, покрывала его голову. Длинная, въ полтора аршина, шпага его была также безъ украшеній, съ мѣднымъ эфесомъ, обвитымъ желѣзною проволокою, и съ черною кожаною портупеею. Шарфъ его былъ изъ серебра, золота и голубаго шелка. Офицерскій знакъ его отличался костянымъ андреевскимъ крестомъ по срединѣ. Царь возложилъ еще на грудь свою небольшой ковчегъ съ крестомъ и мощами, Константиновскій, ибо, по преданію, принадлежалъ онъ нѣкогда императору Константину. Сей святой крестъ присланъ былъ изъ Аѳонской обители царю Ѳеодору Іоанновичу. Петръ имѣлъ его въ своей походной церкви въ числѣ другихъ св. иконъ и драгоцѣнностей, между коими находилась и крышка съ гроба св. Сергія, на

коей изображенъ сей великій угодникъ, благословившій на брань Димитрія Донскаго. Крыша сія нынѣ хранится въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Крестъ Константиновскій находится въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Полтавскій мундиръ, шляпа и шпага Петра сохраняются въ богатомъ Царско-Сельскомъ арсеналѣ.

Шведы успѣли оправиться отъ безпорядка, причиненнаго имъ пушками редутовъ и ретраншемента и отбитіемъ Росса. Они быстро устроили ряды свои, ихъ составляли только 18 баталіоновъ пѣхоты и 14 полковъ конницы, не считая запорожцевъ, поляковъ и королевской гвардіи, или драбантовъ. Артиллеріи у шведовъ было 24 пушки. Карлъ XII, въ своемъ обыкновенномъ мундирѣ, безомый въ качалкѣ, положивъ на подушку больную ногу, окруженный драбантами, ѣздилъ по рядамъ, оживлялъ рѣчами войско и далъ знакъ двинуться въ бой. Почти въ то же время тронулись съ мѣста русскіе. Царь въ послѣдній разъ обратилъ рѣчь свою къ войску. „Воины"! говорилъ онъ громогласно, „не за меня, за Отечество, за церковь сражаетесь вы! Помните Бога, поборающаго въ правдѣ"! Его просили, умоляли щадить жизнь свою. „Обо мнѣ не думайте", отвѣчалъ онъ. „Мнѣ не дорога жизнь! Была-бы только счастлива и славна Россія! Впередъ»!

Не смотря на то, что надлежало пробиться сквозь редуты и потомъ поспѣшно строиться, крѣпкими рядами наступали шведы. Было уже восемь часовъ утра, когда русскіе сошлись съ ними. Раздались пушечные выстрѣлы и слились въ страшную канонаду. Начался Полтавскій бой.

Ужасенъ и смертоносенъ былъ сей великій бой. Пушки смолкли, когда ряды сошлись и пошла рукопашная битва на штыкахъ и саблях. Рейншильдъ сомкнулъ два лучшіе шведскіе полка, и по приказу Карла XII ударилъ на полкъ, одѣтый въ сѣрые мундиры. Сколь ни мужественно встрѣтилъ его русскій полкъ, храбрость уступила удару шведовъ, линія была пробита—русскіе поколебались, дрогнули, побѣжали. Петръ и Карлъ XII оба были здѣсь—Петръ, примчавшійся на помощь съ Преображенцами; Карлъ XII, поощрявшій своихъ воиновъ. Около получаса длилась нерѣшительность и была кровава и убійственна. Три пули попали въ Царя—одною пробита была его шляпа; другая ударила въ сѣдло его лошади; третья въ грудь его; ее удержалъ святый крестъ, на груди бывшій. Богъ хранилъ Петра! Вскорѣ порядокъ въ русскихъ рядахъ былъ возстановленъ, шведы отражены, ряды ихъ дрогнули. Меньшиковъ и Бауръ съ конницею ударили во фланги шведскаго войска. Еще нѣсколько времени дрались шведы, одушевляемые уже не мыслью побѣды, но отчаяніемъ. Все пало предъ силою и мужествомъ русскихъ. Настала минута гибели — часъ расплаты за Нарву... Обойденные съ фланговъ, тѣснимые съ фронта, сбитые къ лѣсу, теряя артиллерію, уже не видя короля своего, не предводимые никѣмъ, ибо Рейншильдъ, видѣвшій гибельное состояніе войска, искалъ смерти и нашелъ плѣнъ въ рядахъ русскихъ; чрезъ часъ послѣ начала битвы шведы представляли нестройную толпу бѣгущихъ, побиваемыхъ русскими, стремившихся черезъ лѣсъ и по всѣмъ направленіямъ съ поля битвы. Кромѣ Рейншильда, генералы Штакельбергъ и Гамильтонъ взяты были въ плѣнъ на мѣстѣ сраженія. Пѣхота, конница, артиллерія, запорожцы, поляки, обозъ—все смѣшалось наконецъ въ нестройную громаду, и потомъ разсыпалось и побѣжало по берегу Воклы. Пиперъ, находившійся въ укрѣпленіяхъ шведскихъ подъ Полтавою, съ чиновниками своими и королевскими прислужниками, хотѣлъ пробраться въ обозъ, но среди дыма, пыли, смятенія попалъ прямо на полтавскіе валы и былъ взятъ въ плѣнъ со всѣми при немъ бывшими. Мазепа оставался во все время боя въ шведскомъ обозѣ, и при первомъ извѣстіи о побѣдѣ русскихъ, захвативъ свои сокровища, бросился бѣжать. Обозъ и лагерь шведскій подъ Полтавою достались побѣдителямъ. Вскорѣ крики побѣжденныхъ и побѣдителей, преслѣдовавшихъ разбитое и разсѣянное шведское войски, затихли въ отдаленіи; пальба прекратилась; смолкло боевое поле, усѣянное убитыми и ранеными. Казаки и калмыки пустились за бѣгущими.

Н. Полевой.

Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядры, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служитъ ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ;
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ»! Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близко полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ...
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая—
Далеко грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, полъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ.
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя,

Взираетъ на волненья боя?
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
Но гдѣ-же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ. Русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Пушкинъ.

Кочубей наканунѣ казни.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ,
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ погамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь.
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему.

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей;
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ.
И для чего?—

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ.
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой.
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы, три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!..
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ.
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!
Окончишь-ли допросъ нелѣпой,
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ...
О, ночь мученій!

Пушкинъ.

Мазепа наканунѣ казни Кочубея.

Но гдѣ-же гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей. . . . . .
. . . . . .
Мазепа, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Пушкинъ.

Военный совѣтъ у Филей*).

Русскія войска, отступивъ отъ Бородина, стояли у Филей. Ермоловъ, ѣздившій для осмотра позиціи, подъѣхалъ къ фельдмаршалу.

— Драться на этой позиціи нѣтъ возможности, сказалъ онъ. Кутузовъ удивленно посмотрѣлъ на него и заставилъ его повторить сказанныя слова. Когда онъ проговорилъ, Кутузовъ протянулъ ему руку.

— Дай-ка руку, сказалъ онъ, и повернувъ ее такъ, чтобъ ощупать его пульсъ, онъ сказалъ:—Ты нездоровъ, голубчикъ. Подумай, что говоришь.

Кутузовъ на поклонной горѣ, въ шести верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Ростопчинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиціи, о положеніи войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хотя и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, на что это былъ военный совѣтъ.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головою,

*) Деревня въ 7 верстахъ отъ Москвы, по Смоленскому шоссе, за Дорогомиловской заставой.

Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться. Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

— *Священную древнюю столицу Россіи!* вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена, и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженье, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы предъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ смотрѣла на то, что дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый, взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ за тѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена,

были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена; о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, сказалъ Кутузовъ — не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена. Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ-близкомъ разстояніи отъ непріятеля... Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы сбираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть мнѣ платить за перебитые горшки, сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я— приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходится съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапозонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „когда же, когда же наконецъ рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ, сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру;—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать какъ Турки, не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,—будутъ и они, только бы...

Гр. Л. Толстой.

Молебствіе на Бородинскомъ полѣ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали на встрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу... Иверскую!...

— Смоленскую матушку, поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали на встрѣчу церковному шествію. За батальйономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь

кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсомъ сверху; слабый, свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка на очищенномъ мѣстѣ стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и не крестясь (очевидно нѣмецъ) терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать, вѣроятно, для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; но онъ не смотрѣлъ на нихъ: все вниманіе его было поглощено серіознымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно—жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть „спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице“, и священникъ и дьяконъ подхватывали: „яко вси по Божѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, на всѣхъ лицахъ вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волоса, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась и надавила Пьера. Кто то, вѣроятно очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою передъ нимъ сторонилась, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличавшейся отъ всѣхъ фигуръ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатою спиной, съ открытою бѣлою головой, и съ вытекшимъ, бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею нырящею, раскачивающеюся походкой въ кругъ, и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, достал рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Бенигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски-наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Гр. Л. Толстой.

Пребываніе въ Москвѣ цесаревича *).

(Письмо Жуковскаго къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ).

Всемилостивѣйшая государыня! Мы въ Москвѣ. Вчера въ ночь великій князь пріѣхалъ сюда весьма поздно; улицы были почти пусты, ибо народъ пересталъ ожидать его; за то утромъ нынѣшняго дня возобновилось то прекрасное утро, которое видѣлъ я здѣсь въ Кремлѣ за девятнадцать лѣтъ передъ этимъ: такое же свѣтлое небо, тотъ же торжественный звонъ колоколовъ и тотъ же радующійся народъ. Я живо вспомнилъ это прекрасное время.

*) Покойнаго Государя, Александра Николаевича.

Und manche liebe Schatten stiegen auf*). Тогда я одинъ изъ первыхъ русскихъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ милаго новорожденнаго: государыня Марія Ѳеодоровна переносила его изъ той горницы, гдѣ онъ родился, въ ту, гдѣ провелъ онъ первую ночь своей жизни. На томъ мѣстѣ, гдѣ тогда я имѣлъ счастіе поздравить государыню съ даннымъ ей отъ Бога внукомъ, я имѣлъ счастіе обнять теперь тогдашняго младенца, нынѣшняго прекраснаго, возмужалаго цесаревича; въ то же окно, изъ котораго тогда съ рюмкой шампанскаго поздравилъ я съ новорожденнымъ толпящійся на площади народъ, любовался я теперь на такую же толпу народа, ожидавшую появленія наслѣдника, навѣствшаго свою родину и уже знакомаго съ любовію къ нему всей Россіи. Такъ много смутныхъ, въ одно время и радостныхъ и унылыхъ, чувствъ возбудилось въ душѣ моей; радостныхъ за него, за государя и за васъ, унылыхъ за тѣхъ, кои тогда были и коихъ теперь уже нѣтъ. Но это чувство получило характеръ какого-то глубокаго благоговѣнія, когда онъ одинъ пошелъ сквозь густую толпу народную въ Успенскій соборъ и остановился у входа передъ крестами и когда митрополитъ Филаретъ началъ его привѣтствовать. Онъ говорилъ просто, безъ всякаго витійства, но думаю, никогда не говорилъ такъ выразительно: ибо самое происшествіе было слишкомъ краснорѣчиво. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ этотъ русскій храмъ, не видали передъ дверями его подобнаго явленія. Какъ много значили на языкѣ митрополита слова: государь, наслѣдникъ, благодарность отечества, потомство. Я чувствовалъ трепетъ благоговѣнія, слушая ихъ и смотря на молодаго прекраснаго цесаревича, который смиренно ихъ принималъ, окруженный народомъ, вдругъ утихшимъ и плачущимъ. А когда мы вошли въ соборъ, гдѣ на моемъ вѣку совершилось уже три коронованія, гдѣ былъ коронованъ Петръ Великій, гдѣ въ теченіе почти четырехъ сотъ лѣтъ всѣ русскіе князья, цари и императоры принимали освященіе своей и торжествовали всѣ великія событія народныя, когда запѣли это многолѣтіе, столько разъ оглашавшее эти стѣны; когда его повели прикладываться къ образамъ и мощамъ, когда опять сквозь густую толпу онъ пошелъ въ соборъ Благовѣщенскій и Архангельскій и наконецъ на Красное крыльцо, на вершинѣ котораго остановился, чтобы поклониться московскому народу, котораго гремящее ура слилось съ звукомъ колоколовъ, и когда въ этомъ звукѣ, такъ сказать, раздался тотъ чудный голосъ, который столько предковъ на этомъ мѣстѣ слышали, который будутъ слышать потомки, пока будетъ жива Россія; то я, въ сильномъ движеніи души, почувствовалъ величіе этой минуты, пожалѣлъ, что ни государь императоръ, ни вы не могли ею насладиться. Такія минуты рѣдки въ жизни человѣческой; здѣсь было не просто одно великолѣпное зрѣлище, но, можно сказать, представилось въ одномъ видимомъ образѣ все, что есть великаго нравственнаго въ судьбѣ людей и царствъ. Потому-то и спѣшу въ немногихъ строкахъ передать вашему величеству эту картину. Москва очаровательна. Въ ней чувствуешь Россію. Она теперь шумитъ радостію. А для меня эта радость ея имѣетъ какой-то особенный звукъ, ибо я самый старый товарищъ жизни наслѣдника. Я радовался его появленію на свѣтъ младенцемъ, какъ теперь радуюсь его появленію въ жизнь дѣятельную, посреди одной и той же Москвы. И какъ будто не было между этими событіями никакого промежутка времени, и хотя чувствую, что время мое при немъ миновалось, но смѣю надѣяться, что тогдашнее мое пророчество, сохранившееся въ памяти добрыхъ русскихъ*), исполнится и что государь, долго имъ радуясь, какъ своимъ достойнымъ сыномъ, упрочитъ въ немъ счастіе нашихъ потомковъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ сюда прибытія вашего императорскаго величества, чтобы еще живѣе насладиться нашею несравненною Москвою. Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Жуковскій. Іюля 24, 1837 г. Москва.

*) И много милыхъ тѣней встало.

*) Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго ихъ званія: *человѣкъ*.
(Посланіе Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича 1818 г.).

Воспитаніе Штольца.

Штольцъ былъ нѣмецъ только вполовину, по отцу: мать его была русская; вѣру онъ исповѣдывалъ православную; природная рѣчь его была русская: онъ учился ей у матери и изъ книгъ, въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ. Нѣмецкій же языкъ онъ наслѣдовалъ отъ отца да изъ книгъ. Въ селѣ Верхлевѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ, Штольцъ выросъ и воспитывался. Съ восьми лѣтъ онъ сидѣлъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера, Виланда, библейскіе стихи, и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ же «Телемака». Оторвавшись отъ указки, бѣжалъ разорять птичьи гнѣзда съ мальчишками, и нерѣдко, среди класса, изъ кармана его раздавался писк галчатъ. Бывало и то, что отецъ сидитъ въ послѣобѣденный часъ подъ деревомъ въ саду и куритъ трубку, а мать вяжетъ какую-нибудь фуфайку, или вышиваетъ по канвѣ: вдругъ съ улицы раздается шумъ, крики, и цѣлая толпа людей врывается въ домъ.

— Что такое? спрашиваетъ испуганная мать.

— Вѣрно, опять Андрея ведутъ, хладнокровно говорилъ отецъ.

Двери распахиваются, и толпа мужиковъ, бабъ, мальчишекъ вторгается въ садъ. Въ самомъ дѣлѣ, привели Андрея—но въ какомъ видѣ: безъ сапогъ, съ разорваннымъ платьемъ и съ разбитымъ носомъ, или у него самого или у другаго мальчишки. Мать всегда съ безпокойствомъ смотрѣла, какъ Андрюша исчезалъ изъ дома на полсутки, и если бъ только не положительное запрещеніе отца мѣшать ему, она бы держала его возлѣ себя. Она его обмоетъ, перемѣнитъ бѣлье, платье, и Андрюша полсутки ходитъ такимъ чистенькимъ, благовоспитаннымъ мальчикомъ, а къ вечеру, иногда и къ утру, опять его кто-нибудь притащитъ выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго, или мужики привезутъ на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками пріѣдетъ онъ на лодкѣ, засыпавши на неводу. Мать въ слезы, а отецъ ничего, еще смѣется.

— Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ! скажетъ иногда.

— Помилуй, Иванъ Богданычъ, жаловалась она: — не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а намедни носъ до крови разбилъ.

— Что за ребенокъ, если ни разу носа себѣ или другому не разбилъ? говорилъ отецъ со смѣхомъ.

Мать поплачетъ, поплачетъ, потомъ сядетъ за фортепьяно и забудется за Герцомъ: слезы каплютъ, одна за другой, на клавиши. Но вотъ приходитъ Андрюша, или его приведутъ; онъ начнетъ разсказывать такъ бойко, такъ живо, что разсмѣшитъ и ее, притомъ, онъ такой понятливый! Скоро онъ сталъ читать „Телемака“, какъ она сама, и играть съ ней въ четыре руки. Однажды онъ пропалъ уже на недѣлю: мать выплакала глаза, а отецъ ничего—ходитъ по саду да куритъ.

— Вотъ, если бъ Обломова сынъ пропалъ, сказалъ онъ на предложеніе жены, поѣхать, поискать Андрея:— такъ я бы поднялъ на ноги всю деревню и земскую полицію, а Андрей придетъ. О, добрый буршъ!

На другой день Андрея нашли преспокойно—спящаго въ своей постели, а подъ кроватью лежало чье-то ружье и фунтъ пороху и дроби.

— Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ взялъ ружье? засыпала мать вопросами:— Что жъ молчишь?

— Такъ! только и было отвѣта.

Отецъ спросилъ: готовъ ли у него переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Отецъ взялъ его одной рукой за воротникъ, вывелъ за ворота, надѣлъ ему на голову фуражку и ногой толкнулъ сзади такъ, что спшибъ съ ногъ.

— Ступай, откуда пришелъ, прибавилъ онъ, и приходи опять съ переводомъ, вмѣсто одной, двухъ главъ, а

матери выучи роль изъ французской комедіи, что она задала: безъ этого не показывайся!

Андрей воротился черезъ недѣлю и принесъ и переводъ, и выучилъ роль.

Когда онъ подросъ, отецъ сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ возжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ городъ, къ купцамъ, въ присутственныя мѣста, потомъ посмотрѣть какую-нибудь глину, которую возьметъ на палецъ, понюхаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дастъ понюхать, и объяснитъ, какая она, на что годится. Не то, такъ отправятся посмотрѣть, какъ добываютъ поташъ, или деготь, топятъ сало. Четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, мальчикъ отправлялся частенько одинъ, въ телѣжкѣ, или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіями отъ отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобъ онъ забылъ что нибудь, переначилъ, не доглядѣлъ, далъ промахъ. „Recht gut, mein lieber Junge! говорилъ отецъ, выслушавъ отчетъ и трепля его широкой ладонью по плечу, давалъ два, три рубля, смотря по важности порученія. Мать послѣ долго отмываетъ копоть, грязь, глину и сало съ Андрюши.

Гончаровъ.

Воспитаніе Обломова.

Илья Ильичъ вдругъ увидалъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужъ началъ учиться въ селѣ Верхлевѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ сынъ Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили балованика Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей и капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, если бъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлева. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлево: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью. Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ-быть, когда дитя еще едва выговариваетъ слова, а можетъ быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, и ужъ видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ быть, Илюша давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ. Можетъ быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и какъ иначе прикажете рѣшить ему?

А бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти.

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о раз-

лукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю; не знаютъ, чѣмъ и накормить его въ то утро: напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

„Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы, обѣдать-то дадутъ супу, да жаркова, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *морген-фри* — носъ утри".

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкою и съ пріятною новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ; стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня? Или иногда вдругъ объявитъ ему, что сегодня родительская недѣля: „не до ученья; блины будемъ печь".

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза несвѣжи сегодня. Здоровъ-ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчикъ здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома, скажетъ она: — а тамъ — что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ — неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга или дѣвка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

„У, баловень, скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!"

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли за Ильей Ильичемъ.

„Пріѣхала, де — скать, Марья Савишна или Натальи Ѳаддѣевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!"

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до страстной недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на оминой недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ — не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ выростетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

Долго-ли до грѣха? говорили отецъ и мать: — ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья, какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, замѣтитъ отецъ: — ученье-то не свой братъ, хоть кого въ баранiй рогъ свернетъ!

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ; бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Ильѣ Ильичу ясно видится и домашнiй бытъ его и житье у Штольца. Онъ только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка, впослѣдствiи знаменитый камердинеръ его, Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, какъ бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцати-лѣтнiй мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпо-

коить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши по утру, умыться и т. д.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ троечетверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? а Васька, а Ванька, а Захарка на что! Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, рожи? вотъ я васъ!..

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: «Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! не хочу того, хочу этого! Сбѣгай принеси!»

Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы, или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается на десять отчаянныхъ голосовъ: «Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!» Задумаетъ ли онъ зимой выскочить въ сѣни, или отворить форточку — опять крики. «Ай, куда? какъ можно? не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія, силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсененокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его, то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ, или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсененокъ такъ и подмываетъ его; онъ крѣпится, наконецъ не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, грудь охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ схватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣга: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками съ воплями, собаки съ лаемъ мчатся по деревнѣ. Наконецъ набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ: но при видѣ его, живаго и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки.

Гончаровъ.

Воспитаніе Онѣгина.

Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей-же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.*)

Служивъ отлично-благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbe, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ dandy**) лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Мы всѣ учились по-немногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ,
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ)
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,
Безъ принужденья въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданнымъ эпиграммъ.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латыни
Чтобъ эпиграммы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale.
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы не бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ

Пушкинъ.

*) Писано въ Бессарабіи.
**) Dandy—франтъ.

Біографія Крылова.

I.

У насъ въ Россіи много было баснописцевъ, но лучшимъ изъ нихъ признанъ всѣми Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ родился въ Москвѣ 2-го февраля 1768 года. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, тогда находился въ военной службѣ и вскорѣ принужденъ былъ отправиться съ семействомъ въ Оренбургъ. Величайшая опасность ожидала тамъ маленькаго Крылова и его мать.

Въ этомъ краю появился самозванецъ Пугачевъ, противъ котораго и послано было войско. Отецъ Крылова

былъ храбрый капитанъ, и распоряжалъ свои дѣйствія умно и счастливо. Бунтовщикъ, въ досадѣ на него, отдалъ приказаніе, чтобы все его семейство было повѣшено, лишь только соумышленникамъ его удастся взять Оренбургъ. Къ счастію, не такъ случилось. Пугачевъ самъ былъ пойманъ и отвезенъ въ Москву на казнь. Тогда и капитанъ Крыловъ покинулъ военную службу и перешелъ въ гражданскую. Онъ поселился въ Твери, гдѣ опредѣлился въ предсѣдатели губернскаго магистрата. Едва исполнилось сыну одиннадцать лѣтъ, какъ отецъ скончался.

Мать Крылова называлась Марья Алексѣевна. Онъ ей обязанъ былъ воспитаніемъ и всѣмъ, чему удалось ему внучиться въ дѣтствѣ.

Оттого до самой смерти своей Крыловъ вспоминалъ о ней съ благодарностью и любовью. Жили они въ бѣдности и нуждѣ. Но мать успѣла сама научить сына своего читать и писать по-русски, а для французскаго языка посылала его къ гувернеру губернаторскихъ дѣтей, и послѣ заставляла при себѣ повторять выученное тамъ.

У дѣтей часто не достаетъ терпѣнія и вниманія, когда начинаютъ ихъ учить чему-нибудь. Мать Крылова испытала то же на своемъ сынѣ. Придумывая разныя средства, какъ бы заставить его охотнѣе учиться, она рѣшилась всякій разъ давать ему по нѣсколько копѣекъ въ награду, когда онъ исправно просиживалъ съ нею за урокомъ. Сынъ очень радъ былъ тому и пряталъ деньги. Привычка къ накопленію денегъ безъ опредѣленной цѣли зарождаетъ въ дѣтяхъ дурную страсть, извѣстную подъ именемъ скупости. Мать стала бояться, чтобы не случилось того и съ ея сыномъ. Тогда она растолковала ему, что онъ можетъ на свои деньги покупать для себя такія вещи, которыя ему необходимы, напр.: перчатки, картузъ и т. п. Онъ былъ радъ, что могъ наряжаться по своему вкусу изъ собственныхъ денегъ.

II.

Послѣ отца Крылова остался цѣлый сундукъ съ книгами. Въ мальчикѣ врожденная была наклонность къ чтенію. Онъ и занимался имъ безпрестанно. Въ головѣ его бродили разныя приключенія, о которыхъ узналъ онъ въ книгахъ. Особенно нравились ему вымыслы о волшебникахъ, которыхъ часто выводили на сцену въ старинныхъ операхъ. Онъ даже почувствовалъ охоту сочинять что-нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, будучи только четырнадцати лѣтъ, онъ написалъ свою оперу подъ названіемъ: *Кофейница*. Хорошо, что ея не напечатали. Это былъ ребяческій наборъ незанимательныхъ явленій и смѣшныхъ арій.

Въ то время, какъ сынъ проводилъ время въ любимыхъ забавахъ своихъ, мать его предавалась заботамъ, чѣмъ содержать себя и ребенка. У нихъ не было ни собственнаго состоянія, ни пенсіи. Она рѣшилась, какъ это часто дѣлаютъ бѣдные родители, опредѣлить мальчика въ службу, хоть онъ ничему еще порядочно не научился и могъ только кое-какъ переписывать бумаги. Крылова приняли писцомъ въ тотъ же магистратъ, гдѣ служилъ отецъ его. Но это не принесло имъ значительнаго пособія. Крайняя бѣдность и надежда на пенсію за службу мужа заставили мать отправиться съ сыномъ изъ Твери въ Петербургъ. Они прибыли сюда въ 1782 году и жили въ большой нуждѣ. Хотя Крылову и дали здѣсь мѣсто въ службѣ, но онъ получалъ жалованья только 25 рублей въ годъ. Ему удалось между тѣмъ продать свою *Кофейницу* одному книгопродавцу, Брейткопфу, который былъ вмѣстѣ и хорошій музыкантъ. Вмѣсто 60-ти рублей, которые покупщикъ согласился дать ему за рукопись, мальчикъ выбралъ у него для себя нѣсколько французскихъ книгъ, въ этомъ числѣ сочиненія Расина, Мольера и Буало. Онъ не могъ довольно начитаться ихъ—и самъ рѣшился писать трагедіи. Страсть къ театру усилилась въ немъ еще болѣе тогда, когда удалось ему познакомиться съ знаменитымъ въ то время трагикомъ нашимъ Княжнинымъ и славнымъ актеромъ Дмитревскимъ. Только шесть лѣтъ прожила въ Петербургѣ мать Крылова. По смерти ея онъ долженъ былъ самъ заботиться о своемъ существованіи и счастіи.

III.

Двадцатилѣтній молодой человѣкъ, по неопытности своей, много потерялъ времени на занятія безполезныя, прежде нежели дошелъ до того, что было согласно съ его силами и способностями. Онъ родился съ необыкновенными дарованіями къ умственной работѣ и былъ въ ранней молодости очень дѣятеленъ; но ему не доставало тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются порядочнымъ воспитаніемъ и ученіемъ. Что узналъ онъ, все было не полно, безъ связи, перемѣшано. Самое чтеніе книгъ, чему онъ предавался больше всего, увлекало его къ пустымъ предпріятіямъ, потому что никто не руководилъ его въ этомъ дѣлѣ, никто не указывалъ ему на необходимое и не предостерегалъ отъ вреднаго. Онъ получилъ отъ природы умъ острый и проницательный. Вмѣсто того, чтобы обращать его дѣятельность на изученіе наукъ, онъ только занимался сочиненіемъ то тяжелыхъ трагедій, то смѣшныхъ и колкихъ разсказовъ. Изъ неудачныхъ первыхъ опытовъ его особенно извѣстны двѣ трагедіи:

Клеопатра и Филомела. Первая не попала въ печать. Дмитревскій, съ которымъ Крыловъ совѣтовался, изъяснилъ ему, что это сочиненіе, какъ слабо обдуманное, не заслуживаетъ быть изданнымъ. Другая трагедія, не смотря на то, что напечатана, совсѣмъ не занимательна.

Видно, Крыловъ еще не зналъ тогда, что въ сочиненіе, для котораго берется содержаніе изъ исторіи, должны войти самыя вѣрныя черты жизни, нравовъ и прочихъ историческихъ особенностей.

По смерти матери, Крыловъ еще два года оставался въ службѣ. Не чувствуя въ себѣ особенной наклонности къ должностнымъ занятіямъ, онъ съ 1789-го года, вышедши въ отставку, исключительно началъ трудиться какъ журналистъ. Съ этимъ званіемъ онъ соединилъ и другое, а именно—званіе типографщика, чѣмъ надѣялся упрочить способы независимой жизни. Такъ провелъ онъ двѣнадцать лѣтъ. Если бы удалось ему въ первой молодости запастись основательными и разнообразными свѣдѣніями въ наукахъ, безъ сомнѣнія, онъ, при способностяхъ своихъ, съ 20-ти до 30-ти лѣтъ жизни, успѣлъ бы произвести что-нибудь болѣе замѣчательное, нежели трагедіи и мелкія стихотворенія.

IV.

Теперь первымъ предпріятіемъ Крылова въ литературѣ было изданіе *Почты духовъ*, сатирическаго журнала, выходившаго въ продолженіе 1789-го года. Въ составленіи его участвовалъ капитанъ гвардіи Рахмановъ. Собственно Крылова сочиненія, помѣщенныя тутъ, представляются въ видѣ переписки, бывшей будто бы между адскими духами: *Зоромъ*, *Буристономъ*, *Выстодумомъ* и *Мимикульмулькомъ*. Письма ихъ содержатъ изображеніе всего, что въ тогдашнемъ вѣкѣ казалось сочинителю страннымъ, смѣшнымъ, глупымъ, порочнымъ и вреднымъ. Особенно осмѣиваетъ онъ безразсудное пристрастіе Русскихъ къ неумѣстному употребленію французскаго языка въ разговорахъ, также дурное воспитаніе и пренебреженіе ко всему отечественному. Въ слѣдующіе затѣмъ два года ничего не явилось изъ-подъ пера Крылова. Онъ до пристрастія полюбилъ театръ и посѣщалъ его неизмѣнно. Въ 1792-мъ году онъ рѣшился опять издавать журналъ, подъ названіемъ: *Зритель*. Участникомъ его въ новомъ изданіи былъ литераторъ Клушинъ, извѣстный въ послѣдствіи времени какъ писатель для театра. Сочиненія Крылова въ *Зрителѣ* были разнообразны. Много между ними есть и мелкихъ его стихотвореній, впрочемъ не очень замѣчательныхъ. Сатирическое направленіе осталось и здѣсь господствующимъ, какъ было въ *Почтѣ духовъ*.

Издатели, по истеченіи года, прекратили этотъ журналъ, начавъ другой, который назывался: *Санктпетербургскій Меркурій*. Здѣсь Крыловъ напечаталъ множество мелкихъ своихъ стихотвореній и нѣсколько замѣчаній на театральныя пьесы, тогда игравшіяся, не переставая нападать съ колкостью на слабости и глупости современниковъ. Въ этомъ же году онъ написалъ комическую оперу: *Бѣшеная*

семья и комедію *Проказники*, которыя представлены были обѣ на театрѣ, а напечатаны въ старинномъ сборникѣ русскихъ театральныхъ пьесъ, изданномъ Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: *Россійскій Ѳеатръ*. То же произошло и въ 1794 году съ новою его комедіею: *Сочинитель въ прихожей*. Впрочемъ въ нихъ мало видно правдоподобія дѣйствительной жизни, или характеровъ, обдуманно составленныхъ. Крыловъ ихъ писалъ въ подражаніе тому, что видѣлъ на театрѣ, тогда еще новымъ у насъ и бѣднымъ хорошими образцами.

V.

Въ продолженіе слѣдующихъ шести лѣтъ (съ 1795 по 1801) Крыловъ и въ службѣ не былъ и ничего не сдѣлалъ для литературы; по крайней мѣрѣ, нѣтъ изъ его сочиненій ни одного, которое бы видимо относилось къ этому времени. Можно подумать, что съ двадцати пяти лѣтъ до тридцать втораго года жизни своей онъ и не думалъ о прежнихъ любимыхъ своихъ занятіяхъ. Бываетъ нерѣдко, что люди въ этомъ возрастѣ предаются праднымъ удовольствіямъ и разсѣянности. Къ сожалѣнію, Крыловъ не избѣжалъ общей участи. Онъ любилъ тогда забавы, посѣщалъ для своего развлеченія общество и раздѣлялъ безплодное его препровожденіе времени. Но, какъ поэтъ, онъ много отсюда взялъ добраго запаса на будущее время. Онъ ближе ознакомился съ людьми, началъ понимать различныя ихъ обязанности, ихъ склонности и страсти, и такимъ образомъ приготовился къ будущимъ своимъ трудамъ. Онъ успѣлъ пополнить воспитаніе свое, привыкнувъ къ чтенію на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, выучившись по-итальянски; также рисовать и играть на скрипкѣ. Въ послѣднемъ искусствѣ онъ довелъ себя до такого совершенства, что съ лучшими виртуозами того времени разыгрывалъ самые трудные квартеты. Но онъ не употреблялъ особенныхъ усилій на то, чтобы свободно говорить на французскомъ языкѣ, хотя легко читалъ и даже могъ писать по-французски.

Первые два года нынѣшняго столѣтія Крыловъ находился въ службѣ, состоя секретаремъ у рижскаго военнаго губернатора князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, который особенно покровительствовалъ ему. Изъ Риги начальникъ его, взявъ отставку, переѣхалъ въ Саратовскую свою деревню, куда пригласилъ жить и Крылова. Тамъ онъ провелъ три года, какъ другъ семейства князя, и занимаясь по временамъ какъ учитель съ его дѣтьми. Жизнь въ чужомъ домѣ рѣшительно подѣйствовала на его умъ и характеръ. Онъ пріобрѣлъ навыкъ соображаться съ разными обстоятельствами, обдумывать не только поступки свои, но и каждое слово, предвидѣть хорошее и худое изъ того положенія, въ которомъ находишься, и быть постоянно благоразумнымъ, даже крайне осторожнымъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Можно сказать, что здѣсь только кончился періодъ его воспитанія, который судьба, повидимому, длила до тридцати семи лѣтъ его жизни.

Дальнѣйшія литературныя занятія Крылова были по большей части уже достойны этого знаменитаго между нами имени. Какъ ни медленно подвигался онъ на пути славы, какъ ни трудно было ему самому дойти до того, что другіе получаютъ отъ своевременнаго воспитанія и счастливыхъ обстоятельствъ жизни, но онъ побѣдилъ всѣ затрудненія, и до такихъ успѣховъ довелъ данный ему природою талантъ, что сдѣлался предметомъ удивленія, любви и благодарности своихъ соотечественниковъ.

VI.

Въ сочиненіи басенъ Крыловъ показалъ образецъ совершеннѣйшій. Повидимому, онъ создалъ для насъ свою поэзію, одушевившись единственно нашею природою, нашею жизнью и нашими нравами. Умъ, воображеніе и языкъ въ его басняхъ представляютъ одно отличительное, замѣчательное и прекрасное въ томъ видѣ, какъ оно свойственно русскому народу и какъ оно должно являться истинному поэту, особенно въ этомъ родѣ. Отъ прежнихъ своихъ занятій къ баснямъ Кры-

ловъ перешелъ, можно сказать, случайнымъ образомъ. Въ 1806-мъ году онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ и познакомился съ И. И. Дмитріевымъ, котораго басни не менѣе уважаются, какъ и прочія его стихотворенія. Крылову вздумалось перевести для опыта двѣ басни Лафонтена: *Дубъ и трость* и *Разборчивую невѣсту*. Онъ показалъ переводъ свой Дмитріеву. Опытный баснописецъ тотчасъ почувствовалъ, какой талантъ скрывается въ его будущемъ соперникѣ, и присовѣтовалъ ему не покидать новаго рода занятій. Крыловъ тогда же перевелъ еще изъ Лафонтена басню *Старикъ и трое молодыхъ*. Такимъ образомъ, онъ добрымъ совѣтомъ выведенъ былъ на ту дорогу, которая довела его до безсмертія.

Между тѣмъ старинная страсть къ театральнымъ сочиненіямъ не совсѣмъ покинула его. Въ 1807-мъ году онъ напечаталъ двѣ комедіи: *Модную лавку* и *Урокъ дочкамъ*, также волшебную оперу: *Илья богатырь*, которыя всѣ играны были на театрѣ. Первыя двѣ долго нравились всѣмъ и потому долго оставались на сценѣ. Въ нихъ есть явленія, по которымъ можно узнать остроумнаго и насмѣшливаго Крылова. Но это было послѣднею его данью театру. Онъ предался теперь исключительно баснямъ. Не надобно впрочемъ думать, что ихъ сочиненіе составляло для него трудъ непрерывный и постоянный. Онъ отъ времени до времени пользовался какимъ-нибудь случаемъ, который давалъ ему содержаніе басни. Заготовивъ ее вчернѣ, онъ долго перечитывалъ и переправлялъ новое сочиненіе свое, нѣсколько разъ переписывая его на особомъ листкѣ. Почеркъ его былъ старинный и до такой степени неразборчивый, что Крыловъ подъ старость и самъ не могъ читать своихъ рукописей.

Когда онъ читалъ свои басни другимъ, его чтеніе было такъ же пріятно, естественно и выразительно, какъ и стихи его. Въ первый разъ особою книжкою напечатаны были басни Крылова въ 1808-мъ году. Ихъ было только 23. Не смотря на столь малое число ихъ, сочинитель скоро сдѣлался самымъ замѣчательнымъ лицомъ. Особенно полюбили его графъ А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ—люди, умѣвшіе цѣнить таланты во всѣхъ родахъ. Императоръ Александръ Павловичъ успѣхи Крылова въ поэзіи признавалъ какъ бы заслугою передъ отечествомъ и щедро награждалъ его. Государыня Марія Ѳеодоровна удостоила его даже личнаго своего участія и, приглашая иногда къ себѣ, любила слушать то, что ему удавалось написать новаго.

VII.

Совершенно однообразная и спокойная жизнь началась для Крылова, когда онъ опредѣлился на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, куда переселился и на житье, что было въ 1812-мъ году. Онъ здѣсь провелъ всю остальную половину жизни своей, за исключеніемъ только четырехъ послѣднихъ лѣтъ. Въ квартирѣ его были три комнаты, изъ которыхъ одна оставалась у него даже безъ назначенія.

Какъ холостой человѣкъ, никогда не обзаводившійся хозяйствомъ, онъ мало обращалъ вниманія на порядокъ и убранства жилища своего.

Только по временамъ пробуждалось въ немъ особенная какая-нибудь прихоть. Такъ, нѣсколько времени собиралъ онъ картины и эстампы. Разъ накупилъ онъ въ квартиру свою самыхъ блестящихъ вещей, дорогой мебели, ковровъ и богатыхъ столовыхъ принадлежностей.

Но постоянный за этимъ присмотръ не входилъ въ число его привычекъ, и оттого скоро все у него тратило видъ красоты и пріятности.

Даже въ отношеніи къ себѣ самому былъ онъ небреженъ, надъ чѣмъ вмѣстѣ съ другими приходилось ему по неволѣ подшучивать и смѣяться.

Онъ любилъ, когда голуби съ улицы влетали въ его комнаты, гдѣ онъ прикармливалъ ихъ, бросая повсюду зерна. Онъ не большой былъ охотникъ до прогулокъ, и дома, читалъ ли, писалъ, или курилъ, всегда проводилъ время, сидя въ покойномъ комнатномъ платьѣ. Но дѣятельный умъ его не переставалъ никогда работать; трудно указать

на другаго писателя, который былъ бы умнѣе его, основательнѣе бы его разсуждалъ и осторожнѣе бы велъ себя въ отношеніи ко всѣмъ людямъ.

Должность не была тяжела для Крылова. Въ нѣкоторые только дни онъ обязанъ былъ принимать и въ порядокъ приводить вновь выходившія русскія книги, или по оставляемымъ требованіямъ приготовлять ихъ для чтенія посѣтителей библіотеки. Еще рѣже приходилось ему проводить тамъ цѣлыя сутки на дежурствѣ. Отъ природы у него была наклонность къ жизни неподвижной, а служба эта еще болѣе къ ней пріучила его. Утромъ до обѣда оставался онъ всегда дома. Обѣдать отправлялся по большей части въ Англійскій клубъ. Вечеръ чаще всего проводилъ у Алексѣя Николаевича и Елизаветы Марковны Олениныхъ, гдѣ считали его за роднаго. Крыловъ былъ вполнѣ преданъ имъ, такъ, что однажды сказалъ Елизаветѣ Марковнѣ: „когда наступитъ послѣдній мой часъ, я приду умереть къ вамъ сюда, къ вашимъ ногамъ“. И дѣйствительно: почувствовавши разъ ударъ паралича отъ прилива крови къ головѣ, онъ, больной, съ трудомъ пришелъ въ этотъ домъ и трогательно произнесъ: „вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня“. Но ему оказана была во-время помощь, и онъ выздоровѣлъ.

VIII.

Не смотря на то, что собраніе басенъ Крылова составляетъ и теперь небольшую книжку, а въ первое время изданія ихъ она была еще меньше, ему, какъ поэту, въ 1818-мъ году, оказана была самая блестящая почесть Императорскою Россійскою Академіею, въ которой онъ съ 1811-го года находился дѣйствительнымъ членомъ. Въ ознаменованіе великой отъ его басенъ пользы русскому языку и славы отечеству, Академія торжественно наградила его золотою медалью, какою тогда же почтила и Карамзина за его *Исторію Государства Россійскаго*. Крыловъ, въ продолженіе свыше семидесятилѣтней жизни своей, всегда пользовался дружбой и любовью знаменитыхъ писателей нашихъ. Ежели окружить его ихъ именами, то выйдетъ тутъ весь лучшій періодъ русской литературы: Державинъ, Нелединскій - Мелецкій, Капнистъ, Озеровъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Пушкинъ, всѣ они связаны были съ нимъ искренностью, единодушіемъ и братствомъ. Онъ съ своей стороны, при всей привычкѣ къ жизни одинокой и къ нѣкоторому бездѣйствію, принималъ живое участіе въ ихъ занятіяхъ, чувствуя всю важность ихъ трудовъ для общественнаго образованія, оттого и всеобщее мнѣніе ни о комъ такъ не высказалось согласно и неизмѣнно, какъ о Крыловѣ. Смотря по различію вкуса и по другимъ обстоятельствамъ, рѣдко похвалы писателямъ бываютъ безъ раздѣленія; но при имени Крылова одно слышалось отовсюду. Самою, конечно, утѣшительною для его таланта наградою было то неоцѣненное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высокихъ особъ Императорскаго Дома.

Изъ его басни *Василекъ* всѣмъ извѣстно, что Императрица Марія Ѳеодоровна нѣжнѣйшее оказала ему попеченіе во время болѣзни его. Онъ до гроба хранилъ цвѣты, которые при разныхъ случаяхъ удостоивала посылать ему Императрица Александра Ѳеодоровна. Оба Императора, Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ, самымъ щедрымъ образомъ награждали его, какъ писателя и гражданина. Его бюстъ посланъ былъ въ числѣ подарковъ на новый 1831-й годъ Государю Наслѣднику Цесаревичу Августѣйшимъ Его Родителемъ. Вездѣ каждымъ Лицомъ Царскаго Семейства онъ былъ привѣтствуемъ съ искреннимъ, полнымъ радушіемъ и ласкою.

Иностранцы также оказали еще при жизни Крылова особенное уваженіе къ его таланту. Въ 1825-мъ году въ Парижѣ напечатано было 86 басенъ Крылова, переведенныхъ на итальянскій и французскій языки лучшими тогдашними поэтами той и другой земли. При этомъ изданіи находился и подлинникъ съ портретомъ автора и нѣсколькими гравюрами. Было еще нѣсколько другихъ переводовъ басенъ Крылова на

французскій и нѣмецкій языкъ. У насъ же и примѣра не знаютъ, кто бы столько разъ и такомъ числѣ печатался, какъ Крыловъ. Вычислено, что всѣхъ экземпляровъ басенъ его съ перваго изданія ихъ до смерти его разошлось по Россіи 77,000.

IX.

Природа послала въ даръ Крылову не только тонкій умъ и счастливѣйшій талантъ, но и удивительную твердость въ исполненіи трудныхъ дѣлъ, когда онъ предпринималъ ихъ. Привычка къ бездѣйствію и наружное ко всему равнодушіе покидали его совершенно, когда онъ выбиралъ съ любовью какое-нибудь занятіе. Можно сказать, что тогда его терпѣніе равнялось силѣ души его. Къ самой отдѣлкѣ тѣхъ басенъ, которыми онъ почему-нибудь не былъ доволенъ, нельзя было не удивляться его настойчивости. Такъ, свою басню *Дубъ и трость* онъ передѣлывалъ до десяти разъ. Еще болѣе изумилъ онъ всѣхъ твердостью воли своей, безъ учителя, только съ помощью грамматики и лексикона, выучившись на 51-мъ году греческому языку, котораго прежде совсѣмъ не зналъ. Онъ такъ овладѣлъ имъ въ два года, что могъ свободно прочитать всѣхъ греческихъ поэтовъ, съ Гомера до Анакреона. Нѣсколько позже слушая часто, какъ одна дама читала при немъ вслухъ англійскія книги, онъ скоро сталъ понимать и читать по-англійски. Иногда и пустое дѣло заманивало его рѣшимость въ такой степени, что онъ не покидалъ его, не добившись до исполненія. Ему очень понравилось однажды, какъ индѣецъ-фокусникъ составлялъ вокругъ головы своей блестящій вѣнокъ, искусно играя свѣтящимися мячиками. Крыловъ захотѣлъ дойти до этого мастерства. Онъ купилъ подобныхъ мячиковъ, заперся въ комнатѣ своей, усѣлся на коврѣ, трудился двѣ недѣли—и дошелъ до того, что ему хотѣлось сдѣлать непремѣнно. Особеннымъ любопытствомъ онъ всегда подстрекаемъ былъ смотрѣть на пожары. Это странное влеченіе такъ имъ овладѣло, что ночью, съ постели, онъ непремѣнно вскакивалъ, одѣвался и, какъ бы далеко не было, шелъ, лишь узнавалъ о какомъ-нибудь пожарѣ. Видно было, что онъ казался склоннымъ къ бездѣйствію только по наружности, а мысль его искала труда, какъ необходимой пищи. Въ шумномъ говорѣ народа, въ ловкости хитреца, во всякой книгѣ Крыловъ ловилъ выраженія и черты, которыми лучше всѣхъ умѣлъ пользоваться при удобномъ случаѣ.

X.

Разбирая внимательно характеръ мыслей Крылова, зрѣлость его поучительности и постоянное заступничество за правило мудрой увѣренности во всѣхъ случаяхъ, какіе только представлялись ему въ жизни и современной исторіи, надобно согласиться, что онъ высоко цѣнилъ отвѣтственность писателя, и не случайно дошелъ до тѣхъ совершенствъ, которымъ всѣ въ немъ удивляются. Его внѣшняя жизнь, столь обманчивая для приговора, прикрывала невидимую дѣятельность души, жизнь внутреннюю, постоянно бодрствовавшую для общаго блага. Въ самомъ обработываніи своихъ сочиненій Крыловъ оставилъ намъ прекрасный примѣръ. Все у него доведено до выраженія, столь безъискусственнаго и согласнаго съ природою, что, повидимому, онъ находитъ въ умѣ своемъ уже готовые на все стихи. Гоголь говоритъ о Крыловѣ слѣдующимъ образомъ: „Его басни—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа... Всякая басня его имѣетъ историческое происхожденіе. Не смотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ однако же слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій, третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо... Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ

степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ... Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная съ изображенія природы, плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звученъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ одностопномъ: разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность».

XI.

Оканчивался семидесятый годъ жизни Крылова, когда прошло пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати сочиненія его *Филомела*. Русскіе литераторы пожелали торжественно отпраздновать наступавшій день рожденія Крылова вмѣстѣ съ юбилеемъ авторской его жизни. Министръ Народнаго Просвѣщенія испросилъ соизволенія Его Императорскаго Величества на предполагавшееся празднество. 2-го февраля 1838-го года оно совершено было здѣсь въ Петербургѣ съ полнымъ великолѣпіемъ. Не было почти ни одного человѣка, какимъ-нибудь талантомъ замѣчательнаго, кто бы не содѣйствовалъ успѣху этого народнаго праздника. Государь Императоръ, въ изъявленіе Высочайшаго благоволѣнія Своего къ баснописцу, пожаловалъ ему въ этотъ день орденъ Святаго Станислава со звѣздою второй степени. Великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ пріѣзжали поздравить Крылова. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Олепинъ, Жуковскій и другіе литераторы привѣтствовали его за обѣдомъ (гдѣ находилось до 300 человѣкъ) приготовленными на этотъ случай рѣчами и стихотвореніями. Жуковскій, между прочимъ, выразился слѣдующимъ образомъ: „Мы благодаримъ васъ, во-первыхъ, за самихъ себя, за столь многія счастливыя минуты, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начали и будутъ начинать любить отечественный языкъ; понимать изящное и знакомиться съ чистою мудростью жизни; благодаримъ за русскій народъ, которому въ стихотвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высказали его умъ и съ такою прелестью дали столько глубокимъ наставленій; наконецъ, благодаримъ васъ и за знаменитость вашего имени: оно сокровище отечества и внесено имъ въ лѣтописи его славы". Въ стихахъ князя Вяземскаго о Крыловѣ сказано въ одномъ мѣстѣ:

"Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нимъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта – наша быль,
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ".

Въ заключеніе торжества, присутствовавшіе на праздникѣ согласились участвовать, чтобы въ память этого событія выбита была медаль съ изображеніемъ Крылова. Когда было доведено о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ медаль выбить на счетъ казны, а подписку открыть для составленія постояннаго капитала, котораго процентами могли бы въ учебныхъ заведеніяхъ содер-

жаться молодые люди подъ названіемъ Крыловскихъ стипендіатовъ. Крылову, еще при жизни его, удѣлено было судьбой счастіе помѣстить двухъ сиротъ въ здѣшнія гимназіи на счетъ суммы, собранной въ прославленіе его имени.

XII.

Съ 1841 года Крыловъ покинулъ навсегда службу и переѣхалъ жить изъ Библіотеки на Васильевскій островъ. Высочайше повелѣно было производить ему пенсіи 11,700 р. ассигн. Онъ, усыновивъ семейство крестницы своей, находилъ забаву въ обученіи грамотѣ дѣтей ея и въ повтореніи съ ними уроковъ музыки. Крыловъ прожилъ до 1844 года и скончался 9-го ноября. Государь Императоръ, на погребеніи знаменитаго поэта, приказалъ отпустить изъ казны 9,000 р. ассигн. Санктпетербургскій Университетъ и Академія Наукъ приняли участіе въ изъявленіи послѣдней почести Крылову, какъ своему члену. Знатнѣйшія особы государства и люди самаго простаго званія съ равнымъ чувствомъ прискорбія провожали тѣло его до Александро-Невской Лавры, гдѣ оно погребено на тамошнемъ кладбищѣ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ онъ былъ увѣнчанъ въ день своего юбилея. На груди его лежали цвѣты, которые получилъ онъ отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и хранилъ, какъ святыню. При закрытіи гроба его положена туда медаль, въ память бывшаго въ честь его празднества.

Признательность соотечественниковъ къ великому баснописцу не охладѣла съ его кончиною. Вслѣдъ за почестями, оказанными ему при жизни и при погребеніи, всѣ пожелали воздвигнуть памятникъ ему и тѣмъ увѣковѣчить славу его въ самомъ отдаленномъ потомствѣ. И это общее желаніе удостоено было Всемилостивѣйшаго соизволенія Государя Императора. *Подписка на памятникъ Крылову, производившаяся по всей Россіи, дала возможность украсить Петербургъ изображеніемъ того, кто своими тихими трудами увѣковѣчилъ славу нашего отечества.* Колоссальная бронзовая статуя баснописца, на гранитномъ пьедесталѣ, украшенномъ бронзовыми же изображеніями главныхъ лицъ его басенъ, вылѣплена и отлита нашимъ извѣстнымъ скульпторомъ, барономъ Клотомъ, и поставлена въ Лѣтнемъ саду, близъ главной аллеи.

Плетневъ.

Изъ Чистосердечнаго Признанія въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ.

(автобіографія).

ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО.

Неестественно человѣку помнить первое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шести лѣтъ возраста. Но безъ сомнѣнія имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ видать случается, то есть: злобу, нетерпѣніе, любостяжаніе и притворство,—словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже укореняются и возрастаютъ отъ воспитанія и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сіе лишеніе, которое, какъ сказалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою. Однажды онъ, подошелъ ко мнѣ, спросилъ меня: „Грустно тебѣ, другъ мой?—А такъ-то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, затрепетавъ отъ злобы, что я и себя, и тебя теперь же вдавилъ бы въ землю». Сіе сильное выраженіе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго. Теперь пришло мнѣ на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о которомъ я никогда никому не сказывалъ и которое здѣсь упомяну для того, что можно изъ него вывести нѣкоторое правило, полезное

для дѣтскаго воспитанія. Родителей моихъ нерѣдко посѣщала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и насъ, племянниковъ своихъ, любила искренно. Она часто ѣзжала въ домъ одного славнаго тогдашняго карточнаго игрока и всегда отъ него привозила къ намъ нѣсколько игоръ картъ, коими насъ дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристрастился къ картамъ съ красными задками и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карты мнѣ доставались; но сіе случалось рѣдко. Сколько хитростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческій умишка, чтобъ на дѣлу доставались мнѣ карты съ красными задками! По какъ хитрости мои рѣдко удавались, то пришолъ я въ уныніе и для полученія желаемаго рѣшился испытать другой способъ и чистосердечно открыться самой тетушкѣ о моей печали; но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хитрость, а именно: нашедшись съ ней наединѣ, составилъ я лицо такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастіи моемъ и, повинясь, что я ихъ всѣхъ обманывалъ, просилъ, чтобъ впередъ на дѣлу доставались мнѣ любимыя карты. „Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся“, сказала она: „я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ“. Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва и тогда жъ почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила, ибо случалися со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство; не скрою однако жъ и того, что во время младенчества моего, имѣя отца благоразумнаго и справедливаго, удавалось мнѣ получать желаемое чаще, слѣдуя чистосердечію, нежели прибѣгая къ лукавству. И я почти внутренно увѣренъ, что воспитатели, ободряя младенцевъ избирать во всемъ прямой путь, предуспѣютъ тѣмъ гораздо лучше вкоренить въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучить къ чистосердію, нежели оставляя безъ примѣчанія малѣйшія ихъ дѣянія, въ коихъ душевныя ихъ свойства обнаруживаться могутъ. По истинѣ, не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастія и самаго младенчества. Я могу сказать, что на картахъ съ красными задками голова моя повернулась. Полученіе ихъ составляло нѣкоторымъ образомъ мое блаженство. И въ самомъ Римѣ едва ли дѣлали мнѣ такое удовольствіе арабески Рафаэлевы, какъ тогда карты съ красными задками. По крайней мѣрѣ, смотря на первое, не чувствовалъ я того наслажденія, какое ощущалъ отъ любимыхъ моихъ картъ, будучи младенцемъ. Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. И такъ, отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить мой здоровый зубъ. „Батюшка“, говорилъ я, „я вскленалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жалъ стало бѣднаго Іосифа“. Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность, хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. „Я постыдился“, отвѣчалъ я, „да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи“. — „Я ее конечно доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и вницѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: „перестань молоть“, кричалъ онъ мнѣ, „или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье“. Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ ученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ утвержденъ сталъ. Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ, — продолжалъ онъ, ударяя по столу рукой, — извольте слушать все, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партикемъ*) пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? „Въ Черное море“, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища; „въ Бѣлое“, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; „не знаю“, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго. Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ

*) Переиначено изъ бортище.

на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста.

Успѣхъ «Бригадира» въ Петербургѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою „Бригадира“ и „Іосифа“. Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова, который не преминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію „Бригадира“. Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ, на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Ея Величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіей извольте идти въ Эрмитажъ“. И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня, и нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе. Дня черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: „Слуга покорный“, сказалъ мнѣ, „поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго-ли вы здѣсь останетесь? спросилъ онъ меня.—„Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ“. отвѣчалъ я. „А мы завтра“, сказалъ графъ; „я еще хочу, сударь“, продолжалъ онъ, „попросить васъ: Его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше и для того, по пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ комедіею вашей, а я представлю васъ великому князю и вы можете прочитать ее намъ“.—Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями Его Императорское Высочество и ваше сіятельство“.—„Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны“, говорилъ графъ.—„Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ“, отвѣтствовалъ я.—„Мнѣ будетъ очень пріятно“, сказалъ онъ, „если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ“. Сіе слово произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ-будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. „Я тотчасъ одѣнусь“, сказалъ мнѣ, „а ты посиди со мною“. Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю, и представилъ ему меня, какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. „Да вотъ послѣ обѣда“, сказалъ графъ, „Ваше Высочество ее услышите“. Потомъ, подошелъ ко мнѣ: „Вы“, сказалъ, „извольте остаться при столѣ Его Высочества“. Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и Его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли око-

ло меня. Чрезъ нѣсколько минутъ по-томъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. „Я вижу“, сказалъ онъ мнѣ, „что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу“. По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. „Это въ нашихъ нравахъ первая комедія“, говорилъ онъ, „и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую намъ не оставлять вашего дарованія“.— „Ваше сіятельство“, говорилъ я, „для меня ничего лестнѣе быть не можетъ, какъ такое одобреніе ваше. Его Высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма лестныя привѣтствія. А графъ, когда вышли мы въ другую комнату, сказалъ: „вы можете ходить къ Его Высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите“. Я благодарилъ за сію милость. „Одолжи же меня“, сказалъ графъ, „и принеси свою комедію завтра ввечеру ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли“. Я съ радостью обѣщалъ сіе графу и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при Его Высочествѣ. Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передразнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело и графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ Его Высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у графа ввечеру. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и графъ обошелся со мною отмѣнно милостиво. Въ сей день представленъ былъ я графомъ брату его, графу Петру Ивановичу, который звалъ меня на другой день обѣдать и читать комедію. „И я у тебя обѣдаю“, сказалъ графъ брату своему; „я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѳеевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, и слышу“.

Чтеніе мое у графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный графъ Захаръ Григорьевичъ былъ тутъ моимъ слушателемъ. „А завтра“, сказалъ онъ мнѣ, „милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу“. Потомъ пригласилъ онъ обоихъ графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ ту же честь и я вседневно званъ былъ обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой добродѣтели, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, покойные: графиня Марья Андреевна Румянцева, графиня Катерина Борисовна Бутурлина и графиня Анна Карловна Воронцова. И я, объѣздя звавшихъ меня, съ недѣлю отдыхалъ.

Фонъ-Визинъ.

Князь въ древней Руси.

Идеалъ князя древней Руси представляетъ намъ Володимиръ Всеволодовичъ Мономахъ въ своемъ знаменитомъ „Поученіи дѣтямъ“. Въ примѣръ дѣтямъ Мономахъ ставилъ самого себя и, разсказавъ свои подвиги на войнѣ и ловахъ, которые тогда считались упражненіемъ достойнымъ благороднаго человѣка, равнымъ военному дѣлу, прибавляетъ: „еже было творити строку моему, то самъ есмь творилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, недая себѣ покоя, на посадники не зря, ни на бирічи; самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ,

то я творилъ есмь, и въ ловчихъ, ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюшѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ, тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго нарида и службы самъ есмь призиралъ". Такимъ образомъ собственнымъ примѣромъ подтверждаетъ Мономахъ свои совѣты дѣтямъ, а совѣтуетъ онъ имъ ходить въ церковь, молиться про себи и часто повторять: „Господи помилуй"; „та бо есть молитва—прибавляетъ онъ—всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицу"; помогать убогимъ и защищать вдовъ и сиротъ, не давать сильнымъ погубить человѣка, не убивать ни праваго, ни виноватаго и не повелѣвать убивать; не нарушать присягу; не гордиться; не зарывать въ землю сокровищъ, чтить старыхъ, какъ отцовъ, молодыхъ—какъ братью; въ дому смотрѣть самому за всѣмъ, „да не посмѣются приходящіе къ вамъ, и дому, и обѣду вашему", на войнѣ тоже смотрѣть за всѣмъ, не предаваться питью, ѣдѣ, сну; не вѣрить воеводамъ, а самимъ разставлять стражу; ложась, не снимать оружія, передъ сномъ все осматривать самимъ и рано вставать; беречься лжи, и пьянства; ходя по путемъ (вѣроятно полюдье) не давать „пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ;" на дорогѣ кормить всѣхъ, особенно иноземцевъ; посѣщать больныхъ, провожать мертвыхъ, ко всѣмъ быть привѣтливыми, женъ любить, но не давать имъ воли. Эта чуднаи смѣсь наставленій, изъ которыхъ одни назначены для домовладыки, а другія для князя, стоящаго во главѣ народа, лучше всякихъ разсужденій вводитъ насъ въ духъ и характеръ эпохи: при простотѣ нравовъ, обязанности того и другаго совершенно тождественны, и требуютъ только честнаго отношенія къ дѣлу: обязанность князя защищать слабаго отъ сильнаго, не вѣрить своимъ судьямъ и постоянно смотрѣть за ними. Присматриваясь къ быту и понятіямъ той эпохи, мы убѣждаемся въ мудрости этихъ наставленій, при всей ихъ видимой простотѣ: князь, особенно князь христіанинъ, долженъ быть защитникомъ тѣхъ, кто не находилъ, какъ мы уже видѣли, себѣ естественной защиты: „якоже левъ въ твердости своей страшенъ есть—говоритъ одно старинное русское поученіе—такоже человѣкъ въ близонѣхъ и друзѣхъ честенъ есть, а иже родомъ скудъ, подобенъ есть древу при пути, яко вси мимоходящіе сѣкутъ его". Мы уже видѣли, что на судъ еще въ Варяжскій періодъ приходили съ толпою родственниковъ, какъ естественныхъ защитниковъ; тоже встрѣчаемъ и въ позднѣйшихъ юридическихъ памятникахъ. Рядомъ съ этою обязанностію защищать вдовъ и сиротъ, Мономахъ ставитъ наставленіе не проливать крови; это наставленіе напоминаетъ отвѣтъ Володиміра Святаго епископамъ на вопросъ: „почему онъ не казнитъ преступниковъ?"—„Боюсь грѣха". Въ этомъ смыслѣ Мономахъ становится нравственно выше учителей той эпохи —лицъ духовныхъ: наставленіе это, при разнузданности страстей, естественной въ эпохи варварскія, не привыкшія уважать человѣческой жизни, было самое благовременное, подобно другому наставленію Мономаха: не нарушать клятвы; и тѣмъ, и другимъ порокомъ наиболѣе былъ зараженъ его вѣкъ. Что же касается до остереженія противъ недобросовѣстности тіуновъ, судей и всякихъ приставниковъ, то литература времени до-татарскаго представляетъ не мало подтвержденій благовременности этого предостереженія. Митрополитъ Никифоръ (1104—1121) въ своемъ посланіи къ *Володиміру Мономаху*, высоко поставивъ его собственныя нравственныя качества, прибавляетъ: «мнить же ми ся, яко не мога самъ вся творити очима своима отъ служащихъ оруліемъ твоимъ и приносящимъ ти въспоминанія, то отъ тѣхъ нѣкако приходить ти пакость душевная» — и совѣтуетъ припомнить: «о изгнанныхъ отъ тебе, и осужденныхъ отъ тебе наказанія ради, о презрѣныхъ: вспомни о всѣхъ, кто на кого изрекъ и кто кого оклеветалъ и самъ судіи разсуди таковыя»; «не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня

устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ", говорится въ извѣстномъ словѣ, приписываемомъ Даніилу Заточнику; въ «Бесѣдѣ тверскаго епископа Симеона съ полоцкимъ княземъ Константиномъ», относимой къ концу XIII в., выставляется на видъ то, что князья виноваты наравнѣ съ тіунами, если тіуны грабятъ, и будутъ на томъ свѣтѣ вмѣстѣ съ тіунами. Лѣтописныя свидѣтельства подтверждаютъ то, что мы находимъ въ этихъ и многихъ другихъ памятникахъ. Такъ, въ лѣтописи мы читаемъ жалобы на тіуновъ *Всеволода Ярославича*, *Святополка Михайловича*, *Всеволода Ольговича*. Явленія въ высшей степени понятныя: если сами князья нерѣдко не сдерживали своихъ страстей — гнѣва, даже лихоимства (напр. Святополкъ), то конечно нельзя было ждать этого отъ тіуновъ, получавшихъ довѣренность князя; точныхъ условій, опредѣляющихъ предѣлы ихъ власти, точныхъ гарантій для контроля нельзя было и ждать въ эту пору, когда не были ни опредѣлены, ни поставлены границы между властію князя и властію вѣча, а все дѣло основывалось на довѣріи или на преобладаніи матеріальной силы. Въ сущности власть вѣча никогда не была чѣмъ-либо инымъ, кромѣ власти контролирующей: она проявлялась въ важныхъ случаяхъ, а въ обыкновенныхъ князь пользовался полною властію и часть ея—сборъ дани или судъ со всѣми послѣдствіями—передовѣрялъ избраннымъ имъ лицамъ.

Внутри своей волости каждый князь былъ вполнѣ независимъ отъ другихъ; едва ли даже князья, получившіе волости и города отъ другихъ князей, напр. въ Кіевской землѣ Вышгородъ, Бѣлгородъ и т. д., сколько-нибудь были стѣсняемы; во взаимныхъ отношеніяхъ они также поступали, какъ независимые владѣльцы: вели войны, заключали миры; лишь только общія предпріятія Русской земли (и то при сильныхъ князьяхъ Кіевскихъ) требовали присутствія всѣхъ и за отказъ отъ участія князь могъ потерять свою власть. Такими общими предпріятіями или столкновеніями, касавшимися многихъ князей, вызываемы были княжескіе съѣзды, въ которыхъ впрочемъ мы замѣчаемъ то характеръ семейныхъ совѣтовъ, то характеръ съѣздовъ самостоятельныхъ владѣльцевъ, а не видимъ учрежденій государственныхъ. Внутреннія дѣла княжествъ не подлежатъ вѣдѣнію подобныхъ съѣздовъ: мы не видимъ, чтобы когда либо разсуждали на нихъ объ отношеніяхъ народа къ князю; даже раздавая волости, князья не обращаютъ вниманія на желаніе населенія, которое уже само по себѣ выражаетъ свою волю, принимая князя или отвергая его, подобно Новгородцамъ, приславшимъ сказать Святополку: „аще ли двѣ главѣ имѣетъ сынъ твой, то пошли и". Вообще можно сказать, что князья имѣли въ виду свои княжескія права на управленіе, судъ и дань и дѣлили между собою эти права: волости представляли въ ихъ глазахъ извѣстную цѣнность: „мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси—говоритъ *Романъ Мстиславичъ* тестю своему *Рюрику Ростиславичу* на предложеніе уступить *Всеволоду Суздальскому* нѣкоторые города—любо кунами даси за нее, во что будетъ была". Отнимая у *Давыда Игоревича* землю Волынскую и ограничивая его Дорогобужемъ, князья дали ему извѣстную сумму денегъ: *Мономахъ* 200 гривенъ, а *Святославичи Олегъ* и *Давыдъ*—тоже 200. *Даніилъ Галицкій* помирился въ 1238 г. съ *Михаломъ Всеволодовичемъ* Черниговскимъ и отдалъ ему Кіевъ, но Михаилъ побоялся взять Кіевъ, опасаясь татаръ; тогда «Данилъ же и Василько вѣдаста ему ходити (т. е. вѣроятно собирать дань) по земли своей, и даста ему пшеницѣ многа и меду, и говядъ, и овецъ доволѣ». Это сопоставленіе ясно свидѣтельствуетъ, что позволеніе походить имѣетъ значеніе финансовой выгоды. Драгоцѣнныя свѣдѣнія о количествѣ дани, собираемой князьями съ своихъ волостей, даетъ намъ уставная грамота Смоленской епископіи, данная *Ростиславомъ Мстиславичемъ* въ 1150 г.; въ ней исчисляются всѣ Смоленскія волости (ихъ числомъ 34) съ показаніемъ, сколько съ каждой идетъ дани и сколько изъ этой дани слѣдуетъ въ десятину епископу. Изъ этой грамоты видно, что Смоленское княжество доставляетъ около 3150 гривенъ серебра (гривна=фунтъ)

одной дани, ибо въ грамотѣ прямо сказано: «кромѣ продажи, и кромѣ виръ, и кромѣ полюдья». Кромѣ дани и пошлинъ судебныхъ, князья собирали еще пошлины таможенныя, какъ съ товаровъ, привозимыхъ въ ихъ княженье, такъ и съ продаваемыхъ внутри княженія (мытъ, вѣсъ вощаный, пудъ). Сверхъ того у князей были свои села, иногда очень богатыя: въ 1147 г. *Изяславъ* и *Владиміръ Давыдовичи*: „идоста на Игорево сельце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ, бѣже ту готовизны много въ бретъяницахъ *), и въ погребѣхъ вина и медове, и что тяжкаго товара всякаго, до желѣза и до мѣди, нетягли бяхуть отъ множества всего того вывозити"; на гумнѣ у него было 900 стоговъ, а коней у Игоря и Святослава въ одномъ стадѣ было 4000; а у Святослава въ селѣ нашли 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина. Жена *Глѣба Всеславича* Минскаго, похороненная въ Печерскомъ монастырѣ, оставила этому монастырю пять селъ съ чельдью (рабами), а мужъ и отецъ ея тоже жертвовали въ монастырь и села, и деньги.

Лѣтопись сохранила довольно много свѣдѣній о частной жизни князей. При рожденіи князь получалъ два имени: одно княжое, а другое хрістіанское (Святополкъ—Михаилъ, Володиміръ—Василій и т. д.), что видно изъ лѣтописи и изъ поминанія Даніила Паломника. Иногда при самомъ рожденіи князю назначался городъ. Не ранѣе двухъ лѣтъ надъ княземъ совершался обрядъ *постриг* и *всаженіе на конь*. Къ молодому князю приставлялся кормилецъ или дядька, который былъ его воспитателемъ: такъ въ сраженіи при Лыбеди (1151) „Володиміра (Андреевича) же не пусти кормилецъ его, зане молодъ бѣ въ то время". Князья сажались на столы очень рано: *Мстиславъ Володимірович* въ 12 лѣтъ, братъ его *Андрей* въ 17; *Ярославъ Всеволодовичъ*, сынъ Всеволода Ольговича—шести; *Святославъ Всеволодовичъ*—пяти. Женили князей и выдавали замужъ княженъ тоже очень рано: *Андрей Володимірович* женялся 15 лѣтъ; *Ростиславъ Рюриковичъ*—14, а невѣстѣ его, *Верхуславъ Всеволодовнъ*, было только 8. Князья наши той эпохи, кажется, всѣ были грамотные, что доказывается ихъ перепискою, о которой нерѣдко упоминается въ лѣтописи; княгини тоже умѣли грамотѣ; это доказывается перепискою Верхуславы съ Симономъ, епископомъ Владимірскимъ, о которой самъ Симонъ поминаетъ въ своемъ посланіи къ Поликарпу. Мономахъ совѣтуетъ своимъ дѣтямъ учиться всю жизнь: „его же умѣючи, того не забывайте добраго, а еже неумѣючи, а тому ся учите; якоже бо отецъ мой, домя сѣдя, изумѣюше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земель". Любовь къ книгамъ *Ярослава* и сына его *Святослава* уже извѣстна намъ. Большая часть жизни князей проходила на войнѣ, въ охотѣ или поѣздкахъ; развлеченіе же ихъ ярко рисуется въ „житіи Ѳеодосіи": „Въ одинъ день блаженный и богоносный отецъ нашъ пришелъ къ князю и, вошедъ въ комнату, гдѣ находился князь, сѣлъ и увидѣлъ передъ нимъ многихъ играющихъ: одни играли на гусляхъ, другіе на органахъ, а иные на голосахъ пѣли пѣсни. Такъ обыкновенно забавлялись и веселились передъ княземъ". Когда Ѳеодосій спросилъ: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?» князь приказалъ перестать и послѣ при Ѳеодосіи уже не повторялись эти забавы. Вмѣсто слова *пировать* часто употребляется слово *пить*, что достаточно знакомитъ съ характеромъ этихъ пировъ. Но не всѣ князья любили такіе пиры: *Ростиславъ Мстиславичъ* предпочиталъ кормить у себя монаховъ и бесѣдовать съ ними о монашескомъ житіи. Роскошный образъ жизни князей и бояръ возбуждалъ противъ себя голоса въ литературѣ; такъ въ предисловіи „Софійскаго Временника" читаемъ: „како быша древніи князи и мужи ихъ и како отбороняху Русьскую землю, и иныя страны пріимаху подъ ся.... Ти бо князи несбираху многи имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди, но оже будяше права вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющися: „братіе! потягнемъ по своемъ князи и по Русьской земли". Не-

*) Кладовая.

жадаху: „мало ми есть, княже, 200 гривенъ“ не кладаху на свои жены златыхъ обручей, не хожаху ихъ жены въ серебрѣ и расплодили были землю Русьскую“. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть преувеличенія, тѣмъ болѣе, что этими пороками авторъ стремится объяснить нашествіе „поганыхъ“ (должно быть татаръ): и въ XIII в. видимъ князей, которыхъ любятъ современники, и раньше жизнь княжеская представляла не все однѣ свѣтлыя черты; но это общая слабость людская искать позади золотаго вѣка. Вообще жизнь князей была дѣятельная, подвижная: главное занятіе ихъ война и охота. Оттого они рано ложились и рано вставали. Ѳеодосій, возвращаясь разъ отъ князя въ монастырь на утренней зарѣ, встрѣтилъ бояръ, ѣхавшихъ къ князю на думу; въ 12 часу они обѣдали, а послѣ обѣда отдыхали; Мономахъ говоритъ: „спанье есть отъ Бога присужено полудни, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь, и птица, и человѣци“. Сохранившіеся рисунки даютъ возможность представить себѣ одежду князей этого періода: изъ сличенія рисунковъ, приходятъ къ такому выводу объ одеждѣ: „на станѣ цвѣтная исподь или что-то въ родѣ кафтана, тоже цвѣтнаго, и сверхъ того очень часто цвѣтной же плащъ; на ногахъ исподнее цвѣтное платье и высокіе цвѣтные сапоги; на головѣ опушенная мѣхомъ шапка съ цвѣтнымъ верхомъ“.

Бестужевъ-Рюминъ.

Іоаннъ III.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростью возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокращая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ явной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, неимѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ и первымъ истиннымъ самодержавцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть передъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность; установилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки, въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами

возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе, однимъ словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для Россіянъ, которые въ его время начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу Четвертому, онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основателя монархіи славится нѣжною чувствительностью, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостью. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ; всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго приказа веселить его и веселиться.

Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? Славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостью именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державнымъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимірова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестагопадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Великимъ: оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусство образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видно также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ воинскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа.

Карамзинъ.

Діонисій-архимандритъ Троице-Сергіева монастыря.

Раздался голосъ Троицкаго архимандрита Діонисія—на всю Русь. То была крѣпкая, высокая душа, способная уговорить и ободрить народъ, падающій подъ невыносимымъ бременемъ бѣдъ. Родомъ онъ былъ изъ Ржева, въ мірскомъ званіи назывался Давидъ, былъ священникомъ, овдовѣлъ, поступилъ въ Старицкій Богородицкій Монастырь, и въ началѣ смутнаго времени сдѣлался архимандритомъ. При царѣ Василье онъ полюбился патріарху Гермогену. Гермогенъ ставилъ его въ примѣръ добродѣтелей духовенству. Послѣ осво-

божденія Троицко-Сергіевскаго монастыря отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго *), его выбрали архимандритомъ этой обители. Этотъ доблестный архимандритъ началъ свое новое поприще дѣлами любви: лѣтомъ 1611 года, когда Москва была опустошена, Сапѣжинцы разошлись по окрестностямъ, Діонисій устроилъ у себя въ монастырѣ пріютъ для несчастныхъ избѣжавшихъ жолнарскаго **) и козацкаго звѣрства. Діонисій предложилъ кормить ихъ, надѣлять одеждою; устроилъ странноприемницы и больницы, особыя для мужчинъ и женщинъ. Келарь и братія сначала представляли ему, что на это не станетъ средствъ. Діонисій говорилъ имъ: «вотъ, государи мои, былъ намъ великій искусъ. Отъ большой бѣды избавилъ насъ Господь ***) молитвами Богородицы и святыхъ угодниковъ Сергія и Никона; а теперь за лѣность и скупость можетъ безъ осады насъ смирить и оскорбить. У насъ есть монастырская казна, да еще и послѣ умершихъ осадныхъ людей-вкладчиковъ, которые по душамъ своимъ въ святую обитель повкладали свои имѣнія, осталось: будемъ изъ этого давать бѣднымъ кормъ, одежду, обувь и на лѣчбу, и платить работникамъ, которые возьмутся стряпать, служить и лѣчить больныхъ, собирать мертвыхъ; за головы свои и за жизнь не постоимъ». Слова его убѣдили братію. Не только въ монастырѣ, но и въ монастырскихъ слободахъ, а также въ женскомъ Пятницкомъ монастырѣ, монахи и служки день и ночь трудились: одни ухаживали за больными, другіе готовили имъ ѣсть, третьи обшивали ихъ, четвертые разъѣзжали по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ раненыхъ, мученыхъ, и привозили въ монастырь; возили также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Ужасно было смотрѣть на страдальцевъ, наполнявшихъ дворъ Троицкаго монастыря: одни были испечены, у другихъ содраны со спины ремни кожи, у тѣхъ вырваны волосы, у другихъ выпечены глаза. Тѣ, которые не могли оправиться, сподоблялись, по крайней мѣрѣ, напутственнаго причащенія Святыхъ тайнъ. Архимандритъ самъ занимался этими дѣлами милосердія. Вмѣстѣ съ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ *) онъ составлялъ воззванія; давалъ ихъ переписывать борзописцамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Алексѣй Тихоновъ, пріобрѣлъ извѣстность. Гонцы развозили ихъ всюду. „Помогайте, смилуйтесь надъ явною общею погибелью“, — писалъ онъ Казанцамъ, — „пока васъ самихъ не постигла лютая смерть: пусть служилые люди безъ мѣшканья поспѣшаютъ къ Москвѣ на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ, и ко всему множеству всего православнаго христіанства. Сами знаете, что всякому дѣлу свое время, и несвоевременное начинаніе всякаго дѣла бываетъ суетно. Если между вами есть какіе недоволы, — все отложите на-время для Бога, чтобъ всѣмъ намъ съ вами положить единый подвигъ страдать для избавленія православной христіанской вѣры, покамѣстъ къ намъ долгимъ временемъ какая помощь не пришла“.

Такой голосъ возвышался на Руси вмѣсто Гермогена, которому болѣе было невозможно говорить во всеуслышаніе православнаго народа.

....Въ краѣ, прилежащемъ къ столицѣ, бродили Польскія шайки: особенно свирѣпствовали Сапѣжинцы. Зло

*) Эта *знаменитая* осада Троице-Сергіевой Лавры длилась 16 мѣсяцевъ. Монахи съ немногими стрѣльцами, ратниками и окрестными крестьянами, запершись въ стѣнахъ монастыря и терпя всякую нужду, мужественно его отстаивали отъ Польскаго войска. Не смотря на градъ ядеръ и пуль, сыпавшихся на нихъ, и на частые приступы непріятеля, они-таки отстояли Лавру, — и Поляки принуждены были, со стыдомъ, удалиться, не взявши монастыря.

**) *Жолнеры* — Польскіе строевые солдаты.

***) Здѣсь говорится объ освобожденіи отъ долговременной осады Троицко-Сергіева Монастыря Польскими полчищами подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго. Этотъ монастырь мужественно отстояли отъ непріятелей Троицкіе монахи, небольшой военный отрядъ и земскіе люди, пришедшіе въ монастырь предъ осадой его.

*) Имя келаря Троицко-Сергіевой лавры *Аврамія Палицына* должно стоять на ряду съ именами Патріарха Гермогена и Архимандрита Діонисія. Онъ былъ также ревностный поборникъ за Русскую землю, радѣлецъ и печальникъ о Русскомъ народѣ въ это тяжкое для Россіи время. — Авраамій Палицынъ написалъ „*Сказаніе* объ осадѣ Троицкаго-Сергіева Монастыря отъ Поляковъ и Литвы“.

дѣйства ихъ были ужаснѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ. Толпы народа изъ сожженныхъ жолнѣрами селъ и деревень замерзали по полямъ. Троицкіе монастырскіе приставы ѣздили по окрестностямъ, подбирали мертвецовъ и везли ихъ въ обитель. Тамъ неутомимый Діонисій приказывалъ ихъ одѣвать и хоронить прилично. „Я самъ“—говоритъ очевидецъ, составитель Діонисіева житія—„съ братомъ Симономъ, погребли четыре тысячи мертвецовъ; кромѣ того, по Діонисіеву велѣнію, мы бродили по селеніямъ и деревнямъ и погребли, по-смѣтѣ, болѣе трехъ тысячъ въ продолженіе триддати недѣль; а въ монастырѣ весною ежедневно пять, шесть, а иногда и по десять тѣлъ сваливали въ одну могилу“.

Къ довершенію бѣдствій тогда былъ неурожай, а за нимъ голодъ. „И было тогда“ — говоритъ современное сказаніе — «такое лютое время Божія гнѣва, что люди не чаяли впередь спасенія себѣ; чуть не вся Земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время — *лихолѣтье*, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, трусы, моры, зябели на всякій плодъ земной; звѣри поѣдали живыхъ людей и люди людей ѣли, — и плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ, Польскій король, велѣлъ все Московское Государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ сына его, Владислава»…. «Но Господь»—говоритъ тоже сказаніе — «услышалъ молитву людей своихъ, возопившихъ къ Нему великимъ гласомъ, о еже избавитися имъ отъ лютыхъ скорбей».

Костомаровъ.

Суворовъ.

Чтобы постигнуть личность столь оригинальную и своеобразную, необходимо прослѣдить, какъ постепенно развился этотъ необыкновенный характеръ. Съ самаго малолѣтства и во всю жизнь Суворовъ шелъ своимъ особымъ путемъ, не тѣмъ, который былъ обычною колеею большинства. Онъ не былъ съ колыбели записанъ въ полкъ, какъ большая часть баричей того времени; казалось даже, онъ и не рожденъ былъ для военнаго поприща: малорослый, сухощавый, онъ былъ ребенкомъ слабаго сложенія. Отецъ его, хотя самъ заслуженный генералъ, предназначалъ своего сына къ службѣ гражданской, и потому заставлялъ его съ малолѣтства учиться языкамъ и наукамъ. Юноша показывалъ и охоту къ ученію, и способности. Онъ былъ ума бойкаго, живаго и рано обнаруживалась въ немъ необыкновенная твердость характера. Попадавшіяся ему книги прочитывалъ онъ съ жадностью; особенно же пристрастился къ Плутарху и Корнелію Непоту: такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ нее честолюбіе и любовь къ славѣ. Десятилѣтній Суворовъ мечталъ уже, какъ бы сдѣлаться великимъ мужемъ. Изъ всѣхъ родовъ славы болѣе всѣхъ плѣняла его слава воинская: и вотъ онъ принялся читать усердно походы Александра Македонскаго, Цезаря, Карла XII; началъ изучать фортификацію по какимъ-то старымъ отцовскимъ книгамъ; во что-бы то ни стало, захотѣлъ онъ быть воиномъ. Родитель его, послѣ многихъ возраженій, уступилъ явной наклонности сына и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ записалъ его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ (Семеновскій). Вскорѣ затѣмъ, на пятнадцатомъ году, Суворовъ поступилъ въ тотъ же полкъ уже на дѣйствительную службу рядовымъ и девять лѣтъ несъ солдатскую лямку, постепенно проходя всѣ низшія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта. Только въ 1754 году, на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, Суворовъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, поручикомъ въ армію: въ эти лѣта, многіе изъ его сверстниковъ были уже генералами или по крайней мѣрѣ полковниками.

Такое начало служебнаго поприща имѣло весьма важное значеніе въ жизни Суворова. Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сродъ-

нился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ. Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую: не спалъ иначе какъ на соломѣ или на сѣнѣ; вставалъ съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою; ненавидѣлъ всякую роскошь; избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ; изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчать душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье укрѣпилось; съ виду щедушный и слабый, онъ однако же выносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно, не безъ умысла Суворовъ старался во внѣшней своей жизни примѣняться къ солдатскому быту. Но какъ ошибались тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ то инстиктомъ военнымъ! Суворовъ получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какого не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ повѣрье, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ кончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его въ послѣдствіи самоучкою. Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ. Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнилъ во всю жизнь свою и точно такъ же, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ въ идеалъ. Можно даже сказать, что военный геній Суворова, не смотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній. Занятія умственныя, конечно, не мѣшали Суворову съ первыхъ лѣтъ службы обратить на себя вниманіе начальниковъ примѣрнымъ усердіемъ и точностію въ исполненіи своихъ обязанностей: какъ прежде былъ онъ солдатомъ самымъ исправнымъ въ полку, такъ потомъ и офицеромъ самымъ ревностнымъ; онъ считался, какъ говорится, „служакою“. Одаренный отъ природы необыкновенною энергіею и силою воли, Суворовъ принимался за все съ жаромъ, съ любовію, и ничего не дѣлалъ на половину. Службѣ предался онъ вполнѣ, всею душою, и строгое выполненіе обязанностей своихъ доводилъ до педантизма. Поэтому на него преимущественно возлагались служебныя порученія, требовавшія распорядительности и точности. Еще сержантомъ былъ онъ посланъ за границу, съ депешами въ Варшаву и Берлинъ. Спустя два года по производствѣ въ офицеры (1756), онъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ, потомъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ; за тѣмъ въ 1758 г., когда русскія войска выступили въ походъ въ Пруссію, Суворовъ, въ чинѣ премьеръ-маіора, формировалъ третьи батальоны въ Лифляндіи и Курляндіи и былъ комендантомъ въ Мемелѣ. Выпросивъ дозволеніе отправится въ дѣйствующую армію, онъ былъ немедленно же назначенъ въ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ Ферморѣ. Первые опыты Суворова собственно на боевомъ поприщѣ были при занятіи Кроссена и въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Въ послѣдней кампаніи семилѣтней войны онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Берга и командовалъ самъ отдѣльными легкими отрядами. Генералъ Бергъ отозвался о подполковникѣ Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасности». Въ этихъ партизанскихъ наѣздахъ впервые обнаружились и, быть можетъ, зародились тѣ свойства Суворова, которыя впослѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость.

Присланный въ 1762 году изъ Пруссіи въ Петербургъ съ донесеніемъ къ императрицѣ, Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники, въ астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіе шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царскимъ Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера: съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ кипѣло пламенное честолюбіе; во что бы то ни стало, хотѣлъ онъ достигнуть славы и знаменитости и давно придумывалъ средства къ тому. Наконецъ одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ. Замѣчаніе это запало глубоко въ умѣ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности: что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей; однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться оригинальнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно всего вѣроподобнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми, дѣйствительно, Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе: начавъ съ легкихъ шутокъ, приговорокъ, мало-помалу сдѣлался онъ вполнѣ чудакомъ: и въ разговорѣ, и въ письмѣ, и въ походкѣ, и въ самой службѣ. Отбросивъ общепринятыя формы приличія, Суворовъ ничего не дѣлалъ какъ другіе люди: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженія, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спартанскій образъ жизни: вставая съ зарей, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемь часовъ утра; притворялся, будто не можетъ выносить зеркалъ, боясь увидѣть въ нихъ самого себя. Въ одеждѣ своей Суворовъ также не соблюдалъ общей формы: часто въ лѣтній жаръ являлся даже передъ войсками вовсе безъ мундира, только въ рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ платьѣ; иногда же носилъ бѣлый китель съ краснымъ воротникомъ. Головной уборъ его состоялъ обыкновенно изъ маленькой каски съ чернымъ пером. Въ зимнее время, въ самые холодные дни, имѣлъ онъ только лѣтній плащъ, который слылъ подъ названіемъ родительскаго; шубы никогда не носилъ, даже въ глубокой старости. Командуя полкомъ, онъ самъ училъ кантонистовъ ариѳметикѣ, сочинялъ для нихъ учебники, въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ. Въ обращеніи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ совершенно свою особую систему: строгій къ каждому въ исполненіи обязанностей служебныхъ, онъ въ то же время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками. Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ; слово «не знаю» было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ-нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ, и немедленно же надобно было отвѣчать ему, хотя бы такою же нелѣпостію: кто отвѣтитъ остро, умно, тотъ молодецъ, разумникъ; кто смутится, замнется, тотъ «немогузнайка». Обыкновенныя фразы вѣжливости, приличія, отвѣты неопредѣленные, уклончивые преслѣдовалъ онъ особыми своими терминами: «лжинка, лукавка, вѣжливка», и проч. Даже въ обученіи своего полка Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности; вдругъ соберетъ его ночью, по тревогѣ, и поведетъ въ походъ; водитъ нѣсколько дней сряду; переходитъ черезъ рѣки въ бродъ и вплавь; держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ проходя мимо какого-то монастыря, въ окрестностяхъ Новой Ладоги, вдругъ велѣлъ онъ полку своему атаковать эту мирную обитель и штурмовалъ стѣны по всѣмъ прави-

ламъ. На Суворова жаловались за эти проказы, но все прощалось чудаку. Дѣйствительно, Суворовъ своими странностями вполнѣ достигъ предположенной цѣли: о немъ, разумѣется, начали говорить въ Петербургѣ; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до самой императрицы; Государыня, уже зная Суворова какъ умнаго человѣка и отличнаго полковаго командира, милостиво улыбнулась, услыша о его проказахъ. Проницательный взглядъ Екатерины умѣлъ открыть въ Суворовѣ истинныя достоинства подъ комическою маскою, которую онъ на себя надѣлъ. Всякаго другаго подобная маска сдѣлала бы смѣшнымъ шутомъ: Суворовъ, напротивъ того, умѣлъ заслужить общее уваженіе и въ особенности солдатамъ внушилъ неограниченную къ себѣ любовь; они звали его не иначе, какъ отцомъ роднымъ. Всѣ подчиненные, которымъ случалось быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову, дѣлались почти фанатическими приверженцами его. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Суворова, въ его рѣчахъ, даже въ его шуткахъ и проказахъ, подъ самою странною оболочкою, всегда просвѣчивалъ особый оригинальный умъ: здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническій, даже съ примѣсью нѣкоторой своего рода хитрости, — тотъ именно родъ ума, который такъ свойственъ русскому человѣку. И въ самомъ дѣлѣ, Суворовъ, по природѣ, былъ, можно сказать, типомъ человѣка русскаго; въ немъ выразились самыми яркими красками всѣ отличительныя свойства нашей національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во внѣшней своей жизни старался онъ систематически подражать пріемамъ русскаго простолюдина и солдата: онъ строго соблюдалъ всѣ ихъ привычки и обычаи, умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ солдатскій языкъ, примѣняться къ ихъ образу мыслей. Будучи христіаниномъ въ душѣ, Суворовъ исполнялъ и въ наружности всѣ церковные обряды, держалъ въ точности посты, крестился, проходя мимо церкви, клалъ земные поклоны передъ иконами. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія его проникнуты были русскимъ духомъ. Вотъ почему именно самыя странности и причуды его возбуждали такое сочувствіе въ русскихъ солдатахъ, и даже обратились въ послѣдствіи въ народную легенду. Въ этомъ же заключается и вся тайна того дивнаго нравственнаго вліянія, которое Суворовъ имѣлъ на войска. Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе. Получивъ самое простое воспитаніе, проведши юность въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости! Вмѣсто того, онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки высказывалъ всѣмъ, даже падменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другаго, въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спесь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ; но что ему было до того, когда императрица благоволила и покровительствовала? Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдерживалъ ее такъ вѣрно, что впослѣдствіи даже трудно было отличать въ немъ неестественную личину отъ природной своеобразности характера. Впрочемъ должно замѣтить, что впослѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ умѣлъ вполнѣ, когда было нужно, измѣнять свое обычное поведеніе въ извѣстныхъ случаяхъ; такъ, напримѣръ, при торжествахъ, церковныхъ обрядахъ, также въ разговорахъ съ иностранными дипломатами и генералами, онъ совершенно отбрасывалъ свои странности, принималъ видъ серьезный; говорилъ дѣльно, сохраняя всѣ наружныя приличія; удивлялъ часто ясностію своихъ сужденій и вѣрностью взгляда. Въ немъ были какъ будто двѣ натуры: въ кабинетѣ за дѣлами слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволялъ себѣ никакихъ шутокъ; но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался

совсѣмъ въ иного человѣка: вспрыгивалъ быстро со стула, вскрикивалъ „кушъ“, „кушъ“, и тогда начиналъ по обыкновенію шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть, можетъ быть, и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе. Разсказываютъ, будто бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала его однажды въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами: услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: „какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?“ Но Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: „Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-царицы“.

Д. Милютинъ.

Людовикъ IX.

Среди воинственныхъ и бурныхъ поколѣній суждено было дѣйствовать Людовику IX. Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Людовика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и славы? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода. Позвольте мнѣ разсказать вамъ одно, исполненное дивной красоты, средневѣковое сказаніе. Это сказаніе о святой чашѣ (Graal). У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня, чаша; изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается непрерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ, высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители «Грааля». Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ къ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленія приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ Тампліеровъ, Странноприимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Но всякій орденъ есть общество, слѣдовательно, нѣчто безличное, отвлеченное, и потому нравственная мысль среднихъ вѣковъ не могла быть вполнѣ удовлетворена военно-духовными братствами, въ которыхъ отдѣльная личность постоянно стояла ниже возлагаемыхъ на нее требованій и какъ бы оправдывала собственную немощь заслугами цѣлаго ордена. Съ другой стороны, намъ извѣстно, какъ рано измѣнили эти ордена своему первоначальному назначенію и поддались искушеніямъ политическаго могущества и свѣтскихъ наслажденій. Примѣромъ могутъ служить Тампліеры

Идеалу средневѣковой доблести суждено было воплотиться въ лицѣ Людовика IX.

Людовикъ былъ воспитанъ умною и строгою матерью своею, Бланкою кастильскою. Всѣ четыре сына ея получили одно воспитаніе; но природныя наклонности взяли верхъ, и юноши вступили въ жизнь съ разными характерами. У нихъ была впрочемъ одна общая черта, состоявшая въ глубокомъ благочестіи. Но у Карла Анжуйскаго даже это высокое свойство обнаруживалось въ какой-то жесткой и мрачной формѣ. Современники почти единогласно говорятъ объ его задумчивомъ и суровомъ нравѣ. По словамъ Дж. Виллани, онъ почти не спалъ, мало ѣлъ и никогда не улыбался. Между памятниками, изображающими время и личность Людовика IX, особенно замѣчательны два, изъ которыхъ я заимствовалъ большую часть подробностей предлагаемой вамъ характеристики. Я говорю здѣсь о «Запискахъ Жуанвиля» и «жизни Св. Людовика», написанной духовникомъ королевы Маргариты. Главная прелесть и оригинальность Жуанвилевыхъ разсказовъ заключается въ рѣзко выдающейся противоположности между повѣствователемъ и его героемъ. Жуанвиль былъ храбрый рыцарь, и по тогдашнему времени, довольно начитанный человѣкъ, съ простымъ, и даже нѣсколько прозаическимъ взглядомъ на жизнь. Тѣмъ поразительнѣе для внимательнаго читателя тотъ поэтическій отпечатокъ, которымъ, вѣроятно, безъ воли и вѣдома автора, отличается его сочиненіе. Жуанвиль простодушно разсказываетъ все видѣнное имъ въ бытность его при Людовикѣ; но поэзія предмета согрѣла его фразу, сообщила ей красоту и порою возвышенность, какихъ не было въ природѣ самого повѣствователя. Я думаю, что отношенія короля къ сенешалю Шампаніи нельзя лучше объяснить, какъ слѣдующимъ анекдотомъ: однажды Людовикъ, поучая бесѣдою вѣрнаго служителя, спросилъ у него: что бы ты предпочелъ, смертный грѣхъ или проказу? Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу, поспѣшно отвѣчалъ рыцарь, къ крайней печали благочестиваго государя. Жуанвиля нельзя однако упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но онъ былъ не въ состояніи подняться до той высоты, на какой стоялъ, причисленный западной церковью къ лику святыхъ, король французскій. Читая дошедшія до насъ біографіи послѣдняго, нельзя не спросить себя, гдѣ находилъ онъ время для управленія государствомъ? Ежедневно посѣщалъ онъ всѣ божественныя службы, проводилъ значительную часть дня въ одинокой и горячей молитвѣ, немилосердно бичевалъ себя, читалъ творенія святыхъ отцовъ, охотно бесѣдовалъ съ учеными богословами и вообще съ людьми, посвятившими себя наукѣ. Онъ повѣрялъ имъ свои сомнѣнія и требовалъ отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, смущавшихъ его душу. Но не въ однихъ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ высказывалось глубоко-религіозное настроеніе этой души. Нужно ли говорить объ его щедрости къ бѣднымъ, объ его частыхъ посѣщеніяхъ больницъ, о выстроенныхъ имъ храмахъ? Не безъ ужаса разсказываютъ современники о бѣдствіяхъ, поразившихъ крестоносцевъ въ Египтѣ. Испорченные, отвратительные видомъ и запахомъ, трупы умершихъ отъ язвы воиновъ остались бы непогребенными на чужой землѣ, ибо испуганное духовенство отказывало имъ въ послѣднемъ христіанскомъ обрядѣ. Король собственнымъ примѣромъ пристыдилъ малодушныхъ и заставилъ ихъ исполнять тяжкій долгъ, присутствуя лично при каждомъ отпѣваніи. Тѣла умершихъ братій не внушали ему омерзѣнія. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какъ сильно свирѣпствовала въ средніе вѣка страшная болѣзнь, которую называютъ проказою. Люди, пораженные этимъ недугомъ, навсегда отлучались отъ общества: церковь разрывала, посредствомъ особеннаго обряда, ихъ связи съ остальнымъ міромъ; жилища, гдѣ ихъ обыкновенно содержали, были предметомъ общаго страха. Но Людовикъ не раздѣлялъ и въ этомъ случаѣ общаго чувства: онъ ходилъ за прокаженными и собственными руками омывалъ ихъ язвы. Я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ такого рода, но боюсь, что вамъ трудно будетъ выслушать безъ содроганія простое описаніе этихъ дѣлъ царственнаго подвижника. За то за-

падные народы предупредили римскаго первосвященника и еще при жизни Людовика назвали его святымъ. Слава его не ограничилась впрочемъ западною Европою; она проникла на Востокъ: послы изъ Арменіи приходили въ лагерь крестоносцевъ и просили о дозволеніи видѣть святаго короля. Посмотримъ на Людовика IX съ другой стороны. Мы увидимъ, что вся жизнь его, во всѣхъ ея направленіяхъ, проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды. Поставленный среди воинственныхъ поколѣній, для которыхъ высшею цѣлію дѣятельности была военная слава, Людовикъ не любилъ войны. Онъ не отличался той блестящею, безъ нужды вызывавшею опасности отвагою, которая составляла одну изъ принадлежностей рыцарства; его мужество было спокойное и холодное. Оно вытекало изъ обдуманнаго убѣжденія и не было слѣдствіемъ страсти. Первыя войны свои онъ велъ съ Англичанами и мятежными вассалами. Людовикъ одолѣлъ и тѣхъ и другихъ, возстановилъ нарушенныя права свои, но довольствовался непосредственнымъ результатомъ побѣды и не подумалъ о распространеніи власти или владѣній. Еще менѣе могла соблазнить его возможность отмстить врагамъ. Съ раннихъ лѣтъ мысль его была занята войнами въ Палестинѣ, гдѣ христіанскому рыцарю открывалось поприще, вполнѣ достойное его подвиговъ. Я не буду повторять всѣмъ извѣстныхъ подробностей объ его крестовыхъ походахъ, но есть черты, которыхъ нельзя пропустить, потому что онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ великаго короля Въ то время, когда бѣдствія крестоносцевъ въ Египтѣ достигли до высочайшей степени, и не было болѣе спасенія войску, запертому между Ниломъ и Мамелюками, Людовикъ отказался отъ предложеннаго ему средства возвратиться одному въ крѣпкую Даміету, гдѣ его ожидала совершенная безопасность. Въ плѣну у Мамелюковъ, среди ужасовъ и страданій всякаго рода, онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ рыцарей сохранилъ полное спокойствіе и ясность духа. Вскорѣ послѣ пораженія крестоносцевъ, Мамелюки возстали на своего султана, убили его и съ дикими воплями бросились къ своимъ плѣнникамъ. Одинъ изъ убійцъ показалъ Людовику вырванное у погибшаго султана сердце и спросилъ: что дашь ты мнѣ за сердце врага своего? Король молча отвернулся. Прочіе христіане думали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, и готовились къ смерти. Жуанвиль откровенно признается, что не могъ принести должнаго покаянія, потому что не могъ отъ страха припомнить ни одного грѣха. „По той же причинѣ не помню я ничего изъ сказаннаго мнѣ тогда Конетаблемъ кипрскимъ“, прибавляетъ простодушный біографъ Людовика IX. Есть сказаніе, достовѣрность котораго подлежитъ сомнѣнію, но любопытное, какъ выраженіе народной мысли. Въ Европѣ разнесся слухъ, что Мамелюки, убивъ своего султана, предложили его мѣсто Людовику IX. На возвратномъ пути съ Востока, галера, на которой плылъ французскій король, потерпѣла значительныя поврежденія и подверглась большой опасности. На помощь ей подоспѣла другая галера. Король прежде всего спросилъ, есть ли на новомъ суднѣ мѣсто и для другихъ бывшихъ съ нимъ пассажировъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ остался на поврежденной галерѣ. Я знаю, сказалъ онъ, что спасши меня и семейство мое, вы не будете заботиться объ остальныхъ моихъ спутникахъ.

Понятно, почему народъ заживо называлъ его святымъ. Послѣднее военное предпріятіе его было направлено противъ Туниса. Людовикъ былъ боленъ и такъ слабъ еще до начала похода, что едва могъ держаться на конѣ. Жуанвиль часто долженъ былъ носить его на рукахъ. Но несчастія, испытанныя въ Египтѣ, произвели повидимому неизгладимое впечатлѣніе на храбраго сенешала: онъ не принималъ участія въ африканскомъ походѣ и не былъ свидѣтелемъ кончины Людовика, умершаго подъ стѣнами Туниса.—Сказаннаго мною будетъ, полагаю я, достаточно для опредѣленія характера, какой носила военная дѣятельность Людовика IX. Онъ былъ рыцарь, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ зна-

ченіи этого слова, и полагалъ конечною цѣлію войны торжество истинной вѣры и возстановленіе нарушеннаго права.

Мы видѣли глубоко—религіозное настроеніе Людовиковой души. Можно бы подумать, что слѣдствіемъ такого настроенія была излишняя уступчивость сословію, которое въ западной Европѣ нерѣдко терядо изъ виду свое священное призваніе и предавалось чисто мірскимъ исканіямъ и помысламъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ королей французскихъ не оказывалъ большаго уваженія къ духовенству и не хранилъ такъ бережно его права, какъ Людовикъ IX; но съ другой стороны, немногіе умѣли такъ твердо отстаивать права свѣтской власти. Въ спорѣ между императоромъ и папою Людовикъ громко порицалъ послѣдняго. Когда французскіе епископы жаловались ему, что отлученіе отъ церкви не производитъ достаточнаго дѣйствія, онъ отвѣчалъ: не отлучайте отъ церкви ради корыстныхъ разсчетовъ и страстей вашихъ, и тогда я буду готовымъ исполнителемъ вашихъ приговоровъ. Для всякаго другаго государя, кромѣ Св. Людовика, распри съ духовенствомъ могли быть въ то время опасны. Къ чести папъ надобно сказать, что они почти всегда были на сторонѣ благочестиваго короля противъ честолюбивыхъ епископовъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ извѣстій о такъ называемой прагматической санкціи, которою Людовикъ будто бы опредѣлилъ духовныя отношенія Франціи къ римскому двору. Вопросъ о подлинности этого акта еще не рѣшенъ окончательно. Но допустивъ даже подлогъ, нельзя не признать, что въ этомъ памятникѣ высказалось только общественное мнѣніе о томъ, какъ поступилъ бы Людовикъ IX при разграниченіи правъ своихъ съ правами папы и духоведства.

Но отчего же, среди столь обширной и богатой результатами дѣятельности, это благородное лице носитъ почти постоянное выраженіе внутренней глубокой грусти?

Въ дружескихъ разговорахъ Людовика съ Жуанвилемъ, въ бесѣдахъ его съ учеными, которыми онъ любилъ окружать себя, въ дошедшихъ до насъ словахъ его молитвы—часто слышится скорбный голосъ души, недовольной дѣйствительностію, не обрѣтшей въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ.

Недовольный міромъ, Людовикъ нѣсколько разъ обнаруживалъ намѣреніе отказаться отъ власти и искать покоя въ стѣнахъ монастыря. Но жизнь, которую онъ велъ во дворцѣ своемъ, была такъ чиста и строга, что могла служить достойнымъ образцомъ для тогдашняго духовенства. Государственная дѣятельность не тяготила Людовика, ибо онъ по преимуществу былъ мужемъ долга и подвига. Въ отношеніяхъ его къ семейству раскрывались не внесенныя нами въ эту краткую характеристику свойства нѣжной и любящей души, которой суждено было совмѣстить всѣ добродѣтели государя, рыцаря, инока и простаго гражданина.

Скорбь Св. Людовика исходила изъ сознанія непрочности того міра, на поддержаніе котораго онъ употребилъ лучшія свои силы. Онъ не могъ не чувствовать несостоятельности средневѣковыхъ формъ жизни. Поддерживая одной рукою разлагавшійся порядокъ вещей, Людовикъ IX другою закладывалъ зданіе новой гражданственности. Собственнымъ чувствомъ права и введеніемъ въ суды юристовъ, проникнутыхъ идеями римскаго законодательства, онъ убилъ феодальную неправду. Святостію жизни и нравственною чистотою онъ осуществилъ самый возвышенный изъ нравственныхъ идеаловъ средняго вѣка, но чрезъ это самое укрѣпилъ монархію, полное развитіе которой было несовмѣстно съ сохраненіемъ средневѣковыхъ учрежденій, потому что за ними каждое сословіе укрывало свои корыстныя и исключительныя притязанія. Народъ привыкъ видѣть въ королѣ верховнаго, чуждаго всякаго пристрастія, судью. Въ великія эпохи своей исторіи, во дни блестящихъ торжествъ и тяжелыхъ испытаній, французскіе короли называли себя недаромъ сынами Св. Людовика. Его дѣломъ было нравственное значеніе французской монархіи. Предшественники его дѣйствовали силою и искусствомъ; къ этимъ двумъ орудіямъ онъ присоединилъ третье—право. Онъ

внушилъ къ монархическому началу довѣріе, котораго долго не могли поколебать ни грѣхи, ни несчастія его преемниковъ. Читая нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ его царствованія и смотря на нихъ съ современной намъ точки зрѣнія, нельзя иногда не удивиться жестокости наказаній, опредѣленныхъ за проступки, которые нынѣ караются только общественнымъ презрѣніемъ. Но въ такихъ случаяхъ Людовикъ IX былъ вѣренъ основному началу всей своей дѣятельности: онъ смотрѣлъ на государство, какъ на христіанскую общину, и не давалъ въ немъ мѣста грѣху. Въ сферѣ науки онъ допускалъ споръ и разногласіе, самъ посѣщалъ аудиторіи парижскаго университета и охотно слушалъ лекціи и пренія знаменитыхъ наставниковъ. Но споръ съ еретиками, обличеніе ихъ словомъ, предоставлялъ онъ исключительно ученымъ; мірянинъ въ подобныхъ случаяхъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дѣйствовать однимъ мечемъ, не подвергая своего беззащитнаго ума ненужному искушенію.

Разсматривая съ вершины настоящаго погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены печатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одарилъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былаго. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большее право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники. Къ числу такихъ принадлежитъ Людовикъ IX. Онъ былъ завершителемъ средневѣковой жизни, осуществленіемъ ея чистѣйшихъ идеаловъ.

Грановскій

Вильгельмъ Оранскій.

Мѣсто, которое Вильгельмъ Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій, занимаетъ въ исторіи Англіи и человѣчества, такъ важно, что не лишнимъ будетъ пообстоятельнѣе изобразить рѣзкія черты этого характера.

Ему шелъ тогда тридцать седьмой годъ. Но и тѣломъ и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искусство, чтобы передать его черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не схватить ихъ, и таковы, что, увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени, намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатыя губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборожденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по чемъ превратности счастія и опасности.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя, а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ природнымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только-что началъ пробуждаться, очутился круглымъ сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи,

которая тогда господствовала въ соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ или мало мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣнника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднымъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и разслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости, онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершенства между французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удвоиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою.

Открытія Ньютона и Лейбница, стихотворенія Драйдена и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ, въ то время, какъ Орестъ безумствовалъ, или въ то время, какъ Тартюфъ жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко, совершенно безсознательно, обнаруживалъ природное краснорѣчіе, правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для постройки равелина или горнверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для умѣнія понимать и вести, безъ посторонней помощи, всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ понималъ по-латыни, по-итальянски и по-испански. Онъ говорилъ и писалъ по-французски, но англійски и по-нѣмецки, неизящно, правда, и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая мѣткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца

о государственныхъ дѣлахъ и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша, даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ, онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьезный осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ упадія и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ славился по всей Европѣ какъ воинъ и политикъ, и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

Храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями, крайнею и постоянною опасностью отъ руки убійцъ, опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже адамантовую твердость Кромвелля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его совѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ. Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у непріятельскихъ армій и никогда не заподозривалась даже несправедливостью враждебныхъ факцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности какъ человѣкъ, искавшій смерти, всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи, съ мечомъ въ рукѣ, дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Конде, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя, какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности, какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безразсудной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному разсчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются сраженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, казавшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, благодаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроенные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было, что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и кровопролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасностью. Карты, шахматы и билліардъ не доставляли ему никакого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась. Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такіе скачки, что отважнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Самыя смѣлыя англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣженными и тосковалъ въ большомъ виндзорскомъ паркѣ по дичи, которую привыкъ травить въ гельдернскихъ лѣсахъ: по волкамъ, дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ.

Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосложеніе его было необыкновенно нѣжно. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ къ недугамъ его присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь

изнемогала отъ постояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложивши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія головныя боли. Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, далѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако, въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью; но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи, скрывались личиною флегматическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могокскаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокій огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось, дѣйствительно, разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желаніе, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было также стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его разсудокъ и жизнь. Для очень небольшаго кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, котораго толпа считала лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ласковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутливъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участіе въ веселой бесѣдѣ.

Маколей.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

О любви къ отечеству.

Лѣбовь къ отечеству можетъ быть *физическая, нравственная и политическая.*

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло природы и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ, нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!—Самое расположеніе первъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкорыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею. Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая и нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.—На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось

мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ и мнѣ скучно!“

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству.

Карамзинъ.

Значеніе науки.

Наука есть богатство ума человѣческаго, есть хранилище пріобрѣтенныхъ имъ умственныхъ сокровищъ.

Открытія ума, приведенныя въ систему, составляютъ науку. Изъ соединенія наукъ и ихъ вліянія на жизнь человѣческаго рода истекаетъ то, что мы называемъ образованіемъ, *гражданственностію*; гражданственность есть результатъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земнаго. Въ наукѣ, созданной человѣкомъ, заключается истинное земное величіе человѣка, его владычество надъ природою, его личное первенство передъ всѣми ея живыми созданіями. Мы должны благоговѣть передъ наукою, благоговѣть передъ ея могучимъ, образовательнымъ дѣйствіемъ на родъ человѣческій, передъ ея животворящимъ вліяніемъ на человѣческую душу. Что можетъ быть живѣе жизни человѣка, который всюду съ собою носитъ сокровище знаній, всѣми вѣками пріобрѣтенныхъ, который въ минуту уединенія, никому непримѣтный, на непримѣтной точкѣ, имъ занимаемой въ пространствѣ, можетъ просвѣщеннымъ умомъ своимъ обхватывать цѣлый міръ, которому все на землѣ — знакомецъ, все собесѣдникъ: живое, мертвое, давно прошедшее, возможное, матеріальное и духовное?

Жуковскій.

Поэзія.

У всякаго народа, полнаго силъ и жизни, есть два языка: прозаическій и поэтическій. Одинъ служитъ для обыденныхъ потребностей житейскихъ, другой дѣлаетъ слово высшимъ выраженіемъ духовнаго настроенія и чувства. Только въ поэтическомъ способѣ выраженія открывается все очарованіе того или другаго языка.

Другое основаніе, которое говоритъ за поэзію, заключается въ ея дѣйствіи на сердце. Она возникаетъ изъ гар-

монiи всей душевной жизни и потому укрѣпляетъ и расширяетъ въ насъ чутье къ истинно-высокому; она облагораживаетъ чувство, указывая въ конечномъ безконечное, въ земномъ божественное. Отзываясь на все, что отъ начала міра волновало духъ человѣческій горемъ и радостью, наслажденіемъ и страданіемъ, она своими живыми образами и тою формою, въ какую облекаетъ она идеи, дѣйствуетъ сильнѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій.

Гуде.

Твердость и упрямство.

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею и на ихъ равновѣсіи. *Упрямство* есть слабость, имѣющая видъ силы; она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Въ первомъ случаѣ разумъ и воля употребляютъ совокупно силу свою на пользу. Во второмъ случаѣ воля, въ разрывѣ съ разумомъ, или не пользуется силою, или употребляетъ во зло; и то, и другое слабость. *Твердый* непоколебимо держится своихъ убѣжденій, пока они для него оправданы его разумомъ. Но онъ или измѣнитъ ихъ, или отъ нихъ отрекается, когда находитъ ихъ противорѣчащими разуму. Въ этомъ произвольномъ, необходимомъ, принимаемомъ волею отреченіи столько же твердости, сколько въ прежней произвольной вѣрности убѣжденію. *Упрямый*, напротивъ, держится своего убѣжденія, по такъ сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ или пристрастенъ чтобы повѣрять свои мысли; ему легче сохранять ихъ такими, какими онѣ разъ вошли въ его голову, нежели замѣнять прежнія, ложныя, новыми, истинными. Убѣжденія *упрямаго* суть мертвый капиталъ, никакого барыша не приносящій. Мнѣнія твердаго суть капиталъ, пущенный въ оборотъ; онъ въ безпрестанномъ движеніи, и это движеніе не есть непостоянство, напротивъ — сила, дѣйствующая постоянно.

Жуковскій.

Юность и старость.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ съ мыслію: „тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!“ Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе поневолѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: „и мы, и мы были въ Аркадіи“, и тогда, тогда единственно, научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей утратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ извлекаютъ изъ глазъ слезы благодарности.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи — ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: „доброе утро, господинъ“. Что со мною было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: „добрый вечеръ!“ Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ о человѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажутъ о немъ: „какъ онъ старъ!“

Карамзинъ.

Скупой и расточительный.

Скупой собираетъ безъ цѣли; расточительный тратитъ безъ цѣли.

Скупой не пользуется своимъ богатствомъ; расточительный употребляетъ его безъ пользы.

Скупой можетъ всегда воротиться къ золотой серединѣ, когда только захочетъ; расточительному становится это тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе онъ отъ нея удаляется. Скупой можетъ, но рѣдко хочетъ этого; расточительный часто и желалъ бы, да ужъ не можетъ.

Одинъ наживаетъ себѣ враговъ, другой пріобрѣтаетъ друзей, которые хуже врага.

Одного мучитъ желаніе идти все дальше и дальше; другаго—раскаяніе, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко.

Скупость—корень всякаго зла; расточительность — дерево съ горькими плодами.

Скупаго ѣсть забота, расточительнаго—истощеніе. Одинъ награждается страхомъ, другой—скукой.

Изъ расточителя въ юности нерѣдко выходитъ скупецъ подъ старость.

Очень часто богатство скупыхъ пріобрѣтателей достается такимъ наслѣдникамъ, которые расточаютъ его со смѣхомъ.

Гебель.

Два рода читателей.

Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ: это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія: другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности,—и въ головѣ ихъ остается порядочное, полное понятіе о томъ, что они читали.

Жуковскій.

Два рода писателей*).

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бриканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу и съ несущимися на встрѣчу огоньками, и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на встрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти! Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ — какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ

*) Гоголь здѣсь довольно ясно провелъ параллель между Пушкинымъ и собою.

его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя нилкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!...

Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ часъ горькая и скучная дорога, — и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцати-лѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ же лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу и Божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенья незамѣтныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ—и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

Гоголь.

Роскошь и комфортъ.

Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ это не правда? развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тольше вкусомъ прочихъ, не дорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбы не напасешься! Развѣ не безуміе отобѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Развѣ не глупость заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ повернуться трудно, или надѣвать кружева чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться? Венеціанскіе граждане (если только слово „граждане“ не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это: но они сидѣли на жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили и ѣздили ощупью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли, хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ. Нѣтъ, тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь не долговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крезы не достигаютъ до Геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись безъ насыщенія, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ—нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня запатается на пьедесталѣ; она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, Испа-

нію: ужъ кажется, трудно выдумать наряднѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли: это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ, или уже непремѣнно на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться обыкновеннаго стола, но за то онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка; и въ Африкѣ и на Сандвичевыхъ островахъ и на Норд-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы: мягкая говядина, молодая курица, старое вино; вездѣ онъ долженъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ у васъ я нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя. Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространялась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи: вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первый есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда, удовлетворяя хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда Европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одежкѣ.

И. Гончаровъ.

Великіе люди.

Великіе люди познаются потому, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ стремленія, всѣ нужды ихъ народа и времени. Они, болѣе чѣмъ кто бы то ни было, живутъ съ народомъ, отзываются на всѣ его радости и горести, идутъ на встрѣчу всѣмъ его требованіямъ, умѣютъ облечь въ плоть и кровь всѣ его стремленія и осуществить ихъ по мѣрѣ возможности; поэтому они имѣютъ право дать эпохѣ свое имя. Мы понимаемъ, что значатъ выраженія: время Петра Великаго, эпоха Лютера, Фридриха II и т. д. Наоборотъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ комъ нибудь другомъ, отражаются всѣ особенности ихъ народа. Люди посредственные, мелкіе, вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Различія между англійскими и французскими, нѣмецкими и русскими посредственностями чисто внѣшнія. Посѣтители салоновъ Парижа, Лондона и Петербурга представляютъ поразительное сходство. Но фигура великаго человѣка не укладывается въ общепринятыя формы: Лютера никакъ нельзя смѣшать съ Кальвиномъ; между Вашингтономъ и Лафайетомъ, Кантомъ и Адамомъ Смитомъ, Тюрго и Штейномъ нельзя не замѣтить глубокой разницы. Разница опредѣляется не временемъ (я сопоставляю современниковъ или почти современниковъ), не различіемъ

занятій (я сопоставляю людей, преслѣдовавшихъ одинакія цѣли), даже не индивидуальными особенностями, а тѣмъ фактомъ, что каждое изъ названныхъ лицъ воплощало въ себѣ особенности своего народа въ данную эпоху его исторической жизни.

А. Градовскій.

Великіе люди.

Предметомъ нашихъ чтеній будутъ характеристики Тамерлана, Александра Македонскаго, Людовика IX и канцлера Бэкона. Мы найдемъ не много сходнаго въ ихъ внутренней жизни, еще менѣе во внѣшней исторіи ихъ подвиговъ; подвиги каждаго изъ нихъ отмѣчены особеннымъ, ему исключительно принадлежащимъ характеромъ. Но между ними есть одно общее: это названіе великихъ людей, данное имъ современниками и утвержденное потомствомъ. Что же такое связано съ этимъ названіемъ? Какое призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ? Вотъ вопросъ, которымъ я позволю себѣ начать эти чтенія. Вопросъ этотъ не лишенъ нѣкоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнить свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ не нуженъ. Такое воззрѣніе на исторію возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ. Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется и другое столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ то случайнымъ, чѣмъ то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственнаго и нравственнаго ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ теряетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества. Конечно, не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, а онъ остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмутилъ народы. Толки, имъ вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностію опредѣлить вліянія, имъ обнаруженнаго. Но развѣ то, что намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидимому, давно уже совершившіяся и замкнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы неполонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ аѳинскимъ народомъ.

При изученіи каждаго великаго человѣка, мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ кото-

рое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройнаго элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой предоставлено, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологіи, имѣющей цѣлію устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица. При внимательномъ созерцаніи великихъ личностей, онѣ являются намъ откровеніями цѣлаго народа и цѣлой эпохи. Для чего бы онѣ ни были призваны на землю, для блага-ли, для зла-ли, во всякомъ случаѣ онѣ стоятъ не отдѣльно, не зависимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ. Особенныя трудности въ этомъ случаѣ представляетъ исторія востока: она подчинена другимъ законамъ, развивается подъ другими условіями, нежели европейская. Тамъ народы коснѣютъ впродолженіе вѣковъ въ непробудномъ снѣ. Имъ видятся странныя грезы, которыя они переносятъ не только въ свою поэзію, но и въ свою исторію. Тамъ нѣтъ правильныхъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой; нѣтъ постепенности и, слѣдовательно, логической необходимости въ развитіи, и потому появленіе великихъ людей часто принимаетъ характеръ чистой случайности. Но и здѣсь подобное заключеніе было бы слишкомъ опрометчиво. Когда насъ, напримѣръ, поражаетъ явленіе въ родѣ того завоевателя, о которомъ я буду имѣть честь говорить въ нынѣшнемъ чтеніи, когда мы съ трепетнымъ чувствомъ спрашиваемъ у себя отчета въ дѣлахъ какого-нибудь Чингиса или Тимура и теряемся въ догадкахъ; когда въ насъ невольно рождаются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, зачѣмъ покрыли землю развалинами, зачѣмъ стерли съ лица земли столько царствъ, столько прекрасныхъ формъ, успѣвшихъ развиться изъ нѣдръ магометанской цивилизаціи? Мы въ правѣ отвѣчать: а развѣ у этихъ народовъ, выведенныхъ на сцену исторіи Чингисомъ и Тимуромъ, дремавшихъ дотолѣ въ безконечномъ и скучномъ однообразіи кочеваго быта, не было потребности проснуться однажды и извѣдать все наслажденіе и всѣ тревоги дѣятельной исторической жизни? Но страшно бываетъ такое пробужденіе восточныхъ народовъ! Судьба Тимура или Тамерлана связана съ однимъ изъ этихъ взрывовъ.

Въ бесѣдахъ, ограниченныхъ предѣлами скудно отмѣреннаго времени, я не могу представить вамъ полныхъ біографій и долженъ просить васъ довольствоваться краткими характеристиками, въ которыхъ постараюсь показать отличительныя особенности каждаго изъ лицъ, выбранныхъ мною для этихъ чтеній. Связь между ними только внѣшняя, но всѣмъ имъ принадлежитъ право на названіе „великихъ“, потому что всѣ они оставили глубокіе, хотя и несходные между собою, слѣды на почвѣ всемірныхъ событій.

Грановскій.

Отношеніе искусства къ промышленности.

Когда народъ отмѣрилъ себѣ землю, покорилъ на ней стихіи, овладѣлъ животными, устроился въ общество, опредѣлилъ свои отношенія къ Богу, ограничилъ и обезопасилъ себя отъ сосѣдей, сложился въ одно цѣлое и крѣпкое государство и объявилъ свое сочувствіе другимъ народамъ во имя просвѣщенія, тогда, въ числѣ благородныхъ потребностей человѣческихъ, сильнѣе сказывается въ немъ и потребность искусства. Весьма рано, еще въ самомъ первомъ возрастѣ жизни, выражаетъ народъ эту потребность, но вполнѣ, во всѣхъ видахъ, удовлетворить ей онъ можетъ только тогда, когда приготовитъ всѣ для того необходимыя общественныя и государственныя условія: кочевые народы не могутъ имѣть живописи; феодальная Европа не знала драмы и театра.

Говорятъ, что искусство будто бы дѣло прошлое, что промышленность убила его.

Если это правда, то неблагодарна промышленность. Искусство всегда ее развивало и конечно не затѣмъ, чтобы принять отъ нея смерть. Такъ говоритъ исторія. Аѳины въ древности славились искусствомъ,—славились и мануфактурами: Лизиппы и Парразіи чертали рисунки для греческихъ кубковъ и вазъ; серебро и золото переливалось въ ихъ чудныя формы. Въ средніе вѣка Византія и Венеція равно дружатъ искусство и мануфактуры: отсюда первые удары кисти, отсюда и прелесть шелковыхъ тканей. Въ новое время тоже представляла Флоренція: Медичисы, продавцы шерсти, первые промышленники Италіи — и первые меценаты искусства. Во Франціи, при Франциске I, живопись пересажена изъ Италіи, и вмѣстѣ съ нею начинаетъ процвѣтать и мануфактура. Такъ и вездѣ искусство оживляло промышленность, и не умерщвлялось ею; оно проливало свѣтъ красоты своей на всѣ ея формы. Не можетъ ремесло возвыситься до искусства, но оно процвѣтаетъ, когда искусство низойдетъ къ нему. Художники образовывали и ремесленниковъ, искусство оживляетъ промышленность.

Шевыревъ.

О пользѣ

книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда Славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова, коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, витійствовали великіе Христіанскія церкви Учители и Творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку странныхъ; однако оныя черезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и служ-

бу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ Католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну Латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и Россійскій языкъ, чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ, по приличности имѣетъ разныя степени, высокой, посредственной и низкой. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Не употребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обываю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то-есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля: высокой, посредственной и низкой. Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то-есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны Героическія Поэмы, Оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словочъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, еклоги и елегіи сего штиля большіе должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то-есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя епиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой Поэзіи служитъ однѣмъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ употребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ ли-

шены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту

Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говорить повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ того жъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами Славенскаго поколѣнія, которые Греческаго исповѣданія держатся Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками; однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ, разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владиміровадо нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было; не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своихъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей, и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпнѣйшія сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ, и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога, 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренная Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ присѣчется, и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности тѣхъ, которые къ прославленію Отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Индѣйской, Галской, Британской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкой голосъ писателей, проповѣдующихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великой древ-

ностію и разстояніемъ лѣтъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ-же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему Отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно, настало и оставалось щедрою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знатныхъ и Меценату подобныхъ представителей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея Отеческій градъ снабденъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчной залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Ломоносовъ.

Искусства и науки не уничтожаются на землѣ.

Искусства и науки необходимы: ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, то есть союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная наука наша въ теченіе временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства: показываютъ великое наше преимущество передъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню—и всегда буду помнить—что добрѣйшій и любезнѣйшій изъ нашихъ философовъ, великій Боннетъ *), сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевскаго озера, когда мы, взирая на восходящее солнце, на златыя струи Лемана, говорили объ успѣхахъ человѣческаго разума. „Мой другъ!“... симъ именемъ называетъ Боннетъ всѣхъ тѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовію къ истинѣ.... „мой другъ! размышляющій человѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ путяхъ философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство: никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега—но когда явится онъ утружденному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда, можетъ быть, исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства“.

Такъ, искусства и науки неразлучны съ существомъ нашимъ — и если бы какой-нибудь духъ тьмы могъ теперь въ одну минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то потомки наши снова найдутъ потерянное, и снова возсіяютъ искусства и науки, какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни греки, ни римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратитъ

*) Боннетъ Карлъ родился въ Женевѣ 1720 г., умеръ 1793. Онъ извѣстенъ многими сочиненіями по части философіи и естественной исторіи. Карамзинъ во время путешествія за границу лично познакомился съ нимъ, и знакомство свое описалъ въ «Письмахъ русскаго путешественника».

въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіе грядущихъ временъ родятся новые Беконы, которые положатъ новое и, можетъ быть, еще твердѣйшее основаніе храма наукъ; родятся новые Невтоны, которые откроютъ законы всемірнаго движенія; новый Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кондильяки, новые Бонеты силою ума своего оживлятъ статую, и новые поэты воспоютъ красоту натуры, человѣка и славу Божію; ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучъ божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить.

Карамзинъ.

Значеніе вѣры.

Ничего истинно-великаго не совершилось и не совершается безъ вѣры.

Посмотрите. Въ обыкновенной жизни, среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ или по безотчетнымъ движеніямъ сердца, живущихъ какъ бы видимостію жизни, а не жизнью, являющихъ въ себѣ только нѣкоторые, а не всѣ признаки жизни,—кто, какіе люди, во всякомъ состояніи и званіи, представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, труда живаго и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслію, поставили ее себѣ какъ бы центромъ дѣйствія, цѣлію стремленія, и идутъ къ ея достиженію съ мужествомъ, съ увѣренностію, однимъ словомъ, съ вѣрою?

Взгляните на жизнь болѣе высшаго порядка. Что сдѣлало знаменитыми нѣкоторыхъ людей на разныхъ поприщахъ жизни, людей, которые заслужили названіе великихъ за тѣ или другія великія дѣла, или великія открытія? Гдѣ тайна ихъ могущества, успѣха, тайна ихъ генія, если не въ той великой идеѣ, которая обняла ихъ всецѣло и сосредоточила всѣ силы ихъ духа въ одинъ живительный центръ, какъ извѣстнаго рода зеркало сосредоточиваетъ въ своемъ центрѣ разсѣянные лучи свѣта и теплоты?

Если вы поднимитесь еще выше,—ибо есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ могущество и самый геній—какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благородные мученики науки, отечества, человѣчества? Не такъ же ли, не по преимуществу ли они образовывались великою идеею того самаго дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду, въ его истину, въ его силу,—вѣрою, въ которой они поставляли свою жизнь, а все остальное считали за ничто? Міръ, который, пожалуй, готовъ считать энтузіазмъ глупостію, не можетъ, однако, отказать ему въ величіи: онъ удивляется ему болѣе, нежели чему другому, и горе міру, если источникъ этого удивленія изсякнетъ въ немъ! Въ то же самое время исчезнетъ въ немъ все, что есть благороднаго и прекраснаго, все, что составляетъ цѣну жизни, честь и достоинство природы человѣческой.

Такъ вѣра на всѣхъ ея степеняхъ есть благо, и чѣмъ возвышеннѣе ея предметъ, чѣмъ она глубже проникаетъ въ сердце человѣка, и чѣмъ больше ея сила, тѣмъ драгоцѣннѣйшіе и обильнѣйшіе плоды она приноситъ.

Но вѣра, которая видимо и невидимо господствуетъ надъ всякою другою вѣрою и обнимаетъ собою всѣ безъ исключенія силы и способности человѣка, конечно, есть та, которая утверждаетъ свое основаніе въ безконечномъ и вѣчномъ. Эта вѣра—религіозная и по преимуществу христіанская, такъ какъ, по свидѣтельству самого невѣрія или индифферентизма, подлѣ или внѣ христіанства уже нѣтъ другой возможной религіи.

Сергіевскій.

Что нужно автору?

Говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый, проницательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немеркнущимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни, и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ *изящнымъ*, изображать красоту, гармонію, и распространять въ *области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Если творческая натура произвела тебя въ часъ пебреженія, или въ минуту раздора своего съ красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти,—оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ*) могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, если бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

*) Геснеръ — поэтъ, род. въ Цюрихѣ, ум. 1787 г.

Ты хочешь быть авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо,—или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*; тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ—онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину—ты не будешь безполезнымъ писателемъ и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ, если не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отчего Жанъ Жакъ Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отчего, любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ?—Оттого, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; оттого, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того, многіе другіе авторы, несмотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ея. Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ.

Карамзинъ.

Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ: каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе „добрый,“ чтобы имѣть право называться „счастливымъ.“

Ты съ честію служишь отечеству: судья справедливый, всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ, никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ: нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу-ли: добрый и счастливый? Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу-ли узнать совершенно твой характеръ? я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ; всѣ призраки исчезли, онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ, не слышитъ рукоплесканій: онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и не отъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы, свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь—тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія, гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можетъ быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою: гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ—гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести наряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу дарованіе. Въ чемъ же его преимущество собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго серд-

ца, въ тѣхъ наслажденіяхъ которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ— плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинаное видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги: здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. И вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые счастливцы міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейнаго круга: они боятся вступить въ его святилище! Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное въ кругу удовольствій однообразныхъ, но всегда сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной!

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства. Если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностью, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нея необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе объ немъ будетъ твоею добродѣтелью, твоею совѣстью. Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ — рѣдкимъ, но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго живѣйшаго наслажденія или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію; если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титулу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человѣкъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота: при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собою довольныя лица,

плѣнитесь окружающимъ васъ порядкомъ; здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ и въ свѣтѣ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастіемъ, уповающаго на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь, — вездѣ найдете вы его одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклониться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли — къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ, — который не узнаетъ его, униженшагося порокомъ, котораго довольный, ободряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда! Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только постороннимъ; главная дѣятельность его внутри семейства: мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ нея унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, испѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ среди порядка и тишины, которые окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться; здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онѣ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе: благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи промысла; ты видишь передъ собою его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство. Что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Его милосердія? Молитва одного человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность.

Но представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками! спутники твои исчезли, но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло,

но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи: стремись къ ней, окруженный знакомыми дружественными тѣнями. Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

Жуковскій.

О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны—въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума: философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ серединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо* и *счастіе*, справедливо занимаетъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливѣйшую по сравненію*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное), но—*послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желаніе сердца и дастъ жизни общей *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы запли, уклоняясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости, не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ, безъ сомнѣнія, не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе. Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать въ даль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта

менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ, состояніе избрано, утверждено: стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества, хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе... Поля, нашими трудами обогащенныя—садикъ, нами обработанный—земледѣльцы, насъ благодарящіе—лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя—радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры; думая, что все скоро увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!.. Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ; человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и твореніе ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ словѣ только шумъ, а душа зрѣлая — справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желеній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которыя бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ— но ни въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ такихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися*! если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба*!

Карамзинъ.

Польза естествознанія.

Смотрѣть на роскошь превзобилующія натуры, когда она, въ пріятные дни наступающаго лѣта, поля, лѣса и сады нѣжною зеленью покрываетъ и безчисленными родами цвѣтовъ украшаетъ; когда текущія въ источникахъ и рѣкахъ ясныя воды съ тихимъ журчаньемъ къ морямъ достигаютъ, и когда обремененную сѣменами землю, то любезное солнечное сіяніе согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и росы благорастворенная влажность; слушать тонкій шумъ трепещущихся листовъ и внимать сладкое пѣніе птицъ есть чудное и восхищающее увеселеніе. Ожидать плодородія отъ полей и садовъ, въ потѣ лица посѣянныхъ и насажденныхъ, взирать на зыблющіеся желтые класы и на плоды, обременившіе вѣтви и руку господина своего уже къ себѣ привлекающіе, есть сладчайшая и трудъ понесенный въ забвеніе приводящая надежда. Собирать полныя рукоятіи *) благословенныя жатвы и зрѣлые плоды неповинною рукою, и тѣми наполнять гумна и житницы свои, вожделѣнное и

*) Снопы.

безопасностію огражденное есть удовольствіе. Но высшее всего и сердце и умъ нашъ къ небу возводящее спасительное есть дѣло — представлять въ умѣ своемъ непостижимое величество и непонятную премудрость Всевышняго зиждителя, показавшаго намъ сіе толь дивное позорище, сложенное изъ различныхъ тварей, на увеселеніе и пользу нашу, и за сіе благодарить его щедротѣ.

Сіи суть истинныя блаженства рода человѣческаго и безпорочныя преимущества, которыми хвалятся древніе вѣки, успокоившіе первыхъ обитателей вселенныя, и которыми, можетъ быть, и нынѣ нѣкоторые, препровождая неповинную и безмятежную жизнь, услаждаются.

Но хотя они толь пріятны, вождѣленны, полезны и святы: однако могутъ приведены быть въ несравненно высшее достоинство, чего должно искать въ подробномъ познаніи свойствъ и причинъ самихъ вещей, отъ которыхъ сіи блаженства и преимущества происходятъ. Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и самую причину движенія, не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаетъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вящше ли удивляется хитрому художеству и хвалить самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовалъ расположеніе органовъ и движенія законы; натуру видитъ какъ нѣкоторую художницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ, видитъ, какъ она, почти умерщвленныя отъ зимняго хладу, древа весною паки оживляетъ, какъ обогощаетъ лѣто жатвою и плодами, и готовитъ сѣмена къ будущему времени, какъ день и ночь, зной и стужу умаляетъ и умножаетъ, движетъ и удерживаетъ вѣтры, дождь ниспускаетъ, зажигаетъ молніи и громомъ смертныхъ устрашаетъ, управляетъ теченіе водъ и прочія удивительныя дѣйствія производитъ: коль вящшее увеселеніе имѣетъ онъ передъ тѣмъ, кто только на внѣшній видъ вещей смотритъ, и вмѣсто самихъ почти одну тѣнь оныхъ видитъ. Кто таковыя мысленныя разсужденія о натуральныхъ вещахъ, въ гражданскихъ или домостроительскихъ предпріятіяхъ, въ дѣйствіе производитъ, того надежда объ окончиваемыхъ его дѣлахъ тѣмъ тверже есть и увеселительнѣе, тѣмъ безопаснѣе и полнѣе есть его удовольствіе по окончаніи оныхъ, чѣмъ яснѣе видитъ онъ сокровенныя силы рачительныя натуры въ произведеніи самихъ оныхъ вещей. Но кто притомъ представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе; тотъ не токмо легкими крылами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ якобы въ нѣкое обоженіе приходитъ.

Ломоносовъ.

Польза науки.

Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, не нахожу того совершеннѣе, какъ ежели кто пріятными и безпорочными трудами пользу приноситъ. Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ; которое, никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце; и умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое пріятное, безпорочное и полезное упражненіе гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная

различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогощающійся никого не обидитъ: за тѣмъ что неистощимое и всѣмъ обще предлежащее сокровище себѣ пріобрѣтаетъ. Въ немъ труды свои полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служитъ. Все сіе коль справедливо, и коль много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе европейскихъ жителей, снесенное *) со скитающимися въ степяхъ американскихъ. Представьте разность обоихъ въ мыслихъ вашихъ. Представьте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ: другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинство языкомъ изъясняетъ; но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетѣ происходить не умѣетъ: другой не токмо черезъ величину тягость безъ вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на земли неприступныхъ вещей разстояніе издалека показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе, и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни, или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ: другой не токмо прошедшихъ временъ многоразличныя и почти безчисленныя приключенія, въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ, но и многія будущія точно предвѣщаетъ. Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ: другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ Создателеву безконечную премудрость и силу. Поставьте человѣка, листвіемъ или сырою звѣриною кожею едва наготу свою прикрывающаго, при одѣяніемъ златотканными одеждами и украшеномъ блистаніемъ драгоцѣнныхъ камней, поставьте поднимающаго съ земли случившійся камень или дерево, для своей отъ непріятеля обороны, при снабдѣнномъ свѣтлымъ и острымъ оружіемъ, и молніи и грому подражающими махинами. Поставьте за вострозатымъ камнемъ тонкое дерево со многимъ потомъ едва претирающаго, при употребляющимъ сильныя и хитросложенныя машины къ движенію ужасныхъ тягостей, къ ускоренію долговременныхъ дѣлъ и къ точному измѣренію и раздѣленію величины, вѣсу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на пловущаго черезъ малую рѣчку на связанномъ тростникѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ на великомъ кораблѣ, надежными орудіями укрѣпленномъ, силою вѣтра противъ его же самого бѣгущемъ, и вмѣсто вождя камень по водамъ имѣющемъ: не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приноситъ ученіе пользу; толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ; толь пріятно есть красоты его наслажденіе!

*) Сличенное.

Ломоносовъ.

Польза стекла.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.

Не рѣдко я для той *) съ Парнасскихъ
горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ воз-
вращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но
стеклу.
И какъ я, оное хваля, воспоминаю
Не ломкость лживаго и счастья пред-
ставляю.
Не должно тѣлности примѣромъ тое
быть,
Чего и сильный огнь не можетъ раз-
рушить.
Другихъ вещей земныхъ конечный раз-
дѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь его роди-
тель.

Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости
своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человѣкъ себя въ толстыя
стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту
въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ несносный хладъ
терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло
впускаетъ
И лютость холода чрезъ то же отвра-
щаетъ.
Отвореннному вдругъ и запертому быть—
Не то ли мы зовемъ, что чудеса твo-
рить?
По долговременномъ теченьи нашихъ
дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чув-
ство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и
искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чте-
нья книгъ:
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣд-
ности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.

Не даръ ли мы въ стеклѣ божествен-
ный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему кос-
нѣемъ?

Хоть острымъ взоромъ насъ приро-
да одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ
вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ
лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не до-
сягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами
сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микро
скопъ открылъ,
Что Богъ невидимыхъ животныхъ со-
творилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, серд-
це, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ живот-
ны силы.
Не меньше нежели въ пучинѣ тяжкій
китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ
дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромно-
сти небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели
тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ поптъ и воздухъ
и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей оно, коль намъ
потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе вра-
чебно.
Коль много микроскопъ намъ тайно-
стей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ
тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ
барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро бу-
дутъ вѣтры,
Коль скоро дождь густой на нивахъ
зашумитъ,
Иль облаки прогнавъ, ихъ солнце осу-
шитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не
льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совер-
шится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:

*) Для пользы: извѣстно, что Л—въ завелъ фабрику разныхъ стеклянныхъ издѣлій, для которой удѣлялъ время отъ своихъ научныхъ и поэтическихъ трудовъ. (Г.)

Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ
разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть
отселѣ,
Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ
достойно!

Ломоносовъ.

Вліяніе человѣка на природу.

Подобно древнему Адаму, созданному изъ перси земной, мы также сыны земли. Мы связаны съ нею неразрывно; она поддерживаетъ наше существованіе своими питательными соками и доставляетъ воздухъ нашимъ легкимъ; въ матеріальномъ отношеніи, она даетъ намъ жизнь, движеніе, бытіе. Прикрѣпленные къ ея поверхности, мы принимаемъ невольное участіе во всѣхъ ея движеніяхъ и подчиняемся всѣмъ ея законамъ. И не только какъ отдѣльныя личности мы принадлежимъ землѣ, но и цѣлыя общества, цѣлые народы сложились согласно съ условіями почвы, ими обитаемой. Они должны были отразить въ своей внутренней организаціи всѣ разнообразныя явленія земной поверхности, морскихъ и рѣчныхъ водъ и окружающей атмосферы. Всѣ историческіе факты объясняются, большей частью, географическимъ положеніемъ страны, служившей театромъ дѣйствій; можно даже сказать, что исторія развитія человѣчества была уже впередъ начертана величественными буквами на плоскихъ возвышенностяхъ, долинахъ, равнинахъ и на морскихъ берегахъ. Эти истины, послѣ трудовъ Гумбольдта, Риттера и Гюйо, установившихъ тѣсную связь человѣка съ землею, сдѣлались избитыми, общими мѣстами. Основная мысль, вдохновлявшая знаменитаго творца „Землевѣдѣнія“ (Erdkunde), когда онъ одинъ трудился надъ своею великою энциклопедіею, прекраснѣйшимъ географическимъ памятникомъ всѣхъ вѣковъ, была та, что земля есть тѣло человѣчества, а человѣкъ — душа земли.

По мѣрѣ того, какъ у народовъ развивалась цивилизація, они научались сами вліять на внѣшнюю природу, между тѣмъ какъ прежде должны были безропотно покоряться ей; они преобразовали поверхность материковъ, дали новое направленіе текучимъ водамъ, измѣнили даже климатъ. Изъ работъ, произведенныхъ на землѣ низшими животными, мадрепоровые и коралловые острова могутъ быть, конечно, по своей обширности, сравниваемы съ работами человѣка; но эти громадныя постройки не придаютъ никакой новой черты общему виду земнаго шара. Напротивъ, дѣйствія человѣка придаютъ самый разнообразный видъ земной поверхности; съ одной стороны они разрушаютъ, съ другой улучшаютъ; смотря по состоянію общества и по степени развитія каждаго народа, дѣятельность человѣка искажаетъ, или украшаетъ природу. Варваръ опустошаетъ землю и, похищая ея сокровища, не только не возвращаетъ ихъ обратно тщательной обработкой или разумнымъ попеченіемъ, но часто даже разоряетъ страну, служившую ему пристанищемъ, и дѣлаетъ ее необитаемою. Человѣкъ истинно образованный, понимающій, что его собственная польза тѣсно связана съ пользою всего окружающаго и даже самой природы, поступаетъ совершенно иначе. Онъ исправляетъ вредъ, нанесенный землѣ его предшественниками, и, вмѣсто грубаго опустошенія, онъ помогаетъ землѣ и равно заботится объ ея улучшеніи и объ украшеніи своихъ владѣній. Не только какъ земледѣлецъ и промышленникъ, умѣетъ человѣкъ извлекать все болѣе и болѣе пользы изъ производительныхъ силъ земнаго шара, но и какъ художникъ, онъ старается придать окружающей мѣстности болѣе очарованія, прелести или величія. Сдѣлавшись „созданіемъ земли“, достойный своего призванія, человѣкъ тѣмъ

самымъ беретъ на себя отвѣтственность въ гармоніи и красотѣ окружающей его природы.

Земная поверхность представляетъ множество примѣровъ совершеннаго опустошенія. Во многихъ мѣстахъ человѣкъ превратилъ свою родину въ пустыню, и „трава не растетъ тамъ, гдѣ была его нога“. Большая часть Персіи, Месопотаміи, Идумеи, многія страны Малой Азіи и Аравіи, которыя текли „млекомъ и медомъ“ и нѣкогда питали весьма значительное народонаселеніе, сдѣлались почти безлюдными и населены жалкими племенами, живущими грабежомъ и земледѣліемъ въ самой грубой, первобытной его формѣ. Когда могущество Рима уступило натиску варваровъ, то Италія и сосѣднія съ нею провинціи, изнуренныя безсознательнымъ, неразумнымъ трудомъ невольниковъ, были отчасти превращены въ пустыни, и въ настоящее время, послѣ двухъ тысячъ лѣтъ отдыха, обширныя пространства, обработываемыя нѣкогда этрусками и сикулами, еще донынѣ представляютъ безплодныя степи или вредныя мареммы.

Отъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣли своимъ слѣдствіемъ обѣднѣніе и разореніе римской имперіи, Новый Свѣтъ лишился значительной части своей воздѣланной территоріи; такъ, въ нѣкоторыхъ плантаціяхъ Каролины и Алабамы, менѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, взятыхъ съ бою у дѣвственныхъ лѣсовъ, совершенно изсякла всякая производительность, и онѣ служатъ нынѣ убѣжищемъ однимъ дикимъ звѣрямъ.

Какъ не велико возрастающее опустошеніе странъ Америки и столь многихъ другихъ, гдѣ человѣкъ, недавній пришлецъ, злоупотребляетъ своею властью, изнуряя питательную его землю, но не найдется, вѣроятно, въ мірѣ страны, гдѣ опустошеніе происходило бы такъ быстро, какъ во французскихъ альпахъ: тамъ дожди и снѣга постепенно смываютъ тонкій слой производительной земли, покрывающей горныя покатости, и уносятъ ее въ море, въ видѣ безполезнаго ила; обнаженныя скалы, груды обломковъ, обширныя долины, усыпанныя каменьями, замѣняютъ луга и воздѣланныя поля.

Мало-помалу на отлогостяхъ образуются глубокіе овраги, изрѣзывающіе хребетъ въ отдѣльныя горныя вершины, которыя, обрушиваясь, быстро понижаются. Въ иныхъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ миль, невидно ни одного зеленѣющаго кустарника. Слишкомъ алчные владѣльцы уничтожили почти всѣ лѣса, покрывавшіе склоны горъ, вслѣдствіе чего вода, прежде задерживаемая корнями деревъ и медленно проникавшая въ землю, прекратила свое плодотворное вліяніе и служитъ нынѣ только источникомъ опустошенія.

Вотъ какія перемѣны происходятъ на землѣ и въ общемъ видѣ гористыхъ странъ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, покрывающихъ ихъ склоны. Равнины, лишенныя своихъ лѣсовъ, страдаютъ менѣе и истощеніе ихъ происходитъ гораздо медленнѣе, но, тѣмъ не менѣе, оно неизбѣжно. Земная поверхность, лишенная украшающихъ ее деревьевъ, не только теряетъ свою внѣшнюю красу, но необходимо бѣднѣетъ. По единодушному свидѣтельству почти всѣхъ географовъ, кажется весьма вѣроятнымъ, что количество падающихъ ежегодно дождей уменьшается въ странахъ опустошенныхъ дровосѣками, и, взамѣнъ того, возрастаетъ въ мѣстахъ, гдѣ вновь насаждены лѣса; уничтоженіе лѣсовъ нарушаетъ гармонію природы и производитъ неравномѣрное теченіе водъ. Прежде дождевыя капли, задержанныя сплетенными вѣтвями деревъ и падая одна за другой, медленно просачивались сквозь сухіе листья, покрывавшіе землю; теперь же онѣ, быстро падая, образуютъ временные потоки и, вмѣсто того, чтобы, спускаясь въ подземныя лощины, бить оттуда плодотворными ключами, онѣ скользятъ по поверхности, теряются въ рѣкахъ. Въ то время, какъ бассейнъ верховья рѣкъ пересыхаетъ, объемъ текущихъ водъ увеличивается въ низовьяхъ и происходятъ опустошительныя наводненія. Прямая отвѣтственность падаетъ на человѣка въ этихъ несчастныхъ происшествіяхъ, и можно ска-

зать почти положительно, что ихъ можно было бы предупредить или, по крайней мѣрѣ, смягчить сбереженіемъ существующихъ лѣсовъ и разведеніемъ новыхъ.

Человѣкъ, нарушающій такимъ образомъ равновѣсіе водъ, нарушаетъ также и гармонію климатовъ. Не упоминая о чисто мѣстномъ вліяніи городовъ, возвышающихъ температуру и, къ несчастью, заражающихъ въ то же время воздухъ, несомнѣнно то, что истребленіе лѣсовъ и запашка большаго пространства земли производятъ ощутительныя перемѣны въ различныхъ временахъ года. Во многихъ частяхъ Швеціи, гдѣ лѣса были недавно вырублены, весна стала наступать двумя недѣлями позже, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ значительная разработка склоновъ Аллеганъ, повидимому, имѣла слѣдствіемъ увеличеніе непостоянства температуры и преобладаніе осени надъ зимою и зимы надъ весною. Можно вообще сказать, что лѣса имѣютъ, подобно морю, свойство смягчать естественную разницу температуръ въ различныя времена года. Если вѣрить нѣкоторымъ авторамъ, то и самъ мистраль, этотъ ужасный сѣверо-западный вѣтеръ, который дуетъ съ Севенскихъ горъ, опустошая Провансъ, есть также бичъ, созданный самимъ человѣкомъ, и началъ дуть только съ тѣхъ поръ, какъ истреблены сосѣдніе горные лѣса. Болотныя лихорадки и другія мѣстныя болѣзни часто неожиданно появлялись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣса, или просто кущи деревъ, падали подъ ударами топора.

Точно также вліяніе человѣка на растительность нашей планеты выразилось въ нарушеніи первобытной естественной гармоніи природы. Колоссальныя деревья пашихъ лѣсовъ становятся годъ отъ года рѣже и, падая подъ топоромъ, уже не замѣняются новыми. Деревья, поражавшія своею громадностью первыхъ поселенцевъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады, были, большею частью, срублены, и еще въ недавнее время въ Калифорніи обращены въ доски гигантскія деревья, возвышавшіяся на 120, 130 и 140 метровъ высоты. Потери эти едва ли исправимы, потому что природа должна употребить сотни и тысячи лѣтъ, чтобъ доставить необходимые соки этимъ громаднымъ растеніямъ, и человѣчество, слишкомъ жаждущее минутныхъ удовольствій и равнодушное къ судьбѣ будущихъ поколѣній, не имѣетъ достаточно чувства самохраненія, чтобы заботиться о тщательномъ сбереженіи красоты природы. Увеличеніе пространства обрабатываемыхъ полей, потребности мореплаванія и промышленности влекутъ за собою истребленіе деревъ средней величины. Въ настоящее время ихъ вырубаютъ ежегодно цѣлые милліоны. Не говоря уже о громадномъ ежегодномъ истребленіи лѣсовъ плотниками, кораблестроителями и инженерами желѣзныхъ дорогъ, здѣсь достаточно будетъ упомянуть объ одной мелкой промышленности. Цѣлыя сотни гектаровъ лѣса были срублены и обращены въ спички. По словамъ Рентцша, одинъ маленькій городокъ Зоннебергъ выдѣлываетъ ежегодно 3,000 тоннъ игрушекъ изъ соснового лѣса. Наконецъ, въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ американской войны, одинъ европейскій заводъ употребилъ 28,000 орѣховыхъ деревъ для ружейныхъ прикладовъ. Взамѣнъ того, травянистыя растенія размножаются и занимаютъ во всѣхъ странахъ земнаго шара все болѣе и болѣе обширныя пространства.

Въ отношеніи царства животныхъ, исторія человѣчества представляетъ рядъ подобныхъ же фактовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что причиной исчезновенія сибирскаго мамонта, большаго ирландскаго оленя и множества другихъ большихъ звѣрей было ожесточенное преслѣдованіе ихъ охотниками. Въ настоящее время буйволъ, левъ, носорогъ, слонъ все болѣе и болѣе удаляются отъ человѣка, и рано или поздно исчезнутъ въ свою очередь.

Гренландскимъ китамъ ни одно море не представляетъ уже безопаснаго убѣжища. Тюлени истребляются ежегодно тысячами, даже акулы уменьшаются въ числѣ, вмѣстѣ съ пожираемыми ими рыбами, и становятся добычею промышленниковъ. Точно также истреблены человѣкомъ и многія породы птицъ. Кромѣ того, извѣстныя

плачевныя послѣдствія ежегоднаго истребленія птицъ во всѣхъ странахъ охотниками. Насѣкомыя: муравьи, термиты, саранча, освобожденныя безразсуднымъ вмѣшательствомъ человѣка отъ нападеній враждующихъ съ ними птицъ, размножаются въ такомъ большомъ количествѣ, что становятся сами истинными географическими дѣятелями. Точно такимъ же образомъ китообразныя и другія исчезнувшія рыбы замѣнились медузами и инфузоріями.

Быть можетъ, замѣчательное явленіе свѣченія моря зависитъ отъ этого истребленія китообразныхъ и другихъ рыбъ. Есть основаніе думать, что явленіе свѣченія моря повторяется теперь чаще и великолѣпнѣе, чѣмъ во времена грековъ и римлянъ. Иначе было бы непонятно, какъ древніе не нашли достойнымъ упомянуть объ этихъ блестящихъ полосахъ желтаго и зеленоватаго свѣта, колыхающихся на морѣ въ темную, мрачную ночь, объ этихъ молніеносныхъ снопахъ огня, брызжущихъ съ вершины волнъ, объ этихъ сверкающихъ міріадахъ искръ, разметающихся во всѣ стороны у носа ныряющаго корабля, объ этихъ пламенныхъ потокахъ, скользящихъ по обѣимъ сторонамъ его и соединяющихся снова, за кормой, въ одно огненное русло? Такъ какъ свѣтъ этотъ происходитъ отъ многочисленныхъ микроскопическихъ животныхъ, живыхъ и разлагающихся, и такъ какъ истребленіе китообразныхъ животныхъ, большихъ рыбъ и другихъ морскихъ чудовищъ неминуемо ведетъ за собою быстрое, соразмѣрное размноженіе микроскопическихъ животныхъ, то изъ этого вытекаетъ, что фосфоричность морскихъ водъ увеличивалась сообразно количеству инфузорій.

Человѣкъ не вправѣ хвалиться этимъ предположеннымъ увеличеніемъ свѣченія моря, потому что хотя онъ и былъ, благодаря рыбному промыслу, косвенною причиною этого явленія, но дѣйствовалъ совершенно безсознательно. На поверхности водъ, какъ и на сушѣ, онъ дѣйствовалъ только въ видахъ своей непосредственной пользы, не обращая никакого вниманія на дальнѣйшія послѣдствія. Одни изъ его предпріятій имѣли счастливые результаты и способствовали общему благосостоянію; другія же, напротивъ, какъ напримѣръ, уничтоженіе лѣсовъ на склонахъ горъ, влекли за собою пагубныя послѣдствія; но, не заботясь о будущемъ, онъ продолжалъ работать день за день. Въ настоящее время человѣчество, въ лицѣ своихъ научныхъ представителей, начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Наученное опытомъ прошлаго, оно вступаетъ въ борьбу съ силами природы, съ которой само сняло оковы, и во многихъ мѣстахъ бѣдствія, постигнувшія насъ вслѣдствіе ошибокъ нашихъ предковъ, уже заглажены. Сверхъ того отдѣльныя группы людей, и даже цѣлые народы, недовольные однимъ возстановленіемъ прежняго равновѣсія на земной поверхности, съ успѣхомъ работаютъ надъ преобразованіемъ и улучшеніемъ обширныхъ пространствъ, которыя прежде не имѣли никакой цѣны.

Счастливыя перемѣны на землѣ, совершенныя въ послѣдніе вѣка во многихъ странахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что можетъ сдѣлать твердая воля человѣка. На первомъ мѣстѣ нужно поставить громадныя работы, произведенныя голландцами, для предохраненія своей территоріи отъ разлитія моря и рѣкъ. Въ средніе вѣка, береговые жители отступали ежегодно предъ волнами Сѣвернаго моря и предъ цѣпью песчаныхъ дюнъ, и, какъ бы желая ускорить свое разореніе, они вырубали лѣса, служившіе имъ защитой отъ песковъ, и неосторожной эксплуатаціею превращали торфяники въ болота и пруды, такъ что, во время большихъ бурь тысячи гекторовъ полей въ одинъ день исчезали въ волнахъ, вмѣстѣ съ деревнями и запашкой. Наконецъ, голландцы, чувствуя постепенное пониженіе своей почвы, боясь быть поглощенными наводненіемъ, приняли мѣры противъ напора морскихъ волнъ. Въ послѣдніе вѣка, исторія земледѣлія въ Нидерландахъ представляетъ намъ постоянную, неослабную борьбу человѣка съ океаномъ, борьбу, въ которой побѣдителемъ остался человѣкъ. Постоянно наблюдая за напоромъ волнъ, онъ укрѣпилъ берега гатью, валомъ, стѣнами и плантаціями; посредствомъ же ряда насыпей и плотинъ онъ мало-

помалу достигъ того, что возвратилъ себѣ значительную часть почвы, нѣкогда похищенной у его предковъ. Послѣдней его великой побѣдой было выкачиваніе въ море воды цѣлаго Гарлемскаго озера, которое заключало въ себѣ не менѣе 724 милліоновъ кубическихъ метровъ воды, и въ настоящее время онъ мечтаетъ осушить Зюдерзе, заливъ въ 500,000 гектаровъ, на прорытіе котораго бури Сѣвернаго моря должны были употребить десять столѣтій.

Во всѣхъ образованныхъ странахъ міра существуютъ, какъ и въ Голландіи, прекрасныя работы, которыми человѣкъ съумѣлъ обратить въ свою пользу нѣкоторыя изъ явленій земли. Вездѣ, даже въ самой пустынѣ, въ послѣднее время, человѣкъ, вырывая артезіанскіе колодцы и создавая новые оазисы, пытался изгладить многочисленныя опустошенія, которыхъ онъ былъ причиной въ столь многихъ другихъ мѣстахъ земнаго шара. Эти полезныя работы, подобныя настоящимъ географическимъ переворотамъ и измѣняющія видъ земли на обширныя пространства, имѣютъ, по большей части, еще ту значительную выгоду, что влекутъ за собою благопріятную перемѣну мѣстнаго климата. Но человѣкъ не ограничивается въ настоящее время, однимъ косвеннымъ вліяніемъ на благорастворенность воздуха и во многихъ странахъ ставитъ это непосредственною цѣлью своихъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, въ Тосканѣ, Сіанская долина, нѣкогда почти необитаемая и куда не отваживалась проникать даже ласточка, совершенно освобождена отъ болотныхъ міазмовъ, исправленіемъ неправильной покатости, покрытой лужами и лагунами. Также и маремны древней Этруріи сдѣлались менѣе вредны для здоровья жителей съ тѣхъ поръ, какъ инженеры засыпали береговыя болота и уничтожили смѣшеніе прѣсныхъ и соляныхъ водъ, которое происходило при устьяхъ рѣкъ. Имѣя возможность подобнымъ образомъ улучшать качество вдыхаемаго имъ воздуха, человѣкъ, можетъ быть, имѣетъ также власть увеличить современемъ влажность атмосферы и обиліе дождей. Въ теченіе столѣтія отъ 1764, до 1863 года, ежегодное выпаденіе дождевой воды, по наблюденіямъ миланской обсерваторіи, повысилось отъ 90 до 106 миллиметровъ. Вѣроятно, причину этого постепеннаго увеличенія дождей должно отнести къ устройству въ Ломбардіи многочисленныхъ водопроводовъ для орошенія полей, вслѣдствіе чего происходитъ быстрое испареніе воды.

Ко всѣмъ этимъ громаднымъ работамъ, имѣющимъ цѣлью видоизмѣнить поверхность земли къ пользѣ человѣка, относится еще одно дѣло, имѣющее съ предъидущими тѣсную связь и которое можетъ показаться многимъ съ перваго взгляда невыполнимымъ, но тѣмъ не менѣе это дѣло чрезвычайно важное. Необходимо не только сохранить, но увеличивать внѣшнюю красоту природы и заботиться о возстановленіи ея тамъ, гдѣ она много потеряла отъ грубаго обращенія съ нею. Цѣлыя народонаселенія какъ будто поставили себѣ долгомъ обезобразить занимаемую ими территорію; они уродуютъ или искажаютъ однокія, еще оставшіяся у нихъ деревья; превращаютъ свои деревни въ лабиринтъ улицъ, окаймленныхъ стѣнами, и на удачу воздвигаютъ уродливыя постройки. А между тѣмъ такъ легко подвергнуть обработкѣ почву, не отнимая у мѣстности ея природной красоты! Въ Англіи, гдѣ хлѣбопашецъ съумѣлъ заставить поля приносить такіе обильные плоды и гдѣ народъ имѣлъ всегда большее уваженіе къ деревьямъ, чѣмъ всѣ латинскія націи, мало найдется мѣстностей, которыя не имѣли бы нѣкоторой прелести и даже истинной красоты, частью благодаря громаднымъ дубамъ, простирающимъ надъ полями свои длинныя вѣтки, частью благодаря разнороднымъ лѣсамъ, искусно разбросаннымъ вокругъ деревень и замковъ. Въ Ирландіи и Шотландіи сотни милліоновъ деревъ снова покрыли горныя высоты; и эти, безъ того уже живописныя страны, чудно разукрасились покрывающею ихъ нынѣ зеленью. Искусство, чтобы ни говорили о немъ нѣкоторые мрачные умы, имѣетъ силу украшать даже свободную природу, придавая ей прелесть перспективы и разнообразія и, въ особенности, вод-

ворля гармонію между нею и чувствами ея жителей. Въ Швейцаріи, на берегу большихъ озеръ, окаймленныхъ синеватыми горами и блестящими ледниками, какъ много мы встрѣтимъ хижинъ и дачныхъ домиковъ, съ ихъ зелеными лужайками, веселыми клумбами цвѣтовъ и тѣнистыми аллеями, дѣлающими природу еще прекраснѣе.

Не смотря на то мы все-таки должны сознаться, что въ настоящее время передовые народы человѣчества вообще мало заботятся объ украшеніи природы. Будучи въ душѣ болѣе промышленники, чѣмъ художники, они предпочитаютъ силу красотѣ. Въ настоящее время человѣкъ стремится примѣнить землю къ своимъ нуждамъ и вполнѣ завладѣть ею, чтобы свободно черпать ея несмѣтныя богатства. Онъ покрываетъ ее сѣтью желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ проволокъ, пытается возвдѣлать пустыни и предупредить разлитіе рѣкъ; разрываетъ холмы и разбрасываетъ ихъ землю на низменности въ видѣ удобренія; прорываетъ Альпы и Анды, соединяетъ Красное море съ Средиземнымъ и готовится смѣшать воды Тихаго океана съ Антильскимъ моремъ. Понятно, что народы, дѣятели и свидѣтели всѣхъ этихъ великихъ предпріятій, увлекаются опьяненіемъ успѣшнаго труда и думаютъ только переработать землю по своему произволу. И если уже промышленность совершила такія чудеса, то чего не въ состояніи будетъ она сдѣлать, когда наука доставитъ ей новыя средства вліять на природу! Многіе физики уже выразили мысль о возможности собрать въ одинъ громадный запасъ, для послѣдующаго приложенія ихъ человѣкомъ на свою пользу, тѣ великія силы природы, которыя обнаруживаются стихіями съ такой потрясающей энергіей. Если бы мы могли уловить и связать силу грознаго урагана Антильскихъ острововъ и заставить ее служить нашимъ цѣлямъ; если-бы возможно было завладѣть силою, обнаруживаемою могущественнымъ напоромъ волнъ, разбивающихся въ продолженіе одной бурной зимы о плотины Шербурга; или, еще лучше, если бъ мы съумѣли приложить къ дѣлу силу прилива, давленіе одной квадратной мили морской воды глубиною въ пять тысячъ саженъ, мощные толчки землетрясеній или волканическихъ переворотовъ,—на какія громадныя работы не дерзнулъ бы нашъ вѣкъ труда и отваги, вѣкъ, которому только одной вѣры не достаетъ, чтобы сдвинуть съ мѣста гору и ввергнуть ее въ море!

Историко- географическое значеніе Волги.

Кому неизвѣстно, какую важную роль играютъ рѣки въ жизни народовъ. По берегамъ рѣкъ явились первыя человѣческія поселенія, здѣсь зачатки богатыхъ городовъ. Недаромъ же боготворили древніе народы свои рѣки, недаромъ съ ними связаны всѣ главныя миѳологическія вѣрованія. Племена, населяющія одну рѣчную область, соединяются ея отраслями невольно въ одно политическое тѣло, раздѣляютъ однѣ общія выгоды, терпятъ тѣ же невзгоды. Рѣки—это главные этнографическіе рубежи: по нимъ, почти единственно, можно прослѣдить за древнѣйшими угасающими племенами и первыми колонизаціями новыхъ обитателей. Какъ бы общество ни было развито, какіе бы новые пути оно не проложило,—пути естественные, по рѣкамъ, сохранятъ всегда свое значеніе, и на ихъ берегахъ, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ самой природой, останутся всегда главныя пристани и торговые рынки. Измѣняются странники—пути остаются тѣ же. Такимъ великимъ двигателемъ въ исторіи восточныхъ равнинъ Европы была Волга. Рѣчная ея область занимаетъ безспорно самое важное мѣсто между всѣми рѣчными областями Европы. Все даетъ ей на это полное право: громадность, обиліе водъ, разнообразіе ея природы, вліяніе на историческое развитіе народовъ и наконецъ богатство историческихъ явленій, ей исключительно принадлежащихъ. За исключеніемъ Малоазійскаго полуострова, Волга была постоянно главнымъ, и почти единственнымъ, посредникомъ, соединявшимъ европей-

скій западъ съ азіатскимъ востокомъ.

Начинаясь близъ Балтійскаго моря, рѣчная долина Волги вдается отсюда въ континентальныя равнины восточнаго полушарія, а низовья Волги лежатъ уже въ области азіатскихъ степей, на большой военной дорогѣ народовъ, шедшихъ черезъ уральскія ворота къ прибрежнымъ странамъ Понта: въ той области, гдѣ они всегда на нѣкоторое время останавливались, прежде нежели подвигались далѣе на западъ. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, дикія орды врывались отсюда вверхъ по Волгѣ, въ центръ нашихъ равнинъ, угрожая Европѣ варварствомъ и порабощеніемъ. Такое міровое положеніе Волги, такая двойственность ея природы были причиной, что ея рѣчная область не имѣла почти никогда этнографическаго единства, составляющаго характеристическую черту Рейна.

Еще болѣе вліянія имѣла Волга на торговые пути между востокомъ, сѣверомъ и западомъ. Торговцы и промышленники знакомятъ насъ впервые съ ея рѣчной системой. Ежели берега Волги стонали въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ подъ варварскимъ игомъ, то за то здѣсь же основали себѣ жилища самыя замѣчательныя, промышленныя племена, которымъ исторія обязана древнѣйшими сношеніями между сѣверомъ и югомъ, западомъ и востокомъ, и при томъ въ ту эпоху, когда еще не было никакихъ слѣдовъ, никакихъ зачатковъ благоустроенной государственной жизни на всемъ пространствѣ, занимаемомъ великими восточными равнинами Европы. На среднихъ частяхъ Волги, на ея низовьяхъ, существовали съ незапамятныхъ временъ богатыя складочныя мѣста для торговли, или великолѣпныя столицы, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь сидѣли промышленныя, торговыя племена, могущественные туземные властители или смѣлые пришельцы—завоеватели. Такъ процвѣтали на среднихъ частяхъ Волги Болгары, потомъ Казань и наконецъ Нижній Новгородъ, а на ея низовьяхъ Атель, Сарай и Астрахань.

Долгое время была Волга рѣкой Азіатско-Европейской, повсюду по ней двигались орды кочевниковъ да восточные купцы изъ Азіи во внутрь теперешней Россіи; не далѣе, какъ столѣтіе, только со времени великаго преобразователя Россіи, стала она рѣкой истинно-европейской и получила значеніе иное, болѣе высокое,—служить проводницей образованности и цивилизаціи въ центръ Азіи. По Волгѣ выслалъ Петръ въ Азію первое европейское войско; при немъ понесла она на своихъ струяхъ въ Каспійское море флотъ, построенный изъ уральскаго лѣса, и съ этого-то времени Волга стала не только главнымъ источникомъ богатства, кормилецей государства Россійскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединительницей двухъ горныхъ системъ, лежащихъ на восточныхъ границахъ Европы, Урала и Кавказа, обладаніе которыми единственно только и можетъ упрочить наше владычество въ Азіи и открыть туда дорогу намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—цивилизаціи. Уже размѣрами своими Волга принадлежитъ къ самымъ величавымъ явленіямъ природы Европейской. Прямое разстояніе ея источниковъ отъ устья простирается на 225 геогр. миль; длина же ея теченія, со всѣми извилинами и изгибами, на 3,161½ верстъ, тогда какъ длина теченія Рейна имѣетъ не болѣе 1.225 в., Дунай—2,660 верстъ. Такой длинѣ соотвѣтствуетъ и величина поверхности, занимаемой ея рѣчною областью. Рѣчная область Рейна заключаетъ въ себѣ 3,600 кв. миль; Дунаю подвластно пространство въ 14,000 кв. миль; поверхность же волжской водяной сѣти захватываетъ пространство слишкомъ въ 30,000 кв. миль, превосходящее въ три раза поверхность Германіи. Такими обширными размѣрами рѣчной области Волги легко объясняется ея полноводность. Она принимаетъ со всѣхъ сторонъ множество притоковъ и собираетъ весь богатый запасъ воды, накопляющійся въ источникахъ, разсѣянныхъ по великимъ восточнымъ равнинамъ, на протяженіи 1.400 верстъ въ длину, отъ запада къ востоку, и настолько же въ ширину, отъ сѣвера къ югу, между бассейнами Иртыша и Оби, Печоры, Сѣверной Двины, Невы, Западной двины, Днѣпра, Дона и Урала. Но—что всего замѣчательнѣе—Волга несетъ, въ низовьяхъ своихъ, этотъ богатый запасъ

воды по узкой рѣчной трубѣ, среди пустынь и степей, прямо въ жерло Каспійскаго моря. Волга протекаетъ девять губерній, принадлежащихъ къ лучшимъ, самымъ населеннымъ и плодороднымъ частямъ Россіи. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ея рѣчною областью, различные градусы широты, между которыми несетъ свои струи великая рѣка, обусловливаютъ чрезвычайно разнообразныя и многоразличныя явленія въ формахъ ея природы. Ежели житель Осташковскаго уѣзда, на источникахъ Волги, съ трудомъ можетъ прокормиться на своей неблагодарной почвѣ, ежели онъ заботливо закрываетъ на зиму соломой свои немногія яблони—калѣки, дабы защищать ихъ отъ жестокихъ морозовъ; то за то саратовецъ почти не знаетъ, что такое удобреніе почвы, и получаетъ безъ труда обильную жатву съ благословенныхъ полей своихъ, а въ Астраханской губерніи воздухъ наполняется благоуханіемъ миндальныхъ деревъ; въ ней растутъ шелковичныя деревья и висятъ на лозахъ тяжелые грозди винограда.

Всѣ губерніи по среднимъ и нижнимъ частямъ Волги могутъ считаться житницей Восточной Европы; прекрасные луга, богатыя нивы, плодовитые сады, превосходнѣйшіе дубовые и липовые лѣса смѣняютъ безпрестанно другъ друга, а по Волгѣ цвѣтетъ судоходство, торговля, и берега ея усѣяны богатыми селами и торговыми городами, которые служатъ станціями для обширной торговли между морями, омывающими съ четырехъ сторонъ великія равнины Восточной Европы.

Бабстъ.

Практическое значеніе искусства.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подвергались осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей вольный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ, чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, зачѣмъ то и зачѣмъ другое; не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите, что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ обра-

захъ и звукахъ? какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ. Такъ! мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ непреступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее непохожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, специальныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? что оно не во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое побужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, по видимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными, впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленіе, образы, мысли — все это силы и весьма дѣйствительныя силы въ человѣкомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ наши мысли безъ дѣйствія, хотя бы въ началѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало-помалу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понима-

емый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль, какъ и мысль познающая, открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и черезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣется во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе — силу и господство? Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ и каждый притомъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный тружевикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ общественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій, никакого прямаго отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но что бы онъ ни думалъ про себя и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все, что есть въ его дѣлѣ по-истинѣ благороднаго, живаго, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, все это связано въ дѣйствительности со многими чисто-умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за „метлу“, какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи „Чернь“. Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его „вдохновеніе“, его „сладкіе звуки“, его „молитвы“. Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ.

Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль, дѣйствительно, владѣетъ могущественнымъ орудіемъ и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе, и открываетъ новые пути и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера, или доктринера. Фразеръ — это родъ никуда не годный, и объ немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества. Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живаго дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и наоборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула "искусство для искусства“ можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма

неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіямъ искусства. Все, непріятно поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: „искусство для искусства,“ заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую-либо болѣе существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда-то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности, и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ, въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи; но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искусства, ни тамъ, ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самые потаенные изгибы жизни.

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и существенномъ значеніи его проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно склонять къ чему-нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, а также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частію мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все разсчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами: но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи и ставила себя на его мѣсто. Искусство, какъ и наука, дѣйствуютъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляютъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденіе и волю. Впрочемъ, ограждая самостоятельность искусства, мы съ другой стороны желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ-либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ, съ фор-

мою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого бы предмета они ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ „Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника", С. Т. Аксакова, или его же книгу „Семейная Хроника". Это не поэма и не драма, но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

Самъ художникъ вовсе не есть какое либо особенное существо. Каждый вообще даровитый человѣкъ бываетъ въ извѣстной степени и въ извѣстномъ отношеніи художникомъ, и съ поэтическимъ вдохновеніемъ можетъ быть знакомъ тотъ, кто никогда не писалъ ни стиховъ, ни даже прозы.

Но, не ставя художника въ исключительное положеніе и допуская художественное начало въ каждомъ болѣе или менѣе даровитомъ и развитомъ человѣкѣ, мы также считаемъ необходимымъ, чтобы въ художникѣ жилъ и развивался человѣкъ. Въ интересѣ самого искусства должно требовать, чтобы художникъ былъ развитъ и нравственно и умственно. Правда, бываетъ нерѣдко, что вдохновеніе

....посѣщаетъ голову
Гуляки празднаго....

и не дается усиленному труду; правда, самъ Пушкинъ оставилъ намъ другую искреннюю и печальную исповѣдь:

Когда не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй
онъ ...

Такъ, это истинно, но мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что это только фактъ, а не законъ. Напротивъ, мы должны убѣдиться, что богатый даръ природы можетъ вполнѣ проявить себя только при условіяхъ высокаго нравственнаго и умственнаго образованія. Пустъ вдохновеніе посѣщаетъ блудящимъ огнемъ голову празднаго гуляки; еще вѣрнѣе то, что великое и всемірное можетъ быть произведено только тѣмъ, кто способенъ чувствовать великое и всемірное въ самомъ себѣ.

Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и, можетъ быть, тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія.

М. Катковъ.

Различіе между изящными искусствами и науками.

Изящныя искусства и науки составляютъ два различныхъ рода произведеній человѣческаго ума. Сколько различіе сіе съ одной стороны считается извѣстнымъ, столько съ другой кажется неопредѣленнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начинаемъ различать вещи, всѣ мы знаемъ, что камни не суть растенія, а растенія не животныя; но испытатели природы на семъ знаніи не останавливаются: они изслѣдованія свои касательно различія тѣлъ естественныхъ отселѣ только начинаютъ. Такъ недовольно знать, что науки не суть изящныя искусства, и наоборотъ. Ежели есть предметы различные, необходимо должно быть и то, что различными ихъ дѣлаетъ; другими словами: каждаго различія должно быть основаніе. Что-жъ служитъ основаніемъ различія между изящными искусствами и науками?

Вникая въ составъ наукъ, легко за-

мѣтить, что каждая изъ нихъ есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. По сему для возможности каждой науки необходимы три условія:

1. Предметъ, или понимаемое.
2. Разумѣніе, или понимающее.
3. Содержаніе, или понятія.

Именемъ предмета означается все дѣйствительное, подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, напр., естественныя тѣла, явленія въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, произведенія искусствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія, словомъ все, что дѣйствительно есть и можетъ быть понимаемо.

Разумѣніемъ называется способность познавать. Мыслящій духъ, умъ, разумъ: эти слова употребляются большею частію какъ синонимы разумѣнія. Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, поставленный въ противоположности съ предметами, не остается равнодушнымъ зрителемъ оныхъ, но стремится къ ихъ познанію; при чемъ, замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность, видъ, родъ и т. д. частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи и удерживаетъ въ умѣ только то, что въ каждомъ родѣ подобныхъ предметовъ находитъ общаго. Это общее, отвлеченное отъ предметовъ подобныхъ, есть понятіе, напр. красота, животное, бытіе. За понятіями слѣдуютъ мысли. Предметы не приносятся съ понятіями въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются въ ономъ отвлеченно, такъ однакожъ, что предметы, по измѣняемости своей, могутъ разрушаться, исчезать, возраждаться, а понятія—изъ изображенія, остаются постоянно одинаковыми. Такъ, познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣйствительное является умственнымъ, предметы превращаются въ мысли. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ; другими словами: науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Положимъ, напр., что мы познали во всей подробности механизмъ неба, движеніе тѣлъ небесныхъ со всею точностію измѣрено, масса ихъ взвѣшена, законы и причины движенія открыты, словомъ, все изслѣдовано и опредѣлено, за тѣмъ не осталось ни малѣйшаго недоумѣнія: что представила бы система таковыхъ свѣдѣній – астрономія? Вѣрный умственный списокъ небеснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть дѣйствительно. Положимъ, съ другой стороны, что мы нашли средство проникнуть до центра земли и составъ материка изслѣдовали во всѣхъ направленіяхъ: что представили бы наши свѣдѣнія, въ такомъ случаѣ пріобрѣтенныя и приведенныя въ систему? Что, говорю, представила бы тогда геогнозія? Картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ оно есть дѣйствительно. Положимъ наконецъ, что всѣ дѣйствія разумѣнія изслѣдованы, законы онаго опредѣлены, и сама возможность понятій постигнута; что былибы въ семъ случаѣ наши свѣдѣнія? Изображеніе разумѣнія въ томъ самомъ видѣ, какъ оно есть; разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи также превращется въ понятія, и логика, наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была, какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ.

Сказанное объ астрономіи, геогнозіи, логикѣ принадлежитъ всѣмъ наукамъ безъ исключенія: всѣ науки не другое что суть, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ къ изящнымъ искусствамъ. Вникая въ произведенія оныхъ, легко замѣтить, что каждое изъ нихъ выражаетъ собою какое-либо понятіе или мысль. Въ произведеніяхъ искусствъ образовательныхъ это очевидно. Каждая картина, каждая статуя занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но мыслію *), которая въ ней, посредствомъ вещества или опредѣленнаго образа, даетъ себя разумѣть, мыслію, которая въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины отвердѣвъ, такъ сказать, получила особное существова-

*) Подъ мыслію разумѣется и понятіе, а часто и наоборотъ. *Авторъ.*

ніе, какъ предметъ самостоятельный. И произведенія другихъ искусствъ имѣютъ то-же основаніе своей занимательности. Что значитъ оратогія Гайдена: сотвореніе міра? Мысль, отпавшая отъ своего творца и въ звукахъ принявшая особное, предметное существованіе. Гдѣ Гомеръ? Уже протекли столѣтія, какъ сошелъ онъ съ позорища міра, а его творенія, какъ предметы самостоятельные, существуютъ доселѣ. Что жъ послѣ всего Иліада, Одиссея и всѣ произведенія словесности? Мысли, отдѣлившіяся отъ своего начала, ума и посредствомъ слова обращенныя въ предметы.

Если каждое произведеніе изящныхъ искусствъ изображаетъ собою мысль или понятіе, то что представитъ намъ всѣ произведенія вмѣстѣ взятыя, подведенныя умственно подъ одну точку зрѣнія? Особый міръ, міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы. Міръ сей отличенъ отъ цѣлой вселенной, принадлежащей къ одной эпохѣ творенія. Это позднѣйшее созданіе, новая природа; зиждитель оной — человѣкъ, вѣнецъ, краса природы творческой, отраженіе премудрости и могущества Зиждителя вселенной.

Впрочемъ мысли человѣка не осуществляются по одному его мановенію; какъ же они обращаются въ предметы?

Мы удивляемся человѣку, когда мысленно слѣдуемъ за нимъ на поприщѣ его умственной дѣятельности. Занимая только одну точку въ неизмѣримомъ царствѣ творенія, познающимъ духомъ своимъ онъ объемлетъ сію неизмѣримость: то нисходитъ во внутренность земли и разгадываетъ тайны ея строенія, то возносится къ небесамъ и дѣлаетъ счетъ мріадамъ міровъ, опредѣляя ихъ вѣсъ, пути, разстоянія и величину; то погружается въ самого себя и въ самопознаніи раскрываетъ начало всякаго знанія. Успѣхами его въ мірѣ физическомъ изумлена, кажется, самая природа: то дробитъ стихіи, и составляя ихъ вновь, воздвигаетъ громады; то срываетъ горы и уравниваетъ для себя пути; то переводитъ рѣки и на хребтѣ водъ ихъ переноситъ богатства одной страны въ другую; то ловитъ искры молній и обезоруживаетъ громы; то обуздываетъ вѣтры и на ихъ дуновеніе налагаетъ дани, нужныя для его отважныхъ предпріятій. Какъ могущественъ человѣкъ, разсматриваемый съ сей точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ отношеніи къ самымъ производящимъ силамъ и веществу! Сей повелитель стихій не въ состояніи произвести вновь ни одного атома вещества, ни одной новой силы: для созданія своей природы — изящныхъ искусствъ — долженъ прибѣгать онъ къ природѣ творческой; изъ нея долженъ заимствовать элементы, нужные для осуществленія его понятій и мыслей, для превращенія ихъ въ предметы.

Само собою разумѣется, что цѣль изящныхъ искусствъ тѣмъ лучше достигается, тѣмъ приличнѣе выборъ средствъ, чѣмъ естественнѣе помощію ихъ обнаруживается мысль творца—художника. Эта необходимость въ выборѣ приличныхъ средствъ и естественности ихъ употребленія, кажется, и была поводомъ къ тому, что изящныя искусства названы подражаніемъ природѣ. Художникъ, дѣйствительно, подражаетъ природѣ, но не въ изобрѣтеніи, не въ составленіи идеаловъ, а въ употребленіи средствъ, изъ нея заимствуемыхъ для осуществленія оныхъ, для превращенія мыслей въ предметы самостоятельные.

Основаніе изящныхъ искусствъ — мысль; цѣль - обращеніе мысли въ предметъ; начальныя главныя средства — звуки, образы и слово. Въ отношеніи къ основанію и цѣли изящныя искусства составляютъ одно (родъ), а въ отношеніи къ средствамъ — три главныхъ отрасли (виды), какъ бы три царства природы: музыку, искусства образовательныя, словесность. Въ сихъ то видахъ является природа, созидаемая человѣкомъ. Она, какъ и природа творческая, дѣлается также въ свою очередь предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки сей новой природы суть науки словесныя, и теоріи изящныхъ искусствъ вообще столько же отличны отъ самыхъ изящныхъ искусствъ, сколько различны прочія науки и ихъ предметы. Въ наукахъ предметы обращаются въ мысли, въ искусствахъ мысли дѣлаются предметами; науками

дѣйствительное, взъемлясь изъ пространства и времени, дѣлается идеальнымъ; искусствами идеальное вводится въ сферу дѣйствительнаго, вставляется въ какой-либо образъ, облекается въ звуки или слово; науки умъ производитъ изъ предметовъ, искусства порождаетъ изъ себя; тамъ все многоразличіе въ умѣ сосредоточивается, здѣсь умъ обращается въ многоразличіе; тамъ предметы отражаются въ умѣ, здѣсь умъ отражается въ предметахъ; тамъ природа дѣйствительная представляется мысленно, здѣсь мысли являются природою.

М. Павловъ.

О нравственной цѣли литературныхъ произведеній.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частью добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и феологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ-ли въ выводѣ какой-нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно, извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго: какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо ложную, слѣдственно, вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель; изображайте и порокъ, но первую привлекательною, второй отвратительнымъ. Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ бы добродѣтеленъ по необходимости, другой пороченъ по той же причинѣ; въ одномъ не было бы заслуги, въ другомъ вины; слѣдственно, ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные одни естественны и одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же лицо является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра, ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель: дѣйствія не смѣшаны, какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ посторонникъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы. Но не безнравственно-ли, скажутъ, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трагедіи, романа, поэмы, даже въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ-ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили бы то же преступленіе, надѣясь возбудить то же участіе? Если означенное лицо безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія, не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на по

бѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; разсчетливая сдача какой-нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ, подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній, они развиваютъ въ насъ способы противостоять имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоющихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ больше ея прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе. И эту книгу будутъ читать юные властители! Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса,
Пелеева сына!

Подобнымъ образомъ можно неоспоримо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и изъ слѣдствія въ слѣдствіе заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ.

Чѣмъ согласиться на уничтоженіе литературы, слѣдственно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія, не требовать отъ нея положительныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего инаго? Знаю, что можно искать въ ней и прекраснаго, но прекрасное не для всѣхъ; оно понятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особенною чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя и ядовитыя растенія. Романисты поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченные, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ, или совсѣмъ неиспытанныя; нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которомъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того бы не имѣли; пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе, вами полученное, будетъ непремѣнно нравственно, ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно, не развратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдо-

ваніемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ тоже время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя, которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Или не читайте, или читайте все: иначе вы будете всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ все равно, что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологѣ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на немъ — и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ библіотекѣ.

Заключимъ: что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность, но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе тотчасъ рождаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

Е. Баратынскій

Взглядъ Карамзина на свои „Письма Русскаго путешественника.“

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!.. Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштадта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?.. Почему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*; можетъ быть, и другіе.. по это ихъ, а не мое дѣло.

Предисловіе къ „Исторіи Государства Россійскаго“.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали

гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и доровать имъ возможное на землѣ счастіе. Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества. Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку и просвѣщенному, и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданіе вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію; старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣописанію; омраченный густою сѣнію невѣжества, народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что она истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне, плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ: но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемирная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ мы живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами. Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль дѣленѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами: какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степени образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ списклъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ

въ общую систему географіи, исторіи, и просвѣтилъ Божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не—Русскаго вообще замѣчательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однако-жъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы сутъ подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ, съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся новая Исторія должна безмолствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца, но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины: но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однако-жъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о дѣписаніяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика: съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра; но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о ошибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы, конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени,

или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія; мы должны сами видѣть дѣйствіе и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи: но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игорѣхъ и Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, пѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ, то не моя вина; я не могъ дополнять лѣтописи!

Есть три рода Исторіи; первая современная, напримѣръ Оукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображеніе дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ — и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что передали намъ современники; молчимъ, если умолчали — или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представить единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы вопреки мнѣнію аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣописаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однако-жъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется, и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже критика, тѣмъ непозволительнѣе историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолствуютъ въ могилахъ. Что-жъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ дан-

наго вещества; не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо: оба суть достойные совмѣстники древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ“... есть правило генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказы нравственныя апоѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едвали не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль даръ: читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, не до скупости умѣренный въ размышленіяхъ: историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если бы онъ не излишне чуждался Англіи, не излишне хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія. Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда аѳинскаго грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ: желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, яспую стройнымъ сближеніемъ частей: изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей, успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіономіею. Прилежно истощая матеріалы древнѣйшей россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи. Взоръ нашъ, въ созерцаніи пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но дол-

женъ всему указать свое мѣсто. Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаютъ меня самого. Счастливы древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожъ необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ осталось бы единственно ссылаться: но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едвали что обработано, изъяснено, согласцено—надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово, малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписывая: источники разиножаются и дѣлаются яснѣе. Мужъ ученый и славный, Шлёцеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ: что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа рождающеюся (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ раздѣленною (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III угнетенною (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго побѣдоносною (Victrix), отъ Петра до Екатерины II процвѣтающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно-ли смѣшать въ одно время Великаго князя Дмитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе исторія наша дѣлится на древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю отъ Іоанна до Петра, и новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе—второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностью посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться осужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то-есть сдѣлать россійскую исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы, желаемъ, да неизмѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Карамзинъ.

Сужденіе о Петрѣ Великомъ.

Вообще всѣ сужденія о Петрѣ Великомъ можно раздѣлить на двѣ части: одни говорятъ о Петрѣ съ недоступнымъ восторгомъ. Какъ лице, пережившее себя въ памяти народа, какъ царь, имя котораго все напоминаетъ въ Россіи, Петръ долженъ возбуждать подобный энтузіазмъ. Тѣмъ тяжелѣе слова порицателей Петра. Особливо въ нашъ вѣкъ, когда путаница недозрѣлыхъ идей кружитъ столь много головъ, когда, не умѣя отдать себѣ отчета, столь многіе толкуютъ у насъ о самобытности и проч. и проч., дѣла Петра подвергаются сужденію многихъ. Говорятъ, что онъ далъ не-

естественное направленіе нашей самобытности, что упрямою волею хотѣлъ онъ разорвать, такъ сказать, хартію нашей исторіи и начать ее на чужеземномъ языкѣ. Не понимая, что въ общности всей жизни и всѣхъ свойствъ Петра Великаго познается его геній, хотятъ разсматривать его отдѣльно, какъ законодателя, какъ воина, какъ человѣка, переносятъ къ сужденію объ немъ современныя идеи и судятъ объ немъ вслѣдствіе такого переноса.— Ошибка въ основаніи сужденій, ошибка въ выводахъ, ошибка во всемъ.

Посланникъ Провидѣнія въ мірѣ, чѣмъ выше геній, тѣмъ менѣе подходитъ онъ къ уставу уѣзднаго суда, непремѣнному для людей обыкновенныхъ. Ему другой законъ и другой судъ: законъ въ объемѣ историческаго мѣста, имъ занимаемаго; судъ въ слѣдствіяхъ его историческаго бытія. Но здѣсь опредѣляется опять мѣра излишняго распространенія. Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Ришелье, Фридрихъ Великій, Наполеонъ—какъ политическіе дѣйствователи; Шекспиръ, Данте, Гете, Рафаель—какъ дѣйствователи міра изящнаго; Платонъ, Декартъ, Спиноза, Кантъ – какъ дѣйствователи міра философическихъ идей, не подлежатъ кодексу обыкновенныхъ условій. Неужели будете называть безуміемъ походъ Александра въ Индію; осуждать Цезаря, что онъ перешелъ за Рубиконъ и вопреки Катону уничтожилъ римскую республику; или утверждать, что Фридрихъ былъ неправъ, нападая на Австрію? Переходя въ міръ изящнаго, заспорите-ли о томъ, что Рафаэль невѣрно изображалъ костюмы, Данте смѣшивалъ миѳологію съ библейскими преданіями, а Гете не былъ національнымъ поэтомъ?—Смотрите, какую идею въ человѣчествѣ преображали они, эти геніи, и забывайте, что Ришелье писалъ дурные стихи, Фридрихъ нюхалъ табакъ изъ кармана, Юлій Цезарь съ радостью взялъ лавровый вѣнокъ для прикрытія лысой головы своей. Они были посланники Провидѣнія, формы, въ которыхъ отливало Провидѣніе судьбы свои; совершилось ихъ предзнаменованіе, формы разбиты—дивитесь, что вылилось изъ этихъ формъ для человѣчества, и помните, что, бывши людьми судебъ, они были въ то же время и просто людьми, человѣками. Они были временны, преходящи; каждый совершилъ въ свой чередъ, въ свое время предназначенное ему; окрестъ каждаго создавалось его пространство во времени и опредѣлялось время его на извѣстномъ пространствѣ. Прешли Греція и Римъ, прешли и Александръ и Цезарь, какъ люди, совершившіе подвигъ свой для исторіи Греціи и Рима. Вѣчнаго, всемірнаго генія не было и быть не можетъ. Вслѣдствіе сего, каждый геній носитъ необходимо отпечатокъ своего времени, своего мѣста, своего назначенія, облекается въ свою характеристику, въ свой костюмъ. Вѣчнымъ остается отъ нихъ только тотъ слѣдъ, какой проложили они въ предназначенномъ имъ мѣстѣ и времени, и чѣмъ огромнѣе это время и это мѣсто, тѣмъ долговѣчнѣе и обширнѣе слѣдъ ихъ въ океанѣ человѣчества. Такъ тысячами верстъ пролегаютъ по землѣ Амазона, Миссисипи, Ангара, такъ возвышаются къ небесамъ Девалагири и Шимборазо. Благословляйте кроткую рѣчку, оропающую ваше поле и усѣянную садами гору, заслоняющею отъ бури вашу нажить. Но осудите ли дикую снѣжность Гималая и волканы Кордильера за то, что на нихъ нѣтъ пріюта вашему винограднику и вашей хижинѣ? Осудите ли, что въ разливахъ своихъ Амазона и Ангара топятъ жилища людей и губятъ тысячи животныхъ? У васъ жизнь вашего поля—тамъ жизнь земнаго шара. Другъ людей Говардъ есть благодѣтельный ручеекъ. Юлій Цезарь и Наполеонъ—Амазона; добродѣтельный Ласъ-Казасъ—цвѣтущій холмикъ, Ришелье и Фридрихъ—Шимборазо человѣчества.

Такъ, и только такъ разсуждая, вы оцѣните и разгадаете нашего великаго, безсмертнаго Петра, дивное явленіе своего народа, далеко пролетѣвшее волнами въ исторіи человѣчества, великана, на которомъ отражалась вѣковая тѣнь прошедшей до него исторіи Россіи, когда въ то-же время чело его озарено было лучами будущей исторіи нашей. Измѣрьте величіе Россіи въ прошедшемъ, настоящемъ и

будущемъ—вы измѣрите величіе Петра. Какъ сѣверъ грозенъ онъ, какъ востокъ таинственъ, какъ югъ пламененъ—такова и Россія. Жадно хотѣлъ онъ схватить и передать Руси западъ умственный—а кого трепещетъ теперь западъ вещественный? — Не Россіи-ли? Не отъ этого-ли трепета хочетъ онъ криводушно затмить славу нашего Петра? Не его-ли обвинивыя идеи выражаютъ у насъ люди, осуждающіе Петра?

Государство, обхватившее собою значительную часть земнаго шара, мѣстностью своею поставленное между Азіею и Европою, касающееся льдовъ сѣвера и полуденныхъ странъ средней Азіи, столько-же могущее быть грознымъ своими войсками, сколько и флотами, населенное народомъ крѣпкимъ, умнымъ, соединившимъ въ себѣ воображеніе востока съ умомъ запада, съ твердостью сѣвернаго характера: вотъ Россія и Русскіе. Если прибавимъ къ тому, что это государство, этотъ народъ образовались изъ Норманновъ и Славянъ, отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ своею вѣрою, своимъ языкомъ, своимъ внутреннимъ образованіемъ; что они составились не изъ обломковъ древняго міра, но выросли на дикихъ самопроизводящихъ степяхъ востока и въ лѣсахъ сѣвера; что, начавшись въ одно время съ западными народами среднихъ временъ, они имѣли свою отдѣльную исторію въ теченіе восьми столѣтій, а потомъ, когда западъ совершилъ всѣ свои періоды, Русь и Русскіе сблизились съ нимъ, самобытны, дики, своенравны, перенимали у запада, но чувствовали и чувствуютъ несродность запада съ своимъ сѣверовосточнымъ началомъ—что изъ этого слѣдуетъ? Безспорно, то, что Россіи опредѣлена въ будущемъ великая роль въ исторіи Европы; что Россія, конечно, должна внести новую стихію въ міръ западный, и, слѣдственно, что донынѣ вся ея исторія была только приготовленіемъ къ исторіи будущей.

Эта исторія будущаго только что началась съ XIX вѣка. До того времени, вся исторія Россіи состояла въ двухъ отдѣленіяхъ: Россія составила свою независимую отъ запада самобытность, и потомъ сблизилась съ западомъ. Первое сдѣлано было въ семь сотъ лѣтъ норманнами, греками, монголами, поляками, шведами, тевтонскими рыцарями, турками, удѣлами, самодержавіемъ, религіею, рядомъ государей, отъ Владиміра до Андрея Боголюбскаго, отъ Іоанна Калиты до Іоанна III-го, Михаила и Алексія. Второе сдѣлано Петромъ Великимъ, только однимъ Петромъ, и съ тѣхъ поръ Россія живетъ уже около 150-ти лѣтъ только тою новою жизнію, какую онъ вдохнулъ въ нее.

Вотъ историческое мѣсто и историческое время Петра. Съ этой точки зрѣнія надобно разсматривать дѣла его и судить объ нихъ. Размѣръ его вѣка—востокъ и западъ, связь исторіи прошедшаго и будущаго—размѣръ, изумляющій своею огромностью. Поймите его!

Какъ приготовился къ этому великому событію западъ? Нашествіемъ варваровъ кончилъ онъ древнюю исторію; потомъ образовалъ новый міръ изъ развалинъ Рима; совершилъ періодъ феодализма и теократіи; сблизился съ Азіею въ крестовыхъ походахъ, борьбѣ съ Маврами и паденіи Греціи; преобразилъ умственныя понятія и міръ изящнаго въ идеяхъ средняго вѣка, готизмѣ, классицизмѣ, романтизмѣ, реформаціи и новой философіи; раздвинулся въ Азію, Африку и Америку открытіемъ Колумба и колоніальною системою и заключилъ, наконецъ, всѣ вопросы будущаго въ системѣ нѣсколькихъ политическихъ могуществъ Европы, взаимной борьбѣ ихъ и отношеніяхъ. Этотъ міръ составили Франція, Германія, Англія, относительно—Турція, Голландія, Испанія и Италія. Въ особенной связи исторіи остались при томъ Швеція, Данія, Польша и мелкія нѣмецкія царства, между представителемъ сѣвера германскаго, Пруссіею, и юга германскаго, Австріею. Прочіе дѣйствователи, уже совершившіе свое дѣло, слились съ другими государствами. Такова была Европа, готовая къ началу новой исторіи принятіемъ въ свою систему Россіи!

Но что же была въ то время отдѣльная до того времени отъ Европы Россія? Готова-ли была она? Какъ могла

она вдвинуться въ Европу? Начатая въ Кіевѣ норманнами, періодомъ удѣловъ расширила она жизнь и дѣятельность на сѣверъ и сосредоточилась тамъ, въ вольныхъ городахъ и владимірскомъ княжествѣ. Раздробленіе было необходимо для жизни частей. Нашествіе монголовъ необходимо было потомъ для соединенія частей во единое цѣлое. Это единое сосредоточилось въ Москвѣ, въ единствѣ языка, церкви и самодержавія; оно укрѣпилось въ борьбѣ съ Монголами, Литвою, Швеціею, рыцарями. Рука Іоанна III скрѣпила самобытность Россіи. Но еще слѣдовало уравняться внутреннимъ элементамъ, необходимымъ слѣдствіямъ прежней русской исторіи, по которымъ Русь походила на Азію. Кромѣ того, слѣдовало ей покореніемъ Польши уничтожить преграду между нею и Европою и усилиться въ системѣ сѣверныхъ государствъ, каковы были Швеція, Пруссія и Польша; ей слѣдовало также кончить исторію Турціи, остатка среднихъ вѣковъ. И вотъ, послѣ Іоанна III, началась борьба всѣхъ сихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, борьба любопытная, многообразная, продолжавшаяся при Василіи, Іоаннѣ Грозномъ, Ѳеодорѣ, Годуновѣ, Шуйскомъ, въ междуцарствіе, при Михаилѣ, Алексіи и Ѳеодорѣ III.

Тяжко уравнивались стихіи внутреннія при Іоаннѣ Грозномъ; онѣ были причиною величія Годунова, явленія самозванцевъ, вмѣшательства Польши и Швеціи, думавшихъ уничтожить Россію. Вѣра и народность спасли отечество: Швеція и Польша поссорились за добычу, и Алексій оторвалъ отъ Польши Малороссію, съ мечемъ проникъ въ сердце врага. Польша кончилась послѣ того: она сдѣлалась безсильна и начала разрушаться. Но Малороссія придвинула къ намъ Турцію; Ѳеодоръ уже вступилъ въ борьбу съ нею. Между тѣмъ внутреннія стихіи волновались. Стремленіе къ западному образованію и воспоминаніе прежней борьбы рождало новые бунты, расколы, тяжбу между вельможествомъ и ѳеократіею, образованіе нѣмецкихъ войскъ, при старинномъ образѣ войны нашествіями, при восточномъ образѣ сношеній съ Европою, при смѣшанномъ образѣ внутренняго управленія, при азіятской непріязни къ наукѣ и образованію. Родился Петръ — единственный сынъ втораго брака Алексіева, какъ будто надобно было Россіи показать въ лицѣ Іоанна V угасающую прежнюю исторію Россіи, а въ лицѣ Петра I новую Русскую исторію. И начало царствованія Петрова было сокращеніе того, что представляла Россія съ самаго Іоанна III: раздоръ за наслѣдство, управленіе другихъ подъ именемъ царя; азіятскую войну съ Турціею; буйство партій, буйство раскола; дерзкое своеволіе войска и народа, рѣшавшаго при Годуновѣ и Шуйскомъ судьбу царства.

Ѳеодоръ переселяется въ вѣчность (27 апрѣля 1682 г.). Партія Нарышкиныхъ и Матвѣевыхъ возводитъ на престолъ десятилѣтняго Петра. Партія Милославскихъ и другихъ вельможъ подымаетъ бунтъ стрѣльцовъ. Мирятся на власти Софіи и совокупномъ правленіи Іоанна и Петра; они цари; Софія, Милославскіе и Голицыны царствуютъ. Бунтъ Никиты Пустосвята, князь князей Ховзнскихъ, война съ Турціею, поддержаніе прежняго порядка во всѣхъ этихъ дѣлахъ, во всемъ, внутри и извнѣ, ознаменовываютъ семилѣтнее правленіе Софіи. Такъ продолжались бы десятилѣтія, такъ было при кроткомъ Михаилѣ, такъ было при умномъ Алексіи, такъ при воспитанникѣ Полоцкаго Ѳеодорѣ и при Софіи, хотя она играла комедіи, писала стихи и разумѣла латинь.

Дѣло не въ томъ было, чтобы ссылаться иногда съ Европейскими государями, вызывать изъ Европы медикусовъ и географусовъ, перенимать мушкетную стрѣльбу нѣмецкую; рѣчь шла объ участи азіятскаго образованія Россіи, къ которому мы были направлены славянскимъ происхожденіемъ, татарскимъ игомъ, реформою Іоанна III. Вопросъ о совершенствованіи человѣка былъ рѣшенъ въ Греціи, Римѣ, на западѣ, и рѣшенъ тѣмъ, что до неизвѣстнаго будущаго переворота исторіи, человѣку, для движенія впередъ, надлежитъ быть Европейцемъ, такимъ, какимъ онъ былъ на западѣ. Мѣстность каждаго народа должна была сдѣлать одного нѣмцемъ, другаго ан-

гличанином, третьяго французом, четвертаго испанцем, по дѣйствію исторіи и географіи каждой земли; но, главное, всѣ они долженствовали быть европейцами. Русскій былъ Русскимъ послѣ Іоанна, но не былъ европейцемъ до Петра. И тутъ ничего не значило, если Іоаннъ женился на Софіи Палеологъ, Фіоравенти построилъ соборъ въ Москвѣ, Олеарія звали въ Россію, въ Преображенскомъ играли комедію, въ Москвѣ завели греко-латинскую академію. Русскій не былъ европейцемъ. И при дворѣ монгольскихъ хановъ живали художники и ученые; и въ Китаѣ миссіонеры сочиняли календарь. Полныя измѣненія событій, когда придетъ имъ череда, дѣлаются вполнѣ и совершенно. Посмотрите, какъ это дѣлалось на Отаити, на Овайги, на Мадагаскарѣ геніями Австраліи — вотъ примѣры въ маломъ. Борода и кафтанъ, значеніе слова: нѣмецъ какъ синонима еретику, мѣстничество бояръ, все это было потому неумѣстно, что было наружнымъ признакомъ внутренняго, и все это надобно было уничтожить потому, что все это была Азія, а Россіи надлежало вступить въ Европу; Европа и будущая исторія Россіи явились здѣсь въ лицѣ Петра. Какъ-же вы хотите осуждать его, если онъ, когда ему опредѣлано было всего 35 лѣтъ для дѣйствія, непобѣдимою волею уничтожая Азію, не думалъ о вопляхъ возрожденія, и тяжко было многому, когда Петръ въ 35 лѣтъ дописалъ исторію Россіи до Европейской эпохи своего времени? Да, только 35 лѣтъ: въ 1689 году Петръ началъ самодержавствовать, а въ 1725 году онъ отдавалъ уже отчетъ Богу въ дѣлахъ своихъ! Неужели вы не изумляетесь, что двадцатилѣтній Петръ, когда ничто не могло ему указать цѣли жизни, предназначенной ему Провидѣніемъ, когда его окружали ужасы междоусобій, постигнулъ судьбу свою, сталъ противъ воли милліоновъ, повернулъ ихъ въ колею своего генія — и самобытности Азіи далъ форму, видъ, образъ Европы. Человѣкъ великій, царь безсмертный, геній творящій! преклоняемся передъ тобою—ты былъ сынъ судебъ! Не Лефоры, не Гордоны, не Тиммерманы внушили тебѣ мысль преобразованій и дѣлъ твоихъ; это была мысль твоего бытія, духъ Бога, вдохнутый въ тебя. Тотъ, кто изрекъ: „да будетъ свѣтъ“, и бысть, изрекъ: „да будетъ Петръ“, и бысть.

Нѣсколькихъ томовъ не достанетъ, если захотимъ исчислять всѣ подробности подвиговъ Петра; нѣсколько словъ достаточно, если захотимъ означить сущность ихъ.

Петръ увидѣлъ, что не Европу звать въ Россію, но Россіи надобно было вступить въ Европу, что должно не частныя прививки присовокуплять, но вырвать дерево Россіи изъ почвы Азіи и пересадить его въ Европу; что необходимо разломать китайскую стѣну со стороны запада и пересоздать природу. Говорятъ, что такіе перевороты неестественны, что они даже противны природному ходу вещей. Но что-же такое означаютъ въ природѣ бури, наводненія, волканы, землетрясенія? Мѣстность потомъ возьметъ свое, не заботьтесь объ ней: западъ будетъ западомъ, востокъ будетъ востокомъ, французъ останется французомъ, англичанинъ англичаниномъ: Ришелье и Людовикъ XIV были необходимы, чтобы изъ франка и феодала сдѣлать француза, а реформація и переворотъ 1645 года необходимы, чтобы изъ норманна — саксона сотворить англичанина.

Такъ, Цезарь создалъ изъ Рима имперію, варвары совершили переходъ изъ древней исторіи въ новую, Фридрихъ заставилъ слабую Пруссію бороться съ Европою, Наполеонъ задавилъ горячку революціи. И вы, горюя о томъ, что жестокая казнь постигла стрѣльцовъ, что раскольникамъ пришивали козырьки на спину, что русскихъ со слезами заставляли брить бороду и плясать контрдансы, что свадьбу князя—паны торжествовали шутовски въ Москвѣ, вы не постигаете необходимости Петрова переворота и занимаетесь исторіею этихъ мелочей? Вы боитесь, что Русь утратила свой характеръ, потому что теперь литература наша не имѣетъ самобытности, что образованность у насъ представляетъ яркія противоположности, что мы выписываемъ моды изъ Парижа? Не бойтесь! Вчитайтесь получше въ исторію, вглядитесь пристальнѣе въ настоящее,

подумайте о будущемъ. Ошибка и уклоненія частныя необходимы, но цѣлое вѣрно цѣли своей.

Петръ мгновенно постигъ политику государства и средства преобразованія. Онъ учится войнѣ подъ Азовомъ, мореплаванію въ Архангельскѣ, оставляетъ скипетръ и тронъ и ѣдетъ самъ въ Европу, строитъ корабли, дѣлается солдатомъ, матросомъ, плотникомъ, лѣкаремъ, башмачникомъ, токаремъ, учится языкамъ, изобрѣтаетъ новыя буквы, колоніями переселяетъ къ себѣ художниковъ и ремесленниковъ, образуетъ солдатъ, матросовъ, полководцевъ, ученыхъ, уничтожаетъ послѣдній порывъ насильственнаго сопротивленія, требуетъ Россіи морей, управляетъ политикою Польши, Даніи, Пруссіи. Рыцарь своего времени, Карлъ XII возстаетъ на борьбу съ нимъ, истребляетъ начало войскъ, разрушаетъ союзы Петра. Но Петръ неутомимъ: онъ создаетъ новыя войска, беретъ области Карловы, на землѣ, едва завоеванной, ставитъ столицу свою и уже готовъ встрѣтить врага грознаго, который движется прямо къ нему. А между тѣмъ онъ уничтожаетъ мѣстничество, своеволіе боярское, творитъ флоты, созидаетъ торговлю. Все служитъ у него средствомъ: измѣна Мазепы даетъ ему способы тѣсно слить Малороссію съ Россіею; нашествіе Карла отвлекаетъ вниманіе его подданныхъ отъ перемѣнъ и нововведеній и возобновляетъ его внѣшніе союзы. Онъ самъ ведетъ въ бой свои войска, торжествуетъ надъ Карломъ, не унываетъ отъ неудачи противъ турковъ, бьетъ Шведовъ повсюду, оканчиваетъ двадцатилѣтнюю войну рѣшеніемъ судьбы Швеціи и Польши, снова ѣдетъ въ Европу, вступаетъ въ брачные союзы съ европейскими государями, постигаетъ тайны ихъ политики и готовъ вступить въ управленіе дѣлами цѣлой Европы, опираясь на созданный имъ новый народъ, на сотворенное имъ государство, съ его политикою, войскомъ, флотомъ, новою столицею, новыми законами. Чего не принесъ онъ въ жертву Россіи? Вы говорите о Брутѣ, а не умѣете, неблагодарные! понять величія жертвы Петра. Когда отдыхалъ, даже когда спалъ Петръ? Гдѣ не былъ онъ и чему не коснулся онъ своими руками, чего не испыталъ онъ самъ? Какихъ путей не указалъ въ будущемъ? Его походъ за Кавказъ и мысль о торговлѣ съ Азіею; его замыслы на Китай; соединеніе Дона съ Волгою; заведеніе фабрикъ и мануфактуръ; отвращеніе отъ образованія французскаго; экспедиціи въ Америку и Мадагаскаръ; его политика съ Польшею и Турціею; мудрыя учрежденія о чиноначаліи; распоряженіе духовныхъ имѣній, его правосудіе, его народность, его свѣтлыя понятія о религіи, что все это, если не сѣмена того, что докончено было послѣ него, и того, о чемъ только теперь мы начинаемъ думать? Могучее здоровье Петра не перенесло далѣе—онъ изнемогъ и на одрѣ смерти изрекъ великое, поучительное слово о тщетѣ замысловъ человѣческихъ: „видите-ли, какъ бѣденъ человѣкъ!“ Утѣшься, тѣнь великая! Если потомъ направленіе, данное тобою Россіи, было иногда не понимаемо, то Чесма и Наваринъ, Кагулъ и Бородино доказали неизмѣнность созданныхъ тобою флотовъ и войскъ: паденіе Польши, униженіе Швеціи, Турціи и Персіи доказали вѣрность начатой тобой политики. Нынѣ, когда внѣшнее образованіе Россіи кончено, когда мы постигаемъ, въ чемъ должна состоять наша европейская русская народность, основанная на условіяхъ исторіи и географіи нашей, мы видимъ и необходимость всѣхъ произведенныхъ тобою внутреннихъ преобразованій, постигаемъ, что ты одинъ провидѣлъ судьбу Россіи, что былъ посланникомъ Провидѣнія, не могъ дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовалъ, не могъ быть иначе, какъ былъ.

Вы, осуждающіе Петра, вспомните какъ говорили ему бояре: „гдѣ намъ, батюшка, Русскимъ, сознать заморскія хитрости!“ вспомните, что даже при учрежденіи синода ему говорили еще о патріархѣ; вспомните, какъ показывалъ онъ Нептюеву свои руки и говорилъ: „трудиться надобно; я царь вашъ, а у меня мозоли съ рукъ не сходятъ;“ вспомните наконецъ, когда, увлеченный порывомъ справедливаго гнѣва, съ горестью воскликнулъ онъ: „о Боже! будучи въ состояніи управ-

лять государствомъ, я не могу управлять самимъ собою!“ Вспомните, когда онъ получилъ извѣстіе о разбитіи подъ Нарвою; когда въ пылу полтавской битвы шипѣли надъ головой его пули; когда подъ Прутомъ, онъ хотѣлъ лучше умереть, нежели выдать Кантеміра; когда онъ писалъ сенату: „Если я попадусь въ плѣнъ турецкій, не почитайте меня вашимъ царемъ и не слушайте меня, пока я самъ не стану среди васъ; а если я погибну — выберите достойнѣйшаго между собою въ наслѣдники мнѣ!“ — Не его ли рука писала къ виновному сыну: „Какъ отсѣкаютъ членъ, пораженный неисцѣльною болѣзнію, такъ я лишу тебя наслѣдства, и не думай, чтобы я остановился потому, что ты у меня одинъ сынъ: клянусь Богомъ! если я за мое отечество и людей моихъ живота не жалѣю, могу ли сына пожалѣть? Пусть будетъ чужой добрый, нежели свой непотребный! Ради любви отеческой не попущу разрушить всего, что я многолѣтними трудами, потомъ и кровію сотворилъ...“

„Да произнесетъ каждый изъ насъ съ благоговѣніемъ священное имя Петра!“ сказалъ Голиковъ. Это слово краснорѣчиво своею истиною.

Н. Полевой.

Лефортъ.

Любимцемъ Петра былъ служилый иноземецъ, знаменитый Лефортъ.

О Лефортѣ, его значеніи существуютъ у насъ различныя мнѣнія. Одни говорятъ, что онъ сдѣлался извѣстенъ Петру очень рано, очень рано пріобрѣлъ на него большое вліяніе; другіе утверждаютъ, что Петръ сблизился съ Лефортомъ не ранѣе августа 1689 г., когда Лефортъ прежде другихъ иностранцевъ явился къ Троицѣ и тамъ заявилъ свою привязанность къ Петру. Одни, сочувствующіе дѣлу преобразованія, величаютъ Лефорта благодѣтельнымъ наставникомъ Петра, пробудившимъ его геній; другіе во встрѣчѣ и сближеніи Петра съ Лефортомъ видятъ несчастіе, потому что Лефортъ говорилъ Петру о русскихъ обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ; нѣкоторые, наконецъ, отвергаютъ всякое вліяніе Лефорта на Петра.

Вопросъ о времени, когда Лефортъ сблизился съ Петромъ, не имѣетъ важности: когда бы ни произошло сближеніе, важны только его слѣдствія. Всѣ согласны въ одномъ, что привязанность Петра къ Лефорту была самая сильная, и этого довольно. Важный вопросъ состоитъ въ томъ, что за человѣкъ былъ Лефортъ? Мы видѣли, что Россія поворачивала къ западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ западомъ у себя, въ Нѣмецкой слободѣ. Молодой царь, сгарая неудовлетворенною жаждою знанія, уже начинаетъ создавать новое, и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно признаны для того, чтобъ выучить русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то, что сами русскіе не могли у себя устроить. Понятно, что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало, что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ ему кораблики; между иностранцами онъ нашелъ человѣка, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ: этотъ человѣкъ и былъ Лефортъ.

Лефортъ былъ полнымъ и блестящимъ представителемъ людей, населявшихъ Нѣмецкую слободу. Онъ не имѣлъ прочнаго образованія, не могъ быть учителемъ Петра ни въ какой наукѣ, не былъ мастеромъ никакого дѣла; но это былъ человѣкъ бывалый, необыкновенно живой, ловкій, веселый, открытый, симпатичный, душа общества, мастеръ устроивать пиры на славу. Иностранецъ, могшій выучить Петра геометріи, могшій показать ему употребленіе астролябіи и ограничившійся этимъ, не могъ имѣть вліянія на знаменитаго ученика; но могущественное вліяніе долженъ былъ имѣть человѣкъ съ характеромъ Лефорта, человѣкъ, умѣвшій сдѣлаться неразлучнымъ товарищемъ, другомъ молодаго государя. Это вліяніе не могло обнаружиться въ дѣлахъ внутренняго управленія; Лефортъ, по характеру своему, въ нихъ

не вмѣшивался; вліяніе обнаруживалось въ другомъ: Лефортъ возбуждалъ Петра предпринять походъ на Азовъ, уговорилъ ѣхать за границу, по его внушенію, царь позволилъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ. Очевидно, что Петръ, какъ преобразователь въ извѣстномъ направленіи, окончательно опредѣлился въ тотъ періодъ времени, къ которому безспорно относится близкая связь его съ Лефортомъ, т. е. отъ 1690 года до возвращенія изъ-за границы: въ это время онъ ушелъ изъ Москвы въ Нѣмецкую слободу, изъ Нѣмецкой слободы въ западную Европу. И кромѣ неоспоримыхъ свидѣтельствъ, нельзя натягивать, что Петръ относился къ Лефорту только какъ къ веселому товарищу пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимому въ искусствѣ устроивать пиръ на славу: что Петръ ставилъ Лефорта высоко, свидѣтельствуетъ назначеніе его однимъ изъ главныхъ вождей Азовскаго похода, адмираломъ, главою посольства въ западную Европу; если бъ Петръ смотрѣлъ на Лефорта, какъ на веселаго товарища въ пирахъ только, то назначилъ бы его не адмираломъ и не посломъ, а кокуйскимъ патріархомъ, какъ Зотова. Пусть говорятъ, что Петръ ошибся въ способностяхъ Лефорта, который не былъ искуснымъ полководцемъ ни на сушѣ, ни на морѣ: но эта самая ошибка для насъ и важна, ибо показываетъ, какое преувеличенное мнѣніе имѣлъ Петръ о Лефортѣ, какъ, слѣдовательно, легко подчинялся его вліянію, и не удивительно, если обратимъ вниманіе на возрастъ Петра. Петръ въ 1690 году не былъ тѣмъ Петромъ Великимъ, какимъ онъ былъ въ 1709 или 21 годахъ. Молодой Петръ привязался къ иностранцу Лефорту и далъ ему такое важное значеніе въ государствѣ: возмужалый Петръ, Петръ Великій, имѣлъ правиломъ не возводить иностранцевъ на первыя мѣста въ государствѣ.

С. Соловьевъ.

Мысли о Пушкинѣ, какъ художникѣ.

Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства. Само собою разумѣется, что одинъ онъ этого сдѣлать не могъ. Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы изложили весь ходъ изящной словесности на Руси, показали начало и развитіе ея поэзіи, участіе, какое принимали въ этомъ предшествовавшіе Пушкину поэты, равно какъ и ихъ заслуги. Повторимъ здѣсь уже сказанное нами сравненіе, что всѣ эти поэты относятся къ Пушкину, какъ малыя и великія рѣки—къ морю, которое наполняется ихъ водами. Поэзія Пушкина была этимъ моремъ. По смыслу нашего сравненія, море больше и важнѣе рѣкъ; но безъ нихъ оно не могло бы образоваться. Такое сравненіе не можетъ быть оскорбительно для поэтовъ, предшествовавшихъ Пушкину, особенно, если мы напомнимъ при этомъ, что поэтическая дѣятельность Жуковскаго явилась на высшей степени своего развитія и принесла самые сочные, зрѣлые и прекрасные плоды свои уже при Пушкинѣ, а Батюшковъ погасъ для литературы въ цвѣтѣ лѣтъ и силы...—До Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому, даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы: «Русланъ и Людмила», «Братья-Разбойники», «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ, не только образованные, даже многіе просто грамотные люди, увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они ни видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотниками до стишковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то по-

няли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности.

Тайна Пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ „сливать послушныя слова въ стройные размѣры и замыкать ихъ звонкою рифмой", но въ тайнѣ поэзіи. Душѣ Пушкина присуща была прежде всего та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни,—присущно художество, печать котораго лежитъ на „полномъ твореніи славы".

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Его „Онѣгинъ", напримѣръ, есть поэма современной дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою, не смотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна и жаркое лѣто, и гнилая дождливая очень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди, и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ;

тутъ и мечтательный поэтъ Ленскій, и тривіальный забіяка и сплетникъ Зарѣцкій; то передъ вами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго, съ метлою въ рукѣ, дверь кофейной, и всѣ они, каждый по своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно-сѣрымъ небомъ, въ ея печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ. Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія. Осень для него лучше весны или лѣта, и читая эти стихи, вы не можете не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на то время, пока не увидите его же картины весны или лѣта:

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ...

Русская зима лучше русскаго лѣта—этой „каррикатуры южныхъ зимъ": она она похожа на самое себя, тогда какъ наше лѣто столько же похоже на лѣто, сколько декораціонныя деревья въ театрѣ похожи на настоящія деревья въ лѣсу. Пушкинъ первый понялъ это и первый выразилъ. Его зима облита блескомъ роскошной поэзіи:

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ...

Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу, или русскіе характеры — Замѣтимъ его удивительную способность дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы. Для Пушкина не было такъ называемой *низкой природы*; поэтому онъ не затруднялся никакимъ сравненіемъ, никакимъ предметомъ; бралъ первый попавшійся ему подъ руку, и все у него являлось поэтическимъ, а потому прекраснымъ и благороднымъ.

Тотъ еще не художникъ, котораго поэзія трепещетъ и отвращается прозы жизни, кого могутъ вдохновлять только высокіе предметы. Для истиннаго художника—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія.

Талантъ Пушкина не былъ ограниченъ тѣсною сферою одного какого-нибудь рода поэзіи: превосходный лирикъ, онъ уже готовъ былъ сдѣлаться превосходнымъ драматургомъ, какъ внезапная смерть остановила его развитіе. Эпическая поэзія также была свойственнымъ его таланту родомъ поэзія. Въ послѣднее время своей жизни, онъ все болѣе и болѣе наклонялся къ

драмѣ и роману и, по мѣрѣ того, отдалялся отъ лирической поэзіи. Равнымъ образомъ, онъ тогда часто забывалъ стихи для прозы. Это самый естественный ходъ развитія великаго поэтическаго таланта въ наше время. Лирическая поэзія, обнимающая собою міръ ощущеній и чувствъ, съ особенною силою кипящихъ въ молодой груди, становится тѣсною для мысли возмужалаго человѣка. Тогда она дѣлается его отдыхомъ, его забавою между дѣломъ. Дѣйствительность современнаго намъ міра полнѣе, глубже и шире въ романѣ и драмѣ.

Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Мы уже не разъ замѣчали, что это сравненіе болѣе чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ по своей натурѣ, а слѣдовательно, и по наѳосу своей поэзіи, какъ Байронъ и Пушкинъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Зная кипучую, разгульную, исполненную тревогъ и бѣдъ его юность, думали видѣть въ немъ духъ гордый, неукротимый титаническій. Основываясь на какомъ нибудь десяткѣ ходившихъ по рукамъ его стихотвореній, исполненныхъ громкихъ и смѣлыхъ, то тѣмъ не менѣе неосновательныхъ и поверхностныхъ фразъ, думали видѣть въ немъ поэтическаго трибуна. Нельзя было болѣе ошибиться во мнѣніи о человѣкѣ! Въ тридцать лѣтъ, Пушкинъ распрощался съ тревогами своей кипучей юности не только въ стихахъ, но и на дѣлѣ. Надъ „руконисными“ своими стишками онъ потомъ самъ смѣялся. Но все это въ сторону; главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина (и въ этомъ случаѣ самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно-дѣятельнаго (а не только созерцательнаго) увлеченія живою могучею мыслію, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ кой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія, онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Если бъ его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ей пути, то, безъ сомнѣнія, это было бы въ немъ больше, чѣмъ недостаткомъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это его такъ же нельзя хвалить или порицать, какъ одного нельзя хвалить или порицать за то, что у него черные, а не русые волосы, и другаго за то, что у него русые, а не черные.

Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубокость и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, *гуманно!* И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически-спокойной, столь граціозной! Что составляетъ содержаніе мелкихъ піесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастія и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ то необыкновенно свѣтла и прозрачна: она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ *чувство* изящное. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста.

Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоухапное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью: она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое ваяніество человѣческаго чувства! Нужны ли доказательства въ подтвержденіе нашей мысли?— Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ.

В. Бѣлинскій.

Разборъ „Недоросля".

Первое лицо, выходящее на сцену въ „Недорослѣ" — Простакова, смѣсь грубой любви къ сыну, нахальства и дерзости помѣщицы, вѣчно жившей въ деревнѣ, грозы своего мужа, человѣка кроткаго и глупаго. Для нея нѣтъ властей и законовъ, одинъ братъ ея, Скотининъ, пользуется у нея авторитетомъ, да и то потому, что онъ братъ и здоровый дѣтина, который можетъ поколотить свою дражайшую сестрицу. Простакова заѣлась и зажилась въ деревнѣ, свыклась съ безпрекословнымъ повиновеніемъ подчиненныхъ; и оттого ея деспотизмъ съ окружающими доходитъ до крайности: она хочетъ, чтобы они называли бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, если того требуетъ ихъ госпожа. Простакова уже не исключительно скряга, или грубо-нѣжная мать, или бранчивая помѣщица — нѣтъ, въ ней соединилось, сжилось и выросло много недостатковъ; она походитъ на лицо живое, а не на статую. Изъ какой норы вышелъ такой звѣрокъ, видно по слѣдующимъ словамъ ея:

„Я по отцѣ Скотининыхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцемъ, всѣ по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались, двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка".

Понятно, какая госпожа должна была выйти изъ такого семейства! Въ домѣ Простакова живетъ Софья — сиротка; отецъ и мать ея умерли. Простаковы помѣстили ее въ своемъ домѣ и управляютъ ея имѣніемъ. На Софьѣ хочетъ жениться Скотининъ, не потому, чтобы она нравилась ему, нѣтъ, а потому, что „въ деревенькахъ Софьи водятся свиньи". Этотъ неумѣстный рефренъ Скотинина повторяетъ безпрестанно на разныя манеры: видимо, что Фонъ-Визинъ хотѣлъ сдѣлать изъ него отличительную черту характера Скотинина — но Скотининъ имѣетъ свой характеръ, болѣе отличительный...

Простакова не прочь женить Скотинина на Софьѣ, какъ вдругъ приносятъ письмо къ Софьѣ отъ дяди, который живетъ въ Сибири и который теперь ѣдетъ въ деревню; онъ нажилъ десять тысячъ дохода и наслѣдницею ихъ дѣлаетъ Софью. Простакова перемѣняетъ намѣреніе женить Скотинина на Софьѣ и хочетъ устроить свадьбу Митрофана и Софьи.

Между тѣмъ въ деревню приходитъ отрядъ солдатъ, которымъ командуетъ молодой человѣкъ Милонъ. Онъ влюбленъ въ Софью, а Софью, въ него: лица эти честныя, благородныя, обра-

зованныя, однимъ словомъ такія, которыя, для контраста съ дураками, всегда были въ прежнихъ комедіяхъ, они говорятъ умно общими мѣстами и походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Поэтому мы о нихъ и не будемъ распространяться. Во время нѣжнаго разговора Софьи и Милона подходитъ къ нимъ Скотининъ и говоритъ „Привезла меня сюда сестра жениться; теперь же сама подъѣхала съ отводомъ, „что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы у тебя, братецъ, хорошая свинья". „Нѣтъ сестра! Меня не проведешь"... И далѣе въ тотъ же родѣ. Ему говорятъ, что у него есть соперникъ, Митрофанушка. Скотининъ озлобился, зоветъ къ себѣ Митрофана и говоритъ ему: „Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не боялся, я бы тѣ, ни говоря еще ни слова, за ноги да объ уголъ, да не хочу губить души, не найдя виноватаго. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виноватъ Богу и Государю. Смотря жъ не клепли и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять".

Вотъ это настоящій Скотининъ, несмотря на то, что онъ не говоритъ о свиньяхъ! Только этотъ Скотининъ могъ выражаться такъ, когда къ нему лѣзла сестра драться за Митрофана: „отвяжись, сестра! дойдетъ дѣло до ломки, погну, такъ затрещишь"...

Въ третьемъ дѣйствіи является угрюмый дядюшка Стародумъ; онъ пріѣхалъ освободить Софью отъ Простаковой. Простакова хочетъ задобрить его въ пользу своего сына.

По уходѣ Стародума, Митрофана заставляютъ учиться, чтобы дядюшка могъ слышать, что вотъ дитя воспитываютъ; приходитъ нѣмецъ-учитель, Вральманъ, такая же каррикатура, какъ Кутейкинъ и Цифиркинъ, и уговариваетъ Простакову перестать учить сына.

Въ четвертомъ дѣйствіи, Стародумъ объясняетъ Софьѣ значеніе истинной любви, значеніе нравственности, значеніе супружеской жизни; является Милонъ, и Стародумъ благословляетъ союзъ Софьи. Но пьеса этимъ не кончается и не должна кончиться, потому что въ ней главное лицо не Софья и Милонъ, не Недоросль, а Простакова, которая хочетъ женить своего сына на богатой дѣвицѣ. Фонъ-Визинъ это очень хорошо понималъ, и потому заставилъ Простакову дѣйствовать. Она, узнавъ о намѣреніи Стародума выдать Софью за Милона, составляетъ планъ увезти Софью и насильно обвѣнчать ее. Вотъ послѣдняя сцена.

Но этотъ замыселъ не удается: Софью спасаютъ, а слуги, которые схватили Софью, разбѣгаются. Простакова въ ярости; она кричитъ: „Какая я госпожа въ домѣ? Чужой погрозилъ, приказъ мой ни во что". Но ей говорятъ, что ее отдадутъ еще подъ судъ: она бросается на колѣни и умоляетъ Стародума: „Батюшка, прости ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ". Стародумъ ее прощаетъ. Простакова оживаетъ; страхъ прошелъ; она опять является прежней Простаковой и тутъ же при Стародумѣ говоритъ:

„Простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ!" и проч. Но Правдинъ ей объявляетъ указъ о томъ, что домъ ея беретъ правительство въ опеку за безчеловѣчные поступки.

На это Простакова плачется: „Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно-ль тебѣ какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются!.. Дай мнѣ сроку хоть на три дня... (*въ сторону*) я дала бы себя знать"...

Но, видя, что люди эти неумолимы, она бросается обнимать сына и говоритъ: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!" Но Митрофанъ отвѣчаетъ ей „Да отвяжись, матушка! какъ навязалась"... Этимъ кончается „Недоросль".

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи — единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса—Простакова. Въ ней вы не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица въ „Недорослѣ". Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною. жи-

ботною; она готова со всѣми передраться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвинуть на униженіе, подличанье предъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство; все остальное — тлѣнъ. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому что, говорятъ, ученье начинаетъ приносить пользу молодымъ людямъ, но въ дѣйствительную пользу ученья она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученья. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Эта-то Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство; а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживляли ея; но вдругъ, узнавъ, что Софья отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогаго дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла; она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она съ отчаянія бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла, которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: „да отвяжись, матушка! какъ навязалась“... Что послѣ этого сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни: это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонъ-Визинъ выбралъ женитьбу Митрофана какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому что онъ былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это была та нѣжная струна ея сердца, которую стоило затронуть, чтобъ заговорило ея ретивое. Фонъ-Визинъ ее затронулъ, и Простакова вышла живымъ лицомъ. Отъ этого въ „Недорослѣ“ вы видите сцены мастерскія отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова: напримѣръ, сцена съ мамой Еремѣевной, сцена съ Стародумомъ, когда ей не удалось увезти Софью.

Мы говорили о единствѣ дѣйствія Комедіи „Недоросль“ по отношенію къ Простаковой: это еще не значитъ, чтобы вся пьеса была проникнута одной идеей. — въ „Недорослѣ“ есть сцены, наполненныя однимъ резонерствомъ, напримѣръ, сцены Стародума и Софьи, Стародума и Правдина. Разговоры этихъ лицъ сами по себѣ умны, но нисколько не художественны и къ главной идеѣ нейдутъ. Потомъ есть лишнія сцены, отъ того, что въ „Недорослѣ“ есть лишнія лица. Отъ праздности этихъ лицъ при ходѣ пьесы, авторъ выводитъ ихъ на сцену поговорить такъ, иногда для остраго словца, иногда для благоразумнаго совѣта. Такимъ образомъ „Недоросль“, по одному своему лицу, Простаковой, и по идеѣ, которая ее одушевляетъ, заключаетъ въ себѣ начатки комизма, поглощеннаго болѣе сатирическою, нежели комическою обрисовкою остальныхъ характеровъ.

С. Дудышкинъ.

Разборъ Ревизора.

Мы, Русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполнѣ удовлетворяетъ требованію искусства: это „Ревизоръ“ Гоголя.

„Ревизоръ есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земля-

ники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ, взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ, пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна, городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ „самоварниковъ и архибестій;“ Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды насчетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь ея кокетничали съ уѣзднымъ франтами, съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ насчетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной передъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и въ главѣ ихъ и Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ: они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. И такъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Добчинскій и Бобчинскій приноситъ вѣсть о ревизорѣ. Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену; потому что на улицахъ грязь; потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались купить ему новую, хотя и видѣли что старая шпага никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ; потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: „такъ, знаете, въ дверь только посмотрѣть, какъ у него поступки...“ Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится расспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще пококетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ „ревизоръ,“ и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно-выработанное лицо: вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ: въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека“ съ „Сумбекою;“ онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что говоритъ... Между тѣмъ каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка: личность Хлестакова все больше и больше ростетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возни

каетъ жизнь, надежды. городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ.“ Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастіи всему народу, „валять въ колокола; коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!“ Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? «Потому что, случится, поѣдешь куда нибудь: фельдъ—егери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе. а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!»

Городничій въ навосѣ. Все, что роилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастія. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть его души и показало въ ней безлну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ пизокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастія и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ. что все это было пустяки. Посмотрите въ третій разъ на эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ—городничій, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ. котораго ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести, мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ!“ Во время этого бѣсованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена—кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса,въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ.

С. Дудышкинъ.

Горе отъ ума.

Комедія „Горе отъ ума“ держится какимъ-то особнякомъ въ литературѣ и отличается моложавостью, свѣжестью и болѣе крѣпкою живучестью отъ другихъ произведеній слова. Она, какъ столѣтній старикъ, около котораго всѣ, отживъ по очереди свою пору, умираютъ и валятся, а онъ ходитъ, бодрый и свѣжій, между могилами старыхъ и колыбелями новыхъ людей. И никому въ голову не приходитъ, что настанетъ когда-нибудь и его чередъ.

Всѣ знаменитости первой величины конечно не даромъ поступили въ такъ называемый „храмъ безсмертія“: у всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громаденъ, плодотворенъ, силенъ, богатъ. Онъ для русскаго искусства то же, что Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ, — взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Не смотря на геній Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, уже блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое. Геніальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству—сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время и его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже жи-

выхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ. Даже позднѣйшіе герои вѣка, напримѣръ Лермонтовскій Печоринъ, представляя, какъ и Онѣгинъ, свою эпоху, каменѣютъ, однако, въ неподвижности, какъ статуи на могилахъ. Не говоримъ о явившихся позднѣе ихъ, болѣе или менѣе яркихъ типахъ, которые при жизни авторовъ успѣли сойти въ могилу, оставивъ по себѣ нѣкоторыя права на литературную память. Называли *безсмертною* комедію „Недоросль“ Фонъ-Визина,—и основательно—ея живая, горячая пора продолжалась около полувѣка: это громадно для произведенія слова. Но теперь, нѣтъ ни одного намека въ „Недорослѣ“ на живую жизнь, и комедія, отслуживъ свою службу, обратилась въ историческій памятникъ.

„Горе отъ ума“ появилось раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ Гоголевскій періодъ, прожило это полвѣка со времени своего появленія и все живетъ своею нетлѣнною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ и все не утратитъ своей жизненности. Отчего же это, и что такое вообще это „Горе отъ ума?“

Критика не трогала комедію съ однажды занятаго ею мѣста, какъ будто затрудняясь, куда ее помѣстить. Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила печать. Но грамотная масса оцѣнила ее фактически. Сразу поднявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, она разнесла рукописи на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила милліонъ въ гривенники, и до того испестрила Грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедію до пресыщенія.

Но пьеса выдержала и это испытаніе—и не только не опошлилась, но сдѣлалась какъ будто дороже для читателей, нашла себѣ въ каждомъ изъ нихъ покровителя, критика и друга, какъ басни Крылова, не утратившія своей литературной силы, перейдя изъ книги въ живую рѣчь.

Печатная критика всегда относилась съ большею или меньшею строгостью только къ сценическому исполненію пьесы, мало касаясь самой комедіи, или высказываясь въ отрывочныхъ, неполныхъ и разнорѣчивыхъ отзывахъ. Рѣшено разъ всѣми на всегда, что комедія образцовое произведеніе—и на томъ всѣ помирились.

И мы здѣсь не претендуемъ произнести критическій приговоръ, въ качествѣ присяжнаго критика: рѣшительно уклоняясь отъ этого—мы, въ качествѣ любителя, только высказываемъ свои размышленія, тоже по поводу одного изъ послѣднихъ представленій „Горя отъ ума“ на сценѣ. Мы хотимъ подѣлиться съ читателемъ этими своими мнѣніями, или лучше сказать, сомнѣніями о томъ, такъ-ли играется пьеса, т. е. съ той-ли точки зрѣнія смотрятъ обыкновенно на ея исполненіе и сами артисты и зрители? А заговоривъ объ этомъ, нельзя не высказать мнѣній и сомнѣній и о томъ, такъ-ли должно понимать самую пьесу, какъ ее понимаютъ нѣкоторые исполнители и, можетъ быть, и зрители. Не хотимъ опять сказать, что мы считаемъ нашъ способъ пониманія непогрѣшимымъ—мы предлагаемъ его только какъ одинъ изъ способовъ пониманія, или какъ одну изъ точекъ зрѣнія. Что дѣлать актеру, вдумывающемуся въ свою роль въ этой пьесѣ? Положиться на одинъ собственный судъ—не достанетъ никакого самолюбія, а прислушаться за сорокъ лѣтъ къ говору общественнаго мнѣнія—нѣтъ возможности, не затерявшись въ мелкомъ анализѣ. Остается, изъ безчисленнаго хора высказанныхъ и высказывающихся мнѣній, остановиться на нѣкоторыхъ общихъ выводахъ, наичаще повторяемыхъ—и на нихъ уже строить собственный планъ оцѣнки.

Одни цѣнятъ въ комедіи картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи, созданіе живыхъ типовъ и ихъ искусную группировку. Вся пьеса представляется какимъ-то кругомъ знакомыхъ читателю лицъ, и притомъ такимъ опредѣленнымъ и замкнутымъ, какъ колода картъ. Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія врѣзались въ память такъ же твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное

понятіе о всѣхъ лицахъ, кромѣ одного—Чацкаго. Такъ всѣ они начертаны вѣрно и строго и такъ примелькались всѣмъ. Только о Чацкомъ многіе недоумѣваютъ: что онъ такое? онъ какъ будто пятьдесятъ третья какая-то загадочная карта въ колодѣ. Если было мало разногласія въ пониманіи другихъ лицъ, то о Чацкомъ, напротивъ, разнорѣчія не кончилось до сихъ поръ и, можетъ быть, не кончатся еще долго.

Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматической солью языка, живой сатирой-моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодезь, снабжаетъ всякаго на каждый обиходный шагъ жизни.

Но тѣ и другіе цѣнители почти обходятъ молчаніемъ самую „комедію“, дѣйствіе, и многіе даже отказываютъ ей въ условномъ сценическомъ движеніи. Не смотря на то, всякій разъ однако, когда мѣняется персоналъ въ роляхъ, и тѣ и другіе судьи идутъ въ театръ, и снова поднимаются оживленные толки объ исполненіи той или другой роли и о самыхъ роляхъ, какъ будто въ новой пьесѣ.

Всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія и на нихъ основанная своя точка зрѣнія у всѣхъ и у каждаго служатъ лучшимъ опредѣленіемъ пьесы, т. е., что комедія „Горе отъ ума“ есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія, и скажемъ сами за себя—больше всего комедія—какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій. Какъ картина, она, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни—отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю.

Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука — зритель и читатель, чувствуютъ себя, и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее и детали, все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ „особымъ отпечаткомъ“ Москвы, — отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы неполна.

Однако для насъ она еще не вполнѣ законченная историческая картина: мы не отодвинулись отъ эпохи на достаточное разстояніе, чтобъ между ею и нашимъ временемъ легла непроходимая бездна. Колоритъ не сгладился совсѣмъ; вѣкъ не отдѣлился отъ нашего, какъ отрѣзанный ломоть: мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и проч. и видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу Грибоѣдовскихъ типовъ. Рѣзкія черты отжили конечно: никакой Фамусовъ не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ, такъ положительно и явно. Молчалинъ, даже передъ горничной втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ; такой Скалозубъ, такой Загорѣцкій невозможны даже въ дальнемъ захолустьѣ. Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и „награжденья брать и весело пожить“, пока сплетни, бездѣлье, пустота будутъ господствовать, не какъ пороки, а какъ стихіи общественной жизни, — до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ „особый отпечатокъ“, которымъ гордился Фамусовъ. Общечеловѣческіе образцы конечно остаются всегда: хотя и тѣ превращаются въ неузнаваемые отъ временныхъ перемѣнъ типы, такъ что, на смѣну старому, художникамъ иногда приходится обновлять, по прошествіи долгихъ періодовъ, являвшіяся уже когда-то въ образахъ основныя черты нравовъ и вообще людской натуры, облекая ихъ въ новую плоть и

кровь въ духѣ своего времени. Тартюфъ, конечно, вѣчный типъ, Фальстафъ—вѣчный характеръ—но и тотъ и другой, и многіе еще знаменитые подобные имъ первообразы—страстей, пороковъ и проч., исчезая сами въ туманѣ старины, почти утратили живой образъ и обратились въ идею, въ условное понятіе, въ нарицательное имя порока—и для насъ служатъ уже не живымъ урокомъ, а портретомъ исторической галлереи.

Это особенно можно отнести къ Грибоѣдовской комедіи. Въ ней мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено и обставлено такою реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п.

Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія „Горе отъ ума“ была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ, Львова-Синецкая, Лепскій, Орловъ и Сабуровъ играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи. Самъ Чацкій гремитъ противъ „вѣка минувшаго“, когда писалась комедія, а она писалась между 1815 и 1820 годами.

«Какъ посмотрѣть да посравнить» (говоритъ онъ)
«Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ *минувшій*,
«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»

а про свое время выражается такъ:

«Теперь вольнѣе всякій дышетъ»

или:

«Бранилъ *вашъ* вѣкъ я безпощадно»,

—говоритъ онъ Фамусову.

Слѣдовательно, теперь остается только немногое отъ мѣстнаго колорита: страсть къ чинамъ, низкопоклонничество, пустота. Но съ какими-нибудь реформами они могутъ отойти; низкопоклонничество до степени лакейства Молчалинскаго уже прячется и теперь въ темноту, а поэзія фронта уступила мѣсто строгому и раціональному направленію въ военномъ дѣлѣ. Но все же еще кое-какіе живые слѣды есть, и они пока мѣшаютъ обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ. Эта будущность еще пока у ней далеко впереди.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ, разсыпанный въ пихъ острый и ѣдкій живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное, затѣмъ кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку, и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ же дался автору, какъ далась группа этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію — и въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сценическую пьесу, — и въ обширномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ какъ комедіей она и не могла бы быть. Оставя двѣ капитальныя стороны пьесы, которыя такъ явно говорятъ за себя, и потому имѣютъ большинство почитателей,—т. е. картину эпохи, съ группой живыхъ портретовъ, и соль языка,—обратимся сначала къ комедіи, какъ къ сценической пьесѣ, потомъ какъ къ комедіи вообще, къ ея общему смыслу, къ главному разуму ея въ общественномъ и литературномъ значеніи.

Давно привыкли говорить, что нѣтъ движенія, т. е. нѣтъ дѣйствія въ пьесѣ. Какъ нѣтъ движенія? Есть—живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: „Карету мнѣ, карету“!

Это — тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ,—вѣрная въ мелкихъ психологическихъ деталяхъ;—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью

языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т. е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ.

Только при разъѣздѣ въ сѣняхъ зритель точно пробуждается при неожиданной катострофѣ, разразившейся между главными лицами, и вдругъ припоминаетъ комедію - интригу. Но и то не надолго. Передъ нимъ уже выростаетъ громадный, настоящій смыслъ комедіи. Главная роль, конечно—роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ.

Самъ Грибоѣдовъ приписалъ горе Чацкаго его уму, а Пушкинъ отказалъ ему вовсе въ умѣ.

Можно бы было подумать, что Грибоѣдовъ, изъ отеческой любви къ своему герою, польстилъ ему въ заглавіи, какъ будто предупредивъ читателя, что герой его уменъ, а всѣ прочіе около него не умны.

Но Чацкій не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ — это человѣкъ, не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ „чувствителенъ, веселъ и остеръ". Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ, Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ—и въ этомъ все его значеніе и весь „умъ".

И Онѣгинъ и Печоринъ оказались неспособны къ дѣлу, къ активной роли, хотя оба смутно понимали, что около нихъ все истлѣло. Они были даже „озлоблены", носили въ себѣ и „недовольство" и бродили какъ тѣни съ „тоскующею лѣнью". Но презирая пустоту жизни, праздное барство, они поддавались ему и не подумали ни бороться съ нимъ, ни бѣжать окончательно. Недовольство и озлобленіе не мѣшали Онѣгину франтить, „блестѣть" и въ театрѣ, и на балѣ, и въ модномъ ресторанѣ, кокетничать съ дѣвицами и серьезно ухаживать за ними въ замужествѣ, а Печорину блестѣть интересной скукой и мыкать свою лѣнь и озлобленіе между княжной Мери и Бэлой, а потомъ рисоваться равнодушіемъ къ нимъ передъ тупымъ Максимомъ Максимовичемъ: это равнодушіе — считалось квинтъ-эссенціей донъ-жуанства. Оба томились, задыхались въ своей средѣ, и не знали, чего хотѣть. Онѣгинъ пробовалъ читать, но зѣвнулъ и бросилъ, потому что ему и Печорину была знакома одна наука „страсти нѣжной", а прочему всему они учились „чему-нибудь и какъ-нибудь"—и имъ нечего было дѣлать.

Чацкій, какъ видно, напротивъ, готовился серьезно къ дѣятельности. Онъ „славно пишетъ, переводитъ", говорилъ о немъ Фамусовъ, и всѣ твердятъ о его высокомъ умѣ. Онъ, конечно, путешествовалъ не даромъ, учился, читалъ, принимался, какъ видно, за трудъ, былъ въ сношеніяхъ съ министрами и разошелся—не трудно догадаться почему:

„Служить бы радъ, прислуживаться тошно", намекаетъ онъ самъ. О „тоскующей лѣни, о праздной скукѣ" и помину нѣтъ, а еще менѣе о „страсти нѣжной", какъ о наукѣ и о занятіи. Онъ любитъ серьезно, видя въ Софьѣ будущую жену.

Между тѣмъ Чацкому досталось выпить до дна горькую чашу—не найдя ни въ комъ «сочувствія живаго», и уѣхать, увозя съ собой только «милліонъ терзаній».

Ни Онѣгинъ, ни Печоринъ не поступили бы такъ не умно вообще, въ дѣлѣ любви и сватовства особенно. Но за то они уже поблѣднѣли и обратились для насъ въ каменныя статуи, а Чацкій остается и останется всегда въ живыхъ за эту свою «глупость».

Чацкаго роль—роль страдательная: она иначе и быть не можетъ. Такова роль всѣхъ Чацкихъ, хотя она въ то

же время и всегда побѣдительная. Но они не знаютъ о своей побѣдѣ, они сѣютъ только, а пожинаютъ другіе— и въ этомъ ихъ главное страданіе, т. е. въ безнадежности успѣха.

Конечно, Павла Аѳанасьевича Фамусова онъ не образумилъ, не отрезвилъ и не исправилъ. Если-бъ у Фамусова при разъѣздѣ не было «укоряющихъ свидѣтелей», т. е. толпы лакеевъ и швейцара—онъ легко справился бы съ своимъ горемъ: далъ бы головомойку дочери, выдралъ бы за ухо Лизу и поторопился бы свадьбой Софьи съ Скалозубомъ. Но теперь нельзя: на утро, благодаря сценѣ съ Чацкимъ, вся Москва узнаетъ—и пуще всѣхъ «княгиня Марья Алексѣвна». Покой его возмутится со всѣхъ сторонъ—и по неволѣ заставитъ кое о чемъ подумать, чего ему въ голову не приходило. Онъ едва-ли даже кончитъ свою жизнь такимъ «тузомъ», какъ прежніе. Толки, порожденные Чацкимъ, не могли не всколыхать всего круга его родныхъ и знакомыхъ. Онъ уже и самъ противъ горячихъ монологовъ Чацкаго не находилъ оружія. Всѣ слова Чацкаго разнесутся, повторятся всюду и произведутъ свою бурю.

Молчалинъ, послѣ сцены въ сѣняхъ— не можетъ оставаться прежнимъ Молчалинымъ. Маска сдернута, и ему, какъ пойманному вору, надо прятаться въ уголъ. Горичевы, Загорѣцкій, княжны — всѣ попали подъ градъ его выстрѣловъ, и эти выстрѣлы не останутся безслѣдны. Въ этомъ, до сихъ поръ согласномъ хорѣ, иные голоса еще смѣлые вчера, смолкнутъ, или раздадутся другіе, и за, и противъ. Битва только разгоралась. Чацкаго авторитетъ извѣстенъ былъ и прежде, какъ авторитетъ ума, остроумія, конечно, знаній и проч. У него есть уже и единомышленники. Скалозубъ жалуется, что братъ его оставилъ службу, не дождавшись чина, и сталъ книги читать. Одна изъ старухъ ропщетъ, что племянникъ ея, князь Ѳедоръ, занимается химіей и ботаникой. Нуженъ былъ только взрывъ, бой, и онъ завязался упорный и горячій—въ одинъ день, въ одномъ домѣ, но послѣдствія его, какъ мы выше сказали, отразились на всей Москвѣ и Россіи. Чацкій породилъ расколъ, и если обманулся въ своихъ личныхъ цѣляхъ, не нашелъ «прелести встрѣчъ, живаго участія», то брызнулъ самъ на заглохшую почву живой водой—увезя съ собой «милліонъ терзаній», этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ—терзаній отъ всего: отъ ума, а еще болѣе отъ оскорбленнаго чувства.

На эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной идей умѣли блистать, какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Зафхавъ въ глушь, Онѣгинъ поражалъ всѣхъ тѣмъ, что къ дамамъ «къ ручкѣ не подходитъ, стаканами, а не рюмками пилъ красное вино», говорилъ просто: да и нѣтъ, вмѣсто да-съ и нѣтъ съ. Онъ морщится отъ «брусничной воды», въ разочарованіи бранитъ луну «глупой»—и небосклонъ тоже. Онъ привезъ на гривенникъ новаго, и вмѣшавшись «умно», а не какъ Чацкій «глупо», въ любовь Ленскаго и Ольги и убивъ Ленскаго, увезъ съ собой не «милліонъ», а на «гривенникъ» же и терзаній!

Теперь въ наше время, конечно, сдѣлали бы Чацкому упрекъ, зачѣмъ онъ поставилъ свое «оскорбленное чувство» выше общественныхъ вопросовъ, общаго блага и т. д. и не остался въ Москвѣ продолжать свою роль бойца съ ложью и предразсудками —роль выше и важнѣе роли отвергнутаго жениха?

Да, теперь! А въ то время, для большинства, понятія объ общественныхъ вопросахъ были бы то же, что для Репетилова толки «о камерѣ и о присяжныхъ». Критика много погрѣшила тѣмъ, что въ судѣ своемъ надъ знаменитыми покойниками сходила съ исторической точки, забѣгала впередъ и поражала ихъ современнымъ оружіемъ. Не будемъ повторять ея ошибокъ — и не обвинимъ Чацкаго за то, что въ его горячихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ Фамусовскимъ гостямъ, нѣтъ помина объ общемъ благѣ, когда уже и такой расколъ отъ «исканій мѣстъ, отъ чиновъ», какъ «занятіе науками и искусствами», считался «разбоемъ и пожаромъ».

Живучесть роли Чацкаго состоитъ не въ новизнѣ неизвѣстныхъ идей, блестящихъ гипотезъ, горячихъ и дерз-

бихъ утопій, или даже истинъ en herbe: у него нѣтъ отвлеченностей. Провозвѣстники новой зари, или фанатики, или просто вѣстовщики—всѣ эти передовые курьеры неизвѣстнаго будущаго являются—и по естественному ходу общественнаго развитія—должны являться, но ихъ роли и физіономіи до безконечности разнообразны.

Роль и физіономія Чацкихъ неизмѣнна. Чацкій больше всего обличитель лжи и всего, что отжило, что заглушаетъ новую жизнь, „жизнь свободную.“ Онъ знаетъ, за что онъ воюетъ и что должна принести ему эта жизнь. Онъ не теряетъ земли изъ подъ—ногъ и не вѣритъ въ призракъ, пока не облекся въ плоть и кровь, не осмыслился разумомъ, правдой, словомъ, не очеловѣчился.

Передъ увлеченіемъ неизвѣстнымъ идеаломъ, передъ обольщеніемъ мечты, онъ трезво остановится, какъ остановился передъ безсмысленнымъ отрицаніемъ „законовъ, совѣсти и вѣры“ въ болтовнѣ Репетилова, и скажетъ свое:

«Послушай, ври, да знай же мѣру!»

Онъ очень положителенъ въ своихъ требованіяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью со сцены всего, что уцѣлѣло, что по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: просить дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ,» не смѣшиваетъ «веселья или дурачества съ дѣломъ» какъ Молчалинъ,—онъ тяготится среди пустой, праздной толпы „мучителей,“ предателей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ,“ отказываясь преклоняться передъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостнаго права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ пирахъ и мотовствѣ,»—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія. Его идеалъ „свободной жизни“ опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода—„вперить въ науки умъ, алчущій познаній,“ или безпрепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,»—свобода „служить или не служить,“ «жить въ деревнѣ, или путешествовать,» не слыв за то ни разбойникомъ, ни зажигателемъ,—и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ—отъ несвободы. И Фамусовъ, и другіе знаютъ это и, конечно, про себя всѣ согласны съ нимъ, но борьба за существованіе мѣшаетъ имъ уступить.

Отъ страха за себя, за свое безмятежно-праздное существованіе, Фамусовъ затыкаетъ уши и клевещетъ на Чацкаго, когда тотъ заявляетъ ему свою скромную программу „свободной жизни.“ Между прочимъ—

«Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ,»—говоритъ онъ, а тотъ съ ужасомъ возражаетъ:

„Да онъ властей не признаетъ!“

И такъ, лжетъ и онъ, потому что ему нечего сказать, и лжетъ все то, что жило ложью въ прошломъ. Старая правда никогда не смутится передъ новой—она возьметъ это новое правдивое и разумное бремя на свои плечи. Только больное, ненужное, боится ступить очередной шагъ впередъ.

Чацкій сломленъ количествомъ старой силы, нанеся ей въ свою очередь смертельный ударъ качествомъ силы свѣжей.

Онъ вѣчный обличитель лжи, запрягавшейся въ пословицу: «одинъ въ полѣ не воинъ.» Нѣтъ, воинъ, если онъ Чацкій, и притомъ побѣдитель, но передовой воинъ, застрѣльщикъ и—всегда жертва.

Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу.

Всѣми ими управляетъ одно: раздраженіе при различныхъ мотивахъ.

У кого, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго, любовь, у другихъ самолюбіе или славолюбіе—но всѣмъ имъ достается въ удѣлъ свой „милліонъ терзаній“, и никакая высота положенія не спасаетъ отъ него. Очень не многимъ, просвѣтленнымъ Чацкимъ, дается утѣшительное сознаніе, что они не даромъ бились—хотя и безкорыстно, не для себя и не за себя, а для будущаго, и за всѣхъ, и успѣли.

Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой—Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицемъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больнаго съ здоровымъ, и все бьются въ поединкахъ, какъ Горація и Куріаціи—миніатюрные Фамусовы и Чацкіе.

Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго—и кто бы не были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться на старшихъ глядя“ съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни“ впередъ и впередъ, съ другой. Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ поръ и едвали состарѣется когда нибудь Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. И литература не выбьется изъ магическаго круга, начертаннаго Грибоѣдовымъ, какъ только художникъ коснется борьбы понятій, смѣны поколѣній. Онъ, или дастъ типъ крайнихъ, несозрѣвшихъ передовыхъ личностей, едва намекающихъ на будущее, и потому недолговѣчныхъ, какихъ мы уже пережили не мало въ жизни и въ искусствѣ—или создастъ видоизмѣненный образъ Чацкаго, какъ послѣ Сервантесовскаго Донъ-Кихота и Шекспировскаго Гамлета, являлись и являются безконечныя ихъ подобія.

Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова,—и если не слова, то смыслъ и тонъ раздражительныхъ монологовъ его Чацкаго. Отъ этой музыки здоровые герои въ борьбѣ со старымъ не уйдутъ никогда.

И въ этомъ безсмертіе стиховъ Грибоѣдова! Много можно бы привести Чацкихъ – являвшихся на очередной смѣнѣ эпохъ и поколѣній—въ борьбахъ за идею, за дѣло, за правду, за успѣхъ, за новый порядокъ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ слояхъ русской жизни и труда — громкихъ великихъ дѣлъ и скромныхъ кабинетныхъ подвиговъ. О многихъ изъ нихъ хранится свѣжее преданіе, другихъ мы видѣли и знали, а иные еще продолжаютъ борьбу. Обратимся къ литературѣ.

Вспомнимъ, не повѣсть, не комедію, не художественное явленіе, а возьмемъ одного изъ позднѣйшихъ бойцовъ съ старымъ вѣкомъ, напримѣръ, Бѣлинскаго. Прислушайтесь къ его горячимъ импровизаціямъ — и въ нихъ звучатъ тѣ же мотивы и тотъ же тонъ, какъ у Грибоѣдовскаго Чацкаго.

Наконецъ — послѣднее замѣчаніе о Чацкомъ.

Дѣлаютъ упрекъ Грибоѣдову въ томъ, что будто Чацкій — не облеченъ такъ художественно, какъ другія лица комедіи, въ плоть и кровь, что въ немъ мало жизненности. Иные даже говорятъ, что это не живой человѣкъ, абстрактъ, идея, ходячая мораль комедіи, а не такое полное и законченное созданіе, какъ напримѣръ, фигура Онѣгина и другихъ, выхваченныхъ изъ жизни типовъ.

Это несправедливо. Ставить рядомъ съ Онѣгинымъ Чацкаго нельзя: строгая объективность драматической формы не допускаетъ той широты и полноты кисти, какъ эпическая. Если другія лица комедіи являются строже и рѣзче очерченными, то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. Тогда какъ въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона—а Грибоѣдовъ успѣлъ намекнуть и на многія другія.

Потомъ—если приглядѣться вѣрнѣе къ людскимъ типамъ въ толпѣ—то едва

ли не чаще другихъ встрѣчаются эти честныя, горячія, иногда желчныя личности, которыя не прячутся покорно въ сторону отъ встрѣчной уродливости, а смѣло идутъ на встрѣчу ей, вступаютъ въ борьбу, часто не равную, всегда со вредомъ себѣ и безъ видимой пользы дѣлу. Кто не зналъ или не знаетъ, каждый въ своемъ кругу, такихъ умныхъ, горячихъ, благородныхъ сумасбродовъ, которые производятъ своего рода кутерьму въ тѣхъ кругахъ, куда ихъ занесетъ судьба, за правду, за честное убѣжденіе?

Нѣтъ, Чацкій—по нашему мнѣнію—изъ всѣхъ наиболѣе живая личность, и какъ человѣкъ и какъ исполнитель указанной ему Грибоѣдовымъ роли. Но повторяемъ, натура его сильнѣе и глубже прочихъ лицъ, и потому не могла быть исчерпана въ комедіи.

Гончаровъ.

О воспитаніи.

Истина выше человѣка, какъ личности; чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ея трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ,—и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отличеніе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого, тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Взглянемъ съ этой точки на любовь родительскую.

Отецъ и мать любятъ свое дитя, потому что оно ихъ рожденіе. Родство крови есть первая и въ то же время священная основа любви, ея исходный пунктъ, отъ котораго движется ея развитіе. Возставать противъ этого могутъ только или отвлеченные умы, разсудочные люди, неспособные проникнуть ни въ какую живую, явленную истину, или сердца холодныя, сухія, мертвыя, если не порочныя и не развратныя. Но естественная любовь, основывающаяся на одномъ родствѣ крови, еще далеко не составляетъ того, чѣмъ должна быть человѣческая любовь. Изъ родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крѣпко, одно истинно и дѣйствительно, одно достойно высокой и благородной человѣческой природы. Посмотрите, сколько на свѣтѣ дурныхъ дѣтей, которыя теряютъ къ родителямъ всякую любовь, но оказываютъ къ нимъ только внѣшнее, формальное уваженіе, какъ скоро избавляются, лѣтами и обезпеченіемъ своего состоянія, отъ ихъ власти и вліянія и къ тому же не ждутъ себѣ никакого наслѣдства послѣ ихъ смерти. Сколько бываетъ въ свѣтѣ ужасныхъ примѣровъ дѣтей, не оказывающихъ родителямъ даже и внѣшняго уваженія, требуемаго общественными приличіями,—даже дѣтей, оскорбляющихъ своихъ родителей, если тѣ не рѣшаются прибѣгнуть къ гражданскому закону!.. Страшное, возмущающее душу зрѣлище! Бѣдные родители, несчастныя дѣти! Да, несчастныя, и, жалѣя о первыхъ, не спѣшите проклинать послѣднихъ, но подумайте о томъ, природа ли создаетъ изверговъ, или воспитаніе и жизнь дѣлаютъ ихъ такими. Мы не отвергаемъ, чтобы природа не производила людей, наклонныхъ къ пороку, но мы вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко убѣждены, что такія явленія возможны какъ исключенія изъ общаго правила и что нѣтъ столь дурнаго человѣка, котораго бы хорошее воспитаніе не сдѣлало лучшимъ. Горе дурнымъ дѣтямъ! почему бы они ни сдѣлались такими—отъ дурнаго ли воспитанія, по винѣ родителей, или отъ случайныхъ обстоятельствъ, — но они несчастны, потому что не знаютъ счастія сыновней любви и не могутъ имѣть надежды вкусить счастіе любви родительской. Но тѣмъ не менѣе должно вникать въ причины

ихъ нравственнаго искаженія, если не для оправданія ихъ, то для оправданія истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительнаго примѣра, въ предотвращеніе такихъ возмущающихъ душу явленій. Мы сказали, что отецъ любитъ свое дитя, потому что оно его рожденіе; но онъ долженъ любить его еще какъ будущаго человѣка, котораго Богъ нарекъ сыномъ Своимъ и за спасеніе котораго Онъ принялъ на крестѣ страданіе и смерть. При самомъ рожденіи отецъ долженъ посвятить свое дитя служенію Богу въ духѣ и истинѣ, и посвященіе это должно состоять не въ отторженіи его отъ живой дѣйствительности, но въ томъ, чтобы вся жизнь и каждое дѣйствіе его въ жизни было выраженіемъ живой, пламенной любви къ истинѣ, въ которой является Богъ. Только такая любовь къ дѣтямъ истинна и достойна называться любовію: всякая же другая есть эгоизмъ, холодное самолюбіе. Вся жизнь отца и матери, всякій поступокъ ихъ долженъ быть примѣромъ для дѣтей и основою взаимныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ должна быть любовь къ истинѣ, но не къ себѣ. Есть отцы, которые любятъ дѣтей для самихъ себя,—и въ этой любви есть своя истинная и разумная сторона: есть отцы, которые любятъ своихъ дѣтей для нихъ самихъ, и эта любовь выше, истиннѣе, разумнѣе; но при этихъ двухъ родахъ любви есть еще высшая, истиннѣйшая и разумнѣйшая любовь къ дѣтямъ — любовь въ истинѣ, въ Богѣ. Любитъ ли отецъ своего сына, если заставляетъ его смотрѣть съ уваженіемъ на свои дурные и безнравственные поступки, какъ на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать отъ дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрѣнію, бѣлое называло чернымъ, а черное бѣлымъ? Тутъ нѣтъ любви, тутъ есть только самолюбіе, которое свою личность ставитъ выше истины. А между тѣмъ у ребенка всегда будетъ столько смысла, чтобы, видя, какъ его маменька колотитъ по щекамъ дѣвокъ, или какъ его папенька напивается пьянъ и дерется съ маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, пріучая къ такимъ сценамъ съ малолѣтства и толкуя, что это хорошо, можно наконецъ увѣрить ребенка, что въ семъ-то и состоитъ истинная жизнь; но это значитъ развратить, погубить его: гдѣ жъ тутъ любовь? тутъ только самолюбіе, которое въ своихъ дѣтяхъ хочетъ видѣть собственное безобразіе, чтобы не имѣть въ нихъ себѣ строгихъ, хотя и безмолвныхъ судей. Вопреки законамъ природы и духа, вопреки условіямъ развивающейся личности, отецъ хочетъ, чтобы его дѣти смотрѣли и видѣли не своими, а его глазами; преслѣдуетъ и убиваетъ въ нихъ всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, какъ нарушеніе сыновняго уваженія, какъ возстаніе противъ родительской власти,—и бѣдныя дѣти не смѣютъ при немъ рта разинуть: въ нихъ убита энергія, воля, характеръ, жизнь; они дѣлаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростью, лукавствомъ, скрытностью, лгутъ, обманываютъ, выворачиваются... Китайцы, поставляющіе красоту женскихъ ногъ въ миніатюрности, зашиваютъ у дѣвочекъ ноги въ сырую воловью шкуру и снимаютъ ее, когда уже дѣвочки становятся дѣвушками: ножки въ самомъ дѣлѣ крошечныя, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина можетъ ходить только по комнатѣ, и то опираясь о стѣны и на мебель. Таковы результаты остановленной въ свободномъ развитіи природы! Таковы же бываютъ и результаты остановленнаго въ естественномъ и самобытномъ развитіи духа! Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые имѣютъ несчастное убѣжденіе, что, для пользы и счастія своихъ дѣтей, они обязаны управлять тѣми ихъ склонностями, которыя рѣшаютъ счастіе или несчастіе цѣлой жизни человѣка? И какъ часто случается, что прекрасная дѣвушка, съ глубокою душою, любящимъ сердцемъ, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитаніе, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избраннаго ею, который бы понялъ ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное съ человѣческимъ обликомъ и гибнетъ безмолвною жертвою тайнаго, никѣмъ непонятаго страданія!... Бѣдная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили изъ любви же къ ней, изъ искренняго желанія ей добра и счастія... Горе человѣку, когда

его участь въ рукахъ злодѣевъ, и такое же горе ему, когда его участь въ рукахъ добрыхъ, но пошлыхъ и глупыхъ людей! Бѣдныя женщины чаще всего испытываютъ на себѣ несомнѣнность этой горькой истины. Молодой человѣкъ, принужденный избрать чуждую своему призванію дорогу жизни, рано или поздно, хоть съ утратою силъ души, хоть съ обрѣзанными крыльями, но еще вылетаетъ на желанную свободу, а женщины!... Но что сказать о тѣхъ родителяхъ, которые торгуютъ счастіемъ своихъ дѣтей, спекулируютъ ими на богатство, на знатность, да еще дѣйствуютъ при этомъ во имя нравственности, любви и своихъ священныхъ родительскихъ обязанностей къ дѣтямъ?... Но оставимъ этотъ ужасный предметъ, отъ котораго возмущается и содрогается человѣческая природа будто при видѣ удава или гремучей змѣи.

Разумная любовь должна быть основою взаимныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Любовь предполагаетъ взаимную довѣренность, и отецъ долженъ быть столько же отцемъ, сколько и другомъ своего сына. Первое его попеченіе должно быть о томъ, чтобы сынъ не скрывалъ отъ него ни малѣйшаго движенія своей души, чтобы къ нему первому шелъ онъ и съ вѣстью о своей радости или горѣ, и съ признаніемъ въ проступкѣ, въ дурной мысли, въ нечистомъ желаніи, и съ требованіемъ совѣта, участія, сочувствія, утѣшенія. Какъ грубо ошибаются многіе даже изъ лучшихъ отцевъ, которые почитаютъ необходимымъ раздѣлять себя съ дѣтьми строгостію, суровостью, недоступною важностью! Они думаютъ этимъ возбудить къ себѣ въ дѣтяхъ уваженіе; въ самомъ дѣлѣ возбуждаютъ его, но уваженіе холодное, боязливое, трепетное, и тѣмъ отвращаютъ ихъ отъ себя и невольно пріучаютъ къ скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы дѣтьми, но уваженіе дѣтей должно проистекать изъ любви, быть ея результатомъ, какъ свободная дань ихъ превосходству, безъ требованія получаемая. Ничто такъ ужасно не дѣйствуетъ на юную душу, какъ холодность и важность, съ которыми принимается горячее изліяніе ея чувства; ничто не обливаетъ ее такимъ умерщвляющимъ холодомъ, какъ благоразумные совѣты и наставленія тамъ, гдѣ ожидаетъ она сочувствія. Обманутая такимъ образомъ въ своемъ стремленіи разъ и другой, она затворяется въ самой себѣ, сознаетъ свое одиночество, свою отдѣльность и особность отъ всего, что такъ любовно и родственно еще недавно окружало ее, и въ ней развивается эгоизмъ: она пріучается думать, что жизнь есть борьба эгоистическихъ личностей, азартная игра, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Открытая душа младенца или юноши—свѣтлый ручей, отражающій въ себѣ чистое и ясное небо; запертая въ самой себѣ, она—мрачная бездна, въ которой гнѣздятся нетопыри и жабы. Если не это, можетъ случиться другое: индивидуальность человѣческая, по своей природѣ, не терпитъ отчужденія и одиночества, жаждетъ сочувствія и довѣренности подобныхъ себѣ,—и дѣти сдружеются между собою, составляютъ родъ общества, имѣющаго свои тайны, общими и соединенными силами скрываемыя, что никогда до добра не доводитъ. Это бываетъ еще опаснѣе, когда друзья избираются между чужими, и тѣмъ болѣе, когда избранный другъ старше избравшаго: онъ беретъ надъ нимъ верхъ, пріобрѣтаетъ у него авторитетъ и передаетъ ему всѣ свои наклонности и привычки: что же, если онѣ дурны и порочны?... Нѣтъ! первое условіе разумной родительской любви — владѣть полною довѣренностію дѣтей, и счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ, и правыхъ и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія!

Юная душа, не испытавшая еще отчужденія и сомнѣнія, вся открыта наружу; она не умѣетъ любить въ мѣрѣ, но предается предмету своей любви беззавѣтно и безусловно, видитъ въ немъ идеалъ всевозможнаго совершенства, высшій образецъ для своихъ дѣйствій, вѣритъ ему со всѣмъ жаромъ фанатика. И что же, если такая лю-

бовь устремлена къ родителямъ, соединяясь съ естественною, кровною любовью къ нимъ! О, для такихъ дѣтей высочайшее счастіе какъ можно чаще быть въ присутствіи родителей, наслаждаться ихъ разговорами, сопровождать ихъ въ прогулкѣ, имѣть свидѣтелями своихъ игръ и рѣзвостей, обращаться къ нимъ въ недоразумѣніяхъ, избирать ихъ въ посредники между собою въ своихъ маленькихъ ссорахъ и неудовольствіяхъ! Нужно ли доказывать, что при такомъ воспитаніи родители одною ласкою могутъ дѣлать изъ своихъ дѣтей все, что имъ угодно; что имъ ничего не стоитъ пріучить ихъ съ малолѣтства къ выполненію долга, къ постоянному, систематическому труду въ опредѣленные часы каждаго дня (важная сторона въ воспитаніи: отъ опущенія ея много губится въ человѣкѣ)? Нужно ли говорить, что такимъ родителямъ очень возможно будетъ обратить трудъ въ привычку, въ наслажденіе для своихъ дѣтей, а свободное отъ труда время—въ высшее счастіе и блаженство? Еще менѣе нужно доказывать, что при такомъ воспитаніи совершенно безполезны всякаго рода унизительныя для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ и растлѣвающія ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства? Суровый взглядъ, холодно-вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ, и уже много-много, если отказъ въ прогулкѣ съ собою, въ участіи слушать повѣсть или сказку, которую будетъ читать или разсказывать отецъ или мать, наконецъ арестъ въ комнатѣ: вотъ наказанія, которыя, будучи употреблены соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Нѣжная душа доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому: у ней есть тонкій инстинктъ, по которому она сама догадывается о неловкости своего положенія, если подала къ нему поводъ; душа грубая, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, мозолится, дѣлается безстыдно-безсовѣстною, и ей ужъ скоро ни по чемъ всякое наказаніе. Нужно ли говорить, что такое воспитаніе легко и возможно, но требуетъ всего человѣка, всего его вниманія, всей его любви? Отцы, которыхъ вся жизнь сосредоточена въ дѣтяхъ, отдана имъ безъ раздѣла—рѣдкія явленія: но для нихъ-то и говоримъ мы, къ нимъ и обращаемъ рѣчь нашу,—и дай Богъ, чтобы она принята была ими съ такою же любовію и искренностію, съ какими мы обращаемся къ нимъ! Всѣ же не такіе могутъ намъ не вѣрить и даже смѣяться надъ нами, если имъ это заблагоразсудится. Въ добрый часъ!...

Воспитаніе—великое дѣло: имъ рѣшается участь человѣка. Молодыя поколѣнія суть гости настоящаго времени и хозяева будущаго, которое есть ихъ настоящее, получаемое ими какъ наслѣдство отъ старѣйшихъ поколѣній. Какъ зародышъ будущаго, которое должно сдѣлаться настоящимъ, каждое изъ нихъ есть новая идея, готовая смѣнить старую идею. Это и есть условіе хода и прогресса человѣчества. „Не вливаютъ вина молодаго въ мѣхи старые“, сказалъ нашъ божественный Спаситель, и Онъ же изрекъ о дѣтяхъ, приведенныхъ къ Нему для благословенія: „таковыхъ есть царствіе небесное“. Но новое, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно исторически развиться изъ стараго, и въ этомъ законѣ заключается важность воспитанія и имъ же условливается важность тѣхъ людей, которые берутъ на себя священную обязанность быть воспитателями дѣтей.

Правительство, неусыпно печущееся о нашемъ благѣ, ничего не щадитъ для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ общественнаго образованія. Не смотря на безчисленное множество уже существующихъ учебныхъ заведеній, оно не перестаетъ учреждать новыя на лучшихъ основаніяхъ, а старыя преобразовывать соотвѣтственно потребностямъ времени; употребляетъ на нихъ огромныя суммы, замѣщаетъ вакантныя мѣста молодыми людьми, болѣе старыхъ способными удовлетворить современнымъ требованіямъ, и кто вникалъ съ вниманіемъ въ эту отрасль администраціи, тотъ не могъ не дивиться быстрымъ перемѣнамъ въ ней къ лучшему, богатымъ прекрасными результатами.

Но общественное образованіе, преимущественно имѣющее въ виду развитіе умственныхъ способностей и обогащеніе ихъ познаніями, совсѣмъ не то, что воспитаніе домашнее: то и другое равно необходимы, и ни одно другаго замѣнить не можетъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ великій германскій мыслитель Гегель, въ своей торжественной рѣчи на актѣ нюренбергской гимназіи, обязанной его кратковременному управленію теперешнимъ своимъ процвѣтаніемъ: „Въ связи съ этимъ находится еще другой важный предметъ, который ставитъ школу еще въ большую необходимость опираться на домашнія отношенія учениковъ: это дисциплина. Я здѣсь отличаю воспитаніе нравовъ отъ ихъ образованія. Цѣлію учебнаго заведенія можетъ быть не воспитаніе, не дисциплина нравовъ въ собственномъ смыслѣ, а образованіе ихъ, и притомъ не со всѣми средствами, къ нему ведущими. Учебное заведеніе должно предполагать добрую нравственность въ своихъ ученикахъ. Мы должны требовать, чтобы ученики, вступающіе къ намъ въ школу, уже получили предварительное воспитаніе. По духу нравовъ нашего времени, непосредственное воспитаніе не есть, такъ какъ у спартанцевъ, публичное, государственное; обязанность и забота воспитанія лежитъ на родителяхъ. Другое дѣло—сиротскіе домы или семинаріи и вообще всѣ заведенія, которыя обнимаютъ цѣлое существованіе юноши".

Такъ! на родителяхъ, на однихъ родителяхъ лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками, обязанность же учебныхъ заведеній—сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ. Но кто не сдѣлался прежде всего человѣкомъ, тотъ плохой гражданинъ, плохой слуга государю. Изъ этого видно, какъ важенъ, великъ и священъ санъ воспитателя: въ его рукахъ участь цѣлой жизни человѣка. Первыя впечатлѣнія могущественно дѣйствуютъ на юную душу: все дальнѣйшее ея развитіе совершается подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Всякій человѣкъ, еще не родившись на свѣтъ, въ самомъ себѣ носитъ уже возможность той формы, того опредѣленія, какое ему нужно. Эта возможность заключается въ его организмѣ, отъ котораго зависитъ и его темпераментъ, и его характеръ, и его умственныя средства, и его наклонность и способность къ тому или другому роду дѣятельности, къ той или другой роли въ общественной драмѣ,—словомъ, вся его индивидуальная личность. По своей природѣ, никто ни выше, ни ниже самого себя: Наполеономъ или Шекспиромъ должно родиться, но нельзя сдѣлаться; хорошій офицеръ часто бываетъ плохимъ генераломъ, а хорошій водевелистъ дурнымъ трагикомъ. Это уже судьба, передъ которою безсильны и человѣческая воля, и самыя счастливыя обстоятельства. Назначеніе человѣка — развить лежащее въ его натурѣ зерно духовныхъ средствъ, стать вровень съ самимъ собою; но не въ его волѣ и не въ его силахъ пріобрѣсти трудомъ и усиліемъ сверхъ даннаго ему природою, сдѣлаться выше самого себя, равно какъ и быть не тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть, какъ, напримѣръ, художникомъ, когда онъ родился быть мыслителемъ, и т. д. И вотъ здѣсь воспитаніе получаетъ свое истинное и великое значеніе. Животное, родившись отъ льва и львицы, дѣлается львомъ, безъ всякихъ стараній и усилій съ своей стороны, безъ всякаго вліянія счастливаго стеченія обстоятельствъ; но человѣкъ, родившись не только львомъ или тигромъ, даже человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, можетъ сдѣлаться и волкомъ, и осломъ, и чѣмъ угодно. Часто одаренный великими средствами на великое, онъ обнаруживаетъ только дикую силу, которая служитъ ему ни къ чему иному, какъ къ разрушенію всего окружающаго его и даже самого себя. И если бываютъ такія богатыя и могучія натуры, которыя собственною глубокостію и силою спасаются отъ погибели или искаженія вслѣдствіе ложнаго, неестественнаго развитія и дурнаго воспитанія, то все-таки нельзя же сомнѣваться въ томъ, что тѣ же самыя натуры, но при нормальномъ развитіи и разумномъ воспитаніи, прямѣе дошли бы до своей цѣли, съ си-

лами свѣжими и неистощенными въ тяжелой и безплодной борьбѣ съ случайными противорѣчіями. Разумное воспитаніе и злато по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру; такъ дикое, лѣсное растеніе, когда его пересадятъ въ садъ и подвергнутъ уходу садовника, дѣлается и пышнѣе цвѣтомъ, и вкуснѣе плодомъ. Не все родятся героями, художниками, учеными, геній есть явленіе вѣковое, рѣдкое: сильные таланты тоже похожи на исключенія изъ общаго правила, и въ этомъ случаѣ человѣчество есть армія, въ которой можетъ быть до милліона рядовыхъ солдатъ, но только одинъ полковникъ, и на сто рядовыхъ одинъ офицеръ. Въ такой же пропорціи находится къ большинству, или толпѣ, и число людей съ глубокою и безконечною натурою, которыхъ назначенія—не проявиться въ какомъ-нибудь родѣ дѣятельности, составляющемъ признаніе генія и таланта, но все понимать, всему сочувствовать и все облагораживать и счастливить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Природа не скупа, но экономна въ своихъ дарахъ, и какъ явленіе вѣчнаго разума, она строго соблюдаетъ свой іерархическій порядокъ, свою табель о рангахъ. Но всякое назначеніе природы имѣетъ параллельное себѣ назначеніе въ человѣчествѣ и въ гражданскомъ обществѣ, почему всякій человѣкъ, съ какими бы то ни было способностями, находитъ свое мѣсто въ томъ и другомъ. Не мѣста людей, но люди мѣста унижаютъ. Самое приличное мѣсто человѣку—то, къ которому онъ призванъ, а свидѣтельство призванія—его способности, степень ихъ, наклонность и стремленіе. Кто призванъ на великое въ человѣчествѣ, совершай его: ему честь и слава, ему вѣнецъ генія; кому же назначена тихая и неизвѣстная доля—умѣй найти въ ней свое счастіе, умѣй съ пользою дѣйствовать и на маломъ поприщѣ, умѣй быть достойнымъ, почтеннымъ и въ скромной дѣятельности. Всякое желаніе невозможнаго есть ложное желаніе; всякое стремленіе быть выше себя, выше своихъ средствъ есть не благородный порывъ сознающей себя силы, а претензія жалкой посредственности и бѣднаго самолюбія украситься внѣшнимъ блескомъ. Цѣль нашихъ стремленій есть удовлетвореніе, и всякій удовлетворяется ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что ему нужно; а кто нашелъ свое удовлетвореніе на ограниченномъ поприщѣ, тотъ счастливѣе того, кто, обладая большими духовными средствами, не можетъ найти своего удовлетворенія. Честный и, по своему, умный сапожникъ, который въ совершенствѣ обладаетъ своимъ ремесломъ и получаетъ отъ него все, что нужно ему для жизни, выше плохаго генерала, хотя бы онъ былъ самъ Меласъ, выше педанта ученаго, выше дурнаго стихотворца. Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности, на всякой ступени въ лѣствицѣ общественной іерархіи, быть—человѣкомъ. Но, умѣренная на произведеніе великихъ явленій духовнаго міра, природа щедра до безконечности на произведеніе людей и съ душою, и съ способностями и дарованіемъ, словомъ, со всѣмъ, что нужно человѣку, чтобъ быть достойнымъ высокаго званія человѣка. Люди бездарные, ни къ чему неспособные, тупоумные, суть такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ уроды; и ихъ такъ же мало, какъ и уродовъ. Множество же ихъ происходитъ отъ двухъ причинъ, въ которыхъ природа нисколько не виновата: отъ дурнаго воспитанія и вообще ложнаго развитія, и еще отъ того, что рѣдко случается видѣть человѣка на своей дорогѣ и на своемъ мѣстѣ. Сознаніе своего назначенія—трудное дѣло, и часто, если не натолкнутъ человѣка на чуждую ему дорогу жизни, онъ самъ пойдетъ по ней, руководимый или безсознательностію, или претензіями. Но если бы возможно было равное для всѣхъ нормальное воспитаніе, — число обиженныхъ природою такъ ограничилось бы, что дѣйствительно обиженные ею прямо поступали бы въ кунсткамеру въ банки со спиртомъ. И потому воспитаніе, по отно-

шенію къ большинству, пріобрѣтаетъ еще большую важность: оно все — и жизнь и смерть, спасеніе и гибель.

Но воспитаніе, чтобы быть жизнію, но не смертію, спасеніемъ, а не гибелью, должно отказаться отъ всякихъ претензій своевольной и искусственной самодѣятельности. Оно должно быть помощникомъ природѣ — не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и хуже и лучше—только по своему, индивидуально. Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка только худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться. Если душа младенца и въ самомъ дѣлѣ есть бѣлая доска, то качество и смыслъ буквъ, которыя пишетъ на ней жизнь, зависятъ не только отъ пишущаго и орудія писанія, но и отъ качества самой этой доски. Человѣкъ ничего не можетъ узнать, чего бы не было въ немъ, ибо вся дѣйствительность, доступная его разумѣнію, есть не что иное, какъ осуществившіеся законы его же собственнаго разума. И потому-то есть такъ называемыя врожденныя идеи, которыя суть непосредственное созерцаніе истины, заключающееся въ таинствѣ человѣческаго организма. Ребенка нельзя увѣрить, что дважды два—пять, а не четыре. А между тѣмъ, есть истины и повыше этой, которыхъ сѣмя въ душѣ человѣка, еще и не думавшаго о нихъ!...

Нѣтъ, не бѣлая доска душа младенца, а дерево въ зернѣ, человѣкъ въ возможности! Какъ ни старо сравненіе воспитателя съ садовникомъ, но оно глубоко вѣрно, и мы не затрудняемся воспользоваться имъ. Да, младенецъ есть молодой, блѣдно-зеленый ростокъ, едва выглянувшій изъ своего зерна, а воспитатель есть садовникъ, который ходитъ за этимъ нѣжнымъ, возникающимъ растеніемъ. Посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить, вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню жолуди. А въ этомъ-то именно и заключается, по большей части, ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево, а то можно заставить его приносить что угодно - хоть арбузы вмѣсто орѣховъ.

Для садовника есть правила, которыми онъ необходимо руководствуется при хожденіи за деревьями. Онъ соображается не только съ индивидуальною природою каждаго растенія, но и со временами года, съ погодою, съ качествомъ почвы. Каждое растеніе имѣетъ для него свои эпохи возрастанія, сообразно съ которыми онъ и располагаетъ свои съ нимъ дѣйствія: онъ не сдѣлаетъ прививки ни къ стеблю, еще не сформировавшемуся въ стволъ, ни къ старому дереву, уже готовому засохнуть. Человѣкъ имѣетъ свои эпохи возрастанія, не сообразуясь съ которыми можно затупить въ немъ всякое развитіе.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія должна быть любовь, а цѣлью - человѣчность. Мы разумѣемъ здѣсь первоначальное воспитаніе, которое важнѣе всего. Всякое частное или исключительное направленіе, имѣющее опредѣленную цѣль въ какой-нибудь сторонѣ общественности, можетъ имѣть мѣсто только въ дальнѣйшемъ, окончательномъ воспитаніи. Первоначальное же воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, не человѣка, который могъ бы въ послѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ. Подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, — тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости

натуры и степени образованія каждаго. Человѣкъ есть разумно-сознательная сущность и органъ всего сущаго — о отсюда получаетъ свое глубокое и высокое значеніе извѣстное выраженіе: «Homo sum, nihil mihi alienum humani puto», т. е. «я человѣкъ — и ничего человѣческаго не считаю чуждымъ мнѣ». Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ болѣе онъ человѣкъ и тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти при видѣ пролетѣвшей птички, и бурное волненіе страстей въ волканической груди юноши, и спокойное самообладаніе мужа, и созерцательное упованіе старца, и жгучее отчаяніе, и дикую радость, и безмолвное страданіе, и затаенную грусть, и восторги счастливой любви, и тоску разлуки, и слезы отринутаго чувства, и нѣмую мольбу взоровъ, и высокость самоотверженія, и сладость молитвы, и все, что въ жизни и въ чемъ есть жизнь. Опытъ и опытность не суть необходимое условіе такой всеобъемлющей доступности: чтобы понять и младенца, и юношу, и мужа, и старца, и женщину, ему не нужно быть вмѣстѣ и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; ему не нужно даже быть въ томъ положеніи, которое интересуетъ его въ каждомъ изъ нихъ: лишь бы представилось ему явленіе, а ужъ его чувство безсознательно откликнется на него и пойметъ его. На все будетъ у него и привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго и состраданіе въ его горѣ, и улыбка на полный блаженства взоръ, и слеза на горькія слезы! Ему понятна и возможность не только слабостей и заблужденій, но и самыхъ пороковъ, самыхъ преступленій: презирая слабости и заблужденія, онъ будетъ жалѣть о слабыхъ и заблуждающихся; проклиная пороки и преступленія, онъ будетъ сострадать порочнымъ и преступнымъ. Его грудь равно открыта и для задушевной тайны друга, и для робкаго признанія юнаго, страждущаго существа, и для души, томящейся обременительной полнотою блаженства, и для растерзаннаго страданіемъ сердца, и для рыдающаго раскаянія, и для самой ужасной повѣсти страстей и заблужденій. Онъ уважитъ чувство и друга и недруга; для него святы и горе и радость знакомаго и незнакомаго человѣка. Съ нимъ такъ тепло и отрадно и своему и чужому, онъ во всѣхъ внушаетъ такую довѣрчивость, такую откровенность. Въ его душѣ столько теплоты и елейности, въ его словахъ такая кротость и задушевность, въ его манерахъ столько мягкости и деликатности. Какъ отрадно бываетъ встрѣтить въ старикѣ, который былъ лишенъ всякаго образованія, провелъ всю жизнь свою въ практической дѣятельности, совершенно чуждой всего идеальнаго, мечтательнаго и поэтическаго, — какъ отрадно встрѣтить теплое чувство, не подавленное бременемъ годовъ и желѣзными заботами жизни, любовь и снисхожденіе къ юности, къ ея вѣтренымъ забавамъ, ея шумной радости, ея мечтамъ и грустнымъ и свѣтлымъ, пламеннымъ и гордымъ! какъ отрадно увидѣть на его устахъ кроткую улыбку удовольствія, чистую слезу умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти!.... О, станьте на колѣни предъ такимъ старикомъ, почтите за честь и счастіе его ласковый привѣтъ, его дружеское пожатіе руки: въ немъ есть человѣчность! Онъ въ милліонъ разъ лучше этихъ сомнѣвающихся и разочарованныхъ юношей, которые увяли, не расцвѣтши, этихъ почтенныхъ лысинъ и сѣдинъ, которыя рутиною хотятъ замѣнить умъ и дарованія, холоднымъ резонерствомъ теплое чувство, внѣшнимъ и заимствованнымъ блескомъ отличій внутреннюю пустоту и ничтожность, а важными и строгими разсужденіями о нравственности — сухость и мертвенность своихъ деревянныхъ сердецъ!

Бѣлинскій.

Трудъ.

(Психическое и воспитательное значеніе его.)

Политико-экономическое значеніе труда вполнѣ уяснено наукою и труду давно уже отведено почетное мѣсто между природою и капиталомъ. Къ

этому значенію труда, кидающемуся въ глаза повсюду, куда только ни поглядишь, мы не можемъ ничего прибавить. Намъ кажется только, что и въ экономическомъ отношеніи трудъ долженъ быть поставленъ во главѣ двухъ другихъ содѣятелей человѣческаго богатства, природы и капитала, а не рядомъ съ ними; ибо безъ труда природныя богатства и обиліе капиталовъ оказываютъ гибельное вліяніе не только на нравственное и умственное развитіе людей, но даже и на ихъ матеріальное благосостояніе.

Природное богатство острововъ Индѣйскаго архипелага оставило человѣка нагимъ, дикимъ и безсильнымъ; драгоцѣнности обѣихъ Индій, не смотря на все богатство природныхъ качествъ испанца, убили могучіе зародыши испанской цивилизаціи; голландскіе же рыбаки, загнанные на пустынную отмель, отняли себѣ землю у морскихъ волнъ и положили начало европейскимъ капиталамъ. Но еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что свободный трудъ нуженъ человѣку самъ по себѣ, для развитія и поддержанія въ немъ чувства человѣческаго достоинства, представляетъ намъ римская исторія.

Припомните характеръ римскаго гражданина въ тотъ періодъ, когда онъ изъ-за сохи переходилъ къ занятіямъ консула и диктатора, и сравните его съ характеромъ рямскаго обжоры временъ Домиціана, когда цѣлый міръ присылалъ въ вѣчный городъ изысканнѣйшія произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ и когда всякое занятіе считалось предосудительнымъ не только для римскаго вельможи, но и для оборванца римской черни; когда тысячи рабовъ не только избавляли римлянина отъ необходимости что-нибудь дѣлать, но даже что-нибудь думать; а толпы германскихъ наемниковъ снимали съ него обязанность самому защищать свое отечество.

Нечего говорить уже о нравственномъ достоинствѣ римлянъ въ этомъ періодѣ: картины, набросанныя Тацитомъ, кажутся невѣроятными. Рабы, избавивъ римлянина отъ необходимости трудиться, сдѣлали его самого такимъ добровольнымъ рабомъ, какихъ ни послѣ, ни прежде не представляла исторія. Но этого мало: въ который изъ этихъ періодовъ былъ счастливѣе римлянинъ? Тогда ли, когда онъ самъ пахалъ землю, а жена его ткала ему одежду, или когда онъ въ одинъ обѣдъ пожиралъ годовые доходы азіатскихъ царствъ, когда онъ безъ помощи другихъ даже не ѣлъ, не ходилъ и не думалъ? Изумительное, непостижимое для насъ равнодушіе къ жизни проглядываетъ, подобно какому нибудь адскому страшилищу, въ безчисленныхъ картинахъ самоубійства, изображаемымъ Тацитомъ. Вся жизнь Рима послѣднихъ вѣковъ представляется одною мрачною оргіею, въ которой столько же несчастія и душевныхъ неизлѣчимыхъ страданій, сколько разврата, рабства, ненажитаго личнымъ трудомъ богатства и роскоши, не приносящей счастія. Почти можно выставить такую мысль: на сколько Римъ былъ богаче, на столько онъ былъ развратнѣе и несчастнѣе.

Но не показываетъ-ли намъ и современное положеніе общества, что увеличеніе массы богатства не ведетъ еще за собою увеличенія массы счастья? Не видимъ-ли мы, напротивъ, на каждомъ шагу, что вліяніе богатства прямо дѣйствуетъ разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастіе общества, *если общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска проливающаго богатства?*

Дурную услугу оказалъ бы государству тотъ, кто нашелъ-бы средство отпускать ему ежедневно всю ту сумму денегъ, какая необходима его гражданамъ, отпускать для покупки заграницею всего, что нужно для самой роскошной жизни.

Если бы люди открыли философскій камень, то бѣда была бы еще не велика: золото перестало бы быть монетою. Но если бы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакиваетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполнѣ замѣняющую всякій трудъ человѣка, то самое развитіе человѣчества остановилось бы: развратъ и дикость завладѣли-бы обществомъ.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ то же самое: какъ только необходимость труда—будетъ-ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская—покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ оно и начинаетъ быстро терять силу, нравственность, а, наконецъ, и самое вліяніе; начинаетъ быстро вырождаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ вмѣстѣ съ трудомъ и энергія, и нравственность, и счастіе.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически - повторяющимся явленіемъ. Отецъ, человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться и, наконецъ, оставляетъ имъ обезпеченное состояніе.

Что-же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губитъ ихъ умственныя способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными; такъ-что если сравнить жизнь отца, тяжкимъ, упорнымъ трудомъ нажившаго состояніе, и жизнь дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между тѣмъ бѣднякъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться—бился цѣлую жизнь, чтобъ разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастіе невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно?—были-бы деньги! Пусть де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и счастіе сами сыщутъ бѣдняка; а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, исходя отъ человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга, но собственною своею внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ. *Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастія.* Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелку, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, вырождаетъ сословія, лишаетъ нравственности и счастія многія тысячи людей.

Такое значеніе труда коренится въ его психической основѣ; но прежде чѣмъ выразить психологическій законъ труда, мы должны еще сказать, что разумѣемъ подъ словомъ трудъ, потому что значеніе этого слова извратилось услужливыми толкованіями свѣта, облекающаго этимъ серьезнымъ, честнымъ и почетнымъ именемъ иногда вовсе не свѣтлыя, не серьезныя, не честныя и не почетныя дѣйствія.

Трудъ, какъ мы его понимаемъ, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни.

„Всякое опредѣленіе опасно“ говорили римляне, и мы не признаемъ нашего неуклюжаго опредѣленія неуязвимымъ; но намъ хотѣлось отличить въ немъ разумный трудъ взрослаго человѣка, съ одной стороны, отъ работы животныхъ и работы негровъ изъ подъ палки; а съ другой, отъ забавъ малыхъ и взрослыхъ дѣтей. Машина и животное работаютъ; работаетъ и негръ, боящійся только плети надсмотрщика

и неожидающій для себя никакой пользы изъ своей работы: несвободный трудъ не только не возвышаетъ нравственно человѣка, но низводитъ его на степень животнаго. Трудъ только и можетъ быть свободнымъ, если человѣкъ самъ принимается за него по сознанію его необходимости; трудъ же, вынужденный на пользу другому, разрушаетъ человѣческую личность того, кто трудится или, вѣрнѣе сказать, работаетъ.

Не трудится и капиталистъ, придумывающій только какъ-бы прожить доходъ съ своего капитала. Купецъ, надувающій покупателя; чиновникъ, набивающій карманъ чужими деньгами; шуллеръ, въ нотѣ лица поддѣлывающій карты,— плутуютъ. Богачъ, сбивающійся съ ногъ, чтобы задать балъ на удивленіе, пересѣсть своего пріятеля, стащить соблазняющую его бирюльку — играетъ, но не трудится, и его дѣятельность, какъ-бы она тяжела для него ни была, нельзя назвать трудомъ точно такъ же, какъ и игру дѣтей въ куклы, въ бирюльки, въ солдатики. Скряга, работающій изъ всѣхъ силъ, чтобы набить свой сундукъ блестящими кружечками — безумствуетъ, но также не трудится. Есть и такіе господа, которые, не имѣя уже рѣшительно никакого дѣла въ жизни, придумываютъ себѣ занятіе ради душевнаго и тѣлеснаго моціона: точатъ, играютъ въ бильярдъ или просто бѣгаютъ по улицамъ, чтобы доканать пышный завтракъ и возвратить аппетитъ къ обѣду. Трудъ— не игра и не забава; онъ всегда серьезенъ и тяжелъ; только полное сознаніе необходимости достичь той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить человѣка взять на себя ту тяжесть, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда.

Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому что другаго труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. *Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ.* Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему-бы то ни было, у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково губительныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается для дѣтскихъ прихотей или грубыхъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ за-живо; *потому-что трудъ, личный, свободный трудъ и есть жизнь.*

Что физическій трудъ необходимъ для развитія и поддержанія въ тѣлѣ человѣка физическихъ силъ, здоровья и физическихъ способностей, этого доказывать нѣтъ надобности. Но необходимость умственнаго труда для развитія силъ и здороваго, нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла не всѣми сознается ясно. Многіе, напротивъ, думаютъ, что умственный трудъ вредно дѣйствуетъ на организмъ,—что совершенно несправедливо. Конечно, чрезмѣрный умственный трудъ вреденъ; но и чрезмѣрный физическій трудъ дѣйствуетъ также разрушительно на организмъ. Однакоже можно доказать множествомъ примѣровъ, что бездѣйствіе душевныхъ способностей и при физическомъ трудѣ оказываетъ вредное вліяніе на тѣло человѣка. Это неоднократно было замѣчено на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ работники являются дополненіями машины, такъ-что занятіе ихъ не требуетъ почти никакого усилія мысли. Да это и не можетъ быть иначе, потому-что тѣлесный организмъ человѣка приспособленъ не только для тѣлесной, но и для духовной жизни. Всякій-же умственный трудъ, наоборотъ, приводя въ дѣйствіе нервную систему, дѣйствуетъ благотворно на обращеніе крови и пищевареніе.

Люди, привыкшіе къ трудовой кабинетной жизни, чувствуютъ возбужденіе аппетита скорѣе послѣ умѣреннаго

умственнаго труда, чѣмъ послѣ прогулки. Конечно, умственный трудъ не можетъ развить мускуловъ; но дѣятельность и особенная живость нервной системы замѣняетъ этотъ недостатокъ. И если умственная дѣятельность не избавляетъ совершенно отъ необходимости движенія, то значительно уменьшаетъ эту необходимость. Человѣкъ безъ умственныхъ занятій гораздо сильнѣе чувствуетъ вредъ сидячей жизни. Это въ особенности замѣтно на тѣхъ ремесленникахъ, ремесла которыхъ, не требуя значительныхъ физическихъ усилій, требуютъ сидячей жизни и весьма мало умственной дѣятельности. Смотря на блѣдныя, восковыя лица портныхъ, невольно желаешь всеобщаго введенія швейной машины.

Сильное развитіе нервной системы умственнымъ трудомъ даетъ необыкновенную живучесть тѣлу человѣка. Между учеными въ особенности встрѣчается много людей, доживающихъ до глубокой старости, и люди, привыкшіе къ умственнымъ трудамъ, выносятъ перемѣну климатовъ, дурной воздухъ, недостатокъ пищи, отсутствіе движенія не хуже, а часто и лучше людей, у которыхъ сильно развиты мускулы, но слабо и вяло дѣйствуютъ нервы. Причины этого надобно искать въ томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ нервная система въ жизни остальныхъ системъ человѣческаго организма, и въ томъ участіи, которое принимаетъ она во всѣхъ его отправленіяхъ.

Конечно, всего полезнѣе было бы для здоровья человѣка, если бы физическій и умственный трудъ соединялись въ его дѣятельности; но полное равновѣсіе между ними едва-ли необходимо.

Человѣческая природа такъ гибка, что способна къ величайшему разнообразію образа жизни. Самый сильный перевѣсъ труда умственнаго надъ физическимъ, и наоборотъ, скоро переходитъ въ привычку и не вредитъ организму человѣка: только совершенныя крайности въ этомъ отношеніи являются гибельными. Но если для тѣла необходимъ личный трудъ; то для души онъ еще необходимѣе.

Кто не испыталъ живительнаго, освѣжающаго вліянія труда на чувства? Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглощавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди бодрѣе? Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча, бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда — тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей праздныхъ и романическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать. Читая какой-нибудь великосвѣтскій романъ, гдѣ бѣдная героиня, эфирное и совершенно праздное существо, томится неизъяснимой тоской, намъ всякій разъ кажется, что эта тоска исчезла бы сама собою, если бы героиня вынуждена была потрудиться. Романисты въ особенности любятъ такія праздныя существа именно потому, что здѣсь-то и выростаетъ весь тотъ бурьянъ страстей, прихотей, капризовъ, неизъяснимыхъ страданій, въ которомъ такъ привольно блуждать гуманному воображенію, невыносящему свѣта дѣйствительности.

Но человѣкъ скоро забываетъ, что труду былъ обязанъ минутами высокихъ наслажденій и неохотно покидаетъ ихъ для новаго труда. Онъ какъ будто не знаетъ неизмѣннаго психическаго закона, что наслажденія, если они не сопровождаются трудомъ, не только быстро теряютъ свою цѣну, но также быстро опустошаютъ сердце человѣка и отнимаютъ у него одно за однимъ всѣ его лучшія достоинства. Трудъ непріятенъ намъ, какъ узда, накинутая на наше сердце, стремящееся къ вѣчному, невозмутимому счастью; но безъ этой узды сердце, предоставленное необузданности своихъ стремленій, сбивается съ дороги и, если оно норы высто и возвышенно, быстро достигаетъ бездонной пропасти, ничѣмъ неутолимой скуки и мрачной апатіи; — если же оно мелко, то будетъ погружаться день за днемъ, тихо и не замѣтно, въ тину мелкихъ, недостойныхъ человѣка, хлопотъ и животныхъ инстинктовъ.

Этотъ неизмѣнный законъ труда каждый легко можетъ испытать на самомъ себѣ въ той потребности мѣнять наслажденіе, которая оказывается весьма скоро послѣ того, какъ трудъ покидаетъ человѣка. Потребность этой мѣны

доказываетъ уже, что человѣкъ не способенъ только наслаждаться. Но это палліативное средство—удерживать въ сердцѣ наслажденіе—само быстро теряетъ свою силу. Чѣмъ больше человѣкъ мѣняетъ наслажденія, тѣмъ кратковременнѣе каждое изъ нихъ приноситъ ему удовольствіе. Мѣна неудержимо дѣлается все быстрѣе и наконецъ превращается въ какой-то вихрь, быстро опустошающій сердце. Если же человѣкъ по природѣ своей способенъ предаваться какому-нибудь одному наслажденію, то это наслажденіе дѣлаетъ его рабомъ своимъ и мало-помалу низводитъ на крайнюю ступень человѣческаго униженія. Напрасно человѣкъ старается ввести нѣкоторый порядокъ и мѣру въ свои наслажденія; не смотря на этотъ порядокъ, они быстро теряютъ свою цѣну и настойчиво требуютъ перемѣны, или одно изъ нихъ требуетъ усиленія и, не останавливаясь на одной ступени, увлекаетъ за собой человѣка въ бездну душевной и тѣлесной гибели. Такъ, напримѣръ, дѣйствуетъ привычка къ вину, къ опіуму, къ пустой свѣтской жизни, къ картамъ и проч.

Человѣкъ неудержимо увлекается этимъ вихремъ, пока онъ не выброситъ изъ сердца его послѣдней человѣческой идеи и послѣдняго человѣческаго чувства.

Этотъ психическій законъ, по которому наслажденія должны уравновѣшиваться трудомъ, прилагается къ наслажденіямъ всякаго рода, какъ бы они возвышенны и благородны не были. Возьмемъ, напримѣръ, наслажденіе искусствомъ: полнота и постоянство этого благороднаго наслажденія покупается также трудомъ. Только художникъ, посвятившій всю жизнь свою художническому труду, можетъ вполнѣ, постоянно и безопасно наслаждаться произведеніями художества. Но если онъ броситъ трудъ, если перестанетъ изучать законы художественнаго творчества, а станетъ только любоваться, то наслажденіе быстро начнетъ утрачивать для него свою силу и, наконецъ, совершенно исчезнетъ. Дѣлаясь развлеченіемъ отъ скуки, наслажденіе искусствами быстро перестаетъ быть наслажденіемъ, а скоро потомъ перестаетъ быть и развлеченіемъ. Страстные собиратели картинъ и статуй начинаютъ, можетъ быть, наслажденіемъ, но оканчиваютъ пустѣйшимъ тщеславіемъ, и дорогая картина, которая могла бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія и изученія для художника, дѣлается часто вредною для души богача, который ее купилъ. Поэзія, музыка, живопись, ваяніе могутъ быть или отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человѣка; когда же они дѣлаются предметомъ праздной прихоти, тогда не только теряютъ *всю* свою развивающую силу, но дѣйствуютъ отрицательно на нравственное и умственное совершенство.

Но пойдемъ еще выше, до самой высокой ступени человѣческихъ наслажденій. Удовлетвореніе благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго сердца, подвиги великодушія, патріотизма, любви къ человѣчеству совершаются не для наслажденій и дарятъ человѣка только мгновеннымъ счастіемъ, которое блеснетъ, какъ искра, и исчезнетъ. Если же человѣкъ захочетъ взять болѣе обильную дань и съ своего благороднаго подвига, остановить эту чарующую искру, то она не только немедленно начнетъ тускнѣть, но, потухнувъ, наполнитъ сердце его смрадомъ тщеславія и самымъ пошлымъ самодовольствіемъ. Если же, вопреки этому, человѣкъ все будетъ усиливаться остановить потухающее наслажденіе, то выйдетъ еще хуже: онъ можетъ остановиться на постоянномъ созерцаніи своихъ мнимыхъ или даже истинныхъ добродѣтелей и сдѣлаться самымъ несноснымъ, самымъ безполезнымъ существомъ и безвозвратно погибнуть нравственно.

Но возьмемъ самое спокойное, самое продолжительное изъ наслажденій, наслажденіе семейнымъ счастіемъ, и мы также увидимъ, что безъ труда и оно невозможно.

Вотъ два молодыя существа, которымъ судьба дала все, кромѣ необходимости трудиться и возможности сыскать трудъ жизни. Оба они хороши собой, богаты, молоды, добры и умны; оба страстно любятъ другъ друга и страстно желаютъ принадлежать другъ

другу. Наконецъ, желаніе ихъ исполняется. Они счастливы; но долго-ли продолжается такое счастіе? Увы, очень недолго! Скоро притупляется чувство сильной любви, и въ промежутки наслажденій незамѣтно начинаетъ закрадываться скука.

Жена создана Богомъ помощницей мужу; но въ чемъ же она будетъ помогать ему, если онъ и самъ ничего не дѣлаетъ? Такимъ образомъ главное назначеніе жены не можетъ быть выполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-помалу исчезаетъ и самое значеніе брака. Чувство любви притупляется: какъ ни тормошатъ его супруги, оно продолжаетъ откликаться все слабѣе и слабѣе, и наконецъ совсѣмъ умолкаетъ; а сердце все не перестаетъ требовать счастья, наслажденій, каждую минуту и во всю долгую жизнь человѣка. Тогда оба супруга начинаютъ посматривать по сторонамъ, искать наслажденій внѣ домашней жизни, и вихрь свѣта быстро уноситъ ихъ въ разныя стороны. Появляются дѣти; но за дѣтьми есть кому присмотрѣть и безъ матеря: есть для этого бонны, гувернантки и гувернеры. А отцу что дѣлать съ дѣтьми? Поласкать, когда прійдутъ, прогнать, когда надоѣдятъ — вотъ и все. Сердце же между тѣмъ все не перестаетъ требовать жизни и счастья, каждую минуту, долгіе дни, мѣсяцы и годы! Оба супруга, не находя счастья другъ въ другѣ, ищутъ его по сторонамъ; она—на балахъ, въ нарядахъ, въ романахъ; онъ—въ клубахъ, въ пирушкахъ, въ картахъ, рысакахъ; еще одинъ шагъ, и святость брака разрушена, тотъ розовый вѣнокъ, котораго они такъ добивались, разорванъ, брошенъ, затоптанъ въ грязь и позабытъ навсегда.

Такова судьба всѣхъ браковъ по страсти у людей, которымъ нечего дѣлать. Взгляните черезъ пять, шесть лѣтъ на такихъ супруговъ и вы даже не подумаете, что сильное чувство любви когда-то соединяло ихъ: ни признака какого-нибудь чувства! Въ простой крестьянской семьѣ, гдѣ мужъ выбиралъ въ женѣ только работницу, а она искала въ немъ кормильца и хозяина, вы найдете часто гораздо болѣе и чувства, и истинной супружеской привязанности. Они трудятся вмѣстѣ: ровно, дружно, какъ двѣ дышловыя лошади, подымаютъ они тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, и всѣ ссоры и разсчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно возникающею необходимостью обоюднаго труда.

Ихъ соединяетъ трудъ, и онъ-то свято поддерживаетъ слабую искру взаимнаго сочувствія и проводитъ ее безопасно черезъ всѣ ссоры и даже пороки и преступленія, которыя могутъ быть сдѣланы супругами другъ противъ друга,—проводитъ отъ алтаря до гробовой доски: такъ полно глубокаго смысла то выраженіе Библіи, гдѣ Господь назначаетъ жену помощницею мужу; такъ оправдывается оно ежедневно передъ нашими глазами, и мы, если не хотимъ быть слѣпыми, то убѣдимся, что безъ труда, дѣльнаго, серьезнаго труда, семейное счастіе есть не что иное, какъ романическая химера.

Но этого мало: если мужъ трудится, чтобы добыть средства къ жизни, а жена только пользуется плодами его трудовъ, не раздѣляя самаго труда, то и тогда семейное счастье невозможно. Женщина, какъ кумиръ, вѣчно отдыхающая отъ лѣни на ложѣ изъ розъ, самое нелѣпое созданіе романистовъ. Такое понятіе о женщинѣ, весьма распространенное въ модномъ свѣтѣ, оскорбительно и для женщины, и для мужчины. Перебирая, такимъ образомъ, всѣ пріятныя ощущенія, которыя только дано испытывать человѣку на землѣ, мы видимъ много наслажденій и нигдѣ не находимъ счастья, потому что именемъ счастья человѣкъ упорно называетъ идеалъ ничѣмъ невозмутимаго и безконечнаго блаженства, которое бы не унижало, но возвышало его человѣческое достоинство. Такого счастья нѣтъ на землѣ.

Наслажденія, какъ бы ихъ много ни было собрано въ одну жизнь, еще не счастье. Это только мишурная пыль съ крыльевъ того неуловимаго призрака, за которымъ упорно гонятся люди.

Трудъ есть единственно-доступное человѣку на землѣ и единственно-достойное его счастье. Наслажденія порхаютъ вокругъ свѣточа труда, какъ золотые мотыльки, привлекаемые свѣтомъ и,

чѣмъ ярче горитъ трудъ, тѣмъ больше ихъ толпится; но потушите его, и эти золотые мотыльки превратятся въ хищныхъ птицъ, которыя мигомъ расхватаютъ всѣ сокровища сердца и оставятъ его на жертву пустотѣ и отчаянію. Что же это такое, спроситъ читатель: къ чему ведетъ эта рѣчь? Не проповѣдь-ли это на азбучную истину, *что праздность есть мать всѣхъ пороковъ?* Но развѣ это азбучная истина, которую въ первый разъ высказалъ какой нибудь греческій мудрецъ, глубоко вдумавшійся въ жизнь человѣка, не превратилась для насъ въ пустую, непонятную фразу? Изъ чего же видно, что эта азбучная фраза, надоѣвшая намъ на прописяхъ, понята нами, какъ глубокая и вѣчная, къ каждому изъ насъ приложимая истина? Не показываемъ-ли мы во всѣхъ нашихъ желаніяхъ, что эта истина не проникла до нашего сердца, что мы не вѣримъ тому, что она истина?

Много-ли можно встрѣтить между нами такихъ людей, которые не смотрѣли-бы на богатство, какъ на завидную привиллегію ничего не дѣлать, а на трудъ, какъ на тяжелую и даже унизительную принадлежность бѣдности? Кто не желаетъ обезпечить возможность праздности для себя, или, по крайней-мѣрѣ, для дѣтей своихъ? Самое образованіе дѣтей не ставитъ-ли большинство ниже ихъ независимаго состоянія? Мало-ли такихъ людей, которые смотрятъ на образованіе только какъ на средство добывать деньги и многіе ли видятъ въ немъ средство отыскать трудъ—не забаву, не украшеніе, а дѣльный трудъ?

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его *не для счастья*, а приготовлять къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни. Но таково-ли воспитаніе въ настоящее время?

Много ли найдется матерей, которыя-бы не заботились устроить праздную жизнь для дочерей своихъ? Мало-ли есть такихъ, которыя готовы купить для своихъ любимыхъ дочерей право праздности, продавъ ихъ молодость, красоту и горячее сердце человѣку, о которомъ знаютъ, что онъ не можетъ внушить никакой любви?

„Есть недугъ его-же видѣхъ подъ солнцемъ“, говоритъ Экклезіастъ; „богатство хранимо отъ стяжателя во злоему“. Не много надобно наблюдательности, чтобы убѣдиться, что этотъ недугъ существуетъ и подъ солнцемъ XIX столѣтія. Противъ этого-то недуга, какъ въ частномъ воспитаніи, такъ и въ воспитаніи цѣлаго народа, должно бороться.

Чѣмъ большія богатства ожидаютъ человѣка, тѣмъ болѣе онъ долженъ приготовиться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ къ тому, чтобы выдержать свое богатство.

Взгляните на крестьянина въ сѣрыхъ лохмотьяхъ, грязной рукой отирающаго потъ съ своего утомленнаго лица: давно уже носитъ онъ подъ дождемъ тяжелую соху и съ самаго ранняго утра топчетъ своими лаптями измокшее поле; онъ промокъ до костей, горячій потъ на лицѣ его смѣшивается съ холодными каплями осенняго дождя, руки его опадаютъ отъ усталости; онъ черенъ, угрюмъ, лицо его изрыто морщинами, которыя скорѣе похожи на борозды, проводимыя по полю его тяжелой сохой, чѣмъ на легкія черточки времени; весь онъ запачканъ грязью и облитъ потомъ. Но всмотритесь въ его физіономію, въ его усталые, задумчивые глаза, и вы найдете въ нихъ выраженіе человѣческаго достоинства, котораго напрасно стали-бы искать на бѣломъ, гладкомъ, румяномъ, какъ крымское яблоко, и, лоснящемся какъ атласъ, лицѣ сидѣльца въ енотовой шубѣ, похаживающаго около своей лавки.

Но какъ ни бѣденъ крестьянинъ, одною сохою выбивающій себѣ насущный кусокъ хлѣба, какъ ни тяжелъ трудъ его и какъ ни скудно вознагражденіе, но когда послѣ долгаго рабочаго дня онъ возвращается домой, то трудъ, какъ закатывающееся солнышко трудоваго лѣтняго дня, облекаетъ пур-

пуромъ и золотомъ самые скудные, самые грубые предметы, встрѣчающіе его дома. Не многосложна и духовная жизнь крестьянина; но она все-же есть, и въ ней много истинно-человѣческаго достоинства: онъ любитъ семью; въ воскресный день радостно затеплинаетъ свѣчу передъ образомъ, и встрѣчая нищаго, ломаетъ пополамъ свою краюху хлѣба или вытаскиваетъ изъ-за голенища свой грязный кошелекъ, гдѣ лежатъ три мѣдныя копѣйки, добытыя тяжелымъ трудомъ.

Но вамъ кажется, что бѣднякъ стоитъ лучшей участи? Бросьте же ему горсть золота, которая бы разомъ избавила его отъ необходимости свободнаго труда и полюбуйтесь превращеніемъ.

Видите ли вы этого расплывшагося негодяя?

Его сальное и безсмысленное лицо, маленькіе заплывшіе глаза, исполненные хитрости, наглости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низкаго раболѣпства передъ вашей высокой особой, напоминаютъ вамъ и вашего приказчика, и цѣловальника въ красной рубахѣ, и знакомаго вамъ содержателя постоялаго двора, и купца — милліонера, котораго вы помните еще за прилавкомъ литейнаго дома, а можетъ быть, и кого-нибудь изъ вашихъ друзей. Это тотъ-же самый крестьянинъ; онъ похитрѣлъ и въ то же время поглупѣлъ, сдѣлался жаденъ и жестокъ, обираетъ и обкрадываетъ народъ и отъ всей души презираетъ своего бывшаго собрата. Онъ сильно сколачиваетъ копѣйку, хотя уже много серебряныхъ рублей лежитъ въ его окованномъ сундукѣ, на которомъ онъ примостилъ себѣ перину и дрыхнетъ въ ожиданіи удара. Онъ весь предался тому сорочьему инстинкту, который медицина должна была бы причислить къ самому неизлѣчимому роду сумасшествія. Прощай, человѣкъ! остался толстый мѣшокъ, наполненный жиромъ и имѣющій одно свойство — всасывать деньги.

Кто наблюдалъ надъ жизнью простаго народа, тотъ знаетъ, какъ неизбѣженъ такой законъ превращенія и какъ быстро звѣрство одолѣваетъ крестьянина, избавленнаго отъ необходимости личнаго физическаго труда и незнакомаго съ трудами умственной жизни. Могучая природа его тѣла, взлелѣянная на русской печи и русскомъ морозѣ, продолжаетъ вырабатывать все новыя и новыя силы, которыя, за неимѣніемъ расхода на трудъ, обращаются въ жиръ, потопляющій и глаза его, и сердце, и мозгъ.

Можетъ быть, и другаго рода превращеніе, которое, по нашему мнѣнію, ни чѣмъ не хуже перваго: внезапно разбогатѣвшій крестьянинъ, если его натура пошире и сердце поблагороднѣе, можетъ вовсе бросить трудъ и, что называется, закутить. Быстро исчезнетъ съ него тогда человѣческій обликъ: обрюзглая, восинѣвшая физіономія, и мутные глаза выразятъ въ тѣлесныхъ формахъ неутомимую тоску его души.

Эти два превращенія, которыя въ такихъ рѣзкихъ формахъ высказываются въ простомъ быту, идутъ и выше — гораздо выше! Формы мѣняются, но смыслъ остается тотъ же.

Богатство ростетъ безвредно для человѣка тогда только, когда вмѣстѣ съ богатствомъ ростутъ и духовныя потребности человѣка, когда и матеріальная и духовная сфера разомъ и дружно расширяются передъ нимъ. Большая разница въ томъ, понадобится ли разбогатѣвшему крестьянину книга, рояль, картина, или тонкое сукно и тонкое вино; захочетъ ли онъ дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ; будетъ ли побуждать его къ новому труду желаніе расширить сферу своей общественной дѣятельности или желаніе затащить еще тысячу въ свой сундукъ. Вотъ почему, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ заботами политической экономіи добывать бархатъ, тончайшія сукна и золотыя кисеи, должны идти заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи народа, о его христіанскомъ образованіи, иначе всѣ эти кисеи и бархаты не увеличатъ массы счастья, а напротивъ, уменьшатъ его. Но для чего же вся эта промышленная сумятица, если не для счастья? Не для того же, конечно, чтобы доставить политико-эконому и статистику удовольствіе считать число фабрикъ и тюки товаровъ. Роскошь, которая въ послѣднее время такъ бы-

стро начала распространяться между всѣми сословіями, и которой такъ радуются иные статистики, политико-экономы и фабриканты, также быстро можетъ съѣдать нравственность и счастье людей.

Роскошь развиваетъ фабрики, фабрики развиваютъ роскошь; капиталистъ сколачиваетъ новые капиталы; не капиталистъ бьется изо всѣхъ силъ и лѣзетъ въ долги чтобы не отстать въ роскоши отъ капиталиста; человѣкъ вертится на своемъ бархатномъ креслѣ, придумывая какъ бы добыть бархатныя драпря; потребность большихъ и большихъ капиталовъ для всякаго самостоятельнаго производства увеличивается; число самостоятельныхъ производствъ уменьшается, одна громадная фабрика поглощаетъ тысячи маленькихъ и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ поденщиковъ; одинъ глупѣетъ отъ жиру, другой дичаетъ отъ нищеты; одного губитъ богатство, другаго крайняя бѣдность превращаетъ въ машину; тотъ и другой приближаются къ состоянію животному; а новыя потребности, создаваемыя ежеминутно промышленностью, увеличиваютъ число недовольныхъ жизнью. Такимъ путемъ идетъ экономическое развитіе общества, *не опирающееся на духовномъ и нравственномъ развитіи его содержанія и формы.*

Такъ начерталъ Господь законъ свободнаго труда и во внѣшней природѣ, и въ самомъ человѣкѣ, въ его тѣлѣ, сердцѣ и умѣ. Высылая человѣка на трудъ, Творецъ сдѣлалъ трудъ необходимымъ условіемъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, и самое счастье и достоинство человѣка поставилъ въ неизбѣжную зависимость отъ личнаго труда.

К. Ушинскій.

ОРАТОРСКАЯ РѢЧЬ.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

Слово при отпѣваніи историка С. М. Соловьева.

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКИМЪ МИТРОПОЛИТОМЪ МАКАРІЕМЪ.

Подражатели мнѣ бывайте. 1 Кор. 11. 1.

Россія лишилась одного изъ доблестнѣйшихъ сыновъ своихъ. Первопрестольная столица—одного изъ разумнѣйшихъ и честнѣйшихъ своихъ гражданъ. Наука отечественная — одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ представителей и подвижниковъ. Старѣйшій Университетъ русскій лишился того, кто столько времени былъ лучшимъ его украшеніемъ и славой. Потеря великая и, можетъ—быть, надолго невознаградимая! Но... у этого гроба не мѣсто скорби и сѣтованію, а мѣсто духовному назиданію.

Мы лишились его, нашего дорогаго соотечественника, но не вполнѣ лишились. Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ; но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своею душой, воспарившею въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ времени онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили бы въ продолженіе даже столѣтней жизни. И какъ совершилъ?

Передъ нами его гигантскій трудъ,

его многотомная *Исторія Россіи*, окруженная множествомъ другихъ однородныхъ, хоть и меньшихъ, его трудовъ. О чемъ же говорятъ они намъ? Говорятъ, прежде всего, о его необыкновенномъ талантѣ, о необыкновенныхъ способностяхъ души, которыми надѣлилъ его Богъ и которыя почившій самъ развилъ, укрѣпилъ, усовершенствовалъ до послѣдней степени собственными усиліями. Говорятъ о его необыкновенномъ трудолюбіи, безъ котораго невозможно было бы воздвигнуть такого колоссальнаго ученo-литературнаго памятника: вся жизнь почившаго была непрерывнымъ, неустаннымъ, подвижническимъ трудомъ, и не проходило года, когда бы онъ не дарилъ насъ то однимъ, то даже нѣсколькими своими произведеніями. Говорятъ о его необыкновенной любви къ наукѣ и вмѣстѣ къ родинѣ: только пламенная, ничѣмъ неугасимая любовь къ наукѣ, которую онъ избралъ своею спеціальностію, могла воодушевлять въ его напряженномъ, изумительномъ трудѣ, продолжавшемся цѣлые десятки лѣтъ; только святая любовь къ отечеству могла возгрѣвать и поддерживать въ немъ то мужество, терпѣніе, самоотверженіе, съ какими проводилъ онъ дни и ночи надъ древними хартіями, чтобы подробно изучить минувшую судьбу роднаго края, достойно изобразить ее для своихъ соотечественниковъ и тѣмъ способствовать къ болѣе полному и всестороннему раскрытію самосознанія въ русскомъ народѣ. Говорятъ намъ, наконецъ, ученые труды почившаго нашего собрата о его теплой и искренней приверженности къ нашей святой спасительной вѣрѣ, которую онъ умѣлъ сочетать въ себѣ съ самымъ высокимъ умомъ, съ самымъ обширнымъ образованіемъ, и уберегъ непоколебимою посреди всѣхъ тлетворныхъ вліяній современнаго невѣрія.

„Братіе! У гроба такого соотечественника не стыдно намъ поучиться, какъ служить своему отечеству. Даруй намъ, Господи, такъ же и столько же потрудиться на пользу роднаго края, какъ и сколько потрудился почившій собратъ нашъ, и такъ же горячо любить свое званіе и призваніе въ обществѣ, какъ любилъ онъ свое призваніе и свою науку. Даруй намъ, Господи, отличаться такою же твердою и несокрушимою любовію къ отечеству, какою отличался почившій, и такъ же неизмѣнно сохранять и сохранить до конца жизни, какъ сохранилъ онъ, живую вѣру въ Бога и во Христа Спасителя, которая служитъ первымъ условіемъ для нашего счастія, и вѣчнаго, и временнаго, и частнаго, и общественнаго. Аминь“.

Рѣчь при погребеніи генералъ-адъютанта М. Д. Скобелева, 28 іюня, 1882 года.

Много возникаетъ въ умѣ вопросовъ и недоумѣній по поводу преждевременной и неожиданной кончины нашего знаменитаго героя, Михаила Дмитріевича Скобелева. Не былъ ли онъ еще такъ молодъ и полонъ силъ? Не были ли такъ нужны для отечества его дарованія? Не покоились ли на немъ такъ много надеждъ, не сопутствовали ли ему всюду наши благожеланія? Не былъ ли онъ видимо хранимъ Провидѣніемъ для будущаго, оставаясь невреднимъ среди тысячи опасностей и смертей? Зачѣмъ же и почему же все это такъ внезапно пало и рушилось?

Но, при возникновеніи подобныхъ вопросовъ, на уста всѣхъ благоговѣющихъ передъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Провидѣнія налагаетъ печать молчанія извѣстная притча Христа Спасителя: «вы знаете, говоритъ Господь, что если бы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ придетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ бы подкопать домъ свой. Будьте же и вы готовы; ибо въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ Человѣческій» (Лук. 12, 39, 40). И вотъ домъ подкопанъ, — драгоцѣнная жизнь похищена. Великая утрата такъ внезапна, нравственное потрясеніе такъ сильно, что не знаешь, что сказать, при всемъ желаніи почтить благодарнымъ словомъ дорогую память почившаго.

Какъ изъ глазъ матери, склонившейся надъ гробомъ юнаго сына, вперившей взоръ въ его милыя черты и отыскивающей въ потускнѣвшемъ лицѣ прежнихъ выраженій жизни, красоты, любви, незамѣтно для нея самой ручьями текутъ слезы, застилая и закрывая передъ нею туманомъ самый предметъ ея печальнаго созерцанія: такъ каждый изъ насъ теперь, предъ безжизненными останками нашего народнаго любимца, напрасно сталъ бы усиливаться возстановить для себя и другихъ въ цѣлости и полнотѣ его мужественный, свѣтлый, вдохновляющій, нравственный обликъ, какой при его жизни съ его именемъ возникалъ всегда въ нашемъ воображеніи. Все застилаютъ неудержимыя слезы: горько, жалко; отечество хоронитъ милаго сына: всѣ мы оплакиваемъ близкаго, роднаго по духу человѣка. Плачь о немъ русское воинство: онъ былъ твоею честью и украшеніемъ; плачьте крестьяне и крестьянки: онъ былъ отцомъ дѣтей вашихъ, этихъ дивныхъ нашихъ рядовыхъ воиновъ, съ которыми по-братски онъ дѣлилъ труды и лишенія; плачь Русскій народъ: въ немъ бился пульсъ твоей жизни, онъ былъ чуткимъ истолкователемъ твоего призванія, носителемъ твоихъ идеаловъ, ревнителемъ твоей чести и славы.

Предоставимъ времени раскрыть событія жизни, особенности талантовъ, тайны военныхъ успѣховъ, черты личной доблести и характера, убѣжденія, думы и помыслы этого замѣчательнаго русскаго человѣка, такъ рано похищеннаго смертію. Въ этомъ не оставятъ, конечно, удовлетворить нашимъ справедливымъ желаніямъ безпристрастные и опытные цѣнители военныхъ дарованій и успѣховъ, боевые товарищи почившаго и друзья его, предъ которыми онъ открывалъ свою душу и ея завѣтныя стремленія. Но намъ желательно бы понять тайну той рѣдкой общеизвѣстности и той любви народной, которыя въ такіе молодые годы жизни успѣлъ пріобрѣсть почившій и которыя составляютъ высшую награду и утѣшеніе для всякаго общественнаго дѣятеля.

Намъ кажется, что тайна эта заключалась, главнымъ образомъ, не въ талантахъ его и побѣдахъ, не въ личныхъ свойствахъ его характера, а въ его полной, всецѣлой, безграничной любви къ отечеству и къ Государю, которыхъ никогда не раздѣляетъ въ своемъ сознаніи истинно русскій человѣкъ. У него не было другой любви и привязанности, кромѣ любви къ отечеству; не было личныхъ интересовъ: его занимали только нужды отечества. О немъ онъ думалъ непрестанно; съ мыслію о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ. У него не было другихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о предстоящей отечеству будущности, объ угрожающихъ ему опасностяхъ и о способахъ предупрежденія ихъ. Онъ любилъ отечество съ ревностью; его оскорбляло все, что казалось ему въ сужденіяхъ другихъ непониманіемъ истиннаго блага отечества, или холодностью и равнодушіемъ къ судьбѣ его. Любовь къ отечеству была пламенемъ въ его сердцѣ, пожиравшимъ его самого. Она была источникомъ и той беззавѣтной храбрости и безтрепетнаго мужества предъ лицомъ смерти, которыя сдѣлали его въ памяти народа героемъ легендарнымъ. Онъ вездѣ носилъ жизнь на своихъ рукахъ, какъ готовую жертву, ожидая случая съ радостью и благоговѣніемъ возложить ее на алтарь любви къ отечеству. Любовь къ отечеству дѣлала его неутомимымъ въ трудахъ, нечувствительнымъ къ лишеніямъ, неудержимымъ въ рѣчахъ. Ни въ пылу битвъ, ни въ борьбѣ партій, ни въ раздраженіи враговъ, онъ не видѣлъ, не признавалъ опасностей: онъ несся выше всего въ своемъ неудержимомъ стремленіи жить, дѣйствовать, жертвовать для блага, величія и славы отечества.

Но любовь къ отечеству есть сила живая, свѣтящая, согрѣвающая. Она сообщаетъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ чистоту и возвышенность, словамъ искренность и правду, мыслямъ опредѣленность, намѣреніямъ крѣпость, отдаленнымъ планамъ и предположеніемъ близость и удобоисполнимость,— и на все кладетъ печать одной ей свойственной красоты и привлекательности. И народъ—не предубѣжденный, прямодушный, — сердцемъ понимаетъ эти возвышенныя качества дѣлъ изъ любви

къ нему исходящихъ, и по чувству взаимности влечется къ человѣку, объемлющему его своею любовью. И самъ этотъ человѣкъ становится для него олицетвореніемъ любви и совершенства и врѣзывается навсегда въ его воображеніи, увѣковѣчивается въ его памяти, и имя его переходитъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ.

Этого великаго счастія достигъ Михаилъ Дмитріевичъ въ немногіе годы своей непродолжительной жизни. Мы видѣли, какія массы народа наполняли улицу передъ домомъ, гдѣ лежало тѣло въ первое время послѣ его смерти; на всѣхъ лицахъ были написаны скорбь и отчаяніе; народъ, казалось, хотѣлъ бы вырвать его изъ самыхъ челюстей смерти. Это — любовь за любовь. Но не забудьте, что это любовь народа христіанскаго, Православнаго. На слѣдующее утро мы видимъ иное ея проявленіе: ко всѣмъ алтарямъ Московскихъ Церквей принесены предъ литургіей во множествѣ просфоры и поминанія: „о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Михаила". И это пойдетъ изъ рода въ родъ. Что можетъ быть прекраснѣе и утѣшительнѣе этого выраженія любви народной?

Да будетъ, Господи, эта народная молитва очистительною жертвой за грѣхи почившаго! Ради любви его къ нашему Православному отечеству, ради любви къ нему народа Твоего, ради слезъ нашихъ и сердечной молитвы нашей о немъ, паче же ради Твоей безконечной любви, благоволительно пріемлющей чистую любовь человѣческую во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ,—буди къ нему милостивъ на судѣ Твоемъ праведномъ!

Амвросій *).

*) Бывшій викарій Московскій, теперь епископъ Харьковскій.

Слово

по случаю празднованія двухсотлѣтія со времени основанія храма Покрова Пресвятыя Богородицы.

(при Измайловской военной богадѣльнѣ, 1-го октября 1879 года).

О Православной вѣрѣ, какъ главнѣйшей нравственной силѣ русскаго воина.

Мы сегодня празднуемъ двухсотлѣтній юбилей этого святаго храма. Кромѣ внутренняго, духовнаго своего значенія, этотъ величественный храмъ есть драгоцѣнный для насъ историческій памятникъ. Онъ основанъ, какъ извѣстно, Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ въ память рожденія Преобразователя Россіи, перваго ея Императора, Петра Великаго, освященъ 1 октября 1679 года, въ присутствіи Царя Ѳеодора Алексѣевича, однимъ изъ послѣднихъ нашихъ патріарховъ—Іоакимомъ. Въ настоящее время онъ служитъ мѣстомъ молитвъ и источникомъ духовныхъ утѣшеній для отслужившихъ героевъ нашихъ, воиновъ, здѣсь призрѣваемыхъ. Какъ соотвѣтствуетъ это его назначеніе первоначальной мысли о построеніи его и первымъ годамъ его существованія! Не Петромъ ли созданы наши новыя военныя силы? Не здѣсь ли, въ Измайловѣ и въ сосѣднемъ Преображенскомъ, въ виду этого храма, отрокъ Петръ обучалъ свои дѣтскіе полки новому военному строю? Съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, пока стоялъ этотъ храмъ, какія великія событія совершились въ нашемъ отечествѣ! На какое необозримое пространство раздвинуты его предѣлы, сколько великихъ войнъ выдержано, сколько славныхъ подвиговъ совершено войсками нашими! И съ того времени доселѣ наши воины всегда одинаковы: въ великихъ войнахъ Петра, Екатерины, Александра I, Николая и въ послѣднюю Восточную войну — вездѣ они герои, беззавѣтно храбрые, мужественные, неустрашимые, терпѣливые, великодушные и человѣколюбивые. На нихъ зиждется и ими охраняется могущество и слава нашего отечества.

На юбилеѣ храма, основаннаго въ память рожденія Великаго Императора — воина, въ виду стоящихъ здѣсь воиновъ — предводителей и отслужив-

шихъ ветерановъ, я увлекаюсь мыслію о воинахъ, которые въ послѣдніе годы особенно стали близки нашему сердцу по своимъ изумительнымъ подвигамъ. Да будетъ мнѣ позволено исключительно имъ посвятить мое слово.

По смыслу праздника, теперь естественно намъ желать сохраненія этого храма еще на многія столѣтія; но не свойственно ли еще болѣе желать сохраненія на вѣки вѣчные въ нашихъ несравненныхъ воинахъ тѣхъ высокихъ качествъ, которыя составляютъ силу и славу нашего отечества, которыми они изумляютъ весь міръ? И если одно изъ условій сохраненія древнихъ зданій есть защищеніе ихъ отъ вывѣтриванія и перемѣнъ воздушныхъ: то и средствомъ сохраненія вѣковыхъ доблестей нашихъ воиновъ не должно ли быть защищеніе ихъ отъ перемѣнъ, наносимыхъ разрушительнымъ духомъ нашего времени?....

Что же особенно должно быть сохраняемо въ нашихъ воинахъ? То, что составляетъ главную основу ихъ высокихъ качествъ. А что составляетъ эту основу? Не ошибемся, если скажемъ: *вѣра Православная.*

Святая вѣра наша своимъ ученіемъ прежде всего устанавливаетъ въ нашихъ воинахъ истинный взглядъ на войну. Они не смотрятъ на нее, какъ на случайное событіе, а какъ на дѣло великое и страшное, которое не можетъ быть начато безъ особенной воли Божіей и не можетъ быть окончено такъ или иначе безъ водительства Божественнаго Промысла. Наши воины вѣруютъ, что если безъ воли Божіей и воробей не упадетъ съ вѣтки дерева, то тѣмъ болѣе безъ этой Вседержащей воли не могутъ быть поля и горы обливаемы кровію и устилаемы костями человѣческими. Они вѣруютъ, что *сердце царево въ рукѣ Божіей*, что и самыя кажущіяся ошибки властителей въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ война, не могутъ быть безъ Божія попущенія, испытующаго народы и наказующаго грѣхи человѣческіе. Потому, когда Государь объявляетъ войну, не смущаются, не разслабляютъ ихъ духа противорѣчивыя мнѣнія, недоумѣнія, колебанія; они единомысленно и единодушно, какъ одинъ человѣкъ, идутъ по данному указанію. И когда Святая Церковь, помолившись вмѣстѣ съ ними, преподастъ имъ свое напутственное благословеніе, они, подчиняясь велѣніямъ власти земной и небесной, вступаютъ въ великій подвигъ войны съ яснымъ сознаніемъ лежащаго на нихъ святаго долга. Оттого ихъ не нужно возбуждать къ подвигу искусными рѣчами, а довольно указать, какъ и гдѣ они должны исполнить свою обязанность. Они чувствуютъ себя орудіями въ рукахъ Божіихъ: вѣруютъ, что Богъ ихъ предводитель, хранитель и помощникъ. Оттого они не боятся, когда слышатъ, что нѣсколько народовъ идетъ противъ нашего Царя, не считаютъ враговъ, противъ которыхъ ведутъ ихъ. Умереть надо, а Богъ силенъ дать и побѣду: вотъ ихъ убѣжденіе, ведущее къ побѣдамъ. Оттого они послѣ неудачнаго сраженія не теряютъ бодрости, не упадаютъ духомъ; они переносятъ несчастіе со смиреніемъ, какъ посланное Богомъ. Оттого послѣ побѣды первое ихъ движеніе — благодареніе Богу. Оттого они не тщеславны, не мстительны, не злопамятны, не оскорбляютъ побѣжденнаго врага, не обижаютъ безоружнаго; они съ раненымъ или плѣннымъ врагомъ раздѣляютъ послѣдній сухарь, послѣдній глотокъ воды. Они исполнили свой долгъ и счастливы внутренно, а потому благодушны и человѣколюбивы. Да, только вѣра и Божія благодать могутъ воспитывать въ воинахъ такія свойства!

Православная вѣра сообщаетъ нашему воину особый, возвышенный взглядъ на его отечество. Дорога ему его родина не по привязанности только къ ней, какъ къ мѣсту рожденія и жительства, но и по священнымъ предметамъ его вѣры и благоговѣнія. Православная Церковь своими святынями, храмами, праздниками, богослуженіями, обрядами, такъ многосторонне объемлетъ нашу жизнь, такъ осязательно вводитъ насъ въ чистую область духа, такъ проникаетъ насъ благодатными ощущеніями общенія съ Богомъ, что при разставаніи съ родиной сердце русскаго человѣка вдвойнѣ страдаетъ, отрываясь отъ предметовъ человѣческой и духовной привязанности. Извѣстно, что всякій истинно русскій че-

ловѣкъ на чужой сторонѣ считаетъ время по своимъ праздникамъ и тоскуетъ безъ храмовъ Божіихъ. И нашъ воинъ въ чужой землѣ, выходя изъ лагерной палатки, творитъ на себѣ крестное знаменіе, обращаясь мысленно ко святымъ храмамъ и золотымъ крестамъ, сіяющимъ на свѣтломъ горизонтѣ его родины. Поэтому онъ идетъ сражаться не только за свою любимую, великую, славную Россію, но и за Церковь Божію; онъ чувствуетъ на себѣ обязанность службы не только Царю и Отечеству, но и Богу. Онъ жертвуетъ своею жизнію за все, что есть для человѣка на землѣ дорогаго, великаго и святаго. Здѣсь источникъ его несокрушимаго мужества и безграничнаго самоотверженія!

Отсюда происходитъ и особенный взглядъ нашего воина на свою судьбу. Онъ живо чувствуетъ, что, разставаясь съ отечествомъ, не прерываетъ съ нимъ своей внутренней связи, своего духовнаго общенія. Онъ знаетъ, что на родинѣ не только вспоминаютъ о немъ, но и молятся за него, и не родные только, но и сограждане, и вся Церковь. Его объемлетъ незнающая границъ и разстояній духовная христіанская любовь, сильная силой Вездѣсущаго Бога; онъ чувствуетъ себя духовно въ лонѣ Церкви, въ объятіяхъ матери. Онъ знаетъ, что въ случаѣ его смерти и о душѣ его помолится Церковь, что Господь проститъ ему грѣхи его, и онъ умираетъ, перекрестясь, съ несомнѣнною надеждой вѣчнаго успокоенія.... Вотъ почему въ пылу битвы наши воины такъ безстрашно смотрятъ въ лицо смерти!

Удивляются иностранцы терпѣливости, умѣренности, выносливости нашего воина. Объясняютъ эти качества простотой жизни нашего народа, суровостію воспитанія нашихъ поселянъ. Безспорно, все это имѣетъ значеніе въ перенесеніи трудностей военной жизни; но русскому воину на нашей памяти и еще такъ недавно приходилось выносить лишенія, превышающія силы человѣческія, и онъ выносилъ ихъ съ терпѣніемъ и безропотною покорностію. Для этого мало физической привычки къ лишеніямъ; для этого нужна сила духа, превозмогающая страданія, для этого нужны опоры, поддерживающія самый духъ человѣка, слѣдовательно опоры нравственныя. Ими нельзя запастись мгновенно въ минуты воодушевленія; здѣсь нуженъ также и навыкъ, поддерживающій духъ человѣка изо дня въ день, на цѣлые недѣли и мѣсяцы голода, жажды, мороза, или зноя. Здѣсь-то во всей силѣ обнаруживаются плоды уроковъ Церкви, тѣхъ уставовъ о бдѣніи, говѣніи, которыхъ мы въ слѣпотѣ нашей образованности такъ чуждаемся, тѣхъ постовъ, противъ которыхъ мы такъ возстаемъ. И здѣсь главное значеніе получаетъ не тѣлесное воздержаніе, а безропотное послушаніе правилу, долгу, пріобрѣтаемое съ дѣтства. Для нашего воина, по духовному его настроенію, и подвигъ войны имѣетъ значеніе труда Богоугоднаго, спасительнаго, на который послало его отечество и благословила Церковь. Потому онъ и не волнуется, когда нѣтъ того или другаго; потому онъ и въ лишеніяхъ умираетъ съ тѣмъ же покорнымъ и неропщущимъ духомъ, какъ и среди ужасовъ битвы. Для нашего Православнаго воина съ дѣтства слышанныя имъ дома слова: „нельзя, грѣшно“, и слова, слышимыя на войнѣ: „нѣтъ, взять негдѣ“, равносильны, и имѣютъ одинаковое нравственное значеніе. Они завершаются общимъ глубокимъ убѣжденіемъ: „знать, такъ Богу угодно“. Вотъ гдѣ источникъ его терпѣнія!

Подъ сѣнію древняго храма, одного изъ свидѣтелей молитвъ и духовныхъ подвиговъ нашихъ предковъ, помолимся, какъ молился нѣкогда Самъ Спаситель нашъ за Симона—Петра, *да не оскудѣетъ вѣра наша* среди всѣхъ искушеній и гибельныхъ вліяній нашего времени. Во главѣ всѣхъ нашихъ уставовъ и программъ для народнаго образованія, такъ сказать, на дверяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ, гражданскихъ и военныхъ заведеній, напишемъ крупными буквами эту непререкаемую истину: *„до тѣхъ поръ будетъ велико и славно наше отечество и непобѣдимы наши арміи, пока крѣпка въ насъ вѣра Православная, и мы сами послушны руководству Церкви.* Аминь.

Амвросій.

Поученіе передъ св. причастіемъ.

Св. Пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгорала. Онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе; но вдругъ услышалъ голосъ изъ купины, къ нему говорящій: *Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо: изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3. 4—5)

Слушатели благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно было явленіе чудное и страшное: ибо горѣла и не сгорала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ Не столь-же ли чудна и страшна Св. чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой Св. чашѣ, подъ видомъ хлѣба, преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой Св. чашѣ, огонь Божественный—чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и ожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся къ Св. чашѣ не приближайся сѣмо; изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу. Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, чего ты не могъ или не хотѣлъ, а долженъ-бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай.

Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи.

Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ Іисусъ Христосъ; на тебя теперь смотритъ твой Ангелъ хранитель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ-бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ: я хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинъ. *Вѣрую Господи*, только помози моему невѣрію —вѣрую, яко *Ты воистину Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти: еще вѣрую*, и еще молю Тебя, помози моему невѣрію, —*еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя*. Не даю тебѣ лобзанія Іудина: нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй мя и сподоби неосужденно причаститься пречистыхъ Твоихъ таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей Св. чашѣ чистъ отъ грѣховъ: онъ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится пречистыхъ таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Дай Господи такъ причаститься всѣмъ намъ, не только нынѣ, но и всегда. Аминь.

Родіонъ Путятинъ.

Слово

въ день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Маріинской церкви Императорскаго вдовьяго дома, декабря 6 дня 1844 г.

Блаженни милостивіи: яко тіи помилованы будутъ. Матѳ. V. 7.

Мысль о милосердіи естественно представляется душѣ тамъ, гдѣ она осуществлена въ дѣлѣ, и является даже взору.

Царское милосердіе воздвигло и наполнило сей пространный домъ, и поддерживаетъ его въ благоустройствѣ. Царское милосердіе, вмѣстѣ съ благочестіемъ, создало сей храмъ, и постоянно даетъ ему средства сохранять свой чинъ и благолѣпіе, подобающее святынѣ. Царское милосердіе взыскало сихъ вдовицъ, призрѣло, успокоило; и не довольствуясь непрерывными дѣлами милосердія надъ ними, производитъ, такъ сказать, второе поколѣніе дѣлъ милосердія чрезъ нихъ, образуя избираемыхъ изъ среды ихъ, и употребляя для человѣколюбиваго и благочестиваго попеченія о болящихъ.

При сихъ видахъ какое сердце не умягчится? Кто не благословитъ, во-первыхъ, вѣнценоснаго милосердія, и потомъ всякаго милосердія? Кто не пожелаетъ милосердымъ всякаго блага?

Будемъ же довольны! Милосердымъ обѣщается не только благо, но и блаженство. Истина непреложная обѣщаетъ сіе. *Блажени милостивіи*, глаголетъ Господь.

Найдя такимъ образомъ утѣшеніе въ изреченіи, которое произнесено для наставленія, не оставимъ онаго безъ употребленія и въ отношеніи къ наставленію.

Какъ пріятно Небесный Учитель преподаетъ начатки Своего ученія! Не стѣсняетъ свободы ученика строгимъ повелѣніемъ. Не устрашаетъ угрозами. Не ведетъ темными стезями умствованія. Указуетъ то, чего всѣ ищутъ, — блаженство; потомъ указуетъ путь къ блаженству—въ добродѣтели милосердія; и представляетъ тебѣ самому рѣшить, что тебѣ дѣлать. Неужели ты не пожелаешь блажененства? А если желаешь блаженства: то неужели откажешься вступить на путь блаженства, посредствомъ добродѣтели милосердія? Если бы остановило тебя недоумѣніе, какимъ образомъ сей путь можетъ привести тебя къ сей цѣли, какое можетъ быть отношеніе между милосердіемъ твоимъ къ другому, и между блаженствомъ твоимъ собственнымъ: разрѣшеніе сего недоумѣнія уже приготовилъ Небесный Учитель, дополнивъ Свое изреченіе: *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.*

Отъ кого помилованіе обѣщаетъ Господь милостивымъ? Отъ человѣковъ-ли? — Случается, что сдѣлавшій дѣло милосердія для другаго, самъ встрѣчаетъ нужду въ милосердіи другаго, и вѣрное въ правдѣ и милости Провидѣніе Божіе награждаетъ милосердіе человѣческое другимъ человѣческимъ же милосердіемъ. Но сего недовольно, чтобы сдѣлать милостиваго блаженнымъ. Сіе послѣднее можетъ сдѣлать только Божіе милосердіе: и точно, милосердіе Божіе для сего нужно.

Если человѣка разсматривать, какъ тварь: что значитъ онъ внѣ Божія сотворенія и храненія? — Ничто. Какъ его ничтожество не имѣетъ никакого права на бытіе, такъ и его бытіе не имѣетъ никакого права на блаженство. Только по благости Божіей человѣкъ существуетъ; только по милосердію Божію онъ можетъ быть блаженъ.

Если же сверхъ сего принять въ разсужденіе, что нынѣшній человѣкъ есть сынъ Адама, согрѣшившаго, повиннаго, осужденнаго; что всѣ мы раждаемся во грѣхахъ, и что, по слову праведнаго Іова, *никто же чистъ отъ скверны* грѣха *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV. 4. 5.), то нельзя не заключить, что не только мы не имѣемъ права на блаженство, но что вѣчное Правосудіе имѣетъ на насъ право къ наказанію; и слѣдственно, чтобы открыть намъ путь къ блаженству, для сего нужно не просто милосердіе, которое милуетъ и ущедряетъ ничтожныхъ и неимущихъ, но именно *помилованіе*, которое щадитъ виновныхъ.

Человѣкъ, никогда не безгрѣшный, и, если ты не ожесточенъ и не безчувственъ, всегда больше или меньше уязвляемый печалію грѣха! Утѣшься. Тебѣ предлагается помилованіе. Грѣшникъ, никогда не блаженный! Возрадуйся. Тебѣ предлагается блаженство. Возьмись за руководительную нить, которая должна привести тебя къ помилованію и къ блаженству. Сія руководительная нить есть милосердіе. *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.*

Позволишь ли себѣ еще недоумѣвать, какимъ образомъ къ твоему помилованію или освобожденію отъ грѣха можетъ послужить твое милосердіе къ другому?

Познай себя нѣсколько глубже. Свойство грѣха есть уклонять душу отъ Бога, какъ истиннаго всеобщаго средоточія и полноты, образовать для нея ложное средоточіе въ ея самости, заключать ее во тьмѣ чувственности, въ грубости вещества, и все влещи къ ней посредствомъ самолюбія, самочестія, своекорыстія, самоугодія и самоуслажденія. Въ семъ положеніи душа не пріемлетъ свѣта милующей благодати, подобно какъ свѣта солнечнаго не пріемлетъ заключенная отвсюду храмина. Если отворишь дверь или окно, хотя бы то было не ради солнца, а по другой причинѣ, ты откроешь тѣмъ не менѣе входъ солнечному свѣту. Такъ если движеніемъ, противоположнымъ самолюбію, самочестію, своекорыстію, самоугодію, самоуслажденію, снисхожденіемъ къ уничиженному, состраданіемъ къ бѣдствующему, желаніемъ утѣшить его и помочь ему, отверзешь свою душу: то хотя ты отверзаешь ее человѣку, тѣмъ не менѣе она отверзается непримѣтно и для Бога, источника любви и милосердія. Свѣтъ милующей благодати входитъ и помилованіе начинается.

Впрочемъ, кто можетъ достаточно изъяснить дѣйствіе милующей благодати Божіей, которая, какъ все Божіе, непостижима? И нужно ли сего требовать? Когда милосердый Заимодавецъ обѣщаетъ тебѣ простить тьму талантовъ долга, съ условіемъ, чтобы ты простилъ своему должнику сто пѣнязей, или дать нѣсколько пѣнязей не одолжившему тебя: надобно ли останавливаться и розыскивать, для чего нужно сіе условіе? Не благоразумнѣе ли поспѣшить оказать малую милость, чтобы воспользоваться милостію великою? Когда врачъ даетъ тебѣ цѣлебное предписаніе,—надобно ли тебѣ входить въ тонкое изслѣдованіе способа, какимъ дѣйствовать будетъ врачество? Сіе изслѣдованіе, по всему вѣроятію, не удовлетворило бы тебя, и остановило бы врачеваніе. Исполни съ довѣріемъ предписаніе знающаго, и получишь здравіе, и силу врачества опытно узнаешь. Господь и Судія неба и земли обѣщаетъ тебѣ Свою великую милость съ условіемъ твоей малой милости ближнему: не испытуй таинъ Его милосердія; поспѣшай, и вѣрно твори дѣла возможной тебѣ малой милости, и уповай на Его милость великую. Врачъ небесный даетъ тебѣ не трудное врачебное предписаніе, не кровь избыточествующую или неправильно движимую изъ тѣла твоего источить хощетъ, но избытокъ твоего внѣшняго достоянія, тлѣющій безъ движенія, или въ суетномъ употребленіи погибающій, хощетъ привести въ полезное движеніе, обратить чрезъ тебя въ пользу другихъ членовъ единаго человѣчества, и тѣмъ уврачевать твою душу, чтобы она не болѣла грѣхомъ, чтобы она не была жестка, темна, мертва безъ любви, потому *что не любяй брата пребываетъ въ смерти* (1. Іоан. III. 14.). Здѣсь ли недоумѣвать? Здѣсь ли останавливаться? Здѣсь ли откладывать? Поспѣшай, пока есть время милости или милованія, пока не настало время неумытнаго суда; буди милостивъ; твори дѣла человѣколюбія, какія можешь: и помилованъ будешь, и блаженъ будешь. *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ.* Аминь.

Филаретъ.

Слово

по освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Преподобнаго Михея, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ 27 день сентября 1842 года.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, хотя

впрочемъ и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что вся судьба ея въ продолженіе нѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то прости мнѣ, великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ Богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то-есть Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и его мощахъ, въ его лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истерть ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно ростетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Или это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія?—О, если бы мы достойны были, болѣе очищеннымъ окомъ ума, созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! — Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно, пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта: тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской волны невдалекѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе должно намъ преднаписывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножительства, и постоянно на него взирать, и съ нимъ сообразовать житіе наше.

И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ

начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *И рѣхъ: кто дастъ ми крыль, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.* (Псал. LIV. 7—9).

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришелецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту; но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ, и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія внѣшнія такъ, и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ, первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крыль, яко голубинѣ; и полещу, и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла: такъ жизнь, сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто: дѣло недостойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ: дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ, и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? — *Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. XIX. 5).

Посему, кто желаетъ пустынножительствовать, или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя, и со благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ, какъ начать сіе дѣло съ искреннимъ, духовнымъ и Божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *кто дастъ ми крыль, яко голубинѣ; и полещу, и почію?* И когда чистое и горящее желаніе дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню, или въ обитель отшельничествующихъ: онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы они имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе, — изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустынножителя, или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если бы не было нужды удаляться отъ міра, то не для чего было бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ ли и въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва ли достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *недостоинъ всь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. XI. 38)? Не обиталъ ли самъ Господь во градѣ, такъ же какъ и въ пустынѣ, и не далъ ли граду Іерусалиму Своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ Свою скинію? Не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ, и покланяться Ему духомъ и истиною? — *На всякомъ мѣстѣ владычества Его: благослови душе моя Господа* (Псал. CII. 22).

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе, всюду и всегда благословлять Господа, не успѣшно повторяю я къ душѣ моей отъ того, что міръ въ то же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или

утомленная противоборствомъ, жаждетъ приближиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служитъ Ему безъ развлеченія?—Въ семъ случаѣ не остается инаго, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ (Евр. XIII. 4).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: не любите міра, ни яже въ мірѣ (1 Іоан. II. 15).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудность въ чемъ либо, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ Египетскихъ; и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ, или даже повелѣвать, нежели покоряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приближиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители, усвояетъ, что не благословлено, или болѣе, нежели что благословлено: послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для вышнихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ ли пророческаго ученика Гіезія, который, восхотѣвъ тайно и неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу.

Кто, вшедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ присным, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный ею Содомъ, и, какъ говоритъ Премудрый, *стоитъ столбъ слана невѣрныя души память* (Прем. Сол. X. 7).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ бы довольно страшенъ, если бы столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается ли даже, что удалившіеся отъ міра съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣчаютъ для нея новыя трудности, и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! Едва ли не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ Начальникъ нашего спасенія, и совершеннѣйшій для насъ образъ—онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда Геѳсиманскаго?

Но если такъ, то для чего же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ?—Отвѣтствую: для того же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню:

ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли бы въ мерзостяхъ язычества; и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того-же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединіе Гевсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ, непобѣжденнаго дотолѣ, врага душъ нашихъ, а въ Гевсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего, и крѣпкую о нашемъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣйства* (Евр. V. 7). Такъ и для насъ, если и трудна и не безопасна пустыня: то все же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаиваться, но, каково бы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога, спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ, или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія: *упованіе не посрамитъ* (Рим. V. 5.), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сіе значитъ? Не то ли, что послику ея основатель, и его сподвижники, *чаяли Бога спасающаго*: то чаяніе ихъ оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго? Внимайте себѣ и званію вашему, и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца Небеснаго. Воскриляйте себя благочестивымъ желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню,—то есть, въ духовную область *Царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21).

Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ, упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу, и почію?* Могу ли сказать себѣ,—или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ?* Когда облегчуся отъ бремянъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како, иным проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX. 27.)? О, дающій иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кожоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай Самъ, и храни всѣхъ насъ подъ криламн Твоея благости, и, стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

Филаретъ.

Слово въ великій пятокъ.

Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей Слова? нѣтъ болѣе Слова.

Слово собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе и убѣдительнѣе *сказать человѣкомъ пути живота* (Псал. 15. 11), Слово сіе оставило небеса и облеклося плотію; но человѣки не восхотѣли внимать Слову, растерзали плоть Его, *и се взятъ отъ земли животъ Его.* (Исаіи 53. 8)! Кто-же теперь дастъ намъ слово жизни и спасенія?

Поспѣшимъ исповѣдать тайну Слова, которая долженствуетъ обезоружить гонителей Его и которая возвращаетъ Его душамъ, готовымъ принять Оное. Слово Божіе не связуется смертію. Какъ устное слово человѣческое не совсѣмъ умираетъ въ ту минуту, когда перестаетъ звукъ его, но паче воспріемлетъ тогда новую силу и, прошедъ чрезъ чувство, вселяется въ умахъ и сердцахъ слышавшихъ: такъ Ипостасное Слово Божіе, Сынъ Божій, въ Своемъ спасительномъ вочеловѣченіи умирая плотію, въ то же время *исполняетъ всяческая* (Ефес. 4. 10.) Своимъ духомъ и силою. Посему-то, когда Іисусъ Христосъ изнемогаетъ и умолкаетъ на крестѣ, тогда и небо и земля даютъ Ему гласъ свой, и умершіе проповѣдуютъ воскресеніе Распятаго, и самое каменіе вопіетъ о Немъ. *И померче солнце, и завѣса церковная раздрася, и земля потрясеся, и каменіе распадеся, и тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа.* Лук. 23. 45; Матѳ. 27. 51 и 52.

Христіане! Воплощенное Слово умолкаетъ токмо для того, чтобы сильнѣе и дѣйственнѣе глаголать къ намъ; сокрывается для того, чтобы внутреннѣе *вселиться въ насъ* (Іоанна. 1. 14); умираетъ, чтобы даровать намъ Свое наслѣдіе. Будучи собраны церковію бесѣдовать съ умершимъ Іисусомъ, слышите *живое слово* (Евр. 4. 12) умершаго, слышите данное отъ Него вамъ завѣщаніе: *Азъ завѣщаю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (Лук. 22. 29).

Но дабы неблаговременныя мечтанія о величіи сего наслѣдія не уклонили взоровъ нашихъ отъ преднаписаннаго предъ нами въ сіи великіе дни распятаго Іисуса, примѣтимъ тщательнѣе, христіане, что первые наслѣдники Его не обрѣли по Его кончинѣ инаго сокровища, кромѣ древа креста, на которомъ Онъ пострадалъ и умеръ, и сей токмо крестъ, въ подражательныхъ образахъ, преподали всѣмъ желающимъ участвовать въ наслѣдіи царствія. Что сіе значитъ? То, что какъ Христу *подобаше пострадати*, дабы потомъ внити въ славу (Лук. 24. 26), которую *имѣлъ Онъ у Отца*, такъ христіанину *многими скорбьми подобаетъ внити въ царствіе* (Дѣян. 14. 22), которое завѣщалъ ему Христосъ; что какъ крестъ Христовъ есть дверь царствія для всѣхъ, такъ крестъ христіанъ есть ключъ царствія для каждаго сына царствія. Вотъ сокращеніе великаго *слова крестнаго* (1. Кор. 1. 18), толь необъятнаго уму, толь удобопріятнаго вѣрѣ, толь сильнаго Богомъ. Принесемъ оное, какъ каплю мура, ко гробу Слова животворящаго!

Прежде нежели вочеловѣчившійся Сынъ Божій воспріялъ и понесъ крестъ Свой, сей крестъ принадлежалъ человѣкамъ. Въ началѣ своемъ онъ былъ сдѣланъ *изъ древа познанія добра и зла*. Первый человѣкъ думалъ испытать только плодъ его; но едва прикоснулся, какъ вся тяжесть запрещеннаго древа, со всѣми вѣтвями его и отраслями, обрушилась на хребетъ нарушителя Господней заповѣди. Тьма, скорбь, ужасъ, труды, болѣзни, смерть, нищета, уничтоженіе, вражда всей природы, словомъ: всѣ разрушительныя силы, какъ-бы исторгшись изъ роковаго древа, ополчились на него, и низринулся-бы сынъ гнѣва навѣки во адъ, если-бы Милосердіе, по предвѣчному совѣту, не простерло къ нему руки Своей и не удержало его въ паденіи. Сынъ Божій пренесъ на Себѣ бремя, его подавляющее, усвоилъ Себѣ крестъ его и предоставилъ ему токмо придержаться сего креста, безъ сомнѣнія не для того, чтобы онъ вспомоществовалъ Всемогущему въ ношеніи бремени, но дабы самъ, и съ малымъ оставшимся ему крестомъ собственнымъ, носимъ былъ силою креста великаго, подобно какъ ладія влечется движеніемъ корабля. Такъ крестъ гнѣва преображается въ крестъ любви; крестъ, заграждавшій рай, становится лѣстницею къ небесамъ; крестъ, рожденный отъ страшнаго *древа познанія добра и зла*, чрезъ орошеніе Божественною кровію, перерождается *въ древо жизни*. Сынъ Божій пріемлетъ естество наше и *страданіями совершаетъ* въ Себѣ *начальника спасенія* нашего; *искушается по всячески* и *вспомоществуетъ искушаемымъ*; шествуетъ со крестомъ и *ведетъ въ славу* своихъ послѣдователей. (Евр. 2. 10—18; 4, 15).

Кто измѣритъ всемірный сей крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто извѣситъ его тяжесть? Кто исчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ каплей море, составляется? Не отъ Іерусалима токмо до Голгоѳы несенъ крестъ сей, съ помощію Симона Киринейскаго. Несенъ онъ и отъ Геѳсиманіи до Іерусалима, и до Геѳсиманіи отъ самаго Виѳлеема. Вся жизнь Іисуса была единый крестъ, и никто не прикасался къ бремени его, развѣ для отягченія онаго: *Единъ истоптахъ точило* ярости Божіей; *и отъ языкъ не бѣ мужа съ Нимъ* (Исаіи 43. 3.).

Божество соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное съ временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается.

Богочеловѣкъ, Котораго нисшествіе на землю прославляютъ небеса, является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.

Исчисляютъ Безначальному восемь дней новаго бытія—и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія. Господь храма *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ*, и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами* (Лук. 2. 22—24.) Тогда какъ Онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго и проходитъ сердце Его Матери. (Лук. 2. 34—35)

Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ царя іудейскаго, но сія малая слава воздвигаетъ на него злобу іудейскаго царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей.

Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣковъ*. Источникъ и податель благодати *пріемлетъ благодать* (Лук. 2. 52). Тридесять лѣтъ Владыко небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смертнымъ которыхъ удостоилъ нарещи Своими родителями.

Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія Своего въ торжественное служеніе спасенію рода человѣческаго!

Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками преклоняется подъ руку человѣка и пріемлетъ крещеніе: воистину *крещеніе*, слушатели, то есть погруженіе не столько въ водахъ сколько въ обиліи креста! Испытующій сердца и утробы Самъ поставляется въ *искушеніи*. Хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*. Тотъ, предъ Которымъ должно *преклоняться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ Себя поклоненія. (Матѳ. 4.).

Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ Себя человѣкамъ, но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ (Матѳ. 9. 3). Его дѣла беззаконными (Іоан 9. 16). Его чудеса Веельзевуловыми (Матѳ. 12. 24). Если Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу, Его называютъ нарушителемъ субботы; если обращаетъ заблудшихъ и пріемлетъ кающихся, Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ*. (Матѳ. 11. 19). Тамъ ищутъ уловить Его словомъ (Матѳ. 22. 15). Здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть (Лук. 4. 29); индѣ вземлютъ на Него каменіе (Іоан. 8. 59); нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити (Матѳ. 8. 20). Онъ воскрешаетъ умершаго: завистники совѣщаются умертвить Его Самого (Іоан. 11. 43. 44, 46, 53). Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его царемъ; всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ Своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти Своей; лучшіе изъ нихъ служатъ Ему соблазномъ, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе (Матѳ. 16. 23).

Почіешь-ли Ты, Божественный крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь-ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей? Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице твое свѣтомъ небеснымъ; да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго! Но не примѣчаете-ли вы, слушатели, какъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ на самый Ѳаворъ, и слово крестное не разлучается отъ слова прославленія? О чемъ тамо среди толикой славы бесѣдуютъ со Іисусомъ Моисей и Илія? Они бесѣдуютъ о Его крестѣ и смерти. *Глаголаста же исходъ Его* (Лук. 9. 31).

Долго носилъ Іисусъ крестъ Свой, какъ бы не чувствуя его тяжести; наконецъ *преданъ былъ* ему *аки льву, да сокрушитъ вся кости Его*. (Иса. 38. 13). Внидемъ за Нимъ съ Петромъ и сыны Зеведеовыми въ вертоградъ геѳсиманскій и проникнемъ бдящимъ окомъ во мракъ послѣдней нощи Его на землѣ. Ужъ Онъ не скрываетъ креста, сокрушившаго душу Его: *прискорбна есть душа* Моя даже до смерти. (Матѳ. 26. 38). И молитвенное бесѣдованіе съ единосущнымъ Отцомъ не облегчаетъ Его, но токмо удерживаетъ подъ тяжестію страданія: Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не яко же Азъ хощу, но яко же Ты. Матѳ. (26. 39).

Носящій всяческая глаголомъ силы Своея имѣетъ теперь нужду въ укрѣпленіи отъ ангела. (Лук. 2. 2. 43).

Можетъ быть, смертная скорбь Іисуса представляется нѣкоторымъ изъ насъ недостойною безстрастнаго. Да вѣдаютъ они, что сія скорбь не есть дѣйствіе нетерпѣнія человѣческаго, но Божескаго правосудія. Могъ-ли Агнецъ, *закланный отъ сложенія міра* (Апок. 13. 8), убѣгать Своего жертвенника? Тотъ, *Его же Отецъ святи и посла въ міръ* (Іоан. 10. 36), Тотъ, Который отъ вѣка пріялъ на Себя служеніе примиренія человѣковъ съ Богомъ, могъ-ли поколебаться въ дѣлѣ сего служенія единою мыслію о страданіи? Если Онъ могъ имѣть какую нетерпѣливость, то развѣ нетерпѣливость совершить наше спасеніе и облаженствовать насъ. *Крещеніемъ имамъ креститися*, говоритъ Онъ, *и како удержуся, дондеже скончаются?* (Лук. 12. 50). И такъ, если Онъ скорбитъ, то скорбитъ не собственною, но нашею скорбію; если мы видимъ *Его быти въ трудѣ и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи*, то Онъ *грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. 53. 3 и 4); чаша, которую подаетъ Ему Отецъ Его, есть чаша всѣхъ беззаконій, нами содѣянныхъ, и всѣхъ казней, намъ уготованныхъ, которая потопила-бы весь міръ, если-бы Онъ единъ не воспріялъ, удержалъ, изсушилъ ее. Она растворена, во первыхъ, преслушаніемъ Адама, потомъ *растлѣніемъ перваго міра*. (Быт. 6 12; 2. Пет. 2. 5), гордостію и нечестіемъ Вавилона, ожесточеніемъ и нераскаянностію Египта, измѣнами Іерусалима, *избившаго пророки и каменіемъ побившаго посланныя къ нему*, злостію синагоги, суевѣріями язычества, буйствомъ мудрецовъ и наконецъ (поелику Искупитель понесъ на Себѣ и будущіе грѣхи міра) соблазна въ самомъ христіанствѣ, раздѣленіями единаго стада единаго Пастыря, дерзновенными мудрованіями лжеучителей, оскудѣніемъ вѣры и любви въ царствѣ вѣры и любви, возрожденіемъ безбожія въ нѣдрахъ самаго благочестія. Присовокупимъ къ сему все то, что мы находимъ въ себѣ, и окрестъ себя достойнымъ отвращенія и гнѣва Божія, и также все, что стараемся сокрыть отъ своей совѣсти подъ ухищреннымъ наименованіемъ *слабостей:* легкомысліе и законопреступныя утѣхи и юности, закоснѣніе старости, забвеніе Промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, медленность въ исправленіи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность и бездѣйствіе, свойственныя владычеству роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія—всѣ сіи потоки беззаконія сливались для Іисуса въ единую чашу скорби и страданія; весь адъ устремился на сію небесную душу, — и дивно ли,

что она была смятенна, растерзана, *прискорбна даже до смерти?*

Наше слово изнемогаетъ, слушатели, чтобы провождать еще великаго Страдальца отъ Геѳсиманіи до Іерусалима и Галгоѳы, отъ внутренняго креста до внѣшняго. Но совершаемыя нынѣ церковію тайнодѣйствія уже предначертали вамъ сей путь и сей послѣдній крестъ. Онъ столь болѣзненъ, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжекъ, что земля потряслась подъ нимъ. Претерпѣть въ чистѣйшей непорочности всѣ мученія внутреннія и внѣшнія, тягчайшія и поносньйшія, и претерпѣть вмѣсто награды за содѣланныя благодѣянія; страдать Всесвятому отъ пребеззаконныхъ, Творцу отъ тварей; страдать за недостойныхъ, неблагодарныхъ, за самыхъ виновниковъ страданія; страдать для славы Божіей и быть оставлену Богомъ: какая неизмѣримая бездна страданій!

Боже нашъ! Боже нашъ! вскую оставилъ еси Возлюбленнаго Твоего? Ей, Господи! Ты оставилъ Его вмалѣ, дабы вовѣкъ не оставить насъ, Тебе оставившихъ. Отнынѣ Онъ *воцаряется, облекается въ лѣпоту, препоясуется силою и утверждаетъ вселенную, да не подвижится* (Псал. 92. 1). *Вознесенный отъ земли* крестомъ, Онъ простираетъ его на землю и *вся привлекаетъ къ Себѣ* на небо (Іоан. 12. 32).

Но сколь ни велика и божественна всепривлекающая сила Іисуса Христа, Онъ не иначе можетъ *влещи насъ въ слѣдъ Себѣ* (Пѣс. 1. 3), какъ чрезъ водруженіе креста Своего въ насъ и сопряженіе съ Его крестомъ креста нашего. *Иже хощетъ по мнѣ ити*, глаголетъ Онъ, *да возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ* (Лук. 9. 23). Ибо хотя завѣтною Своею кровію и крестомъ Своимъ совершилъ Онъ очищеніе отъ грѣховъ и отъ проклятія искупленіе всего міра и отверзъ намъ входъ во святая святыхъ; но поелику туда не входитъ ничто, кромѣ жреца и жертвы, то мы должны, яко жертву, предать себя въ руки сего великаго, *по чину Мелхиседекову*, священника; поелику клятва есть плодъ грѣха, грѣхъ же утверждается своимъ корнемъ въ свободной волѣ, то, для усвоенія себѣ очищенія и искупленія, правды и благословенія Христова, мы должны свободно предать волю свою крестному въ насъ дѣйствованію Христову. Для сего то тѣ, которые истинно постигли заключенную въ *словѣ крестномъ силу Божію*, столь часто и примѣромъ и словомъ поучаютъ насъ *сораспинатися Христу, распинатися міру распинать плоть со страстьми и похотьми, не жить себѣ самимъ, исполнять лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти нашей.* (Рим. 6. 6. — Гал. 6. 14; 5. 24.—Рим. 14 7.—Кол. 1. 24).

Чѣмъ неослабнѣе и терпѣливѣе мы носимъ бремя креста нашего, тѣмъ обильнѣе подаются намъ дары Божіи, пріобрѣтенные крестомъ Христовымъ; *якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ, тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше.* (2 Кор. 1. 5). Грѣшникъ, который отъ усильнаго ношенія креста своего, преходитъ наконецъ къ распятію себя на немъ, съ совершенною покорностію подвергаясь всѣмъ дѣйствіямъ очистительнаго правосудія предъ лицемъ распятаго Іисуса, вскорѣ услышитъ съ разбойникомъ радостный гласъ Его: *днесь со мною будеши въ раи.* Страданіе въ присутствіи Христа и по образу Его есть преддверіе рая.

Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова, такъ крестъ таинственный—печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жездъ отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько *пасущій и утѣшающій* (Псал. 2. 9; 24. 4), очистительный огнь вѣры, спутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія. Гдѣ воспитаны всѣ великіе ангелы, водители и хранители церкви —Іосифы Моисеи, Даніилы, Павлы? Въ училищѣ креста. Когда благословеннѣе вся церковь возрастала, процвѣтала, и приносила плодъ во святыню? Тогда, какъ вся нива Господня непрестанно раздираема была крестомъ и напояема кровію мучениковъ.

Кто суть тѣ, которые окружаютъ славный престолъ Агнца? вопросили Іоанна въ видѣніи. *Сіи облеченніи въ ризы бѣлыя кто суть и откуда пріидоша?* и когда онъ не могъ узнать ихъ въ божественной славѣ, то ему сказано, что то были запечатлѣнные крестомъ: *сіи суть, иже пріидоша отъ скорби великія* (Апок. 7. 13 и 14).

Кто-же суть тѣ, которые желаютъ *испразднить крестъ Христовъ* (1 Кор. 1. 17) и мнятъ *уразумѣть силу воскресенія Его, безъ сообщенія страстей Его* (Фил. 3. 10)? Если единъ Христосъ есть и *животъ* и *путь* (Іоан. 14. 6) къ животу, то какъ могутъ они достигнуть *живота* Христова, не шествуя *путемъ* Его? Могутъ-ли изнѣженные сіи члены быть въ союзѣ тѣла, которое *сочиняетъ* себѣ увѣнчанная терніемъ *Глава*. (Ефес. 4. 15 и 16)? Можно-ли членамъ быть въ покоѣ и безпечности, когда глава въ трудѣ, и въ язвѣ, и во озлобленіи; забываться въ шумныхъ радостяхъ, когда она объята болѣзнями смертными; упиваться изъ полной чаши мірскихъ удовольствій, когда она жаждетъ и вкушаетъ опетъ; превозносится, когда она преклоняется; не хотѣть ниже минуты поболѣть о собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, когда она за чуждыя страждетъ и умираетъ; жить міру и плоти, когда она предаетъ духъ свой Богу.

О человѣкъ, влекомый благодатію Господа твоего на небо, но погрязающій плотію въ мірѣ! виждь образъ твой въ человѣкѣ, погружающемся въ водахъ и противоборствующемъ потопленію: онъ непрестанно возобновляетъ въ членахъ своихъ образъ креста и такимъ образомъ превозмогаетъ враждебныя волны. Воззри на птицу, когда она желаетъ вознестися отъ земли: она простирается въ крестъ и возлетаетъ. Ищи и ты въ крестѣ средства изникнуть отъ міра и вознестися къ Богу.

Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть. Аминь.

Филаретъ.

СВѢТСКОЕ.

Историческое похвальное слово Екатеринѣ II.

(Вступленіе и раздѣленіе)

Сограждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ—и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы внимать словамъ моимъ, ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія—подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири—никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе ея правленія; и для тѣхъ была Она божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскимъ, вездѣ сіяла ея премудрость.

Счастливые ораторы, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ героевъ! или вы, которые даромъ краснорѣчія воскрешаете темные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажутъ, что вы унизили предметъ свой. Кому судить васъ строго? Но мнѣ должно изобразить Монархиню, которая своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую героиню нашего времени, и въ присутствіи тѣхъ, для которыхъ слава Ея была счастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцѣ; она еще и по смерти благотворитъ имъ! Черты мои должны казаться слабыми.... Но горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можетъ думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подъ ея ски-

петромъ! и я былъ счастливъ ея правленіемъ! и буду говорить о ней! Истина сильнѣе воображенія, чувство разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабаго таланта.

Зерцало вѣковъ, исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго Рока; зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего плѣняетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшаютъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ нѣкоторой угодной Провидѣнію цѣли; творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть исторія народовъ.

Сограждане! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Маратонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина. Они были *наши* — и любовь Всевышняго запечатлѣла ихъ Своею печатію! *Они* другъ другу, на величественномъ ѳеатрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку!... Такъ, Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ Безсмертнаго, и священная тѣнь его успокоилась въ поляхъ вѣчности; ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастія народа Россійскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ; такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ, и приготовить натуру къ теплому вѣянію зефировъ.

Чудесный Промыселъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальтъ Церстскаго Дома—кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей быть добродѣтельною супругою какого-нибудь счастливаго нѣмецкаго Князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при ея воспитаніи. Часто, среди славы ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (которымъ только великіе Монархи умѣютъ на тронѣ наслаждаться), она съ ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: „Меня воспитывали для семейственной жизни: „Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать“... Провидѣніе! такъ, конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно Сократу внимаютъ тайному генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра, и животворный

огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскрилялсь, паритъ орломъ подъ облаками!

Екатерина была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елизавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли счастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ ея проницательный взоръ открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ патріотовъ доходилъ до ея нѣжнаго слуха... Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства были предметомъ ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные авторы и философы, подобно благодѣтельнымъ геніямъ, ежедневно украшали разумъ ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ искала она правилъ мудрой политики, и часто, облокотясь священною рукою на безсмертныя страницы *Духа законовъ*, раскрывала въ умѣ своемъ идеи о народномъ счастіи, предчувствуя, что она Сама будетъ творцемъ онаго для обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, передъ собою юнаго Алкида, который, въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпріять геройскіе подвиги... Ахъ, подвигъ мудраго царя есть самый пріятнѣйшій въ мірѣ!

И Екатерина на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной Паллады!.. вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!... передъ нею священный ужасъ и геній Россіи!... Опираясь на Мужество, Богиня шествуетъ — и Слава, грѣмя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу ея вѣнокъ лавровый!..

Съ Екатериною возсѣли на престолъ кроткая мудрость, божественная любовь ко славѣ (источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неутомимая дѣятельность, знаніе человѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія, и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла во глубинѣ души своей, и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для исполненія. Сограждане! Екатерина безсмертна Своими *побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями:* взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы.

Карамзинъ.

Карамзинъ.

Увлекаемые неотразимой силой современныхъ интересовъ и быстро смѣняющихся впечатлѣній, мы невольно забываемъ прошлое и рѣдко къ нему возвращаемся. Но бываютъ минуты, когда тотъ или другой изъ прежнихъ дѣятелей нашихъ мощно привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, и мы открываемъ въ жизни его много отраднаго и поучительнаго. Поблѣднѣвшіе отъ времени образы встаютъ передъ нами во всей яркости своихъ первоначальныхъ красокъ; подъ волшебнымъ жезломъ исторіи воскресаютъ мертвые со

всею житейскою ихъ обстановкой; изъ мрака забвенія возникаютъ дѣла и событія, и мы съ удивленіемъ видимъ, что многое, еще и теперь желательное, уже совершилось въ минувшемъ или, по-крайней мѣрѣ, было также предметомъ желаній нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Таково, между прочимъ, значеніе нынѣшняго торжества *).

Въ исторіи русскаго образованія Карамзинъ есть лицо не только необыкновенное, но въ своемъ родѣ единственное. Онъ былъ первымъ у насъ писателемъ, который всю свою жизнь нераздѣльно посвятилъ литературѣ и ею одной создалъ себѣ независимое и блестящее положеніе. Онъ представляетъ разительный примѣръ великаго значенія характера въ дѣятельности писателя. Въ страстномъ Ломоносовѣ намъ понятно необоримое упорство стремленій; но въ кроткомъ Карамзинѣ насъ особенно поражаетъ энергія воли, съ какою онъ неуклонно и неутомимо идетъ къ одной, разъ избранной имъ цѣли. Такая сила характера объясняется только силой внутренняго призванія и таланта. На ихъ сознаніи основывалось то твердое убѣжденіе въ необходимости хранить свою независимость, которое заставляло Карамзина отвергать неоднократныя предложенія почетныхъ мѣстъ по ученой или государственной службѣ. Но къ идеѣ характера принадлежитъ также твердость правилъ и достоинство въ образѣ дѣйствій: всѣ, лично знавшіе исторіографа, согласны въ томъ, что какъ ни высоко стоялъ Карамзинъ-писатель, еще выше былъ Карамзинъ-человѣкъ. Русская критика послѣдняго десятилѣтія представила намъ одно очень неотрадное явленіе. Разбирая нашихъ прежнихъ писателей, она съ стоическою строгостію выискивала и выставляла ихъ человѣческія слабости, не обращая вниманія на духъ и нравы времени, которые могли служить имъ нѣкоторымъ извиненіемъ. Но та же критика не хотѣла останавливаться на ихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ: она такъ же сурово относилась къ Карамзину, какъ напримѣръ, къ Державину, хотя въ жизни перваго трудно отыскать тѣни, подобныя тѣмъ, въ которыхъ упрекаютъ послѣдняго. Тѣмъ многозначительнѣе и глубже было дѣйствіе, какое Карамзинъ производилъ на современниковъ: онъ не только усиливалъ въ нихъ любовь къ чтенію, не только распространялъ литературное и историческое образованіе; но также возбуждалъ въ массѣ читателей религіозное и нравственное чувство, утверждалъ въ нихъ благородный и честный образъ мыслей, воспламенялъ патріотизмъ. Поколѣніе, къ которому принадлежалъ Карамзинъ, такъ далеко отъ нашего, что многіе могутъ видѣть въ немъ явленіе, для насъ чуждое. Но если станемъ ближе всматриваться въ него, то найдемъ, что онъ, по своему образованію, по духу своей дѣятельности, даже по многимъ изъ своихъ взглядовъ и стремленій, принадлежалъ болѣе нашей эпохѣ, нежели своей. Самый первый шагъ его въ литературѣ, — усовершенствованіе письменной рѣчи, единогласно одобренное и принятое всѣмъ послѣдующимъ поколѣніемъ,—былъ шагомъ человѣка, идущаго впереди своихъ современниковъ. Такъ шелъ онъ и послѣ: чѣмъ глубже будемъ изучать Карамзина, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться въ томъ.

Сосредоточивъ свое авторство на исторіи, Карамзинъ продолжалъ однакожъ вести переписку съ разными лицами. Почти всѣ его письма теперь приведены уже въ извѣстность; они драгоцѣнны для насъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ вполнѣ отразился человѣкъ и писатель, которымъ могли бы справедливо гордиться первые по образованію европейскіе народы. Какъ любопытно слѣдить въ нихъ за нимъ, шагъ за шагомъ, въ его историческомъ трудѣ! Мы видимъ тутъ, какъ развивались его взгляды на разные періоды и характеры русской исторіи, какія впечатлѣнія онъ выносилъ изъ перваго знакомства съ источниками, какъ радовался онъ своимъ ученымъ находкамъ и открытіямъ! Видимъ, какъ онъ иногда, по человѣческой немощи, слабѣлъ, унывалъ въ своемъ необъятномъ трудѣ, и потомъ съ новою бодростью возвращался къ нему. Любопытно также видѣть, какъ много читалъ онъ актовъ

*) Рѣчь сказана въ день столѣтняго юбилея со дня рожденія Карамзина.

новой русской исторіи, которые доставлялись ему изъ архивовъ, и какъ онъ живо представлялъ себѣ, что могъ бы сдѣлать изъ нихъ, если бъ занялся ближайшими къ намъ временами. Посреди ученой дѣятельности онъ находилъ время и для чтенія замѣчательнѣйшихъ произведеній современной западно-европейской литературы, которыя частью самъ отыскивалъ, частью получалъ отъ обѣихъ императрицъ.

Рядомъ съ этою жизнію мысли и труда какъ богата была его сердечная жизнь! Онъ на дѣлѣ оправдывалъ то, что писалъ однажды къ Батюшкову: «Чувство выше разума: оно есть душа души — свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни». Съ неистощимою любовью и нѣжностью онъ, не смотря на непрерывныя умственныя занятія, удовлетворялъ потребности обмѣна мыслей не только съ своимъ семействомъ и близкими друзьями, но и съ отсутствовавшимъ другомъ своей молодости, Дмитріевымъ. Это самое чувство любви проникло всѣ его отношенія, съ одной стороны, къ собратьямъ его по литературѣ, съ другой—къ императорскому семейству. Какъ необычайно было это сближеніе между монархомъ и человѣкомъ, котораго вся жизнь сосредоточивалась въ кабинетѣ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова безкорыстнымъ жрецомъ науки! Иногда его самого поражала особенность этого явленія, и онъ писалъ въ 1821 году. «Сульба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю признательность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ». По характеру и духу образованія Александра I, насъ не можетъ удивлять взаимное сочувствіе этихъ двухъ историческихъ лицъ. Рожденіе обоихъ принадлежало почти къ одной и той же эпохѣ; они были воспитаны среди одинаковой въ сущности атмосферы идей и понятій. Первыя дѣйствія Александра, по вступленіи его на престолъ, воспламенили въ Карамзинѣ энтузіазмъ къ монарху, «юному лѣтами, но зрѣлому мудростью, который (какъ выражался «Вѣстникъ Европы») открывалъ необозримое поле для всѣхъ надеждъ добраго сердца». Карамзинъ съ полною искренностью заговорилъ въ своемъ журналѣ о его необыкновенной благости, замѣтилъ, что «не только Россія и Европа, но и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей». Александръ, съ своей стороны, конечно будучи еще великимъ княземъ, зналъ Карамзина по его сочиненіямъ и цѣнилъ его. Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Великой, 1802 г., будущій историкъ спрашиваетъ: „Унижается-ли монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высоты трона, становится на ряду съ людьми и, будучи любимцемъ судьбы, платитъ дань уваженія любимцамъ природы, отличнымъ дарованіями?“ Александръ сдѣлалъ болѣе и тѣмъ поставилъ себя, въ глазахъ потомства, неизмѣримо высоко: вѣчною благодарностью обязана русская литература и наука государю, который, приблизивъ къ престолу писателя, своею личною опорою оградилъ его отъ опасностей этого положенія и далъ ему возможность спокойно и успѣшно продолжать великій трудъ въ тишинѣ уединенія, не нуждаясь въ дворскихъ связяхъ и ненадежномъ покровительствѣ людей случайныхъ. Изъ писемъ историографа мы узнаемъ высокій характеръ этихъ необыкновенныхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ. Правдивость, отровенность, честность Карамзина во всемъ, что онъ говорилъ и писалъ Александру, равнялась только тому вниманію и великодушію, съ какимъ выслушивалъ его государь, тому безграничному благоволенію, какое онъ оказывалъ своему *искреннему* (такъ Александръ называлъ Карамзина)—не наградами, не отличіями, но знаками любви и уваженія человѣка къ человѣку. Александръ говорилъ Карамзину: „Въ нашихъ отношеніяхъ мнѣ особенно пріятно то, что ты ничего отъ меня не ожидаешь; я же знаю, что ты не будешь моимъ историкомъ“. Чувство историографа къ императору не было только благоговѣніемъ и благодарностью; это была глубокая, горячая, безкорыстная любовь; всякое сомнѣніе въ томъ исчезаетъ при чтеніи писемъ Карамзина къ Дмитріеву, которыя такъ

полны сердечныхъ выраженій преданности къ государю.

Ни разу Карамзинъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ для своихъ личныхъ выгодъ; но, не признавая за собою права на новыя благодѣянія государя, не позволяя себѣ даже просить его быть воспріемникомъ новорожденнаго сына, постоянно лелѣя завѣтную думу возвратиться въ Москву, онъ радовался, что могъ, живя въ Петербургѣ, дѣлать иногда добро другимъ. Случай къ тому доставляли ему, вообще, его обширныя связи и вѣсъ, которымъ онъ пользовался. Съ особенной готовностью оказывалъ онъ помощь писателямъ, искавшимъ его покровительства.

Всего возвышеннѣе является Карамзинъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ врагамъ. „Дѣлать зла“, говорилъ онъ, „не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ“. Къ главному изъ нихъ, Шишкову, онъ не питалъ никакой непріязни, находилъ въ немъ доброту и честность и благодушно сознавалъ пользу, какую извлекъ изъ его критики, въ искусствѣ писать. Съ гордымъ достоинствомъ онъ отзывался о низкихъ на него нападкахъ завистливой посредственности. Его неизмѣннымъ правиломъ съ самой молодости было не отвѣчать на критику; когда же Каченовскій нападалъ на него въ „Вѣстникѣ Европы“, а Дмитріевъ возбуждалъ его къ полемикѣ, онъ возразилъ ему въ одномъ письмѣ: „А ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики! Нѣтъ, я лѣнивъ... Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ; умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я какъ папа безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота“.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Карамзинъ слѣдовалъ самымъ строгимъ правиламъ чести и нравственности, не позволяя себѣ кривыхъ путей даже и въ добрѣ. Однимъ изъ господствующихъ состояній его души было то высокое страданіе любви, которое свойственно только душамъ избраннымъ: онъ живо принималъ къ сердцу все, что касалось не только близкихъ къ нему, но и постороннихъ. Его глубоко огорчало то, что, по его мнѣнію, не отвѣчало пользамъ Россіи: всякое общественное дѣло, котораго онъ не могъ одобрить, разстроивало его, мѣшало ему работать. „Ты знаешь, кажется“, говорилъ онъ Дмитріеву, „что я не очень золъ въ отношеніи къ своимъ личнымъ непріятелямъ; но общественныя злодѣйства, которыя можно назвать язвою государственною трогаютъ меня до глубины души“. Въ домашнемъ быту никогда не видали его гнѣвнымъ; когда случалось что-либо непріятное, онъ скорбѣлъ, страдалъ, но не сердился. Вообще, въ послѣдніе годы жизни Карамзинъ представляется намъ высокимъ христіаниномъ, мудрецомъ, достигшимъ полнаго мира съ собою, равнодушнымъ къ свѣту и суетѣ его. Славѣ своей онъ не придавалъ большой цѣны и никогда не хвалился ею. Къ концу жизни письма его, всегда полныя достоинства, принимаютъ какой-то особенный оттѣнокъ яснаго и умилительнаго спокойствія. Вопреки обыкновенной человѣческой слабости, онъ уже рано сталъ говорить о приближеніи старости, о смерти; но онъ говорилъ о нихъ безъ страха и горечи, видѣлъ въ нихъ, какъ и во всемъ, одну свѣтлую, примирительную сторону. „Чтобы чувствовать всю сладость жизни,—писалъ онъ къ Дмитріеву за нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною,—„надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству“. Въ этомъ отношеніи письма его представляютъ что-то совершенно особенное: какъ-будто часъ роковой развязки заранѣе ему извѣстенъ, онъ съ полною увѣренностью предусматриваетъ скорое окончаніе своего земнаго поприща, и переписка его съ Дмитріевымъ прерывается не внезапно, не неожиданно: онъ самъ съ полнымъ сознаніемъ подготовляетъ и приводитъ насъ къ концу ея.

Я долженъ, хотя слегка, коснуться еще одной стороны въ жизни Карамзина,—его положенія въ литературѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ своей исторіей, онъ увидѣлъ вокругъ себя груп-

пу молодыхъ даровитыхъ писателей, которые съ восторгомъ привѣтствовали въ немъ своего учителя. Ихъ сочувствіе, ихъ горячая приверженность были для него дороже самой славы, этой холодной, невѣрной и часто слишкомъ неразборчивой богини. Празднуя память Карамзина, можемъ ли не посвятить минутнаго воспоминанія и имъ, почти забытымъ въ наше тревожное время, но которые лучше всѣхъ поняли Карамзина и усвоили себѣ его литературно нравственный кодексъ, какъ дорогое завѣщаніе русскимъ писателямъ? По смерти его, Жуковскій, представившій въ себѣ самое полное преемство этихъ убѣжденій, преданный ихъ родоначальнику съ особеннымъ энтузіазмомъ, всѣхъ теплѣе выразилъ отношеніе къ нему молодежи и въ посланіи къ Дмитріеву такъ заключилъ воспоминаніе о Карамзинѣ:

„Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрас
ныхъ силы
Святое имя:—Карамзинъ".

И таково дѣйствительно должно быть для русскихъ значеніе этой дорогой могилы, изъ которой какъ будто слышатся слова, сказанныя Карамзинымъ въ предсмертномъ письмѣ къ гр. Каподистріи: „Милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать". Что въ жизни народовъ, въ исторіи ихъ образованія можетъ быть отраднѣе и многозначительнѣе появленія подобныхъ дѣятелей? Они составляютъ вѣнецъ просвѣщенія. Нація, могущая указать въ своихъ лѣтописяхъ на такія лица, имѣетъ право не отчаиваться въ своемъ будущемъ. Но всѣ усилія передовыхъ ея людей должны быть направлены къ тому, чтобы явленія этого рода не оставались у нея одинокими. До тѣхъ поръ, пока воспитаніе и нравы не приготовятъ почвы, благопріятной для развитія личнаго достоинства человѣка, до тѣхъ поръ, пока высокіе характеры не будутъ возникать чаще, никакіе успѣхи ума и матеріальнаго благосостоянія, никакія общественныя реформы не будутъ имѣть полнаго значенія. Примѣръ Карамзина показываетъ, какъ благотворны такіе дѣятели для всего окружающаго ихъ міра. Еще недостаточно оцѣнено то дѣйствіе, какое онъ производилъ на современное ему общество не только какъ публицистъ, разсказчикъ, историкъ, но и какъ высокій моралистъ. Но соприкосновеніе съ такими лицами плодотворно не въ одномъ настоящемъ: ихъ духъ, ихъ помыслы и дѣла сохраняютъ свое вліяніе еще и въ потомствѣ. Можно смѣло сказать, что близкое знакомство съ Карамзинымъ сдѣлалось навсегда необходимымъ элементомъ образованія для каждаго Русскаго. Пусть же память его живетъ въ уваженіи; пусть его умственное наслѣдіе будетъ не только предметомъ справедливой народной гордости, но и благодатнымъ посѣвомъ для жатвы будущихъ поколѣній!

Я. Гротъ.

О баснях Крылова

въ художественномъ отношеніи, Академика А. В. Никитенко.

Мм. гг. Намѣреваясь въ настоящій достопамятный день*) занять благосклонное вниманіе ваше разсужденіемъ о художественномъ характерѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній Крылова — его басенъ, я, конечно, не могу имѣть, въ виду полной оцѣнки ихъ въ этомъ отношеніи. Для этого потребовалось бы болѣе времени и другіе пріемы анализа. Но я постараюсь уловить хотя немногія черты въ томъ безсмертномъ образѣ, въ какомъ является передъ потомствомъ нашъ знаменитый баснописецъ, какъ одинъ изъ первоклассныхъ художниковъ.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ

*) Столѣтній юбилей со дня рожденія Крылова. 2 февраля, 1868 рѣчь читана въ Академіи Наукъ.

условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной діалектической стратагемы, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы не хотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости, или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать ироніей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ волнующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣній своихъ обратить въ строгій догматъ, а только въ разнообразной игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творчествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль внѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или назидательную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, стороннему. Въ новѣйшія времена Лафонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотою, также какъ искусство, съ своею стороны, ни мало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатствъ для усиленія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа не мыслящія съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ тоже время аттрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самихъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностію. И въ этомъ сближеніе, въ этой чудной игрѣ противоположностей, онъ однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами за одно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ образомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминающимъ намъ объ общемъ родственномъ происхожденіи отъ одного всемогущаго Жизнедавца.

И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важною мыслію, или нравственною истиною, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ, или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теоріи—основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что представляется намъ въ его басняхъ, самое высокое качество въ нихъ—это умъ. Но вѣдь это само собою разумѣется, могутъ возразить мнѣ. Умъ не есть ли общее достояніе всѣхъ людей—что же тутъ относяща-

гося собственно къ Крылову и его баснямъ? Всякому однако извѣстно, что мѣра и степени ума, чрезвычайно различны. Но не въ этомъ дѣло. Между тѣмъ, какъ умъ, дѣйствительно составляетъ общее преимущество людей, многіе ли изъ нихъ могутъ похвалиться, что обладаютъ тѣмъ свѣжимъ, чистымъ, стихійнымъ умомъ, который, если можно такъ выразиться, заключается въ первоначальномъ планѣ природы относительно человѣка и котораго существеннѣйшіе признаки суть естественность и здравомысліе? Не есть ли большая рѣдкость встрѣтить такой здоровой стихійный, слѣдственно сильный умъ, счастливо сохранившій свою природную прямоту, неповрежденность и свободу посреди безчисленныхъ искажающихъ и порабащающихъ его вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ? Именно такой рѣдкій умъ—и это уже была, конечно, большая особенность—надѣленный сверхъ того даромъ тонкаго наблюденія и проницательности, достался въ удѣлъ Крылову. Онъ далъ ему возможность избирать всегда вѣрную точку зрѣнія на вещи, обсуживать ихъ безпристрастно и изображать съ неподражаемою ясностію и простотою истины. Мы не знаемъ, въ какихъ начинаніяхъ и результатахъ проявилъ бы себя этотъ избранный умъ, если бы онъ принялъ направленіе болѣе широкое, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отвлеченное. Но ему было суждено установиться въ сферѣ живыхъ явленій, стать лицомъ къ лицу съ повседневною человѣческою дѣйствительностію и, не вмѣшиваясь поступками ни въ какія дѣла людей, говорить имъ о дѣлахъ, но не столько о томъ, что они должны дѣлать, сколько о томъ, чего они дѣлать не должны. Не смотря на этотъ отрицательный способъ отношеній къ дѣйствительности, у Крылова, конечно, была своя философіи; философія эта заключалась въ обобщеніи и формулированіи тѣхъ нравственныхъ выводовъ, какіе вытекаютъ единственно изъ знанія и опытовъ жизни. Не его дѣло было систематизировать идеи, возводить ихъ къ отдаленнымъ началамъ, витать въ высшихъ сферахъ умозрѣній. Онъ не былъ идеалистъ; но его нельзя было также назвать и реалистомъ въ теоретическомъ смыслѣ, потому что онъ не способенъ былъ подчиняться теоріямъ, и онъ былъ бы очень удивленъ, если бы его вздумали причислить къ какой-нибудь партіи, или считать послѣдователемъ какого-нибудь ученія. Это вовсе не согласовалось ни съ любовію его къ свободѣ, ни съ его высокимъ здравомысліемъ, которое знало важность великихъ вопросовъ, но знало также и то, что не должно связывать себя отвѣтственностію въ рѣшеніи того, о чемъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Онъ, конечно, видѣлъ великость разстоянія между совершающимся въ судьбѣ и нравахъ людей и между тѣмъ, что должно бы, по видимому, совершаться, но понималъ, что стадіи этого разстоянія не переходятся легко и быстро — и хотя на покушенія перебѣжать ихъ вдругъ онъ смотрѣлъ безъ непріязни, однако не питалъ большой увѣренности въ ихъ успѣхѣ. За всѣмъ тѣмъ, указывать на несообразности и противорѣчія въ быту людскомъ онъ считалъ нужнымъ, но въ этомъ заключалось его общественное призваніе. Ища удовлетворенія своимъ умственнымъ стремленіямъ въ кругу человѣческой дѣйствительности и различныхъ ея отношеній, онъ, естественно, долженъ былъ войти въ самую тѣсную связь съ тѣмъ, что всего ближе было къ нему — съ бытомъ и духомъ своего народа. Въ отечествѣ нашемъ не было другаго сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, усвоилъ себѣ, или лучше сказать, вонлотилъ въ себя самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія особенности народа, его воззрѣнія на вещи, весь складъ его діалектики, пріемы его мыслей и слова. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому что не хотѣть этого не могъ.

Равнодушный ко всѣмъ выспреннымъ утопическимъ и оптимическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ, и немножко скептикъ

въ житейской практикѣ, онъ, естественно, былъ расположенъ къ иронiи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронiя, въ которой сквозь незнанiе, ею выказываемое отстраненiе себя отъ вопроса, свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманiе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по-своему — это иронiя, повсюду разлитая въ баснях Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронiя является и у другихъ писателей — баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленiемъ. Но въ томъ-то и состоитъ геніальная черта нашего баснописца, что его иронiя вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физіогномію, колоритъ, что ея нельзя ни вполнѣ понять, ни примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушiемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьезный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьезность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ пейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсенъ ничего не доказываетъ; она есть выраженiе историческихъ моментовъ и положенiй, а не природы нашей. Мы народъ жизни и движенiя, и если мы иногда унываемъ, то не на долго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ пассивное бездѣйствiе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустной думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣтъ никакой надобности приводить въ свидѣтельство сказаннаго здѣсь мѣста изъ самыхъ басней, отзывающiяся народностiю. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленiи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлости взятой и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, съ первой до послѣдней. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣтенiи содержанiя, въ манерѣ повѣствованiя, въ рѣчахъ лицъ повѣствуемыхъ. Что многiя выраженiя изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисицы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшiе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудiемъ для изображенiя важныхъ истинъ въ нашихъ нравахъ и общественности.

Я сейчасъ говорилъ объ иронiи — это господствующiй тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ея прелестiю, не смотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумiя въ вымыслѣ, въ содержанiи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положенiяхъ ихъ! Какая простодушная веселость въ изображенiи нравовъ, обычаевъ, всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра! Какъ смѣшонъ, напр., хоть бы этотъ слонъ, мечтающiй, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдирать кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волосковъ, или сколько комизма во всей этой исторiи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ и что изъ этого произошло. Извѣстно, что медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролежать зиму въ берлогѣ.

Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ.
Со свѣтомъ Мишка распрощался
Въ берлогу темную забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

Крестьяне, претерпѣвъ великое разоренiе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разы-

гравшихся во время полноводья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручьи и рѣчка впадала. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но пришедши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ попусту, не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А, уходя, проговорили:
На что и время тратить намъ;
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Оселъ былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ,
Гоняя птицъ со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всемъ грядамъ и вдоль и поперекъ
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего иносказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ, онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ того несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
(Отвѣтилъ ему авторъ)
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и растрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ говоря:

А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намеки на что-либо, или кого либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ—гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и художественны — ибо, мм. гг., никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ

нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужъ человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, не смотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякъ, одаренный высшимъ умомъ, способенъ спеціально сдѣлаться поэтомъ—для того нужны еще сила творчества, геній. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на дѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухаго холоднаго моралиста—этого, какъ извѣстно, не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему ироніи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность—и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ произойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу—и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданій съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любуется ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Погруженный весь въ свой особенный міръ, онъ, повидимому, не заботился о людяхъ и обращается къ нимъ только тогда, когда нужно у нихъ позаимствовать что-нибудь изъ ихъ свойствъ и быта, чтобъ надѣлить ими любимыя имъ существа. Въ этомъ странномъ мірѣ господствуетъ своя судьба, совершаются свои эпическія дѣйствія, разыгрываются свои драмы, серьезныя и комическія, съ ихъ характерами и героями. И все это поэтъ передаетъ намъ съ такою прагматическою достовѣрностію, какъ бы тутъ не было ничего не сбыточнаго и чрезвычайнаго. Читатель не успѣваетъ опомниться отъ обаянія этихъ волшебныхъ видѣній; онъ подозрѣваетъ, конечно, тутъ хитрый умыселъ вызвавшаго ихъ чародѣя, который не можетъ же по совѣсти считать и самъ всю эту чудесную фантасмагорію мыслящихъ и говорящихъ птицъ, звѣрей, деревьевъ, за нѣчто серьезное и дѣйствительное; вы чувствуете, что онъ мѣтитъ на что-то иное и приведетъ васъ непремѣнно къ результату съ другимъ смысломъ и значеніемъ. Однако-же и безъ этого, какъ хороши сами по себѣ эти миніатюрныя, полныя жизни и выразительности изображенія! Какъ отъ нихъ вѣетъ свѣжестію той первобытной силы, какая оживотворяетъ все сотворенное! И какъ въ то же время искусно всѣ эти звѣри, звѣрки, птицы, даже цвѣты и деревья разыгрываютъ роль человѣка! Точно какъ будто бы имъ ничего другаго и не приходилось дѣлать, какъ разыгрывать эту роль. Правда, они не всегда отличаются добрыми нравами и большею частію упражняются въ плутовствѣ и обманахъ; но это уже они дѣлаютъ сами отъ себя, не сносясь съ человѣческими обычаями. Такова ихъ собственная натура. Вѣдь авторъ это и хочетъ выразить, не вдаваясь пока ни въ какія выводы. Смотрите, съ какимъ невинно лицемѣрнымъ видомъ эта благоприличная, граціозная плутовка лисица оправдывается передъ крестьяни-

номъ, когда тотъ упрекаетъ ее въ
страсти красть куръ и представляетъ
ей всѣ невыгоды ея хищнической жизни.
Меня такъ все въ ней столько огор-
чаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна;
Когда-бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ
честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ—кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на
свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно ост-
рый ножъ.

Или та же лисица, съ пушкомъ на рыльцѣ, отвѣчаетъ сурку, на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ мой голубчикъ—куманекъ!
Терплю напраслину и выгнана за
взятки.
Ты знаешь, я была въ куратники
судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я—жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай
ты:
Кто-жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль
слушать клеветы.
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всѣмъ міромъ за его хищничество, задумалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ такъ худо—въ Аркадію и, прощаясь съ кукушкою, жалуется на оказываемыя ему несправедливости.

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Всѣ тѣ—жъ у васъ и люди и собаки!
Одинъ другаго злѣй, и ты хоть ангелъ
будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благодатный край—будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! то то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы кротки человѣки,
И молокомъ текутъ лишь рѣки.
Ну, словомъ, царствуютъ златыя вре-
мена!
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ
поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не
лаютъ,
Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ ироническій вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы,
Здѣсь кинешь, или возьмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:

Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ
безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной поэтической картины изъ басни, гдѣ разсказывается, какъ кроткій, тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дожди большимъ потокомъ, не вынесъ своего величія, загордился и забушевалъ. Пастухъ потерялъ ягненка, который утонулъ въ рѣкѣ. Свидѣтель этого печальнаго событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несытая! что если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ
днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно пог-
лотила.
Я, чай, бы со стыда ты землю сквозь
прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильная столь воды,
Я, украшеніемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ кромѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины, и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
разсѣлась;
Богатствомъ водъ ручей сравнялся
вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! Куда въ ручьѣ смиренность
дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну
въ клубы,

Столѣтніе валятся дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости образовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполнѣ художественный геній. Строгая соразмѣрность въ частяхъ каждой поэмы—вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вы вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго, не болѣе какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиліемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанія—качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано, слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впослѣдствіи будетъ сожалѣть самъ, или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ, передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ, имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ какъ самообладаніе нравственное составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣщала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ могутъ быть идеи, покушеніе реализировать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается несостоявшемся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представленій. Чувство отражается въ предметѣ, его возбудившемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается въ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки: здѣсь она лучше сдѣлаетъ, если уступитъ права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи цѣлаго, простираются и на каждую частность въ его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершенно вполнѣ, такъ, какъ это нужно для цѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи или изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, не впопадъ, что-нибудь ослабилъ или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ—въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ-называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже захватываетъ область мыслей и сердца, гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужъ коли терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Всѣ эти добавленія до того остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить антологію, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновен-

ной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ; а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто они были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова, или, такъ сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колорить. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа, то неудивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому неизвѣстны, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ выраженій, какъ напримѣръ: *У него пушекъ на рыльцѣ*; или *ларчикъ просто открывался*; *да чтобъ гусей не раздразнить; а жилъ, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ*; *въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ*; *услужливый дуракъ опаснѣе врага*; *слона то я и не примѣтилъ*; *Васька слушаетъ да ѣстъ*; *еще тарелочку*; *а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки*.

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ надъ ними и контролированіи самого себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности, но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ баснях Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаетъ обычная его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой пріостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется до того свободно и легко, переходы отъ одного момента, или оттѣнка къ другому, такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ пріемомъ, однимъ непрерывавшимся актомъ своей творческой мысли.

Послѣ всего, что я имѣлъ честь изложить предъ вами, что же можно вообще сказать о Крыловѣ? Когда Сервантесъ написалъ свой знаменитый романъ, вѣроятно, онъ не думалъ, какую мудрую книгу подарилъ онъ людямъ. И многіе восхищались и восхищаются ею, видѣли и видятъ въ ней то остроумную сатиру на нравы, то увлекательный и веселый вымыселъ. Но истинное значеніе Сервантесова творенія не опредѣляется этимъ: это вѣчная дума философа о трагической долѣ всего великаго на землѣ и вмѣстѣ нелицепріятный судъ разума надъ самимъ собою, когда онъ простираетъ свои притязанія и цѣли слишкомъ далеко за предѣлы существующаго и дѣйствительнаго порядка вещей. Такъ, разсуждая о Крыловѣ, мы далеко не все скажемъ о немъ, когда назовемъ его баснописцемъ и поэтомъ въ самомъ высшемъ и лучшемъ значеніи этихъ словъ. И самая иронія его столь тонкая и многозначущая, изобличающая такую проницательность и независимость ума, не довершитъ настоящаго о немъ понятія. Правда, въ духѣ ея, онъ говорилъ со своимъ народомъ такъ, какъ говорилъ бы народъ самъ съ собою. Это высокое достоинство. Но важно то, что заключалось въ его словахъ. Онъ говорилъ ему о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта—о грубыхъ нарушеніяхъ правды и законности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманіямъ истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить наизусть дѣтямъ; дѣйствительно, и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова.

Но сущность и духъ его уроковъ

принадлежитъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаще всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстію. Такъ изъ глубины ироніи, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ нами, самъ того не подозрѣвая, великій учитель, мудрецъ народа, и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности.

Я прошу у васъ, мм. гг. позволенія заключить мою рѣчь стихами маститаго нашего поэта, одного, сохранившагося доселѣ, благодаря Богу, изъ семьи лучшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, къ которой принадлежалъ и Крыловъ.— Стихами князя П. А. Вяземскаго, которыми онъ привѣтствовалъ знаменитаго баснописца въ день празднованія пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности.

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

А. С. Пушкинъ*).

Мм. гг. Сооруженіе памятника Пушкину, въ которомъ участвовала, которому сочувствуетъ вся образованная Россія и на празднованіе котораго собралось такъ много нашихъ лучшихъ людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства—это сооруженіе представляется намъ данью признательной любви общества къ одному изъ самыхъ достойныхъ его членовъ. Постараемся въ немногихъ чертахъ опредѣлить смыслъ и значеніе этой любви.

Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ - поэтомъ. Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію, — художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію — составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка. Уже предчувствуемое и указанное въ самой природѣ, художество—искусство—является, правда, тоже какъ подражаніе, но уже одухотворенное въ самой ранней порѣ народнаго существованія, какъ нѣчто отличительно - человѣческое. Дикарь каменнаго періода, начертавшій концемъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже пересталъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческой силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно—полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи—онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи; онъ получаетъ свой духовный обликъ и свой голосъ— онъ вступаетъ въ братство съ другими, признанными его народами. Не даромъ же Грецію называется родиной Гомера, Германія—Гете, Англія—Шекспира. Мы не думаемъ отрицать важность другихъ проявленій народной жизни — въ сферѣ религіозной, государственной и др.; но ту особенность, на которую мы сейчасъ указывали — даетъ народу его искусство, его поэзія. И этому нечего удивляться: искусство народа — его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше чѣмъ наука, именно потому, что оно — звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа неумирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа. Что намъ осталось отъ Греціи? Ея душа осталась намъ! Религіозныя формы, а за ними научныя, такъ-же переживаютъ народы, въ которыхъ онѣ

*) Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности, по поводу открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ.

проявились, но въ силу того, что въ нихъ есть общаго, вѣчнаго; поэзія, искусство,—въ силу того, что есть въ нихъ личнаго, живаго. Пушкинъ, повторяемъ, былъ нашимъ первымъ поэтомъ-художникомъ.

Что же касается до самодѣятельности, то она въ Пушкинѣ возбудилась рано и, быстро утративъ свой ищущій, неопредѣленный характеръ, превратилось въ свободное творчество. Ему и 18 ти лѣтъ не было, когда Батюшковъ, прочитавъ его элегію: „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“, воскликнулъ: „Злодѣй! какъ онъ началъ писать!“ Батюшковъ былъ правъ: такъ еще никто не писалъ на Руси. Быть можетъ, воскликнувъ: — „злодѣй!“ Батюшковъ смутно предчувствовалъ, что иные его стихи и обороты будутъ называться Пушкинскими, хотя и явились раньше Пушкинскихъ. „Le génie prend son bien partout où il le trouve“, гласитъ французская поговорка. Независимый геній Пушкина скоро — если не считать немногихъ и незначительныхъ уклоненій — освободился и отъ подражанія европейскимъ образцамъ, и отъ соблазна поддѣлки подъ народный тонъ. Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность — такъ-же неумѣстно и безплодно — какъ и подчиняться чуждымъ авторитетамъ: лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны — сказки Пушкина, съ другой — Руланъ и Людмила, самыя слабыя, какъ извѣстно, изо всѣхъ его произведеній. Съ неумѣстностью подражанія чужимъ авторитетамъ согласятся, конечно, всѣ; но, быть можетъ, возразятъ иные: если поэтъ въ своихъ трудахъ не будетъ постоянно имѣть въ виду, имѣть цѣлью родной народъ, онъ никогда не станетъ его поэтомъ: народъ, простой народъ его читать не будетъ. Но мм. гг., какой же великій поэтъ читается тѣми, кого мы называемъ простымъ народомъ. Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гете, французскій — Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ — ихъ нація. Всякое искусство есть возведеніе жизни въ идеалъ: стоящіе на почвѣ обычной, ежедневной жизни остаются ниже того уровня. Эта вершина, къ которой надо приблизиться. И все-таки Гете, Мольеръ и Шекспиръ народные поэты въ истинномъ значеніи слова, т. е. національные. Позволимъ себѣ сравненіе: Бетговенъ напр., или Моцартъ, несомнѣнно національные, нѣмецкіе композиторы, и музыка ихъ по преимуществу нѣмецкая музыка, между тѣмъ ни въ одномъ изъ ихъ произведеніи вы не найдете слѣда не только заимствованій у простонародной музыки, но даже сходства съ нею, именно потому, что эта народная, еще стихійная музыка перешла къ нимъ въ плоть и кровь, оживотворила ихъ и потопула въ нихъ такъ же, какъ исчезаютъ, напр., правила грамматики въ живомъ творчествѣ писателя. Въ иныхъ, еще болѣе отдаленныхъ въ живорчествѣ писателя. Въ иныхъ, еще болѣе отдаленныхъ отъ той ежедневной почвы, болѣе въ себѣ замкнутыхъ отрасляхъ искусства, самое названіе „народный“ - немыслимо. Есть національные живописцы: Рафаэль, Рембрандтъ; народныхъ живописцевъ нѣтъ.

Возвратимся къ Пушкину. Вопросъ: можетъ ли онъ назваться поэтомъ національнымъ, въ смыслѣ Шекспира, Гете и др., мы оставимъ пока открытымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ создалъ намъ поэтическій нашъ литературный языкъ, и что намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его геніемъ. Изъ вышесказанныхъ нами словъ вы уже могли убѣдиться, что мы не въ состояніи раздѣлять мнѣнія тѣхъ конечно добросовѣстныхъ людей, которые утверждаютъ, что настоящаго русскаго литературнаго языка вовсе не существуетъ; что намъ его дастъ одинъ простой народъ, вмѣстѣ съ другими спасительными учрежденіями. Мы, напротивъ, находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ, и Пушкинъ самъ былъ великолѣпный русскій художникъ.

Именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка — эта примодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность

ощущеній — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ. Сужденія такихъ иноземцевъ бываютъ драгоцѣнны: ихъ не подкупаетъ патріотическое увлеченіе. „Ваша поэзія“, сказалъ намъ однажды Меримэ, извѣстный французскій писатель и поклонникъ Пушкина, котораго онъ, не обинуясь, называлъ величайшимъ поэтомъ своей эпохи, чуть-ли не въ присутствіи самого Виктора Гюго: „ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою; наши поэты, напротивъ, идутъ совсѣмъ противоположной дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ представитъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу“... „У Пушкина, прибавлялъ онъ, поэзія чуднымъ образомъ разцвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой прозы“. Тотъ же Меримэ постоянно примѣнялъ къ Пушкину извѣстное изреченіе: „Prorsie commune dicere“, признавая это умѣнье самобытно говорить общеизвѣстное — за самую сущность поэзіи, той поэзіи, въ которой примиряются идеальное и реальность. Онъ также сравнивалъ Пушкина съ древними греками, по равномѣрности формы и содержанія образа и предмета, по отсутствію всякихъ толкованій и моральныхъ выводовъ. Помнится, прочтя однажды „Анчаръ“, онъ послѣ конечнаго четверостишія замѣтилъ: „всякій новѣйшій поэтъ не удержался бы тутъ отъ комментаріевъ“. Меримэ такъ же восхищался способностію Пушкина вступать немедленно in medias res, брать „быка за рога“, какъ говорятъ французы, и указывалъ на его „Д.-Жуана“, какъ на примѣръ такого мастерства.

Да, Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ близко стоящій къ самому средоточію русской жизни. Этому его свойству должно приписать и ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признаютъ за нами, правда, подъ нѣсколько пренебрежительнымъ именемъ способности къ „ассимиляціи“. Это свойство дало ему возможность создать, напр., монологъ „Скупаго рыцаря“, подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Поразительна также въ поэтическомъ темпераментѣ Пушкина эта особенная смѣсь странности и спокойствія, или, говоря точнѣе, эта объективность его дарованія, въ которомъ субъективность его личности сказывается лишь однимъ внутреннимъ жаромъ и огнемъ.

Все такъ... Но можемъ-ли мы по праву назвать Пушкина національнымъ поэтомъ, въ смыслѣ всемірнаго (эти два выраженія часто совпадаютъ), какъ мы называемъ Шекспира, Гетѣ, Гомера?

Пушкинъ не могъ всего сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что ему одному пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу. Къ тому же, надъ нимъ тоже отяготѣла та жестокая судьба, которая съ такой почти злорадной, настойчивостью преслѣдуетъ нашихъ избранниковъ. Ему и 37-ми лѣтъ не минуло, когда она его вырвала отъ насъ. Безъ глубокой грусти, безъ какого-то тайнаго, хоть и безпредметнаго негодованія, нельзя читать слова, начертанныя имъ въ одномъ его письмѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить“. Творить! А уже отливалась та глупая пуля, которая должна была положить конецъ его расцвѣтающему творчеству! Быть можетъ, уже отливась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убійство другаго поэта, Пушкинскаго наслѣдника, начавшаго свое поприще съ извѣстнаго, негодующаго стихотворенія, внушеннаго ему гибелью его учителя... Но не будемъ останавливаться на этихъ трагическихъ случайностяхъ, тѣмъ болѣе трагическихъ, что онѣ случайны. Изъ этой тьмы возвратимся къ свѣту; возвратимся къ поэзіи Пушкина.

Здѣсь не мѣсто и не время указывать на отдѣльныя его произведенія: другіе это сдѣлаютъ лучше насъ. Ограничимся замѣчаніемъ, что Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ оставилъ намъ

множество образцовъ, типовъ (еще одинъ несомнѣнный признакъ геніальнаго дарованія!) — типовъ того, что совершилось потомъ въ нашей словесности. Вспомните хоть сцену корчмы изъ „Бориса Годунова“, „Лѣтописи села Горохина“ и т. д. А такіе образы, какъ Пименъ, какъ главныя фигуры „Капитанской дочки“, не служатъ ли онѣ доказательствомъ, что и прошедшее жило въ немъ такою же жизнью, какъ и настоящее, какъ и предсознанное имъ будущее?

А между тѣмъ и Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ—поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ охлажденіе къ себѣ современниковъ; послѣдующія поколѣнія еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время снова становятся замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи. Пушкинъ самъ предчувствовалъ это охлажденіе публики. Какъ извѣстно, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ лучшую пору своего творчества, уже почти ничѣмъ не дѣлился съ читателями, оставляя въ портфелѣ такія произведенія, какъ „Мѣдный Всадникъ“. Онъ до нѣкоторой степени не могъ не чувствовать пренебреженія къ публикѣ, которая пріучилась видѣть въ немъ какого-то сладкопѣвца, соловья... Да и какъ намъ винить его, когда вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человѣкъ, какъ Баратынскій, призванный вмѣстѣ съ другими разбирать бумаги, оставшіяся послѣ смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть въ одномъ письмѣ, адресованномъ тоже къ умному пріятелю: „можешь ты себѣ представить, что меня больше всего изумляетъ во всѣхъ этихъ поэмахъ? Обиліе мыслей! Пушкинъ — мыслитель! Можно ли было ожидать“? Все это Пушкинъ предчувствовалъ. Доказательствомъ тому извѣстный сонетъ („Поэту“, 1 іюля 1830 г.), который мы просимъ позволенія прочесть передъ вами, хотя, конечно каждый изъ васъ его знаетъ... Но мы не можемъ противиться искушенію украсить этимъ поэтическимъ золотомъ нашу скудную, прозаическую рѣчь:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ, и
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Какъ бы то ни было, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы признается даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго; онъ отозвался типическими образцами, безсмертными звуками, на всѣ явленія русской жизни. Онъ первый, наконецъ, водрузилъ могучей рукой знамя поэзіи глубоко въ русскую землю, и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя—то теперь, когда эта пыль начинаетъ оседать, снова засіялъ въ вышинѣ водруженный имъ побѣдоносный стягъ. Сіяй же, какъ онъ, благородный мѣдный ликъ, воздвигнутый въ самомъ сердцѣ древней столицы, и гласи грядущимъ поколѣніямъ о нашемъ правѣ называться великимъ народомъ потому, что среди этого народа родился, въ ряду другихъ великихъ, и *такой* человѣкъ! И какъ о Шекспирѣ было сказано, что всякій, вновь выучившійся грамотѣ, неизбѣжно становится его новымъ чтецомъ—такъ и мы будемъ надѣяться, что всякій нашъ потомокъ,

съ любовью остановившійся передъ изваяніемъ Пушкина и понимающій значеніе этой любви, тѣмъ самымъ докажетъ, что онъ, подобно Пушкину, сталъ болѣе русскимъ и болѣе образованнымъ, болѣе свободнымъ человѣкомъ! Пусть это послѣднее слово не удивитъ васъ, мм. гг! Въ поэзіи—освободительная, ибо возвышающая нравственная сила. Будемъ также надѣяться, что въ недальнемъ времени, даже сыновьямъ нашего простаго народа, который теперь не читаетъ ничего поэта, станетъ понятно, что значитъ это имя: Пушкинъ!—и что они повторятъ уже сознательно то, что намъ довелось недавно слышать изъ безсознательно лепечущихъ устъ: „Это памятникъ - учителю!

И. Тургеневъ.

ПОЭЗІЯ.

ЯІЄЄОП

ЭПОСЪ.

НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

СКАЗКИ.

Живая и мертвая вода.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь; у него было три сына: Дмитрій, Иванъ и Василій-царевичи. Отецъ у нихъ ослѣпъ и говоритъ своимъ сыновьямъ: «дѣти мои возлюбленныя! сходите къ Сонькѣ-боготворкѣ за живой водой и мертвою—мнѣ глаза лѣчить.» Старшій и середній сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младшій сынъ дома остался. Отецъ долго ждалъ своихъ старшихъ сыновей, но никакъ не могъ дождаться, и сталъ говорить младшему: «сынъ мой любезный! я теперь сталъ старъ и слѣпъ, а твоихъ братьевъ никакъ не могу дождаться.» То младшій сынъ Василій-царевичъ сталъ говорить отцу: «батюшка! благослови меня, я пойду братьевъ искать.» Отвѣчалъ на то царь: «нѣтъ, другъ мой, ты еще молодъ; да притомъ же съ кѣмъ я останусь? всѣхъ я распустилъ, только ты одинъ у меня и остался.»—Ну, батюшка! хоть благословишь, хоть нѣтъ, а я всячески пойду.—Отецъ благословилъ его, и онъ отправился во путь во дороженьку отыскивать своихъ братьевъ. Долго-ли, коротко-ли—приходитъ Василій-царевичъ къ кузницѣ; въ той кузницѣ восемь мастеровъ работаютъ—молодецъ къ молодцу! Василій-царевичъ говоритъ имъ: «Богъ помочь, добрые ребята!»—Добро жаловать, Василій-царевичъ! «Скуйте-ка мнѣ, добрые молодцы, палицу въ двадцать пудовъ.» Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ четыре часа. Василій-царевичъ взялъ палицу, вышелъ за кузницу, бросилъ вверхъ и подставилъ мизинецъ—палица пополамъ сломилася; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «нѣтъ, братцы, эта палица мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ сорокъ пудовъ.» Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ шесть часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ колѣно — палица пополамъ переломилася. Онъ приходитъ въ кузницу и опять говоритъ: «эта палица, братцы, мнѣ не по рукѣ! скуйте мнѣ палицу въ шестьдесять пудовъ.» Молодцы стали дуть, ковать, съ лопаты на лопату переваливать, и сковали палицу въ восемь часовъ. Василій-царевичъ вышелъ за кузницу, бросилъ палицу вверхъ и подставилъ голову — палица только погнулась; пришелъ въ кузницу и говоритъ: «ну, братцы, палица эта мнѣ по рукѣ!» Выбросилъ деньги за палицу и пошелъ во путь-дороженьку; шелъ-шелъ, — низко-ли, высоко-ли, близко-ли, далеко-ли,—приходитъ къ мостику. Ходитъ тутъ по лугу конь; взялъ Василій-царевичъ—разсолилъ воду въ рѣкѣ, сталъ конь пить, и до половины не выпилъ. «Нѣтъ, говоритъ царевичъ, этотъ конь не по мнѣ!» Пошелъ Василій-царевичъ, — близко-ли, далеко-ли, низко-ли, высоко-ли, приходитъ опять къ мостику. Ходитъ по лугу другой конь; Василій-царевичъ разсолилъ въ рѣкѣ воду, конь сталъ пить и выпилъ до половины. «Нѣтъ, говоритъ, и этотъ конь мнѣ не по плечу!» Пошелъ Василій царевичъ въ путь-дороженьку, шелъ,—низко-ли, высоко-ли, близко-ли, далеко ли, и опять приходитъ къ мостику. Ходитъ по лугу конь необыкновенной красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Василій-царевичъ взялъ-разсолилъ воду въ рѣкѣ, и конь выпилъ всю до-суха. Ну, этотъ конь ему очень понравился; подбѣжалъ Василій-царевичъ и вскочилъ на него верхомъ. Конь началъ возить его по

мхамъ, по болотамъ, хочетъ совсѣмъ свалить, а Василій-царевичъ знай бьетъ его своей палицей. Вотъ конь усмирился и вымолвилъ: «за что, добрый молодецъ, бьешь меня? что тебѣ отъ меня хочется?»—Сослужи мнѣ службу, свези меня къ Сонькѣ-боготворкѣ—достать живой и мертвой воды. Сталъ говорить добрый конь: «гой еси, Василій-царевичъ! дай мнѣ погулять трое сутокъ, да три зари вечернихъ, три зари утреннихъ покататься по свѣжей травкѣ.» Василій-царевичъ отпустилъ коня, а самъ спать легъ и проспалъ три зари утреннихъ, да три зари вечернихъ. Прибѣжалъ конь, сталъ будить его: «что ты такъ долго спишь, Василій-царевичъ? пора въ дорогу ѣхать.» Онъ всталъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣзжаетъ къ Сонькѣ-боготворкѣ—надо подняться на сто сажень вверхъ. «Смотри, любезный конь, не зацѣпи копытомъ ни за одну струну!» Конь поднялся, перескочилъ черезъ стѣны, ни одной струны не задѣлъ. Василій-царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ въ домъ; входитъ въ спальню: Сонька-боготворка спитъ крѣпкимъ сномъ. Онъ вынулъ изъ-подъ подушки ключи, досталъ воды и живой и мертвой: два пузырька мертвой воды положилъ въ карманъ, а два пузырька живой воды подвязалъ себѣ подъ мышки. Вышелъ на дворъ, сѣлъ на коня и сказалъ: «любезный конь! поднимись выше, ни за одну струну не зацѣпи, только зацѣпи за послѣднюю.» Конь зацѣпилъ за послѣднюю струну—тотчасъ струна забренчала, и колокола зазвенѣли. Сонька-боготворка проснулась и говоритъ: «какой это невѣжда у меня былъ?» Василій-царевичъ пріѣхалъ къ морю; видитъ, что его братья корабли строютъ, и спрашиваетъ: «что вы, братцы, здѣсь дѣлаете?» — Строимъ корабли, чтобы ѣхать за живой водой и мертвою. «Воротитесь лучше домой! я везу отцу и живой воды и мертвой.» Сказавъ это, Василій-царевичъ легъ отдохнуть, да и заснулъ; братья взяли у него изъ кармана два пузырька, а его спихнули въ помойную яму. Прошло два-три часа, Василій-царевичъ проснулся и думаетъ: «Господи! гдѣ я нахожусь?» Увидѣлъ при себѣ свою палицу, и сказалъ: «ну, слава Богу, еще не совсѣмъ пропалъ!» Взялъ-поставилъ палицу, уперся на нее и выскочилъ вонъ изъ ямы. Пошелъ добрый молодецъ путемъ-дорогою къ своему царству; между тѣмъ его братья домой пріѣхали и принялись отца мертвой водой вспрыскивать; сколько ни прыскали—нѣтъ толку и на копѣйку! Старшіе царевичи не знали, что и дѣлать. Послѣ того пришелъ меньшой царевичъ, вспрыснулъ отца живой водой—и онъ сталъ видѣть лучше прежняго, началъ благодарить Василья-царевича и отказалъ ему все свое царство.

Морозко.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладитъ по головкѣ да приговариваютъ: «умница!» а падчерица какъ ни угождаетъ —ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится — не скоро уймется: все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «вези, вези, старикъ, ее — куда хочешь чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ, въ теплую хату, а во чисто поле, на трескунъ-морозъ!». Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой, и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ красный носъ!» — Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную! Морозъ хотѣлъ ее стукнуть и заморозить; но полюбилась ему ея умныя рѣчи, жаль стало, бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, попрыгиваетъ, по-

скакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ!» Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную! Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій, да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье, шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она, и стала какая красавица, какая парядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ, «Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!»—Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ, да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица — панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто.» Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождался; разсердился, хватилъ ее и убилъ. — «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «тявъ, тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!»— «Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!» Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Середа.

Молодая баба поздно вечеромъ пряла. Оставалась она долго одна ночью во вторникъ подъ среду. Въ заполночь эдакъ ужъ первые пѣтухи пропѣли, здумала она ложиться спать, а хотѣлось ей допрясть початка. Думаетъ «встану-де завтра пораньше, а теперь спать хочется»! Стала класть гребень да не перекрестилась и говоритъ: «Ну, матушка-Середа, помоги мнѣ, чтобы завтра встать пораньше да допрясть». Такъ и заснула.

Вотъ поутру рано, далеко до свѣту, слышитъ она, что въ избѣ кто-то ходитъ, возится. Открыла глаза, видитъ: свѣтло въ избѣ; лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится, ходитъ по избѣ баба ужъ не молодая, накрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ, ходитъ, дровъ въ печку кладетъ, прибираетъ. Подошла къ ней къ самой, будитъ ее: «вставай», говоритъ. Молодая баба встала, дивится и спрашиваетъ: «да кто же ты такая? Зачѣмъ сюда пришла»?— Да и, говоритъ, та, кого звала; пришла помогать тебѣ! — «Кто же ты? Кого я звала»?—Я Середа; ты, говоритъ, вѣдь Среду звала. Вотъ я тебѣ холсты отпрала да ужъ и выткала; а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку становить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣку, воды принеси. Баба боится, думаетъ: что бы это было? — А Середа на нее сердито глядитъ, а глаза такъ и сверкаютъ.

Взяла баба ведра, пошла за водой. Вышла за дверь да и думаетъ: не было бы мнѣ бѣды какой; пойду я къ сосѣдямъ лучше, чѣмъ за водой идти.— Пошла, ночь темная. На селѣ еще всѣ спятъ. Пришла къ сосѣдямъ, насилу достучалась въ окошко. Отперла ей старуха. «Что, говоритъ, ты, дитятко, такъ рано поднялась? Что тебѣ»? — Ахъ, бабушка! такъ и такъ, пришла ко мнѣ Середа и послала меня по воду холсты золить. — «Не хорошо это — говоритъ старуха—она тебя на томъ холстѣ либо удавитъ, либо сваритъ. Видно, знакома была съ ней старуха-то. — Что-жъ, говоритъ, мнѣ дѣлать? Какъ отъ бѣды избыть?—«А ты вотъ что сдѣлай: возь-

ми ведрами стучи да кричи передъ избой то: на морѣ Серединскія дѣти погорѣли»! Она выскочитъ изъ избы, смотри ты парови вскочить прежде нее въ избу, дверь-то запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками, да твори молитву. Вотъ нечистая сила и отступится».

Вотъ баба побѣжала домой, стучитъ въ ведра и кричитъ подъ окошкомъ: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли»! Середа выскочила изъ избы, побѣжала смотрѣть, а баба въ дверь; заперла и закрестила. Середа прибѣжала назадъ, начали кричать: «пусти, родимая! Я тебѣ холсты напряла, бѣлить буду». Баба не послушалась, а Середа стучала до тѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли. Какъ пѣтухи запѣли, она завизжала и пропала; а холсты остались у бабы.

Убогій.

Жилъ-былъ Нестерка, было у него дѣтей шестерко; дѣтей-то много, да имѣнія никакого, нечѣмъ ему семьей кормиться, а воровать боится. Вотъ онъ запрегъ повозку, забралъ дѣтишекъ и поѣхалъ по міру. Ѣдетъ дорогою, оглянулся назадъ — лежитъ въ грязи старичокъ безногій. И проситъ этотъ старичокъ: «возьми меня пожалуйста съ собой»!

Куда мнѣ тебя, батюшка! отвѣчаетъ Нестерка: у меня шестеро дѣтей, а лошадь худая. Опять проситъ безногій: «возьми меня пожалуйста»! Нестерка взялъ этого убогаго, посадилъ на повозку и поѣхалъ. Говоритъ ему убогій: «давай мы бросимъ жеребей, кому быть изъ насъ большимъ братомъ». Бросили они жеребей, доставалось быть большимъ братомъ — убогому. Пріѣхали въ деревню. Убогій приказываетъ: «поди, проснись ночевать вотъ въ этотъ домъ». Нестерка сталъ проситься ночевать: вышла старуха, отвѣчаетъ: «у насъ негдѣ, и безъ васъ тѣсно»! Вернулся Нестерка къ убогому: «сюда не пускаютъ»! говоритъ; а убогій опять его посылаетъ: «непремѣнно проснись»! Пошелъ Нестерка и таки выпросился ночевать: въѣхалъ на дворъ, сталъ носить своихъ дѣтей въ избу, и убогаго перенесъ. Велитъ ему хозяйка: клади ты своихъ дѣтей подъ лавку, а безногаго на полати посади»! Посадилъ онъ безногаго на полати, а дѣтей подъ лавку положилъ. — «Гдѣ твой мужъ?» спрашиваетъ хозяйку убогій.—На разбой поѣхалъ, и двухъ сыновей взялъ. Вотъ пріѣзжаетъ домой хозяинъ, впустилъ двѣнадцать возовъ на дворъ — всѣ серебромъ насыпаны, отложилъ лошадей, и пришелъ въ избу. Увидалъ нищихъ и закричалъ на хозяйку: «что ты за людей напустила»? — Это нищіе, ночевать выпросились. — «Нужно было! и на улицѣ-бъ ночевали»! Сѣлъ хозяинъ съ хозяйкою и съ двумя сыновьями ужинать, а нищихъ не зовутъ. Убогій вынулъ половину просвирки, самъ покушалъ и Нестеркѣ и дѣтишкамъ его далъ; всѣ сыты наѣлись. Хозяинъ только удивляется: «отчего такъ, мы четверо цѣлый хлѣбъ съѣли — и то въ проголодь, а ихъ восьмеро половиной просвиры сыты? Какъ заснули хозяева, убогій и посылаетъ Нестерку на дворъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нестерка вышелъ — всѣ лошади овесъ ѣдятъ. Въ другой разъ посылаетъ его убогій: «поди, опять посмотри»! Вышелъ онъ, посмотрѣлъ — на всѣхъ лошадяхъ хомуты надѣты. Въ третій разъ посылаетъ Нестерку убогій; опять вышелъ онъ — всѣ лошади запряжены. Воротился въ избу и говоритъ: «всѣ лошади въ упряжи стоятъ». — Ну, сказалъ убогій, теперь выноси своихъ дѣтей и меня, да поѣдемъ. Сѣли они на свою повозку и поѣхали со двора, а двѣнадцать хозяйскихъ лошадей вслѣдъ за ними съ возами пошли. Ѣхали-ѣхали, и приказываетъ убогій, чтобы сходилъ Нестерка въ тотъ домъ, гдѣ они ночевали, да рукавицы взялъ: «я де на полатяхъ забылъ». Пришелъ Нестерка, а того дома какъ не бывало, сквозь землю провалился! одни рукавицы на печномъ столбу уцѣлѣли. Взялъ онъ рукавицы, приходитъ къ убогому и говоритъ, что весь домъ провалился сквозь землю. «Это Господь за разбой покаралъ! Возьми себѣ эти двѣнадцать возовъ со всѣмъ, что есть», сказалъ убогій, и изъ глазъ пропалъ. Нестерка пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ — всѣ возы серебромъ засыпаны, и сталъ онъ богато жить. — Посылаетъ

его жена: «что, говоритъ, лошади такъ гуляютъ? поѣзжай-ка въ извозъ». Онъ собрался и поѣхалъ въ городъ. Повстрѣчала его на дорогѣ невѣдо-чья дѣвица: «это, говоритъ, не твои лошади»!—Не мои, отвѣчаетъ Нестерка; коли ты признала ихъ, возьми. Богъ съ тобой! Дѣвица взяла двѣнадцать лошадей, а мужикъ домой воротился. На другой день пришла къ нему подъ окно эта дѣвица и говоритъ: «на, возьми своихъ лошадей, я съ тобой пошутила, а ты ихъ и отдалъ»!—Нестерка взялъ лошадей, смотритъ, а въ возахъ больше прежняго серебра да золота насыпано!

Л и с а.

Шла лиса по дорожкѣ и нашла лапотокъ; пришла къ мужику и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать». Онъ говоритъ: «некуда, лисанька! тѣсно».—Да много ли мнѣ нужно мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку.—Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «положите мой лапотокъ къ вашимъ курочкамъ». Положили; а лисанька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встаютъ, она и спрашиваетъ свой лапоть; ей хозяева говорятъ: «лисанька, вѣдь онъ пропалъ»!—Ну, отдайте мнѣ за него курочку.—Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и проситъ, чтобъ ея курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее гуська. Приходитъ въ новый домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и проситъ посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисанька украла и барашка, а поутру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка. Всѣхъ—и курочку, и гуська, и барашка, и бычка—она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса говоритъ: «подите, украдьте сани да поѣдемте кататься». Вотъ они украли и сани и хомутъ, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричитъ: шню-шню! бычокъ-соломенный бычокъ, сани чужія (или не наши), хомутъ не свой, погоняй не стой!» Бычокъ нейдетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали-рвали, видятъ, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домамъ.

Котъ, козелъ и баранъ.

Жили были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ—и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ—такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ, за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ—тутъ у него брюхо болитъ. Котъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко-мурлышло, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ: «котъ—котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?»—Какъ мнѣ не плакать? била меня старая баба, била—била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала».—А за какую вину такая тебѣ погибель? «Эхъ, за то погибель была, что себя не опозналъ да сметанку слизалъ.» И опять заплакалъ котъ-мурлыко. «Котъ-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты плачешь?—какъ не плакать? баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? за неволю придется колоть козла да барана! Заревѣли козелъ и баранъ: «ахъ ты, сѣрой котъ, безтолковый лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!» Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? «А что, середній братъ баранко! спросилъ мурлыко: крѣпокъ ли у тебя лобъ? попробуйко-ко о ворота.» Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились.

Поднялся старшій братъ мрасище *)— козлище, разбѣжался, ударился—и ворота отворились. Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ преклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ сѣрой-лобъ. Усталъ онъ и возмолился названымъ братьямъ: «ни то старшій братъ, ни то средній братъ, не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрямъ.» Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по долламъ, по сыпучимъ пескамъ. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошеное поле, на томъ полѣ стога, что города стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. Гдѣ огня добыть, думаютъ козелъ да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ баранкомъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались; берестечко такъ и зарыдало (вспыхнуло, затрещало). «Ладно, молвилъ сѣрой котъ, теперь обогрѣемся»—да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путемъ обогрѣться, глядь—жалуетъ незваный гость мужичекъ-сѣрячекъ Михайло Ивановичъ. «Пустите, говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то не можется.» — Добро пожаловать, мужичекъ-сѣрячекъ муравейничекъ! **) Откуда, братъ, идешь? Ходилъ на пасѣку да подрался съ мужиками, отъ того и хворь прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться.» Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыко на стогу, а козелъ и баранъ у теплины (огня). Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлый, и прямо къ стогу. «Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, не русскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!» Заблеяли козелъ и баранъ со страстей, а мурлышко такую рѣчь повелъ: «ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго; онъ, помилуй Богъ, сердитъ!—какъ расхолится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды? въ ней то и сила, бородой онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу сымаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ, дескать, поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ». Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился, крѣпился да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ, да поджавъ хвосты — подавай Богъ ноги.

А козелъ да баранъ тѣмъ времячкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловой сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. Видитъ котъ—сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговариваетъ: «разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ; а ты, большой братимъ, за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю!» только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричитъ: «держи его, лови его!» Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ пустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

*) Мрась—негодяй.

**) Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яицами.

БЫЛИНА.

Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гулити,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться.
А сила то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку, переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подымется.
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется»!
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Вольга и Микула Селяниновичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга.
Молодой Вольга Святославговичь.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ облолока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за облолока,
Убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружину хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій.
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ—Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичь,
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая,
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у него поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера.
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга още другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до набѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ чистомъ полѣ ратай, понукиваетъ.
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать:
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:

«Божья ти помощь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати»!
Говорилъ оратай таковы слова:
«Поди-ко, Вольга Святославговичь,
Со своею дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?»
«Ай же ты, ратаю ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичь!
А недавно я былъ въ городни, третьеводни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ-то мужички все разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ».
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною къ товарищахъ»!
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
Ай же Вольга Святославговичь!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для ради прохожаго, проѣзжаго,
А для-ради мужика деревенщины.
Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнути.
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?
Молодой Вольга Святославговичь,
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть.
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичь,
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя.
Не могутъ изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитокъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей;
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка коньком бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говоритъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга Святославговичь!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка коньком бы была,—
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ».
Говорилъ Вольга Святославговичь:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ то тебя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству»?
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичь!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,

Драни надеру, да и пива наварю;
Пива наварю да и мужичковъ напою —
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ»!

Илья Муромецъ.

I.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
—Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!
Илья сталъ вставать — ровно встрёпаный;
Онъ пошелъ — принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать —
Ему нищіе отворачиваютъ.
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много-ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?.
—Отъ земли столбъ былъ бы до нёбушки,
—Ко столбу было золото кольцо,
—За кольцо бы взялъ, Святоруску поворотилъ.—
«Ты поди, Илья, принеси другую чашу.»
Илья сталъ поднашивать.
Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Больше чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
Во мнѣ силушки половинушка.—
«Проводи, Илья, насъ во чисто поле,
Во чисто поле, къ высоку бугру,
Къ высоку бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ—
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дней.
Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатыремъ сильнымъ, могучимъ.

II.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажны листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Онъ и проситъ себѣ благословеньеце:
«Охъ ты, гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньеце,
Я поѣду въ славный стольный Кіевъ градъ
Помолиться Чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру Христіанскую.»
Отвѣчаетъ старый крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.»
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.»
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедранъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса,
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется—
Онъ скачетъ выше дерева стоячаго,
Что пониже оболока ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодезь сталъ;
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовенкѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.»
Въ третій скочилъ — подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ:
Подъ Черниговымъ стоятъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Не хотѣлось было батюшкѣ супротивникомъ быть,
Еще, знать-то, его заповѣдь переступить.»
Беретъ онъ въ руки саблю боевую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется—дѣлалъ улицы,
Поворотится — часты площади:
Добивается до трехъ царевичей.
Тутъ возговоритъ Илья таково слово:
«Охъ вы, гои есте, мои три царевича!
Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
Аль съ васъ буйны головы снять?

Поѣзжайте вы по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.»
Увидалъ его воевода Черниговскій:
— Что это Господь сослалъ намъ за сослальника!
— Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ.—
Возговоритъ воевода своимъ князьямъ-боярамъ:
— Подите, позовите добра молодца
— Ко мнѣ хлѣба-соли кушати.—
Пошли тутъ князи-бояре къ Муромцу:
— Охъ ты, гой еси, дородный, добрый молодецъ!
— Какъ тебя честнымъ именемъ зовутъ?
—Какъ тебя величаютъ по отечеству?
«Меня именемъ зовутъ Илейкой,
А величаютъ сынъ Ивановичъ.»
Возговорятъ ему князи-бояре:
— Охъ ты, гой еси, Илья Муромецъ!
— Ты пойдешь-ка къ воеводѣ нашему,
— Ты изволь у него хлѣба-соли кушати;
«Не иду я къ воеводѣ вашему,
«Не хочу у него хлѣба-соли кушати.
Укажите мнѣ прямую дороженьку
На славный стольный Кіевъ градъ.»
Отвѣтъ держатъ князи-бояре:
— Ахъ ты, гой еси, Илья Муромецъ!
— Прямa дорожка не проста стоитъ:
— Заросла дорога лѣсы Брынскими,
— Протекла тутъ рѣка Самородина;
— Еще на дорогѣ Соловейка-разбойничекъ
— Сидитъ на тридевяти дубахъ, сидитъ тридцать лѣтъ,
— Ни конному, ни пѣшему пропуску нѣтъ.—
Поклонился имъ Илья Муромецъ—
Поѣхалъ онъ лѣсами Брынскими.

III.

Поѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.
Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ, во Брынскихъ;
Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
И наѣхалъ онъ, Илья, Соловья-разбойника.
И заслышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И той ли онъ поѣздки богатырской;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
А въ третій зрявкаетъ по-звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился*),
И попалъ вѣдь на кукорачь **).
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты, волчья сыть ***), травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли крику звѣринаго,
А и звѣринаго крику, туринаго †).
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника;
И попалъ Соловья да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья къ той лукѣ сѣдельной,
И стегаетъ Илья опъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ ребрамъ,
Какъ бы конь подъ нимъ осержается:
Побѣжалъ, Илья, какъ соколъ, летитъ.
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
Середи двора княженецкаго,—
И скочилъ онъ, Илья, со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню ††) во свѣтлую.
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него, князя, почестный пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра:
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:

---

*) Осѣлъ назадъ.
**) Четверенькп (областное)
***) Волчій кормъ, чѣмъ волкъ сыть.
†) Туръ—дикій волъ.
††) Пріемная комната въ древнихъ княжескихъ дворцахъ.

«Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ.
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати».
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты ласковый, стольный Владиміръ князь!
— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Корочаева.—
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владиміръ князь!
Въ очахъ дѣтина завирается:
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья-разбойника».
Говоритъ Илья Муромецъ:
— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь!
— Посмотри мою удачу богатырскую,
— Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ тебѣ.—
И въ тѣ поры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ,
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутъ князи-бояре,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри:
Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Святогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братовъ Зородовичи,
Еще мужики были Залѣшане,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя ихъ тридцать молодцовъ.

Выходилъ Илья на широкій дворъ
Къ тому Соловью-разбойнику,
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
— Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
— Пошипи, змѣй, по-змѣиному,
— Зрявкай, звѣрь, по-туриному,
— И потѣшь князя Владиміра.—
Засвисталъ Соловей по соловьиному:
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по-туриному:
А князи и бояре испугалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе;
И накурилъ онъ бѣды несносныя,
Гостины кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ
Со душой княгиней Апраксѣевной.
Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«А и ты, гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья-разбойника:
А и эта шутка намъ не надобна».
Сталъ Илья унимать его по-свойскому:
Онъ схватилъ его да за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю о матушку,
Онъ въ подвергъ *) его кидалъ
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрой камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Въ княженецкія горницы.

*) Подвергъ—подбросъ.

Садко купецъ, богатый гость.

I.

Во славномъ во Новѣградѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты *),—
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился.

*) Сдѣл. изъ явора. Яворъ и до сихъ поръ считается лучшимъ матеріаломъ для выдѣлки гуслей у южныхъ Славянъ.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался *),
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень

*) Испугался.

И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской —
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же ты, Садко новгородскій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи за великія,
За твою то игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго.
И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба-золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди свяжи шелковой неводъ,
И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
Дамъ тебѣ три рыбины-золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера.
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Познали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскій
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать.
Стали Садку подначивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородскіе!
Какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ;
А есть рыба-золоты перья въ Ильмень-озерѣ».
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда-чуднаго —
Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба-золоты перья».
—«Ай же вы, купцы новгородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».—
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый,
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро;
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку-золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку-золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку-золоты перья.
Тутъ купцы новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по-небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

II.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тѣхъ мужиковъ новгородскихъ
И тѣхъ настоятелей новгородскихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися:
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ;
Умный хвастаетъ старымъ батюшкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ мы на почестномъ напивалися.
Похвальбами всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похвалается»?
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня-ль золота казна не тощится,
Свѣтло платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать—безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородскіе,
Худые товары и добрые»!
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе

Ударили о великъ закладъ—
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.—
Вставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо пошелъ въ гостиный рядъ:
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день вставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ припавезено,
Вдвойнѣ товаровъ приналолнено
На ту на славу на великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день вставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ припавезено,
Втройнѣ товаровъ приналолнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта;
Еще повыкуплю товары московскіе—
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
Побогаче меня славный Новгородъ»!
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ тридцать тысячей.

III.

На свою безсчетну золотую казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыхъ *);
На тѣ корабли на черленые
Ставилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду.
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе:
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра.
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась негода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ;
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ;
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,
Ко своей дружинѣ ко хоробрей:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали;
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море;
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море;
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

---

*) Собственно червленый—багряный, изтемна-красный цвѣтъ.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Видно, царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья волжаные *).
Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей кодну пойдетъ,
Таковому идти во сине море».
Дѣлали жеребья волжаные,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ;
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хороброй
Жеребья гоголемъ **) по водѣ плывутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Эти жеребья неправильны:
Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
А я сдѣлаю жеребей волжаный».
Дѣлали жеребья на красномъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаный;
Всякъ свое имя подписалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хороброй
Жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садка богатаго во сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную ***),
Перо лебединое, листъ бумаги гербовой».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовой.
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хороброй.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гусельки яровчатыя
Поиграть-то мнѣ во остатнее:
Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собою во сине море»?
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду,
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со той со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ некучись красное солнышко.
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная.
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну—
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣпная;
Говоритъ царь таковы слова:
«Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты.
Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты».—
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской—
Игралъ Садко сутки, игралъ и другія,
Да игралъ еще Садко и третія,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ:
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ.
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
«Ай же ты, Садко новогородскій!
Полно играть въ гусельки яровчаты!»
Обернулся—глядитъ Садко новогородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ—
Приказано играть въ гусельки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:

*) Волжный, таволжный—сдѣланный изъ прута таволги, тала, рода мелкой ивы.
**) Особая порода утокъ. Самодовольно, поднявъ голову ходитъ—*гоголемъ*.
***) Полновѣстный, массивный.

«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки *) повыломай,
Скажи: «у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гусельки яровчаты».
Скажетъ тебѣ царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красной дѣвушкѣ?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять скажетъ царь морской:
«Ну, Садко, вставай по-утру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу красавицу».
Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
Такъ первое триста дѣвицъ пропусти,
И другое триста дѣвицъ пропусти,
И третье триста дѣвицъ пропусти:
Позади идетъ дѣвица красавица,
Красавица—дѣвица Чернавушка,—
Бери ту Чернаву за себя замужъ.
Будешь, Садко, во Новѣградѣ,
А на свою безсчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколѣ Можайскому».
Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
„Ай же ты, Садко новогородскій!
Что же не играешь во гусельки яровчаты?»
—«У меня струночки во гуселькахъ повыдернулись,
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ, на красной дѣвушкѣ?»—
Говоритъ ему Садко новогородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять говоритъ царь морской:
«Ну, Садко, вставай по-утру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу».—
Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ: идетъ триста дѣвушекъ красныхъ;
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И другое триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица-дѣвица, Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложится спать Садко,
Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ: ажно бѣгутъ
Его черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной:
«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садко во синемъ морѣ!»
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку съ Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садко во синемъ морѣ,
Очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена взрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста сахарныя.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,
Построилъ церковь соборную Миколѣ Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на синє море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

*) Гвоздь безъ шляпки — для насадки, укрѣпы чего.

Иліада.

(Гомера).

ПОЯВЛЕНІЕ АХИЛЛЕСА НА ПОЛѢ БИТВЫ.

. . . Тою порою Ахейцы
Воинствомъ всѣмъ ополчались по стану.
Пелееву сыну
Нектаромъ Зевсова дочь и амврозіей сладко незримо
Грудь оросила, да немощь отъ глада его не обыметъ;
И сама на Олимпъ вознеслась къ мѣдно-зданному дому
Зевса. Ахейцы-жъ лилися отъ черныхъ судовъ мореходныхъ

Словно какъ снѣжные клоки летятъ отъ Зевеса густые,
Быстро гонимые хладнымъ, эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ:
Такъ отъ ахейскихъ судовъ неисчетные въ поле неслися
Шлемы, игравшіе блескомъ, щиты, воздымавшіе бляхи,
Крѣпко сплоченныя брони, и ясеня твердаго копья.
Блескъ восходилъ до небесъ; подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди
Окрестъ смѣялась земля; и весь берегъ гремѣлъ подъ стопами
Ратныхъ мужей. Посредѣ ихъ Пелидъ ополчался великій.
Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ, пышущій гнѣвомъ,
Бога дарами облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
Бросилъ мечъ на плечо съ рукояткой серебряно-гвоздной,
Съ лезвеемъ мѣднымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался.
Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяетъ,
Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли и волны и буря
Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ:
Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный подняви,
Крѣпкій надѣлъ на главу; засіялъ, какъ звѣзда, надъ главою
Шлемъ коневласый; и грива на немъ волновалась златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Такъ Ахиллесъ ополчася, испытывать началъ доспѣхи,
Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ:
И какъ крылья они подымали владыку народа.
Взялъ наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское—ясень
Крѣпкій, огромный, тяжелый: его изъ героевъ ахейскихъ
Двигать не могъ ни одинъ; но легко Ахиллесъ потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
Сѣкъ съ высоты Пеліона, на грозную гибель героямъ.
Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали;
Въ пышныхъ поперсьяхъ къ ярму припрягли ихъ; удила въ морды
Втиснули имъ, и бразды натянувъ къ колесницѣ прекрасной,
Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда, захвативши рукою
Гибкій, блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомедонъ.
Сзади, готовый къ сраженію, сталъ Ахиллесъ быстроногій,
Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіонъ лучезарный.
Крикнулъ онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ коней:
«Ксанѳъ мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти!
«Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
«Къ ратному сонму Данаевъ, когда мы насытимся боемъ;
«Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!»
Рекъ онъ; какъ вдругъ подъ упряжью конь взговорилъ бурноногій,
Ксанѳъ, понуривши морду, и пышною гривой своею,
Выпавшей вонъ изъ ярма, досягнувъ до земли, провѣщалъ онъ.
Вѣщимъ его сотворила лилейнораменная Гера.
«Вынесемъ, быстрый Пелидъ, тебя еще нынѣ живаго;
«Но приближается день твой послѣдній! не мы, повелитель,
«Будемъ виною, но богъ всемогущій и рокъ самовластный.
«Нѣтъ, не медленность наша, не лѣность дала супостатамъ
«Съ персей Патрокла героя доспѣхъ знаменитый похитить:

«Богъ многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
«Свергнулъ въ переднихъ рядахъ, и Гектора славой украсилъ.
«Мы же хотя бы летать, какъ дыханіе Зефира, стали,
«Вѣтра быстрѣйшаго всѣхъ: но и самъ ты, назначено рокамъ,
«Долженъ отъ мощнаго бога и смертнаго мужа погибнуть!»
Съ сими словами Эриніи голосъ коня перервали.
Мраченъ и гнѣвенъ къ коню говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Что ты, о конь мой, пророчишь мнѣ смерть? не твоя то забота!
«Слишкомъ и знаю и самъ, что судьбой суждено мнѣ погибнуть
«Здѣсь, далеко отъ отца и отъ матери. Но не сойду я
«Съ боя, доколѣ Троянъ не насычу кровавою бранью.»
Рекъ и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконогихъ.

Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ дебрямъ,
Окрестъ сухой горы; и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень:
Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ;
Гналъ, поражалъ; заструилося черною кровію поле.
Словно когда земледѣлецъ волонъ сопряжетъ крѣпкочелыхъ,
Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ;
Быстро стираются класы мычащихъ воловъ подъ ногами:
Такъ подъ Пелидомъ божественнымъ твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся мѣдная ось и высокій полкругъ колесницы,
Въ кои какъ дождь и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
Брызги хлестали; пылалъ онъ добыть между смертными славы,
Храбрый Пелидъ, и въ крови обагрялъ необорныя руки.

Но лишь Трояне достигнули брода рѣки свѣтлоструйной,
Ксанфа сребристо-пучиннаго, вѣчнымъ рожденнаго Зевсомъ,
Тамъ ихъ разрѣзалъ Пелидъ; и однихъ онъ погналъ по долинѣ
Къ граду, и тѣмъ же путемъ, гдѣ Ахейцы въ разстройствѣ бѣжали
Прошлаго дня, какъ надъ ними свирѣпствовалъ Гекторъ могучій:
Тамъ и Трояне, разсѣясь, бѣжали; но Гера глубокій
Мракъ распростерла, имъ путь заграждая. Другіе, толпами
Бросаясь къ рѣкѣ серебристо-пучинной, глубокотекущей,
Падали съ шумомъ ужаснымъ: высоко валы заплескали;
Страшно кругомъ берега загремѣли; упадшіе съ воплемъ
Плавали съ мѣста на мѣсто, крутяся по бурнымъ пучинамъ.
Словно какъ пруги*), отъ ярости огненной снявшися съ поля,
Тучей къ рѣкѣ устремляются: вдругъ загорѣвшійся бурный
Пышетъ огонь; и они, устрашенные, падаютъ въ воду:
Такъ отъ Пелида бѣгущіе падали кони и вои,
Токъ наполняя гремучій глубоко-пучиннаго Ксанфа.
Онъ же, божественный, дротъ свой огромный оставилъ на брегѣ,
Къ вѣтвямъ мирики склонивши, и самъ устремился какъ демонъ,
Съ страшнымъ мечемъ лишь въ рукахъ, замышлялъ онъ ужасное въ сердцѣ:
Началъ вокругъ имъ рубить: поднялися ужасные стоны
Вкругъ поражаемыхъ; кровію ихъ забагровѣли волны.
Словно дель финагромнаго мелкія рыбы всполошась,
Избѣжа отъ него въ безопасныя глуби залива
Кроются робкія: всѣхъ онъ глотаетъ, какую ни схватитъ:
Такъ отъ Пелида Трояне въ ужасномъ потокѣ Скамандра
Крылись подъ кручей береговъ. Но герой, утомивши убійствомъ
Руки, живыхъ средь потока двѣнадцать юношей выбралъ,
Чтобъ за смерть отмстить благороднаго друга Патрокла;
Вывелъ изъ волнъ, обезумленныхъ страхомъ, какъ юныхъ еленей;

*) Пруги—саранча.

Руки имъ сзади связалъ разрѣзными, крутыми ремнями,
Кои въ сраженіяхъ сами носили при броняхъ кольчатыхъ;
Такъ повелѣлъ Мирмидонцамъ вести ихъ къ судамъ мореходнымъ.
Самъ же опять на враговъ устремился, убійства алкая.

Съ ужасомъ въ городъ вбѣжавъ, какъ олени младые, Трояне
Потъ прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стѣнѣ на забрала склоняся; но Аргивяне
Подъ стѣну прямо неслися, щиты къ раменамъ преклонивши.
Гекторъ же въ оное время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ,
Въ полѣ остался, одинъ передъ Троей и башнею Скейской.

Н. Гнѣдичъ.

Единоборство Ахиллеса и Гектора.

...Къ нему*) Ахиллесъ приближался,
Грозенъ какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ;
Ясень отцевъ пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла,
Будто огонь распылавшійся, будто всходящее солнце.
Гекторъ увидѣлъ, и взялъ его страхъ; больше не могъ онъ
Тамъ оставаться; отъ скейскихъ воротъ побѣжалъ устрашенный.
Бросился гнаться Пелидъ, уповая на быстрыя ноги;
Словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
Въ стороны вьется она, а соколъ понадъ нею; и часто
Разомъ онъ врикнетъ и кинется, жадный добычу похитить;
Такъ онъ за Гекторомъ пламенный гнался; а трепетный Гекторъ
Вдоль подъ стѣной убѣгалъ, и быстро оборачивалъ ноги.
Мимо холма и смоковницы, съ вѣтрами вѣчно шумящей,
Оба, вдали отъ стѣны, колесничной дорогою мчались;
Оба, къ ключамъ свѣтлоструйнымъ примчался, гдѣ съ быстротою
Два вытекаютъ источника быстро-пучиннаго Ксанфа.
Теплой водою струится одинъ, и кругомъ непрестанно
Паръ отъ него подымается, словно какъ дымъ отъ огнища;
Но источникъ другой и средь лѣта студеный катится,
Хладный какъ градъ, какъ снѣгъ, какъ въ кристаллъ превращенная влага.
Тамъ близъ ключей водоемы широкіе, оба изъ камней
Были красиво устроены, къ нимъ свои бѣлыя ризы
Жены Троянъ и прекрасныя дщери ихъ мыть выходили
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати ахейской.
Тамъ пристали они, и бѣгущій и быстро гонящій.
Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ многосильнѣйшій.
Бурно несясь: не о жертвѣ они, ни о кожѣ воловой
Спорились бѣгомъ: обычная мзда то ногамъ бѣгоборцевъ;
Нѣтъ, объ жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, какъ на играхъ, умершему въ почесть, побѣдные кони
Окрестъ мѣты бѣговой съ быстротою чудесною скачутъ;
Славная ждетъ ихъ награда, младая жена иль треножникъ:
Такъ троекратно они предъ великою Троей кружились,
Быстро посящіесь. — Всѣ божества на героевъ смотрѣли;
Слово межъ ними началъ отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ.
«Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!
Гекторъ мужъ благодушный, телячія, тучныя бедра
Мнѣ возжигалъ въ благовоніе, часто на Идѣ холмистой,
Часто на выси пергамской; а днесь Ахиллесъ градоборецъ

*) Гектору.

Гектора около града преслѣдуетъ, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы, и совѣтомъ сердецъ положите,
Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, иль напослѣдокъ
Сыну Пелея дадимъ побѣдить знаменитаго мужа».
Зевсу не медля рекла свѣтлоокая дѣва Паллада:
«Молніеносный отецъ, черноблачный! что ты вѣщаешь?
Смертнаго мужа, издревле судьбѣ обреченнаго общей,
Хочешь ты, Зевсъ, разрѣшить совершенно отъ смерти печальной?
Волю твори; но не всѣ на нее согласимся мы боги!»
Ей не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кронiонъ:
«Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю.
Волю твори, и желаніе сердца не медля исполни!»
Рекъ, и возжегъ еще болѣ пылавшую сердцемъ Аѳину;
Бурно она понеслась, отъ Олимпа высокаго бросясь.
Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналъ Ахиллесъ непрестанно.
Словно какъ песъ по горамъ молодаго гонитъ оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ чрезъ кусты и овраги,
Даже и скрывшагось, если онъ въ страхѣ подъ кустъ припадаетъ,
Чуткій слѣдитъ и бѣжитъ безпрестанно, покуда не сыщетъ:
Такъ Пріамидъ отъ Пелида не могъ отъ быстраго скрыться.
Сколько разъ онъ ни пытался, у вратъ пробѣгая Дарданскихъ,
Броситься прямо къ стѣнѣ, подъ высоковершинныя башни,
Гдѣ бы Трояне его съ высоты защитили стрѣлами.
Сколько разъ Ахиллесъ, упредивъ, отбивалъ Пріамида
Въ полѣ; а самъ непрестанно, держася твердыни, летѣлъ онъ.
Словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ,
Сей убѣжать, а другой уловить напрягается тщетно:
Такъ и герои, ни сей не догонитъ, ни тотъ не уходитъ.
Какъ бы и могъ Пріамидъ избѣжать отъ судьбы и отъ смерти,
Еслибъ ему, и въ послѣдній ужъ разъ, Аполлонъ не явился:
Онъ укрѣплялъ Пріамиду и силы и быстрыя ноги.
Войскамъ межъ тѣмъ помавалъ головою Пелидъ быстроногій,
Имъ запрещая бросать противъ Гектора горькія стрѣлы,
Славы бъ не отнялъ проязвившій, а онъ бы вторымъ не явился.
Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали,
Зевсъ, распростеръ промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающій долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
Сыну жъ Пелея съ сіяющимъ взоромъ явилась Паллада;
Близко пришла, и къ нему провѣщала крылатыя рѣчи:
«Нынѣ надѣюсь, любимецъ боговъ, Ахиллесъ благородный!
Славу великую мы принесемъ на суда Мирмидонянъ:
Гектора мы поразимъ, ненасытнаго боемъ героя.
Болѣе, мню я, отъ нашей руки не избыть Пріамиду,
Сколько ни будетъ о томъ Аполлонъ стрѣлометный трудиться,
Распростирающійся предъ могучимъ отцемъ громовержцемъ.
Встань и вздохни, Пелеіонъ; Пріамида сведу я съ тобою,
И сама преклоню, да противу тебя онъ сразится».
Такъ говорила; Пелидъ покорился, и радости полный,
Сталъ, опершись на сіяющій ясень свой мѣдноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла,
И уподобясь Дейфобу и видомъ и голосомъ звучнымъ,
Стала предъ нимъ, и крылатыя рѣчи коварно вѣщала:

«Братъ мой почтенный! жестоко тебя Ахиллесъ утѣсняетъ,
Около града Пріамова бурнымъ преслѣдуя бѣгомъ.
Но остановимся здѣсь, и могучаго встрѣтимъ безстрашно!»
Ей отвѣтствовалъ сильный, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«О Дейфобъ! и всегда ты, съ младенчества, былъ мнѣ любезенъ
Болѣе всѣхъ моихъ братьевъ, Пріама сыновъ и Гекубы;
Нынѣ жъ и прежняго болѣе долженъ тебя почитать я:
Ради меня ты отважился, видя единаго въ полѣ,
Выдти изъ стѣнъ, тогда какъ другіе въ стѣнахъ остаются».
Вновь говорила ему свѣтлоокая дочь громовержца:
«Гекторъ, меня умоляли отецъ и почтенная матерь,
Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
Съ ними остаться: такимъ они всѣ преисполнены страхомъ.
Но по тебѣ сокрушалось тоскою глубокою сердце.
Станемъ надежно теперь, и сразимся мы пламенно: копій
Не къ чему болѣ щадить, и увидимъ теперь, Ахиллесъ ли
Насъ обоихъ умертвитъ и кровавыя наши корысти
Къ черными судамъ повлечетъ, иль копьемъ онъ твоимъ укротится».
Такъ вѣщая коварно впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга;
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ!
Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая,
Встрѣтить тебя нападавшаго: нынѣ же сердце велитъ мнѣ
Стать и сразиться съ тобою; убью, или буду убитъ я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранителя нашихъ условій:
Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда громовержецъ
Даруетъ мнѣ устоять, и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я;
Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни».
Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Гекторъ врагъ ненавистный. не мнѣ предлагай договоры!
Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
Вѣчно враждебны они, злоумышленны другъ противъ друга:
Такъ и межъ насъ невозможна любовь; никакихъ договоровъ
Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ, распростертый,
Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличнымъ и воиномъ неустрашимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
Скоро тебя укротитъ; и заплатишь ты, разомъ за горе
Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты, свирѣпствуя мѣдью!»
Рекъ онъ, и мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шеломоблещущій Гекторъ;
Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, конникуТрои.
Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:
«Празденъ ударъ! и ни мало, Пелидъ, безсмертнымъ подобный,
Доли моей не узналъ ты отъ Зевса, хотя возвѣщалъ мнѣ;
Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
Съ цѣлью, чтобъ я оробѣлъ, потерялъ и отважность и силу.
Нѣтъ, не бѣжать я намѣренъ: копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты;
Прямо лицемъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,

Ежели богъ то судилъ! Но копья и сего берегися
Мѣднаго. Если бы острое въ тѣло ты все его принялъ!
Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
Если бъ тебя сокрушилъ я, тебя—ихъ лютѣйшую гибель!»
Рекъ онъ, и мощно сотрясши, копье длиннотѣнное ринулъ,
И не прокинулъ: въ средину щита поразилъ Ахиллега;
Но далеко оружіе щитъ отразилъ. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье безполезно изъ рукъ излетѣло;
Сталъ и очи потупилъ: копья не имѣлъ онъ другаго.
Голосомъ звучнымъ на помощь онъ брата зоветъ Деифоба,
Требуетъ новаго дротика остраго: нѣтъ Деифоба.
Гекторъ постигъ то своею душою, и такъ говорилъ онъ:
«Горе! къ смерти меня всемогущія боги призвали!
Я помышлялъ, что со мною мой братъ, Деифобъ нестрашимый,
Онъ же въ стѣнахъ иліонскихъ: меня обольстила Паллада.
Воздѣ меня— лишь смерть! и уже не избыть мнѣ ужасной!
Нѣтъ избавленія! Такъ безъ сомнѣнія боги судили,
Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ; милосердые прежде
Часто меня избавляли; судьба наконецъ постигаетъ!
Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы;
Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышатъ!»
Такъ произнесъ, и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный,
Съ лѣваго боку висящій, ножъ и огромный и тяжкій;
Съ мѣста, напрягшися, бросился, словно орелъ небопарный;
Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на степь упадаетъ,
Нѣжнаго агнца, или зайца пугливаго жадный похитить:
Гекторъ таковъ устремился, махая ножемъ смертоноснымъ.
Прянулъ и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
Бурнаго; онъ предъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный,
Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его, четвероблящный,
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Но какъ звѣзда межъ звѣздами, въ сумракѣ ночи сіяетъ
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе:
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
Съ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный,
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла.
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душъ неизбѣжна:
Тамъ, налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Вовсе, чтобъ могъ умирающій нѣсколько словъ онъ промолвить;
Грянулся въ прахъ онъ; и громко вскричалъ Ахиллесъ торжествуя:
«Гекторъ, Патрокла убилъ ты, и думалъ живымъ оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! но мститель его, несравненно сильнѣйшій
Нежели ты, за судами ахейскими я оставался,
Я, и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ; а его погребутъ аргивяне.»
Дышущій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю,
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ мирмидонскимъ;
Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй;

Вкушлютъ тебѣ искупленье отецъ и
почтенная матерь;
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ
трояне меня и троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ
огню пріобщили.»
Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ
ноги и молишь родными!
Самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя
растерзалъ бы на части,
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я; то
ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять,
и въ двадцать кратъ мнѣ
Пышныхъ даровъ привезутъ, и столько жъ еще обѣщаютъ;
Если тебя самого прикажетъ на золото
взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ; и тогда—на одрѣ
погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ
рожденья;
Птицы твой трупъ и псы мирмидонскіе
весь растерзаютъ!»
Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что
моимъ ты моленьемъ
Тронуть не будешь: въ груди у тебя
желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ
гнѣвомъ,
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ
стрѣловержецъ,
Какъ ни могучаго, въ скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнутъ!»
Такъ говорящаго Гектора мрачная смерть
осѣняетъ:
Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, низходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.
Но къ нему и къ умершему сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: «умирай! а мою неизбѣжную смерть я
Встрѣчу, когда ни пошлетъ громовержецъ и вѣчные боги!»
Такъ произнесъ, и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его, и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе ахейскіе мужи;
Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и
на образъ чудесный
Гектора, и приближаясь, каждый пронзалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другаго
взглянувши:
«О! несравненно теперь къ осязанію
мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожирающій пламень!»
Такъ не одинъ говорилъ, и копьемъ
прободалъ приближаясь.
Но его между тѣмъ обнаживъ Ахиллесъ
быстроногій,
Сталъ средь ахеянъ, и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
«Други, герои Ахейцы, безстрашные
слуги Арея!
Мужа сего побѣдить наконецъ даровали
мнѣ боги,
Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ
Иліонцы.
Нынѣ съ оружіемъ мы покусимся на
градъ крѣпкостѣнный;
Гражданъ троянскихъ извѣдаемъ помыслы: какъ полагаютъ,
Бросить ли замокъ высокій сраженному
сыну Пріама;
Или держаться дерзаютъ, когда и вождя
ихъ не стало?
Но какимъ помышленіямъ сердце мое
предается!
Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не
забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
«Если жъ умершіе смертные память теряютъ въ Аидѣ,
«Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга!
«Нынѣ побѣдный пеанъ воспойте ахейскіе мужи;
«Мы же пойдемъ, волоча и его въ кораблямъ быстролетнымъ.
«Добыли свѣтлой мы славы! поверженъ
божественный Гекторъ!
«Гекторъ, котораго Трои сыны величали
какъ бога»!
Рекъ и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Самъ на обѣихъ погахъ прокололъ ему
жилы сухія,

Сзади отъ пятъ и до глезнъ, и продѣвши ремни, къ колесницѣ
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ,
Сталъ въ колесницу, и пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ, по землѣ растрепавшись,
Черныя кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!
Вся голова почернѣла подъ перстью. — Мать увидала,
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко, и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане
Подняли плачъ; раздавалися вопли по цѣлому граду.

И. Гнѣдичъ.

Одиссея. (*Гомера*).

(Царевна Навзикая)

.....Аѳина той порой низлетѣла
Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ,
Жившихъ издавна въ широкополянной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая,—
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далеко отъ людей промышленныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Аида;
Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина-Паллада;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобяясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.
Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, Харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и накрѣпко заперты были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приблизясь,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
Образъ пріявшая дѣвы младой, мореходца Диманта
Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней одногодѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:
Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ
Брачный твой день: ты должна и себѣ приготовить заранѣ
Платья, и тѣмъ, кто тебя поведетъ къ жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ;
Мать и отецъ веселятся, любуются нами. Проснись же,
Встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитеся всѣ вы
Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитой ты родилася.
Встань и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
Взять всѣ повязки, покровы и разныя платья, чтобъ также

Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ».
Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.
Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую,
Свѣтлоубранную дѣву. И. сну своему удивляясь,
Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца о видѣньи
Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Нити пурпурныя тонко суча, а въ дверяхъ отворенныхъ
Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
Шелъ, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ.
Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
«Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ
Много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.
Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ
Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
Два ужъ женаты, другіе три-юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы
Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ».
Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
«Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
Быстроколесную: будетъ при ней для поклажи и коробъ.
Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна
Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна
Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
Бичъ и блестящія вожжи взяла Навзикая и звучно
Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
Рысью, везя нелѣниво и грузъ и царевну. За нею
Слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки.
Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ.
Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
Начали платья они полоскать и потомъ, до-чиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ

На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служавокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
Пѣсню же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмевала царевна.

Пиръ у царя Алкиноя.

Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они *) собрались
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ, и дворы, и притворы, и залы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, а на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ подъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ —
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о каждыхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда чрезъ каменный прагъ онъ
Бога просить перешелъ — а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.

*) Гости.

Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезился.
Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: «приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкусообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратясь, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ».
Кончивъ, посѣщно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
На площадь всѣ собрались; толпой многочисленно-шумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіалъ съ Элатреемъ,
Навгій, Примней, Анхіалъ, Эретмей съ Алабазіоменомъ;
Съ ними явились Понтей, Прореонъ и Ѳоонъ съ Амфіаломъ,
Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; пристали напослѣдокъ
Къ нимъ и младой Эвріалъ Навболидъ, равносильный Аресу:
Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный: какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на столько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить. Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; годами
Также не старъ, но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и тубительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.
Умнымъ—сказалъ, отвѣчая на то Эвріалъ Лаодаму—
Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
«Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ

Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ—но
вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ
столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы; яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ
печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ
корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ
отплытію люди».
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
«Другъ, не обидѣть ли хочешь меня своимъ
предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное
горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ
перенесъ я;
Нынѣ-жъ, крушимый тоской по отчизнѣ,
сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой
домъ возвратиться».
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ
колкой насмѣшкой:
«Странникъ, я вижу, что ты не подобишься
людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ
приличныхъ; конечно,
Ты изъ числа промышленныхъ людей,
обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ
для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и
опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ
ты вовсе несходенъ».
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ
Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу,
злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не
каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ, и умъ,
и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало
достоинъ—
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ
мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ
украшенье собраній;
Бога въ немъ видитъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.
Тотъ же, напротивъ, безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его никакой
не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и
Зевесъ бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты
здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ,
долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно;
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей
испорчены силы;
Видѣлъ немало я браней и долго среди
бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя
испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ».
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ и, мантіи
съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромный, плотнѣй и тяжеле всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми феакійскими,
былъ; и съ размаха
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку
напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ, и подъ нимъ
до земли головами
Веселолюбивые, смѣлые гости морей,
феакійцы
Всѣ наклонялись; а онъ далеко черезъ
всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина,
подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
Странникъ, твой знакъ я слѣпой различить безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно
отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою
побѣдилъ: ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ
ты неспособенъ
Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душой онъ
сказалъ предстоявшимъ:

«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я, и стольже далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я,—съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его — подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно, себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ.
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы, ахейцы, тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ
Лѣтъ, ни съ Ираклом, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ;
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на вѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.»
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.

Жуковскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Оговоръ царевича передъ Грознымъ.

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

У того царя Ивана да Васильевича
Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти разостланы да браныя,
Яствушки поставлены сахарныя.
Въ большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бояре.
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебедя да рушаютъ,
Со полу-пиру да порасхвастались:

Сильный хвалится своей силою,
А богатый золотой казной.—
Государь-царь распотѣшился,
Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
По палатушкамъ похаживалъ,
Во красно окно поглядывалъ,
Черны кудри частымъ гребешкомъ расчесывалъ,
Самъ возговоритъ да таковы слова:
«Ой вы, глупые бояре, неразумные!
Чѣмъ вы хвалитесь, перехваляетесь?
Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
А богатство отъ меня пришло.
Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалитися:
Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
Взялъ Казань-городъ и славну Астрахань,
Вывелъ я туманъ изъ-за синя моря,
Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-города,
Вывелъ и изо Пскова, изъ каменной Москвы!»
Говоритъ Малюта сынъ Скурлатовичъ:
«Ахъ ты гой еси, нашъ родный батюшка,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Вывелъ ты измѣнушку изъ Нова-города,
Вывелъ ты измѣну и изо Пскова,
Да не вывести тебѣ ее изъ каменной Москвы:
Можетъ-быть, измѣна за столомъ сидитъ,
За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
Ѣстъ и пьетъ съ тобою съ одного блюда,
Цвѣтно платье носитъ съ одного плеча».
За то слово царь спохватится,
На царевича самъ злобно озирается:
«А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?»
Говоритъ злодѣй Малюта сынъ Скурлатовичъ:
«Гдѣ съ тобою мы улицею ѣхали,
Грѣшничковъ все били-вѣшали,
А гдѣ ѣхалъ улицей измѣнщикъ твой,
Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловалъ,
Ерлычки давалъ имъ потаенные,
Да велѣлъ виновнымъ укрываться».
Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«У меня ль не стало грозныхъ палачей моихъ?»
Всѣ князья-бояре испужалися,
Изъ палаты разбѣжалися.
Сходились палачи десятками,
Сходилися и сотнями.
«Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлы руки,
Распоясайте-ка съ него шелковой поясъ,
Скидайте съ него платье цвѣтное;
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую,
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!»
Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.
Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говоритъ самъ таковы слова:
«У меня ли не дрогнетъ рука
На роды на ваши на царскіе!»
Взялъ царевича да за бѣлы руки,
Распоясалъ съ него шелковой поясъ,
Скидаваетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, кровавую.
По сѣнямъ по новымъ, по косящатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли—
Проходила то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,
Къ своему ко братцу ко любезному,
Къ молодому Никитушкѣ Романычу:
«А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ, Никитѣ, мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго—
Не становится у насъ млада царевича,
Твоего любимаго крестничка!
Много тутъ Никита не выспрашивалъ,
Скоро пометался на широкій дворъ,
Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:
«Эй вы, конюхи мои приспѣшники!
Вы ведите наскорѣ добра коня,
Что несѣдлана, неуздана».
Скоро конюхи металися,
Подводили наскоро добра коня.
Сѣлъ Никита на добра коня,
Поскакалъ далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
Шапкой машетъ, головой трясетъ,
Во всю голову кричитъ-реветъ:
«Вы раздайтесь, люди добрые,

Не убейтесь, православные:
За мной дѣло государево!»
Настигаетъ палача онъ во полу-пути,
Не дошедъ до озера кровавого;
По шекѣ его, злодѣя, бьетъ:
«Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
Этимъ кусомъ ты подавишься,
Этимъ пойлипемъ поперхнешься!»
Взялъ царевича тутъ за бѣлы руки,
Посадилъ съ собою на добра коня,
И увезъ въ свое село боярское,
Во боярское Романовское.
По утру было ранымъ-ранёхонько,
Ото сна встаетъ царь Грозный — пробуждается,
Сына милаго хватается,
Млада-зелена царевича.
Вызнавъ дѣло, рвется-мечется:
«Ой вы, слуги мои вѣрные!
Вы зачѣмъ меня не уняли,
Попустили дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
«Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,
Царь Иванъ; сударь Васильевичъ!
Не посмѣли мы перечить те,
Убоялись твово гнѣва скораго»,
Отдаетъ тутъ Грозный царь строгой приказъ
По церквамъ служить молебны частые,
Заводить печальны звоны колокольные,
Надѣвать всѣмъ платье черное,
Собираться во большей соборъ,
Служить панихиду по царевичѣ.
Вотъ ударили къ заутренѣ;
У той церкви у соборныя
Собиралися попы и дьяконы,
Всѣ причетники церковные,
Отпѣвать любимаго паревича.
Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
На немъ платье черное нерадошное,
Во правой рукѣ царской костыль;
Богу молится и поклоняется,
Самъ горючими слезами заливается.
А Никита свѣтъ Романовичъ
Нарядился въ платье цвѣтное,
Взялъ съ собой млада царевича
И поставилъ позади дверей,
Позади дверей, у права крылоса.
Какъ на шурина тутъ опаляется
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Костылемъ пришилъ его въ праву ногу
Къ половицѣ ко дубовоей:
«Ай же ты, любезный шуринъ мой!
Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
Надо мною наругаешься?
Аль не свѣдался про горе царское,
Про кручинушки несносную,
Что звѣзда упала подпебесная,
Что свѣча угасла воску яраго?
У меня послѣ заутрени
Всѣмъ боярамъ переборъ пойдетъ,
А тебѣ ли, шуринъ, перва петелька!»
Говоритъ Никита свѣтъ Романовичъ:
«А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,
Все въ отлучкѣ за охотою,
Ясна сокола поймалъ тебѣ,
Что ни ести лучшаго и ближняго—
Твоего ли сына роднаго».
Подпебесная звѣзда тутъ высоко взошла,
Свѣча воску яраго затеплилась—
Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
Подходилъ къ государю-батюшкѣ.
Бралъ царевича тутъ за бѣлы руки
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, любезный шуринъ мой!
Ужъ и какъ же мнѣ тебя назвать теперь?
Али дядюшкой, аль батюшкой?
Али будешь ты мнѣ большій брать?
Обратилъ мое ты ретиво сердце,
Взвеселилъ мою ты буйну голову,
Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
Еще чѣмъ тебя пожаловать?
Аль тебѣ за то полъ-царства дать,
Аль безсчетной золотой казны?»
«Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ!
Ни полъ-царства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
Кто церкву ограбитъ, мужика убьетъ,
Кто жену у мужа со двора сведетъ,
Да уйдетъ въ село боярское
Къ молоду Никитѣ по Романычу—
Не было-бъ ни взыску тамъ, ни выемки».
И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
По той грамотѣ Тарханноей
Новое село боярское,
Что теперь село Преображенское,
Тѣмъ поныпѣ ли слыветъ оно и до вѣку.

Убіеніе царевича Димитрія.

Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится —
То орелъ летитъ поднебесью,
Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея, на зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не лютая змѣя воздывалася,
Воздывался собака—булатный ножъ;
Упалъ онъ не на воду, не на землю,
Упалъ онъ царевичу на бѣлу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрію;
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищи,
На Углищи, на игрищѣ.

Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ночеченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами!
Ужъ какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ;
Царилъ же онъ, злодѣй, ровно семь годовъ.
Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль ковыль къ землѣ клонится.
То имѣетъ грозный Божій гнѣвъ
За православную Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью.
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

Французъ съ арміей валитъ.

Заводилася война
Среди бѣлаго дня,
А какъ начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму—
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакомъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
«Казаки, вы казаки,
Военные мои,
Удалые молодцы!
Безъ размѣрушки пейте
Зеленаго вина.
Посмѣлѣе поступайте
Со Французомъ воевать!»
—Ужъ мы рады воевать,
Слезные капли проливать!—
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ,
Онъ валитъ, таки валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ—
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всею матушку Россеюшку
Во полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!

Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!»
На лужку было лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лопуховъ ѣздилъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для чего не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца—пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужъ мы бились, рубились
Четырнадцать часовъ.
Съ пяти на десять пробило,
Стали силу разбирать,
Стали силу разбирать
И полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Генераловъ до осьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,

Таку рѣчь говоритъ:
«Вы подайте-ка, ребятушки,
Чернильницу со перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому—
Императору царю:
Еще нашъ—отъ генералъ
Много силы издержалъ».

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Съ какихъ поръ проявились калѣки перехожіе.

Середи было тепла лѣта,
Наканунѣ вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси, Христосъ царь небесный!
На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станетъ,
Одѣвати ставетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?»
Проглаголетъ Христосъ, царь Небесный:
«Не плачьте вы, нищая братья!
Дамъ я вамъ, нищимъ убогимъ,
Гору крутую—золотую;
Умѣйте горою владати,
Промежду собою раздѣляти;
Будете вы сыти и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.»
—Проглаголетъ Іоаннъ Златоустій:
«Гой еси, Христосъ, Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью, за убогую:
Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнаютъ гору пастыри и власти;
Зазнаютъ гору торговые гости;
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору златую;
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищую братью не допустятъ.
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кроволитства,
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ и убогимъ
Имя твое святое:
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя—Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.»
Проглаголетъ Христосъ, Царь Небесный:
Исполать тебѣ, Іоаннъ Златоустій!
Умѣлъ ты словечко промолвить
За нищую за братью—за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя!»
Мы пѣснь поемъ: «аллилуйя!»

Стихъ о двухъ Лазаряхъ.

Жили да были два брата родные—оба Лазаря—
На вольномъ свѣту;
Единая ихъ матушка воспородила,
Да не единою долей ихъ Господь надѣлилъ:
Большому-то брату Лазарю богатства тьма,
Меньшому-то брату Лазарю убожество и рай.
Сослалъ Господи на убогаго гнѣвъ:
Лежалъ же убогъ Лазарь онъ во трудѣ, весь во гноищѣ;
Воскликнетъ онъ, возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
—«Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!
За имя Господне призри ты меня,
За имя Христово напой, накорми!
Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ,
И хлѣба я соли въ ротъ не биралъ».
Воскликнулъ же, возгаркнулъ богатый Лазарь
Громкимъ своимъ голосомъ:
—Что жъ ты за невѣжа—такой человѣкъ?

Братомъ меня нарекаешь.
А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы-те да бояра—то братія моя;
Попы-те церковны—то хлѣбъ-соль съ ними одна у меня.
А есть у меня два люта пса,
Али они-то братья твои.
Плюнулъ же богатъ Лазарь, самъ прочь отошелъ;
Всходилъ же богатъ Лазарь въ палаты свои,
Садился богатъ Лазарь хлѣбъ—соль вокушать,
Садился богатъ Лазарь пойло испивать.
А есть у богата два лютые пса:
Подстольемъ они ходятъ,
Обронныя крошечки собираютъ,
Къ убогому Лазарю приношиваютъ,
Убогаго Лазаря пронитываютъ,
Во гноищѣ его раночки зализываютъ;
Вставалъ же убогъ Лазарь онъ весь изцѣленъ,
Вставалъ же убогой на рѣзвы ноги,
Молитву онъ творилъ самъ ко Господу:
«О Господи! услыши молитву мою,
Да восприми, Господи, на хвалы свои,
Создай мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ, все немилосливыхъ,
По мою душеньку, по Лазареву!
Не такъ моя душенька поцарствовала,
Живучи, бывучи на вольнымъ свѣту».
Выслушалъ же Господи молитву его,
Да воспринялъ Господи на хвалы къ себѣ,
Сославъ ему Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, милосливыхъ
По его по душу, по Лазареву.
Вынимали его душеньку честно-хвально въ сахарны уста,
Положили его душеньку на Божью пелену,
Воздымали его душеньку вверхъ на небеса,
Отдавали его душеньку ко Якову въ рай;
«Вотъ тебѣ, святой отецъ Іаковъ святая душа!»
Опослѣ богатый Лазарь не долго онъ живетъ:
Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь прокладжатися,
Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися;
Пошелъ же богачъ Лазарь изъ пиру домой;
Воздымало богатаго повыше его,
Обрушило богатаго о мать о сыру землю:
Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
Во всю темну ноченьку до бѣлой зари;
На бѣлую на зореньку образумился,
Да не узрилъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго,
Да не узрилъ богачъ Лазарь дому своего,
Да не узрилъ богачъ Лазарь жены и дѣтей;
Молитву творитъ самъ ко Господу:
О Господи, Спасъ милостивый!
Восприми, Господи, молитву мою,
Создай ты мнѣ, Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, все милосливыхъ,
По мою ли по душеньку, по Лазареву,
Не такъ моя душенька помаялася,
А живучи-бывучи на вольнымъ свѣту».
Выслушалъ же Господи молитву его,
Не воспринялъ Господи на хвалы свои,
Сославъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ немилосливыхъ
По его ли по душеньку, по Лазареву.
Вынимали его душеньку нечестно, нехвально,
Сквозь реберъ его костей.
Вздымали его душеньку весьма высоко,
Обрушили его душеньку во тьму глубоко,
Во тьму глубоко, воплящій огонь.
Узрилъ же богачъ Лазарь изъ муки въ рай,
Да узрилъ же богачъ Лазарь Обрамія въ раю,
Опослѣ Обрамія—брата своего.
«Ой, милый братецъ, убогій Лазарь,
Есть у тебя, братецъ, правая рука,
На правой на рученькѣ есть мизинный перстъ.
Обмокни-ко сь, родимый, холодной водой,
Закропи-ко сь, родимый мой, палящій огнь!
Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть!»
Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь:
—«Какой ты мнѣ есь братецъ! какой ты родной?
А есть у тебя братья, каковъ ты самъ богатъ:
Купцы-те бояре-то братья твои,
Попы-те церковники-то, хлѣбъ-соль съ ними одна у тебя».
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ, мой убогій Лазарь!

Купцы-те, бояре всѣ забросяли меня;
Попы-те церковники миновалися,
Золото мое, серебро земля пожрала,
Цвѣтное мое платьице все тлѣнъ воспринялъ».
Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь:
«Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!
Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ, не кормилъ,
У темной ноченьки не прикрывалъ,
Съ укропною свѣчою ты меня не провожалъ?»
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
Что жъ ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
Поилъ-бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
У темной ноченьки я бы укрывалъ,
Съ укропной свѣчею я бы провожалъ».
Отвѣтъ ему держитъ Обрамлей изъ раю:
«Покаялся братъ, Лазарь, да не во время,
Подернуло адъ кромѣшной травой — муравой».

ИСКУССТВЕННЫЙ ЭПОСЪ.

ПОЭМА.

Энеида. *(Виргилія).*

(Смерть Дидоны).

Полночь была. Ужъ все погрузилось въ забвенье и нѣгу,—
Сладкую нѣгу покоя, когда и сердитое море
Дремлетъ во снѣ, не шелохнется лѣсъ, а ночныя свѣтила
Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночные круги;
Спятъ безмолвныя нивы, стада; живописныя птицы,
И прозрачныя воды озеръ, и дикія степи,
Все отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи,—
Все, лишь Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ;
Не прилетаетъ къ ней сонъ: въ ней бодрость сугубитъ заботы.
Вновь запылала любовь и съ бѣшенствомъ прежнимъ пылаетъ:
Снова и гнѣвъ запылалъ и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная»! такъ про себя разсуждаетъ Дидона:
Что мнѣ дѣлать? Снова ли къ тѣмъ женихамъ обратиться,—
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ долго?
Я ли унижу себя и руки царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергала такъ часто?
Чтожъ? за троянскимъ флотомъ идти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ раздѣлить? почему? потому ли, что я оказала
Помощь несчастнымъ? но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну, положимъ; да кто жъ мнѣ позволитъ отечество бросить?
Кто же приметъ меня на корабль? меня ненавидятъ.
Ахъ, погибла Дидона, погибла! ты ли не знаешь,
Ты ли не видишь еще, что троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ тирійцевъ, я съ ними вмѣстѣ въ далекій
Путь уплыву? и снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣми, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Пѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной;
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокія муки.
Ахъ, сестра! ты тронулась горемъ моимъ и слезами:
Ты мнѣ хотѣла помочь — и бросила въ жертву злодѣю.
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна!

Такъ лишь звѣри живутъ; а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣщанной пепламъ Сихея»!
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.
А Эней, приготовивъ заранѣе все для похода,
Легъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта.—
Снова во снѣ представъ предъ него божественный образъ,
Тотъ же Меркурія образъ — и голосъ и поступь;
Тѣ жъ бѣлокурыя кудри, красою блестящіе члены.
Снова началъ его упрекать такими словами:
«Сынъ богини, время ли спать въ такую минуту?
Или не видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?
Ахъ, безумный! не слышишь, какъ дуютъ попутные вѣтры?
Въ сердцѣ ея преступленье; она умышляетъ засаду;
Ужъ рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаетъ.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались поскорѣе:
Вскорѣ вражьи ладьи все море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебя на этомъ мѣстѣ застанетъ.
Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ перемѣнчивы, шатки».
Такъ говоря, онъ исчезъ и слился съ туманами ночи.
И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ ото сна, идетъ и товарищей будитъ:
«Встаньте, товарищи, бодрствуйте, весла скорѣе берите
И паруса поднимайте. Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ, во снѣ представъ предо мною,
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и не медля отрѣзать канаты.
Кто бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.
Боги, прибудьте на помощь и путь ниспошлите счастливый».
Такъ говоря, онъ выхватилъ мечъ молньеносный и рубитъ
Острымъ булатомъ канаты, сѣчетъ — и лопнули вервья;
Бросились къ дѣлу троянцы: рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ веселъ. И пристань въ-мигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась и, вставъ съ багряна ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящія земли и воды.
И едва востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалявшійся въ море.
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота.
Впала въ безумье царица: длань ю грудь поражаетъ,
Рветъ бѣлокурыя кудри и плачетъ: «О всемогущій!
Этотъ пришлецъ уплыветъ и надъ царствомъ моимъ посмѣется?
Какъ? не вооружится никто, не ударитъ въ погоню!...
И не берутъ кораблей изъ верфи?.. Идите, идете,
Пламя несите скорѣй, скорѣй паруса поднимайте!...
Что говорю я? гдѣ я? ахъ, какое безумье!
Ты гнушаешься низкимъ поступкомъ, несчастна Дидона!
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не гнушалась?
Вотъ Энеева вѣрность! вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ съ собою унесъ пенатовъ изъ Трои;
Этотъ мужъ на плечахъ уносилъ родителя старца;
Я-ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить? товарищей всѣхъ умертвить? иль, тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытить родителя сыномъ?
Но вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ бы. Положимъ.
Что жъ мнѣ бояться? Я понесла бы въ лагерь троянцевъ

Факелъ пожара; я бы сожгла корабли, истребила,
И на развалинахъ ихъ сама бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце! ты освѣщаешь дѣянія смертныхъ;
Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья;
Ты, о Геката, которая въ ночь на распутіи воешь;
Мстящія фуріи, боги Дидоны, жаждущей смерти,
Вы внемлите мольбамъ, обратите взоръ милосердый
На страданья мои. И если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодѣй пристылъ и увидѣлъ завѣтную землю;
Если такъ небу угодно, чтобъ я непремѣнно погибла:
Пусть же злодѣй, побѣжденный на брани храбрымъ народомъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь, какъ жалкій изгнанникъ,
Молитъ пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти собратовъ,
Миръ заключитъ съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ условьяхъ;
И тогда, лишенный престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ, — но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гроба.
Боги! эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о тирійцы, къ ихъ племени, роду
Ненависть вѣчно питайте; утѣшьте мой пепелъ въ могилѣ.
Пусть между ними и нами не будетъ союза, ни дружбы;
Пусть изъ могилы моей имъ грозный мститель возстанетъ
И преслѣдуетъ Дардана родъ мечемъ и пожаромъ
И теперь и всегда, лишь будутъ силы для мести.
Пусть берега съ берегами и волны съ волнами враждуютъ!
Мечъ пусть враждуетъ съ мечемъ, съ отцами дѣти и внуки!»
Такъ сказала она и повсюду взоромъ поводитъ;
Свѣтъ ей постылъ: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихея кормилицу, Барку
(А ея кормилица въ прежней отчизнѣ скончалась),
Такъ говоритъ: «позови мнѣ Анну, любезная Барка.
Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчною водою,
Пусть приведетъ и жертву и все приготовитъ, что нужно.
Ты и сама покрой чело священной повязкой:
Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
Я теперь совершить хочу и окончить заботы,
Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа».
И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить.
Въ страхѣ и въ страшномъ какомъ-то восторгѣ Дидона вбѣжала
На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался:
Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
Пятна покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
Быстро въ волненьѣ взошла на костеръ и мечъ обнажила,—
Мечъ дарданскій, не для такой предназначенной цѣли.
И, увидѣвъ Энея броню и знакомое ложе,
Начала плакать; потомъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,
Къ ложу склонилась и такъ послѣдній разъ говорила:
«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
Вы примите душу мою, разрѣшите отъ горя.
Я жила и исполнила путь, предназначенный рокомъ;
А теперь моя тѣнь удалится въ подземныя страны.
Я основала городъ, я видѣла славныя стѣны,
Я отмстила за смерть супруга коварному брату;
Счастлива, ахъ! и счастлива слишкомъ была бы Дидона,
Если бы этотъ берегъ не видѣлъ дарданскаго флота».
И, коснувшись ложа устами, «я умираю безъ мести,
Но я умру» — сказала — «мнѣ смерть отрадна и сладка:

Пусть жестокій взираетъ на пламя съ
глубокаго мора,
Пусть унесетъ съ собою извѣстье о
смерти Дидоны».

Такъ окончивъ, упала на одръ. Прибѣжали подруги:
Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзенныя перси
И обагренныя руки царицы. Крики и
вопли
Вдругъ огласили дворецъ, и молва пронеслась въ Карѳагенѣ.
Плачъ и рыданіе всюду: жены и плачутъ и воютъ;
Домы дрожатъ и воздухъ трепещетъ отъ
страшнаго стона.
Точно, казалось, какъ будто бы врагъ
овладѣлъ Карѳагеномъ
Или древнимъ Тиромъ; будто пожарное
пламя
Вдругъ охватило кровли домовъ и божественныхъ храмовъ.

А сестра, услышавъ шумъ и смятенье
въ чертогахъ,
Рветъ руками лице и, дланію грудь поражая,
Сквозь толпу пробираясь, летитъ и сестру призываетъ:
Вотъ что, родная, было! меня обмануть
ты хотѣла?
Ахъ, для того ли костеръ, для того ль
алтари и воздвигла?
Что-жъ одинокой мнѣ дѣлать теперь? и
ты, умирая,
Ты обо мнѣ забыла? зачѣмъ ты меня не
призвала?
Тотъ же мечъ однимъ ударомъ пронзилъ
бы два сердца.
Ахъ, сестра жестокая! я для того ль
положила
Этотъ костеръ? для того ли боговъ призывала въ молитвѣ,
Чтобы увидѣть тебя и на вѣкъ разлучиться съ тобою!
Я погубила тебя, и себя, и сидонскихъ
собратовъ;
Я погубила твой городъ! Дайте воды:
я омою
Рану ея, если душа несовсѣмъ улетѣла,
Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе
вздохи!»
Такъ говоря, она взошла по ступенямъ
высокимъ,
Пала на тѣло сестры и, обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
Плачетъ и стонетъ, и платьемъ черную
кровь отираетъ.
А Дидона хотѣла поднять тяжелыя вѣки
И сомкнула снова, хранитъ подъ грудію
рана.
Трижды она приподнялась, рукой опираясь усильно,
Трижды упала на одръ и мутнымъ взоромъ искала
Милаго свѣта небесъ: нашла и вздохнула глубоко.

Сжалилась матерь Юнона и, видя тяжкія муки
Трудной кончины, съ высотъ Олимпа
послала Ириду,
Чтобы она разрѣшила бореніе перти съ
душею.
Не по велѣнью судьбы умирала царица,
но смертью
Грѣшныхъ людей, но сраженная горемъ,
какъ жертва безумья.
Ей Прозерпина еще не отсѣкла волосъ
бѣлокурыхъ,
Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ;
Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечетъ за
собою отъ солнца
И, прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
«Эту жертву я приношу подземному богу
И разрѣшаю душу твою отъ бреннаго
тѣла»
Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ;
мгновенно
Вся теплота удалилась, и жизнь улетѣла
на вѣтеръ.

Шершеневичъ.

Освобожденный Іерусалимъ.

(Торквато—Тасса).

I. сборы въ походъ.

Пустынникъ Петръ говорилъ въ Верховномъ совѣтѣ. Онъ предложилъ Готфреда въ вожди.

Скончалъ пустынникъ рѣчь!—Небесно
вдохновенье!
Не скрыто отъ тебя сердечное движенье:
Ты въ старцовы уста глаголъ вложило сей

И сладость опаго влило въ сердца князей;
Ты укротило въ нихъ бунтующія страсти,
Духъ буйной вольности, любовь врожденну къ власти,
Вильгельмъ и мудрый Гельфъ, первѣйшіе изъ вождей,
Готфреда нарекли вождемъ самихъ царей.

И плески шумные избранье увѣнчали!
«Ему единому», всѣ ратники вѣщали,
«Ему единому вести ко славѣ насъ;
Законы пусть даетъ его единый гласъ!
Доселѣ равные, его послушны волѣ,
Подъ знаменемъ святымъ пойдемъ на бранно поле.
Поганство буйное святынѣ покоримъ!
Награда Небо намъ, умремъ иль побѣдимъ»!

Узрѣли воины начальника избранна
И властію почли достойно увѣнчанна.
Онъ плески радостны отъ войска воспріялъ;
Но видъ величія спокойнаго являлъ.
Клялися всѣ его повиноваться волѣ.
На утро онъ велѣлъ полкамъ сбираться въ полѣ,
Чтобъ рать подъ знамена священны притекла!
И слава царское велѣнье разнесла.

Торжественнѣй въ сей день явилось надъ морями
Свѣтило дня, лучи ліющее рѣками!
Христово воинство въ порядкѣ потекло,
И долъ обширнѣйшій строями облегло.
Развились знамена и копья заблистали;
Скользящіе лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двигнулось—передъ вождемъ течетъ
Тяжела конница и ей пѣхота вслѣдъ.

О память свѣтлая! Тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны;
О память! Мнѣ свои хранилища открой!
Чьи ратники сіи? Кто славный ихъ герой?
Повѣждь - да слава ихъ, утраченна вѣками,
Твоими возблеститъ нетленными лучами!
Увѣковѣчи пѣснь нетлѣніемъ своимъ.
И время сокрушитъ желѣзо передъ нимъ.

Явились первые неустрашимы Галлы,
Ихъ грудь облечена въ сліянные металлы;
Оружіе звенитъ тяжелое въ рукахъ.
Гугъ, царскій братъ, сперва былъ вождемъ въ сихъ полкахъ;
Онъ умеръ, и хоругвь трехъ лилій благородныхъ
Не въ длани перешла ея царей природныхъ.
Но къ мужу славному по доблести своей:
Клотарій избранъ былъ въ преемники царей.

Счастливой Иль-де-Франсъ; обильной многоводной,
Вождя и ратниковъ страною былъ природной.
Нормандцы грозные текутъ симъ войскамъ вслѣдъ,
Робертъ, ихъ кровный царь, ко брани днесь ведетъ.
На Галловъ сходствуетъ оружье ихъ и нравы;
Какъ Галлы, не щадятъ себя для царской славы.
Вильгельмъ и Адемаръ ихъ войски въ брань ведутъ,
Народовъ пастыри за Вѣру кровь ліютъ.
Кадильницу они съ булатомъ сочетали
И длинные власы шеломами вѣнчали.
Святое рвеніе! - Ихъ мѣткая рука
Умѣетъ поражать враговъ издалека.
Четыреста мужамъ, въ Оранги рожденнымъ,
Вильгельмъ предшествуетъ со знаменемъ священнымъ;
Но равное число идетъ изъ Пуйскихъ стѣнъ,
И Адемаръ вождемъ той рати нареченъ.
Се идетъ Бодоинъ съ болонцами своими!
Покрыты чела ихъ шеломами златыми.
Готфреда воины за ними вслѣдъ идутъ,
Вождемъ своимъ теперь царева брата чтутъ.
Корвутскій Графъ потомъ, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведетъ на подвигъ бранной,
Но трижды всадниковъ толикое число
Подъ Болоиновы знамена притекло.

Гелфъ славный возлѣ нихъ покрылъ полками поле;
Гелфъ славенъ счастіемъ, но мудростію болѣ.
Изъ дома Эстскаго сей витязь родился,
Воспринятъ Гелфомъ и Гелфомъ назвался;
Коринтіей теперь богатой обладаетъ
И власть на ближнія долины простираетъ,
По коимъ катитъ Рейнъ свой сребреной кристаллъ;
Свевъ дикій искони тамъ въ дѣтствѣ обиталъ.

Батюшковъ.

II. ОЧАРОВАННЫЙ ЛѢСЪ.

Вблизи раскинутыхъ шатровъ,
Въ долинѣ углубленной,
Былъ лѣсъ—воспитанникъ вѣковъ,
Природѣ современной.
Надъ нимъ лежала вѣчно тѣнь
Угрюмая, густая;
Ея не разгонялъ и день,
Съ среды небесъ сіяя.
Такъ съ утреннею мглой слiянъ
Или съ вечерней мглою,
Лежитъ задумчивый туманъ
Надъ дремлющей землею.

Когда жъ послѣдній солнца свѣтъ
Гасъ на вершинѣ лѣса,—
Лѣсъ ужасами былъ одѣтъ
И мраками Аидеса;
Склоненный взоръ къ нему темнѣлъ,
И сердце леденѣло;
Тамъ пастырь стадъ пасти не смѣлъ,
Тамъ волъ дрожалъ дебелой,
И путникъ мимо пробѣгалъ,
Собравъ остатки силы,
И трепетнымъ перстомъ казалъ
Другимъ на лѣсъ унылый.

Туда въ ночи на облакахъ
Волшебницы слетались
Съ любовниками на рукахъ;
Тамъ браки ихъ свершались;
Тамъ слышенъ былъ и шумъ пировъ
И шумъ веселыхъ оргій;
Тамъ развращенная любовь
Вливала ядъ въ восторги;
Тамъ дѣти ада средь забавъ
Природу унижали;
Тамъ, виды разные пріявъ,
Совѣтъ они держали.

Изъ жителей сосѣднихъ селъ
Никто въ лѣсу угрюмомъ
Ни вѣтви отрубить не смѣлъ,
Ни сна встревожить шумомъ.
Но страхъ носившая молва
Годфредовой дружины
Не устрашила,—и древа
Съ корней сошли въ машины.
Тогда въ полуночи глухой
Исменъ, проникнувъ мраки,
Обводитъ кругъ въ тѣни густой
И пишетъ тайны знаки.

Сандаліи и поясъ снявъ,
Онъ—за черту пятою,
И, волхованья прошептавъ,
Три раза за чертою
Склонялся къ западу челомъ,
Три раза въ край востока;
Три раза потрясалъ жезломъ,—
Сей жезлъ, властитель рока,
Сзывалъ усопшихъ изъ могилъ,—
И трижды въ лѣсъ дикомъ
Стопою землю поразилъ
Съ необычайнымъ крикомъ.

«Внимать, внимать словамъ моимъ!
Вы, сверженные въ бездны
Перуномъ неба огневымъ;
И вы, подъ своды звѣздны
Взвѣвающіе вихръ, и градъ,
И дождь, и молній стрѣлы;
И вы, которымъ царство—адъ,
Казнь грѣшныхъ—пиръ веселый;
И ты, властитель сихъ духовъ,
Монархъ угрюмый ада,
Всѣ, всѣ на мой стекитесь зовъ,
Всѣ вѣчныхъ мраковъ чада!

«Вотъ лѣсъ! нѣтъ древъ несчетныхъ въ немъ;
На стражу къ нимъ толпами!
Какъ духъ съ живымъ слитъ существомъ,
Такъ слейтесь вы съ древами;
И кто дерзнетъ изъ христіанъ
Съ сѣкирой стать предъ древомъ,
Да будетъ страхомъ обаянъ
И прогнанъ вашимъ гнѣвомъ!»
И много страшнаго изрекъ,
Что внутренность тревожитъ,
Чего неизвергъ человѣкъ
И повторить не можетъ.
Луна сокрылась въ облакахъ,
Послышавъ гласъ ужасный,
И, вздрогнувъ въ дальнихъ высотахъ,
Померкли звѣзды ясны,
И всколебался неба сводъ,
А духи не бывали.
И снова ихъ Исменъ зоветъ:
«Скорѣй, сыны печали,
Скорѣй на мой стекитесь зовъ!
Гдѣ держитъ васъ измѣна?
Или грознѣе прежнихъ словъ
Вы ждете отъ Исмена?

«Еще не позабыто мной
Искусство заклинаній;
Еще языкъ кровавый мой
Предъ чадами градовій
Умѣетъ имя произнесть,
Предъ Коимъ встрепенется

И адъ, и все, что въ адѣ есть,
И царь вашъ ужаснется.
Что если... если...» И готовъ
Ужъ былъ сказать онъ слово,
Но умолчалъ: полки духовъ
Познали гласъ суровый.

Они изъ водъ, изъ-подъ небесъ,
Изъ безднъ, объятыхъ мглою,
Изъ ада налетѣли въ лѣсъ
Безчисленною тьмою.
Еще ихъ черныя сердца
Дрожали отъ прещенья,
Не быть и не казать лица
Предъ строемъ ополченья;
Но входа имъ въ дремучій лѣсъ—
Въ таинственныя сѣни—
Не заповѣдалъ царь небесъ,
Не налагалъ прещеній.

Восторженный успѣхомъ чаръ,
Исменъ предсталъ предъ трономъ:
«Спокойся! отстраненъ ударъ,
Висѣвшій надъ Сіономъ,
И твой престолъ неколебимъ»,
Сказалъ онъ Аладину.
«Мы скоро, скоро посрамимъ
Годфредову дружину;
Ужъ не воздвигнутся врагомъ
Бойницы—ужасъ града!»
И разсказалъ передъ царемъ
О заклинаньѣ ада.

«Узнай, счастливый государь,
Судьба къ намъ благосклонна»
Прибавилъ онъ: «немного зарь
Прогрянетъ съ небосклона—
И Солнце съ Марсомъ въ знакѣ Льва
Небеснаго сойдется,
И зной отъ нихъ на дерева,
На воды разольется,
И вѣтръ прохладный на поля
Поблеклы не повѣетъ,
И не дождется росъ земля,
И въ зноѣ смерть созрѣетъ.

«Жары палящіе на Сіонъ,
Какихъ не знаютъ лѣтомъ
Ни Гарамантъ, ни Назамонъ;
Намъ будетъ подъ наметомъ,
Въ тѣни деревъ и при водѣ,
Убѣжище отъ зноя;
Пришельцамъ отъ него нигдѣ
Прохлады и покоя;
Межъ тѣмъ на изнуренный станъ
Бѣда другая грянетъ:

Нахлынутъ рати египтянъ,
И вражьихъ силъ не станетъ.

«Спокойный зритель чуждыхъ бѣдъ,
Не ополчась къ бою,
Ты лавры соберешь побѣдъ
Безкровною рукою.
Захочетъ ли тебя склонить
На брань Черкесъ кичливый,—
Умѣй совѣтами смирить
Души его порывы.
На что опасностямъ войны
Вѣриться дерзновенно?
Безъ нихъ мы скоро тишины
Дождемся вожделѣнной».

Исменъ умолкъ, и Аладинъ,
Утѣшенный сей вѣстью,
Уже не трепеталъ дружинъ,
Пришедшихъ къ граду съ местью;
Но въ дни надеждъ еще не спитъ
Въ душѣ его заботa:
У поврежденныхъ стѣнъ кипитъ
И день и ночь работа;
Разнесся кличъ съ конца въ конецъ—
И рабъ полъ-изможденный,
И житель града, и пришлецъ
Стеклись къ трудамъ на стѣны.

Годфредъ, въ то время на врагокъ
Замысливъ вновь осаду,
Горѣлъ желаньемъ—башню вновь
Создать и двинуть къ граду:
И, вѣрный помысламъ, онъ въ лѣсъ
Нарочныхъ посылаетъ.
Заря взошла на край небесъ,
И бодро въ путь вступаетъ
Рой посланныхъ; но къ лѣсу шагъ—
И, чуждый прежде смѣлыхъ,
Мгновенно распростерся страхъ
Въ сердцахъ оледенѣлыхъ.

Невинное дитя порой
Боится привидѣній,
И съ трепетомъ во мглѣ ночной
Какихъ-то ждетъ явленій;
Послышавъ шумъ, оно дохнуть
И глазъ открыть не смѣетъ:
Такъ посланныхъ толпа взглянуть
На темный лѣсъ робѣетъ;
Остановилась, и предъ ней
Въ сей мигъ ополченья
И Сфинксовъ и Химеръ страшнѣй
Роятся привидѣнья.

И, страха снѣжаго полна,

Обратными стопами
Въ нетерпѣливый станъ она
Пришла, и предъ полками—
Съ горящимъ на лицѣ стыдомъ,
Съ смущеніемъ печали
Пересказала обо всемъ,
И вѣры ей не дали.
Годфредъ прибавилъ къ ней отрядъ
Дружины въ сѣчахъ смѣлой,
И ободренные—назадъ
Въ дремучій лѣсъ на дѣло.

И приближались ужъ къ мѣстамъ—
Къ жилищу привидѣній.
Но лишь представились очамъ
Деревъ густыя сѣни,—
И страхъ сердца оледенилъ,
И лица поблѣднѣли:
Они, собравъ остатокъ силъ,
Идутъ полмертвы къ цѣли;
И мнимой смѣлости лежитъ
На челахъ ихъ завѣса,
Идутъ, сжавъ въ сердцѣ страхъ и стыдъ,
И были ужъ у лѣса.

Вдругъ гулъ глухой изъ-за деревъ,
Какъ гулъ землетрясенья,
Какъ вѣтровъ вой, какъ моря ревъ
Въ часъ бурнаго волненья,
Иль стонъ, раждаемый волной,
Утесомъ раздробленной...
Казалося, слились въ одно:
Ревъ львицы раздраженной,
Шипѣнье змій и вой волковъ,
И трубны звуки рѣзки,
И разгромившихся громовъ
Грохочущіе трески.

И блѣдный страхъ въ живыхъ чертахъ
На лицахъ ихъ развился;
Спитъ мысль о власти въ ихъ душахъ,
И разумъ омрачился;
Никто отважиться не смѣлъ
На явныя отпоры:
Бѣгутъ—и градомъ потъ съ ихъ челъ,
Къ землѣ приникли взоры.
Одинъ изъ нихъ къ вождю предсталъ
Дрожащею стопою,
И оробѣвшихъ извинялъ,
И говорилъ герою:

«Нѣтъ, государь, никто изъ насъ
Не смѣетъ похвалиться,
Что въ лѣсъ пойдетъ и въ срочный часъ
Съ побѣдой возвратится;
Туда слетѣлись духи тьмой,
Тамъ адская защита;
И грудь того тройной броней
Алмазною покрыта,
Кто хладный взоръ дерзнетъ возвесть
На лѣсъ, тьмой силъ стрегомый;
Въ томъ чувства нѣтъ, кто можетъ снесть
И вой, и свистъ, и громы».

Въ толпѣ внимавшихъ рѣчи сей
Алькастъ стоялъ надменный,
Презритель смертныхъ и смертей,
Безумно-дерзновенный,
Который стан гидръ видалъ
Съ спокойствіемъ во взорѣ,
Котораго не устрашалъ
Ни валъ девятый въ морѣ,
Ни громъ, гремящій надъ главой
На рдяномъ неба сводѣ;
Ни лавы, льющися рѣкой,
Ничто во всей природѣ.

«Я, я!» съ улыбкой онъ сказалъ,
«Иду, куда сей воинъ
Стопой коснуться не дерзалъ;
Одинъ Алькастъ достоинъ
Свершить недовершенный трудъ,
Встревожить спящи тѣни,
Гдѣ духи адскіе живутъ
И стаи привидѣній.
Нѣтъ, голосъ птицъ и шорохъ древъ
Алькаста не встревожитъ;
И разступившійся эревъ
Смутить меня не можетъ».

Алькастъ сказалъ,—и въ путь идетъ
Съ согласія Годфреда.
Уже и лѣсъ предъ нимъ встаетъ,
Уже близка побѣда;
Онъ слышалъ страшный ревъ и вой,
И сердцемъ не смутился,
И далѣ смѣлою стопой,
И чащи ужъ касался;
И близокъ былъ уже предѣлъ
Земли обвороженной
И.... вдругъ изъ лѣса налетѣлъ
Пожаръ волной сгущенной.

Алькастъ гладитъ—пожаръ растетъ
И, дымъ клубя грядою,
Отъ низу до верху встаетъ
Разженною стѣною;
И скоро лѣсъ въ огнѣ былъ весь,
И доступу нѣтъ къ сѣни.
Алькастъ глядитъ—и тамъ и здѣсь
Тьма тьмою привидѣній:
Тамъ крѣпостей и замковъ рядъ;

Здѣсь башни и раскаты;
Тамъ битвъ орудія стоятъ,
Рѣкой огней объяты.

Какихъ чудовищъ видитъ онъ
Между зубцами башенъ!
Какъ слуху хохотъ, крикъ и стонъ,
Какъ взору видъ ихъ страшенъ!
Они въ глаза ему глядятъ,
Оружьемъ потрясая:
И взоръ онъ обратилъ назадъ,
Отъ лѣсу отступая.
Алькастъ бѣжитъ, не торопясь,
Какъ волкъ отъ ловчихъ смѣлой;
Но все бѣжитъ, и въ первый разъ
Въ немъ сердце оробѣло.

И долго вѣрить не хотѣлъ,
И долго сомнѣвался,
Что страхъ душей его владѣлъ;
Опомнясь, онъ терзался
И недоволенъ былъ собой,
И мучился досадой,
Бродя одинъ съ своей тоской
У ставокъ за оградой.
Онъ прежде смѣлостью своей
Въ рядахъ дружинъ гордился;
Теперь, прискорбный, на людей,
На свѣтъ глядѣть стыдился.

Къ Годфреду званный много разъ,
Онъ медлилъ, извинялся;
Но наступилъ урочный часъ—
Онъ шелъ и колебался;
Онъ шелъ, потупивъ въ землю взоръ,
Стопы его прожали;
Печаль и темный разговоръ
Годфреду все сказали.
«Что думать остается намъ?
Мечтанья ли крылаты,
Или чудеса природы тамъ?»
Сказалъ дружинъ вожатый.

«Я всѣмъ даю на произволъ
Свершить благое дѣло;
Кто бъ, рыцари, изъ васъ пошелъ
Съ рѣшимостію смѣлой?
Кто бъ вѣсть вѣрную принесъ
И сладкую отраду?»
И смѣлые изъ стана въ лѣсъ
Ходили три дни сряду,
И покушались всякій разъ
Проникнуть въ мрачны сѣни;
Но къ лѣсу шагъ и въ тотъ же часъ
Бѣгутъ отъ привидѣній.

Танкредъ послѣдній долгъ отдалъ
Своей Клориндѣ милой;
И все еще по ней страдалъ,
И не собрался съ силой;
Едва онъ могъ носить шеломъ,
Броню и мечъ тяжелой.
Но честь зоветъ, и сердце въ немъ
Отвагой закипѣло.
Танкредъ, душевныхъ полный силъ
И думы, славой льстящей,
Тѣлесну силу ощутилъ
И—въ путь къ волшебной чащѣ.

Безмолвно, тихою стопой,
На явную опасность
Идетъ,—въ душѣ его покой.
Въ отверстомъ взорѣ ясность.
Уже и лѣсъ очамъ предсталъ.
А онъ не ужасался;
Уже и громъ загрохоталъ,
И долъ поколебался,
И—вздрогнулъ нехотя герой.
Опомнясь, снова къ цѣли:
Идетъ, глядитъ,—и вдругъ стѣной
Пожары лѣсъ одѣли.

И, шагъ назадъ, Танкредъ стоитъ
И думаетъ съ собою:
«Что можетъ здѣсь мой мечъ и щитъ?
Погибель предо мною;
Ужель довѣриться мнѣ ей,
Ужель огнямъ отдаться?
Я жизни не щажу моей,
Я съ ней готовъ разстаться,
Гдѣ долгъ велитъ мнѣ защищать
И честь и многихъ благо:
Танкредъ умѣетъ различать
Геройскій духъ съ отвагой.

«Но какъ въ шатры ни съ чѣмъ придти?
Что скажутъ о Танкредѣ?
И гдѣ намъ лѣсъ другой найти?...
Годфредъ въ пути къ побѣдѣ
Препонамъ врагъ... когда жъ другой
Смѣлѣй меня найдется?...
Быть можетъ, сей пожаръ густой
Огнемъ безвреднымъ льется,
Быть можетъ, онъ игра лишь чаръ;
Рѣшусь и путь открою!»
Сказалъ—и ринулся въ пожаръ
Безтрепетной душою.

И онъ ужъ тамъ, и не палитъ
Пожаръ его кипящій;
И онъ не знаетъ, что сей видъ,
Что этотъ пламень чащи:

И онъ опомниться не могъ
И вѣры дать видѣнью.
Пожаръ исчезъ—и снѣгъ возлегъ,
И мракъ густой надъ сѣнью;
Но лишь минута протекла—
И лѣсъ разоблачился,
Разсѣялась густая тьма
И съ нею снѣгъ сокрылся.

Дивился рыцарь молодой,
Но сердцемъ не смущался;
Онъ твердою ступалъ ногой,
Онъ въ чащу углублялся
И взоромъ тайны вопрошалъ
Обвороженной сѣни.
Все тихо, рыцарь не встрѣчалъ
Ни чудь, ни привидѣній,
И не было ему преградъ;
И только лишь порою
Нависшихъ древъ широкій рядъ
Путь заграждалъ герою.

Онъ далѣ, и предсталъ очамъ
Полкругомъ долъ широкій:
Ни деревца не видно тамъ;
Лишь кипарисъ высокій,
Какъ пирамида, возставалъ
Въ срединѣ дола гордо.
Танкредъ къ нему, все озиралъ.
И надъ корою твердой
Увидѣлъ тайны письмена,
Какими предавали
Въ Египтѣ въ древни времена
Завѣтну мысль скрижали.

Межъ сихъ невѣдомыхъ письменъ
И тайнаго гаданья
Прочелъ сирійскихъ онъ племенъ
Знакомы начертанья:
«О ты, вступившій въ смертный долъ,
О дерзостный воитель!
Зачѣмъ ты возмущать пришелъ
Почіющихъ обитель?
Итакъ мы свѣта лишены....
О, сжалься же надъ нами!
Герой, живые не должны
Вести брани съ мертвецами».

Еще Танкредъ не отгадалъ,
Что крылось подъ словами;
Еще онъ, полный думъ, стоялъ,
И слышитъ межъ листами
Дыханье вѣтра пронеслось.
И листья зашептали,
Какъ будто кто-то тамъ сквозь слезъ
Давѣлъ вздохъ печали;
И звуковъ скорбь перелилась
Въ отверстый слухъ героя;
И въ сердцѣ жалость отдалась;
Оно чуть бьется, ноя.

Но чувства скорби унялись;
Онъ мечъ тяжеловѣсной
Поднялъ, ударилъ въ кипарисъ
И—зрѣлище чудесно!—
Изъ древа кровь бѣжитъ ручьемъ
И землю обагряетъ.
Танкредъ содрогся, но мечемъ
Удары удвояетъ,
Рѣшившись съ тайны снять покровъ:
И слышитъ стонъ унылый,
Какъ-будто голосъ мертвецовъ,
Исшедшій изъ могилы.

И слышитъ жалобную рѣчь:
«Остановись, жестокій!
Я пала разъ, твой острый мечъ
Мнѣ раны далъ глубоки.
Давно ли духъ отъ тѣла мой
Ты отлучилъ, воитель?
Зачѣмъ же дерево—судьбой
Мнѣ данную обитель—
Мучитель, хочешь сокрушить?
Ужели въ мстящей злобѣ
Не дашь покойно опочить
Врагамъ твоимъ и въ гробѣ?

Клоринда прежде я была,
И въ этомъ лѣсѣ дикомъ
Я пристань не одна нашла:
Здѣсь въ множествѣ великомъ
Твои, мои враги живутъ —
Всѣ, павши у Солима;
Насъ сила приковала тутъ
Къ древамъ непостижима,
И въ эти вѣтви и листы
Проникъ духъ жизни новый.
Брось мечъ, когда не хочешь ты
Убійцей быть, суровый».

Больной, увидѣвшій во снѣ
Дракона иль Химеру
Въ разлившемся кругомъ огнѣ,
Не полну дастъ имъ вѣру;
Но вполовину убѣжденъ
Въ обманѣ сихъ явленій,
Все силится, все хочетъ онъ
Бѣжать отъ привидѣній,
И призраки его страшатъ —
Рожденье сновъ и ночи:
Такъ рыцарь страхомъ былъ объятъ,
Блуждая смутно очи.

И мысль одна другой мрачнѣй
Въ душѣ его тѣснилась,
И ужасъ распростерся въ ней;
Длань тихо опустилась,
Мечъ выпалъ; скорбь смѣнила страхъ;
Представилась Танкреду
Клоринда грустная, въ слезахъ,
Съ упрекомъ за побѣду,
За смерть... и видѣть онъ не могъ
Потоковъ крови алой;
И скорбь взрывалъ въ немъ каждый вздохъ,
И сердце замирило.

Такъ безбоязненный герой
И смерть спокойнымъ окомъ
Не разъ видавшій предъ собой
Въ мечахъ, въ бою жестокомъ,
Затрепеталъ отъ мнимыхъ слезъ,
Отъ вздоховъ милой тѣни.
Межъ тѣмъ всталъ вѣтеръ и унесъ
Булатъ его изъ сѣни.
Печальный, онъ идетъ назадъ,
Оставилъ лѣсъ дремучій,
И видитъ—на пути булатъ
Лежитъ его могучій.

Танкредъ идти обратно въ лѣсъ
Волшебный не рѣшился,
Не смѣлъ покрова снять съ чудесъ
И въ ставки возвратился.
Собравшись съ духомъ, говорилъ
Передъ вожатымъ брани:
«Ты слышалъ вѣрну вѣсть; я былъ
Въ лѣсу очарованій;
Я видѣлъ все, все испыталъ,
И не смущался духомъ;
И шуму страшному внималъ
Не оробѣвшимъ слухомъ.

«Я къ лѣсу шагъ — и предо мной
Пожаръ, крутясь клубами,
Возросъ, расширился стѣной,
И, вижу, межъ огнями
Чудовищъ возстаютъ толпы
На охраненье сѣни.
Я все презрѣлъ—и въ лѣсъ стопы:
Стихъ огонь и нѣтъ видѣній.
Я далѣ въ лѣсъ: на лѣсъ легла
Зима со мглою ночи;
Еще—и раступилась мгла;
И снѣгъ узрѣли очи.

«Повѣришь ли? въ древа проникъ
Духъ жизни непонятной:
У нихъ есть чувства и языкъ;
Я слышалъ голосъ внятной,
Отдавшійся въ душѣ моей
Мучительной тоскою;
Я видѣлъ съ ужасомъ очей
Бѣгущу кровь струею...
Я слабъ, Годфредъ, и предъ тобой
Признаться не стыжуся,
Я слабъ—и въ сѣни рокой
Ни вѣтки не коснуся».

С. Раичъ.

Россіада.

Лѣсъ.

Въ тѣняхъ Казанскихъ горъ стоитъ дремучій лѣсъ,
Въ немъ рѣдко видимо сіяніе небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являюши призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы темный сонъ;
Трепешущи листы дають печальный стонъ,
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ:
Тамъ вянуть вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Такъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, бьющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ, и тополи мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
И шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ;
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ.
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.
Среди дубравы сей пространно мѣсто есть,

На коемъ ложное почтеніе и лесть,
Надъ тлѣнной жертвою сіи земной утробы,
Возставила царямъ казанскимъ горды
гробы,
Которыхъ грозная не отдала война,
Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей
почтена.

. . . . . .

Печальный твой покровъ, о! Муза опусти,
Гробницы царскія и жизнь ихъ возвѣсти.
Тамъ виденъ черный гробъ свирѣпаго
Батыя,
Которымъ вольности лишилася Россія.
Онъ полночь съ пламенемъ, и западъ
пробѣгалъ,
Рѣками кровь точилъ, и грады пожигалъ,
Богемію держалъ и Польшу подъ пятою;
Сей варваръ былъ почтенъ, какъ богъ
Ордой златою.
Москва, лишенная цвѣтущей красоты,
Преобратилась въ прахъ его рукою ты!
Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасны
домы;
Дѣвицы были въ плѣнъ изъ стѣнъ твоихъ
влекомы;
Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
По улицамъ ручей невинной крови текъ;
Дать сердцу твоему послѣдніе удары,
Оставилъ твой злодѣй гебъ одни пожары.
Какъ бурный вихрь, прешедъ Россію всю
Батый,
Коснулся и тебѣ, о! Кіевъ, градъ святый!
Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
На долго красныя мѣста опустошились;
Гдѣ крестъ пророчески Андреемъ содруженъ,
Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ
положенъ;
И вмѣсто пѣнія отшельцовъ сладкогласныхъ,
Сталъ вѣтровъ слышенъ шумъ и ревъ
звѣрей ужасныхъ.

Херасковъ.

Потерянный рай.

(Мильтона).

(изъ третьей пѣсни.)

Хвала, о музы, вамъ! Я зрѣлъ селенья
звѣздны,
Безстрашно нисходилъ въ подземны Ада
бездны;
Дерзаю вновь парить въ священный эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный—
И се я чувствую огонь лучей его!
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего:
Зѣницы тусклыя во тьмѣ ночной вращаю
И тщетно средь небесъ я солнце зрѣть
желаю.
Увы, не просвѣтитъ оно моихъ очей!
Мой не увидитъ взоръ златыхъ его лучей!
Но ты, мой вѣрный другъ, божественная
муза,
Ты не прервешь со мной священнаго
союза,
Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
Когда я буду пѣснь святую воспѣвать!
Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесенныхъ,
Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой.
Въ одномъ безмолвіи бесѣдую съ тобой.
Мѣста, живившія мой томный духъ
смущенный,
Гора Сіонская, и ты, ручей священный,
Что при стопахъ ея задумчиво журчишь
И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катишь,
Васъ часто съ музою, слѣпецъ, я посѣщаю!
О, мужи славные, васъ часто призываю,
Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
Тирезій, Тамарисъ, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только
равенъ!
Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?
Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ
И силу новую воображенью давъ,
Вселенной чудеса я съ музой воспѣваю
И огнь души моей въ сихъ пѣсняхъ
изливаю.
Такъ скромный соловей, въ ночной безмолвный часъ
Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, лѣтъ свой
сладкій гласъ.
И годъ, и день, и ночь—все слова возродится;

Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;
Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ;
Весна моя безъ розъ и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ,
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ,
Ни богомужняго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блистаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтовъ различны роды:
Исчезли для меня всѣ красоты природы!
И небо и земля покрылись страшной тьмой—
И книга дивная закрылась предо мной.
Все пусто, вѣчною все ночью поглотилось
И солнце для меня навѣки закатилось,
Простите навсегда науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды!
Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Все скрыла ночь! Но ты, любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, расторгни мракъ очесъ:
О, муза, просвѣти меня огнемъ небеснымъ!
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстнымъ,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣснѣ сей
Сокрытое до днесь отъ смертнаго очей.

Н. Гнѣдичъ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Ничто съ Эдемомъ не могло сравниться
И все красой далеко отстояло
Отъ сада ассирійскаго, гдѣ *врагъ*
Обозрѣвалъ кругомъ безъ наслажденья
Всѣ роды наслажденій и всѣ роды
Живыхъ существъ, для взора странноновыхъ.
Межъ ними два, съ осанкой благородной,
Съ богоподобно-возвышеннымъ станомъ,
Единой ризой чистоты одѣты,
Казались, въ ихъ величьи обнаженномъ,
Достойными владыками всего.
Во взорахъ ихъ сіялъ и отражался
Всеславнаго Создателя ихъ образъ
И истина, и разумъ, и святая,
Покорная любовь дѣтей къ отцу—
Покорная, но *вольная* —что людямъ
Могущество одно лишь придаетъ.
Они тамъ пребывали
Передъ очами ангеловъ и Бога.
Затѣмъ—что зла еще не испытали.
Подъ кущею тѣнистою деревьевъ,
Дышавшею прохладой, на лужайкѣ,
Близъ свѣжаго источника, они
Возсѣли рядомъ. Ихъ поденный трудъ
Средь вертограда райскаго нуждался
Лишь въ дуновеньи тихаго зефира,
И самый отдыхъ дѣлалъ имъ покойнѣй,
Потребность въ пищѣ легкой возбуждая
И жажду. Здѣсь супруговъ ожидала
Вечерняя трапеза изъ плодовъ,
Но изъ плодовъ, въ которыхъ чистый нектаръ
Повсюду сами вѣтки подносили,
Привѣтливо склоняясь надъ четою
И надъ пушистымъ береговъ потока,
Узорчато-заковапнымъ въ цвѣты.
Плодъ сладкій, вмѣстѣ съ кожицей душистой.
Они вкушали, утоляя жажду.
Окрестъ же ихъ рѣзвяся,
Играли всѣ животныя земныя.
Всѣ звѣри, что впослѣдствіи сокрылись
Въ глуши лѣсовъ, въ степяхъ или въ пустыняхъ.
Припавъ къ землѣ, катался левъ и въ лапахъ
Козленка пѣсталъ; прыгали кругомъ
Медвѣди, тигры, барсы и пантеры;
Слонъ неуклюжій тѣшилъ ихъ, стараясь
Сгибать искусный хоботъ свой, и рядомъ,
Сплетая въ узелъ гордіевъ всѣ кольца,
Змій вкрадчивый и хитрый извивался
И проявлялъ въ движеніяхъ коварство,
Котораго еще не опасались.
Другія же животныя, насытясь
Обильной пищей, на травѣ лежали,
Или жевали жвачку, ибо солнце
Съ наклоннаго кристалища спѣшило
Спуститься въ море, къ дальнимъ островамъ,
И воздымалъ вѣсовъ небесныхъ чашу
Со звѣздами привратникъ неба, вечеръ.
Тутъ Сатана, все время пребывавшій
Въ безмолвномъ созерцаньи, напослѣдокъ
Обрѣлъ давно—затихнувшее слово—
И молвилъ, опечаленный: «О, адъ!
Что съ грустію невольною я вижу?
На верхъ блаженства нашего, со славой,
Возвесены иныя существа,
Быть-можетъ, земнородныя—не духи,
Но близкія во всемъ къ духамъ небеснымъ.
Гляжу на нихъ и съ жаднымъ изумленьемъ—

И могъ бы полюбить ихъ: такъ подобенъ
Въ нихъ божій образъ, и такую прелесть
Создателя десница въ нихъ вложила.
О, милая чета! ты и не знаешь,
Какъ отъ тебя превратный жребій близокъ.
Какъ скоро радость замѣнится горемъ,
Тѣмъ большимъ горемъ, чѣмъ полнѣе радость!
Вы счастливы, но счастье ваше мало
Охранено, и вашъ высокій рай
И ваше небо также очень мало
Защищены передъ такимъ врагомъ,
Какой теперь къ вамъ входитъ... но врагомъ
Не *вашимъ*... Нѣтъ! я чувствую въ вамъ жалость,
Безжалостный; ищу союза съ вами,
Взаимной дружбы, искренней и тѣсной,
Такой, чтобъ намъ отнынѣ обитать
Иль съ вами мнѣ, иль вамъ со мной.
Быть-можетъ,
Моя обитель васъ и не плѣнитъ,
Какъ этотъ рай прелестный— что же дѣлать?
Она—созданье нашего Творца;
Онъ самъ ее мнѣ даровалъ въ наслѣдье—
И я дѣлюсь охотно съ вами. Адъ
Свои врата широкія разверзнетъ
И вылетъ вамъ владыкъ своихъ на встрѣчу.
Для вашихъ многочисленныхъ потомковъ
Простора будетъ много тамъ—не такъ,
Какъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ —
И если лучше мѣста не нашлося,
Благодарите искренно Того,
Кто за свои обиды вынуждаетъ
Мстить даже не обидѣвшимъ меня.
Но пусть бы я невинностію вашей
Подвигнутъ былъ, какъ и теперь, на жалость,
Общественное благо, честь, стремленье
Къ владычеству надъ этимъ новымъ міромъ
И жажда мести мнѣ повелѣваютъ
Исполнить то, предъ чѣмъ въ иное время
Хоть и проклятый—я бы содрогнулся».

Онъ кончилъ рѣчь. Три раза измѣнило
Ему лицо; три раза поблѣднѣло
Отъ зависти, отчаянья и гнѣва.
И каждому внимательному оку
Могло-бъ открыть коварную личину,
Затѣмъ, что духи свѣта непричастны
Волненью необузданныхъ страстей.
Замѣтилъ онъ свое смущенье скоро,
Смѣнилъ его спокойствіемъ наружнымъ,
И—лжи отецъ—дитя свое онъ первый.
Онъ первый внесъ въ святыя сѣни ран,
Прикрывши ею месть и вѣроломство.
Но не возмогъ коварный обмануть
Всевидящаго ока Уріила,
За нимъ слѣдилъ архангелъ вѣщимъ взоромъ
И, на вершинахъ ассирійскихъ горъ,
Въ его чертахъ замѣтилъ измѣненье,
Несродное блаженнымъ: и пріемы,
И гордую походку, ибо онъ
Считалъ себя незримо— одинокимъ.

Стремился онъ и близился къ предѣламъ
Эдема, гдѣ роскошный вертоградъ
Увѣнчивалъ зеленою оградой,
Какъ бы плетнемъ, возвышенную плоскость
На дикой кручѣ. По бокамъ спускались
Лѣса густые, темными кудрями,
Входъ воспрещая; а изъ самой гущи
Вздымались, тѣни длинныя бросая,
И кедръ, и ель съ развѣсистою пальмой.
Все выше: тѣнь лилася выше тѣни;
Уступами—лѣсной амфитеатръ.
Но выше ихъ верхушекъ поднялося
Зеленое забрало вертограда.
Съ него глядѣлъ нашъ праотецъ далеко
На всѣ свои окружныя владѣнья...
Еще повыше, рядомъ полукруглымъ,
Неслися вверхъ маститыя деревья,
Покрытыя цвѣтущими плодами.
Въ нихъ золото сливалося съ эмалью;
На нихъ и солнце радостнѣй играло
Своимъ лучемъ, чѣмъ на вечернихъ тучкахъ
Или на влажной радугѣ, когда
Господь дождями орошаетъ землю.
Былъ чудный видъ. И свѣжею струею
Въ грудь Сатаны вливался чистый воздухъ,
И вѣялъ онъ весною и весельемъ,
И могъ-бы онъ развѣять всѣ печали,
Когда-бъ души отчаянье не жгло.

И вотъ, стрясая съ крыльевъ ароматы,
Летятъ зефиры нѣжные и шепчутъ —
Гдѣ взяли благовонную добычу.
Не такъ ли, Мысъ Надежды обогнувши,
Стремятся мореходы къ Мозамбику,
И вдругъ нордъ—остъ внезапно къ нимъ доноситъ,
Отъ самыхъ Савскихъ пряныхъ береговъ,
Весь ароматъ Аравіи-Счастливой—

И замедляютъ плаванье они,
Чтобы до дна исчерпать благовонья,
Смягчившія пахучею росою
Суровыя морщины океана?
Такъ усладилъ всеобщаго врага
Эдемскій воздухъ благорастворенный!
Подошвы этой крутизны пустынной
Достигъ стопою тихой Сатана
Задумчиво; но далѣе не могъ онъ
Найти прохода: частые подростки
Кустарниковъ росли сплошной стѣною,
Загородя путь и человѣку,
И звѣрю. Былъ одинъ лишь входъ съ востока;
Но препебрегъ имъ эрхи-возмутитель:
Презрительнымъ прыжкомъ онъ перенесся
Чрезъ самую высокую ограду
И на ноги въ Эдемѣ сталъ.
Какъ волкъ
Своей добычи ищетъ, голодая,
И подсмотрѣвъ, гдѣ пастыри подъ вечеръ
Замкнули стадо, загородку хлѣва
Свободно перескакиваетъ, или,
Какъ дерзкій тать, задумавшій похитить
Скопленную казну у гражданина,
Хранимую запорными дверями;
Влѣзаетъ въ домъ сквозь кровлю, иль въ окошко,
Такъ въ Божье стадо вкрался тать первѣйшій.
Такъ послѣ въ церковь вкрались нечестивцы!
И вотъ, взлетѣвши, онъ на древо жизни
Срединное и высшее надъ всѣми,
Сѣлъ въ видѣ ворона; но не объ жизни—
О смерти всѣхъ живущихъ онъ подумалъ:
Не вникъ онъ въ свойство древа—жизнедавца,
Даровшаго безсмертіемъ, а только
Избралъ его возвышенною точкой.
Такъ всякое дыханье—кромѣ Бога—
Не знаетъ часто истаго добра
И—благосотворенное—стремится
Себѣ во вредъ и въ гибель обратить.
Вокругъ себя глядитъ онъ съ изумленьемъ
И видитъ всѣ сокровища природы,
Въ пространствѣ тѣсномъ собранныя вкупѣ
Для услажденья чувства человѣка,
Иль лучше, видитъ небо на землѣ:
Затѣмъ,—что рай блаженный былъ—отъ Бога
Восточно насажденный вертоградъ.
Съ востока цвѣлъ онъ впрямь отъ Арарата,
До башенъ присно—славной Селевкіи,
Воздвигнутыхъ владыками Эллады;
Тамъ древле обитали, въ Θелассарѣ,
Сыны Эдема. Въ сей благословенной
Странѣ Господь возвелъ Своей десницей
Стократъ—благословенный вертоградъ.
Онъ восхотѣлъ—и—по Его велѣнью—
Произросли изъ плодоносной почвы
Всѣ злаки и деревья—обольщенье
Для зрѣнья, обонянія и вкуса.
Всѣхъ выше ихъ возникло Древо жизни,
Цвѣченное пахучими плодами
Растительнаго золота; но съ жизнью
Стояла рядомъ наша смерть: то Древо
Познанія Добра и Зла, то Древо,
Которому такъ много заплатили
Всѣ люди за познаніе добра,
Познавши зло. На полдень протекала
Черезъ Эдемъ широкая рѣка,
Не измѣняя своего теченья,
И межъ листвы кудрявой крутояра
Стремилася въ невѣдомую бездну.
Тоть крутояръ Господь кругомъ разбросилъ,
Какъ образецъ, гдѣ вылилъ Онъ Эдемъ.
А токъ воды, по скважинамъ, довѣдалъ
Всѣ жаждущія силы земляныя
И брызнулъ вверхъ жемчужнымъ водометомъ—
И рай несчетно оросилъ ручьями.
Потомъ, струи собравши во-едино,
Внизъ ринулся широкимъ водопадомъ
Въ объятья темной, влажно-лонной бездны;
Но на четыре вѣтви раздробился
Передъ впаденьемъ въ море, и промчался
По славнымъ царствамъ и странамъ далекимъ—
О нихъ-же здѣсь не можетъ быть помину.

А. Май.

Чайльдъ-Гарольдъ *).

(Поэма Байрона, въ четырехъ пѣсняхъ).

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

II.

Въ странѣ туманной Альбіона
Жилъ прежде юноша: онъ былъ
Вполнѣ шалунъ «дурнаго тона»,
Который оргіи любилъ,
Надъ добродѣтелью смѣялся...
И все, съ чѣмъ въ жизни ни встрѣчался,
Онъ равнодушно отвергалъ;
И жилъ, поклонникъ наслажденій,
Не зная дѣла и трудовъ,
Среди вакхическихъ пировъ...

III.

Онъ Чайльдъ-Гарольдомъ назывался.
Здѣсь говорить я не хочу,
Чѣмъ предокъ Чайльда занимался:
Объ этомъ просто умолчу.
Могу одно сказать: былъ знатенъ
Его почтенныхъ предковъ родъ,
И гербъ ихъ переданъ безъ пятенъ
Ему въ наслѣдство. Въ свой чередъ
Гербъ каждый можно такъ ославить
Единымъ маленькимъ грѣхомъ,
Что ужъ бѣды никто потомъ
Не въ состояніи исправить:
Ни геральдическій мудрецъ,
Ни сладкой пѣснію пѣвецъ.

IV.

Гарольдъ кружился въ вихрѣ свѣта
Безъ опасеній, безъ борьбы...
Такъ въ ясный день, подъ солнцемъ лѣта,
Кружится муха. Онъ судьбы
И не боялся вовсе даже
И, праздность вольную любя,
Безпечно жилъ всегда— судьба же
Ждать не заставила себя:
Еще далекъ до разрушенья,
Еще въ цвѣтущіе года
Онъ заразился навсегда
Ужасной скукой пресыщенья.
Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
Противенъ сталъ весь край родной.

VI.

И думалъ, скукою томимый,
Свое желанье не тая,
Покинуть берегъ свой родимый,
Уѣхать въ теплые края,
На кораблѣ пуститься въ море.
Казалось, жизнью пресыщенъ,
Вполнѣ доволенъ былъ бы онъ
Для развлеченья встрѣтить горе,
И, чтобъ разсѣяться, былъ радъ
Спуститься даже въ самый адъ.

VII.

Онъ бросилъ замокъ свой наслѣдный.
Хоть старый замокъ видъ имѣлъ
Полуразрушенный и бѣдный,
Но предокъ выстроить умѣлъ
Домъ этотъ прочно и солидно.
Былъ монастырь когда-то тутъ —
И оскорбленъ теперь обидно
Благочестивый тотъ пріютъ...

VIII.

Не разъ средь буйнаго собранья
Гарольдъ сидѣлъ и хмурилъ бровь,
Какъ будто прошлое страданье,
Иль оскорбленная любовь
Въ немъ просыпались на мгновенье.
Но уловить никто не могъ
Его душевнаго движенья,
И думъ его не подстерегъ.
Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
Онъ пылкой дружбѣ не ввѣрялъ
И человѣка не искалъ
Для изліяній откровенныхъ,
Хотя бы гордая тоска
Была, какъ море, глубока.

IX.

Онъ былъ одинъ. Хоть на банкеты
Онъ звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
Но видѣлъ въ нихъ однѣ примѣты
Лишь паразитовъ и льстецовъ...

---

*) Чайльдъ-Гарольдъ—родъ поэтическаго дневника героя поэмы, во время путешествія его (изъ Англіи) по Португаліи, Испаніи, Греціи, Рейну, Швейцаріи и Италіи. Описаніе природы и обитателей посѣщаемыхъ имъ странъ, предметовъ искусства, думы и чувства героя и самого поэта, вызванныя разнообразными предметами, во время путешествія, составляютъ существенное содержаніе этой поэмы.

X.

Кидая берегъ свой родимый,
Гарольдъ, всегда любившій мать,
Не обнялъ матери любимой
И не пришелъ сестры обнять.
Въ кружкѣ знакомыхъ не слыхали
Его «прости!»—не потому,
Чтобъ сердце, словно какъ изъ стали,
Природой сковано ему—
Нѣтъ, кто любилъ, тотъ знаетъ муку,
Какъ безконечно тяжело
Лобзать любимое чело,
Предвидя долгую разлуку.
Свиданье боли не уметъ,
Но только сердце разобьетъ.

XI.

И такъ, Гарольдъ безъ сожалѣнья
Покинулъ замокъ и родныхъ,
Свою отчизну и имѣнья...
Для неизвѣстныхъ новыхъ странъ
Онъ позабылъ пиры разгула,
Чтобъ переплыть чрезъ океанъ,
Чтобъ побывать у стѣнъ Стамбула.
Чтобъ знойный климатъ испытать,
И чтобъ экваторъ миновать *).

XII.

Ужъ паруса надулись ровно
И вѣтерокъ по струйкамъ водъ
Игралъ и радовался словно,
Что Чайльдъ въ море унесетъ.
Скалистый берегъ потерялся
Подъ пѣной волнъ и уплылъ въ даль,
И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался,
Что край родной покинуть жаль;
Но это было на мгновенье—
И, затаивъ невольный стонъ,
Въ тотъ мигъ себя не выдалъ онъ
Единымъ словомъ сожалѣнья,
А вкругъ него народъ стоналъ
И малодушно трепеталъ.

XIII.

Когда же солнце скрылось въ море,
Герой нашъ арфу въ руки взялъ,
Которой радости и горе
Въ уединеньи повѣрялъ.
До звучныхъ струнъ коснулись руки,
Аккорды тихо полились,
И въ тишинѣ по морю звуки
Прощальной пѣсней понеслись.

*) Лордъ Байронъ вначалѣ намѣревался посѣтить Индію.

Летѣлъ корабль, какъ окрыленный,
На бѣлоснѣжныхъ парусахъ;
Всплывала ночь на небесахъ
И скрылся берегъ отдаленный,
А Чайльдъ-Гарольдъ зеленый валъ
Прощальной пѣснею встрѣчалъ:

1.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
Родимаго берега видъ:
Волна за волной реветъ въ перебой
И дикая чайка кричитъ.
Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
Торопится отдыхъ найти...
Прости и тебѣ, какъ родимой странѣ!
Мой край—доброй ночи! прости!

2.

Часы пролетятъ и опять надо мной
Румяное солнце всплыветъ,
Вновь день я увижу, но берегъ родной
Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
Сталъ пустъ и заброшенъ печальный мой домъ,
Огонь разведенный зачахъ
И стѣны травой заростаютъ кругомъ,
И воетъ мой песъ въ воротахъ.

3.

Мой маленькій пажъ*), подойди же ко мнѣ!
О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
Боишься ль ты смерти въ холодной волнѣ?
Иль холоденъ вѣтеръ морской?
Утри жъ свои слезы, будь веселъ опять,
Корабль нашъ построенъ легко,
И если бы соколъ насъ вздумалъ догнать,
Остался бы онъ далеко.

4.

Не страшны мнѣ бури, пусть волны ревутъ,
Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
Изъ глазъ моихъ слезы тоски:
Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
И мать со слезами въ глазахъ;
Остались друзьями мнѣ ты лишь одинъ
Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

*) Этотъ маленькій пажъ былъ сынъ одного изъ фермеровъ лорда Байрона. Видя, что ребенокъ тоскуетъ по родинѣ, Байронъ отправилъ его обратно въ Англію.

5.

Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
Хоть холоденъ былъ его взглядъ.
Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назадъ».
Довольно, малютка! понять я умѣлъ,
Что слезы такія — не стыдъ,
И если бъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ навзрыдъ.

6.

Пойди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга! *)
Въ лицѣ твоемъ блѣдность видна!
Ужъ ты не боишься ль француза — врага?
Иль буря тебѣ такъ страшна?
«Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
Что стану за жизнь я робѣть —
Нѣтъ: мысль о покинутой бѣдной женѣ
Меня заставляетъ блѣднѣть.

7.

«Близъ замка отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ,
Пришлось мнѣ дѣтей покидать...
Теперь, если спросятъ они объ отцѣ —
Что можетъ отвѣтить имъ мать?»
Довольно, мой добрый служитель — ты правъ,
Печаль твоя стоитъ похвалъ;
Но я... не таковъ легковѣрный мой нравъ:
Смѣясь, край родной покидалъ.

8.

. . . . . .

Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
Не гнусь я при вицѣ грозы.
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Сронить ни единой слезы.

9.

Я вновь одинокъ, какъ въ былые года,
Одинъ посреди этихъ водъ.
Къ чему жъ о другихъ я заплачу, когда
Никто обо мнѣ не вздохнетъ?
Не долго мой песъ будетъ выть и скучать:
Найдетъ новый уголъ и кровъ,
И если вернусь я — меня разорвать
Песъ собственный будетъ готовъ.

10.

Корабль мой, неси же меня по волнамъ!
Пусть море кипитъ подо мной!
Неси, куда хочешь, къ далекимъ странамъ.
Лишь только-бъ не въ край мой родной.
Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
А яхъ не увижу въ пути —
Привѣтъ мой пустынямъ, пещерамъ горамъ...
Мой край! доброй ночи, прости!

XIV.

Корабль летитъ, волна бурлива,
И вѣтеръ рѣзче и сильнѣй
Вблизи Бискайскаго залива:
Корабль летитъ уже пять дней —
И берегъ всталъ изъ-за тумана.
О Цинтра! *) вотъ зубцы твои!
Вотъ Таго данью океана
Мчитъ золотистыя струи.
Вотъ на корабль взошли съ привѣтомъ
Береговъ сосѣднихъ лоцмана —
И плодоносная страна
Открылась залитая свѣтомъ,
Гдѣ поселяне въ полѣ жнутъ,
Кончая свой почтенный трудъ.

XV.

О, Боже! небо не скупилось
Для этихъ мѣстъ въ своихъ дарахъ...
Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
Что за окрестности въ горахъ!
Лишь нечестивыми руками
Здѣсь человѣкъ все портить могъ.
Когда Перунъ за облаками
Подниметъ бичъ свой на порокъ,
На всѣхъ идущихъ противъ рока,
То онъ ударитъ съ вышины
На притѣснителей страны —
И палъ, наказанный жестоко
Рукой незримаго врага,
Покинетъ эти берега.

XVI.

О какъ хорошъ при первомъ взглядѣ
Необозримый Лиссабонъ,

*) Уильямъ Флетчеръ — вѣрный слуга Байрона — послѣ 20-ти лѣтней службы, во время которой Байронъ былъ для него болѣе чѣмъ отецъ, принялъ послѣдній вздохъ „странника“ въ Миссолонги (1824 г.).

*) Деревня, лежащая въ 15 миляхъ отъ Лиссабона, прелестнѣйшее мѣсто во всей Европѣ. Это мѣсто соединяетъ въ себѣ всю дикость западной Шотландіи и всю свѣжесть растительности южной Франціи, (*Байронъ*).

Когда во всей своей громадѣ
Въ рѣкѣ бываетъ отраженъ.
Намъ ту рѣку во время оно
Пѣвцы хвалили безъ стыда;
Но ней теперь изъ Альбіона
Плывутъ могучія суда
Спасать отъ галловъ славу юга;
Но лузитанецъ гордъ и дикъ,
И отличать онъ не привыкъ
Врага отъ истиннаго друга—
И втихомолку онъ клянетъ
Своихъ спасителей приходъ.

XVII.

Когда же съ этимъ градомъ дивнымъ
Мы ознакомимся вблизи—
Онъ намъ покажется противнымъ:
Дворцы и хижины въ грязи
Кругомъ въ одну столпились груду,
И если бъ путникъ только могъ
Пройти весь городъ этотъ—всюду
Онъ мерзокъ вдоль и поперекъ.
Толпа гражданъ немытыхъ, праздныхъ,
Отъ лѣни рубища влачитъ;
Ничто ее не устрашитъ:
Она не сбросить платьевъ грязныхъ,
Хотя-бъ на встрѣчу шла сама
Египта страшная чума.

XVIII.

Здѣсь Цинтра смотритъ новымъ раемъ
Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ.
Обвороженный этимъ краемъ,
Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
Хотя намекъ на ту природу,
Передъ которою блѣдна
Та неизвѣстная страна,
Пѣвцомъ открытая народу,
Когда онъ смертныхъ удивилъ
И имъ Элизіумъ открылъ?

XIX.

Цѣпь голыхъ скалъ идётъ рядами.
Тамъ монастырь, склонившись внизъ,
Своими бѣлыми стѣнами
Надъ самой бездною повисъ;
Деревьевъ тѣнь по горнымъ скатамъ,
Сожженный мохъ на крутизнѣ
И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ,
Долины въ мертвой тишинѣ;
Сверканье моря голубаго,
И апельсинныхъ рощъ нарядъ,
И изумрудный виноградъ,
И ревъ потоковъ—здѣсь все ново!
Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
И восхищаетъ и дивитъ.

XX.

Но выше по тропинкѣ горной
Идите вверхъ, смотря назадъ,
Чтобъ тотъ природой благотворной
Еще полнѣй упился взглядъ.
А тамъ одна изъ тѣхъ тропинокъ
Ведетъ къ стѣнамъ монастыря.
Здѣсь васъ съ мощами встрѣтитъ инокъ,
Свои легенды говоря:
«Вотъ тутъ погибли изувѣры:
Ихъ за нечестье рокъ сразилъ;
А тамъ Гонорій прежде жилъ,
Спастись желавшій въ тьмѣ пещеры,
Въ адъ обратившій жизнь свою,
Чтобъ быть впослѣдствіи въ раю».

XXI.

Блуждая по уступамъ этимъ,
Среди пустынныхъ, дикихъ мѣстъ,
Мы по дорогѣ часто встрѣтимъ
Воткнутый въ землю скромный крестъ.
Но онъ есть только слѣдъ ужасныхъ
Ночныхъ убійствъ; уже потомъ,
Найдя остатки жертвъ несчастныхъ,
Ихъ погребаютъ подъ крестомъ.
Здѣсь встрѣтитъ путникъ удивленный
Такихъ могилъ несчетный рядъ,
И тѣ могилы говорятъ,
Что въ той странѣ окровавленной
Законъ усталый тупо спитъ
И жизни гражданъ не хранитъ.

XXII.

Въ долинахъ замки видны нами,
Въ нихъ прежде жили короли,
Теперь же дикими цвѣтами
Они капризно заросли;
Но слѣдъ величья ихъ остался....

LXVIII.

Вотъ день воскресный. Чѣмъ займется
Народъ въ день отдыха теперь?
Но, чу! рычанье раздается:
То царь лѣсовъ, могучій звѣрь,
Онъ ноздри вздулъ, съ кровавой пѣной,
Терзаетъ всадниковъ, коней....
Толпа повисла надъ ареной—
Видъ крови радость будитъ въ ней:
Она въ восторгѣ замираетъ,
Когда оплошнаго врага
Быкъ поднимаетъ на рога
И къ верху трупъ его бросаетъ,
А дамы смотрятъ въ этотъ часъ,
Не отворачивая глазъ.

LXIX.

И вотъ онъ, день седьмой недѣли!
Но такъ ли Лондонъ чтитъ тѣ дни!
Наряды чистые надѣли
Всѣ классы общества; они,
Покинувъ зданій темныхъ стѣны,
Бѣгутъ всѣ воздухомъ дохнуть,
Чтобъ освѣжить больные члены,
Чтобъ разъ въ недѣлю отдохнуть.
Въ фіакрахъ скромныхъ, въ пышномъ кэбѣ,
Все что и юно и старо
Спѣшитъ въ Гемпстедъ или въ Гэро,
Чтобъ вспомнить вновь о синемъ небѣ,
Межъ-тѣмъ, какъ сзади пѣшеходъ
Съ ревнивой завистью идетъ.

LXX.

На Темзѣ лодки; въ лодкахъ дамы;
На нихъ цвѣты, узоры блондъ;
Инымъ же хочется упрямо
Идти въ Гейгэтъ или въ Ричмондъ.

LXXI.

Свои безумства въ каждомъ краѣ.
И ты, Кадиксъ, подверженъ имъ:
Лишь вспыхнетъ день—перебирая
Гранаты четокъ, пилигримъ
Предъ ликомъ Дѣвы Непорочной,
Въ своемъ обрядѣ всюду точный,
Стоитъ, склонившись въ тишинѣ....
Онъ за людей творитъ моленья,
Но часъ насталъ—и въ циркъ идетъ
Такъ жадный къ зрѣлищамъ народъ.
Весь городъ, всѣ безъ исключенья,
Перемѣшавшись межъ собой,
Идутъ смотрѣть кровавый бой.

LXXII.

Вотъ сцена зрителямъ предстала,
Арена дѣйствія пуста.
Еще труба не прозвучала,
Но всюду заняты мѣста:
Повсюду гранды и вельможи
И вереница донъ и дамъ—
Приманка бойкой молодежи,
Мелькавшей вкругъ по ихъ слѣдамъ.
А взоры женщинъ такъ лукавы...
Но никогда прекрасный взглядъ
Не гналъ поклонниковъ назадъ,
Хотя пѣвцы луны и славы
Твердятъ, что женщинъ гордый взоръ
Для сердца смертный приговоръ.

LXXIII.

Шумъ замеръ, стихли разговоры—
И всадники въѣзжаютъ въ кругъ.
Въ рукахъ ихъ копья; блещутъ шпоры.
Они раскланялись вокругъ,
Готови публику къ потѣхамъ;
А публика ужъ ждетъ съ угра,
Когда окончится съ успѣхомъ
Бойцовъ опасная игра.
Тогда ихъ встрѣтятъ общимъ плескомъ,
Ихъ поощрятъ и здѣсь и тамъ
Улыбки, взгляды гордыхъ дамъ...
Съ такимъ тріумфа пышнымъ блескомъ
Король встрѣчается, порой,
Или увѣнчанный герой.

LXXIV.

Нарядной мантіей блистая,
Стоитъ проворный матадоръ.
Царя лѣснаго поджидая,
Онъ вкругъ себя бросаетъ взоръ,
Чтобъ осмотрѣть просторъ арены,
(Въ его рукѣ—одинъ кинжалъ)
Чтобъ убѣжать ему со сцены
Никто отъ звѣря не мѣшалъ.
Повсюду—пѣшій съ шарфомъ красным—
Онъ звѣря издали дразнилъ:
Онъ только издали шутилъ
Надъ непріятелемъ опаснымъ
И вызывалъ его на бой,
Раскинувъ шарфъ передъ собой.

LXXV.

Вотъ данъ знакъ—труба запѣла,
Широко распахнулась дверь;
Толпа какъ—будто онѣмѣла:
На сцену разомъ прянулъ звѣрь,
Глазами медленно вращаетъ,
Взрывая подъ собой песокъ,
Но на врага не нападаетъ:
Онъ разглядѣть его не могъ.
Какъ будто что соображая,
Онъ бьетъ, крутитъ своимъ хвостомъ,
Глазами красными кругомъ
Поводитъ, жертву поджидая—
И стали грозно—велики
Его кровавые зрачки.

LXXVI.

Но вотъ онъ сталъ съ недвижнымъ взоромъ.
Бѣги, безумецъ, этихъ глазъ!
Побѣднымъ лавромъ или позоромъ

Тебѣ грозитъ ужасный часъ...
Проворно всадники мелькаютъ,
Удары сыплютъ на быка—
Струями крови покрываютъ
Его широкіе бока.
Онъ мчится, вертится, крутится:
Отъ ранъ онъ бѣшенѣе сталъ;
Кинжалъ сверкнулъ, другой кинжалъ,
Въ его спинѣ копье дымится—
И быкъ подъ градомъ смертныхъ стрѣлъ
Съ мычаньемъ дикимъ заревѣлъ.

LXXVII.

Ревъ грозный вырвался изъ груди;
Но онъ опять впередъ бѣжитъ...
Ему ли страшны эти люди?
Его-ль оружье устрашитъ.

LXXVIII.

Въ крови, усталый и взбѣшенный,
Ножами, копьями покрытъ,
Вдругъ, словно къ мѣсту пригвожденный,
Быкъ сталъ—и вкругъ себя глядитъ.
И вотъ тогда, врага измѣря,
Кровавымъ шарфомъ матадоръ
То издали подразнитъ звѣря,
То подбѣжитъ къ нему въ упоръ.
Въ послѣдній разъ царь стада мчится;
Въ зрачкахъ его зажглась гроза;
Но плащъ закрылъ ему глаза—
И звѣрь испуганный кружится.
Конецъ! со всѣхъ могучихъ ногъ
Онъ упадетъ на песокъ.

LXXIX.

Между хребтомъ и шеей разомъ
Кинжалъ вошелъ по рукоять;
Герой упалъ—и вкругъ съ экстазомъ
Сталъ весь народъ рукоплескать.
Безъ стоновъ, безъ предсмертной муки.
Звѣрь на аренѣ умиралъ;
При общемъ грохотѣ и стукѣ
Богатый поѣздъ выѣзжалъ.
На колесницѣ помѣщаютъ
Кровавый трупъ героя дня;
Четыре бойкіе коня
(Они удалъ стальныхъ не знаютъ)
Изъ роковаго круга мчатъ
Быка убитаго назадъ.

LXXX.

Вотъ наслажденья и забавы
Испанскихъ грандовъ, горныхъ дѣвъ!
Ихъ тѣшитъ кровь сильнѣе славы,
Знакомъ имъ съ дѣтства мести гнѣвъ.
Не разъ кровавые раздоры
Испанецъ въ тайнѣ затѣвалъ,
Не разъ къ пылу минутной ссоры
Онъ землю кровью обливалъ.
Хоть на врага роднаго края
Единодушно шелъ народъ,
Но дома онъ на месть идетъ
И, черный умыселъ скрывая,
Не разъ онъ другу измѣнялъ,
Въ него кинжая свой кинжалъ.

ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

II.

Аѳины—старецъ величавый!
Твоихъ героевъ древнихъ нѣтъ.
Они явились въ мірѣ съ славой,
Прошли съ побѣдой. .. Гдѣ жъ ихъ слѣдъ?
Вся эта слава для того ли,
Чтобъ древнимъ подвигамъ добра
Подчасъ дивился въ скромной школѣ
Досужій разумъ школяра?
Героя мечъ, софиста тогу
Здѣсь межъ развалинъ не найдемъ;
Подъ тьмой вѣковъ могильнымъ сномъ
Здѣсь все сковалось по-немногу,
И даже тѣни прежней нѣтъ
Могущества протедшихъ лѣтъ.

V.

Взгляни на гробъ, гдѣ погребали
Героя прахъ—онъ не встаетъ;
Онъ палъ—и націи съ нимъ пали
И слезъ надъ нимъ никто не льетъ.
Вотъ здѣсь у храма по дорогѣ
(Какъ намъ преданье говоритъ:
Здѣсь прежде жили полубоги)
Найдемъ мы черепъ... Гадкій видъ!
Кто бъ угадалъ, чтобъ въ этомъ храмѣ
Жилъ прежде богъ? Кто бъ угадалъ,
Что много истинъ разсказалъ
Онъ вдохновенными устами?
Теперь же червь земной—и тотъ
Въ пустую храмину нейдетъ.

VI.

Взгляни жъ теперь на эти своды,
На черепъ, брошенный въ тиши:
То былъ когда-то храмъ свободы,
Жилище мысли и души.
Какой софистъ великій свѣта,
Какой прославленный мудрецъ
Возобновитъ опять дворецъ,
Возобновитъ жилище это?
Здѣсь, посреди могильныхъ плитъ,
Кто этотъ черепъ оживитъ?

XXXVIII.

Но вотъ Албанія предъ нами....
Примѣръ для многихъ мудрецовъ.
То—гробъ, наполненный костями
На полѣ павшихъ мертвецовъ.
Суровый край! О, гдѣ ты? гдѣ ты?
Не узнаю я этихъ мѣстъ:
Вокругъ поднялися минареты;
Гдѣ на церквахъ былъ прежде крестъ,
Теперь рогъ мѣсяца блистаетъ,
Да позабытый рядъ могилъ
Лѣсъ кипарисный осѣнилъ
И вѣчной тѣнью покрываетъ.
Ихъ не видать среди садовъ
Твоихъ старинныхъ городовъ.

XXXIX.

Гарольдъ плыветъ. Промчалась мимо
Нагаго берега стѣна:
Здѣсь Пенелопа недвижимо
Смотрѣла въ волны. Здѣсь видна
Еще великая могила.
О, Сафо! вѣрно, не могла
Твоихъ стиховъ волшебныхъ сила
Тебя спасти—ты умерла....
Уже-ли власть безсмертной музы
Такъ въ этомъ свѣтѣ непрочна,
Что лечь въ могилу ты должна,
Съ себя не свергнувъ смерти узы?
Ты, жизнь дававшая другимъ,
Теперь сковалась сномъ нѣмымъ.

XL.

То былъ часъ вечера—и въ морѣ
Открылся Леккадійскій мысъ,*)
Съ скалой, откуда въ тайномъ горѣ
Ты, Сафо, бросилася внизъ.
Чайльдъ на скалу смотрѣлъ въ волненьи
И съ ней разстаться не желалъ....

XLI.

Когда жъ звѣзда взошла, сіяя
Надъ злополучною скалой,
Поклонъ ей грустный посылая,
Гарольдъ смотрѣлъ. Но вотъ за мглой
Ея не видно. Быстро мчится
Корабль все дальше отъ скалы....
Чайльдъ въ морѣ синее глядится,
Гдѣ съ ревомъ прядаютъ валы.
Задумчивъ онъ, но въ темномъ взорѣ
Вдругъ стало ясно и свѣтло—
И не хранитъ его чело
Слѣдовъ таинственнаго горя.
Теперь чужда ему печаль
И онъ глядитъ безмолвно въ даль.

LXXIX.

Стамбулъ! Ты прежде веселился....
Грусть овладѣла снова мной!...
Тогда еще не осквернился
Ты мусульманскою чалмой,
И грекъ не видѣлъ разрушенья
Своихъ священныхъ алтарей....

LXXXV.

Но все же ты еще прекрасна,
Земля потерянныхъ боговъ!
Ты хороша, хоть и несчастна;
Вездѣ—средь пышныхъ береговъ,
Тамъ, гдѣ бѣгутъ, сверкая, воды,
Гдѣ ароматъ и тишина—
Видна вездѣ любовь природы
Къ тебѣ, печальная страна....
Твои классическія зданья,
Среди классической земли,
Лежатъ обломками въ пыли....
Такъ гибнетъ все безъ состраданья!
Лишь трудъ великаго Творца
Не знаетъ смерти и конца....

LXXXVI.

Кругомъ развалины.... Колонна,
Травой заросшая, лежитъ,
Да на утесѣ храмъ Тритона
Въ рѣку прозрачную глядитъ.
Видъ общій—мертвенно-спокоенъ....
Зеленымъ мхомъ поросъ курганъ,
Гдѣ, можетъ быть, когда-то воинъ
Погибъ въ бою отъ смертныхъ ранъ.
Его покоя не тревожитъ
Кругомъ никто.... Когда жъ сюда
Заходитъ странникъ иногда,
Сказать онъ только съ грустью можетъ:
«Увы! какой здѣсь мертвый видъ!»
И вздохъ невольный затаитъ....

XCI.

Но между тѣмъ въ твоимъ руинамъ
Спѣшитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Порой къ аттическимъ равнинамъ
Капризнымъ вѣтромъ занесенъ.
Твои священныя повѣрья
И твой божественный языкъ
Повсюду чтитъ безъ лицемѣрья
Надолго міръ земной привыкъ.
Ты—старцевъ, юношей отрада,
Тебя глубоко чтитъ мудрецъ,
И вдохновленъ тобой пѣвецъ,

*) Левкадія—нынѣ Сенъ-Моръ. Съ вершины его мыса, какъ говоритъ преданіе, Сафо бросилась въ море.

Когда и Муза и Паллада
Ему дары свои сулятъ
И въ сердцѣ пѣсни шевелятъ.

XCII.

Кто одиночествомъ страдаетъ,
Тотъ пусть Элладу посѣтитъ.
Пусть эту землю онъ лобзаетъ...
Здѣсь жизнь весельемъ не дивитъ,
Здѣсь не найдемъ мы развлеченья—
Не тѣмъ Эллада хороша:
Въ странѣ тоски, уединенья,
Смиряется гордая душа...

ИЗЪ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

II.

Я снова въ морѣ. Мимо, мимо,
Какъ кони, прыгаютъ валы...
Привѣтъ вамъ, волны! Несдержимо
Бѣгите въ даль вечерней мглы.
Пусть мачты въ бури заскрипѣли,
Изорванъ парусъ, труденъ путь—
Я понесусь впередъ безъ цѣли:
Я долженъ плыть куда-нибудь.
Я, какъ и пороси морскія,
Лечу капризно по волнамъ—
Куда? зачѣмъ? не знаю самъ—
Пока волнами на пески я,
Разбитый бурею пловецъ,
Не буду брошенъ наконецъ...

X.

Разочарованный, холодный,
Воображалъ Гарольдъ, что могъ
Опять среди толпы народной
Бродить безъ скорби и тревогъ.
Инымъ онъ думалъ въ міръ явиться,
И если радость не придетъ,
То ужъ печаль не возвратится
И сердца въ немъ не шевельнетъ.
Онъ думалъ посреди народа
Дать пищу хладному уму,
Что нѣкогда дала ему
Иныхъ далекихъ странъ природа,
Когда не разъ съ высокихъ скалъ
Цвѣтущій край онъ созерцалъ...

XV.

Но въ городахъ Гарольдъ скучаетъ—
Всегда нахмурено чело...
Такъ дикой соколъ опускаетъ
Свое разбитое крыло
И проситъ воздуха и воли.
Тогда являлись въ немъ опять
Страданья прежнія и боли.
Какъ птица хочетъ разломать
Рѣшетку клѣтки одинокой
И клювъ свой разбиваетъ въ кровь,
Такъ рвался Чайльдъ на волю вновь
На свѣтъ, на свѣтъ изъ тьмы глубокой,
И сердце, поднимая грудь,
Казалось, хочетъ вонъ прыгнуть...

XVII.

Но стой здѣсь, трепетомъ объятый!
Орелъ имперскій здѣсь сраженъ!
Зачѣмъ же нѣтъ тутъ славныхъ статуй
И колоссальныхъ нѣтъ колоннъ?
Ихъ нѣтъ! Но истина осталась,
И это поле не умретъ,
Гдѣ стотько крови проливалось...

XVIII.

Гарольдъ стоитъ предъ гробомъ галла,
Среди кладбища Ватерло.
Одной минуты здѣсь достало,
Чтобъ развѣнчать одно чело.
Надъ этой гибельною нивой,
Взрывая бѣшено песокъ,
Упалъ орелъ властолюбивый
И отъ ударовъ изнемогъ.
Погибла власть съ громадной славой;
Герой раздавленъ былъ судьбой,
И потащилъ онъ за собой
Обрывки цѣпи той кровавой,
Которой міръ онъ обвивалъ
И въ рабствѣ націи держалъ...

XLVI.

. . . . . .

О, Рейнъ! вѣдь это блещешь ты!
Гарольдъ глядитъ; открылись взорамъ
Природы чудные дары:
Поля, съ зеленымъ ихъ просторомъ,
Долинъ цвѣтущіе ковры,
Плоды и кисти винограда;
Пустые замки тамъ стоятъ
И мрачно стѣны ихъ глядятъ
Изъ изумрудныхъ листьевъ сада,
И разрушенья духъ одинъ
Тамъ поселился межъ руинъ.

XLVII.

Они стоятъ, какъ привидѣнья,
Недвижно многіе вѣка;
Въ нихъ слышно бурь, вѣтровъ шипѣнье,
Ихъ гости—только облака.
Въ нихъ прежде пѣсни раздавались,
И слышенъ былъ сраженій громъ;
Надъ ними флаги развѣвались;

Но спятъ бойцы могильнымъ сномъ
Въ гробницахъ, въ саванахъ кровавыхъ;
Лоскутья флаговъ пали въ прахъ,
И нѣтъ помину о пирахъ;
И въ этихъ башняхъ величавыхъ,
Гдѣ паутина ткетъ узоръ,
Уже враговъ не ждетъ отпоръ...

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

LXXVIII.

О Римъ родной! друзья страданья
Пускай къ тебѣ теперь придутъ:
Ничтожно горе наше тутъ.
Что наши скорби и рыданья?
Здѣсь кипарисъ бросаетъ тѣнь;
Совы полночной слышны стоны.
Шагомъ съ ступени на ступень,
Гдѣ распадались храмы, троны...
О люди! стихнутъ въ краткій срокъ
Всѣ ваши скорби съ вѣчнымъ страхомъ.
Смотрите: здѣсь у вашихъ ногъ
Великій Римъ сталъ тѣмъ же прахомъ,
Которымъ также будемъ мы,
Узнавъ покой могильной тьмы.

LXXIX.

Богиня націй опочила,
Дѣтей и трона лишена:
Пустую урну опустила
Рукой израненой она.
Пусты могилы Сципіоновъ,
Отъ пепла ихъ исчезъ и слѣдъ;
И вы, владыки грозныхъ троновъ,
Среди гробницъ васъ тоже нѣтъ.
Въ обломкахъ рухнули святыни...
О старый Тибръ! лишь ты одинъ,
Свидѣтель лучшихъ тѣхъ годинъ,
Бѣжишь по мраморной пустынѣ.
О, поднимись—и массой водъ
Залей печальный городъ тотъ...

CXXXIX.

Да, раздавался здѣсь когда-то
Восторгъ народа, шепотъ, крикъ;
Здѣсь братъ съ убійствомъ шелъ на брата
И смертью скованъ былъ языкъ.
Законы цирка заставляли
Ихъ умирать—и забавляли
Ихъ трупы кесарей тогда...

CXL.

Я вижу: на руку склоняясь,
Палъ гладіаторъ... Страшный видъ!
Чело блѣднѣетъ, опускаясь;
Изъ черной раны кровь бѣжитъ
На землю; умъ его мутится:
Арена передъ нимъ кружится,
Въ глазахъ туманъ и смерти мракъ.
Онъ жизнь оканчиваетъ такъ
Подъ крикъ толпы безчеловѣчной,
Которая кругомъ ревѣтъ
И побѣдителю несетъ
Порывъ восторга безконечный—
И слышитъ онъ, какъ этотъ крикъ
Неумолимъ и звѣрски дикъ.

CXLI.

Но онъ, чело свое склоняя,
Не замѣчалъ, какъ кровь лилась...
Предъ нимъ встаютъ брега Дуная—
Онъ видитъ ихъ въ послѣднія разъ:
Тамъ ждутъ его жена и дѣти
Въ убогой хижинѣ теперь,
А онъ, опора ихъ на свѣтѣ,
Погибнуть долженъ, словно звѣрь,
Забавою позорной Рима.
Когда онъ кровью истекалъ,
Онъ будто вновь ихъ увидалъ—
Ихъ образы скользнули мимо...
О мщенье! что же медлишь тутъ?
Когда же готовы мстить придутъ?

CXLII.

И здѣсь, гдѣ прежде паръ кровавый
Вставалъ изъ черныхъ, смертныхъ ранъ,
Здѣсь, гдѣ злодѣйствами и славой
Цвѣла исторія римлянъ,
Гдѣ приговоры раздавались,
Теперь царитъ здѣсь тишина:
Мѣста для публики распались
И на стѣнѣ лежитъ стѣна.
Арену звѣзды освѣщаютъ;
Вездѣ молчанье, пыль и мракъ,
Лишь эхо мой чуть слышный шагъ
По галлереямъ повторяетъ—
И межъ разрушенныхъ колоннъ
Пропосятся и гулъ и звонъ.—

Д. Минаевъ.

Полтава.

(изъ первой пѣсни).

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Заметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.
Украйна глухо волновалась;
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молчалъ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.
«Что-жъ гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь-бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда-бы старый Дорошенко,
Иль Самойловичъ молодой,
Иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко
Владѣли силой войсковой.
Тогда-бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибли казаки,
И Малороссіи печальной
Освободились ужъ полки.
Такъ своевольемъ пылая,
Роптала юность удалая.
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры,
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто сидитъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней —
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко.
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ боятливой,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,

Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что вѣтъ отчизны для него.

(изъ третьей пѣсни).

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно къ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ-тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить,
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины;
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.
Но время пизо. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ—
И перенесъ войну въ Украйну.
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами,
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ..
Согбенный тяжко жизнью старой,
Такъ юный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно запумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ.
На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другаго гетмана творятъ.
Съ бретовъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлой;
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлой
И запорожскій атаманъ;
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій кѣпецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.
И царь туда-жъ помчалъ дружины,
Опѣ какъ бури притекли—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлой,
Съ бойцемъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шепотомъ бесѣда.
«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынѣче, казака;
И обмѣнять на рану—рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу

Припудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога.
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая».

О р л и к ъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья.
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

М а з е п а.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Отѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отомстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.
Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Прошло сто лѣтъ—и что-жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты,
Вокругъ воинственныхъ могилъ
Остатки разворенной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.
Съ нимъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь—преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Пушкинъ.

Евгеній Онѣгинъ.

(изъ пятой главы).

XXV.

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога,
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ;
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ,
Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
Владѣлецъ пяцихъ мужиковъ;
Скотининны чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюрдный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ,
Какъ истинный французъ, въ кармапѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло—вмѣсто belle Nina—
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ.... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвченки прыгаютъ заранѣ,
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ—и крестясь
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу;
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежь—Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй,
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать, ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть,
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ,
Давно терпѣть не могъ Евгеній,
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній
Снятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленой);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бламанже,
Цимлянское несутъ уже....
. . . . . .
. . . . . .

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; передъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ-же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда-же дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость;
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того-ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно-ль, иль изъ доброй воли,
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ:
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ:
Подсѣли дамы къ комельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку.
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ.
И вистъ, доныпѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жаждой скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберокъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли,
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь-же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

(изъ седьмой главы).

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна.
Увы! подруга стольнихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ,
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ»!
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша: кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней:
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На шитомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «А вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ:
Со мной, бывало, въ воскресенье
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой»!

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полу-мучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груды книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной

Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной,
Какъ очарована, стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманеной рѣкою;
Луна сокрылась за горою.
Пора, давно пора домой
И пилигримкѣ молодой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Храпили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй;
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На нихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе—слава Богу—
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной;
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ!
Что жъ онъ? Уже ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Уже ль загадку разрѣшила?
Уже ли *слово* найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собрался два сосѣда,
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя».
Старушка молвила кряхтя:
Вѣдь Оленька ея моложе,
Пристроить дѣвушку ей-ей
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ на-отрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна».

XXVI.

— Не влюблена-ль она?—«Въ кого-же?
Буяновъ сватался—отказъ.

Ивану Пѣтушкову —тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось,
Куда! и снова дѣло врозь».
— Что-жъ, матушка, зачѣмъ-же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ, —
«Охъ, мой отецъ! доходу мало».
— Довольно для одной зимы;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы. —

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Согласясь, и тутъ-же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту....
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О, страхъ! нѣтъ лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ,
И умиленными очами
Ихъ озирая говоритъ.
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомые лѣса,
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости-жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ.

Настала осень золотая,
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана....
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась клоками,
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать.
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лице, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
Приходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный — три кибитки
Везутъ домашнія пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ;
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;
Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатой.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста,
Прости, пріютъ уединенный!

Увижу ль насъ?... И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXV.

Зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ.
Къ несчастью, Ларина ташилась,
Боясь прогоповъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ—
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XL.

. . . И вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четверый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафганѣ
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ,
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange!—Pachette—Алина!
—Кто-бъ могъ подумать?—Какъ давно!
—На долго ль?—Милая! Кузина!
—Садись—какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа....
—А это дочь моя, Татьяна.
—Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ—
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, помнишь Грандисона? *)
—Какъ Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?
—Въ Москвѣ, живетъ у Симеона **);
Меня въ сочельникъ навѣстилъ;
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

«А тотъ.... Но послѣ все разскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ!... устала грудь....
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть.... душа моя,
Ужъ никуда не годна я....
Подъ старость жизнь такая гадость....»
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселья
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели поднимаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ, но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ, по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! давно ль
Я, кажется, тебя крестила!»
—А я такъ на руки брала!
«А я такъ за уши драла!»
«А я такъ пряникомъ кормила!
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У матушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ.
. . . . . .

*) *Грандисонъ* — герой сентиментальнаго англійскаго романа.
**) У церкви Симеона Столпника.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень не дурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVI.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты,
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой?

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ.
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми нестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ,—
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ franty записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, погремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть...

LII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ *онъ* являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налѣво поскорѣй».
—«Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
—«Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
—«Кто? толстый этотъ генералъ?»

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою...
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младаго
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!

Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ИЗЪ ГЛАВЫ ВОСЬМОЙ.

XLII.

. . . . . Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда—не правда-ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна...

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до-сихъ-поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей душѣ была власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ,
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!... Что къ моимъ летамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ, съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
—Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей. .

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна».

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ-будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно-бъ (не правда-ли?) пора!

Пушкинъ.

Изъ повѣсти „Шинель“.

Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака,—ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и совершенно всѣ Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣняя только раза три въ годъ подметки.— Имя его было: Акакій Акакіевичъ. Можетъ быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а чисто само собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другаго имени, и это произошло, именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родительницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ именъ, какое она хочетъ выбрать. «Нѣтъ», подумала покойница, «имена-то все такія». Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ; вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. «Вотъ это наказаніе!» проговорила старуха: «какія все имена!» я, право, никогда и не слыхивала такихъ. «Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій». Еще переворотили страницу— вышли: Вавсикахій и Вахтисій. «Ну, ужъ я вижу», сказала старуха, что видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій». Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. И такъ вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели все это потому, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другаго имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣста, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ-будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «Перепишите», или: «Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце», или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ, и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристроивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же, предъ нимъ, разныя составленныя про него исторіи, про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ-будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только, если ужъ слишкомъ была не-

выносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ-будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ: какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете?» и въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «Я — братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрагался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! — даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ.

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать — онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какъ-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивалъ и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да геморрой въ поясницу. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно, изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и наконецъ сказалъ: «Нѣтъ, лучше дайте я перепишу что-нибудь.» Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжевато-мучнаго цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, не смотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да приклеивало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отворолась внизу панталонъ стремешка,—что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и папускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на срединѣ строки, а скорѣе на срединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ

кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому, или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ Петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью,—когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ,—когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ цлянепокъ; кто на вечеръ—истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшаго чиновнаго круга; кто—и это случается чаще всего—идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый, или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней, или кухней, и кое-какими модными претензіями, лампой, или иной вещицей, стоившими многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній; словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копѣечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента:— словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ нибудь вечерѣ. Написавшись въ-сласть, онъ ложится спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ—что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра. Такъ протекла мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Гоголь.

Капитанская дочка.

ГЛАВА III.

КРѢПОСТЬ.

Мы въ Фортеціи *) живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ:
А какъ лютые враги
Прійдутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзла, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у

*) Фортеція—крѣпость.

своего ямщика.— «Недалече». отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужъ видна». Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ. но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скрипѣвшаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво ощущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и чрезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка», отвѣчалъ инвалидъ: «наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала пятки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что намъ угодно, батюшка?» спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузьмича дома нѣтъ», сказала она: «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, и его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичекъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить», сказалъ онъ: «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить», продолжалъ онъ: «зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?» Продолжалъ неутомимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки», сказала ему капитанша: «ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка», продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычъ вотъ уже пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? на грѣхъ мастера нѣтъ».

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— «Максимычъ!» сказала ему капитанша.—«Отведи г. офицеру квартиру, да почище».

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ. — Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

— «Врешь, Максимычъ», сказала капитанша:—«у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники.—Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отечество, мой батюшка?»

— Петръ Андреичъ.

— «Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась пе-

чальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько куриць. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день поутру, я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня», сказалъ онъ мнѣ по-французски: «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени». Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большою веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученье; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь», прибавилъ онъ: «нечего вамъ смотрѣть».

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною какъ-бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился!» сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?» Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ: слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться». Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

«Что это, мой батюшка?» сказала ему жена: «кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься».

— А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

«И, полно!» возразила капитанша. «Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ».

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли!» сказала она: «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ тѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою». Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати: что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы.

«Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?» спросилъ Иванъ Кузьмичъ

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, отвѣчалъ я.

«Пустяки!» сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы — народъ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню».

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

«Привычка, мой батюшка», отвѣчала она. «Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ прійдутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, замѣтилъ важно Швабринъ. Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

«Да, слышь ты», сказалъ Иванъ Кузьмичъ: «баба-то не робкаго десятка».

— А Марья Ивановна? спросилъ я; также ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша?» отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ къ моимъ именинамъ палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки».

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА VII.

ПРИСТУПЪ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ насильно съ собою Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

«Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня. «Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ».

— Уѣхала ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

«Не успѣла», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: «дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!»

Мы пошли на валъ, возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жи-

тели крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенною. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхомъ. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явились на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отстать отъ нея.

«Ну, что!» сказала комендантша. «Каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?»

— Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ. Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— «Нѣтъ, папенька», отвѣчала Марья Ивановна: «дома одной страшнѣе».

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками*). Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженною саблей въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

«Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!»

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузьмичъ. Ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна!» сказалъ комендантъ: «здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойти къ отцу».

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

«Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили

*) Сайдакъ или саадакъ—лукъ со стрѣлами.

мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе».

Маша кинулась ему на шею, и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы, сказала, заплакавъ, комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

«Прощай, прощай, матушка!» сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ».

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ: «будетъ приступъ...» Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята», сказалъ комендантъ: «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!»

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы, дѣтушки, стоите?» закричалъ Иванъ Кузьмичъ. «Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ: «Государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: «Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!» Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей.

Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однако жъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ кресель и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи: «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія, не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!» — «Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ИДИЛЛІЯ

Рыбаки.

(Ѳеокрита).

Любезный Діофантъ! повѣрь, одна нужда
Искусствомъ двигала отъ вѣка
И преклоняла человѣка
Подъ бремя тяжкое труда.
Работникъ отдыха отраднаго не знаетъ;
Ему въ ночи не спится отъ заботъ:

Едва сомкнетъ глаза, нужда его толкаетъ,
И онъ, испуганный, отъ ложа возстаетъ.
Въ убогой хижинѣ, подъ тростниковой кровлей,
Въ стѣнахъ, сплетенныхъ изъ листвы,
Лежали на одрахъ изъ высохшей травы
Два старыхъ рыбака, измученные ловлей...
Валялися вокругъ угнувшихъ рыбаковъ
Орудія тяжелыхъ ихъ трудовъ:
Лесы и удочки, и неводъ и корзины,
И сѣти мокрыя въ зеленыхъ нитяхъ тины,
И верши, гнутыя изъ прутьевъ ивняка,
И козій мѣхъ; надвинутая ловко,
Стояла на каткахъ ихъ лодка, а цыновка,
Одежды ихъ и два старинныхъ колпака
Имъ изголовіемъ служили.
Въ орудьяхъ ловли все богатство рыбаковъ:
Ни утвари, ни пса... Они удачный ловъ
Своимъ верховнымъ благомъ чтили,
И бѣдность имъ была любезнѣе всего;
Сосѣда не было у нихъ ни одного;
За то со всѣхъ сторонъ ихъ море окружало
И въ хижину волной гремучею плескало.
Едва ли полнебесь промчались бѣгуны
Селениной блестящей колесницы,
Когда у рыбаковъ раскрылися рѣсницы
И съ вѣждъ слетѣли сны.
Пробуждены заботою поденной,
Они ведутъ нехитрый разговоръ,
Подсказанный природой благосклонной.

Асфаліонъ.

Другъ! мы съ тобой слыхали съ давнихъ поръ,
Что лѣтомъ день длиннѣй, а ночь всегда короче,
Что Зевсъ возвелъ на нихъ всемилостивы очи...
Обманывали насъ—ты что ни говори:
Я видѣлъ сотни сновъ, а нѣтъ еще зари.
Иль заблуждаюсь я? Иль что же значитъ это?

Ольписъ.

Асфаліонъ! не нужно укорять
Непроизвольную пору любви и лѣта...
И какъ не хочешь ты понять?
Ночь для тебя длинна затѣмъ лишь, что заботой
Всѣ ночи у тебя, мой другъ, удлинены...

Асфаліонъ.

Умѣешь ли отгадывать ты сны?
Сегодняшній я разскажу съ охотой...
У насъ съ тобою общій ловъ—
И сны должны быть общими, пріятель!...
Ты смысломъ одаренъ, а здравый смыслъ для сновъ—
Прямой истолкователь.
Притомъ же намъ досугъ; забившися въ постель,
Безъ дѣла и безъ сна лежимъ мы, а досель
Еще небесная лампада не погасла...
По крайней-мѣрѣ *мамъ* всегда довольно масла...

Ольписъ.

Ну, что же, разскажи подробнѣе твой сонъ...

Асфаліонъ.

Вчера, трудомъ обычнымъ утомленъ,
Я послѣ ужина заснулъ,—совсѣмъ усталой...
Ты помнишь, мы съ тобой поужинали мало
И поздно. Снилось мнѣ: я на скалѣ сижу
И взоровъ съ поплавка упорно не свожу...
Вдругъ рыба грузная приманку ухватила.
Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба рыбаку...
Моя не вдругъ сдалась желѣзному крючку:
Хотя всю воду кровь холодная багрила,
Но гнулася уда, и я съ большимъ трудомъ
Добычу тяжкую удерживалъ крючкомъ,
Водя ее въ кругахъ: «Укусишь, такъ больнѣе
Тебя я укушу!» со зла я говорилъ...
Побилася она и замерла... Вольнѣе
Я натянулъ лесу и бой оконченъ былъ.
И что же увидалъ я? рыбу золотую...
Да, рыбу, всю изъ золота литую!
Какъ испугался я! Быть можетъ, мною взятъ
Любимецъ самого Нептуна, или кладъ
Лазурноокой Амфитриты?...
И съ удочки я снялъ ее слегка,
Чтобъ не были нечаянно отбиты
Былинки золота зазубриной крючка,
И бережно, съ обычною сноровкой,
Добычу на берегъ я вытащилъ веревкой.
Потомъ я поклялся—про море позабыть
И съ золотомъ моимъ на сушѣ царски жить:
Но въ то жъ мгновенье пробудился.
Другъ, разувѣрь меня... Я клялся, я божился...

Ольписъ.

Асфаліонъ, себя напрасно не тревожь—
Ни клятвы не давалъ, ни золотой ты рыбы
Не изловилъ: твой сонъ—обманъ и ложь.

Вставай — и на берегъ, на каменныя глыбы
Спѣши скорѣе: тамъ закинешь въ море
За рыбами—не мнимыми—живыми;
Но бойся: съ голода ты можешь умереть
Съ твоими снами золотыми.

Май.

Мать и сынъ.

(Изъ Германа и Доротеи Гете).

Мать, между-прочимъ,
Сына пустилась искать—за воротами дома сначала,
Гдѣ, по привычкѣ, онъ сиживалъ часто на камнѣ скамейки.
Но, не найдя его тамъ, заглянуть пошла на конюшню:
Можетъ-быть, самъ убираетъ онъ милыхъ лошадокъ, которыхъ
Сосунками купилъ, никому не ввѣряя присмотра.
Тамъ ей работникъ сказалъ, что въ садъ онъ пошелъ. И не медля
Мимо конюшни она и мимо красивыхъ сараевъ,
Вдоль по двойному двору, торопливо прошла и вступила
Въ садъ, который далеко холстомъ протянулся до самыхъ
Стѣнъ городскихъ, и его перешла, на растенья любуясь;
Тутъ же подпорки поправила тѣ, на которыхъ тяжелый
Сукъ опирается яблони или развѣсистой груши,
Нѣсколько также червей посняла мимоходомъ съ капусты:
Домовитая женщина шагу напрасно не ступитъ.
Такъ прошла и весь садъ она, длинный, до самой бесѣдки,
Свѣжею зеленью скрытой; но сына въ ней не было: такъ-же
Какъ и въ саду, по сю пору нигдѣ его не было видно.
Только калитка сдва приперта изъ бесѣдки... Калитку
Эту въ стѣнѣ городской проломилъ, по особенной власти,
Предокъ почтенный давно, какъ былъ онъ еще бургомистромъ...
Такъ свободно она перешла и сухую канаву,
Гдѣ виноградникъ отъ самой дороги въ надежной оградѣ
Вдоль по тропинкѣ крутой поднялася, обращаясь на полдень.
Также и тутъ восходя, она любовалась обильемъ
Гроздій, которые чуть укрывались подъ зеленью листьевъ;
Въ средней высокой и скрытой аллеѣ дышала прохлада.
Должно по плитамъ нетесаннымъ было въ нее подыматься.
Всюду висѣли кругомъ мускатель и прозрачный гутедель,
Былъ между ними и сизомалиновый крупной породы:
Сажены всѣ для того, чтобъ подносъ украшать передъ гостемъ.
Но въ остальномъ виноградникѣ лозы росли особливо:
Ихъ виноградъ, для вина дорогаго назначенный, мельче.
Такъ поднимаясь въ гору, она улыбалась заранѣ
Осени близкой и дню, въ который во всемъ околоткѣ
Гроздья снимаютъ и жмутъ, и боченки виномъ наполняютъ.
Вечеромъ всюду котѣшнымъ огнемъ озаряется небо
Съ трескомъ — и тѣмъ почитается эта прекрасная жатва.
Но безпокойнѣй пошла она дальше, окликнувши сына
Два или три раза — ей только башни градскія на это
Слали въ отвѣтъ многократно свое говорливое эхо.
Странно ей было искать: далеко никогда не ходилъ онъ.
Если жъ, бывало, пойдетъ, то скажется ей для того, чтобъ
Всѣ опасенія любящей матери тѣмъ успокоить.
Только она всѣ надѣялась встрѣтить его на дорогѣ.
Обѣ калитки вверху и внизу виноградника были
Отперты настежь—и такъ она въ поле вступила, которымъ
Вся отъ вершины холма далеко покрывалась равнина.

Все по своей же землѣ еще шла она весело, всюду
Свой озирая посѣвъ и обильную рожь, у которой
Колосъ свѣтло-золотой колыхался по пѣлому полю.
Между посѣвомъ пошла она полемъ по узкой тропинкѣ
Прямо къ холму, на которомъ огромная груша стояла
Тамъ, гдѣ рубежъ отдѣлялъ ихъ поля отъ сосѣдняго поля.
Кто ее тутъ посадилъ—неизвѣстно. По дальней округѣ
Всюду видѣлась она и плоды ея славились также.
Въ полдень подъ нею жнецы подкрѣплялись обѣденной пищей.
А пастухи, отдыхая въ тѣни, берегли свое стадо.
Были подъ нею скамейки изъ дикаго камня и дерну.
Точно, мать не ошиблась: тамъ Германъ сидѣлъ, отдыхая.
На руку тихо склонясь, онъ, казалось, смотрѣлъ въ отдаленье—
Въ горы по той сторонѣ: а къ матери былъ онъ спиною.
Тихо подкралась она и плеча его тихо коснулась.
Онъ обернулся—она увидала въ очахъ его слезы.
«Матушка!» ей онъ, смутясь: «вы меня изумили»—и тотчасъ
Юноша слезы отеръ, благороднаго чувства исполненъ.
«Какъ?» замѣтила мать изумленная: «сынъ мой, ты плачешь?
Это мнѣ ново въ тебѣ: я слезъ за тобою не знала.
Чѣмъ огорченъ ты, скажи? что тебя тутъ сидѣть заставляетъ
Въ уединеньи подъ грушей? Зачѣмъ эти слезы во взорѣ?»
Юноша кроткій на это сказалъ ей, владѣя собою:
«Истинно, нѣтъ у того подъ грудью желѣзною сердца,
Кто въ настоящее время не чувствуетъ горя скитальцевъ;
Нѣтъ и ума въ головѣ у того, кто о собственномъ благѣ,
О безопасности родины въ эту годину не мыслитъ.
То, что я видѣлъ и слышалъ сегодня, мнѣ тронуло сердце.
Вотъ я вышелъ сюда и смотрю на обильныя нивы,
Какъ живописно онѣ отъ холма до холма раскидались!
Вижу, какъ рожь по загонамъ златая качается; вижу,
Какъ обѣщаютъ плоды переполнить у насъ кладовыя.
Только—увы, непріятель такъ близко! Хоть рейнскія воды
Насъ и хранятъ, но—увы! что и воды и горы народу
Этому страшному! Онъ, какъ ненастная туча несется.
Старыхъ и малыхъ они отовсюду сзываютъ и мощно
Прямо впередъ да впередъ напираютъ. Толпа не боится
Смерти и новая тотчасъ стремится толпа за толпою.
Ахъ! и нѣмецъ рѣшается въ домѣ своемъ оставаться!
Можетъ-быть, думаетъ онъ уклониться отъ общаго горя?
Милая матушка, знайте: сегодня и грустно и больно
Мнѣ, что намедни меня отстранили при выборѣ гражданъ
Въ ратное дѣло. Не спорю, одинъ у родителей сынъ я,
Наше хозяйство огромно и наши занятія важны;
Но не лучше ли тамъ, на границѣ, мнѣ ждать нападенья,
Чѣмъ вотъ тутъ, у себя, ожидать униженья и рабства?
Да, я чувствую самъ въ груди нетерпѣнье и силу.
Жить я готовъ и равно умереть я готовъ для отчизны.
Пусть и другіе во мнѣ примѣръ достойный увидятъ!
Право, если бы намъ молодежь всю сильную нашу
Тамъ, на границѣ, поставить и ждать непріятелей смѣло,
О, не пришлось бы топтать имъ нашу чудесную землю,
Въ нашихъ глазахъ истреблять и плоды и обильную жатву,
Повелѣвая мужчинамъ, а женъ и дѣвицъ расхищая!
Видите, матушка, я рѣшился въ душѣ поскорѣе
Сдѣлать то, что благимъ и достойнымъ мнѣ кажется: тотъ, кто

Думаетъ долго, изъ двухъ не всегда вы-
бираетъ удачно.
Видите, я не вернусь уже въ домъ нашъ,
а прямо отсюда
Въ городъ ближайшій пойду я тамъ по-
свящу эту руку
И эту грудь молодую на службу отчизнѣ
любимой.
Батюшку спросите вы: нѣтъ-ли въ сердцѣ
моемъ благородства
И не влечетъ-ли честь и меня на вы-
сокую степень?»
Добрая, умная мать отвѣчала ему, про-
ливая
Тихія слезы — онѣ на глазахъ показались
невольно:
«Что это, сынъ мой? въ тебѣ и въ душѣ
у тебя измѣнилось!
Съ матерью ты говоришь не такъ, какъ
говаривалъ прежде—
Прямо, открыто во всемъ повѣряя же-
ланія сердца.
Если бы третій подслушалъ тебя, милый
Германъ, онъ, точно,
Словамъ твоимъ и значеніемъ рѣчи твоей
увлеченный,
Сталъ бы рѣшенье твое выхвалять за
его благородство.
Только зная тебя коротко, я тебя
осуждаю.
Въ мысляхъ иное совсѣмъ у тебя—и
скрываешь ты сердце.
Не барабанъ, не труба тебя вызываютъ,
я знаю,
Не желаніе къ дѣвушкамъ въ новомъ
мундирѣ явиться—
Нѣтъ, по способностямъ ты вполнѣ пред-
назначенъ къ другому:
Домъ охранять, безмятежно и мирно
воздѣлывать поле.
Вотъ почему откровенно скажи: отчего
ты рѣшился?
«Матушка, вы ошибаетесь», сынъ ей на
это: день на день
Не приходитъ—и юноша станетъ му-
жать понемногу.
Часто онъ зрѣетъ въ типи скорѣе на
дѣло, чѣмъ въ этой
Дикой жизни, которая много людей
погубила.
Какъ я ни тихъ и ни смиренъ, однако
въ груди незамѣтно
Сердце мое научилось неправду и зло
ненавидѣть;
Въ мірѣ я тоже различить худое съ
хорошимъ умѣю,
Да и въ работѣ моп окрѣпли и руки и
ноги—
Все это правда и въ этомъ я смѣло
могу быть увѣренъ.
Только вы все-таки, матушка, правы, и
я въ половину
Правду вамъ говорилъ, а въ другой го-
ворило притворство.
Если признаться, меня не близость бѣды
вызываетъ
Вонъ изъ дому отца и не тѣ высокія
мысли
Быть полезнымъ отечеству, а непріятелю
страшнымъ:
Это одни я слова говорилъ, для того,
чтобъ отъ васъ мнѣ
Скрыть тѣ чувства, которыя сердце мое
раздираютъ.
Такъ оставьте меня вы, матушка. Если
напраснымъ
Чувствомъ полна эта грудь, пусть и
жизнь эта вянетъ напрасно.
Слишкомъ увѣренъ я въ томъ, что стрем-
леніе частное только
Вредно себѣ самому, если къ цѣлому всѣ
не стремятся.
Благоразумная мать на это ему: «Про-
должай же
Все разсказывать мнѣ до самой подроб-
ности мелкой.
Ты откровенно скажи мнѣ, мой другъ,
чѣмъ такъ сильно растроганъ,
Какъ никогда я тебя не видала. Взвол-
нованъ ты сильно
А на глазахъ поневолѣ горячія слезы
сверкаютъ.»
Къ матери павъ на грудь и грусти да-
вая свободу,
Громко юноша добрый заплакалъ навз-
рыдъ и сказалъ ей:
«Батюшка нынѣче ужасно меня оскор-
билъ укоризной.
Этого я никогда заслужить поведеньемъ
не думалъ.
Съ первыхъ мнѣ лѣтъ почитать роди-
телей было отрадой.
Всѣхъ умнѣй для меня казались винов-
ники жизни,
Благопремудрые судьи и пѣстуны тем-
наго дѣтства.
Много въ ребячествѣ я перенесъ отъ
товарищей школьныхъ:
За доброту мнѣ они нерѣдко коварствомъ
платили
Часто случалось отъ нихъ сносить и
швырки и удары.

Если-жъ, бывало, они надъ отцемъ начнутъ издѣваться,
Какъ онъ задумчивымъ шагомъ идетъ въ воскресенье изъ церкви,
Левту на шляпѣ его осуждать иль цвѣты на халатѣ,
Бывшемъ ему такъ къ лицу и отданнымъ только сегодня,
Страшно сжимался кулачъ у меня и съ отчаянной злобой
Я колотить начиналъ безъ разбору, куда ни попало.
Громко, съ носами разбитыми въ кровь, они выли и только—
Только могли убѣгать отъ ужасныхъ пинковъ и побоевъ.
Такъ подросталъ я на то, чтобы послѣ отъ батюшки часто,
Вмѣсто другихъ, выносить оскорбленья и рѣчи укора.
Если, бывало, его въ засѣданьи послѣднемъ взволнуютъ,
Я отвѣчаю за все: за козни и споры совѣта.
Часто объ участи жалкой моей вы и сами жалѣли.
Но въ душѣ я цѣнилъ заботы родителей нѣжныхъ,
Ихъ попеченья для насъ свое умножать состояніе,
Часто стѣсняя себя изъ желанія дѣтямъ оставить.
Только—увы—не въ одномъ береженьи для будущихъ цѣлей
Счастіе наше сокрыто, и какъ не пріятно довольство—
Счастія нѣтъ въ умноженіи нашихъ полей и достатка.
Вмѣстѣ съ отцемъ престарѣлымъ старѣются также и дѣти,
Свѣтлаго дня не видавъ и о завтрашнемъ вѣчно заботясь.
Сами взгляните сюда и скажите, не правда-ль, какъ чудно
Все раскидалось кругомъ: внизу виноградникъ и садъ нашъ,
Дальше сараи, конюшни и домъ, какъ полная чаша;
Но когда я на домъ посмотрю и увижу окошко,
То изъ коморки моей, подъ самою крышей, невольно
Мнѣ на память приходитъ время, въ которое тамъ я
Долго мѣсяца ждалъ по ночамъ иль ранняго солнца.
Крѣпкаго сна на короткое время бывало довольно.
Ахъ! какимъ одиночествомъ вѣяли въ эти минуты
Комната, садъ и холмовъ далеко-убѣжавшіе скаты!....
Добрая мать отвѣчала на это разумною рѣчью:
«Мы сами къ выбору дѣвушки часто тебя принуждали совѣтомъ.
Только я знала сама, а теперь говоритъ мое сердце,
Ежели часъ роковой не настанетъ, до во время, въ пору
Дѣвушки суженой нѣтъ, всѣ поиски будутъ напрасны.
Пуще всего ошибиться при выборѣ кажется страшнымъ.
Сынъ мой, сказать-ли тебѣ? мнѣ кажется, ты уже выбралъ!
Сердце грустнѣй у тебя и чувствительнѣй стало гораздо.
Прямо со мною говори, а мнѣ уже сердце сказало,
Что ты дѣвушку ту, ту изнанницу выбралъ сегодня».
«Милая матушка», сынъ подхватилъ съ увлеченьемъ,
«Точно, точно ее! и если сегодня же въ домъ свой
Я невѣстой ее не введу, въ такой суматохѣ
Всѣхъ переѣздовъ и войнъ и слѣда ея послѣ не сыщешь.
Матушка, тщетно тогда будетъ все для меня достоянье,
Тщетно грядущіе годы украсятся жатвой обильной,
Самый домъ нашъ и садъ для меня потеряютъ значенье,
Нѣжность матери даже—увы—не утѣшитъ страдальца.
Чувствую самъ, что любовь разрѣшаетъ всѣ прочія узы,
Если скрѣпляетъ свои; и не дѣвушка только оставитъ
Мать и отца своего, прилѣпляяся къ мужу душою—
Нѣтъ, и юноша мать и отца позабудетъ, увидя,
Какъ удаляется дѣвушка, милая сердцу, на вѣки.
Вотъ почему я пойду, куда поведетъ меня горе.
Батюшка высказалъ ясно рѣшенье свое, и мнѣ домъ нашъ

Съ этой минуты чужой, потому что дѣвушка эта—
Такъ рѣшено—никогда въ немъ не будетъ моею женою».
Добрая, умная мать перебила слова его быстро:
«Двое мужчинъ будто горы становятся другъ противъ друга—
Гордъ, непреклоненъ, никто уступить не желаетъ другому.
Къ первому доброму слову языкъ повернe рѣшится.
Сынъ мой, послушай меня: я покуда питаю надежду,
Что отецъ, если дѣвушка точно добра и и достойна,
Самъ, не взирая на бѣдность ея, оправдаетъ твой выборъ.
Часто въ пылу говоритъ онъ и то, чего не исполнитъ,
Такъ и на то, въ чемъ сначала отказывалъ, будетъ согласенъ.
Только добраго слова онъ ждетъ—и ждать его вправѣ:
Онъ отецъ. И ты знаешь, что гнѣвъ его послѣ обѣда
Рѣдко значителенъ: тутъ говоритъ онъ въ жару и не хочетъ
Вѣрить другимъ, потому что вино возбуждаетъ всѣ силы
Въ немъ, не давая внимать рѣчамъ постороннiго слова.
Въ это онъ время себя одного только слышитъ и знаетъ.
Но приближается вечеръ, и мало-помалу стихая,
Всѣ разговоры его съ друзьями начнутъ истощаться.
Онъ становится кротче, я знаю, когда освѣжится
И припомнитъ, что онъ въ увлеченьи обидѣлъ другаго.
Встань — мы тотчасъ пойдемъ: въ рѣшеньи скоромъ удача.
Намъ друзей его должно застать. Они еще тамъ же
Съ нимъ сидятъ: особливо духовный отецъ будетъ нуженъ».
Такъ говорила она и взяла, подымаясь съ камня,
За руку сына, который охотно послѣдовалъ. Оба
Молча пошли, въ головѣ обсуждая рѣшительный замыслъ.

А. Фетъ.

Дурочка.

Всѣмъ довольна я, старушка—
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка—
Хоть мала, да можно жить!
У меня—семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...
Но какъ въ ясномъ небѣ тучка—
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;
Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей,—хоть шелковое платье—
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!
Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
Говорю: «тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!»
—«Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!»—«Какъ такъ?»
—«Что мнѣ съ этакими злыми!»...
И забьется на чердакъ.
Только встала—полетѣла,
Всю деревню обѣжитъ!...
Это—первое ей дѣло—
Все друзья вѣдь—просто стыдъ!
Свадьба ль въ домѣ—все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать—и ничего!
Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ—
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведетъ.
Ну, ее за то жъ и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я—
И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.
Надорветъ мое сердечко...
«Охъ, ты, бѣдная моя,

Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»
«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ не журю.
Ей одно лишь любо было—
Нянчить маленькихъ дѣтей,
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ и князей.
Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.
Въ снѣгъ—на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой—
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.
Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.
Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...
Порча-ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой—
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.
И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.
Докторовъ иныхъ бы нужно—
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно—
Жатва, сѣвы—знаешь самъ!
Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ—
Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;
Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ ростетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
Но высокимъ деревамъ;
Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій,
И гонитель христіанъ;
Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями—
А они все не сдались;
Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ хромовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;
Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;
Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать....
Только видимъ, дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ.
Только вотъ пріѣдетъ зима.
Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.
Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали—
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней
Разослали по сосѣднимъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...
«Взглянь-ко», говорю я; «Саша»—
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужъ не Дуня ль наша?»
Такъ и есть, она!... Гляжу—
Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...
Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...
Послѣ все мы ужъ узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.
У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ—
Такъ, пятнадцатый годокъ.
Съ нимъ то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.
И когда графиня снова
Поднялася во свой вояжъ,

Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жъ!
Гдѣ же ей пройти лѣсами,
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено!
Не жилось ей знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти—
Прямо въ рай онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенье
Вовсе не было у ней,
Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жъ замѣтно стало,
Что души то въ домѣ нѣтъ...

Майковъ.

БАЛЛАДА.

Гаральдъ.

(Изъ Уланда).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.
Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.
Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины,
И плещется въ волнахъ?
Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?
То феи... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ: ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.
Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.
Пропали спутники его:

Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.
И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.
Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей,—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.
Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.
И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ;
Сѣдыя кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.
Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Жуковскій.

Ленора.

(Бюргера).

Ленорѣ снился страшный сонъ;
Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
«И вѣренъ ли подругѣ»?

Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
Никто объ немъ не слышитъ;
А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой
Съ торжественностью ратной
Пустились въ путь обратный.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
Всѣмъ радость... А Ленорѣ
Отчаянное горе.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла—
Она свѣтъ Божій проклята,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что такъ тебя волнуетъ!
«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой»?
И дочь свою цѣлуетъ.
—О, другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!

«Прости ее, небесный Царь»!
—Родная, помолися.—
«Онъ благъ, Его руки мы тварь:
«Предъ нимъ душой смирися».
—О, другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ нимъ мой крикъ былъ тщетенъ...
И глухъ и безответенъ.—

«Дитя, отъ жалобъ удержись;
«Смири души тревогу:
«Пречистыхъ Таинъ причастись,
«Пожертвуй сердцемъ Богу»
—О, другъ мой, что во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый.—

«Но что, когда онъ самъ забылъ
«Любви святое слово,
«И прежней клятвѣ измѣнилъ,
«И связанъ клятвой новой?
«И ты, и ты объ немъ забудь;
«Не рви тоской напрасной грудь;
«Не стоитъ слезъ предатель;
«Ему судья Создатель».

—О, другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее—пропало:
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало..
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!—

«Небесный Царь, да ей простить
«Твое долготерпѣнье!
«Она не знаетъ, что творить:
«Ея душа въ забвеньѣ.
«Дитя, земную скорбь забудь:
«Ведетъ ко благу Божій путь:
«Смиреннымъ—рай награда:
«Страшись мученій ада».

—О, другъ мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала..
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо,
И двери брякнуло кольцо...
Въ ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
«Ты ждешь ли друга, спишь ли?
«Меня забыла ты иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
—Ахъ! милый... Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился?—

«Сѣдласмъ въ полночь мы коней...
«Я ѣду издалека.
«Не медли, другъ; сойди скорѣй:
«Путь дологъ, мало срока».
—На что спѣшить, мой милый, намъ?
И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ:
Побудь со мной на волѣ.—

«Что нужды намъ до тьмы ночной?
«Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ,
«Часы бѣгутъ; конь борзый мой
«Копытомъ землю роетъ;
«Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
«Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
«Не въ пору сокъ и нѣга:
«Сто миль намъ до ночлега».

—Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милый?
Ты слышишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило. –
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...
«Гладка дорога мертвецамъ;
«Мы скачемъ, не боимся;
«До свѣта мы домчимся».

—Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный?—
«Далеко онъ... пять, шесть досокъ...
«Прохладный, тихій, темный«.
– Есть мѣсто мнѣ?—«Обоимъ намъ,
«Поѣдемъ; все готово тамъ;
«Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
«Пора на новоселье»!

Она подумала, сошла
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ!—
«Гладка дорога мертвецамъ!...
«Да что же такъ дрожишь ты?»
—Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

—Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?—
«Но мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
Голосятъ надъ могилой».
И виденъ ходъ; идутъ, поютъ.
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальный,
Какъ вой совы печальный.

«Заройте гробъ въ полночный часъ:
«Слезамъ теперь не мѣсто;
«За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
«Зову съ моей невѣстой.
«За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
«Проной намъ многолѣтья хоръ;
«Намъ дай на обрученье,
«Пасторъ, благословенье».

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
«Не страшно ль? — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.—
«Гладка дорога мертвецамъ!
«Да что же такъ дрожишь ты?»
— О мертвыхъ все твердишь ты! —

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушный рой, свившись кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ, за мной, вы, плясуны!
«Вы всѣ на пиръ приглашены!
«Скачу, лечу жениться...
«Ко мнѣ повеселиться!»

И летомъ, летомъ, легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,

Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими,
И далѣ, далѣ!... Конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
«Не страшно-ль?» — мѣсяцъ свѣтитъ намъ. —
«Гладка дорога мертвецамъ!
Да что же такъ дрожишь ты?»
—Зачѣмъ о нихъ твердишь ты? —

«Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ *);
«Я чую, ночь свѣжѣе;
«Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
Мой конь, несись быстрѣе...
«Окончанъ путь; исполненъ срокъ:
«Нашъ близко, близко уголокъ;
«Въ минуту мы у мѣста...
«Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ:
Ѣздокъ бичомъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;

Они кладбище видятъ тамъ...
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.
И что жъ Ленора, что потомъ?
О страхъ!... въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглавый черепъ на плечахъ,
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она — въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ... Пламя изъ поздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Разшиблось и пропало.
И вой, и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ:
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,
Вѣсь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:
Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь:
Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
«Твой трупъ сойди въ могилу!
А душу Богъ помилуй!»

*) *Песокъ*—въ песочныхъ часахъ.

Жуковскій.

Графъ Габсбургскій.

(Шиллера)

Торжественнымъ Ахенъ веселіемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей чиномъ,
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И кликъ, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливался сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена,
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
«Прекраснъ мой пиръ; все пируютъ со мной;
«Все царскій мой духъ восхищаетъ;
Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
«Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
«Игрой и благимъ поученьемъ?
«Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
«Днесь кесарь, покинулъ обычай святой
«Пиры услаждать пѣснопѣньемъ!»

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,

Младымъ преисполненный жаромъ.
«Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?»

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель):
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель!
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбиваетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
«На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ,
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
И слѣдомъ священникъ съ дарами.
И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ.
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой,
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

«Куда?» изумившійся графъ вопросилъ.
— Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.—

И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь;
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь, и дыханье».

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;
Гельвеція славой сіяетъ твоей,
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды».

Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ....
Все смолкло, на кесаря очи подняв,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провиденье.

Жуковскій.

Свѣтлана

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «Кузнецъ,
Скуй мнѣ злать и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ».
—Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель.—
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою.
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана:
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой—
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».
Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лѣтъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шепотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»
Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки»!
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальную пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Въ нетерпѣньи кони рвутъ
Повода шелковы.
Сѣли... Кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны;

Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?
Ни полслова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.
Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ—
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ фиміамѣ;
По срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо, другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый.
Вдругъ метелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: п е ч а л ь!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ тему даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинки подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ....
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрипитъ....
Тихо растворилась.
Что жъ?... въ избушкѣ—гробъ, накрытъ
Бѣлою запоной,
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безответный житель.

Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.
Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.
Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится.. .
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ.
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?... Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... О, Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ.
Ахъ!... и пробудилась.
Гдѣ жъ? У зеркала одна
Посреди свѣтлицы,
Въ тонкій запавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы.
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.

«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину.
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»
Сѣла (тяжко поетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана.
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!... въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки коня рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ;
Втатный гость къ крыльцу идетъ....
Кто?... Женихъ Свѣтланы.
Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворийся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Сѣрные обѣты;
Воберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ—
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу;
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы.
Слава—насъ учили—дымъ:
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье;
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье».

Жуковскій.

Утопленикъ.

Прибѣжали въ избу дѣти.
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца.»
—Врите, вриге, бѣсенята,
Заворчалъ на пихъ отецъ;
Охъ, уже эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ...
Горемыка-ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ.
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Аля хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ.
Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги ташитъ.
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по колачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то—поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка...
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ,
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою

Подымаетъ онъ окно.
Изъ-за тучъ луна катится —
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ;
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

А. Пушкинъ.

Князь Михайло Рѣпнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кровчему велитъ.
«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
Я первый открываю веселый хороводъ!
За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи.
И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Рѣпнинъ.
«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!
Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»
Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
Или хмеленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
Не возражай ни слова и машкеру надѣнь —
Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день».
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Рѣпнинъ, правдивый князь:
«Опричнина да сгинетъ!» онъ рекъ, перекрестясь:
«Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ онъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»
Онъ молвилъ и ногами личину растоптalъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
«Умри же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ, разъярясь —
И палъ, жезломъ пронзенный, Рѣпнинъ, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»

Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Гр. А. Толстой.

Лебедь. Щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ — судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

Дубъ и Трость.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошолъ.
—«Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу,
Сказалъ онъ: воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть,
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваясь и вихрямъ и громамъ,
Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто-бъ огражденъ непарушимымъ миромъ.
Тебѣ все буреи—мнѣ все кажется зефиромъ;
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой—
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья»
--«Ты очень жалостливъ», сказала Трость въ отвѣтъ;
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ:
Едваль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица,
Но—подождемъ конца».
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій аквилонъ.
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ—и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Крыловъ.

Дубъ и Трость.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
«Жалѣю», Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры:
«Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей;
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей:
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли,
Тогда, какъ я — высокъ, осанистъ и вдали—
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня зефиръ, тебѣ-жъ все аквилонъ.
Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною,

Подъ тѣнію моей густою;
Ты бъ не страшилась бурь! но рокъ тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна дола,
На тонкихъ берегахъ владычества Эола.
Но-чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ»
«Ты очень жалостливъ», Трость Дубу отвѣчала..
«Но право, о себѣ еще я не вздыхала.
Да не о чемъ и воздыхать;
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя до-днесь поколебать,
Но подождемъ конца».—Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ;
Летитъ, кружится листъ: Трость гнется,—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи—
И вотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ...
Упалъ.

Дмитріевъ.

Le Chêne et le Roseau.

Le Chêne un jour dit au Roseau:
Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau,
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zephyr.
Encore si vous naissiez à l'abri du feuillage,
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir;
Je vous défendrais de l'orage:
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.
Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci.
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Resisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin. Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon; le Roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

La Fontaine.

Воронъ и Лисица.

(Эзопа).

Воронъ, схвативши мясо, сѣлъ на одномъ деревѣ. Лисица, увидѣвъ его и желая отъ него достать мясо, стала хвалить его, какъ онъ статенъ, прекрасенъ и что болѣе всѣхъ ему пристало быть царемъ надъ птицами, что непремѣнно бы и сталось, если бъ у него былъ голосъ. Воронъ, бросивъ мясо, началъ громко кричать, а Лисица, подбѣжавши, сказала: о Воронъ, если бъ у тебя еще былъ разумъ, то бы ничего тебѣ не доставало, что-бъ быть царемъ.

И. Мартыновъ.

Le Corbeau et le Renard.

Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.
Maître renard, par l'odeur alléché,
Lui tint à-peu-près ce langage:

«Hé! bonjour, monsieur du corbeau,
Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!
Sans mentir, si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois!»
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie;
Et, pour montrer sa belle voix,
Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie.
Le renard s'en saisit, et dit: «Mon bon monsieur,
Apprenez que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute:
Cette leçon vaut bien un fromage, sans doute».
Le corbeau, honteux et confus,
Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

La Fontaine.

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица»!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

И. Крыловъ.

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно въ тебѣ умѣнье»?
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, гнулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры.
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

И. Крыловъ.

ЛИРИКА.

НАРОДНАЯ ЛИРИКА.

ПѢСНЯ.

(Колядская).

За рѣкою, за быстрою.
Ой колядка, ой колядка!
Лѣса стоятъ премучіе;
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ.
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колодушки.
Ой колядка, ой колядка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колядка, ой колядка!
«Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!»
— Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Жеяты пески.
Сердце высосали».

(Овсеневая).

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! Ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь ворота красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ—
Обведенъ, затыненъ
Кипарисянымъ тыномъ.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ.
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки
Золотые терема!
Первый теремъ—
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ—
Красно солнце;
Третій теремъ—
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце—
Жена его,
Часты звѣзды—
Ихъ дѣтушки.
Ой Овсень ой Овсень!

Семейныя.

I.

1. *А мы просо сѣяли, сѣяли;*
   Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
   Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
   Ой Дидъ, Ладо, вытоптать вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
   Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ;
   Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
   Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
   Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
   Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!

1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не недо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
1. Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
2. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ Ладо, убыло, убыло!
1. А вашего полку прибыло, прибыло;
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло!

II.

Цѣла грушица во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ,
Жило мое дитятко,
Жило мое милое.
Во терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашенномъ;
Не все тебѣ жить во теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвицами,
Не все тебѣ быть со красными.
Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ-ли все молодушкамъ.
Молодыя-ли ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы.
Ступишь-ли ногой —
Погядятъ всѣ за тобой;
Махнешь-ли рукой —
Засмѣются надъ тобой.
Молвишь-ли словечко —
Передражнивать начнутъ;
Сядешь-ли за столъ —
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь-ли молчать —
Станутъ дурой величать.

III.

Ужъ не вихри рьяные вылетали,
Ужъ не солнце красное замеркало,
Ужъ не свѣтелъ мѣсяцъ затмѣвался,
Ужъ не тучи грозныя бушевали,
Ужъ не туманы дождевые носилися;
А Марьюшка Ефимовна, во терему
Сидя, во высокомъ помрачилась,
Своей печалью, горестью,
Своей несносною кручиною.
Марьюшка горько плачетъ,
Ефимовна, какъ рѣка льется.
Она вечеръ поздно слышала:
Какъ хочетъ ее батюшка,
Какъ хочетъ ее матушка,
Что отдать-ли во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, къ матери.
Ой не плачь, наше дитятко,
Ой не плачь наше милое!
Чужая сторонушка слюбится,
Чужедальняя полюбится!

IV.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Семь верстъ за Москвою,
За быстрой рѣкою:
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима.
Захотѣлось братцу
Къ сестрицѣ въ гости.
Здорово, сестрица,
Здорово, родима!
— Не больно я здорова,
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Напервое горе —
Свекоръ-то грозливый,
Надругое горе —
Свекровь воркотлива,
Натретье-то горе —
Деверекъ насмѣшникъ,
Начетвертое-то горе —
Золовка смутьянка,
Напятое горе —
Мужъ жену не любитъ.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.
Свекоръ-то грозливый
Скоро въ землю пойдетъ;
Свекровь воркотлива,
У ней добра много;
Деверекъ насмѣшникъ,
Самъ онъ въ люди пойдетъ;
Золовка смутьянка,
Сама туда пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ,
Другую не возьметъ.
Тебя поцѣлуетъ.
— Спасибо, мой братецъ,
На твоемъ разсудьи.

Разсудилъ мой братецъ
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.

V.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!
Ахъ, какъ бы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила!
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле!...
И я батюшкѣ-то говорила,
И я свѣту моему доносила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, сударь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы: —
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда — а въ совѣтѣ.

VI.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Свекоръ-батюшка по сѣнничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.
Х о р ъ. Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!
Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Свекровь-матушка по сѣнничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.
Х о р ъ. Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!
Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку,
Милъ-любезный по сѣнничкамъ похаживаетъ.
Легохонько, тихохонько, поговариваетъ.
Х о р ъ. Спи, спи, спи, спи, ты, моя умница!
Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выпадена...

VII.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая.
Ужъ куда я, добрый молодецъ, ни кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы:
Они меня ловятъ, стерегутъ.
Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ ворочуся.
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣляла?

Разбойничья.

Не шуми мати, зеленая, дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, во допросъ идти,
Предъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ меня Царь-Государь спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?»
—Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,
Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ — мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ—тугой лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.—
Что возговоритъ надежа, православный Царь:
«Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать,
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною».

Похоронный плачъ (*заплачка*).

(*Когда умершаго зароютъ, вдова припадаетъ къ землѣ и вопитъ*):

Пріоврылся нонь надежная головушка,
Во матушку вѣдь онъ да во сыру землю,
Въ погреба вѣдь онъ да во глубокіи!
Призарыли тамъ надежу съ горъ желтымъ
пескомъ,
Накатили тутъ катучи, бѣлы камешки!
Прозабыла я, кручинная головушка—
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать въ гости любимое гостибищо?
Во полночь ли ждать по свѣтлому по
мѣсяцу,
Али въ полдень ждать по красному по
солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждать тебя позднешенько?
Не утай, скажи, надежна мнѣ головушка;
Ухожу своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Я на эту на спокойну, малу ночепьку;
Съ горя сяду подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Со обиды—подъ туманное околенко,
Пожидать буду надежну тя головушку;
Покажись—приди надежная головушка,
Хоть съ подъ кустышка приди да сѣрымъ
заюшкомъ,
Изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ;
Не убоюсь бѣдна кручинная головушка,
Тебя стричу на крылечикѣ переноемъ,
Отворю да я новы сѣни рѣшотчаты.
Большакомъ ты въ домъ приди да настоятелемъ;
Видно, нѣтъ того на свѣтѣ да неводится,
Што вѣдь мертвыи съ погоста не воротятся,
По своимъ домамъ оны да не расходятся,
Едина стоитъ могилушка умершая!
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью;
Я бы наняла вѣдь плотничковъ, работничковъ,
Я бы сдѣлала кивоты бѣло-дубовы,
Я на эту на могилушку умершую,
Штобы бѣлымъ снѣжкомъ не заносило-бы,
Частымъ дождичкомъ могилы не залило-бы,
Мурава—трава на ней тутъ выростала-бы,
Всяки-разныи цвѣточки расцвѣтали-бы;
Я-бы по часту туда стала учащивать,
Я-бы по долгу вѣдь тамъ стала усѣживать;
У меня да какъ печальной бы головушки
Въ полномъ возрастѣ сердечны были дѣтушки;
Оны бъ ставили кресты животворящіи
На этой бы могилушкѣ умершеей,
На родителя-кормилица, свѣта батюшка.

Солдатская пѣсня*).

Грянемъ, братцы, полковую
Пѣснь про Плевну напримѣръ,
И про славу боевую
Самогитскихъ гренадеръ.
Ноября двадцать восьмаго,
Утромъ, раннею порой,
Звукъ сигнала боеваго
Услыхали мы съ зарей.
Гренадеры грудь крестили,
Ружья взяли, стали въ строй,
И минутъ чрезъ пять ужъ были
Всѣ идти готовы въ бой.
Нашъ полковникъ съ умиленьемъ
Вслухъ молитву прочиталъ
И, поздравивъ полкъ съ сраженьемъ,
Вздуть Османа приказалъ.
И пошли мы бодро, смѣло,
Туркамъ ребры разогрѣть;
Зашищать святое дѣло—
Побѣдить иль умереть!
Бой кипѣлъ; шипѣли пули,
Настоящій былъ тамъ адъ!
Самогитцы не моргнули,
Стройно шли, какъ на парадъ.
Ботъ у «Копанной могилы»
Врагъ пробиться захотѣлъ;
Всѣ туда направилъ силы
И въ траншеяхъ самъ засѣлъ.
Сидимъ: плохо нашимъ что-то;
Выручать намъ ихъ пора,—
И штыковая работа

*) Солдаты Самогитскаго Гренадерскаго полка сложили эту пѣсню. Плевна взята 28 ноября 1877 года. Пѣсня была напечатана въ Московскихъ вѣдомостяхъ.

Закипѣла.... на *ура*!
И чудной же Турокъ, право:
Задалъ тотчасъ онъ дерка....
Не понравилась расправа
Самогитскаго штыка!

Такъ вотъ, братцы, завершили
Самогитцы славный бой,
Царю службу сослужили,
Своей родинѣ святой!

ИСКУССТВЕННАЯ ЛИРИКА.

Искусственная пѣсня.

Ахъ, ты ночь-ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка,
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердце:
Позабудетъ
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Плясною!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься.

Дельвигъ.

Пѣла, пѣла, пташечка
И затихла.
Знало сердце радости—
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ черными горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Въ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги—
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Дельвигъ.

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду;
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.
Ахъ! та пѣснь была завѣтная,
Рвала бѣлу грудь тоской;
А все слушать бы хотѣлося
Не разсталась бы ввѣкъ съ ней.
Вдругъ подуло со полуночи,
Будто на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла,

Съ того ли со безвременья
Опустѣлъ зеленый садъ:
Много пташекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхать.
Слышите-ль, мои подруженьки?
Въ зеленомъ моемъ саду
Не поетъ ли мой соловушко
Пѣснь завѣтную свою?
«Гдѣ ужъ помнить перелетному»,
Мнѣ подружки говорятъ:
«Пѣсню, можетъ быть, постылую
Для него въ чужомъ краю?»
Нѣтъ! запѣлъ душа соловушко:
Въ чужедальней сторонѣ
Онъ все горькій сиротинушка,—
Онъ все тотъ же, что и былъ.
Не забылъ онъ пѣснь завѣтную;
Все про край родной поетъ,
Все поетъ въ тоскѣ про милую:
Въ этой пѣснью и умретъ.

Лажечниковъ.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ—
Да по думаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,
Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны—сохи,
Коня—пахаря...
Вмѣстѣ съ бѣдностью.
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;
Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Кольцовъ.

Что ты спишь мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдамъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,—
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери тебѣ
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ.
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло.
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Пѣсня.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣнъ дѣвичій
Силой укоротили.
Для того ли молодость
Соблюдали, пѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣяли,—
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.
Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится;
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать.

Кольцовъ.

О Д А.

Богъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ бездны Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь вѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ морѣ опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда паренъемъ съ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ.
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!
Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,

Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То божій гласъ; онъ судитъ міру:
«Израиль, мой народъ, внимай!
Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.
Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!
Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.
Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:
Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.
Къ чему куренья? Предо мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.
Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?
Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ, нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ!...

Хомяковъ.

Молитва.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья

Да братъ мой отъ меня не приметъ
осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Пушкинъ.

Подражаніе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонскія высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣпился,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонился.
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, твой избранникъ!
Мечомъ-ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Н. Языковъ.

Молитва.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови;
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
Не страшны мнѣ мои страданья,
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный;
Дай Іоанна чистоту;
Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя-Христа.

И. Козловъ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; одни лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ...

Пушкинъ.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою, —
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?— вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ

Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За чтожъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витія,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь же горд,
Во всемъ будь прадуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

Пушкинъ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ.
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.
О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Ночій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ, до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.
И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой.
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Стунилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,

Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.
Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ...
Россія, бранная царица,
Вспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.
Опѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.
И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло.
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъятую видитъ великанъ.
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И злойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На окомъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей.
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ унынья горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣшалъ.

Пушкинъ.

Сумракъ вечерній тихо взошелъ:
Мѣсяцъ двурогій звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.
Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ, спитъ мой челнокъ,
Унали вѣтрила.
Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевой,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ-же свѣтила.
О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо гляделось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

Хомяковъ.

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,
И ляжетъ тѣнь ночная надъ полями,
И замолчитъ веселое село,
И на цвѣтахъ и на травѣ душистой
Блеснетъ роса, посланница небесъ,
И тканію тумана серебристой
Одѣнется темнокудрявый лѣсъ;—
Съ какою-то отрадой непонятной
На Божій міръ я въ этотъ часъ гляжу,
И въ тишинѣ природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;
И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

И. Никитинъ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ.
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Пушкинъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій, —
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Слѣпецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его».

Лермонтовъ.

Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа внушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Пушкинъ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,

Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ,—
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье.
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благодарныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы:
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешся-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Лермонтовъ.

Въ часы забавъ иль праздной скуки.
Бывало, лирѣ я моей
Вверялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Пушкинъ.

Къ Мельпоменѣ.

(Ода Горація).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей, доля,
Избѣгну похоронъ; и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ*),
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ**) народъ трудолюбивый,

*) Берега Ауфида—родина поэта Горація
**) Давнъ—первый царь Апуліи. Горацій говоритъ здѣсь о своихъ земляхъ.

Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій *)
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

А. Фетъ.

*) Горацій гордился тѣмъ, что *первый* началъ подражать греческимъ (Эолійскимъ) пѣвцамъ.

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славянъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рипея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Державинъ.

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Пушкинъ.

Ода Анакреона.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Растворя водою трезвой.
Мы не Скивы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно;
Нѣтъ! За чашей я пою
Иль бесѣдую невинно.

Пушкинъ.

На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. (1747 года).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плескапіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою
Доброту твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ ловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ веселъемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки,
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить великія имена.
Ужасный чудными дѣлами.
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами —
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесь
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попрашу,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился;
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ въ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачъ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали,
И музы вопленъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ скатался путь,
И томко, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Севкана постыдилась

Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достойнъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки:
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.
Коль многи, смертнымъ неизвѣстны,
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности закону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ плывущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей
Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ врань,
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питались въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ:
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.
Науки юношей питаютъ,

Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастлявой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О, Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпретновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Ломоносовъ.

Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ;
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ —
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

И. Козловъ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости,
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіяхъ, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть.
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

Э Л Е Г І Я.

Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? жалѣю-ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы —
Я-бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы.
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной, чтобъ вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Лермонтовъ.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь не веселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что-же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,

Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная;
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается ..
Тише!.. О жизни покончень вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

И. Никитинъ.

На смерть Гете.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдья червей.
Погасъ; но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта;
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И если жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.
И если загробная жизнь намъ дана,—
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Е. Баратынскій.

Море.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далеко свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственный, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Жуковскій.

Къ морю.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,

И стая тонетъ кораблей!
Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами позравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ; ты звалъ... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы..
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ!
Тамъ онъ почилъ среди мучений.
И вслѣдъ за нимъ, какъ буря шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, волнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба земли повсюду та же,
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Коварство, злоба.. ..
Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Пушкинъ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній.

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта, къ душѣ моей.
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ
вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!
Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ отнялъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась скорбь, и жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде,
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.
Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни
звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ
руки:
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій духъ разлуки:
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ.
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра!...
Не имъ поетъ задумчивая лира.
И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ генія полетъ:
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жуковскій.

САТИРА.

Первое января.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь
сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ
рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ
городскихъ
Давно-безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и
суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій
прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.
Такъ царства дивнаго всесильный господинъ,
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

Лермонтовъ.

Современная пѣсня.

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый;
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы:
То былъ вѣкъ богатырей!
Но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.
Всякій маменькинъ сынокъ,
Всякій обирала,
Модныхъ бредней дурачекъ,
Корчитъ либерала.
Деспотизма супостатъ,
Равенства ораторъ,
Вздулся, слѣпъ и бородатъ,
Гордый регистраторъ....
Поглядишь,—нашъ Лафаэтъ,
Брутъ, или Фабрицій,
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.
Фразъ журнальныхъ лексиконъ,
Прапорщикъ въ отставкѣ,
Для него Наполеонъ—
Въ родѣ бородавки;
Для него славнѣе бой
Карбонаровъ*) блѣдныхъ.—
Чѣмъ когда нашъ царь земной
Отъ громовъ побѣдныхъ
Колыхался и дрожалъ,
И народъ, въ смятеньѣ,
Ницъ упавши, ожидалъ
Міра разрушенье
Что жъ? Быть-можетъ, нашъ герой
Утомилъ свой геній
И заботой боевой
И огнемъ сраженій?
Нѣтъ; онъ въ битвахъ не бывалъ:
Шаркалъ по гостинымъ,
И по плацу выступалъ
Шагомъ журавлинымъ.
Что жъ? Быть можетъ, онъ богатъ
Счастьемъ семьянина,
Замѣня блистанье латъ
Тогой гражданина?
Нѣтъ; нахально подбочась,
Онъ по дачамъ рыщетъ,
И въ театрахъ, развалясь,
Все шипитъ да свищетъ.
Что жъ? Быть-можетъ, старины
Онъ бѣжалъ приманокъ;
Звѣзды, ленты и чины
Презрѣлъ сизаранокъ?
Нѣтъ; мудрецъ не разрывалъ
Съ честолюбьемъ дружбы,
И теперь бы крестикъ взялъ—
Только чтобъ безъ службы.
Вотъ, гостиная въ дучахъ
Свѣчи до кенкеты;
На столѣ и на софахъ
Кипами газеты....
Все исчадіе грѣха,
Страстное новинкой.
Заговорщица—блоха
Съ мухой якобинкой**)
И комаръ, студентъ хромой,
Въ кучерской прическѣ;
И сверчокъ, прикупъ ночной,
Другъ—Крылова «Моськи»;
И мурашки филантропъ,
И червякъ голодный,
И Иванъ Иванычъ Клопъ,
Мужъ женоподобный,—
Все вокругъ стола....
И раздолье языкамъ
И ужъ тутъ не шутка!

*) Тайное политическое общество въ Италіи въ 20-хъ годахъ нашего вѣка.

**) Политическое общество во Франціи, въ концѣ 18 в. Дѣйствія его отличались крайними и рѣшительными мѣрами.

И народамъ, и царямъ—
Всѣмъ приходитъ жутко!
Все, что есть—все въ пыль и прахъ!
Все, что процвѣтаетъ—
Съ корнемъ вонъ! Ареопагъ
Такъ опредѣляетъ.
И жужжитъ онъ, полнъ грозой,
Царства низвергая;
А Россіи—Боже мой!—
Таска.... да какая!
И весь размежеванъ свѣтъ,
Безъ войны и драки!
И Россіи уже нѣтъ!..
. . . . . .
Но, на зло врагамъ, —она
Все живетъ и дышетъ,
И могуча, и грозна,
И здоровьемъ пышетъ.
Насѣкомыхъ болтовни
Внятіемъ не тѣшитъ,
Да и мѣсто, гдѣ они,
Даже не почешетъ.
А когда, во время сна,
Моль, иль таракашка,
Заползетъ ей въ носъ: она
Чхнетъ—и вонъ букашка!

Денисъ Давыдовъ.

Антологическія стихотворенія. Эпиграмма. Надписи.

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Пушкинъ.

Эллада.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.
Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ—
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ.
И видѣлъ я—усыпанный цвѣтами—
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами.
И Аполлонъ, и вѣчно—юный Сакхъ ..
И въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная—печальна, но ясна:
Казалося, она не умирала.
Казалося, безсмертной рождена...
И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста—
И все вокругъ собой животворило
Уснувшая во гробѣ красота.

Н. Щербина.

Вхожу съ мущеніемъ въ забытыя палаты.

Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Все пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ горныхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой,
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и граній.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ.
Качаясь по-вѣтру... О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужъ литавръ бряцанья, пирный звукъ
Умолкъ, и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились—новые, невѣдомые боги.

А. Майковъ.

На мысъ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его валелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный.

А. Майковъ.

Исторія стихотворца.

Маракетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Снимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ—и въ Лету
Бухъ!

Пушкинъ.

Пятнадцатилѣтній стихотворецъ.

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ розожелтый облаковъ
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, богъ зѣвалъ, и наконецъ спросилъ:
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ.
И оды громкія давно-ли сочиняетъ?»
Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.
«Пятнадцать только лѣтъ! Не болѣе того?
Такъ розгами его!»

Василій Пушкинъ.

Ex ungue leonem *).

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

А. Пушкинъ.

*) Льва узнаютъ по когтямъ.

Трудъ.

Мигъ вожделенный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ.

Пушкинъ.

Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

Пушкинъ.

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ не вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

Гр. А. Толстой.

Къ портрету Жуковскаго.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Пушкинъ.

На переводъ Иліады.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Пушкинъ.

ДРАМА.

Скупой рыцарь.

(Драматическія сцены).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ)

Альберъ и Иванъ.

Альберъ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(Иванъ подаетъ ему шлемъ).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

Альберъ.

А все жъ онъ не въ убытке!
Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій —
А грудь своя гроша ему не стоитъ,
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлематутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ...
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа: какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой ударъ;
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдаго.
Недорого и просятъ за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать намъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ?

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альберъ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что жъ?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ прійти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его. *(Стучатъ въ дверь).*

Кто тамъ? (*Входитъ жидъ*).

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы.. право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ про-
сить.
Не можете ль хоть часть отдать...

Альберъ.

Разбойникъ!
Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться?
Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай:
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ...

Альберъ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную
кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ:
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
Какъ талисманъ, оно вамъ отопретъ;
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ
море.

Альберъ.

Уже ль отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ
могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ де-
сять, двадцать,
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, Еврей! Да черезъ трид-
цать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и
деньги
На что мнѣ пригодятся?

Жидъ.

Деньги?—Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ при-
годны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ про-
ворныхъ
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей
надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ
имъ служитъ,
И какъ же служитъ? какъ алжирскій
рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной
конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да
лаетъ,—
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель
слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ.

Amen!

Жидъ.

А можно бъ...

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть..

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ—

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ.

Ростовщикъ
Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь. Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ;
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно:
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ?

Жидъ.

Да—
И ядомъ

Альберъ.

Что жъ? Въ займы на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ.

Виноватъ!
Простите: я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку!

Жидъ.

Я.. я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ

Альберъ.

Вонъ, песъ! *(Жидъ уходитъ).*
Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Расписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой—
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечеромъ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подполье.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Подвалъ

Баронъ.

Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный).
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но по-немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ веселъемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги,
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,

И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... *(Смотритъ на свое золото).*
Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его. но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ вся.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выпустили вдругъ.
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(Хочетъ отпереть сундукъ).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ).*
Вотъ мое блаженство!
(Высыпаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!.
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).
Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе,въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ—сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце—совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ.
Заимодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ

Я скрыть подвалъ!... О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали
Герцогъ.
Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало ..
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. *(Смотритъ въ окно).*
Это кто?
Не онъ-ли?
Альберъ.
Такъ— онъ, Государь.
Герцогъ.
Подите жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альберъ уходитъ; входитъ баронъ).
Баронъ!
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.
Баронъ.
Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.
Герцогъ.
Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?
Баронъ.
Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь, а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ..
Предъ вами то есть...
Герцогъ.
Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.
Баронъ.
Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.
Герцогъ.
Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно:
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?
Баронъ.
Сынъ одинъ.
Герцогъ.
Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.
Баронъ.
Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни.
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.
Герцогъ.
Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ веселью, къ балламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?
Баронъ.
Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...
Герцогъ.
Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его; онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика.

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я
Сердить.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ.

Герцогъ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно...

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.
(*Альберъ бросается въ комнату*).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (*сыну*).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?...

Альберъ.

Вы лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(*Бросаетъ перчатку; сынъ поспѣшно ее поднимаетъ*).

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Герцогъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ.
И ты, тигренокъ!—полно (*сыну*), бросьте это:
Отдайте мнѣ перчатку эту (*отнимаетъ ее*).

Альберъ. (a parte).

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ (*Альберъ выходитъ*).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?

Баронъ.

Простите, Государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Пушкинъ.

Антигона.

Трагедія *Софокла*.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антигона } дочери ѳивскаго царя
Исмена } Эдипа
Креонтъ—царь ѳивскій.
Гемонъ—его сынъ.
Тиресій—слѣпой прорицатель.
Стражъ.
Вѣстникъ.
Эвридика, супруга Креонта.
Хоръ ѳивскихъ старцевъ.
Рабы Креонта, служанки Эвридики.

Театръ представляетъ площадь передъ дворцомъ Креонта. Съ лѣвой стороны видъ на загородные холмы, съ правой—на городъ.

Антигона и Исмена.

Антигона. Головка милая родной Исмены!
Какихъ же бѣдъ эдиповыхъ еще
Не совершилъ ужъ Зевсъ при нашей жизни?
Нѣтъ скорбнаго и преступленья нѣтъ,
И нѣтъ позорнаго, безчестья нѣтъ,
Чего бы я не видѣла въ твоихъ,
Чего бъ въ моихъ не видѣла несчастьяхъ.
И вотъ опять приказъ какой-то новый
Креонтъ, какъ говорятъ, народу далъ.
Ты знаешь ли? ты слышала ль объ этомъ?
Иль скрыто отъ тебя, что милымъ нашимъ
Враги готовятъ поруганье.

Исмена. Нѣтъ,
Ни съ радостью, ни горемъ, Антигона,
Объ милыхъ вѣсть ко мнѣ не доходила
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ двѣ сестры двухъ братьевъ
Лишились мы, въ одинъ погибшихъ день,
Другъ другу смерть родной рукой нашедшихъ.
И съ той поры, какъ въ нынѣшнюю ночь
Исчезъ Аргосцевъ станъ, я ничего
Не знаю вновь ни къ радости, ни къ горю.

Антигона. Я знала то, и для того тебя
Я вызвала сюда за двери дома,
Чтобы одна ты слышала меня.

Исмена. Но что? тебя тревожитъ слово, вижу.

Антигона. Такъ ты не знаешь, что Креонтъ почтилъ
Лишь одного изъ нашихъ братьевъ гробомъ,
Другаго же лишилъ послѣдней чести?
Какъ говорятъ, онъ Этеокла съ честью
Обычною въ землѣ похоронилъ,
Да будетъ онъ и тамъ почтенъ, средь мертвыхъ. *)
А Полиника трупъ, лежащій жалко,
Онъ запретилъ гражданамъ, говорятъ,
И въ гробѣ скрыть и слезы лить надъ нимъ.
Велѣлъ безъ слезъ оставить, безъ могилы,
Чтобъ былъ находкой сладкой хищнымъ птицамъ.
Вотъ, говорятъ, что добрый нашъ Креонтъ
Тебѣ и мнѣ (себя считаю тутъ же),
Всѣмъ объявилъ. Онъ скоро будетъ здѣсь,
Чтобъ тотъ приказалъ всѣмъ громко объявить,
Которые о немъ еще не знаютъ.
И не ничтожнымъ онъ считаетъ дѣло,
Но въ городѣ умретъ отъ камней тотъ,
Кто вопреки поступитъ повелѣнью.
Вотъ все тебѣ, и скоро ты покажешь,
Родилась ли съ душой ты благородной,
Иль съ низкою отъ благородной крови.

Исмена. О гордая душа! но что жъ могу
Связать иль развязать я въ этомъ дѣлѣ?

Антигона. Подумай, мнѣ помочь рѣшишься ль ты?

Исмена. Новъ чемъ, скажи: какая мысль твоя?

Антигона. Поднимешь ли со мною вмѣстѣ трупъ?

Исмена. Такъ хочешь ты его похоронить,
Когда то городу запрещено?

Антигона. Я брата моего похороню

---

*) По понятіямъ древнихъ, непогребенные или похороненные безъ надлежащихъ обрядовъ были въ презрѣніи и у мертвыхъ.

И вмѣстѣ твоего; коль ты не хочешь:
Въ предательствѣ меня не обвинять.
Исмена. Несчастная! на зло Креонта волѣ?
Антигона. Но разлучить меня съ моими онъ
Не въ правѣ.
Исмена. Горѣ мнѣ! Сестра, ты вспомни,
Какъ нашъ отецъ, презрѣнный и безславный,
Погибъ, когда, открывъ свои грѣхи,
Своей рукой себѣ онъ выкололъ глаза,
А тамъ жена и мать, двойное имя,
Снуркомъ плетенымъ жизнь свою сгубила;
Потомъ два брата общій жребій смерти
Въ одинъ и тотъ же день другъ другу дали.
Несчастные! погибъ отъ брата братъ.
Остались мы лишь двѣ теперь: смотри,
Чтобъ наша не была страшнѣе гибель,
Когда закону вопреки, мы презримъ
Креонта приговоръ и силу власти.
Мы женщины—о томъ подумать надо;
Родились мы не съ тѣмъ, чтобы съ мужами
Вступать въ борьбу. Подумай и о томъ,
Что мы подвластны тѣмъ, кто насъ сильнѣй.
И горьше этого намъ слушать надо.
Такъ буду я покорна тѣмъ, кто силенъ,
И попрошу у мертвыхъ въ томъ прощенья,
Когда къ тому меня неволить сила.
А не посиламъ дѣлать—смысла нѣтъ.
Антигона. И требовать не стану я, и даже,
Когда бъ еще ты дѣйствовать рѣшилась,
Твое участье мнѣ не будетъ мило.
Какъ хочешь, дѣлай ты; но я его
Похороню. Умру прекрасно я,
Исполнивъ то. И, милая ему,
Съ нимъ вмѣстѣ тамъ лежать я буду....
Вѣдь больше тѣмъ, которые въ землѣ,
Мнѣ должно угождать, чѣмъ здѣсь живущимъ:
Тамъ буду я лежать всегда. А ты,
Коль хочешь, презирай пожалуй то,
Что гражданамъ противно, и не въ силахъ.
Антигона. Оправдывай себя, а я пойду
Могилу брату милому насыпать.
Исмена. О горе! какъ боюсь я за тебя!
Антигона. Нѣтъ, за меня не бойся, а подумай,
Свою судьбу какъ лучше бы устроить.
Исмена. Не объявляй же ты, по крайней мѣрѣ,
Объ этомъ дѣлѣ никому, но скрой,
И скрою я.
Антигона. О нѣтъ! ты говори.
Не говоря, врагомъ мнѣ больше будешь,
Когда не всѣмъ о томъ разскажешь ты.
Исмена. Горячъ твой духъ къ тому, что въ дрожь бросаетъ.
Антигона. Но знаю я, что тѣмъ угодна буду,
Кому всѣхъ больше нужно угодить.
Исмена. Когда бъ еще могла ты это сдѣлать!
Но невозможнаго желаешь ты.
Антигона. Когда не въ силахъ буду, то оставлю.
Исмена. Но невозможнаго и начинать
Не слѣдуетъ.
Антигона. Не повторяй еще,
А то тебя я буду ненавидѣть,
И брату по-дѣломъ немилой будешь,
Когда въ могилѣ съ нимъ соединишься.
Оставь же ты меня съ моимъ безумьемъ,
Оставь терпѣть ту страшную судьбу.
Но, что бы надо мной ни учинялось,
Коль я умру, умру прекрасной смертью.
Исмена. Иди, когда такъ хочешь ты; но знай,
Хоть ты безумная теперь идешь,
Но все жъ друзьямъ своимъ ты милый другъ.

Послѣ ухода сестеръ, на сцену входитъ *хоръ* почтенныхъ ѳивскихъ старцевъ и поетъ торжественный гимнъ въ честь недавней побѣды, привѣтствуя солнечное сіяніе, освѣщающее восточныя врата города, ибо никто иной, какъ самъ богъ—солнца обратилъ въ бѣгство „аргивскаго героя, съ серебрянымъ щитомъ".

За тѣмъ, въ образномъ языкѣ лирической поэзіи, хоръ описываетъ, какъ Полиникъ налетѣлъ на родную землю, подобно орлу, жаждущему крови:

Съ оружіемъ многимъ,
Съ густогривыми шлемами онъ

На крылахъ бѣлоснѣжныхъ примчался
Въ нашу землю крикливымъ орломъ.
Но прежде чѣмъ ему удалось залить
городъ кровью и опустошить его огнемъ,
„Ѳивскій драконъ оказался достойнымъ
его соперникомъ“.—Хоръ воспѣваетъ
также погибель Капанея, *) нечестиваго богохульца, сброшеннаго небесною
молніею съ лѣстницы, по которой взбирался съ факеломъ въ рукахъ на
стѣны Ѳивъ. Сами боги вступились за
любимый ими городъ, и семь вождей
оставили свои мѣдноко ванные доспѣхи,
какъ трофеи побѣды для ѳивскихъ
храмовъ.
Громкоименная вотъ ужъ богиня побѣды
Въ многохрустальныя Ѳивы вошла,
улыбаясь.
Такъ забудьте теперь вы о боязни:
время идти
По всѣмъ храмамъ боговъ;
Цѣлую ночь станемъ тамъ пѣть,
Ѳивскій нашъ Вакхъ будетъ намъ
вождь,
Вакхъ—колебатель земли.
Вотъ Креонтъ, царь страны, Менекея сынъ,
Онъ недавно здѣсь власть получилъ;
новый царь,
Съ новымъ счастьемъ боговъ къ намъ
онъ нынѣ идетъ.
Но какая же мысль такъ волнуетъ его,
Что совѣтъ стариковъ онъ собрать
повелѣлъ,
Чрезъ глашатая насъ пригласивши сюда?—

Креонтъ, хоръ и потомъ стражъ.

Креонтъ.

Народъ! хотя изъ страшной бури бѣдъ
Вновь къ тишинѣ воздвигли боги городъ;
Но я чрезъ вѣстниковъ лишь васъ
однихъ
Сюда собралъ, затѣмъ, что зналъ, какъ
власть
Престола Лаева всегда вы чтили;
Потомъ я зналъ, что съ той поры, какъ
городъ
Эдипъ поднялъ и самъ потомъ погибъ,
Что съ той поры вы преданы всегда
Въ работѣ неизмѣнной дѣтямъ ихъ.
А какъ они въ одинъ и тотъ же день,
Ударъ нанесши и принявъ, погибли,
Преступною рукой другъ друга умертвивши,
То я, какъ ближній родственникъ погибшихъ,
И власть ихъ всю и тронъ пріемлю нынѣ.
Но трудно духъ и мысль и думы мужа
Извѣдать прежде, чѣмъ себя окажетъ
Въ распоряженьяхъ власти и законахъ.
А мнѣ, кто, правя цѣлымъ государствомъ,
Не держится совѣтовъ самыхъ лучшихъ,
Но свой языкъ изъ страха запираетъ,
Всегда, какъ и теперь, казался подлымъ.
И ничего по мнѣ не стоитъ тотъ,
Кто друга выше цѣнитъ чѣмъ отчизну.
А я—всевидящій то знаетъ Зевсъ—
Молчать не сталъ бы, видя погибель,
Грядущую на гражданъ вмѣсто счастья,
И никогда бъ врага родной земли
Себѣ не сдѣлалъ другомъ; знаю я,
Что въ ней спасенье наше; что тогда
Себѣ друзей находимъ вѣрныхъ сами,
Когда ея корабль плыветъ счастливо.
Я подниму такимъ уставомъ городъ.
Согласно съ симъ и нынѣ объявилъ
Я гражданамъ о сыновьяхъ Эдипа,
Чтобъ Этеокла въ гробѣ скрытъ, свершивъ
Все то, что подобаетъ честнымъ мертвымъ.
Во всѣхъ бояхъ онъ первымъ былъ бойцомъ,
За городъ сей сражался онъ и палъ.
Но Полиникъ, его по крови братъ,
Бѣглецъ вернувшійся, хотѣлъ огнемъ
Въ конецъ пожечь отеческую землю
И съ нею сжечь боговъ, родныхъ боговъ;
Родною онъ хотѣлъ напиться кровью
И въ рабство увести своихъ согражданъ.
Такъ въ городѣ всѣмъ я объявилъ,
Чтобы его никто съ обычной честью
Не хоронилъ, никто бъ надъ нимъ не плакалъ;
Но чтобы псамъ и хищнымъ птицамъ на добычу
Оставить трупъ его непогребенный,
Чтобъ поруганья видъ очамъ былъ страшенъ.
Таковъ мой приговоръ, и никогда
Не будетъ отъ меня той чести злымъ,
Которые лишь правые получатъ.

*) Капаней—одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы. Онъ, противъ воли боговъ, взошелъ на стѣну города, при помощи лѣстницы, за что Зевесъ поразилъ его молніей, потомъ онъ былъ снова оживленъ Эскулапомъ.

Но другъ моей земли, живой или мертвый,
Одинъ почетъ получитъ отъ меня.
Хоръ. Такъ ты рѣшилъ, Креонтъ, сынъ Менелая,
О другѣ города и о врагѣ;
И властенъ ты на мертвыхъ и живыхъ
Изречь законъ, какой тебѣ угодно.
Креонтъ. А вамъ смотрѣть за тѣмъ, что я сказалъ.
Хоръ. Нѣтъ, поручи заботиться о томъ
Кому нибудь, кто помоложе насъ.
Креонтъ. Но трупъ стеречь ужъ тамъ готовы люди.
Хоръ. На что жъ еще другимъ даешь приказъ?
Креонтъ. Чтобы ослушникамъ не потакать.
Хоръ. Но кто жъ такъ глупъ, что умереть желаетъ?
Креонтъ. Да, смерть награда будетъ. Но не разъ
Надежда на корысть людей губила.
Стражъ. О царь! я не скажу, что шелъ проворно,
Что быстрый бѣгъ мнѣ духъ перехватилъ;
Не разъ заботой былъ прикованъ къ мѣсту,
Не разъ назадъ хотѣлъ поворотить.
Душа вѣщала мнѣ, такъ говоря:
Зачѣмъ идешь туда, гдѣ наказанье,
Тебя, несчастный, ждетъ? И все Креонтъ
Узнаетъ отъ другихъ? Все та жъ бѣда!
Въ такомъ раздумьи шелъ нескоро я:
Вѣдь такъ и краткій путь бываетъ длиненъ.
Но наконецъ за лучшее я счелъ
Идти къ тебѣ. Хоть ничего почти
Я не скажу тебѣ, но все жъ скажу.
Я въ той надеждѣ и пришелъ, что то
Лишь потерплю, что рокъ опредѣлилъ.
Креонтъ. Но что жъ, что страха твоего причиной?
Стражъ. Сказать хочу сначала о себѣ
Не сдѣлалъ я и не видалъ, кто сдѣлалъ,
И казни я никакъ не заслужилъ.
Креонтъ. Ты ловко мѣтишь, и кругомъ себя
Огородилъ. Принесъ же, видно, повость!
Стражъ. Но страшное всегда боязнь внушаетъ.
Креонтъ. Да что жъ? Ты скажешь-ли когда-нибудь?
Скорѣй! потомъ иди, сказавъ, что надо.
Стражъ. Скажу тебѣ, что мертваго недавно
Похоронилъ не знаю кто и скрылся;
Сухой земли посыпали на тѣло
И свято весь обрядъ надъ нимъ свершили.
Креонтъ. Что молвилъ ты? Но кто жъ тотъ человѣкъ?
Кто смѣлъ такъ дерзкимъ быть?
Стражъ передаетъ, какъ онъ и его товарищи съ разсвѣтомъ нашли тѣло, посыпанное землею и прахомъ, и не тронутое ни звѣрьми, ни птицами, и какъ каждый изъ стражей обвинялъ въ преступленіи другаго и клялся въ собственной невинности: Всѣ запирались.
И раскаленное желѣзо въ руки
Рѣшались брать, и сквозь огонь пройти,
И именемъ боговъ поклясться въ томъ,
Что невиновны мы, что чужды мы
И замыслу и совершенью дѣла.
Наконецъ, они стали метать жребій, кому идти съ этимъ извѣстіемъ къ Креону, и жребій выпалъ на того несчастнаго воина, который теперь стоитъ передъ Креономъ.
Хоръ. О царь! Давно ужъ шепчетъ мысль моя:
Боговъ въ томъ дѣлѣ не было ль участья?
Креонтъ. Остановись, пока твои слова
Не преисполнили еще мой гнѣвъ;
Не докажи, что ты и глупъ и старъ.
Твои слова не выносимы мнѣ,
Коль признаешь боговъ ты попеченье
О мертвомъ томъ. Скажи, сокры-ль боги
Его, какъ благодѣтеля почтивъ?
Того, кто истребить пришелъ огнемъ
Колоннами обставленные храмы
И честные дары, того, который
Ихъ область и законъ хотѣлъ разрушить?
Иль думаешь, что боги чтутъ злодѣевъ?
Не то. Но граждане давно съ трудомъ
Терпѣли то, и на меня роптали,
И потрясали тайно головой,
Невѣрную подъ иго шею гнули
И не хотѣли полюбить меня.
Ихъ деньгами, навѣрно знаю я,
Подкуплены они, чтобъ это сдѣлать
(Указывая на стража)
Да, деньги для людей—большое зло;

Здѣсь губятъ города, а тамъ мужамъ
Свой домъ родной велятъ покинуть
деньги,
И извращаютъ деньги честный умъ,
Ведутъ онѣ его онѣ къ дѣламъ безчестным;
Всѣ хитрости открыли деньги людямъ
И всякому нечестью научили.
Но тотъ, кто плату взялъ за это дѣло,
Получитъ наконецъ за то и казнь.
Коль приметъ Зевсъ еще мою молитву,
Такъ знай, я говорю тебѣ подъ клятвой,
Что если не откроете того,
Чьи руки ту устроили могилу,
И не представите его ко мнѣ,
То мало будетъ вамъ одной лишь смерти:
Живыхъ, повѣсивъ васъ, заставлю прежде
Сознаться мнѣ въ томъ дерзкомъ
оскорбленьи:
Чтобъ знали вы, гдѣ барыша искать,
Недобрыхъ вѣстниковъ никто не любитъ.
Чтобъ поняли, что прибыли искать
Отъ всякаго равно не должно дѣла,
Что пагубу нечестная корысть
Приноситъ чаще, чѣмъ спасенье, людямъ.

Стражъ. Сказать мнѣ дашь, иль такъ идти назадъ?

Креонтъ. Не знаешь и теперь, какъ тяжелы.
Твои слова?

Стражъ. Кусаютъ слухъ иль сердце?

Креонтъ. Какъ? Ищешь ты, моя досада гдѣ?

Стражъ. Но я лишь ухо огорчилъ, а сердцу
Нанесъ печаль не я, а тотъ, кто сдѣлалъ.

Креонтъ. О, о! какъ видно, ты искусный плутъ

Стражъ. Но все жъ того не сдѣлалъ дѣла я.

Креонтъ. Да душу ты свою за деньги продалъ.

Стражъ. Увы!
О страшно, что и ложнымъ подозрѣньямъ
Повѣрить долженъ тотъ, кто хочетъ вѣрить.

Креонтъ. Теперь пока глумись себѣ надъ вѣрой,
Но если мнѣ не сыщете виновныхъ,
Помянете, что подлая корысть
Приноситъ корбь. (*Уходитъ*).

Стражъ. Да хорошо бъ сыскать.
Найдутъ иль нѣтъ—судьба рѣшитъ все это,
Но здѣсь меня опять ты не увидишь.
И нынѣ ужъ спастись не чаялъ я;
Боговъ благодарить за то я долженъ.

Хоръ (поетъ).—Сильнаго много въ мірѣ есть,
Но сильнѣй человѣка нѣтъ.
И подъ бурными вѣтрами
Онъ плыветъ, по сѣдымъ волнамъ
Плыветъ, а вздутое море
Шумитъ вокругъ него.
И высшую изъ всѣхъ боговъ онъ мучитъ,
Вѣчную, неустающую землю:
Изъ года въ годъ по ней катятся плуги, и лошадь
Не даетъ землѣ покоя.

Далѣе, хоръ воспѣваетъ разнообразіе человѣческаго генія и преобладаніе человѣка надъ силами природы. Человѣку подвластны и рыбы въ морѣ, и птицы въ воздухѣ, и звѣри въ лѣсахъ. Онъ придумалъ себѣ защиту противъ всякихъ опасностей, одолѣваетъ всякія препятствія, разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Но гордость—вотъ главный порокъ такого совершеннаго существа. Гордость въ государственномъ мужѣ приближаетъ его паденіе.

Въ комъ нѣтъ правды, хоть высоко
Стоитъ въ народѣ онъ, онъ безъ отчизны.
Въ комъ дерзкій умъ, кто поступаетъ такъ,
Тотъ не войдетъ въ мой домъ,
Совѣтъ со мной не раздѣлитъ.

Внезапно хоръ смолкаетъ отъ удивленія и ужаса. Онъ едва можетъ вѣрить своимъ глазамъ; двое стражей влекутъ между собой Антигону, связанную, но спокойную и достойную, какъ всегда.

Хоръ, Стражъ, Антигона, потомъ Креонтъ и наконецъ Исмена.

Стражъ. Вотъ здѣсь виновная—она. На дѣлѣ
Ее мы взяли тамъ. Но гдѣ Креонтъ?

Хоръ. Вотъ въ-пору онъ идетъ опять изъ дома.

Креонтъ. Что тамъ? къ чему сюда я вышелъ въ пору?

Стражъ. О царь! ни въ чемъ не долженъ клясться смертный.

Ту мысль, что вѣрною казалась прежде,
Другая мысль невѣрной объявляетъ.
Вотъ я сюда прійти опять не думалъ,
Какъ на меня твой гнѣвъ грозою палъ;
Когда-жъ приходитъ радость сверхъ надежды,
Другую съ ней нельзя сравнить пріятность.
Пришелъ, хоть клялся я, что не прійду,
Дѣвицу вотъ привелъ: ее застали,
Какъ тамъ она готовила могилу,
И тутъ мы не кидали уже жребья:
Моя была находка, не другаго.
Теперь ты, царь, какъ хочешь, самъ ее
Возьми, суди и уличай, а я,
Свободный отъ вины, могу теперь
Отдѣлаться отъ той бѣды по праву.

Креонтъ. Гдѣ взялъ ее и какъ? ведешь откуда?

Стражъ. Она того похоронила мужа —
Вотъ все тебѣ.

Креонтъ. Ты понялъ ли, смотри,
И такъ ли ты сказалъ, что говоришь?

Стражъ. Когда скажу, что видѣлъ я ее,
Какъ хоронила мертваго она,
Которому ты отказалъ въ могилѣ —
Не ясно ль все я говорю тебѣ?

Креонтъ. А какъ увидѣли ее? какъ взяли?

Стражъ, раздражившій прежде Креонта своею дерзостью и теперь беретъ на себя рѣчь; на этотъ разъ его слова пріятны царю. Стража вернулась на свое мѣсто, и, очистивъ тѣло отъ набросанной на него прошедшей ночью земли, сѣла поодаль, на склонѣ горы, чтобы слѣдить за всѣмъ, что произойдетъ. Все утро прошло безъ чего-либо особеннаго, уже солнце высоко поднялось на небѣ, а они все не двигались съ мѣста, терпѣливо снося его жгучіе лучи. Внезапно поднялся вихрь, закруживши облака пыли и размевшій листья съ деревьевъ, а они все сидѣли и ждали, закрывъ глаза, съ полнымъ ртомъ пыли. Наконецъ показалась дѣвушка и испустила пронзительный крикъ, увидѣвъ, что ея работа пропала даромъ и тѣло лежитъ въ прежнемъ видѣ. Она уже собиралась опять посыпать его землею и совершить возліяніе, когда стража схватила ее.

Креонтъ. (*къ Антигонѣ*). А ты,
Ты, что головой къ землѣ поникла,
Сознаешься ль, что сдѣлала ты это,
Иль станешь отрицать?

Антигона. Я говорю,
Что сдѣлала, и отрицать не стану.

Креонтъ (*къ стражу*). Отъ тяжкой ты вины теперь свободенъ;
Такъ можешь самъ идти, куда угодно (*къ Антигонѣ*).
А ты скажи, но коротко, не длинно,
О запрещеньи томъ ты знала?

Антигона. Да,
Я знала. Какъ не знать? То знали всѣ.

Креонтъ. И смѣла ты нарушить тотъ законъ?

Антигона. Не Зевсъ мнѣ возвѣстилъ его, не Дика,
Присущая всегда богамъ подземнымъ,
Которые постановили въ людяхъ
Законъ о мертвыхъ тотъ. Твои жъ велѣнья
Я сильными на столько не считала,
Чтобъ твердый тотъ, неписанный законъ,
Богозъ законъ могъ смертный преступить.
Не нынѣ, не вчера явился сей законъ,
Всегда онъ жилъ; никто не знаетъ здѣсь,
Никто его начала не открылъ.
Его нарушить не хотѣла я
И быть за то въ отвѣтѣ предъ богами,
А человѣка судъ не страшенъ мнѣ.
Я знала, что умру. И какъ иначе?
До твоего я знала объявленья.
А если я до времени умру,
Такъ прибыльно считаю то себѣ.
И кто живетъ, какъ я, въ бѣдахъ столь многихъ,
Не пользу ли тому приноситъ смерть?
Вотъ такъ и я: я не скорблю нисколько,
Что встрѣтилась съ ужасною судьбою.
Но если бъ сына матери моей
Могла я видѣть трупъ непогребеннымъ,
О томъ скорбѣла бъ я; а тутъ нѣтъ скорби.
А если кажется тебѣ теперь,
Что глупъ поступокъ мой, такъ я скажу:
Безумный пусть винитъ меня въ безумьи.

Хоръ. Неукротимый правъ отца въ ней виденъ:
Бѣдамъ она не знаетъ уступать.

Креонтъ (*къ хору*). Но знай, что падаетъ скорѣй всего

Упрямый духъ, и часто видѣть можешь,
Какъ крѣпкое ломается желѣзо,
Когда оно въ огнѣ закалено;
А бѣшеныхъ коней удиломъ слабымъ
Смиряютъ. И не слѣдъ тому быть гордымъ,
Кто рабъ другихъ. Она жъ и прежде мнѣ,
Когда законъ предписанный презрѣла,
Мнѣ оскорбленье нанесла тогда—
И вотъ теперь другое оскорбленье:
Поступкомъ тѣмъ вотъ хвастаетъ она
И, сдѣлавъ то, смѣется надо мною.
Коль власть моя предъ нею такъ падетъ,
Коль даромъ ей пройдетъ презрѣнье къ власти,
Такъ я не мужъ теперь, а мужъ она.
Пусть дочь сестры, пусть ближе бъ мнѣ еще
Она была по крови въ цѣломъ родѣ;
Но злой судьбы она не избѣжитъ
И вмѣстѣ съ ней ея сестра родная.
И ту равно подозрѣваю я,
Что вмѣстѣ думали онѣ о гробѣ.
Позвать ее! Недавно въ домѣ я
Ее въ безумьи видѣлъ, внѣ себя.
Такъ тайну дѣлъ задуманныхъ во мракѣ
Виновный духъ самъ прежде выдаетъ.
Но ненавижу я, гнушаюсь тѣмъ,
Коль пойманный на дѣлѣ нехорошемъ
Старается его словами скрасить.

Антигона. Довольно ли тебѣ убить меня?
Иль хочешь больше ты?

Креонтъ. О, ничего!
Коль это получу—я все имѣю.

Антигона. Что жъ медлишь ты? Когда и мнѣ немилы
Твои слова — и пусть всегда такъ будетъ—
Когда и я родилась ужъ такою,
Что не могу тебѣ пріятна быть.
Но гдѣ жъ искать мнѣ было лучшей славы,
Когда бъ ее и въ томъ я не нашла,
Что положила въ гробъ роднаго брата?
(указывая на хоръ)
То любо имъ, сказали бы они,
Когда бъ имъ страхъ не запиралъ языкъ.
Но власть, помимо всѣхъ другихъ блаженствъ,
Блаженна тѣмъ, что лишь одна здѣсь можетъ
И говорить и дѣлать все, что хочетъ.

Креонтъ. Но лишь одна изъ Кадмова народа
То видишь ты.

Антигона. Нѣтъ, видятъ и они,
(указывая на хоръ)
Но отъ тебя свою скрываютъ мысль.

Креонтъ. И что жъ? Тебѣ не стыдно думать такъ,
Какъ не одинъ не думаетъ изъ нихъ?

Антигона. Какой же стыдъ въ любви къ родному брату?

Креонтъ. Но развѣ тотъ, кто палъ, сражаясь съ нимъ,
Не братъ тебѣ единокровный былъ?

Антигона. По матери и по отцу былъ братъ.

Креонтъ. Что жъ ты ему любви не платишь должной?

Антигона. Не подтвердитъ того умершій братъ.

Креонтъ. Но если чтить его равно съ приступнымъ?

Антигона. Не рабъ погибъ, но братъ его и мой.

Креонтъ. Но палъ одинъ врагомъ родной земли,
Другой погибъ, сражаясь за нее.

Антигона. Одно обоимъ право смерть дала.

Креонтъ. Но добрый съ злымъ одно имѣть не можетъ.

Антигона. Кто жъ вѣдаетъ, что тамъ одинъ уставъ?

Креонтъ. Но врагъ, хоть умеръ онъ, все врагъ, не другъ.

Антигона. Не злобу я, любовь дѣлить родилась.

Креонтъ. Иди же къ нимъ туда и ихъ люби
Тамъ, подъ землей, коль ты должна любить:
Пока я живъ, не властвовать женѣ.

Хоръ. Вотъ изъ дома сюда къ намъ Исмена идетъ;
О сестрѣ своей льетъ любви слезы она;
И печали туманъ свѣтлый ликъ исказилъ,
И лицо все горитъ.
Слезъ ручей по ланитамъ красивымъ бѣжитъ.

Креонтъ. А ты, которая змѣей эхидной
Въ дому скрывалась и тайкомъ мою
Сосала кровь—не зная, я кормилъ
Двѣ пагубы, два разрушенья трона—
Что скажешь ты? Признаешь ли себя

Участницей въ приготовленьи гроба?
Иль клясться станешь, что о томъ не знала?

Исмена. Да, вмѣстѣ съ ней и я надъ тѣмъ трудилась,
Когда она на то согласна будетъ,
И часть вины беру я на себя.

Антигона. Но несогласна будетъ правда съ тѣмъ:
Ты не хотѣла брать участья въ дѣлѣ,
И не хотѣла я дѣлить съ тобой.

Исмена. Но при твоихъ бѣдахъ я не стыжусь
Въ волнахъ страданья плыть съ тобой теперь.

Антигона. Чье дѣло то—свидѣтель адъ и тѣ,
Которые живутъ въ подземномъ царствѣ;
Но не могу любить того я друга,
Который любитъ на словахъ.

Исмена. Сестра!
Не покрывай меня такимъ безчестьемъ,
Чтобъ не могла съ тобой я умереть
И съ мертвымъ братомъ примириться.

Антигона. Нѣтъ!
Ты не умрешь со мной, того своимъ
Не сдѣлаешь, къ чему не прикасалась:
Одной моей довольно будетъ смерти.

Исмена. Но какъ же мнѣ, когда одна останусь
Я безъ тебя, какъ будетъ жизнь мила?

Антигона. О томъ спроси Креонта: вѣдь о немъ
Одномъ всегда печальницей была.

Исмена. Зачѣмъ такъ огорчать меня безъ пользы?

Антигона. И больно мнѣ, что надъ тобой смѣюсь.

Исмена. Скажи, чѣмъ я могу еще тебѣ
Теперь полезной быть?

Антигона. Спасай себя:
Тебѣ я въ томъ завидовать не стану.

Исмена. О горе бѣдной мнѣ! Твою судьбу
Уже ли я съ тобой не раздѣлю?

Антигона. Но жить хотѣла ты, я—умереть.

Исмена. Не то въ невысказанномъ было словѣ.

Антигона. Ты можешь имъ оправдывать себя,
А мнѣ мое казалось дѣло правымъ.

Исмена. Но общая съ тобой у насъ ошибка.

Антигона Смѣлѣе! не робѣй! вѣдь ты жива,
Моя жъ душа давно ужъ померла,
Чтобы отдать себя служенью мертвымъ.

Креонтъ. Объ этихъ дѣвушкахъ могу сказать:
Одна безумною недавно стала,
Другая же такою родилась.

Исмена. Въ несчастныхъ умъ, который даже былъ,
Не остается, царь, но прочь уходитъ.

Креонтъ. То вѣрно, что тебя оставилъ онъ,
Коль злое ты рѣшилась дѣлать съ злыми.

Исмена. Но что же въ жизни мнѣ одной безъ ней?

Креонтъ. Не говори о ней, ея ужъ нѣтъ.

Исмена. И смерти ты предашь невѣсту сына?

Креонтъ. Для пахаря другія будутъ нивы.

Исмена. Не такъ ему, и ей не такъ казалось....

Креонтъ. Я сыну не хочу дурной жены.

Антигона. О милый мой Гемонъ, какой обидой
Здѣсь оскорбилъ тебя родной отецъ?

Креонтъ. Мнѣ ненавистна ты, и горько бъ было,
Когда-бъ мой сынъ дѣлилъ съ тобою то же.

Хоръ. Уже ль у сына ты ее отымешь?

Креонтъ Самъ адъ хотѣлъ разрушить этотъ бракъ.

Хоръ. Назначено ей видно умереть.

Креонтъ. И у меня, и у тебя, конечно;
Немедля въ домъ ее ведите, слуги!
Съ-сихъ-поръ имъ женщинами надо быть,
А не давать себѣ широкой воли.
И смѣльчаки бѣгутъ, когда увидятъ,
Что ада богъ подходитъ близко къ жизни.

Хоръ, въ слѣдующій строфѣ, оплакиваетъ проклятіе наслѣдственныхъ преступленій, и рядъ бѣдствій, отъ которыхъ померкнулъ послѣдній, слабый лучъ свѣта, еще сіявшій надъ домомъ Лабдака. Что значитъ свѣтлыя надежды, людское счастье, гордости жизни, въ сравненіи съ непреложными рѣшеніями Зевса?

Но вотъ и Гемонъ; твой юнѣйшій сынъ.
Что пришелъ онъ сюда?Иль печалитъ его
Антигоны невѣсты судьба?
Огорченъ ли онъ тѣмъ,
Что обманулъ надеждой на бракъ?

Креонтъ, Гемонъ, Хоръ.

Креонтъ. Узнаемъ скоро то.
Мой сынъ, невѣстѣ приговоръ услышавъ,
Во гнѣвѣ ль па отца пришелъ сюда?
Иль любы мы тебѣ всегда, во всемъ?

Гемонъ. Отецъ! я твой, и добрый мнѣ совѣтъ
Ты долженъ дать, и я приму его,
И никакой не предпочту я бракъ,
Когда мнѣ добрый ты даешь совѣтъ.

Креонтъ. Такъ сердцемъ чувствовать, о сынъ мой! должно,
Чтобъ выше былъ всего совѣтъ отца.
За тѣмъ и молятъ люди, чтобъ въ дому
Покорныхъ имъ имѣть себѣ дѣтей,
Чтобы врагу отца платили зломъ,
Чтобъ друга чтили такъ, какъ чтитъ отецъ.
А не на пользу кто родитъ дѣтей,
Не скажешь ли о томъ, что онъ родилъ
Себѣ оковы, смѣхъ своимъ врагамъ?
Для наслажденья, сынъ, и для жены
Не презри голоса разсудка; знай,
Что холодны тебѣ объятья будутъ,
Коль съ злой женой соединитъ свою судьбу.
И раны большей нѣтъ, какъ другъ дурной.
Но нѣтъ! Ты, какъ врага, ее отвергнешь;
Въ аду женихъ пусть сватаетъ ее!
Ее одну изо всего народа
Я непокорною себѣ нашелъ,
И я лжецомъ предъ городомъ не буду:
Убью ее. И Зевса пусть зоветъ,
Защитника семейныхъ кровныхъ узъ:
Онъ не спасетъ ее! Когда своихъ
Я непокорными себѣ вскормлю,
Тѣмъ непокорнѣе чужіе будутъ.
А кто хорошъ въ своемъ кругу семейномъ,
И въ государствѣ тотъ правдивымъ будетъ;
А кто законъ насилуетъ и рушитъ,
Того не похвалю.
И властвовать съумѣетъ тотъ, надѣюсь,
Кто это знаетъ, и покорнымъ быть,
И въ бурѣ битвъ, поставленный въ рядахъ,
Надежный, вѣрный будетъ онъ товарищъ.
Но нѣтъ страшнѣе зла, какъ безначалье!
Оно-то губитъ города и царства,
Оно домовъ колеблетъ основанье,
Въ бою жъ, ряды прорвавъ, ихъ гонитъ вспять;
Но гдѣ порядокъ есть, тамъ послушанье,
Отъ вражескахъ мечей спасаетъ многихъ.
Такъ надобно хранить закона силу
И женщинѣ никакъ не уступать.
Коль надо такъ, ужъ лучше пасть отъ мужа:
Что мы слабѣе женъ, того не скажутъ.

Хоръ. Намъ кажется, что судишь ты умно,
Коль умъ у насъ лѣта не унесли.

Гемонъ. Отецъ! Взрощаютъ боги въ людяхъ умъ,
Стяжанье высшее изъ всѣхъ стяжаній,
Я не могу, не смѣю я сказать,
Что ты судилъ теперь несправедливо;
Но и другой радушно можетъ мыслить.
А ты не такъ поставленъ, чтобъ все знать,
Что каждый скажетъ, сдѣлаетъ, осудитъ:
Твой страшенъ взоръ простому человѣку,
Когда сказать тебѣ онъ долженъ то,
Чему не будешь ты внимать охотно.
А мнѣ, мнѣ можно слышать незамѣтно,
Какъ городъ весь о дѣвушкѣ скорбитъ,
Которая невиннѣе всѣхъ женъ,
За славныя дѣла безчестно гибнетъ;
За то, что брата своего роднаго,
Который палъ въ бою, непогребеннымъ
Не бросила, не отдала его
Въ добычу жаднымъ псамъ, иль хищнымъ птицамъ.
Не чести ль золотой она достойна?
Такъ говоритъ молва тайкомъ, въ тиши.
А мнѣ, отецъ, нѣтъ блага выше въ мірѣ,
Какъ дѣлъ твоихъ счастливое теченье.
И что жъ дастъ больше радости дѣтямъ,
Какъ не отецъ, цвѣтущій доброй славой?
Отцу какая радость выше той,
Которую получитъ отъ дѣтей?

Но не носи въ себѣ ту мысль одну,
Что праведно лишь то, какъ ты сказалъ....

Креонтъ. А! рѣчь твоя
Вся за жену одну.

Гемонъ. И за тебя,
И за меня, и за боговъ подземныхъ.

(*Уходитъ*).

Хоръ. О царь! пошелъ онъ скоро, раздраженный.
А сердца скорбь страшна въ такихъ лѣтахъ.

Креонтъ. Пусть онъ идетъ, и дѣлаетъ, и мыслитъ
Не такъ, какъ человѣку можно мыслить;
Не измѣнитъ онъ участи дѣвицъ.

Хоръ. Такъ смерть обѣимъ имъ назначилъ ты?

Креонтъ. Невинной—нѣтъ! Ты дѣло говоришь.

Хоръ. Какой же смертью ту казнить ты хочешь?

Креонтъ. Сведу ее туда, гдѣ человѣкъ
Еще слѣда не пролагалъ, и скрою
Ее живую въ каменной скалѣ,
И пищи ей немного положу
Лишь для того, чтобы очистить совѣсть,
Чтобъ городъ отъ грѣха свободенъ былъ.
И тамъ она, взывая къ богу ада,
Котораго лишь чтитъ изъ всѣхъ боговъ,
Иль отъ него спасеніе получитъ,
Иль узнаетъ наконецъ, хоть поздно,
Что царство ада чтить—напрасный трудъ.

Хоръ, пораженный всѣмъ, что слышалъ, воспѣваетъ всесильную власть любви—этой всемогущей, всеобъемлющей страсти, которая побѣждаетъ и царей, смѣется надъ смертью и сглаживаетъ всѣ различія Вслѣдъ за этой пѣснью, хору приходится опять проливать ручьи слезъ, такъ какъ на сценѣ показываются стражи, которые влекутъ Антигону, чтобы похоронить ее живою.

Хоръ и Антигона.

Антигона. Родной земли граждане! въ путь послѣдній
Нынѣ иду вотъ я!
Вижу солнца послѣдній лучъ,
И никогда уже потомъ;
Но живую сводятъ меня
Адъ, который всѣмъ даетъ покой,
На Ахеронтовъ
Берегъ; ни Гименея
Не знала, не подвѣнечныя
Не были пѣты мнѣ
Пѣсни: я Ахеронту невѣста.

Хоръ. Но покрытая славой и громкой хвалой
Въ тотъ глубой покой мертвыхъ ты отойдешь,
Не болѣзни тебя разрушенье возьметъ,
И подаркомъ не будешь мечу ты враговъ;
Но по волѣ своей и изъ мертвыхъ одна
Въ адъ живая сойдешь.

Антигона. Слыхала я, какъ страшною смертью погибла
Гостья фригійская *)
На Сипильской горѣ—Тантала дочь.
Крѣпко, какъ плющъ, обнялъ ее
Каменный стволъ; дождь бьетъ теперь
И, говорятъ такъ,
Снѣгомъ вѣчно покрыта,
И слезы изъ плачущихъ вѣчно очей
Льются на грудь. Вотъ и мнѣ
Ложе такое готовитъ судьба.

Хоръ. Но богиня она, она отъ боговъ родилась,
Мы отъ смертныхъ людей — смертны сами мы.
А съ богами одну, умирая, судьбу
Получишь—то великая честь.

Антигона. Увы мнѣ! смѣются! о боги родные!
Зачѣмъ ты поносишь меня
Въ очи до смерти?
О Городъ! о граждане!
Богатые города!
Увы!
О источникъ Диркейскій, о роща
Онивъ, славныхъ колесницами!
Въ свидѣтели васъ всѣхъ зову:
Какихъ во имя правъ, безъ слезъ друзей
Идти должна къ могилѣ я
И въ гробъ неслыханной сойти,
Увы, жалкая!
Не на землѣ съ живыми я,
Ни съ мертвыми въ аду не буду.

Хоръ. Далеко въ дерзости зашла

*) Ніобея, дочь Тантала, хвалилась своими дѣтьми передъ Латоною; за это гнѣвный Аполлонъ умертвилъ ихъ всѣхъ своими стрѣлами. Зевесъ сжалился надъ несчастною матерью и обратилъ ее въ вѣчно-плачущую скалу на горѣ Сипилѣ (во Фригіи). Дѣйствительно, одна сторона этой горы имѣетъ видъ плачущей женщины.

И о высокій правды тронъ
Толкнулась сильно ты, дитя!
Отцовскій подвигъ ты несешь.
Антигона. Коснулся ты скорби чувствительной мнѣ,
Страданій извѣстныхъ отца,
Нашей всеобщей
Судьбы благородныхъ всѣхъ
Потомковъ лабдаковыхъ.
Увы!
О пагубный бракъ съ роднымъ сыномъ,
Съ отцомъ моимъ матери жалкой!
Отъ нихъ несчастная родилась я
И къ нимъ, проклятая, иду
Иду, безбрачная, я къ нимъ.
Въ несчастный, увы!
Въ несчастный бракъ вступилъ ты, братъ,
И мнѣ живой далъ мертвый смерть.
Хоръ. То благочестье—мертвыхъ чтить,
Но власть того, въ чьихъ власть рукахъ
Не слѣдуетъ переступать.
Тебя-жъ тебя сгубила гордость.
Антигона. Безъ слезъ друзей, безъ Гименея,
Въ неизбѣжный путь ведутъ бѣдную.
Свѣтлаго солнца око святое больше
Мнѣ ужъ не видѣть, бѣдной,
А моей судьбѣ злосчастной
Не дастъ слезы ни вздоха другъ.
Креонтъ. (*Только что вошедшій*).
Вы знаете ль, что ни одинъ предъ смертью
Не кончилъ бы пѣть пѣсни съ воплемъ,
Когда-бъ слова спасать имѣли силу.
Скорѣй ее ведите прочь и въ гробѣ,
Подъ сводомъ каменнымъ, какъ я сказалъ,
Одну ее оставьте умереть,
Иль жить, коль можетъ жить въ такомъ покоѣ.
И неповинны въ смерти мы дѣвицы,
Лишь жить она подъ солнцемъ не должна.
Антигона. О гробъ, обрачный мой покой! о домъ,
Подземный вѣчный домъ! куда иду
Къ своимъ,которыхъ много Персефона
Ужъ прежде въ царство мертвыхъ приняла.
Послѣдняя изъ нихъ, и хуже всѣхъ,
Иду вотъ я такъ рано, въ цвѣтѣ лѣтъ.
Но я иду туда съ надеждой крѣпкой,
Что милою приду отцу, и вамъ—
О мать моя! о братъ! приду я милой:
Сама я васъ обмыла послѣ смерти,
Сама одѣла васъ и возліянье
Могильное своей рукой свершила.
А нынѣ, Полиникъ, и твоему
Послѣдній долгъ отдать желала тѣлу.
И вотъ за то какой сбираю плодъ!
Но въ комъ есть смыслъ, тотъ долженъ оцѣнить,
Что я тебя почтила должной честью.
Когда-бъ дѣтей я матерью была,
Когда бъ супругъ мой смертью былъ сраженъ,
Нѣтъ, никогда, народу вопреки,
Не сдѣлала бъ того. А почему?
Умретъ супругъ, второй его замѣнитъ.
Когда одно дити я потеряю,
Другое отъ другаго мужа будетъ;
Но если мать съ отцомъ лежатъ въ землѣ,
То брата у меня не будетъ больше.
Вотъ почему почтила я тебя,
Мой милый братъ! Не такъ сморѣлъ Креонтъ.
Въ томъ грѣхъ и дерзость страшную онъ видѣлъ.
И нынѣ онъ, схвативъ меня, ведетъ
Безбрачную, ни пѣсней Гименея
Не знала я, не знала брачной доли,
И счастія кормить дѣтей не знала,
Но безъ друзей, несчастная, одна,
Живая, я иду въ могилу мертвыхъ.
Какой законъ боговъ я оскорбила?
И что же мнѣ, несчастной, на боговъ
Теперь смотрѣть? Кого на помощь звать,
Когда, исполнивъ дѣло благочестья,
Упрекъ въ нечестьи я себѣ нашла?
Но если судъ боговъ одинъ съ людьми,
То, казнь терпя, сознаюсь я въ винѣ;
А если заблуждаются они,
Да не потерпятъ сами больше зла,
Чѣмъ сколько мнѣ неправедно чинятъ.
Хоръ. Тотъ же бури порывъ, тотъ же вихря потокъ
У дѣвицы въ душѣ всю ее обхватилъ.
Креонтъ. И за медленность ту много слезъ предстоитъ
Тѣмъ, которымъ велѣлъ я ее отвести.
Антигона. Увы! это слово меня
Ближе къ смерти ведетъ.
Хоръ. Я надежды тебѣ не подамъ ужъ теперь,
Нѣтъ, все будетъ такъ, какъ велитъ государь.
Антигона. О ѳивской земли мой городъ родной!

О боги отцы! *)
Вотъ ведутъ ужъ меня, и не медлятъ они.
Князья ѳивской земли, посмотрите, какъ я,
Послѣдняя здѣсь царевна одна,
Что терплю, отъ кого и за что я терплю?
За то, что святое мнѣ было святымъ.

Едва увели Антигону на смерть, Хоръ чтитъ память ея жалобною пѣснію, восхваляющею законъ страданія, отъ котораго не избавлены даже боги. Далѣе на сцену является Тирезій, слѣпой ясновидецъ, появленіе котораго всегда служитъ предвѣстникомъ несчастія.

Тирезій, Креонтъ и Хоръ.

Тирезій (*съ мальчикомъ-вожакомъ*).
О ѳивскіе князья! пришли мы двое
Однимъ путемъ, но за обоихъ насъ
Одинъ смотрѣлъ; слѣпымъ одна дорога,
Которою ихъ поведетъ вожакъ.

Креонтъ. Что скажешь новаго, старикъ Тирезій?

Тирезій. Открою я, а ты повѣрь.

Креонтъ. Тебѣ всегда и прежде вѣрилъ я.

Тирезій. За то ведешь прямой дорогой городъ.

Креонтъ. Я знаю, какъ ты былъ полезенъ мнѣ.

Тирезій. Смотри, на лезвеѣ ножа теперь
Стоитъ твоя судьба.

Креонтъ. Что значитъ это?
Я трепещу, твоимъ словамъ внимая.

Тирезій. Узнаешь самъ, когда услышишь то,
Что показало мнѣ мое искусство.
Когда на старое пришелъ я мѣсто,
Гдѣ птицъ всегда привыкъ я наблюдать,
Гдѣ у меня прилетъ былъ всякой птицы,
Невѣдомый я слышу крикъ пернатыхъ:
То дикій крикъ, крикъ ярости то былъ,
И догадался я, что между ними
Былъ смертный бой, что рвутъ онѣ другъ друга
Въ когтяхъ; удары крыльевъ слышны были.
Въ испугѣ я тотчасъ хотѣлъ извѣдать,
Что пламень жертвъ на очагахъ горящихъ
Откроетъ мнѣ: не воспылалъ изъ жертвъ
Гефестъ, но влажный жиръ костей на пеплѣ,
Дымясь и брызгая, растаялъ весь,
И разлетѣлась желчь, и обнаженны
Отъ покрывшаго ихъ жира кости
Остались однѣ; такъ я узналъ
Отъ мальчика, что безполезно было
Мое гаданье все, когда и жертвы
Не указали мнѣ примѣты вѣрной.
Вожатый мальчикъ мнѣ, а я другимъ.
А чрезъ тебя такъ боленъ городъ нашъ.
Эдипа сынъ несчастно-павшій сталъ
Добычей птицъ и псовъ, и снѣдью той
Полны всѣ жертвенные очаги.
И жертвенныхъ молитвъ съ огнемъ костей
Отъ насъ ужъ боги не пріемлютъ нынѣ,
И, мертваго насытясь жирной кровью,
Несчастья крикъ лишь птица издаетъ.
Подумай, сынъ, о томъ. Вѣдь заблуждаться
Есть общій жребій всѣхъ людей. Но тотъ,
Не безсовѣстный мужъ и не безсчастный,
Кто, разъ въ бѣду попавши, не коснѣетъ,
Но ищетъ ей помочь. А кто упрямъ,
Въ безумьи самъ себя потомъ винитъ.
Умершему ты долженъ уступить,
Погибшаго разить не долженъ ты.
Убитаго убить—какая храбрость?
Добра хочу тебѣ и говорю:
А у того пріятно и учиться,
Кто рѣчь свою намъ на добро ведетъ.

Креонтъ. Какъ въ цѣль стрѣлки, вы цѣлите, старикъ,
Въ меня всѣ въ одного; гаданьемъ даже
Подѣйствовать хотите на меня.
Мой родъ давно предалъ меня и продалъ;
Ведите торгъ, о прибыли заботьтесь;
Когда хотите вы, изъ Сардъ янтарь,
Изъ Индіи себѣ везите злато;
Но въ гробъ того ужъ вамъ не положить,
Когда бы даже зевсовы орлы,
Его схвативъ на пищу, понесли
Съ престоламъ Зевса самого. Нѣтъ, нѣтъ,
Его похоронить я не позволю
Изъ страха предъ грѣхомъ. Вѣдь знаю я,
Что осквернить боговъ не силенъ человѣкъ,

*) Арей и Афродита, отъ которыхъ родилась Гармонія, супруга Кадма, родоначальника ѳивскихъ царей.

А падаютъ, старикъ Тирезій, часто
И люди сильные съ большимъ стыдомъ,
Когда изъ выгоды своей хотятъ
Безчестное подъ краснымъ словомъ скрыть.
Тирезій.—Увы!
Кто знаетъ изъ людей, кто взвѣсить то?
Креонтъ.—Но что, что хочешь ты о всѣхъ сказать?
Тирезій. Насколько здравый смыслъ всѣхъ выше благъ?
Креонтъ. Настолько же, я думаю, насколько
Неразсудительность всѣхъ больше золъ.
Тирезій. А ты болѣзнью этой полонъ весь.
Креонтъ. На оскорбительный укоръ жреца
Я не хочу отвѣтить оскорбленьемъ.
Тирезій. Но ужъ отвѣтилъ ты, когда сказалъ,
Что лживы всѣ пророчества мои.
По милости моей
Ты городъ спасъ и сталъ его царемъ.
Креонтъ. Гадатель мудрый ты, но другъ неправды.
Тирезій. Принудишь ты меня сказать, я вижу,
Что неподвижно въ сердцѣ залегло.
Креонтъ. Подвинь, лишь говори не изъ корысти.
Тирезій. Такъ вотъ и кажется тебѣ, что я
Ищу корысти отъ тебя.
Креонтъ. Но знай,
Что ты моей никакъ не купишь мысли.
Тирезій. Такъ знай же самъ: еще не проживешь
Немного быстрыхъ солнечныхъ круговъ,
Какъ одного отъ крови самъ своей
Ты мертваго отдашь за смерть другаго,
За то, что ты земное въ адъ низвергъ,
Что душу въ гробъ безчестно поселилъ,
Что у боговъ подземныхъ отнялъ трупъ,
Лишивъ его святаго погребенья;
А ни тебѣ, ни высшимъ права нѣтъ
На то богамъ; но ты насильно имъ
То право навязалъ. За то тебя
Карательницы зла и преступленья
Стрегутъ Эриніи
Чтобъ заплатить тебѣ такимъ же зломъ.
Смотри, за деньги ль это говорю?
Пройдетъ немного дней—въ твоемъ дому
Мужей и женъ услышишь плачъ и вопли.
Враждебные смущаются всѣ грады,
Гдѣ псы растерзанныхъ хоронятъ мертвыхъ,
Иль звѣри, иль пернатыхъ птицъ стада
Несутъ нечистое дыханье въ городъ.
Вотъ стрѣлы тѣ (ты оскорбилъ меня),
Ихъ, какъ стрѣлокъ, изъ сердца я пустилъ;
Въ твое онѣ вонзятся крѣпко сердце,
Ихъ пламени тебѣ не избѣжать.
Но ты веди меня домой, о мальчикъ,
Свой гнѣвъ пусть выльетъ онъ на младшихъ здѣсь,
Научится имѣть языкъ скромнѣе
И мыслить лучше, чѣмъ теперь онъ мыслитъ.
Хоръ. Ушелъ онъ, царь, бѣды намъ предсказавъ.
А знаемъ мы, съ—тѣхъ—поръ, какъ голова
Вотъ этимъ бѣлымъ волосомъ одѣлась
На мѣсто чернаго, что никогда
Онъ городу не возвѣщалъ обмана.
Креонтъ. То знаю самъ и въ мысли я смущенъ.
Мнѣ больно уступить, а духъ упорства
Ударами грозитъ мнѣ страшной кары.
Хоръ. О Менекея сынъ, Креонтъ, здѣсь нуженъ
Совѣтъ брагоразумный.
Креонтъ. Что жъ мнѣ дѣлать?
Скажи, и я послушаюсь тебя.
Хоръ. Поди и изъ подземнаго покоя
Дѣвицу выведи, и гробъ устрой
Тому, чей трупъ заброшенный лежитъ.
Креонтъ. Вотъ твой совѣтъ, и уступить я долженъ?
Хоръ. Скорѣй, Креонтъ, скорѣй; вѣдь неразумныхъ
Предупреждаютъ быстрыя бѣды.
Креонтъ. Увы! едва могу, но долженъ сдѣлать,
Отъ сердца отступившись своего:
Съ судьбой нельзя бороться понапрасну.
Хоръ. Иди жъ теперь туда и сдѣлай самъ—
Другимъ не поручай.
Креонтъ. Сейчасъ иду.
А вы, служители, кто здѣсь изъ васъ,
И кто изъ васъ далеко, взявъ сѣкиры,
Спѣшите къ видному отсюда мѣсту.
А я, коль мысль къ тому ужъ обратилась,
Я самъ связалъ, и развяжу я самъ
Боюсь, не лучше ль древніе законы.

Хранить всегда и такъ окончить жизнь?
Хоръ возноситъ горячую молитву Вакху „многоимянному богу“, умоляя его придти на помощь Ѳивамъ, родному городу его матери—Семелы.
Хоръ и Вѣстникъ.
Хоръ. Какую скорбь принесъ ты намъ?
Вѣстникъ. Гемонъ погибъ, и не чужой рукой
Его пролита кровь.....
Хоръ. Но чьей скажи,
Рукой отца, иль собственной рукой?
Вѣстникъ. Самъ, въ гнѣвѣ на отца, убилъ себя:
Отцу не могъ простить убійства онъ.
Хоръ. Вѣщунъ! твое правдиво было слово.
Вѣстникъ. Такъ должно и въ другомъ просить совѣта.
Хоръ (*Эвридика выходитъ со свитою женъ*).—
Несчастную я вижу Эвридику,
Креонтову жену; идетъ сюда изъ дома.
О сынѣ слышала, иль такъ случайно?
Эвридика. О граждане! Какое слово здѣсь
Я слышала, лишь подошла къ дверямъ.
Чтобы съ молитвою идти къ Палладѣ?
У двери запертой ремень хотѣла
Я развязать, и вдругъ какимъ то звукомъ,
Семейную бѣду вѣщавшимъ мнѣ,
Былъ пораженъ мой слухъ; въ испугѣ я
Назадъ служанкамъ на руки упала.
Но повторите мнѣ, какъ было слово;
Услышу я, знакомая съ несчастьемъ.
Вѣстникъ. О дорогая госпожа! я самъ
Свидѣтель былъ—и разскажу тебѣ,
Какъ было, все, не утаю ни слова.
Къ чему смягчать тебѣ теперь я сталъ бы,
Чтобы открылось послѣ, что я лгалъ?
А истина всегда стоитъ прямая.
Проводникомъ супругу твоему
Я былъ на то возвышенное поле.
Гдѣ Полиника трупъ еще лежалъ,—
Но жалкій трупъ, истерзанный весь псами.
Призвавъ дорогъ богиню*) и Плутона,
Чтобы свой гнѣвъ на милость измѣнили,
Святымъ мы трупъ омывши омовеньемъ,
И, что осталось отъ него, сожгли
На свѣжихъ масличныхъ вѣтвяхъ, потомъ,
Могильный холмъ родной земли насыпавъ,
Пошли къ покою брачному дѣвицы,
Что приготовленъ былъ невѣстѣ ада
Подъ сводомъ каменнымъ и камнемъ устланъ;
Тутъ слышитъ кто-то громкій вопль вдали
Близъ той лишенной почестей могилы
И возвѣстить идетъ царю Креонту.
Страданья вопль неясный слышитъ онъ,
Какъ ближе подошелъ, и, зарыдавъ,
Онъ горько слезное тутъ молвитъ слово:
О горе мнѣ!
Не самый ли несчастный этотъ путь
Изъ всѣхъ путей, пройденныхъ мною прежде?
Я слышу голосъ сына и дрожу.
Идите же скорѣй, скорѣй къ могилѣ
И, чрезъ отверстье каменнаго склепа
Проникнувъ внутрь его, взгляните тамъ,
Гемона ль голосъ то, что слышу я?
Иль то боговъ обманъ? И внѣ себя
Былъ господинъ, и мы, его велѣнью
Послушные, пошли туда смотрѣть.
И видимъ мы въ глуби могилы той
Ее висящую: повязкой тканой
Она свою стянула крѣпко шею.
А онъ, обнявъ ее, предъ ней лежалъ
И въ скорбныхъ онъ оплакивалъ словахъ
Невѣсты гибель и дѣла отца
И ложа своего несчастный жребій.
А онъ, его увидѣвъ, съ крикомъ скорби
Идетъ туда, къ нему взываетъ съ воплемъ:
Что сдѣлалъ ты? что ты задумалъ, жалкій?
Какой судьбой злосчастною погибъ?
Уйди отсюда, сынъ, молю тебя.
Но сынъ въ отвѣтъ ни слова!
Какъ былъ, несчастный,
Онъ падаетъ на мечъ и въ бокъ глубоко
Вонзаетъ сталь; потомъ, еще въ сознаньи,
Хладѣющей рукой невѣсту обнялъ
И, тяжело дыша, онъ оросилъ
Струею жаркою пурпурной крови
Лапиты былыя ея—и умеръ.
Онъ мертвый съ мертвою лежитъ, несчастный!
И празднуетъ свой бракъ онъ въ домѣ ада!

*) Гекату, изображенія которой ставились обыкновенно на распутьяхъ.

Онъ людямъ показалъ, что неразумье
Есть величайшее для мужа зло (*Эвридика уходитъ*).
Хоръ. Что думать намъ? жена ушла назадъ,
Ни одного не молвивъ слова намъ.
Вѣстникъ. Въ испугѣ я и самъ; но ободрить
Себя хочу еще я той надеждой,
Что, сына горести узнавъ, она
Свой плачъ отъ города хотѣла скрыть,
И въ домъ пошла, чтобъ средь своихъ рабынь
Семейное свое оплакать горе.
Не такъ неразсудительна она,
Чтобы дерзнуть самой на преступленье.
Хоръ. Не знаю я, но грозны мнѣ равно
И тишина глубокая, и сильный вопль.
Вѣстникъ. Узнаемъ мы, не прячетъ ли она
Въ больной душѣ задержанное горе,
Пойду я въ домъ. И въ тишинѣ глубокой
Скрывается гроза: сказалъ ты дѣло.
Хоръ. Вотъ идетъ самъ Креонтъ, и въ рукахъ онъ несетъ
Говорящій укоръ, коль то можно сказать,
Не чужой чьей вины, но ошибки своей.
Да, онъ самъ виноватъ.
Креонтъ (*съ тѣломъ сына и съ свитой*).
О злосчастная моя воля мнѣ!
Увы, сынъ младой! ранней смертью ты
Увы, увы!—
Унесенъ, мой сынъ, и мое тебя
Погубило, сынъ, неразуміе.
Хоръ. Какъ поздно, вижу я, узналъ ты правду
Креонтъ. О горе мнѣ!
Узналъ несчастный я, но Зевсъ тогда
На главу мою тяжкій гнѣвъ наслалъ,
Толкнулъ меня на страшную дорогу,
Увы! счастье все раздавилъ мое.
Вѣстникъ (*выходитъ изъ дому*).
О господинъ! богатъ бѣдами ты:
Одну несешь въ рукахъ, а тамъ пойдешь
Въ твой домъ и новую увидишь скоро.
Креонтъ. Что тамъ еще? Какая мнѣ бѣда?
Вѣстникъ. Тамъ умерла жена отъ свѣжихъ ранъ,
Несчастная, вся сыну своему
Умершему она принадлежала.
Креонтъ. Увы!
О безъ жалости, домъ Аида, ты!
Погубить меня, видно, хочешь ты.
Страшнаго горя мнѣ
Пришелъ, вѣстникъ, ты. Что сказалъ ты мнѣ?
Увы! мертвому ты ударъ нанесъ.
Что ты молвилъ, сынъ? Возвѣстилъ ли мнѣ—Увы! увы!
Что прибавилась жертва новая
Къ прежней жертвѣ той: смерть жены моей.
Вѣстникъ. Ты можешь видѣть самъ: вотъ трупъ ея! (*Трупъ Эвридики виденъ* *).
Креонтъ. О горе мнѣ!
Вотъ новую бѣду я вижу, бѣдный!
Что же ждетъ меня впереди еще?
Вотъ на рукахъ умершій сынъ, а тамъ...
О несчастный я, вижу новый трупъ.
О мать жалкая! о дитя мое!
Вѣстникъ. У алтаря она себя убила
И ночи мракъ закрылъ ея тамъ очи;
Но Мегарея смерть и славный жребій
Оплакала она, потомъ его (*указываетъ на трупъ Гемона*).
Креонтъ. Увы, увы!
Страхъ убилъ меня. И зачѣмъ никто
Мечомъ острымъ въ грудь не сразилъ меня?
Несчастный я, увы!
Судьбой жалкою погибаю я.
Вѣстникъ. Тебя предъ смертію она винила
Въ погибели обоихъ сыновей.
Креонтъ. Какъ умерла она? Какимъ ударомъ?
Вѣстникъ. Какъ жалкую судьбу узнала сына,
Своей рукой себѣ пронзила грудь.
Креонтъ. Горе, горе мнѣ! Изъ людей никто
Съ головы моей не возьметъ вины.
Я, несчастный, я убилъ тебя,
Сказать долженъ то. О рабы мои!
Уведите меня, уведите скорѣй,
Не живой ужъ я, я ничто теперь.
Хоръ. Добро сказалъ, коль есть добро въ бѣдахъ.
Тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй бѣжать отъ зла.

---

*) Древніе тоже употребляли машины на своихъ театрахъ; такъ, въ этомъ случаѣ трупъ Эвридики, находившійся за сценою, выдвинутъ былъ вдругъ особою, назначенною для того, машиною на сцену (Ш).

Креонтъ. Приди, приди,
Покажись скорѣй, мой послѣдній рокъ,
Приведи ко мнѣ мой послѣдній день,
Приди, приди ко мнѣ,
Чтобъ не видѣть мнѣ ужъ другаго дня!
Хоръ. То въ будущемъ еще; о немъ забота
Лежитъ на томъ, на комъ лежать должна;
О настоящемъ намъ подумать нужно.
Креонтъ. Лишь получить бы мнѣ, о чемъ прошу.
Хоръ. Нѣтъ, не проси теперь: не въ волѣ смертныхъ
Судьбы опредѣленья измѣнить.
Креонтъ. Отведите меня: я ничто теперь;
Я убилъ тебя противъ воли, сынъ!
И тебя, жена. О несчастный я!
И не знаю теперь, на кого взглянуть,
Гдѣ совѣтъ найдти. Все вокругъ меня,
Все разрушено. На главу мою
Рокъ ужасный палъ, поразилъ ее.
(*Креонта уводятъ*).
Хоръ. Мудрость выше всего; счастье первое въ ней.
И боговъ оскорблять намъ не должно ни въ чемъ.
А надменная рѣчь горделивыхъ людей
Судьбы страшную казнь призываетъ на нихъ,
И въ лѣтахъ наконецъ
Они учатся мудрыми быть.

С. Шестановъ.

Борисъ Годуновъ.

Кремлевскія палаты.

Князь Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій. Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; во слѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?
Шуйскій. Чѣмъ кончится? узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница кредъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По-прежнему.
Воротынскій. Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный на взойдетъ?
Что скажешь ты?
Шуйскій. Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ-бы жить.
Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Полно точно-ль
Царевича срубилъ Борисъ?
Шуйскій. А кто-же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло.
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья:
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.
Воротынскій. Зачѣмъ-же ты его не уничтожилъ?
Шуйскій. Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ

Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій. Нечисто, князь.

Шуйскій. А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его-бъ увѣрилъ я во всемъ,
Борисъ тотчасъ его-бы разувѣрилъ,
А тамъ меня-жъ сослали-бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько-бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно,
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій. Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха....

Воротынскій. Такъ, родомъ онъ не знатенъ, мы знатнѣе.

Шуйскій. Да, кажется.

Воротынскій. Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій. Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій. А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

Шуйскій. Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій. Что-жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ въ цари любаго изберутъ.

Воротынскій. Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій *(глядитъ въ окно)*.
Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой)*.
Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо-мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!

Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).
Григорій (*пробуждается*).
Все тотъ-же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.,. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ-ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ-ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ-же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.
Пименъ. Проснулся, братъ.
Григорій. Благослови меня,
Честный отецъ.
Пименъ. Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.
Григорій. Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось.
И, падая стремглавъ, я пробуждался....
И три раза мнѣ снился тотъ-же сонъ.
Не чудно ли?
Пименъ. Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ,
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!
Григорій. Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По кельямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ-бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться;
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.
Пименъ. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь,
И женскаи лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противъ нихъ? Никто. А что-же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ ..
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ когда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, ихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ неподвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.

Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Приду къ вамъ, преступникъ окаянный.
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши.„
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась.—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ
И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
И называть великимъ патріархомъ....
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда-же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутра, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочитъ
Безбожную предательницу—мамку....
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Гуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій. Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ. Да лѣтъ семи: ему-бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ-бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой своей разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай костыль, Григорій.
(Уходитъ).

Григорій. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между-тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два Стольника.

Первый. Гдѣ государь?
Второй. Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ то колдуномъ.
Первый. Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ-бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?
Второй. Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?
Первый. Какъ онъ угрюмъ! (*Уходитъ*).

Царь (*входитъ*).

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ-ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ.
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную.... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить,
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою:
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося:
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, польется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ.
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ....
И радъ бѣжать, да некуда.... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(Царя выносятъ на стулѣ; все Царское семейство, всѣ Бояре).

Царь. Поднте всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*).
Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!

Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу...Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басмановa пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя брязды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ (*на коленяхъ*).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно,
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь. Все кончено — глаза моя темнѣютъ.
Я чувствую могильный хладъ....

(Входятъ Патріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки; Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима.... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка патріархъ!
Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору....Басмановъ,
Друзья мои! при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь-ли?

Бояре. Клянемся.

Царь. Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды....
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

Ѳеодоръ *подъ окномъ.*

Нищій. Дайте милостыню Христа ради!

Стража. Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Ѳеодоръ. Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа. Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ!

Другой. Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый. Отецъ былъ злодѣй, а дѣти невинны.

Другой. Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія. Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

Ѳеодоръ. Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія. Ахъ, братецъ,сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій. Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ.

Народъ. Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ.)

Одинъ изъ народа. Зачѣмъ они пришли?

Другой. А вѣрно приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

Третій. Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ. Тревога!... дерутся!

Народъ. Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ.... Войдемъ.... Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

(Отворяются двѣри. Мосальскій является на крыльцѣ).

Мосальскій. Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ безмолвствуетъ.

Пушкинъ.

Орлеанская Дѣва. *(Драма—Шиллера).*

Прологъ.

Іоанна. *Долго стоитъ въ задумчивости.*

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.
Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремить не суетныхъ желанье.
Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!
«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя,
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.
Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.»
Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье;
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе X-е.

Іоанна, за нею чиновники орлеанскіе и множество рыцарей, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

Дюнуа *съ важностію.*

Ты ль, дивная....

Іоанна *прерываетъ ее величественно.*

Ты Бога испытуешь;
Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа!
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.
Рѣшительно приближается къ королю, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены.

Король. Мое лицо ты видишь
въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Іоанна. Я видѣла тебя...но только
тамъ,
Гдѣ ты ни кѣмъ не зримъ былъ, кромѣ
Бога.
Приближается и говоритъ таинственно
Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ—не ты ль, покинувъ
ложе,
Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти... Я твою молитву
Тебѣ скажу.

Король. Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назначенье.

Іоанна. Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первою молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виной обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король, *отступая съ трепетомъ.*
Но кто же ты, чудесная?... Откуда?...
Весь въ изумленіи.

Іоанна. Другая же твоя была
молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои
Вѣнчанные владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохранить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Іоанна, помолчавъ, продолжаетъ:
Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король. Довольно; вѣрую; сего
не можетъ
Единый человѣкъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ. Откройся жъ
намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна. Святой отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха, родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ
Туля:
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу; какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близъ села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы,
Къ нему толпой приходятъ богомольцы
И близъ него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропавшаго являлъ мнѣ дивный сонъ.
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала,
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была какъ я, пастушкой, и сказала:
„Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми Мое святое знамя, мечъ
Мой опоишь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа моего,
И проведи помазанника въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ.“
Но я сказала: мнѣ ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
„Дерзай—Она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ.“
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ крылатыхъ серафимовъ;

И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи сряду
Являлась мнѣ и говорила: „встань.
Господь тебя къ иному призываетъ.“
Но въ третью ночь Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
„Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
Возьми твой крестъ, покорствуй небе-
самъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ
тамъ.“
И съ словомъ симъ она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ
блескѣ
Явилась мнѣ царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла,
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла.

Всѣ тронуты. Агнеса въ слезахъ закрываетъ лицо руками.

Архіепископъ, *по долгомъ молчаніи:*

Должно молчать передъ глаголомъ неба
Сомнѣніе премудрости земной:
Здѣсь истинѣ событіе свидѣтель,
Единый Богъ подобное творитъ.

Дюнуа. Нѣтъ, не словамъ—ея глазамъ я вѣрю,
И чистотѣ дѣвической ея.

Король. Достоинъ ли я милости такой?
Всевидящій, необольстимый, ты
Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

Іоанна. Покорности всегда Господь доступенъ;
Смирился ты—тебя онъ возвеличилъ.

Король. И такъ, съ врагомъ могу еще бороться?

Іоанна. Я Францію во власть твою предамъ.

Король. И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

Іоанна. Скорѣй назадъ Луара потечетъ.

Король. И Реймса я съ побѣдою достигну?

Іоанна. По трупамъ ихъ тебя въ него введу.

Всѣ предстоящіе рыцари, показывая мужество, гремятъ копьями и щитами.

Дюнуа. Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ: слѣпо
За дивною мы бросимся во слѣдъ.
Намъ вождь—ея пророческое око;
А вѣрный ей защитникъ этотъ мечъ.

Ла Гиръ. Будь міръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ съ адомъ—
Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;
Мы рады въ бой. Чудесная, веди!
Самъ Богъ побѣдъ пойдетъ съ тобою рядомъ.

Король. Такъ и тебѣ свое вѣрную войско;
Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы;
Покинутый строптивымъ полководцемъ,
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

Іоанна. Постой, дофинъ;
Орудіе могущества земнаго
Не совершитъ побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный, сразитъ врага, я знаю.
Чудеснымъ сномъ мнѣ этотъ мечъ указанъ;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

Король. Гдѣ?

Іоанна. Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть Святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружій—
Военная добыча древнихъ лѣтъ;
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя
Изсѣчены на лезвеѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

Король. Немедленно исполнить, Дю Шатель.

Іоанна. И бѣлое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-младенцемъ на рукахъ,
И подъ ея стопами шаръ земной;
Въ ея рукѣ такое было знамя.

Король. Исполню все

Іоанна, *къ архіепископу.*

Святой архіепископъ,
Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

Становится на колѣна.

Архіепископъ. Не намъ тебя благословлять, тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ

Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣпцы.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе I.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

Іоанна. *Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ:*

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что розняла война;
Гордится франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.
Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ — любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.
Какъ! мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

Звуки инструментовъ за сценою сливаются въ тихую, нѣжную мелодію.

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.
Возвратитися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!
Тише звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

Потомъ, съ большею живостью:

Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?.. Скажи жъ, Іоанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ битвѣ?
И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младой валліецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящія заманишь въ ослѣпленье?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣнье!...
Увы! почто дерзнула я примѣтить
Его лица младую красоту!
Несчастная, сей взоръ — твоя погибель!
Орудія слѣпаго хочетъ Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій отклонился,
И адская тебя схватила сѣть.

Задумывается, вслушивается въ музыку, потомъ говоритъ:

Ахъ! почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала
И тобою, духъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала ты...
Недостойна я вѣнца!
Зрѣла я небесъ сіянье,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?
Нѣтъ! изъ чистыхъ небожителей
Избирай твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ

Призови твоихъ духовъ.
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ твой.
Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?..
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала ты...
Я ль сама то избрала?

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе XIV.

Поле сраженія; назади сцены солдаты съ распущенными знаменами; впереди король и герцогъ Бургундскій; на рукахъ у нихъ лежитъ Іоанна, смертельно раненая и неподвижная; они тихо подвигаются впередъ; Агнеса вбѣгаетъ.

Ты живъ, освобожденъ, ты снова мой!

Король. Освобожденъ... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

Указываетъ на Іоанну.

Агнеса. Іоанна! Боже! умираетъ.

Герцогъ. Скончалась; улетѣлъ нашъ ангелъ; тихо,
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ и райскій міръ сіяетъ
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаетъ груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукѣ горячей.

Король. Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земнаго;
И съ высоты преображенный ангелъ
Не зритъ ни слезъ, ни угрызеній нашихъ.

Агнеса. Она жива; она глаза открыла.

Герцогъ. Иль хочешь въ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

Іоанна, *осматриваясь.*
Гдѣ я?

Герцогъ. Съ своимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Іоанна.

Король. Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

Іоанна, *долго смотрѣвъ неподвижными глазами.*
Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденьи;
Я не волшебница.

Король. Ты ангелъ чистый:
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ затмѣньи.

Іоанна, *осматриваясь съ веселою улыбкою.*
И такъ опять съ народомъ я моимъ;
И не отвержена; и не въ презрѣньи;
И не клянутъ меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой, мнѣ ввѣрилъ,
Его должна передъ Господній тронъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю; я ему не измѣнила.

Король, *отвративъ глаза.*
Подайте знамя... Вотъ оно; возьми.

Она беретъ его, подымается и стоитъ, ни къмъ не будучи поддерживаема; небо сіяетъ яркимъ блескомъ.

Іоанна. Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворены врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ — на перехъ вѣчный Сынъ —
Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она.
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мной?.. Мой тяжелый панцырь
Сталъ легкою крылатою одеждой...
Я въ облакахъ... Я мчуся быстротечно...
Туда... туда!.. земля ушла изъ глазъ...
Минута—скорбь, блаженство — безконечно.

Знамя выпадаетъ изъ рука ея, и она мертвая на него опускается; — всѣ стоятъ въ торжественномъ молчаніи. — Король подаетъ знакъ, и тихо склоняютъ на нее всѣ знамена, такъ что она совершенно ими закрыта.

Жуковскій.

КОМЕДІЯ

Ревизоръ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

Комната въ домѣ городничаго. Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ

Амм. Ѳед. (судья). Какъ, ревизоръ?

Арт. Филипп. (попеч. бог. зав.) Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Амм. Ѳед. Вотъ-те на!

Арт. Филипп. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ (см. уч.). Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, эдакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: „Любезный другъ, кумъ и благодѣтель“ (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: „спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ *я* знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ (*остановясь*) ну, здѣсь свои... „то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня...“ Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: „сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ. .“ и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Амм. Ѳед. Да обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (*испуская вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Амм. Ѳед. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватилъ! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ — пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Амм. Ѳед. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ; совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Арт. Филипп. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латыни, или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Арт. Филипп. О! на счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бы съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христ. Иванов., лѣкарь (*издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е*).

Городничій. Вотъ тоже я посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ не прилично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Амм. Ѳед. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдующій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода,—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ не помню чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говорилъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христ. Иванов. (*издаетъ тотъ же звукъ*).

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ—рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки; но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ—все взятки.

Амм. Ѳед. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы .. О, знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто

когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, что самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи... никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ эдакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю— это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству

Городничій. То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его; ну, покамѣстъ говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ—ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: «какъ хотите, для науки и жизни не пощажу».

Городничій. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую скроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: „А, вы здѣсь, голубчики! А кто“, скажетъ, «здѣсь судья? — Ляпкинъ-Тяпкинъ. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника. — А подать сюда Земляника»! Вотъ что худо!

Явленіе II.

Тѣ же и почтмейстеръ

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ Турками будетъ.

Амм. Ѳед. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтм. Право, война съ Турками. Это все Французъ гадитъ.

Город. Какая война съ Турками! просто, намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтм. А если такъ, то не будетъ войны съ Турками.

Городн. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтм. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городн. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ немножко. Купечество да гражданство меня смущаютъ. Говоритъ, что я имъ солоно пришелся; а я—вотъ ей Богу, если и взялъ съ

иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее... знаете, эдакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтм. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая!.. лучше, чѣмъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Городн. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однако жъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ, недавно, одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „жизнь моя, милый другъ, течетъ» говоритъ — «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» — съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите прочту?

Городн. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадается жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

Амм. Оед. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтм. Ахъ, батюшки!

Городн. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Амм. Оед. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Городн. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ вотъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и шасть...

ДѢЙСТВІЕ V.

Явленіе I.

Городничій, Анна Андреевна *) *и Марья Антоновна* **).

Городничій. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, каналство? Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ ни видѣлось — просто изъ какой нибудь городничихи и вдругъ, фу ты, каналство, съ какимъ дьяволомъ породнились!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ, я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Городн. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако жъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андревна! высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ порцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ! (*Входитъ квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! призови ка сюда, брать, купцовъ. Вотъ я ихъ канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ. Постойте жъ, голубчики! прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто

*) Городничиха.
**) Дочь городничаго.

только ходили бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что вотъ-дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! ужъ когда торжество, такъ торжество! *(Квартальный уходитъ.)*

Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ жъ мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться?

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натуральнo, что за городничество?

Городн. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андревна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно можно.

Городн. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ конечно голубую лучше.

Городн. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ, — лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ — стой городничій! Хе, хе, хе! *(залмвается и помираетъ со смѣху)*. Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городн. Что жъ, вѣдь слово не вредитъ!

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Городн. Да! тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и надо бы только эдакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ)*. Ахъ, какъ хорошо!

Явленіе VIII.

Тѣ же, гости и почтмейстеръ, въ попыхахъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

Почтм. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ не ревизоръ?

Почтм. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городн. Что вы, что вы, изъ какого письма?

Почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ—вижу: «въ Почтамтскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городн. Какъ же вы?...

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить съ эстафетой,—но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай, пропадешь, какъ курица!» а въ другомъ—словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай»! И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городн. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городн. Что жъ онъ по вашему такое?

Почтм. Ни се, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городн. (*запальчиво*). Какъ ни се, ни то? Какъ вы смѣете называть его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ...

Почтм. Кто? вы?

Городн. Да, я!

Почтм. Коротки руки!

Городн. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что и въ самую Сибирь законопачу!

Почтм. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь,—далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтм. (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіогноміи и по костюму весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшаюсь только, съ которой начать; думаю прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные, отъ смѣху ты бы умеръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ, городничій—глупъ, какъ сивый меринъ»....

Городн. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого!

Почтм. (*показывая письмо*). Читайте сами.

Городн. (*читаетъ*). «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали!

Почтм. Какъ же бы я сталъ писать?

Арт. Филипп. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтм. (*продолжая читать*). «Городничій—глупъ, какъ сивый меринъ»....

Городн. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтм. (*продолжая читать*). «Хм.... хм.... хм.... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ... (*оставляя читать*). Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городн. Нѣтъ, читайте!

Почтм. Да къ чему жъ?..

Городн. Нѣтъ чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Арт. Филипп. Позвольте, я прочитаю (*Надѣваетъ очки и читаетъ*). «Почтмейстеръ тоть-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также подлецъ, пьетъ горькую».

Почтм. (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Арт. Филипп. (*продолжая читать*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе.. и...и....» (*заикается*).

Коробкинъ. (*одинъ изъ гостей, отставной чиновникъ*). А что жъ вы остановились?

Арт. Филипп. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Кор. Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза (*беретъ письмо*).

Арт. Филипп. (*не давая письма*).

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Кор. Да позвольте, ужъ я знаю.

Арт. Филипп. Прочитать я и самъ прочитаю,—далѣе, право все разборчиво.

Почтм. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*). Читайте!

Арт. Филипп. (*отдаетъ письмо*). Вотъ позвольте... (*закрываетъ пальцемъ*) вотъ отсюда читайте (*всѣ приступаютъ къ нему*).

Почтм. Читайте, читайте, вздоръ, все читайте!

Кор. (*читая*). Надзирателю за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ».

Арт. Филипп. (*къ зрителямъ*). И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Кор. (*продолжая читать*). «Смотритель училищъ пропахнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ. (*къ зрителямъ*). Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Амм. Федор. (*въ сторону*). Славу Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ;

Кор. (*читая*). «Судья»....

Амм. Федор. Вотъ тебѣ на! (*вслухъ*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ, дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтм. Нѣтъ, читайте!

Арт. Филипп. Нѣтъ, ужъ читайте!

Кор. (*продолжаетъ*). «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ»... (*останавливается*). Должно быть, французское слово.

Амм. Федор. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а, можетъ быть, того еще хуже.

Кор. (*продолжая читать*). «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тяпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а отгуда въ деревню Подкатиловку (*переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тяпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворъ, въ 3-мъ этажѣ, направо".

Одна изъ дамъ. Какой репримантъ неожиданный!

Городн. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ, убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу, какія то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить его, воротить его! (*машетъ рукою*).

Почтм. Куда воротить! я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку, чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Амм. Ѳедор. Однако жъ, чортъ возьми, онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Арт. Филипп. У меня тоже триста рублей.

Почтм. (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобч. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Амм. Ѳедор. (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? какъ это въ самомъ дѣлѣ мы такъ оплошали?

Городн. (*бьетъ себя по плечу*). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ, выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести: мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обобрать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманухъ!... что губернаторовъ! (*махнувъ рукою*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!...

Городн. (*въ сердцахъ*). Обручился! кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изступленіи*). Вотъ

смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вотъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! мало того, что пойдетъ въ посмѣшище,— найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ, вы!.. (*Стучитъ со злости ногами объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да къ чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!... (*суетъ кулакомъ въ полъ*).

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*). До сихъ поръ не могу прійти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Арт. Филиппъ. (*разставивъ руки*). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то отемомилъ, чортъ попуталъ.

Амм. Ѳед. Да кто выпустилъ,— вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*)...

Бобчинскій. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Филиппъ. Конечно вы!

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали какъ сумашедшіе изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ“... Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Филиппъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами!

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятые, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Амм. Ѳед. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Арт. Филиппъ. Сморчки коротконюхіе (*всѣ обступаютъ ихъ*).

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы, вѣдь, первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ. Первые-то были вы.

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ.

(*Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи. Нѣмая сцена*).

Гоголь.

Гердъ И. Я. Катаніе на конькахъ и игры на льду. Съ 15 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к.

Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Съ біограф. и примѣч. А. Сосницкаго. 1885 г. Ц. 10 коп.

Дарвинъ. Образованіе почвеннаго слоя дождевымъ червемъ. Съ 15 пол. въ текстѣ. 1882. Ц. 1 руб.

Зиминъ. Охрана отъ пожаровъ. Ц. 30 к.

Ивановъ. Азбука минералогіи. 1884. Ц. 30 коп.

Казначеевъ. Ручные насосы. Ц 20 к.

Кернъ. Бесѣды о лѣсѣ. Ц. 15 к.

Кольбе. Учебникъ неорганической химіи, съ 62 рис. въ текстѣ. 2-е изданіе. 1882. Ц. 3 руб.

Конашевичъ. Опытъ систематизаціи ариѳметическихъ задачъ. Ц. 60 к.

Коровинъ. Идеалы и жизнь. 1885 г. Ц. 60 к.

Львовъ. Сѣрый армякъ. 1883. Ц. 1 р. 25 к.

Лунинъ. Полный учебникъ для фельдшеровъ. 3-е изданіе. 1884. Ц. 2 руб.

Лунинъ. Домашній врачъ. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лунинъ. Краткая общепонятная физіологія человѣка. Ц. 75 коп.

Максвелль. Теорія теплоты. 1883. Ц. 50 коп.

Мальцовъ. Справочная книга для инженеровъ, механиковъ и техниковъ. 1883. Вып. 1-й и 2-й. Ц. 3 р. 50 к.

Науманъ. Основныя ученія химіи. 1883. Ц. 2 руб.

Неплюевъ. Хлѣбъ насущный. 1883. Ц. 2 р.

Никитинскій. Монографія содоваго производства, съ таблицами чертежей. 1882. Ц. 3 руб.

— Котельная накипь. 1885 г. Ц. 2 р.

Петровъ. Краткое руководство по ситценепечатанію, съ 100 рис. въ текстѣ и 48 образцами ситцевъ. 1881. Ц. 2 р.

Петровъ и Никитинскій. Справочная книга для инженеръ-технологовъ. 1883. Ц. 1 р. 25 к.

Погожевъ. Фабричный бытъ Россіи и Германіи. 1882. Ц. 1 р.

Покровскій. Значеніе дѣтскихъ игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 коп.

Покровскій. Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. Матеріалы для медико-антропологическаго изслѣдованія. 1884. Ц. 6 р.

Постниковъ. Учебникъ физики съ 133 рис. въ текстѣ. 1883. Вып. 1-й. Ц. 1 руб.

Постъ. Основы технологіи. Вып. 1-й и 2-й. Ц. 2 руб.

Размадзе. Стихотворенія и музыкальныя иллюстраціи. Ц. 1 р. 25 к.

Ратцель. Земля. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Географическая книга для чтенія, съ 28 рис. въ текстѣ **Рекомендована ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.** 1882. Ц. 2 р.

Рело. Конструкторъ. Руководство къ проектированію машинъ. Ц. 8 руб.

Рытовъ. Учебникъ ботаники, съ атласомъ рисунковъ. 1879. Ц. 1 руб. 50 коп.

Л. П. Сабанѣевъ. Иллюстрированный Охотничій календарь. Цѣна 5 руб.

Сосницкій. Теорія словесности. 1884. Ц. 75 к.

— Русская хрестоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1885 г. Ц. 1 р. 75 к.

30

Тарасовъ. Руководство къ качественному химическому анализу. 1885. Ц. 75 к.

Тарасовъ. Наставленіе какъ оказывать помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Ц. 20 коп.

Тихомировъ. Курсъ фармакогнозіи. Вып. I. Ц. 2 р. 50 к.

Тумскій. Технологія нефти, съ атласомъ чертежей. 1884. Ц. 3 р.

Фрезеніусъ. Руководство къ качественному химическому анализу. Перев. съ 14-го нѣмецкаго изданія. Съ 47 рисунками въ текстѣ. 1881. Ц. 3 руб.

Н. Цабель. Руководство къ виноградарству. Съ атласомъ. 1 Ц. 3 руб.

Н. Цабель. Сперматологія, или ученіе о сѣменахъ. 1882. Ц. 2 руб.

Н. Цабель. Древесныя и кустарныя породы, разводимыя въ Россіи, съ указаніемъ степени ихъ выносливости. Составлено съ цѣлью содѣйствовать успѣшному разведенію древесныхъ насажденій и вызвать къ сообщенію о результатахъ опытовъ акклиматизаціи растеній. Изданіе Музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ 1884. Ц. 40 коп.

Н. Цабель. Курсъ общей ботаники. Растенія цвѣтковыя. 1885. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. Ц. 75 коп.

Цопфъ. Бактеріи. Пер. съ нѣм. подъ редакціей В. А. Тихомирова, доцента микологіи въ Московскомъ Университетѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе по Бернштейну. Ц. 60 коп.

Шеллингъ. Исторія изобрѣтенія и развитія электрическаго телеграфа. 1885. Ц. 1 р.

Краткій конспектъ греческой грамматики. Таблицы неправильныхъ формъ въ греческомъ языкѣ и управленіе словъ. Составилъ **Н. Ка—цкій.** Ц. 30 коп.

Тургеневъ И. С. и Толстой Л. Н. Разсказы для дѣтей. Ц. 2 р. 50 к.

Ростовская М. Разсказы изъ путешествій. Ц. 2 руб.

Владимірова А. Сказки и повѣсти для дѣтей отъ 8—12 лѣтъ Ц. 1 р. 50 коп.

Владимірова А. Книжка для малютокъ. Ц. 2 руб.

Архангельская. Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда Ц. 65 коп.

Архангельская. Зимнія сказки. Ц. 40 коп.

Альбомъ Задиры. Ц. 1 руб.

Изданія Ф. Ѳ. Павленкова, Д. Д. Полубояринова, К. Риккера, А. Девріена, Ф. Битепажа.

Печатаются:

Миллеръ. Анатомическія и физіологическія особенности дѣтскаго организма.

Тихомировъ. Курсъ фармакогнозіи. Вып. 2-й.

Магазинъ высылаетъ немедленно всѣ книги, публикованныя кѣмъ бы то ни было. На пересылку прилагается 10% номинальной цѣны для Европейской Россіи и 20% для Кавказа и Сибири.

20188 13817